ISSN 1998-0817

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 г.

2013 Том 19

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 1

январь - февраль

Учредитель
Костромской государственный университет
имени Н.А. Некрасова

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

4 **Азизов А.П., Сулейманов С.Ш., Исмаилов Г.К.**
Видовой состав и питание доминирующих видов рыб южного Абшеронского залива Каспийского моря

9 **Иванова Н.В., Шашков М.П., Грозовская И.С., Грозовский С.А.**
Находки редких видов травянистых растений на территории Родинского участкового лесничества (Межевской район, Костромская область)

12 **Ситников К.С.**
Влияние экологических факторов на особенности формирования биоморфы ольхи серой

14 **Белихов А.Б., Леготин Д.Л., Сухов А.К.**
Современные компьютерные модели распространения загрязняющих веществ в атмосфере

19 **Голубинский Е.Ю.**
Методика аналитического мониторинга качества информационно-аналитических материалов: основные этапы, структура мониторингой информации

24 **Долгов В.В., Акаев О.П., Озерова Т.И., Збигнев В.**
Исследование процесса конверсии карбоната кальция углекислотой под давлением

29 **Кирин Ю.П., Краев С.Л.**
Поддержка принятия решений в управлении конденсатором аппарата вакуумной сепарации губчатого титана

ФИЛОСОФИЯ

33 **Булдаков С.К.**
Модели развития европейской науки: от античности до нового времени

36 **Калустьянц Ж.С.**
Эффекты модерна и их значение для бытия общества

39 **Козырев М.С.**
Идеология в современном государственном регулировании социальных процессов в России

43 **Нартдинова С.С.**
Религиозная толерантность как онтологическая проблема

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

47 **Дзюбан В.В.**
Казачество как субкультура в современном российском обществе (к постановке проблемы на примере Брянского региона)

50 **Лебедев Н.А.**
Типизация логоса в логотипе

52 **Семенюк А.П.**
Учение о потенциальности В.В. Розанова

ЛИНГВИСТИКА

55 Галкина Н.П.
Типология строительных средств условных сложноподчинённых предложений в произведениях естественнонаучного цикла

59 Ганцовская Н.С.
К проблеме составления областных словарей (по следам переписки Г.Г. Мельниченко и А.В. Громова)

63 Заграевская Т.Б.
Социолексикографическая параметризация англоязычного афроэтносубъязыка в концепции Э. Партриджа

68 Магомедова У.А.
К вопросу о моделируемости фразеологических единиц

71 Михайлова Л.П.
Тюркский след в лексике севернорусских говоров (чежувина)

76 Мощева С.В.
Паронимическая аттракция как средство графической экспрессии (на материале текстов массмедиа)

79 Ростов О.Р.
Лексические маркеры жанра народных сборников В.И. Даля «Солдатские досуги», «Матросские досуги», «Два сорока бывальщинок»

83 Румянцева О.Н.
Лексика и фразеология, репрезентирующие личность монархов иных держав, в русской песенно-эпической поэзии

87 Клиенкова И.Б., Шубина Э.Л.
Вопросы изучения субстантивных словосочетаний (на материале швейцарского варианта немецкого языка)

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

93 Андреева В.Г.
Художественный мир книги очерков А.И. Эртеля «Записки Степняка»

97 Балашова Е.А.
Функционирование жанра идиллии в лирике XX–XXI веков

100 Голенчукова С.В.
Нравственно-философские истоки замысла романа «Дым» в письмах Тургенева 1853–1867 годов

103 Голотвина О.В.
К проблеме народного характера в творчестве Шолохова и Абрамова

106 Ёлшина Т.А.
Образы собора и башни как архетипические ключи к тайнам акмеизма

109 Котлов А.К.
Жанровые особенности «Степной книги» Олега Павлова

113 Маслова А.Г.
Мифопоэтика суточного времени в русской масонской поэзии XVIII века

117 Матросова Е.С.
К вопросу о способах формирования имиджа в творческом поведении В. Маяковского

121 Морозов Н.Г.
Образ пастыря-подвижника в рассказе Б.К. Зайцева «Священник Кронид»

124 Павлов А.В.
Мотивы поведения героя (по комедии А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся»)

127 Тихомиров В.В.
«Московские литературные и учёные сборники» (1846 и 1847 годов) в контексте русской литературной критики и журналистики 1840-х годов. Статья первая

132 Устинов А.В.
О художественном и беллетристическом направлениях в русском историческом романе

135 Чубукина О.В.
Своеобразие утопического компонента в русском романе XVIII века

ИСТОРИЯ

138 Абрамидзе Т.З.
Географические и исторические изыскания Вахушти Багратиони (1696–1784 гг.) в контексте грузинской эпохи XVIII века

143 Базанков А.М., Юинг Шерон Д., Юинг Джон М.
Американская «народная дипломатия» в России: Ленинград 1938 года глазами иностранцев

148 Горяев М.С., Команджаев А.Н.
Судопроизводство и право калмыков в последней трети XVIII – первой четверти XIX вв.

152 Кежутин А.Н.
Медицинские работники России в борьбе с сифилисом (на материалах общероссийской медицинской периодики 1894–1914 гг.)

155 Комиссаров П.А.
Канцелярское делопроизводство Костромской Духовной консистории в конце XIX – начале XX веков

161 Лобанов В.Б.
Гражданская война на юге России: военачальники Кавказской армии ВСЮР

163 Мухачев Н.В.
Откупа и акцизы при поставках крепких напитков в Верхнем Поволжье в XVIII – XIX вв.

166 Мязин Н.А.
Межэтнические конфликты в Великобритании в конце XX – начале XXI веков

170 Наградов И.С.
Костромская комиссия по расследованию деятельности старообрядцев-странников (1850–1851 гг.)

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

174 Батулина О.С.
Внедрение в работу Ивановского государственного объединенного историко-революционного музея элементов музейной педагогики при работе с детской аудиторией в 1980-х годах

176 Богун В.В.
Формирование практического мышления студентов вузов при исследовании свойств равнобедренных треугольников с использованием различных средств информатизации

181 Горшков А.А.
Изучение элементов фрактальной геометрии в школе как средство эстетического воспитания учащихся

185 **Мельникова В.Н.**
Развитие волонтерства как общественно-педагогического движения в XX веке
188 **Пушкарева Т.В., Мельникова В.Н.**
Волонтерство как добровольная благотворительная деятельность
190 **Секованов В.С., Миронкин Д.П.**
Изучение преобразования пекаря как средство формирования креативности студентов и школьников с использованием дистанционного обучения
195 **Спасенников В.В., Якименко Д.В.**
Междисциплинарные связи инженерной педагогики и инновационного менеджмента в развитии технического мышления студентов

ПОЛИТОЛОГИЯ
203 **Зайцев А.В.**
Публичная сфера как поле диалога государства и гражданского общества

СОЦИОЛОГИЯ
207 **Попова И.В., Касаткин А.А.**
Гражданский брак как социальная проблема

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ
210 **Бухарев А.В.**
Меры противодействия коррупции в свете новой концепции развития судебной системы
212 **Рощин Б.Е.**
Кодификация российского трудового законодательства в период осуществления новой экономической политики
217 **Саакян Д.О.**
О правоохранительной деятельности и правоохранительных органах в Российской Федерации
221 **Сиверская Л.А.**
Ведомственный процессуальный контроль за рассмотрением сообщения о преступлении

ЭКОНОМИКА
226 **Губин В.А.**
Фермерские хозяйства и кредитные организации в системе экономических отношений
229 **Ратькова А.Б.**
Стратегическое планирование как предпосылка успешного социально-экономического развития

232 **SUMMARY**

241 **ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ**

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

УДК 597.08.591.9

Азизов Афлатун Полад оглы
Институт Зоологии НАН Азербайджана, Баку
aflatunazizov@gmail.com
Сулейманов Сулейман Шакир оглы
Институт Зоологии НАН Азербайджана, Баку
suleyman.s@mail.ru
Исмаилов Гачай Кочари оглы
Институт Зоологии НАН Азербайджана, Баку
qachayismayilov@box.az

ВИДОВОЙ СОСТАВ И ПИТАНИЕ ДОМИНИРУЮЩИХ ВИДОВ РЫБ ЮЖНОГО АБШЕРОНСКОГО ЗАЛИВА КАСПИЙСКОГО МОРЯ

*Впервые представлен список ихтиофауны Южного Абшеронского залива Каспийского моря, включающий 33 вида рыб, относящихся к 9 семействам (19 морских видов рыб, 14 проходных и полупроходных). Приводятся краткие данные о характере распространения и численности отдельных видов для каждого из семейств. Отмечена тенденция расширения ареалов морских видов рыб (гасанкулинская сельдь (*Alosa braschnikowi kisselewitschi *Bulgakov), саринская сельдь (Caspialosa brashnikovi* sarensis *Mikhailovsky), большеглазая сельдь (*Alosa braschnikowi autumnalis *Berg), саринский пузанок (Alosa caspia knipowitschi Iljin) в северном направлении.*

Ключевые слова: *Южный Абшеронский залив, ихтиофауна, биоразнообразие, распределение, численность, доминантные виды, питание.*

В течение последних десятилетий в состоянии экосистем Каспия и в положении гидробионтов в них происходят значительные изменения [2; 13; 16; 18; 20; 21].

В море, к востоку от Абшеронского полуострова, много островов и рифов, которые являются продолжением полуострова и объединяются под общим названием Абшеронского архипелага [9, с. 158].

Бывший Абшеронский пролив между восточным берегом Абшеронского полуострова и западным берегом о. Пираллахи имел важное значение для судоходства, так как значительно сокращал путь судов. Однако с падением уровня Каспийского моря пролив обмелел, а после постройки Абшеронской дамбы он фактически превратился в два Абшеронских залива – Северный и Южный. Северный Абшеронский залив больше Южного (площадь 46,6 км^2 и 11,3 км^2 соответственно).

Исследованию видового состава ихтиофауны Каспийского моря посвящено значительное число работ, часть из которых имеет особую историческую значимость и до сих пор является основным источником информации о видовом составе и систематике рыб [4; 5; 6; 10; 15; 17].

Ихтиофауна Южного Абшеронского залива специально не исследовалась уже на протяжении многих десятилетий; существуют лишь немногочисленные работы, посвященные изучению бентоса северной части Абшеронского залива [1; 19].

Между тем, исследования ихтиофауны Южного Абшеронского залива представляют значительный интерес, поскольку этот участок моря имеет особое значение для сохранения разнообразия ихтиофауны всего Каспия.

Цель настоящей работы – на основании анализа исследованного материала уточнить видовой состав ихтиофауны и обобщить данные по численности, распределению, питанию, структуре популяций видов Южного Абшеронского залива Каспийского моря.

Материал собран в весенне-летний и осенний сезон 2010–2012 гг. в Южном Абшеронском заливе. Для получения более полной информации о видовом составе также анализировались уловы рыболовов-любителей и сведения работников рыбоохраны. Рыб отлавливали ставными сетями с ячеей от 10 до 70 мм и мальковой опытной волокушей с ячеей 6 мм. Отловы проводили на глубинах от 0,5 м до 11 м. При сборе и анализе материала использовали общепринятые в ихтиологических исследованиях методики [8; 11; 13].

Определение видовой принадлежности собранных рыб проводили по определителям Берга [4; 5; 6], Световидова [17], Казанчеева [10] и Коблицкой [11]. Биологическому анализу подвергли более 3,5 тыс. экз. рыб. Одновременно со сбором ихтиологического материала отбирали пробы зоопланктона и бентоса, а также производили фоновые наблюдения среды (характер дна, температура воды, уровень, прозрачность, pH, соленость и др.) (рис. 1).

Результаты и обсуждение. В период исследований 2010–2012 гг. в Южном Абшеронском заливе Каспийского моря были обнаружены рыбы 33 таксонов (19 видов морских рыб, 14 проходных и полупроходных). В таблице 1 приводится список ихтиофауны Южного Абшеронского залива с учетом последних таксономических и номенклатурных изменений [3; 7]. Ниже мы приводим краткие дан-

© Азизов А.П., Сулейманов С.Ш., Исмаилов Г.К., 2013

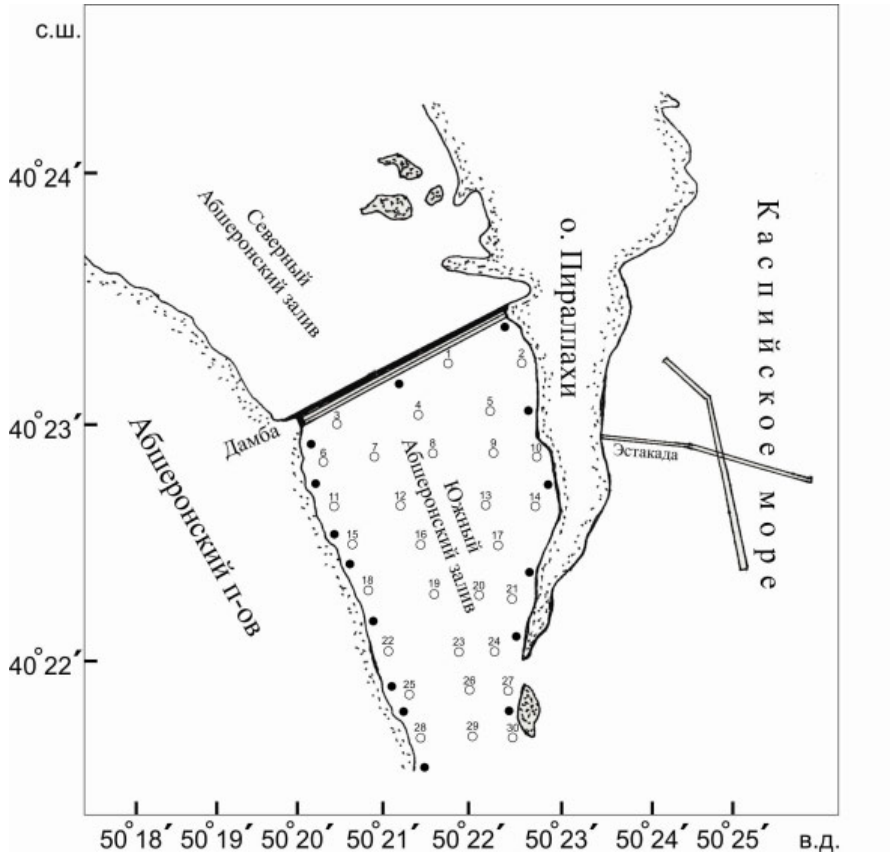


Рис. 1. Карта-схема разрезов и станции исследований в Южном Абшеронском заливе.
● – постоянные станции по разрезам;
○ – прибрежные (мелководья) станции.

ные о видовом составе и характере распространения видов для каждого из семейств.

Осетровые. За период исследований русский осетр, персидский (куринский) осетр и севрюга пойманы в одном ареале в южной части залива, среди них доминировал куринский осетр (63,6%). В уловах встречалась только молодь осетра и севрюги. Средние показатели абсолютной длины (TL) и массы (W) молоди куринского осетра равнялись 35,9 см и 280 г, русского осетра – 34,6 см и 16,5 г, а севрюги – 38,3 см и 180 г. соответственно.

Сельдевые – наиболее многочисленная группа рыб, которая составляет основу ихтиофауны изучаемого водоема. В данном водоеме в сетных уловах постоянно присутствуют каспийский пузанок, черноспинка, большеглазый пузанок и каспийская тюлька, а другие представители этого семейства – долгинская, аграханская, гасанкулинская, саринская, большеглазая и волжская сельди, саринский пузанок, анчоусовидная тюлька *C.engrauliformis* – встречались только в летние и осенние периоды и в основном в младшей возрастной группе. В видовом отношении доминировал каспийский пузанок (37,2), большеглазый пузанок (24,3), долгинская сельдь (16,4) и черноспинка (12,6%). Уловы каспийского пузанка представлены особями в возрасте от 1 до 4 лет, длина по Смитту (AC) 13,4–20,7 см, масса (W) 32,3–99,3 г, коэффициент упитанности по Фультону ($К_ф$) 0,61–1,83. В питании каспийского пузанка обнаруживаются, в основном, представители зоопланктона: *Eurytemora grimmi* (Sars G.O., 1897), *Calanipeda aquae-dulcis* (Kritschagin, 1873), *Heterocope caspia* (Sars G.O., 1897), *Halicyclops sarsi* (Akatova, 1935). В это время исследованные большеглазые пузанки имели возраст 1–5 лет, AC – 15,2–23,6 см, W – 49,4–119,3 г; $К_ф$ – 0,88–1,64. Большеглазый пузанок питается как рыбой (килькой и бычками), так и рачками, доля которых составляет 43,7 % от общего пищевого комка в желудке. Больше половины употребленных в пищу составляют рачки отряда мизид (*Paramysis loxolepis* (Sars G.O., 1895) и *Paramysis intermedia* (Czerniavsky, 1882) – 23%.

Долгинская сельдь в исследовательских сетных уловах была представлена особями AC – 14,6–35,5 см, W – 26,7–546,5 г; $К_ф$ – 0,77–1,34. По данным сетных уловов в 2010–2012 гг. популяция долгинской сельди состояла из особей в возрасте 2–6 лет. Надо отметить, что в заливе долгинская сельдь питается рыбами (родов *Clupeonella*, *Atherina*, *Neogobius*) и рачками (отрядов *Amphipoda*, *Mysida*, *Lophogastrida* и *Decapoda*). В посленерестовый период долгинская сельдь питается преимущественно килькой и бычками.

Таблица 1

Состав ихтиофауны Южного Абшеронского залива

№ n/n	Семейство, вид	Встреча-емость
I	**Сем. *Acipenseridae* – осетровые**	
1	*Acipenser gueldenstaedtii* (J. F. Brandt & Ratzeburg, 1833) – русский осетр	р
2	*Acipenser persicus* (Borodin, 1897) – персидский (куринский) осетр	+
3	*Acipenser stellatus* (Pallas, 1771) – севрюга	+
II	**Сем. *Clupeidae* – сельдевые**	
4	*Alosa braschnikowi braschnikowi* (Borodin, 1904) – долгинская сельдь	++
5	*Alosa braschnikowi agrachanica* (Mikhailovsky, 1941) – аграханская сельдь	+
6	*Caspialosa kisselevitschi* (Bulgakov, 1926) – гасанкулинская сельдь	р
7	*Caspialosa brashnikovi sarensis* (Mikhailovsky, 1941) – саринская сельдь	+
8	*Alosa braschinowii autumnalis* (Berg, 1915) – большеглазая сельдь	р
9	*Alosa caspia* (Eichwald, 1838) – каспийский пузанок	+++
10	*Caspialosa knipowitscha* (non Iljin, 1927) – саринский пузанок	р
11	*Alosa kessleri* (Grimm, 1887) – черноспинка	++
12	*Alosa saposchnikowii* (Grimm, 1887) – большеглазый пузанок	++
13	*Alosa volgensis* (Berg, 1913) – волжская сельдь	р
14	*Clupeonella cultiventris caspia* (Svetovidov, 1941) – каспийская тюлька	+
15	*Clupeonella engrauliformis* (Borodin, 1904) – анчоусовидная тюлька	р
III	**Сем. *Cyprinidae* – карповые**	
16	*Cyprinus carpio (*Linnaeus, 1758) – сазан	р
17	*Abramis brama* (Linnaeus, 1758) – лещ	р
18	*Alburnus chalcoides* (Güldenstädt, 1772) – каспийская шемая	+
19	*Aspius aspius taeniatus* (Eichwald, 1831) – красногубый жерех	р
20	*Rutilus caspicus* (Yakovlev, 1870) – вобла	++
21	*Rutilus frisii kutum* (Kamensky, 1901) – кутум	+++
22	*Vimba vimba persa* (Pallas, 1814) – каспийский рыбец	+
IV	**Сем. *Siluridae* – сомовые**	
23	*Silurus glanis* (Linnaeus, 1758) – обыкновенный сом	р
V	**Сем. *Mugilidae* - кефалевые**	
24	*Liza aurata* (Risso, 1810) – сингиль	+++
25	*Liza saliens* (Risso, 1810) – остронос	+
VI	**Сем. *Atherinidae* – атериновые**	
26	*Atherina boyeri caspia* (Eichwald, 1831) – каспийская атерина	+++
VII	**Сем. *Syngnathidae* – игловые**	
27	*Syngnathus caspius* (Eichwald, 1831) – каспийская рыба-игла	р
VIII	**Сем. *Percidae* - окуневые**	
28	*Sander lucioperca* (Linnaeus, 1758) – обыкновенный судак	р
IX	**Сем. *Gobiidae* – бычковые**	
29	*Neogobius melanostomus* (Pallas, 1814) – бычок-кругляк	++
30	*Neogobius gorlap* (Iljin, 1949) – каспийский бычок-головач	++
31	*Neogobius bathybius* (Kessler, 1877) – глубоководный бычок	+
32	*Neogobius caspius* (Eichwald, 1831) – хвалынский бычок	+
33	*Neogobius fluviatilis* (Pallas, 1814) – бычок-песочник	+

Черноспинка к мелководьям подходит редко. Иногда наблюдается массовый подход ее к западным побережьям Среднего Каспия, в том числе – Южного Абшеронского залива. В основном ее миграция происходит в отдалении от западных берегов моря. АС выловленных рыб была в пределах 17,4–41,5 см, W – 66,3–972,4 г; $К_ф$ – 1,02–1,69. Возрастная структура популяции черноспинки представлена пятью группами от 2 до 6 лет. Пищей черноспинки служат мелкие рыбы (родов *Clupeonella*, *Atherina*, *Neogobius*), а также молодь любых рыб; в меньшей степени питается ракообразными и личинками насекомых.

Надо отметить, что существенно расширился ареал гасанкулинской, саринской, большеглазой сельдей и саринского пузанка в западной части Среднего Каспия, в том числе – Южного Абшеронского залива.

Карповые распространены по всему водоему, но их наибольшее скопление обнаруживается в заиленных и илисто-ракушечных мелководных участках. В 2011–2012 гг. наблюдается резкое увеличение численности кутума и воблы. Но в настоящее время по числу особей в сетных уловах доминировали кутум (37,4%) и вобла (30,8%), а также в значительном количестве отмечены шемая (17,1%) и рыбец (10,3%). Уловы кутума 2010–2012 гг. представлены особями в возрасте от 2 до 4 лет. Стандартная длина (SL) – 17,5–37,4 см, W – 93,4–612,7 г; $К_ф$ – 1,12–1,93. Основными кормо-

выми объектами взрослого кутума являлись донные организмы, в основном моллюски (*Cerastoderma lamarcki* (Reeve, 1845), *Didacna trigonoides* (Pallas, 1771), *Hypanis semipellucida* (Logvinenko et Starobogatov, 1967), *Abra ovata* (Philippi, 1836), *Mytilaster lineatus* (Gmelin, 1791)) – 87%, среди которых доминировала сердцевидка. Также к основными кормовыми объектами взрослого кутума являлись рачки, среди которых доминировали бокоплавы (*Pontogammarus robustoides* (Sars, 1894), *Niphargoides obessus* (Sars, 1896), *Niphargoides similis* (Sars, 1894), *Echinogammarus ischnus* (Stebbing, 1898)) – 9,4%, креветки (*Palaemon adspersus* (Rathke, 1837), *Palaemon elegans* (Rathke, 1837)) – 3,3% и др.

Возраст исследованной воблы варьировал от 2 до 5 лет, SL – 13,2–23,0 см, W – 38,4–167,2 г; $К_ф$ – 1,31–2,39. В заливе сеголетки воблы питаются рачками, относящимися к различным отрядам. В пищевом комке у сеголеток были обнаружены остатки рачков таких семейств, как *Mysidae* – 26%, *Corophiidae* – 24%; таких отрядов, как *Amphipoda* – 16%, *Cumacea* – 11%, *Decapoda* – 9%; а также остатки моллюсков, из которых наиболее часто встречаются виды, относящиеся к родам *Dreissena*, *Didacna* и *Monodacna*. Взрослая вобла питается преимущественно моллюсками (*Dreissena elata* (Andrusov, 1897), *Dreissena caspia* (Eichwald, 1855), *C.lamarcki, D.trigonoides, A.ovata, M.lineatus*, *Hypanis angusticostata* (Borcea, 1926)), которые составляют 93,6 % от общего количества пищевого комка. По сравнению с сеголетками доля рачков в пищевом комке уменьшается в 13 раз и всего составляет 6,4%. Среди рачков в пище доминируют представители отряда корофид – 3,1%.

По нашим материалам в Южном Абшеронском заливе шемая чаще всего ловится в илисто-ракушечных мелководных участках. Исследованные рыбы имели возраст 2–4 г., SL – 16,2–26,4, W – 41,6–274 г; $К_ф$ 0,70–1,43.

Рыбец в заливе встречается повсеместно, особенно многочислен на участках, где дно богато растительностью и илистым грунтом. Весенне-летний улов представлен особями SL 15,0–21,7 см, W 58,5–181,3 г в возрасте 2–5 лет; $К_ф$ 1,22–2,11.

Доля леща, сазана и жереха составляла менее 5,0%.

Сомовые. В Южном Абшеронском заливе обыкновенный сом является весьма малочисленным. Этот вид отмечен только в северной части залива на илистых грунтах в младшем возрасте. Годовики достигают SL 28–40 см и средней W – 225 г.

Кефалевые – не аборигены Каспийского моря. Сеголетки и годовики двух видов – сингиля и остроноса – интродуцированы в 1930–1934 гг. из Черного моря. Акклиматизация прошла успешно [10]. В Южном Абшеронском заливе сингиль и остронос встречались в основном в весенне-летнем сезоне, причем особенно многочисленны на тех участках, где преобладают илистые грунты. Сингиль преобладает по численности (77,3%). Популяция сингиля состоит из особей 2–6-летнего возраста. Основу популяции (67,2 %) составляют рыбы в возрасте 3–4 лет. В сетных уловах популяция сингиля представлена длиной АС – 19,2–35,7 см, W – 147,7–628,9 г; $К_ф$ – 1,13–1,74. Размерный состав приловленного остроноса состоял из рыб АС – 14,6–26,5 см, W – 37–214 г; $К_ф$ – 0,96–1,47, относящихся к 3 возрастным группам (2, 3, 4).

В условиях залива излюбленных объектов питания у кефалей не выделено, их кормовая база мало подвержена сезонным и многолетним колебаниям, что служит основой поддержания численности популяции. Каспийские кефали интенсивно питаются почти круглый год независимо от сезона и функционального состояния и потребляют в пищу детрит (51,3 %), амфипод (*Pontogammarus maeoticus* (Sowinskyi, 1894), *P.robustoides, N.similis* и др.) – 27,6% и моллюсков (*M.lineatus, D.trigonoides, Didacna longipes* (Grimm, 1877), *A.ovata*) – 17,3% и другие организмы.

Атериновые. Каспийская атерина пелагическая, стайная. Распространена во всех прибрежных зонах залива. По численности среди непромысловых рыб залива занимает 1-е место.

Игловые. В заливе каспийская рыба-игла всегда была немногочисленна, тем не менее, в северной части залива она более распространена, чем в южной.

Окуневые. В Южном Абшеронском заливе обыкновенный судак *Sander lucioperca* является весьма малочисленным. Особи судака в нашей выборке (в экз.) имели SL – 21,0–26,5 см, W – 131,1–201,0 г; $К_ф$ – 1,08–1,63. В заливе пища судака состоит почти исключительно из рыб: бычки, кильки и атерина. Помимо рыбы, в состав его пищи входят ракообразные, главным образом, мизиды и креветки.

Бычковые. За период исследований в Южном Абшеронском заливе мы обнаружили 5 видов бычковых рыб (бычок-кругляк, каспийский бычок–головач, глубоководный бычок, бычок–песочник, хвалынский бычок). Самыми распространенными и преобладающими видами являлись бычок–кругляк и каспийский бычок–головач (30,4%). Хвалынский бычок составляет 16,7%, а остальные 2 вида – 7,2%.

По результатам сетных уловов в настоящее время (2010–2012 гг.) в Южном Абшеронском заливе обнаружено 19 видов морских рыб, 14 проходных и полупроходных. Доминирующими видами являются каспийский пузанок, сингиль, каспийская атерина и кутум. В Южном Абшеронском заливе кормовые объекты рыб в различных биоценозах в основном представлены моллюсками и рачками: бо-

коплавами, креветками и мизидами. Изобилие пищи и видовое разнообразие кормовых объектов ничем не уступает Южному Каспию и создает благоприятные условия для роста и развития рыб залива и получения рыбной продукции на высоком уровне.

Библиографический список

1. *Агамалиев Ф.Г., Сулейманова И.А.* Новые данные по фауне инфузорий микробентоса Северного Абшеронского залива и прилегающих островов Каспийского моря // Зоологический журнал. – 2004. – № 1. – С. 5–11.

2. *Азизов А.П.* Структурно-функциональная характеристика популяции *A.leptodactylus* Esch. на западном шельфе Азербайджанского сектора Каспийского моря // Тр. Азербайджан. зоол. общ-ва. Т. 1. – Баку: Элм, 2008. – С. 417–421.

3. Атлас пресноводных рыб России / Под ред. Ю.С. Решетникова. В 2 т. – М.: Наука, 2002. – Вып. 2. – 379–253 с.

4. *Берг Л.С.* Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – Ч. 1. – 466 с.

5. *Берг Л.С.* Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – Ч. 2. – 456 с.

6. *Берг Л.С.* Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. – Ч. 3. – 402 с.

7. *Богуцкая Н.Г., Насека А.М.* Каталог бесчелюстных и рыб пресных и солоноватых вод России с номенклатурными и таксономическими замечаниями. – М.: Т-во науч. изд. КМК, 2004. – 389 с.

8. *Гончаров А.П.. Сметанин М.М.* Способ объективного определения возраста и изучения роста рыб по чешуе // Инф. Бюл. ИБВВ. – 1974. – № 22. – С. 63–67.

9. *Гюль К.К.* Каспийское море. – Баку: Азнефтеиздат., 1956. – 325 с.

10. *Казанчеев Е.Н.* Рыбы Каспийского моря. – М.: Изд-во «Легкая и пищевая промышленность», 1981. – 168 с.

11. *Коблицкая А.Ф.* Определитель молоди пресноводных рыб. – М.: Изд-во «Легкая и пищевая промышленность», 1981. – 208 с.

12. Методическое пособие по изучению питания и пищевых взаимоотношений рыб в естественных условиях. – М.: Наука, 1974. – 254 с.

13. *Панин Г.Н., Мамедов Р.М., Митрофанов И.В.* Современное состояние Каспийского моря. – М.: Наука, 2005. – 356 с.

14. *Правдин И.Ф.* Руководство по изучению рыб. – М.: Пищ. Пром-ть, 1966. – 376 с.

15. *Рагимов Д.Б.* Бычковые рыбы Каспийского моря (систематика, экология, значение): Рукопись докт. диссер. – Баку. 1991. – 640 с.

16. *Сапожников В.В.. Метревели М.П., Мордасова Н.В.* Современное состояние экосистемы Каспийского моря и прогнозы дальнейших изменений // Проблемы сохранения экосистемы Каспия в условиях освоения нефтегазовых месторождений. Мат. IV межд. Н./п. конференции. Астрахань, 2011. – С. 206–209.

17. *Световидов А.Н. Сельдевые* (*Clupeidae*) – Фауна СССР. – М.; Л.; Изд-во АН СССР, 1952. – Т. 2. – Вып. 1. – 331 с.

18. *Судаков Г.А., Власенко А.Д., Ходоревская Р.П.* Состояние запасов водных биологических ресурсов Каспийского бассейна и меры по их сохранению в условиях развития нефтедобычи // Проблемы сохранения экосистемы Каспия в условиях освоения нефтегазовых месторождений. Мат. III Межд. н/п. Конференции. – Астрахань, 2009. – С. 200–204.

19. *Сулейманова И.А.* Видовой состав, распределение и динамика развития макрозообентоса Северного Абшеронского залива Каспийского моря // Тр. Ин-та Зоологии НАН Азербайджана. Т. XXVIII. – Баку: Элм, 2006. – С. 855–864.

20. *Сулейманов С.Ш., Гаджиев Р.В., Ахундов М.М.* Экологическое состояние сельдей на западном побережье Среднего и Южного Каспия // Рыбохозяйственные исследования на Каспии: Результаты НИР за 2005 г. – Астрахань: Изд-во КаспНИРХ, 2006. – С. 302–308.

21. *Bilio M., Niermann U.* Is the comb helly really to blame for it all *Mnemiopsis leidyi* and the ecological concern about the Caspian Sea // Marine Ecology Progress Series. – 2004. – Vol. 269. – P. 173–183.

УДК 581.9

Иванова Наталья Владимировна
Институт математических проблем биологии РАН, гор. Пущино Московской обл.
natalya.dryomys@gmail.com
Шашков Максим Петрович
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, гор. Пущино Московской обл.
max.carabus@gmail.com
Грозовская Ирина Сергеевна
Институт физико-химических и биологических проблем почвоведения РАН, гор. Пущино Московской обл.
irinagrozovskaya@rambler.ru
Грозовский Сергей Александрович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
sergeygrozovskiy@rambler.ru

НАХОДКИ РЕДКИХ ВИДОВ ТРАВЯНИСТЫХ РАСТЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РОДИНСКОГО УЧАСТКОВОГО ЛЕСНИЧЕСТВА (Межевской район, Костромская область)

В статье приводится характеристика мест обитания редких видов травянистых растений, обнаруженных в бассейне рек Мичуг и Черная (Родинское участковое лесничество, Межевской район Костромской области).

Ключевые слова: *краснокнижные виды, местообитания, южная тайга, малые реки.*

Важным элементом рационального лесопользования является сохранение при рубках леса мест обитания редких видов, т.е. видов, охраняемых через международные конвенции, либо внесенных в Красную книгу Международного союза охраны природы, Красную книгу России или в Красные книги субъектов РФ [4, с. 18]. Первым этапом работ по сохранению редких видов при лесопользовании является инвентаризация мест их обитания.

Костромская область до настоящего времени остается недостаточно изученной во флористическом отношении. История изучения и современное состояние флоры Костромского края описаны в ряде работ [1; 2; 7; 8].

В 2003 году в окрестностях пос. Центральный Межевского района Костромской области (Родинское участковое лесничество) в рамках проекта института ALTERRA (Нидерланды) по созданию сети ООПТ Костромской области сотрудниками научных и природоохранных организаций были проведены исследования по выявлению малонарушенных участков лесов.

В ходе этих работ были выявлены места обитания видов, нуждающихся в охране на территории Костромской области. Тем не менее, список редких видов этой территории не был опубликован, гербарные материалы не собраны.

Нами была поставлена задача: восполнить этот пробел и провести дополнительные исследования.

В августе 2012 года на территории Родинского участкового лесничества в бассейне реки Мичуг в окрестностях нежилого поселения Троицкое и в пойме левого берега реки Черная нами были проведены геоботанические исследования. Лесные сообщества на исследованной территории представлены в основном средневозрастными сосняками, расположенными в междуречье Мичуга и Черной, а также березняками – в левобережной части бассейна Мичуга. Осинники занимают небольшую площадь и приурочены к малодоступным участкам на северо-востоке Родинского лесничества на границе с Вологодской областью. Небольшие участки еловых лесов сохранились в поймах Мичуга и Черной, преимущественно вдоль ручьев.

В результате проведенных исследований подтвержден ряд флористических находок 2003 года, а также обнаружены местообитания видов растений, внесенных в Красную книгу Российской Федерации (далее по тексту – ККРФ) и Красную книгу Костромской области (далее по тексту КККО), ранее не указанные для Межевского района.

Достоверность определения видов подтверждена к.б.н. А.В. Немчиновой, названия указаны в соответствии со сводкой С.К. Черепанова (Черепанов, 1995). Собранные гербарные материалы переданы в фонд лаборатории Устойчивости лесных экосистем КГУ им. Н.А. Некрасова.

Типы леса определены на основе эколого-ценотического подхода по методике, предложенной Л.Г. Ханиной с соавторами [9].

Семейство *Polipodiaceae* – Многоножковые

Rhizomatopteris sudetica (A. Br. & Milde) A. Khokhr. Пузырник судетский. Категория в КККО 4. В Костромской области обитает только в Межевском районе [5, с. 43].

Пузырник был обнаружен нами в ельниках, высокотравном и чернично-хвощовом зеленомошном, а также в окне в пологе леса в березово-ельнике высокотравном. Координаты находок: N59°07'41.9" E45°07'32.9", N59°07'40.8" E45°07'35.9", N59°08'32.9" E45°06'59.8". Здесь и далее система координат WGS 84.

Семейство *Athyriaceae* – Кочедыжниковые

Diplazium sibiricum (Turcz. ex G. Kunze) Kurata. Орлячок сибирский. Категория в КККО 1 (вид, на-

© Иванова Н.В., Шашков М.П., Грозовская И.С., Грозовский С.А., 2013

ходящийся под угрозой исчезновения). Находки *D.sibiricum* ранее были сделаны на территории Вохомского, Октябрьского, Межевского, Кологривского и Павинского районов [1, с. 42; 5, с. 44].

Наши находки подтверждают данные о произрастании *D.sibiricum* в бассейне реки Мичуга. На исследованной территории *D.sibiricum* отмечен в окнах и в разреженных еловых лесах (часто с участием березы) высокотравных, бореально-мелкотравных, черничных, хвощовых, зеленомошных, а также в березняке с участием ели чернично-бореально-мелкотравном. Координаты находок: N59°07'32.3'' E45°07'43.2'', N59°08'31.9'' E45°7'33.7'', N59°07'00.7'' E45°08'16.3'', N59°08'43.8'' E45°07'27.3'', N59°07'01'' E45°08'18.5'', N59°07'10.6'' E45°08'26.7'', N59°07'11.4'' E45°08'27.4'', N59°07'42.1'' E45°07'37.1'', N59°07'37.8'' E45°07'38.4'', N59°07'16.1'' E45°08'07.4'', N59°09'28.6'' E45°07'38.1", N59°09'48" E45°07'30.8".

Семейство *Lycopodiaceae* – Плауновые

Huperzia selago (L.) Bernh. ex Schrank & C. Mart. Баранец обыкновенный. Категория в КККО 3, редкий вид. Согласно П.И. Белозёрову, встречается спорадически практически по всей области [1, с. 16; 5, с. 51].

Наша находка подтверждает данные о произрастании баранца в бассейне реки Мичуга. Вид был встречен в ельнике высокотравном, березняке с елью бореально-мелкотравном, а также в ельнике с участием березы чернично-бореально-мелкотравном. Координаты находки: N59°07'15.6" E45°08'09.1".

Семейство *Gramineae* – Злаки

Cinna latifolia (Trev.) Griseb. Цинна широколистная. Категория в КККО 3, редкий вид. В Костромской области находки *C.latifolia* приурочены к территории Буйского, Октябрьского, Кологривского и Шарьинского районов [1, с. 131; 5, с. 63].

На территории Межевского района находки цинны ранее не документированы. Нами вид зафиксирован один раз в ельнике высокотравном приручьевом. Координаты находки: N59°07'13.9" E45°08'26.4".

Семейство *Orchidaceae* – Ятрышниковые

Cypripedium calceolus L. Башмачок настоящий. Категория в ККРФ 3 б, г – редкий вид. Категория в КККО 3, редкий вид. В Костромской области встречается в Вохомском, Октябрьском, Галичском, Солигаличском, Костромском, Кологривском, Шарьинском, Поназыревском, Макарьевском и Мантуровском районах [1, с. 112; 6, с. 363–364; 5, с. 95].

На территории Межевского района находки башмачка ранее не документированы. Места обитания вида, по нашим данным, для Межевского района, – приручьевые разреженные ельники высокотравные и хвощово-высокотравные, а также черничные. Кроме того, башмачок был встречен в березово-еловом высокотравном лесу, приручьевом березняке с участием сосны, смешанном осиново-елово-березовом бруснично-неморальном лесу. В сырых местах обитания *C.calceolus* отмечен в сфагновой тростниковой редине с таволгой и хвощом приречным, а также на сплавине в пойме реки Черной. Координаты находок: N59°09'35.5" E45°07'30.1'', N59°07'11.1'' E45°08'21.8'', N59°07'07" E45°08'02.8", N59°08'35.2" E45°07'32", N59°07'43.6" E45°07'26.4", N59°07'25" E45°04'34", N59°07'42.2'' E45°07'30.9'', N59°07'42.1'' E45°07'32.5'', N59°07'41.9'' E45°07'33.5'', N59°07'42.4'' E45°07'35.7'', N59°07'20.9'' E45°07'54.2'', N59°07'40'' E45°07'36.7'', N59°08'30.6" E45°07'21.5".

Listera ovata (L.) R. Br. Тайник яйцевидный. Категория в КККО 3, редкий вид. По данным П.И. Белозёрова, встречается изредка во всех районах Костромской области [1, с. 113; 5, с. 107].

Наша находка подтверждает данные о произрастании тайника на территории Межевского района. *L.ovata* отмечен в разреженном приручьевом ельнике высокотравном. Координаты находки: N59°07'07.1" E45°08'03.8".

Семейство *Ranunculaceae* – Лютиковые

Actaea erythrocarpa Fisch. Воронец краснoплодный. Категория в КККО 3, редкий вид. В Костромской области встречается в Кологривском, Буйском, Галичском и Шарьинском районах [1 с. 22; 5, с. 122].

На территории Межевского района находки воронца ранее не документированы. Нами вид был встречен в высокотравной пойме реки Мичуга, а также в березняке со вторым ярусом ели высокотравно-крупнопапоротниковом. Координаты находок: N59°07'16" E45°08'24.8".

Atragene sibirica L. Княжик сибирский. Категория в КККО 3, редкий вид. На территории Костромской области был встречен в Вохомском, Буйском, Октябрьском, Межевском, Солигаличском, Чухломском, Кологривском, Шарьинском, Пыщугском, Павинском, Поназыревском и Мантуровском районах [1, с. 23; 5, с. 124].

Наши находки подтверждают данные о произрастании княжика сибирского в бассейне реки Мичуга. *A.sibirica* приурочен как к пойменным, так и к водораздельным лесным сообществам. Княжик был встречен в еловых высокотравных, бореально-мелкотравных, черничных лесах, а также в березняках бореально-мелкотравных, бореально-неморальных и вейниковых, в смешанном осиново-березовом с участием сосны бореально-неморальном лесу, в сосняке с елью и березой черничном. Координаты находок: N 59°09'48.2" E45°07'42.7", N 59°07'56" E45°07'50.1", N59°07'55.9" E45°07'51.5", N59°07'55.9" E45°07'51.5", N59°07'55.9" E45°07'51.5", N59°07'55.9" E45°07'51.5", N59°07'55.9" E45°07'51.5".

Ranunculus propinquus C.A. Mey. Лютик северный. Категория в КККО 3, редкий вид. В Костром-

ской области встречается в Кологривском и Костромском районах [1, с. 25; 5, с. 131].

На территории Межевского района находки лютика ранее не документированы. Нами встречен 4 раза в высокотравных ельниках, а также был отмечен на квартальной просеке между кв. 12 и 13 на влажной лесовозной дороге. Координаты находок: N59°07'55.9" E45°07'51.5", N59°07'55.9" E45°07'51.5", N59°07'55.9" E45°07'51.5".

Семейство *Rosaceae* – Розоцветные

Rubus humulifolius C.A. Mey. Малина хмелелистная. Категория в ККРО 3, редкий вид. На территории Костромской области ранее отмечена в Вохомском, Октябрьском, Межевском, Кологривском, Шарьинском, Пыщугском, Павинском, Поназыревском и Парфеньевском районах [1, 5, с. 136].

Наши находки подтверждают данные о произрастании малины хмелелистной в бассейне реки Мичуга. Местообитания зафиксированы в ельниках (часто с участием березы) высокотравных, хвощово-малинохмелелистных сфагновых, папоротниво-злаковых, мертвопокровных, а также в березово-осиновом черничном лесу. Координаты находок: N59°07'1.6" E45°08'22.3", N59°07'09.3" E45°08'27.2", N59°07'45.2" E45°07'24.2", N59°07'34.1" E45°07'45.3", N59°07'27.8" E45°07'52.2", N59°09'37.1" E45°07'23", N59°09'39.8" E45°07'15.5".

Семейство *Compositae* – Сложноцветные

Cacalia hastata L. Недоспелка копьелистная. Категория в ККРО 3, редкий вид. По данным П.И. Белозёрова, изредка встречается по всей территории Костромской области [1, с. 100; 5, с. 174].

Вид отмечен нами в на участках безлесной поймы реки Мичуга: страусниково-таволгово-крапивном, диплазиево-малиновом, а также в склоновых ельниках крупнопапоротниковом и высокотравном, в ельнике папоротниково-злаковом на берегу реки Мичуга. Координаты находок: N59°07'14.2'' E45°08'25.5'', N59°09'29.5'' E45°07'31.7'', N59°08'52.6'' E45°07'21.3'', N59°07'16'' E45°08'04.7'', N59°06'52.7'' E45°07'41.7'', N59°08'22.1" E45°06'21.2", N59°08'26.1" E45°06'22" N59°08'57.3" E45°06'29.4".

Crepis sibirica L. Скерда сибирская. Категория в ККРО 3, редкий вид. На территории Костромской области встречается в Вохомском, Межевском, Солигаличском, Чухломском, Кологривском и Шарьинском районах [1, с. 105; 5, с. 173].

Нами на исследованной территории скерда отмечена 2 раза: в диплазиево-малиновой пойме реки Мичуга и в склоновом ельнике высокотравном.

Lichenophyta – Лишайники

Lobaria pulmonaria (L.) Hoffm. Лобария легочная (Категория в ККРФ 2 б, вид, сокращающийся в численности в результате изменения условий существования, разрушения местообитаний и сбора; категория в ККРО 3, редкий вид). В Костромской области ранее отмечена на территории Вохомского, Кологривского, Межевского, Павинского, Парфеньевского, Пыщугского, Чухломского и Шарьинского р-нов [6, с. 715–716; 5, с. 207; 3, с. 24–25].

На исследованной территории лобария встречалась в широком по экологическим условиям спектре лесных сообществ: ельниках высокотравных и черничных, осинниках высокотравных, черничных и бореально-мелкотравных, березняках черничных, сосняках черничных. Кроме того, лишайник отмечен в молодом (около 30 лет) ивняке высокотравном, образовавшемся, по всей видимости, в результате зарастания дороги для вывоза леса.

Всего на исследованной территории было обнаружено 30 деревьев – носителей лобарии. 60% находок были расположены на стволах осины, 30% отмечены на иве козьей, на березе лобария встречалась в 7% случаев, остальные находки (3%) сделаны на стволах рябин.

Координаты находок: N59°09'41.6'' E45°07'13.7'', N59°08'9.7'' E45°07'59.2'', N59°07'56.4'' E45°07'52.2'', N59°08'26.7'' E45°06'22.8'', N59°07'13.6'' E45°08'29.3'', N59°08'36'' E45°06'24.7'', N59°08'32.6'' E45°07'20.6'', N59°08'39.8'' E45°07'21.8'', N59°07'22.8'' E45°04'34.5'', N59°7'24.9'' E45°04'34.2'', N59°07'56.2'' E45°07'41.3'', N59°07'31'' E45°07'49.8'', N59°07'27.8'' E45°07'54.2'', N59°07'28.6'' E45°07'54.7'', N59°07'30.9'' E45°07'49.7'', N59°08'53.4'' E45°06'27.2'', N59°10'12'' E45°11'14.1'', N59°10'11.9'' E45°11'19.1'', N59°09'30.7'' E45°07'32.7'', N59°08'26.3'' E45°07'21.5'', N59°08'26.8'' E45°07'20.4'', N59°07'25.4'' E45°04'34.5'', N59°07'33.6'' E45°07'45.9'', N59°07'32.6'' E45°07'45.9'', N59°07'31.7'' E45°07'44.9", N59°07'55.9" E45°07'51.5".

Работа выполнена при финансовой поддержке Программы №4 Президиума РАН. Авторы выражают благодарность Даутову Раису Мударисовичу за помощь в организации полевых работ и предоставленные материалы и к.б.н. Немчиновой Анне Викторовне за проверку правильности определения видов.

Библиографический список

1. *Белозёров П.И.* Флора Костромской области: монография / отв. ред. В.В. Шутов, Г.Ю. Макеева. – Кострома: Изд-во КГТУ, 2008. – 197 с.

2. *Грозовская И.С., Иванова Н.В., Грозовский С.А., Шашков М.П.* К флоре редких видов Поветлужья (Костромская область) // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – Т. 17. – № 5–6. – 2011. – С. 32–35.

3. *Иванова Н.В.* Особенности распространения лобарии легочной в Костромском Заволжье // Актуальные проблемы биологии и экологии: материалы докладов XVIII Всероссийской молодежной научной конференции (Сыктывкар, р-ка Коми, Рос-

сия, 4–8 апреля 2011 г.). – Сыктывкар, 2011. – С. 24–25.

4. *Карпачевский М.Л.* Законодательные инструменты для сохранения биологического разнообразия при рубках леса. // Устойчивое лесопользование. – 2007. – № 1 (13). – С. 18–23.

5. Красная книга Костромской области / Под ред. ДПР Костромской области. – Кострома, 2009. – 387 с.

6. Красная книга Российской Федерации (растения и грибы) / Министерство природных ресурсов и экологии РФ; Федеральная служба по надзору в сфере природопользования; РАН; Российское ботаническое общество; МГУ им. М.В. Ломоносова; Гл. редколл.: Ю.П. Трутнев и др.; Сост. Р.В. Камелин и др. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2008. – 855 с.

7. *Прилепский Н.Г.* К истории ботанического изучения Костромской области (губернии): XVIII век – 20е годы XX века // Бюлл. МОИП. Отд. Биол. – 1992. – Т. 97. – Вып. 5. – С. 118–128.

8. *Прилепский Н.Г.* К истории ботанического изучения Костромской области (с 20-х годов XX века до наших дней) // Бюлл. МОИП. Отд. Биол. – 1992. – Т. 97. – Вып. 6. – С. 125–135.

9. *Ханина Л.Г., Смирнов В.Э., Бобровский М.В.* Новый метод анализа лесной растительности с использованием многомерной статистики (на примере заповедника «Калужские засеки») // Бюл. МОИП. Отд. биол. – 2002. – Т. 107. – № 1. – С. 40–48.

10. *Черепанов С.К.* Сосудистые растения России и сопредельных государств. – СПБ.: Мир и семья, 1995. – 90 с.

УДК 58

Ситников Константин Сергеевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
snipe301@rambler.ru

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ БИОМОРФЫ ОЛЬХИ СЕРОЙ

В статье освещается вопрос влияния абиотических, биотических и антропогенных факторов на морфогенез ольхи серой (Alnus incana L.). Рассматриваются особенности развития особей в типичных условиях произрастания, а также процессы формирования ксилоризомов ольхи серой.

Ключевые слова: *ольха серая, полиморфизм, морфогенез, условия произрастания, корнеотпрысковый вид.*

Вопрос разнообразия жизненных форм ольхи серой ранее поднимался в работах некоторых авторов [1; 2]. Однако влияние условий произрастания на типологию биоморф исследованы недостаточно. Влияние специфики условий произрастания на морфогенез позволяет прогнозировать развитие у растений определённых свойств, представляющих хозяйственную ценность.

Исследование проводилось в 2009–2012 гг. в пяти районах Костромской области (Костромском, Кологривском, Красносельском, Нерехтском, Островском), а также в Боровском районе Калужской области.

За всё время работы было исследовано 124 колонии (куртины), содержащие генеративные особи ольхи серой и 52 особи в прегенеративном периоде онтогенеза. Выборочно производились геоботанические описания (в количестве 39), в ходе которых кратко характеризовались почвенные условия, микрорельеф, фиксировался перечень видов для последующего определения эколого-ценотических условий, определялась сомкнутость крон для выявления степени освещённости на уровне травянистого яруса.

Типы биоморф ольхи серой, их краткая характеристика. Вслед за рядом авторов установлено, что обычным типом жизненной формы для ольхи серой является куртинообразующее (корнеотпрысковое) дерево. В состав куртины входят корневые отпрыски, представленные одноствольными, порослеобразующими и многоствольными деревьями.

Формирование одного из вариантов жизненной формы полностью заканчивается в молодом генеративном (G1) онтогенетическом состоянии особи. При этом образуется куртина, в центре которой находится дерево (одноствольное или порослеобразующее) или дерево-куст (немногоствольный или многоствольный) [5, с. 11–15].

Формирование всех типов биоморф, кроме одноствольного дерева, происходит за счёт пробуждения спящих почек при основании ствола на разных этапах онтогенеза, либо вследствие развития дополнительных побегов на ксилоризомах.

Так, порослеобразующее дерево формируется в случае, если спящие почки пробуждаются в виргинильном или генеративных (G1-G2-G3) онтогенетических состояниях, а дерево-куст – в случае пробуждения спящих почек или возникновении побегов на ксилоризомах в ювенильном или имматурном состояниях онтогенеза.

В конце прегенеративного этапа онтогенеза ольха серая начинает формировать корневые отпрыски. Количество отпрысков в составе одной коло-

 © Ситников К.С., 2013

нии может варьировать в широких пределах от полного отсутствия (в исключительных случаях) до нескольких сотен (315).

Каждый тип биоморфы характеризуется определённым типом распределения биомассы. В случае одноствольного дерева значительная её часть представлена древесиной, сосредоточенной в мощном стволе. При образовании немногоствольного дерево-куста каждый из стволов в среднем тоньше, чем у одноствольного дерева, в то время как многоствольный дерево-куст обладает значительным количеством наиболее тонких стволов. Также в ходе работы было обнаружено, что в колониях со значительным количеством корневых отпрысков диаметр ствола материнского дерева в среднем меньше, чем в куртинах, произрастающих в схожих условиях, но обладающих меньшим количеством отпрысков.

Различные типы распределения биомассы могут иметь разное хозяйственное значение. Для получения деловой древесины предпочтительны толстые и высокие стволы, характерные для одноствольной биоморфы. В то же время для почвоудержания и получения фитомассы, которая может быть использована для расширения кормовой базы опытных лосеводческих хозяйств [4], более ценными можно считать куртины, образованные многоствольными деревьями, имеющими в составе значительное количество корневых отпрысков повышенной жизненности.

Зависимость биоморфы от различных факторов. В ходе исследования было установлено, что набольшее влияние на тип биоморфы оказывают изменения микрорельефа, повреждение органов растения вследствие воздействия антропогенных и зоогенных факторов, а также освещённость.

При исследовании взаимосвязи типа биоморфы с почвенными условиями была обнаружена обратная зависимость интенсивности образования корневых отпрысков от глубины залегания корней ольхи серой. При увеличении слоя аллювиальных наносов до 10 см, количество корневых отпрысков снижается до 3–5 на особь, а при достижении слоя аллювия в 25 см корневые отпрыски не образуются вовсе. При истончении слоя почвы, покрывающего корневую систему и последующем обнажении корней вследствие вымывания почвы, наблюдается обратная картина – интенсивность образования корневых отпрысков резко возрастает, достигая 80–90 на особь.

Действие водных потоков также способствует образованию ксилоризомов ольхи серой. При половодье достаточно часто происходит полегание ювенильных и имматурных особей ольхи, произрастающих на пойменных лугах. Частицы аллювия и уложенная течением прошлогодняя трава способствуют удержанию стволика в горизонтальном положении. Побег теряет листву, в то время как почки образуют ортотропные побеги в количестве от 1 до 8. Впоследствии формируется дерево-куст.

Реже, по причине вымывания почвы водой с последующим действием ветра, могут выпадать крупные стволы ольхи серой. В случае сохранения контакта значительной части корневой системы с почвой, ствол принимает на себя функцию ксилоризома. Верхушка дерева продолжает плодоносить, в то время как на основании и средней части ствола происходит формирование новых побегов с имматурными признаками. Таким образом происходит приспособление дерева к новым условиям.

Если во время вымывания почвы происходит лишь обнажение корневой шейки материнского дерева, то увеличивается вероятность формирования порослеобразующего дерева. В аналогичной ситуации, но на более ранних этапах онтогенеза увеличивается вероятность развития жизненной формы «немногоствольный дерево-куст».

Наибольшее количество корневых отпрысков в составе куртины наблюдается в тех случаях, когда к вымыванию добавляется фактор травматизации корней, вследствие влияния антропогенного и зоогенного факторов. В результате такого комплексного воздействия происходит разрастание каллуса и активизация придаточных почек вследствие чего увеличивается количество корневых отпрысков. Стоит отметить, что виталитет таких побегов низкий. Большинство из них представлено короткими (не более 3–4 см) стволиками со спящей верхушечной почкой. Из нескольких десятков побегов, образовавшихся на одном каллусе, одновременно развитие получают не более 3–4. В случае, когда вымывание отсутствует как фактор, но имеется уплотнение почвы пастбищными животными или человеком, интенсивность образования корневых отпрысков также увеличивается.

При исследовании влияния освещённости на морфогенез было обнаружено, что на открытых участках чаще встречается жизненная форма «Дерево-куст», в то время как в условиях затенения преобладает одноствольная форма. Куртины, произрастающие в затенении, в среднем содержат меньшее количество корневых отпрысков, чем произрастающие на открытых местах. Затенение не влияет на процесс образования корневых отпрысков, однако оказывает воздействие на их жизненность. Затенённые куртины содержат в своем составе значительное количество усохших побегов имматурного онтогенетического состояния. Отпрыски в условиях затенения редко доживают до возраста 10 лет, притом, что большая часть элиминирует в 4–5 лет. Именно поэтому не происходит увеличения их количества в составе куртины. В процессе исследования переувлажнённых и засушливых мест произрастания было установлено, что влажность почвы не оказывает существенного влияния на формирование определённого типа биоморфы.

Библиографический список

1. *Бобкова Е.В.* Жизненные формы и онтогенез Alnus incana (Betulaceae) в подзоне хвойно-широколиственных лесов европейской части России // Ботанический журнал. – 2001. – № 4. – С. 75–86.

2. *Лебедев В.П., Неганов А.Н.* Формирование и структура клональных систем ольхи серой // Тезисы VI всероссийского популяционного семинара. – Нижний Тагил, 2002. – С. 97–98.

3. *Неганов А.Н.* Онтогенез ольхи серой *(Alnus incana (L.) Moench)* // Онтогенетический атлас лекарственных растений. Т. III. – Йошкар-Ола: МарГУ, 2002. – С. 18–23

4. *Соколов Н.В.* Лосеводство. – Кострома: КГСХА, 2005. – С. 17.

5. *Чистякова А.А., Заугольнова Л.Б. Полтинкина И.В.* Диагнозы и ключи возрастных состояний лесных растений. Деревья и кустарники. Ч. 1. – М.: «Прометей» МГПИ им. В.И. Ленина, 1989. – 102 с.

УДК 516.7

Белихов Александр Борисович
кандидат технических наук,
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
abb@ksu.edu.ru

Леготин Денис Леонидович
кандидат физико-математических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
dll@ksu.edu.ru

Сухов Андрей Константинович
кандидат физико-математических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
suhov_andrei@mail.ru

СОВРЕМЕННЫЕ КОМПЬЮТЕРНЫЕ МОДЕЛИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ЗАГРЯЗНЯЮЩИХ ВЕЩЕСТВ В АТМОСФЕРЕ

В статье представлены основные подходы к созданию компьютерных моделей атмосферных явлений. Произведён обзор современных моделей распределения поллютантов в атмосфере, фильтров пыли и пыльцы растений. Показано преимущество модели SILAM Финского метеорологического института.

Ключевые слова: *параллельное вычисление, моделирование атмосферных процессов, компьютерное моделирование.*

Моделирование распространения загрязнений в атмосфере играет важную роль при проектировании жилой застройки, промышленных и сельскохозяйственных предприятий, зон отдыха и подобных объектов. В этих случаях важно определить направление возможного распространения загрязнений, их интенсивность и оседание на местности. Это позволяет минимизировать степень экологической опасности, улучшить уровень комфорта проживания и отдыха населения и оптимизировать финансовые затраты на экологические мероприятия.

Для городов точечными стационарными источниками, загрязняющими атмосферу, являются дымовые трубы заводов, теплоэлектростанций, отопительных котельных, технологических установок, печей и сушилок, вытяжные шахты, дефлекторы, вентиляционные трубы, вытяжки, шахты и так далее [10].

Стационарные источники выбрасывают в воздух главным образом сернистый газ, оксиды азота, а также некоторое количество угарного газа, фенолов, серной кислоты и других загрязняющих веществ в зависимости от специфики промышленного производства города и состава используемого в нем топлива. Относительно недавно стационарные источники выбрасывали в атмосферу значительное количество пыли разнообразного химического состава, но в настоящее время существующие газоочистные установки задерживают более 95% всех твердых частиц, образующихся при сгорании топлива, но практически не улавливают газовых составляющих [2]. Другой особенностью стационарных источников является то, что их выбросы в атмосферу, в отличие от мобильных, происходят, как правило, на большой высоте, и производимые ими загрязнения распространяются на большой территории (в зависимости от высоты труб). Эти зоны, накладываясь друг на друга, образуют области устойчивых загрязнений в промышленных районах городов, поднимаются на высоту до 150 м и более [3].

Газообразные выбросы промышленных предприятий создают в атмосферном воздухе аэродисперсные системы и в результате турбулентного движения и других процессов долгое время удерживаются в воздухе. Дальность рассеяния загрязнителя зависит от времени его существования в воздухе, метеорологических условий, скорости и направления атмосферных потоков.

Физические основы построения компьютерных моделей атмосферы. Физическая сторона рассмат-

© Белихов А.Б., Леготин Д.Л., Сухов А.К., 2013

риваемой проблемы связана с анализом эмиссии, распространения и поглощения загрязняющих веществ. Однако почти все компьютерные модели требуют уточнения применительно к конкретным условиям. Кроме того, возникает необходимость апробации моделей на основе известных экологических и метеорологических наблюдений [2].

В основе физического моделирования атмосферных процессов лежат уравнения непрерывности и уравнение Навье–Стокса.

Уравнение непрерывности является следствием закона сохранения массы применительно к жидкости, протекающей через фиксированный бесконечно малый контрольный объем, и имеет вид

$$\frac{\partial \rho}{\partial t} + \rho\left(\nabla \cdot \mathrm{v}\right) = 0, \qquad (1)$$

где ρ – плотность жидкости, v – вектор скорости.

Уравнение Навье-Стокса имеет вид:

$$\rho \frac{d\mathrm{v}}{dt} = \rho \mathrm{g} - \nabla p + \frac{\partial}{\partial x_j}\left[\mu\left(\frac{\partial u_i}{\partial x_j} + \frac{\partial u_j}{\partial x_i}\right) - \frac{2}{3}\delta_{ij}\frac{\partial u_k}{\partial x_k}\right] \qquad (2)$$

где δ_{ij} – символ Кронекера; x_i – координаты; u_i – компоненты вектора скорости; μ – коэффициент динамической вязкости; ρ – плотность среды; g – ускорение силы тяжести.

Уравнение (2) описывает весь спектр атмосферных процессов, но для решения конкретных задач требует специальных преобразований.

В настоящее время основное направление численных методов расчета [3–5] турбулентных течений состоит в решении осредненных уравнений Навье-Стокса, которые называют также уравнениями Рейнольдса. Чтобы перейти к уравнениям Рейнольдса, поля метеоэлементов представляют в виде суммы средних значений, описывающих крупномасштабное течение, и флуктуаций, представляющих турбулентные течения более мелкого масштаба. При этом учитывают вращение Земли (силы Кориолиса).

Модели обязательно дополняют дифференциальными уравнениями притока тепла вида (3).

$$c_p \frac{dT}{dt} - \frac{ART}{p}\frac{dp}{dt} = \frac{\varepsilon}{\rho}. \qquad (3)$$

где T – абсолютная температура воздуха; c_p – удельная теплоемкость воздуха при постоянном давлении; A – термический эквивалент работы; R – газовая постоянная воздуха; ε – приток тепла к единичному объему воздуха за единицу времени.

Модели выбросов.

1. Модель Гаусса. Загрязняющий промышленный выброс воздушными потоками выносится из района расположения источника на значительное расстояние. Скорость и дальность переноса зависит от турбулентных течений в атмосфере и существующего во время эмиссии ветрового поля. Среднее сечение выброса (факела) очень сходно с видом распределения Гаусса, имеющего форму колокола. На рисунке 1 приведен идеализированный вид факела гауссова типа.

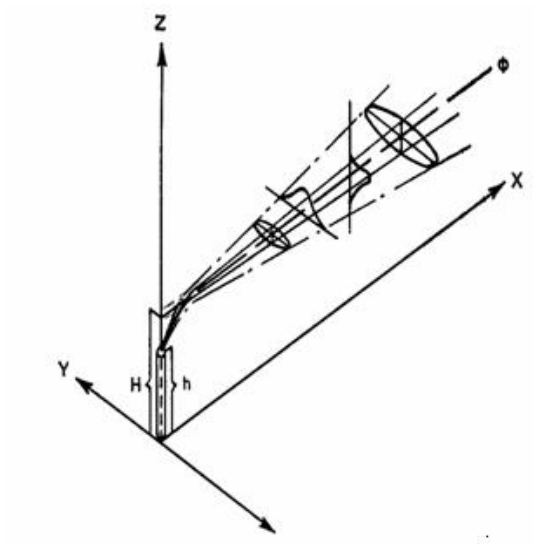


Рис. 1. Гауссова модель

Здесь Ф – сечение выброса перпендикулярно направлению движения, h – высота трубы, H – общая высота выброса, которая является суммой высоты трубы и добавочной высоты, на которую поднимается выброс.

Гауссова модель обычно используют для анализа распространения мелкодисперсной смеси воздуха с загрязнителями. Она основана на предположении, что загрязнитель будет расходиться в соответствии с нормальным распределением. Гауссовское уравнение имеет вид [1]:

$$\frac{\partial C}{\partial t} + U\frac{\partial C}{\partial x} = \frac{d}{dy}\left(K_y \frac{dC}{dy}\right) + \frac{d}{dz}\left(K_z \frac{dC}{dz}\right) + S,$$

где: x – измеренная координата от источника вдоль направления ветра; y – измеренная координата от источника перпендикулярно направлению ветра; z – вертикальная координата, отсчитываемая от почвы; $C = C(x, y, z)$ – средняя концентрация дисперсного вещества в точке (x, y, z); K_y, K_z – коэффициенты турбулентности по направлениям осей y и z; U – средняя скорость ветра вдоль оси x.

При реализации модели часто делают некоторые упрощения – концентрации загрязняющих веществ не влияют на разрежённый поток, турбулентные потоки являются линейными, выброс является постоянным и равномерным, направление ветра и скорость оседания примесей являются постоянными и др.

Гауссовская модель чаще всего используется для прогнозирования распространения непрерывных поточных выбросов, начинающихся от уровня земли или надземных источников. Но может быть также использована для расчета прерывистых выбросов (так называемые слоеные модели) [1].

2. Модель Эйлера. Модель Эйлера основана на уравнении сохранения массы для данного загрязнителя.

Общее уравнение выглядит следующим образом:

$$\frac{\partial(C_i)}{dt} = -\overline{U}\nabla(C_i) - \nabla(C_i^{'}) + D\nabla^2\langle C_i\rangle + \langle S_i\rangle,$$

$$U = \overline{U} + U^{'},$$

где: U – вектор скорости перемещения атмосерных масс $U(x, y, z)$; $\overline{U}$ – вектор скорости перемещения воздуха; U' – вектор скорости перемещения выброса; C – концентрация загрязняющего вещества, $C=\langle C\rangle+C'$; $\langle C\rangle$ – средняя концентрация загрязняющего вещества в атмосфере; C' – концентрация загрязняющего вещества в выбросе; D – молекулярный коэффициент диффузии; S_i – скорость изменения концентрации в начальный момент времени.

Модели Эйлера используют фиксированную решетку (вертикальную и горизонтальную). При реализации моделей решают соответствующие уравнения одновременно во всех ячейках решетки, при этом учитывается обмен загрязняющими веществами между ячейками и химические реакции.

Обычно количество вычислений снижают, используя различный масштаб решеток: в сельских районах, где концентрации веществ достаточно гомогенны, применяются более «грубые» решетки, на территории городов, с сильными градиентами концентраций веществ, используют более тонкие и комбинированные сетки.

3. Модель Лагранжа. Модель Лагранжа предсказывает распространение загрязняющего вещества, учитывая изменение базовой решетки, не привязанной к географическим координатам. Это изменение в целом зависит от того насколько направление ветра близко к направлению движения загрязняющего облака. Модель Лагранжа может быть представлена следующим образом [6]:

$$\langle c(r,t)\rangle = \iint_{-\infty} p(r,t \mid r',t')S(r',t')dr'dt',$$

где: $\langle c(r,t)\rangle$ – средняя концентрация загрязняющего вещества в точке с координатой r, в момент времени t; $S(r',t')$ – определяет источник выброса; $p(r,t|r',t')$ – функция вероятности перехода от точки и времени (r', t') к точке и времени (r, t).

Вероятностная функция должна быть определена как функция полных метеорологических данных, близких к источникам загрязнения. Если источник выбросов включает в себя помимо газа механическую пыль или аэрозоль, то количество уравнений увеличивается. Для каждого вида загрязнения существует свое уравнение. Этот подход дает эффективную в вычислительном плане систему. Однако трудно должным образом описать физическое и химическое взаимодействие большого количества отдельных видов загрязнений между собой.

Физические уравнения построены так, чтобы моделировать динамику процессов в узлах сетки.

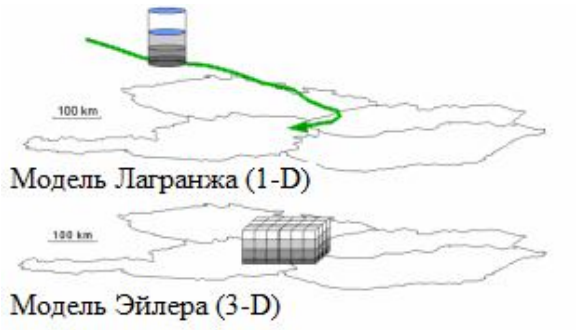


Рис. 2. Модели Лагранжа и Эйлера

Учет химических реакций производится путем добавочного изменения концентраций на каждом шаге расчета. Таким образом, модель Лагранжа позволяет рассматривать реакции в перемещающейся ячейке воздуха. Этим она отличается от модели Эйлера, где неподвижная сетка привязана к реальным геофизическим координатам (рис. 2). Модели Лагранжа более просты, однако они неприменимы для построения климатических моделей.

Краткая характеристика атмосферных моделей и динамика их развития. Все модели, построенные на основе рассмотренных выше уравнений, классифицируются по масштабам атмосферных процессов, а именно: макромасштаб (> 1000 км), мезомасштаб (1 км – 1000 км), микромасштаб (< 1 км).

Необходимо также отметить, что системы для расчетов распространения загрязняющих веществ в атмосфере проектируются под конкретную задачу и разрабатываются специальными организациями или научно-исследовательскими институтами. Наиболее известными реализациями моделей рассеяния газов являются согласно [9]: методика Всемирного банка, методики класса HGSYSTEM, методики, созданные такими организациями как TNO (Голландия), Det Norske Veritas (DNV Technica) (Норвегия), U.S. Environmental Protection Agency (EPA – агентство защиты окружающей среды США), NIST (Национальный институт стандартов и технологий США), методики класса DEGADIS. Эти модели приняты и рекомендованы для расчетов в различных странах. Они в большей мере конкретизированы для определенных задач и условий.

Согласно [6–9; 11–14; 16; 20] используемые в настоящее время системы представляют собой комбинированные модели, в которых за основу взят какой-либо из рассмотренных алгоритмов с различными дополнениями в виде уравнений, описывающих турбулентность, осаждение, изменение относительной влажности, учет рельефа земной поверхности (орографии) и иные факторы. Существенно значимыми из них согласно [4] являются:

– режим циркуляции атмосферы, ее термическая устойчивость;

– атмосферное давление, влажность воздуха, температурный режим;

– температурные инверсии, их повторяемость и продолжительность;

– скорость ветра, повторяемость застоев воздуха и слабых ветров (скоростью до 1 м/с);

– продолжительность туманов;

– рельеф местности, геологическое строение и гидрогеология района;

– почвенно-растительные условия (тип почв, водопроницаемость, пористость, гранулометрический состав почв, состояние растительности, состав пород, возраст, бонитет);

– фоновые значения показателей загрязнения природных компонентов атмосферы;

– состояние животного мира.

Необходимо также учитывать кинетику и механизм физических процессов (например, изменение агрегатного состояния веществ) и химических реакций, происходящие в атмосфере. Например, во влажном воздухе может происходить конденсация паров кислот с образованием аэрозоля, а в сухом теплом воздухе в результате испарения происходит уменьшение размеров капель жидкости. Жидкие и твердые частицы могут объединяться, растворять газообразные вещества [6].

Некоторые процессы химических преобразований начинаются непосредственно с момента поступления выбросов в атмосферу, другие – при появлении для этого благоприятных условий – необходимых реагентов, солнечного излучения, других факторов [7; 8].

Под действием солнечной радиации в верхних слоях атмосферы происходят реакции распада и полимеризации органических соединений, что приводит, в частности, к образованию свободных радикалов, оксидов азота и серы (NO_x, SO_x). Это приводит к выпадению «кислотных дождей» и образованию вредных для здоровья человека и опасных для окружающей среды соединений [8].

Развитие атмосферных моделей за последние 30 лет было весьма бурным. Так, если в 1970-е годы моделировались процессы, имеющие место только в атмосфере, то к середине 1980-х они уже были дополнены взаимодействием атмосферы с верхним слоем земной поверхности, в начале 1990-х – взаимодействием с поверхностью океана, была подключена модель перехода соли из воды в лёд. В конце 1990-х модели дополняются распространением сульфатных аэрозолей, а в начале 2000-х – несульфатных аэрозолей и моделью круговорота углерода на море и на суше. В последнее время модели усложняются включением в рассмотрение химических реакций и процессов радиоактивного распада, имеющего место в атмосфере.

Построение единой классификации моделей распространения примесей от точечных источников представляет трудноразрешимую задачу ввиду многогранности и многоаспектности подходов к моделированию. В работе [1] предпринята попытка упорядочить множественные подходы к решению данной задачи. Можно утверждать, что модели, используемые на практике, являются, во-первых, специализированными, а во-вторых – интегральными. Установлено, что возникающая на практике задача моделирования в больших масштабах при учете большого числа факторов и т.п. требует значительных вычислительных ресурсов и многопроцессорных компьютерных систем. Это связано с необходимостью решать системы уравнений большой размерности. Анализ существующих программных реализаций показывает, что лишь незначительное их число предлагается для расчетов на многопроцессорных системах. В связи с этим можно утверждать, что реализация данных моделей на параллельных компьютерных системах представляет собой актуальную научную задачу.

Характеристика и преимущества модели SILAM. В настоящее время система SILAM, разработанная в Финском метеорологическом институте (System for Integrated modeLling of Atmospheric coMposition – система интегрального моделирования атмосферных композиций) включает в себя, кроме рассмотренных выше, учет распространения радионуклидов, разноразмерных аэрозолей и природных аллергенов. Она может использоваться для прогноза последствий чрезвычайных ситуаций. Размер частиц аэрозоли варьируется в широких пределах [20]. SILAM содержит обширную базу данных: 496 нуклидов и параметров их распадов, 80 механизмов радиоактивных загрязнений с учетом влияния на органы-мишени человеческого организма (23 органа). Это позволяет рассчитать распад цепи, экологическое удаление (миграцию) нуклидов после выброса, а также внутренние и внешние дозы облучения. Внешнее воздействие радиации включает прямое облучение от облака или осадков (гамма- и бета-излучение), внутренние воздействие включает вдыхание радионуклидов.

SILAM является единственной европейской моделью, которая позволяет вычислить вероятность охвата территорий, которые будут подвергнуты загрязнению от неизвестных или мало изученных источников выбросов. Для таких расчетов облако лагранжевых частиц рассчитывается на основе воздушных ансамблей, стохастически выброшенных из источника загрязнения и вычисляются плотности вероятности их появления в пострадавшем районе или в загрязненном воздухе [19].

Для численного моделирования в SILAM используются метеорологические базы данных [17], находящиеся в хранилищах Европейского центра ETEX, либо численные модели прогноза погоды в форматах HIRLAM или ECMWF.

Динамика расчета SILAM основывается на более точной (но и более ресурсоемкой в плане компьютерных вычислений) итерационной схеме, что увеличивает продолжительность вычислений (если

в моделируемой системе происходят химические реакции или радиоактивный распад изотопов) и требует применения высокопроизводительной вычислительной техники. Последние версии SILAM [19] позволяют ее использовать на многопроцессорных кластерных системах в режиме параллельных вычислений.

Испытания модели SILAM с 2007 г. по настоящее время показали удовлетворительную корреляцию с данными непосредственных наблюдений на метеостанциях. Сравнение расчетных моделей распространения атмосферных выбросов с результатами наблюдений по 150 метеорологическим станциям показало, что коэффициент корреляции везде превышает 60%, при среднем его значении более 70% [15; 17; 18].

SILAM может решать прямые и сопряженные (часто называемые обратными) задачи рассеяния. В частности, решение одной обратной задачи позволило уточнить карту расположения и мощности источников атмосферных выбросов на территории Кольского полуострова [17].

Высокая эффективность прогнозирования распространения радиоактивных изотопов в атмосфере продемонстрирована на примере расчёта последствий аварий на атомных электростанциях в Японии в марте 2011 года [19].

Модель SILAM является свободно-распространяемой на основе лицензии GNU и является мультиплатформенной (под ОС Linux и Windows).

Обмен данными между компонентами системы SILAM и запись результатов моделирования в выходные файлы осуществляется в выбранном пользователем формате данных, поддерживаемых программным обеспечением, используемым на большинстве национальных гидрометеоцентров и геофизических обсерваторий. В настоящее время поддерживаются 5 форматов ввода-вывода: двоичный, NetCDF, PHDF5, GRIB1 и GRIB2. Форматом по умолчанию, рекомендуемым для использования во всех задачах моделирования, является NetCDF (Network Common Data Form), представляющий собой формат данных и соответствующий программный интерфейс, предназначенный для работы с научными данными. NetCDF нацелен на предоставление эффективного доступа к относительно небольшим подмножествам массивных наборов данных.

Проделанный нами анализ моделей и существующих систем компьютерного моделирования распространения атмосферных загрязнений показывает, что система SILAM является наиболее развитой и наиболее пригодной для использования в Костромской области. Используя имеющийся в КГУ им. Н.А.Некрасова кластер и технологии параллельного программирования, она позволяет проводить следующие виды экологических расчетов:

– моделирование последствий лесных и торфяных пожаров;

– уточнение очагов лесных и торфяных пожаров;

– распространение пыльцы растений и природных аллергенов;

– оценка влияния на регион промышленных предприятий сопредельных регионов (Ярославская, Ивановская и Вологодская области).

Возможно также решение других задач, связанных с экологией, которые могут появиться при развитии региона или при природных либо техногенных катастрофах.

Библиографический список

1. *Бабков В.С., Ткаченко Т.Ю.* Анализ математических моделей распространения примесей от точечных источников // Наукові праці ДонНТУ Серія «Інформатика, кібернетика та обчислювальна техніка» – С. 147–155.

2. *Берлянд М.Е.* Предсказание и регулирование теплового режима приземного слоя атмосферы. – Л.: Гидрометеоиздат, 1956. – 436 с.

3. *Берлянд М.Е.* Прогноз и регулирование загрязнения атмосферы. – Л.: Гидрометеоиздат, 1985. – 272 с.

4. *Берлянд М.Е.* Современные проблемы атмосферной диффузии и загрязнения атмосферы. – Л.: Гидрометеоиздат, 1975. – 448 с.

5. *Бицадзе А.В.* Уравнения математической физики. – М.: Наука, 1976. – 296 с.

6. *Бызова Н.Л., Гарнер Е.К., Иванов В.Н.* Экспериментальные исследования атмосферной диффузии и расчет распространения примеси. – Л.: Гидрометеоиздат, 1991. – 23 с.

7. *Вызова Н.Л., Гаргер Е.К., Иванов В.И.* Экспериментальные исследования атмосферной диффузии и расчеты рассеяния примеси. – Л.: Гидрометеоиздат, 1989. – 280 с.

8. *Гил А.* Динамика атмосферы: В 2 т. / Пер. с англ. – М.: Мир, 1986. – 415 с.

9. Динамическая метеорология. – Л.: Гидрометеоиздат, 1967. – 607 с.

10. *Дымников В.П.* Устойчивость и предсказуемость крупномасштабных атмосферных процессов. – М.: ИВМ РАН, 2007. – 283 с.

11. *Жермен П.* Механика сплошных сред. – М.: Мир, 1965. – 479 с.

12. *Ионисян А.С.* О целесообразности использования метода Зейделя при численном решении уравнения диффузии примеси в атмосфере // Проблемы физико-математических наук: Материалы 48-й научно-методической конференции преподавателей и студентов «Университетская наука – региону». – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2003. – С. 76–78.

13. *Ионисян А. С.* Математическое моделирование процесса распространения активной приме-

си в свободной и облачной атмосфере. – Ставрополь, 2003. – 190 с.

14. Руководство по организации контроля состояния природной среды в районе расположения АЭС / Под ред. К.П. Махонько. – Л.: Гидрометеоиздат, 1990. – 264 с.

15. A re?nement of the emission data for Kola Peninsula based on inverse dispersion modeling / M. Prank, M. So?ev, H.A.C. Denier van der Gon, M. Kaasik, T. M. Ruuskanen and J. Kukkonen // Atmospheric Chemistry & Physics. – 2010. – № 10. – Pp. 10849–10865.

16. *Chrysikopoulos C.V., Hildmann L.M., Roberts P.V.* A three-dimensional steady-state atmospheric dispersion-deposition model for emission from a ground-level area source // Atmos. Env. – 1992. – V. 26A. – № 5. – Pp. 747–757.

17. *Sofiev M.* A dispersion modelling system SILAM and its evaluation against ETEX data / M. Sofiev, P. Siljamo, I. Valkama, M. Ilvonen, J. Kukkonen // Atmospheric Environment. – 2006. – № 40. – P. 674–685.

18. *Sofiev M.* An operational system for the assimilation of the satellite information on wild-land fires for the needs of air quality modelling and forecasting / M. Sofiev, R. Vankevich, M. Lotjonen, M. Prank, V. Petukhov, T. Ermakova, J. Koskinen and J. Kukkonen // Atmospheric Chemistry and Prysics. – 2009. – № 9. – P. 6833–6847.

19. System for integrated modelling of atmospheric composition / Mikhail Sofiev, Marje Prank, Pilvi Siljamo, Joana Soares, Julius Vira, Tuula Summanen, Ari Karppinen. – FMI. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://silam.fmi.fi.

20. *Turner D.B.*, Addendum to TUPOS – Incorporation of a Hesitant Plume Algorithm. 1986. EPA-600/8-86/0.27.US. Environmental Protection Agency, Research Triange Park, NC (available only from NTIS, Accession Number PB86-241 031/AS).

УДК 004.02

Голубинский Евгений Юрьевич
Академия Федеральной службы охраны Российской Федерации, г. Орел
darzhek@yandex.ru

МЕТОДИКА АНАЛИТИЧЕСКОГО МОНИТОРИНГА КАЧЕСТВА ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ: ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ, СТРУКТУРА МОНИТОРИНГОЙ ИНФОРМАЦИИ

Рассмотренная в статье методика аналитического мониторинга качества информационно-аналитических материалов предназначена для использования в деятельности по управлению качеством информационной продукции. Автором также предлагается подход к структуризации и хранению информации, используемой при проведении анализа качества информационно-аналитических материалов, и результатов данного анализа.

Ключевые слова: *информационно-аналитический материал, аналитический мониторинг качества, информационная служба, база данных, мониторинговая информация.*

Одной из важных управленческих задач, решаемых информационными службами, работающими в социальной, экономической и других сферах, является анализ качества выпускаемых ими информационных продуктов (ИП) на предмет наличия недостатков, снижающих объективность информирования потребителей. На практике для этого часто применяются способы анализа качества ИП, базирующиеся на редакторском анализе [5, с. 59–302; 12, с. 93–103]. Результатами такого анализа, выполняемого опытными специалистами (экспертами), являются краткие суждения об их пригодности или непригодности к применению по назначению. Более сложный вариант формирования выводов о качестве ИП предполагает использование характеристик качества и шкал, предназначенных для аргументации мнений экспертов.

Следует отметить, что несовершенство системы мер (критериев и оценок), отражающих степень соответствия ИП конкретным требованиям, ведет к возрастанию затрат на их подготовку, связанных со своевременным выявлением фактов снижения качества продукции в процессе ее создания. В ходе исследования определено, что при использовании известных методов анализа качества ИП [5, с. 59–302; 12, с. 93–103] один и тот же продукт может иметь целый ряд проекций оценки качества, зависящих от разных доминант у специалиста, производящего его анализ. В связи с этим сделан вывод о необходимости сохранения тождества (воспроизводимости) оценки качества ИП при его восприятии различными специалистами, чему способствует выделение взаимосвязей причин возникновения (факторов) и построение системы недостатков качества ИП.

Проведенное исследование содержания ИП, изготавливаемых в интересах органов власти, процедур подготовки и анализа их качества позволило разработать методику аналитического мониторинга качества информационно-аналитического материала (далее – методика). Информационно-аналитический материал (ИАМ) является видом информационной продукции, выпускаемым многими ин-

© Голубинский Е.Ю., 2013

Рис. 1. Факторы, влияющие на подготовку ИАМ

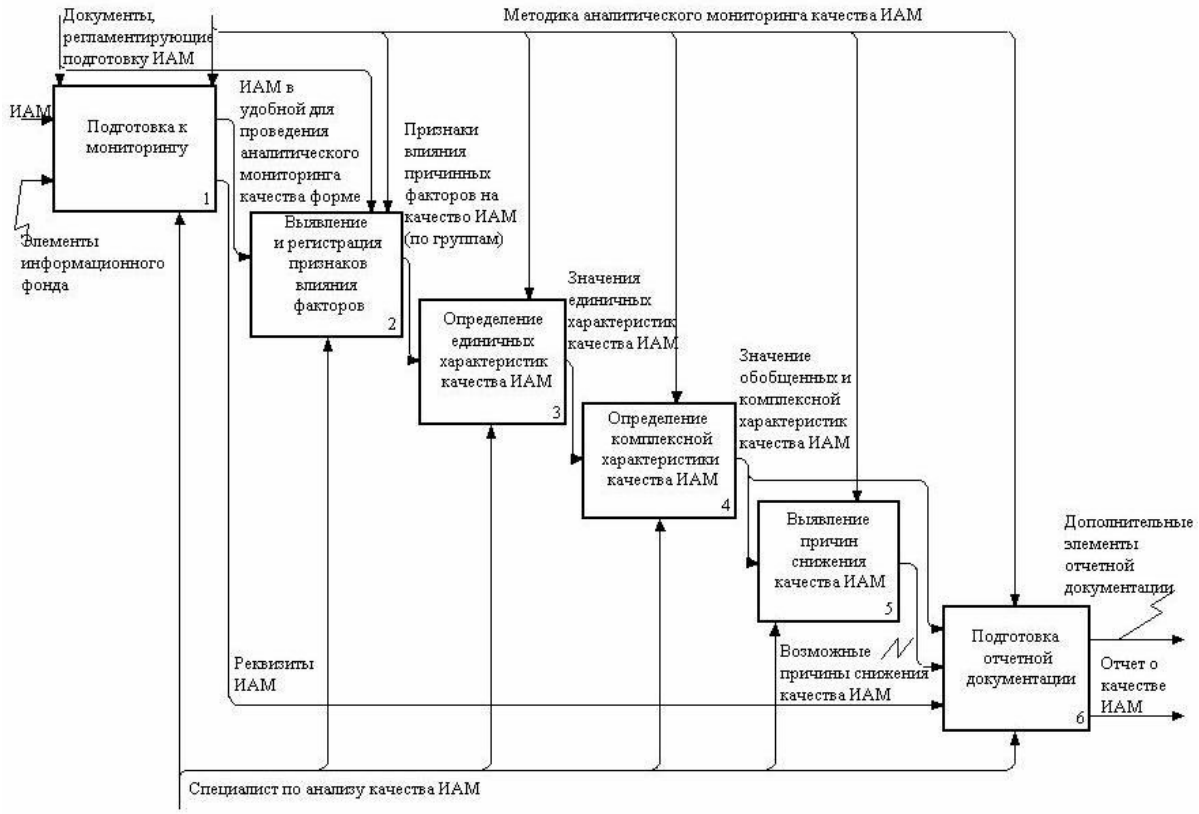


Рис. 2. Порядок выполнения аналитического мониторинга качества ИАМ в соответствии с разработанной методикой

формационными службами, функционирующими в интересах органов власти различного уровня [2, с. 194–195, 236–237; 8–9].

Под аналитическим мониторингом качества ИАМ понимается комплекс процедур обработки ИАМ, содержащих аналитическую составляющую, направленный на определение уровня качества данной информационной продукции с учетом влияющих не него факторов.

В отличие от способов анализа качества ИП, базирующихся на проведении редакторского анализа, аналитический мониторинг направлен не только на выявление недостатков, определение уровня качества информационной продукции, но и на выявление причин его снижения.

В ходе исследования выявлены и систематизированы основные факторы, влияющие на подготовку ИАМ.

Негативное влияние факторов, приведенных на рисунке 1, на подготовку ИАМ, приводит к появлению недостатков в содержании, форме представления ИАМ, нарушениям регламента их доставки потребителям (признаков влияния факторов). Следовательно, выявленные в ходе исследования факторы, влияющие на подготовку ИАМ, являются причинами снижения качества данного ИП (причинными факторами).

В ходе исследования определено, что:

- некоторые причинные факторы влияют на качество ИАМ в целом;
- некоторые причинные факторы влияют на отдельные свойства ИАМ;
- влиянием ряда причинных факторов представляется возможным управлять на уровне информационной службы, осуществляющей подготовку ИАМ.

Порядок выполнения аналитического мониторинга качества ИАМ в соответствии с методикой в общем виде (первый уровень детализации) приведен на рисунке 2.

Согласно рисунку 2, при выполнении первого этапа аналитического мониторинга качества ИАМ:

- изучаются документы, регламентирующие подготовку ИАМ, информация по теме ИАМ, хранящаяся в информационном фонде;
- определяются основные реквизиты ИАМ;
- производится перевод ИАМ в удобную для анализа форму (электронную с возможностью изменения содержания).

При выполнении второго этапа аналитического мониторинга качества ИАМ (рис. 2) производится изучение ИАМ с целью выявления признаков влияния причинных факторов, снижающих качество, и их регистрации.

На третьем этапе аналитического мониторинга качества ИАМ (рис. 2) определяются значения двенадцати единичных характеристик качества ИАМ. Определение значений данной группы характеристик производится с использованием информации о признаках влияния причинных факторов, полученной при выполнении второго этапа методики.

Четвертый этап аналитического мониторинга качества ИАМ (рис. 2) предусматривает определение значений семи обобщенных и комплексной характеристик качества ИАМ. Кроме того, на данном этапе производится интерпретация значения комплексной характеристики – делается вывод о низком, среднем или высоком качестве ИАМ. Этапы, аналогичные данному, используются в методиках оценки качества различных информационных продуктов [1, с. 8–14; 4; 7, с. 68–74]. Разработанная в рамках исследования система характеристик качества ИАМ, используемая при выполнении третьего и четвертого этапов аналитического мониторинга, подробно описана в работе [6, с. 75–81].

При выполнении пятого этапа аналитического мониторинга качества ИАМ (выявлении причин снижения качества ИАМ) предлагается использовать причинно-следственные диаграммы для каждой обобщенной характеристики качества ИАМ. Метод построения таких диаграмм и особенности его применения подробно описаны в трудах К. Исикавы, а также работах отечественных специалистов в области управления качеством [3, с. 79–89; 11, с. 112–116].

Шестой этап аналитического мониторинга качества ИАМ (рис. 2) предусматривает подготовку отчетных документов, обязательным из которых предлагается считать отчет о качестве ИАМ. Дополнительными отчетными документами являются ИАМ в исходном виде или с выделенными, устраненными недостатками.

Характер этапов аналитического мониторинга (рис. 2) предусматривает сбор, обработку, хранение мониторинговой информации, которая в дальнейшем должна использоваться для комплексного анализа деятельности информационной службы по подготовке ИАМ.

При проведении аналитического мониторинга качества ИАМ имеют место два вида мониторинговой информации:

1) информация, используемая в качестве базы для проведения аналитического мониторинга качества ИАМ;

2) информация, образующаяся при проведении аналитического мониторинга качества ИАМ.

К мониторинговой информации первого вида относятся документы:

- регламентирующие проведение аналитического мониторинга качества ИАМ;
- используемые при осуществлении аналитического мониторинга качества ИАМ.

Мониторинговая информация второго вида включает в себя:

- сведения о недостатках ИАМ (признаках влияния причинных факторов);

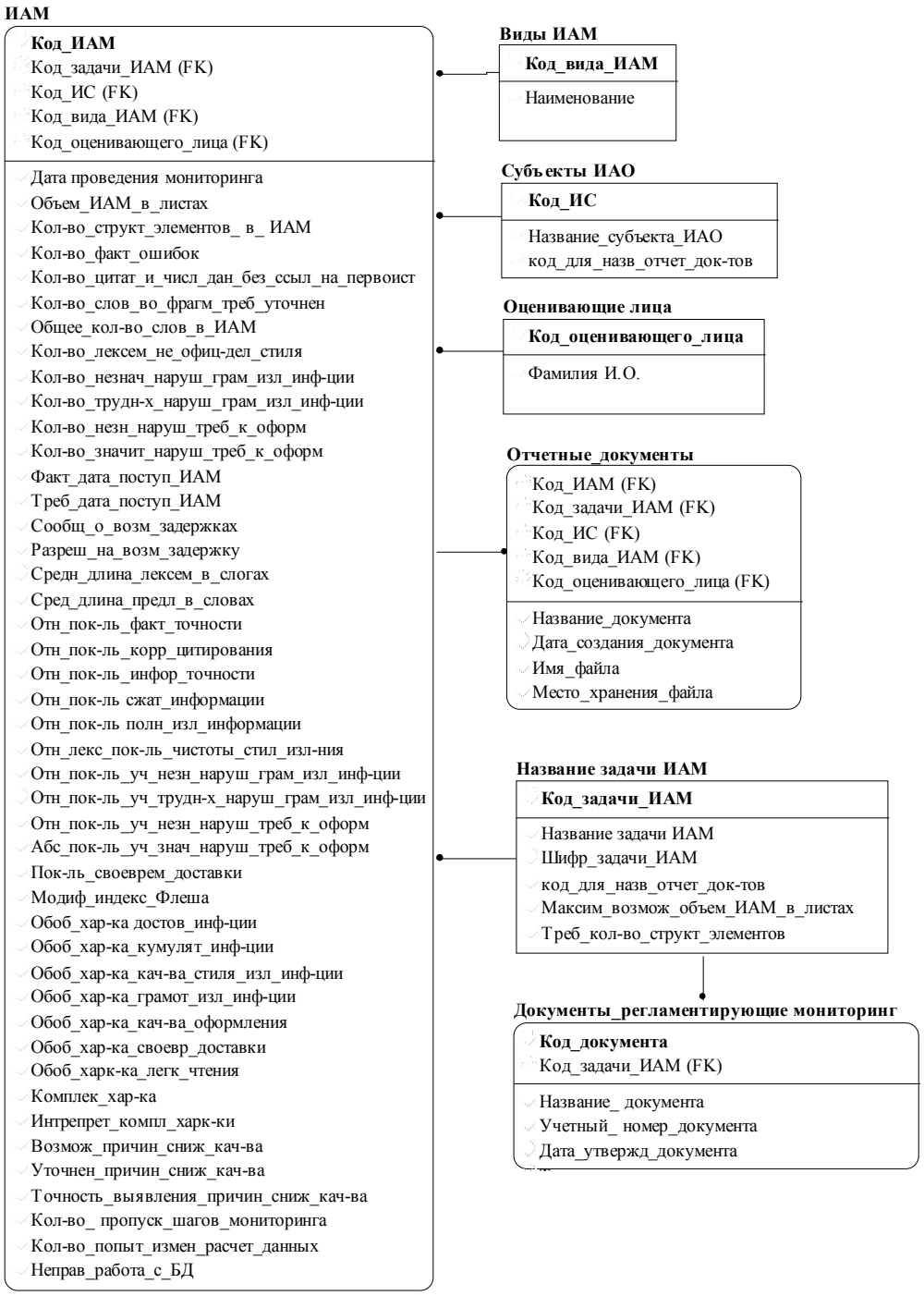


Рис. 3. Логическая модель базы данных, предназначенной для хранения мониторинговой информации

- значения единичных, обобщенных, комплексной характеристик качества ИАМ;
- возможные причины снижения качества ИАМ;
- отчетную документацию;
- сведения об ошибках экспертов, которые выявляются при анализе результатов мониторинга или с помощью специальных средств автоматизации данного процесса.

Логическая модель базы данных, предназначенной для хранения мониторинговой информации, приведена на рисунке 3. Названия сущностей и атрибутов, используемых при построении логической модели базы данных, на рисунке 3 приведены в сокращенном виде.

Предложенная логическая модель была нормализована, и на основе нормализованной модели спроектирована база данных, которая является элементом программного средства «Анализатор качества информационно-аналитических материалов», зарегистрированного в Федеральной службе по интеллектуальной собственности, патентам и товарным знакам [10].

В настоящее время производится апробация разработанной методики и программного сред-

ства. Кроме того, методика, система характеристик качества ИАМ, используемая в ней, успешно применялись при разработке методик анализа качества других информационных продуктов, оценки отдельных видов деятельности информационных служб.

Дальнейшим направлением исследований является разработка методики комплексной оценки и аналитического мониторинга деятельности информационной службы, предназначенной для использования при организационном управлении.

Библиографический список

1. ГОСТ 37–2002. Потребительские товары. Инструкции по применению. Общие требования. – М.: ИПК Издательство стандартов, 2002. – С. 8–14.

2. *Ильин Н.И., Демидов Н.Н., Попович П.Н.* Развитие систем специального информационного обеспечения государственного управления. – М.: МедиаПресс, 2009. – С. 194–195, 236–237.

3. *Исикава К.* Японские методы управления качеством. Сокр. пер. с англ. – М.: Экономика, 1988. – С. 79–89.

4. *Лабазова Т.А.* Разработка предложений по оценке качества инструкций пользователей информационных систем. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://nit.miem.edu.ru/sbornik/2009/sec3/9.htm (дата обращения 10.10.2012).

5. *Мильчин А.Э.* Методика и техника редактирования текста. – М.: Книга, 1972. – С. 59–302.

6. *Овсянников А.А., Голубинский Е.Ю.* Формирование системы характеристик качества информационно-аналитических материалов // Информационные системы и технологии. – 2012. – № 5. – С. 73–81.

7. *Овсянников А.А., Елецкий К.В.* Подход к фильтрации сообщений СМИ на основе модели процесса оценки качества // Информационные системы и технологии. – 2010. – № 1/57. – С. 68–74.

8. Положение об информационно-аналитическом отделе управления правительства Республики Дагестан по информационным технологиям. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.diap.ru/?id=data/ cont/1309646560/1309648789/index.html (дата обращения 11.11.2012).

9. Положение об отделе аналитики, кадров, финансового и материального обеспечения Департамента Смоленской области по информационным технологиям, связи и обеспечению предоставления услуг в электронном виде. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://its.admin-smolensk.ru/dejatelnost/analit_otdel/ (дата обращения 11.11.2012).

10. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2010611215. Анализатор качества информационно-аналитических материалов «Recenzent-IAM».

11. Управление качеством продукции. Инструменты и методы менеджмента качества: учебное пособие / С.В. Пономарев, С.В. Мищенко, В.Я. Белобрагин и др. – М.: РИА «Стандарты и качество», 2005. – С. 112–116.

12. *Янг Э., Куинн Э.* Как написать действенный аналитический документ в сфере государственной политики: практическое пособие для советников по государственной политике в Центральной и Восточной Европе – Киев: «К.И.С», 2003. – С. 93–103.

УДК 541.1

Долгов Виктор Васильевич
кандидат технических наук
Научно-исследовательский институт по удобрениям и инсектофунгицидам им. профессора Я.В. Самойлова, Москва
Акаев Олег Павлович
доктор технических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Озерова Таисия Ивановна
кандидат химических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова,
Збигнев Взорек
Краковский политехнический институт, Республика Польша

ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССА КОНВЕРСИИ КАРБОНАТА КАЛЬЦИЯ УГЛЕКИСЛОТОЙ ПОД ДАВЛЕНИЕМ

Исследовался процесс получения концентрата редкоземельных элементов и мелкодисперсного карбоната кальция из карбонатного осадка (КО) методом конверсии углекислотой под давлением. Карбонатный осадок, содержащий $CaCO_3$ и редкоземельные элементы (РЗЭ), образуется на стадии аммиачной карбонизации суспензии фосфогипса, полученного в качестве отхода в производстве экстракционной фосфорной кислоты из природных фосфоритов. Конверсию карбонатного осадка углекислотой изучали при 20^0С и давлении 60–160 атм.

Ключевые слова: *фосфориты, сверхкритический CO_2, мелкодисперсный карбонат кальция, концентрат редкоземельных элементов.*

Карбонат кальция широко встречается в природе, где с углекислотой, находящейся в воздухе, образует гидрокарбонат $Ca(HCO_3)_2$, достаточно хорошо растворимый в воде по сравнению с растворимостью карбоната кальция. При этом протекает обратимая реакция:

$$CaCO_3 + H_2O + CO_2 \leftrightarrow Ca\,(HCO_3)_2 \qquad (1)$$

Аналогичный принцип предлагается заложить в обогащение карбонатного осадка соединениями редкоземельных элементов (РЗЭ), перешедших в него из природных фосфатов.

Карбонатный осадок (КО) образуется на стадии аммиачно-карбонатной конверсии суспензии фосфогипса $CaSO_4$, выделяющегося в качестве отхода в производстве экстракционной фосфорной кислоты:

$$Ca_5F(PO_4)_3 + 5H_2SO_4 = 5CaSO_4 + 3H_3PO_4 + HF \qquad (2)$$

Аммиачная карбонизация фосфогипса может проводиться по газовой или по жидкостной схеме:

– Газовая $CaSO_4 + 2NH_3 + CO_2 + H_2O = \downarrow CaCO_3 + (NH_4)_2SO_4$ (3)

– Жидкостная $CaSO_4 + (NH_4)_2CO_3 = (NH_4)_2SO_4 + \downarrow CaCO_3$ (4)

Известно, что из каждой тонны апатита образуется 1,6 т. фосфогипса, который содержит около 0,4–0,6% редкоземельных элементов, поэтому может служить потенциальным их сырьевым источником [1].

Следует отметить, что среди редкоземельных элементов, выделяемых из фосфогипса, содержатся наиболее ценные, такие как тербий, иттербий, эрбий, диспрозий, которых нет в лопаритовом концентрате. При переработке апатитового концентрата в фосфорную кислоту около 80% редкоземельных элементов переходят в фосфогипс. Поэтому рассмотрение фосфогипса как перспективного сырья РЗЭ и разработка технологии их извлечения является весьма актуальной. Авторами работы [6] предложен способ, базирующийся на выщелачивании редкоземельных элементов растворами минеральных кислот низких концентраций (5–6%). Ранее для этой цели использовали концентрированные растворы минеральных кислот (30–70%). Была предложена схема комплексной переработки фосфогипса в сульфат аммония, оксид кальция и концентрат редкоземельных элементов [2; 4]. Метод основан на аммиачной карбонизации суспензии фосфогипса и прокаливании $CaCO_3$, при температуре 1000^0С. Полученный при этом оксид кальция далее подвергался обработке раствором $(NH)_4Cl$ с получением раствора $CaCl_2$ и осадка редкоземельных элементов. Основным недостатком этого способа является циркуляция в системе газообразных NH_3 и CO_2, выделение которых из газовых потоков требует мощного абсорбционного оборудования, а также систем очистки газов перед их выбросом в атмосферу. Существенные запасы редкоземельных элементов в фосфогипсе обуславливают необходимость проведения исследовательских работ по изысканию рациональных способов их извлечения.

К тому же получение мелкодисперсного карбоната кальция в процессе технологической переработки фосфогипса также представляет большой научный и практический интерес в связи с его высокой востребованностью в качестве наполнителя в резинотехнической, бумагоделательной и в других отраслях промышленности.

Вторым многотоннажным отходом производства минеральных удобрений, утилизация которого рассматривается в данной работе, является углекислый газ.

Таким образом, предполагается одновременная утилизация двух многотоннажных промышленных

© Долгов В.В., Акаев О.П., ОзероваТ.И., Збигнев В., 2013

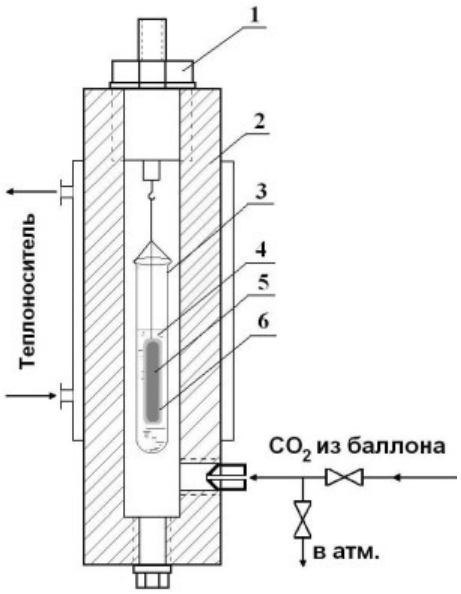


Рис. 1. Принципиальная схема установки для изучения растворимости $CaCO_3$ под повышенным давлением.
1 – запорная гайка; 2 – корпус «Бомбы»; 3 – реакционный сосуд; 4 – растворитель; 5 – навеска карбонатного шлама; 6 – фильтр-пакет.

отходов – фосфогипса и углекислоты. На данном этапе исследования проводится изучение растворимости гидрокарбоната кальция в растворе под давлением в среде углекислоты, что позволит вывести из карбонатного шлама кальциевые соединения и, тем самым, сконцентрировать в оставшемся осадке содержание РЗЭ, а из жидкой фазы выделить карбонат кальция в мелкодисперсном состоянии.

Диоксид углерода применяли в условиях, приближенным к его сверхкритическому состоянию ($P_{крит.}$ = 72,8 атм. $T_{крит.}$ = 30,9 С).

Для достижения поставленной цели были сформулированы задачи по определению оптимальных условий получения мелкодисперсного карбоната кальция и извлечения концентрата редкоземельных элементов из карбонатного осадка.

Методика проведения исследования

Растворимость в системе $CaCO_3$ – $Ca(HCO_3)_2$ – H_2O при давлении CO_2 от 60 до 160 атм. изучали в установке, изображенной на рисунке 1.

Установка представляла собой толстостенный, герметично закрывающийся сосуд, снабженный водяной рубашкой. Давление в аппарате создавалось углекислым газом из баллона с давлением до 160 атм., регулировалось вентилем и регистрировалось с помощью образцовых манометров (рис. 1).

Бумажный фильтр – пакет с навеской карбонатного осадка массой 1 г опустили в пробирку, заполненной 10 мл растворителя (водой) и закрепили в реакторе, который затем герметизировали. Учитывая, что реакционная масса в условиях эксперимента не перемешивалась, и процесс, предположительно, протекал в диффузионном режиме, время нахождения пробы в аппарате составляло 2 часа. По истечении этого времени давление сбрасывалось, реактор разгерметизировали, извлекали пробирку. Гидрокарбонат кальция $Ca(HCO_3)_2$, который получался в результате карбонизации карбонатного осадка, после сбрасывания давления распадался на $CaCO_3$ с бурным выделением CO_2. На дне пробирки после декарбонизации собирался мелкодисперсный $CaCO_3$. Жидкую фазу анализировали на содержание ионов кальция, а твердую – на содержание в ней суммы редкоземельных элементов и оценивали под микроскопом, снабженным цифровой камерой, ее дисперсность.

Методы анализа

Содержание ионов кальция в (КО) определяли перманганатометрическим методом [3], влажность – методом термогравиметрического анализа [3], концентрацию сульфат-иона – турбидиметрическим методом [3], сумму редкоземельных элементов (РЗЭ) – гравиметрически [5].

Рентгенофлуоресцентное определение (РЗЭ) в пробе осуществляли с помощью спектрометра «Спектроскан–МАКС–G». При определении дисперсности полученных частиц карбоната кальция

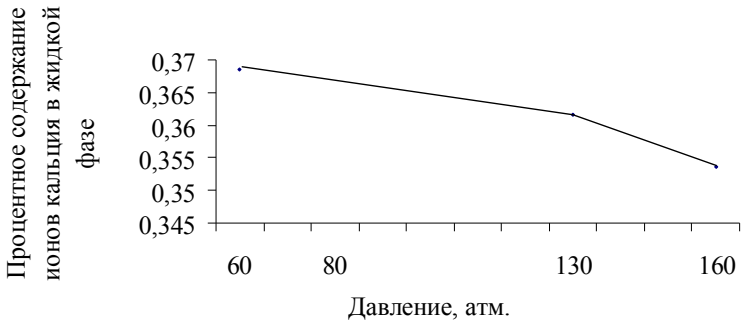


Рис. 2. Изменение содержания ионов кальция в жидкой фазе от давления углекислоты в системе $CaCO_3$ – $Ca(HCO_3)_2$ – H_2O

Таблица 1

Потери массы карбонатного осадка после карбонизации

Давление, атм.	Масса оставшегося карбонатного садка, г	Потери карбонатного осадка, %
60	0,4652	53,48
80	0,4999	50,01
130	0,4911	50,89
160	0,5064	49,36

в водно-солевой системе и в карбонатном осадке, оставшемся в фильтр-пакете после декарбонизации, пользовались поляризационно-интерференционным микроскопом, снабженным цифровой камерой. По полученным результатам были построены интегральные и дифференциальные кривые распределения этих частиц по размерам в зависимости от давления, применяемого при карбонизации.

Результаты и их обсуждение

По результатам анализа сухой карбонатный осадок имеет следующий состав: $CaCO_3$ 53,0%, $CaSO_4$ 41,3%, сумма РЗЭ 0,5% при влажности 37,8%.

Подвижное равновесие, выраженное приведенной реакцией (1) зависит от величины давления CO_2, обуславливающее обратимость рассматриваемого процесса. Для определения оптимальных условий карбонизации карбонатного осадка изменяли давление углекислоты в реакторе в диапазоне 60–160 атм. По полученным результатам содержание ионов кальция в водно-солевой системе уменьшается с увеличением давления (рис. 2).

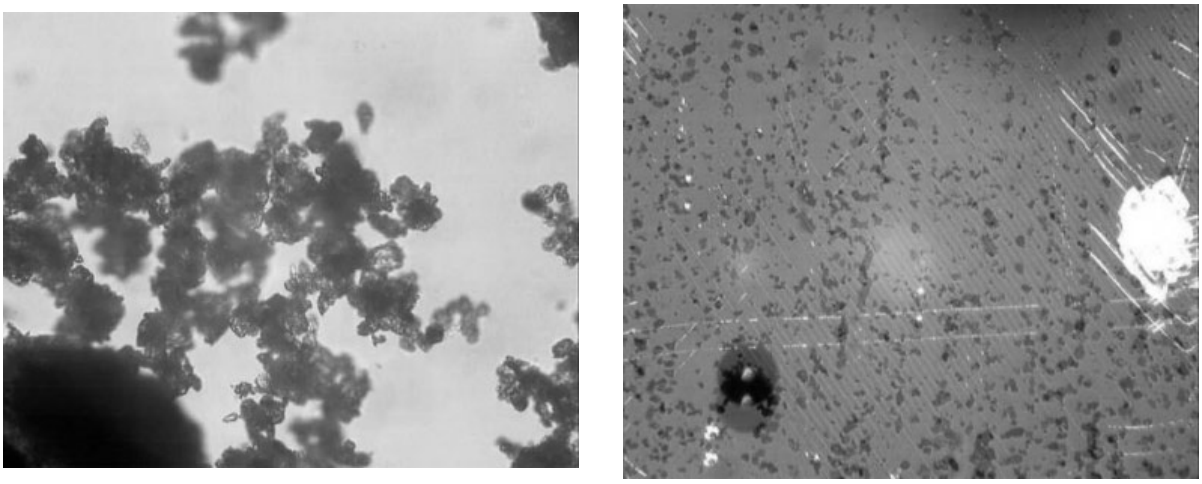
Повышенная концентрация ионов кальция при давлении 60 атм. дает основание предположить максимальное выпадение в ней соли карбоната кальция после декарбонизации. В процессе конверсии карбонатного осадка углекислотой наибольшая потеря его массы составила 53,48%.

Декарбонизация протекала с образованием карбоната кальция в виде мельчайших частиц, размер которых трудно идентифицировать оптическими методами (см. рис. 3).

Экспериментальные данные показывают, что полученный мелкодисперсный порошок состоит, в основном, из частиц карбоната кальция как продукта декарбонизации из пересыщенных растворов наиболее растворимого гидрокарбоната кальция. Проведен математический расчет определения доли частиц каждого размера в карбонате кальция, полученным в водно-солевой системе, и в оставшемся в карбонатном осадке после карбонизации углекислотой под давлением. После обработки данных двумя методами, интегральным и дифференциальным, вывели следующие зависимости (рис. 4, 5).

Интегральная кривая (рис. 4) имеет S-образную форму с характерной точкой перегиба, соответствующей превалирующему размеру частиц. Более пологой зависимости отвечает проба с большим разбросом частиц по размеру с уходом в область более крупных частиц. Такой кривой на рисунке 4 является зависимость, характеризующая пробу реактива карбоната кальция до карбонизации. Наиболее крутой кривой соответствует проба, полученная после карбонизации карбонатного осадка под давлением 60 атм.

Полученные пики на графике дифференциальной функции распределения кристаллов (рис. 5) показывают преобладающий размер частиц карбоната кальция в данной системе в зависимости от давления углекислоты. По экспериментальным дан-



а) б)

Рис. 3. а) исходный карбонатный осадок;
б) золь, полученный в водно-солевой системе после карбонизации при P = 60 атм.

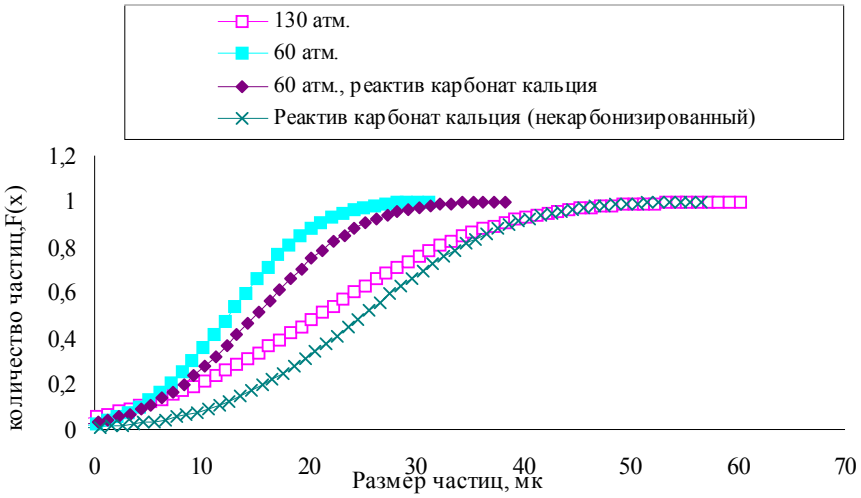


Рис. 4. Интегральная функция распределения кристаллов по размерам частиц до карбонизации и в продуктах карбонизации при P = 60, 130 атм.

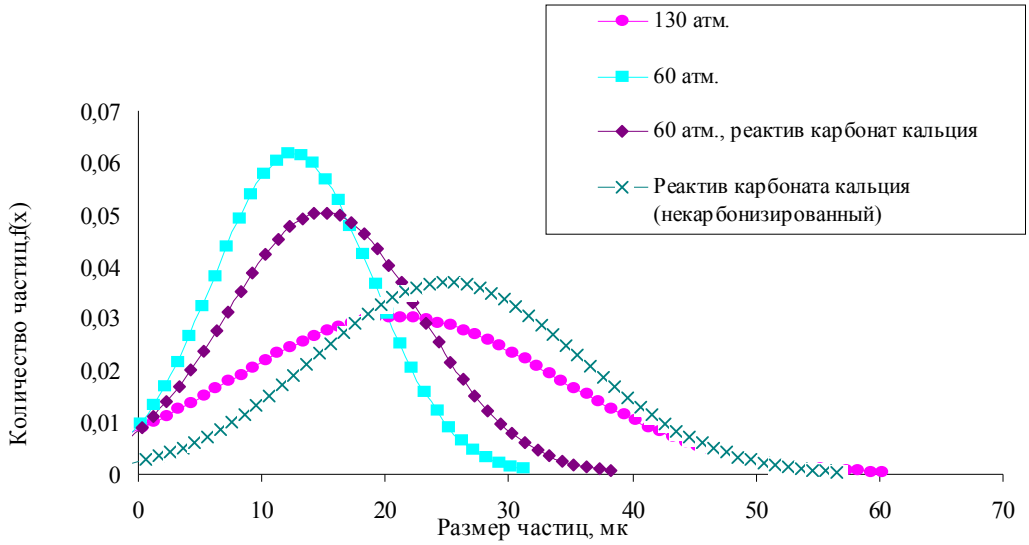


Рис. 5. Дифференциальная функция распределения кристаллов по размерам до карбонизации и в продуктах карбонизации при P = 60, 130 атм.

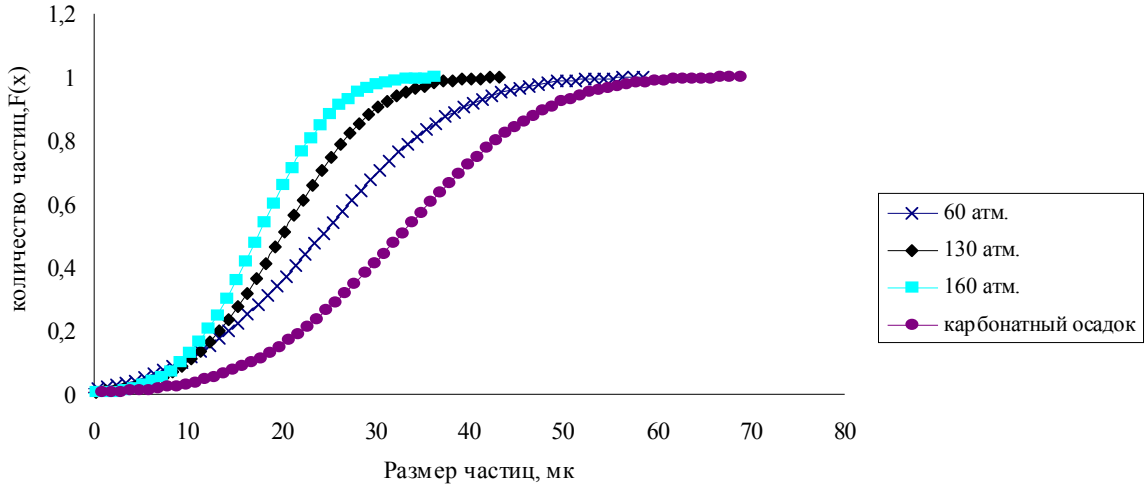


Рис. 6. Интегральная функция распределения кристаллов по размерам в карбонатном осадке после карбонизации при P = 60–160 атм.

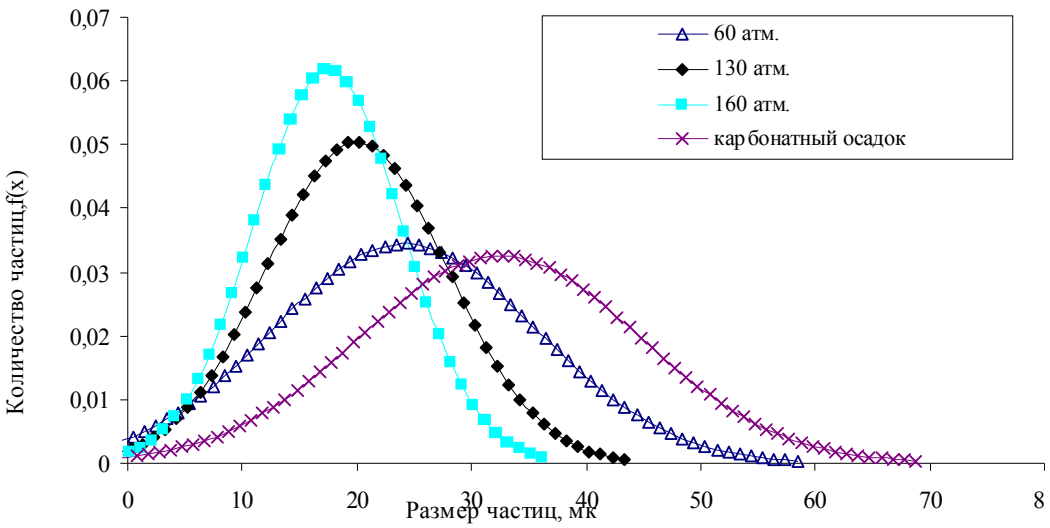


Рис. 7. Дифференциальная функция распределения кристаллов по размерам в карбонатном осадке после карбонизации при Р=60 –160 атм.

Таблица 2

Содержание суммы редкоземельных элементов в карбонатном осадке

Давление, атм.	Масса навески, г	Масса окислов РЗЭ (осадка), г	Содержание суммы РЗЭ, %
60	0,4652	0,0042	0,74
80	0,4999	0,0038	0,62
130	0,4911	0,0012	0,20
160	0,5064	0,0019	0,31

ным в водно-солевой системе под давлением 60 атм. получен карбонат кальция с размером частиц – 13 мк. Дисперсность частиц, которых увеличилась приблизительно в 2 раза по сравнению с размерами частиц реактива карбоната кальция (25 мк) до карбонизации. Проведен расчет размера частиц кристаллов этой соли в оставшемся после карбонизации карбонатном осадке (рис. 6, 7).

Наиболее крутой интегральной кривой на рисунке 6 является зависимость, характеризующая пробу карбонатного осадка после карбонизации под давлением 160 атм. Полученные пики на графике дифференциальной функции распределения кристаллов показывают наиболее часто встречающийся размер частиц карбоната кальция в данной системе 17–18 мк под давлением 160 атм. (рис. 7). В данном случае необходимость повышения давления при карбонизации для получения мелкодисперсных частиц объясняется тем, что карбонатный осадок находится в фильтр-пакете, где им создается дополнительное диффузионное сопротивление кристаллами сульфата кальция, не вступающего в реакцию с углекислотой.

Результаты определения суммы редкоземельных элементов показывают, что повышение давления до 160 атм. не увеличивает содержание редкоземельных элементов в карбонатном осадке и, значит, не концентрирует оставшийся после карбонизации (КО) по этим элементам (табл. 2). Наибольшее содержание РЗЭ в карбонатном осадке получаем при конверсии его углекислотой под давлением 60 атм.

Получение мелкодисперсного карбоната кальция в водно-солевой системе наблюдается при конверсии карбонатного осадка углекислотой при давлении 60 атм. При этом же давлении в оставшемся после карбонизации карбонатном осадке получен концентрат с наибольшим содержанием редкоземельных элементов. Определены оптимальные условия получения мелкодисперсного карбоната кальция и концентрата редкоземельных элементов из карбонатного остатка: температура 20^{0}С и давление углекислоты 60 атм.

Библиографический список

1. *Акаев О.П., Долгов В.В., Озерова Т.И.* О переработке фосфогипса – многотоннажного отхода производства экстракционной кислоты: Материалы международной научно-практической конференции. – Шарья, 2009. – Т. 2. – С. 7.

2. *Андрианов А.М., Русин Н.Ф., Дейнека Г.Ф., Сычев М.И.* Получение чистого карбоната кальция и концентрата редкоземельных элементов при комплексной переработке фосфогипса / Тр. НИУМФ. – 1983. – 144 с.

3. *Коренман И.М.* Методы количественного химического анализа. – М.: Химия, 1989. – 128 с.

4. А.с. 818304 СССР, МКИ 5С О1F 17/00 Способ извлечения РЗМ из фосфогипса / В.Н. Лебе-

дев, В.А. Маспобоев, Р.П. Серикова и др. // Бюл. Изобретений. – 1993. – № 20. – С. 53.

5. *Серебренников В.В., Алексеенко А.Л.* Курс химии редкоземельных элементов. – Томск: изд-во Томского университета, 1986. – 181 с.

6. *Яхонтова Е.Л., Петропавловский И.А.* Кислотные методы переработки фосфатного сырья. – М.: Химия, 1988. – 288 с.

УДК 669.295.681.5

Кирин Юрий Петрович
кандидат технических наук, доцент
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Березниковский филиал, г. Березники
klu2010@mail.ru

Краев Сергей Львович
Пермский национальный исследовательский политехнический университет,
Березниковский филиал, г. Березники
ksl63@mail.ru

ПОДДЕРЖКА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ В УПРАВЛЕНИИ КОНДЕНСАТОРОМ АППАРАТА ВАКУУМНОЙ СЕПАРАЦИИ ГУБЧАТОГО ТИТАНА

Проанализированы известные способы управления охлаждением конденсатора аппарата вакуумной сепарации губчатого титана. Рассмотрены особенности автоматизированного контроля стадий процесса сепарации. Предложен алгоритм поддержки принятия решений в управлении охлаждением конденсатора, учитывающий изменение тепловой нагрузки конденсатора на разных стадиях процесса сепарации.

Ключевые слова: *губчатый титан, конденсатор, конденсат магния и хлорида магния, стадия процесса сепарации, водяное и воздушное охлаждение.*

Процессы восстановления тетрахлорида титана магнием и последующей вакуумной сепарации составляют основу промышленного производства губчатого титана. Процессы проводят в аппаратах восстановления и сепарации периодического действия. Экзотермическая реакция химического превращения:

$$TiCl_4 + 2Mg = Ti + 2MgCl_2 + 519 \text{ кДж}.$$

После восстановления в реакторе остается спекшийся блок реакционной массы в виде титановой губки, пропитанной магнием и хлоридом магния. Вакуумная сепарация является основным промышленным способом очистки титановой губки от примесей магния и хлорида магния. Процесс основан на значительной разнице равновесного давления паров магния, хлорида магния и титана [1].

Очистку губчатого титана от примесей магния и хлорида магния проводят в аппарате сепарации, состоящем из герметично состыкованных друг с другом реактора и конденсатора. В аппарате создают вакуум и нагревают реактор с реакционной массой в шахтной электропечи. При этом примеси испаряются из реакционной массы, отгоняются из реактора в конденсатор и конденсируются на его внутренних стенках. В результате образуется конденсат, состоящий из магния и хлорида магния. Конденсат увлажняется и часто самовозгорается в контакте с воздухом при демонтаже аппарата сепарации. Скорость увлажнения и вероятность возгорания возрастают с увеличением удельной поверхности и содержания дисперсного магния. Поскольку конденсат является оборотным и используется в последующем цикле восстановления, то кислород, содержащийся в продуктах увлажнения и горения, попадает в титановую губку и снижает ее качество. Одним из основных факторов, определяющих условия конденсации и структуру конденсата, является тепловой режим конденсатора, зависящий от скорости отгонки магния и хлорида магния и режима охлаждения поверхности конденсатора. В производстве губчатого титана применяют водяное и воздушное охлаждение, интенсивность которого задается на основании практического опыта технологом – лицом, принимающим решения (ЛПР) и не изменяется в ходе процесса сепарации. Это приводит к тому, что в конденсаторе во второй половине процесса возникают условия, благоприятствующие протеканию объемной конденсации и образованию тонкодисперсного конденсата, который легко увлажняется и воспламеняется в контакте с воздухом. На основании расчетных и экспериментальных данных установлено, что для получения плотного невозгораемого конденсата необходимо изменять интенсивность теплосъема с конденсатора на разных стадиях процесса. При этом интенсивность теплосъема определяется температурой конденсатора с помощью специально разработанной схемы расположения термопар на его внутренней и внешней поверхности. В начальной стадии процесса, в период интенсивной возгонки паров магния и хлорида магния, температура конденсатора повышается во всех точках измерения до 500–600 ^{0}C. На этой стадии интенсивный теплосъем обеспечивается охлаждением поверхности конденсатора водой. Во второй половине процесса, когда количество поступающих в конденсатор паров

© Кирин Ю.П., Краев С.Л., 2013

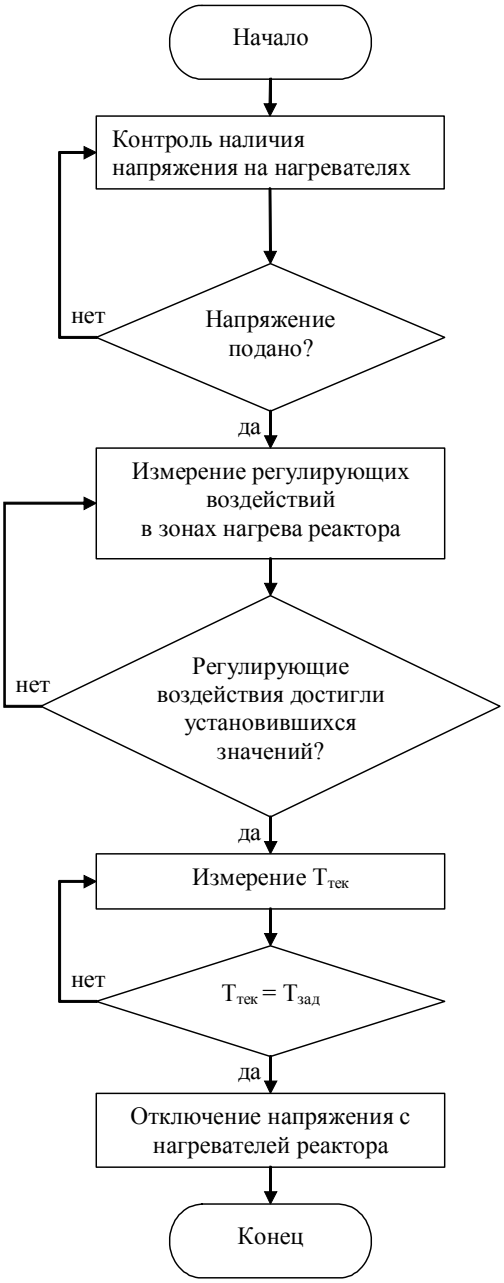


Рис. 1. Алгоритм управления продолжительностью вакуумной сепарации

уменьшается, температура конденсатора в точках измерения снижается до 200–250 ^{0}С. Интенсивность теплосъема на этой стадии процесса снижают переходом с водяного на воздушное охлаждение конденсатора. В результате проведенных исследований рекомендован к промышленному внедрению режим охлаждения, учитывающий изменение тепловой нагрузки конденсатора на разных стадиях процесса и снижающий вероятность объемной конденсации паров магния и хлорида магния [2].

Однако в промышленных условиях не удалось реализовать такой режим охлаждения из-за сложности измерения температуры поверхности конденсатора [3].

Практическая реализация предложенного режима охлаждения конденсатора возможна путем поддержки принимаемых ЛПР управленческих решений в автоматизированной системе управления продолжительностью вакуумной сепарации, функционирование которой основано на информации о продолжительности отдельных стадий процесса [4]. Необходимость управления продолжительностью вакуумной сепарации обусловлена следующими обстоятельствами.

Эффективность вакуумной сепарации оценивают по остаточному содержанию хлора в губчатом титане, которое по окончании процесса не должно превышать 0,08–0,12%. На ход процесса сепарации в промышленном производстве оказывает влияние большое число факторов. Из-за нестабильности технологических режимов процессов восстановления на сепарацию поступают блоки реакционной массы различного состава, структуры, конфигурации. Изменчивы и условия проведения процессов сепарации. Влияют исходная температура блоков реакционной массы, начальная температура печей сепарации, параметры процесса конденсации магния и хлорида магния, вакуумный режим сепарации, мощность нагревателей аппаратов. Эти факторы не поддаются учету и измерению и поразному влияют на протекание каждого отдельного процесса. Из-за отсутствия точных и надежных методов контроля окончания сепарации продолжительность каждого процесса устанавливают одинаковой с момента достижения стенкой аппарата рабочей температуры. Это приводит к снижению производительности сепарации и повышению энергозатрат на проведение процессов. Необходим критерий окончания процессов сепарации, который позволил бы установить такую минимально возможную продолжительность каждого индивидуального процесса, при которой содержание хлора в губчатом титане не превышает заданных техническими условиями значений [3].

В производстве губчатого титана используется автоматизированная система управления, в которой для более точного определения момента окончания процесс сепарации разделяют на две основные стадии [5]:

– отгонка из титановой губки в конденсатор основного количества магния и хлорида магния;

– прогрев титановой губки до температуры 940–960 ^{0}С с отгонкой в конденсатор незначительного количества оставшихся примесей (около 2% от общего их количества).

Автоматизированное управление продолжительностью вакуумной сепарации осуществляется следующим образом (рис. 1).

Реактор имеет три или более зон нагрева. В ходе процесса сепарации температура в зонах нагрева реактора поддерживается на заданных уровнях автоматическими регуляторами. Начало процесса

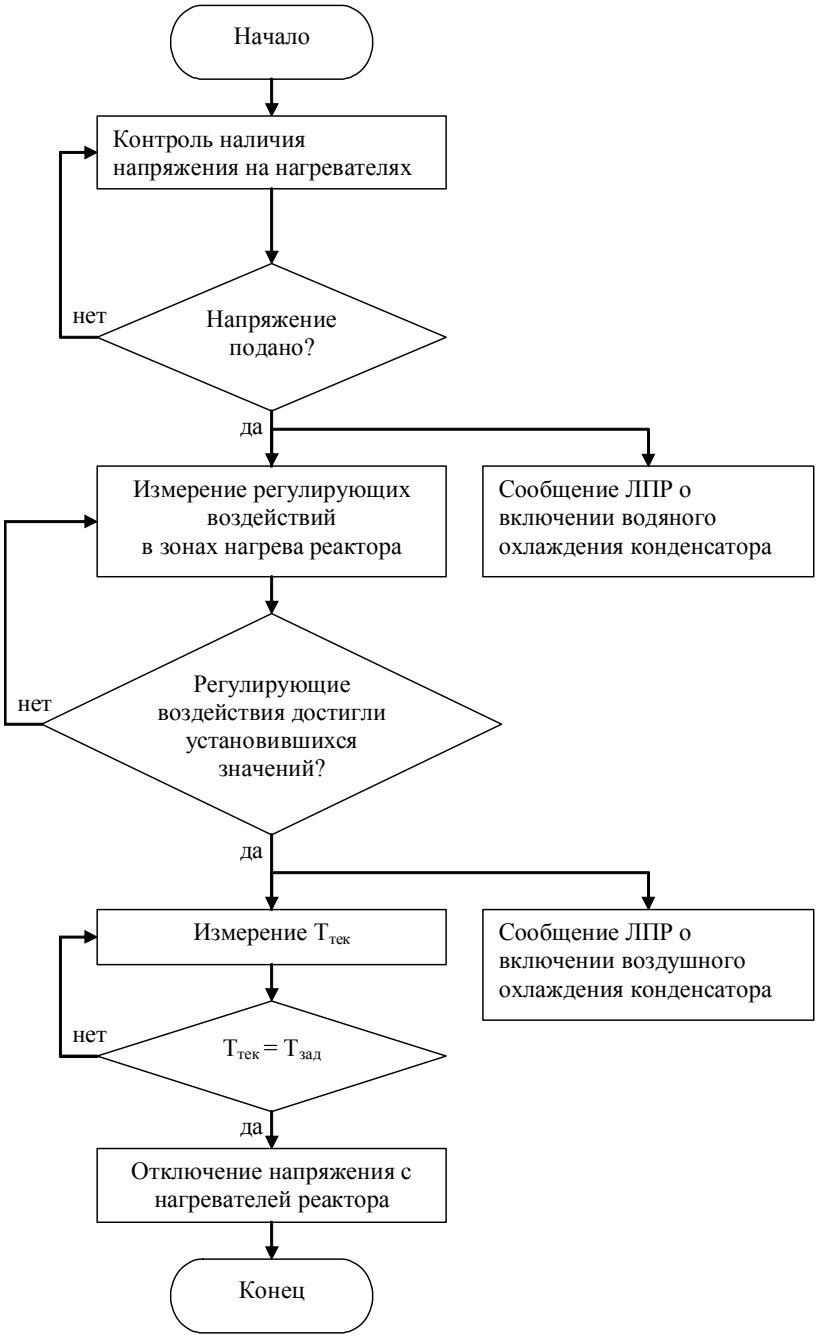


Рис. 2. Алгоритм поддержки принятия решений в управлении охлаждением конденсатора аппарата сепарации

контролируют по моменту подачи напряжения на нагреватели зон реактора. Особенность контроля продолжительности первой стадии состоит в том, что и процессе отгонки из титановой губки в конденсатор магния и хлорида магния изменяются регулирующие воздействия регулятора температуры в зонах нагрева реактора. По окончании отгонки основной массы примесей регулирующие воздействия в зонах нагрева достигают установившихся значений и остаются практически постоянными до конца процесса сепарации. Так, например, в двухпозиционных регуляторах температуры в качестве регулирующих воздействий используется время включения и выключения нагревателей зон реактора, в импульсных позиционных регуляторах – скважность включения нагревателей зон реактора [5]. Измерение и анализ регулирующих воздействий позволяют определить продолжительность и момент окончания стадии отгонки из титановой губки в конденсатор основного количества примесей.

Продолжительность второй стадии определяют расчетным или экспериментальным методами и устанавливают постоянной для аппаратов данной цикловой производительности. Продолжительность этой стадии контролируют по времени в соответ-

ствии с условием $T_{тек} = T_{зад}$, где $T_{тек}$ – текущее время сепарации, $T_{зад}$ – заданная (расчетная) продолжительность стадии прогрева. При выполнении этого условия процесс сепарации заканчивают путем отключения напряжения с нагревателей зон реактора.

В работе [6] установлено, что момент окончания отгонки из титановой губки основной массы примесей соответствует периоду конденсации их паров при температуре конденсатора 200–250 ^{0}С.

Тогда с учетом имеющейся в автоматизированной системе информации о стадиях процесса алгоритм управления охлаждением конденсатора может быть представлен в следующем виде (рис. 2). Информационная поддержка принимаемых ЛПР управленческих решений состоит в выдаче сообщений о включении водяного охлаждения конденсатора в начале сепарации и о переходе с водяного на воздушное охлаждение конденсатора по окончании отгонки из титановой губки основной массы примесей.

Предложенный алгоритм поддержки принятия решений может быть реализован в действующем АРМ оператора участка сепарации и использован для совершенствования режима охлаждения конденсатора аппарата сепарации.

Библиографический список

1. *Тарасов А.В.* Металлургия титана. – М.: ИКЦ «Академкнига». 2003. – 328 с.

2. *Мальшин В.М., Черепанова Е.А., Андреев А.Е. и др.* О тепловом режиме при вакуумной сепарации магниетермической реакционной массы // Цветные металлы. – 1981. – № 7. – С. 60–62.

3. *Кирин Ю.П., Беккер В.Ф., Затонский А.В.* Совместное проектирование технологии и системы управления вакуумной сепарацией губчатого титана. – Пермь: ПГТУ, 2008. – 124 с.

4. *Кирин Ю.П.* Информационная поддержка управления технологическими процессами производства губчатого титана // Приборы и системы. Управление, контроль, диагностика. – 2009. – № 11 – С. 7–10.

5. *Кирин Ю.П., Затонский А.В., Беккер В.Ф., Бильфельд Н.В.* Критерий окончания процесса вакуумной сепарации губчатого титана // Автоматизация и современные технологии. – 2008 – № 6. – С. 6–9.

6. А.с. 1231894 СССР. Система автоматического управления процессом вакуумной сепарации губчатого титана / Ю.П. Кирин, Ю.А. Протасов, С.В. Мушков и др. – Опубл. в БИ, 2000. – № 19.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 001 (09)

Булдаков Сергей Константинович
доктор философских наук, профессор
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
kaf_filosof @ksu.edu.ru

МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ НАУКИ: ОТ АНТИЧНОСТИ ДО НОВОГО ВРЕМЕНИ

В статье рассматриваются исторические модели развития европейской науки от античности до эпохи Нового времени.

Ключевые слова: *наука, философия, мышление, античность, средневековье, метод, знание, логика, образование.*

Исторически первая модель европейской науки берет свое начало в античной философии. Хронологические рамки античности VIII в. до н.э. – V в. н.э. Уже первые философы стали перерабатывать азиатскую вычислительную математику в дедуктивную науку. На этой основе сформировалось рациональное мировоззрение, объясняющее мир с позиций разума, хотя и в наивных формах. Первой научной (и философской) школой была милетская школа, которую основал Фалес (VI век до н. э). Фалес стал первым астрономом и математиком. Как философ он пытался найти первооснову мира и видел ее в воде. Его ученик Анаксимандр высказал догадку о происхождении жизни. Конечно, никаких естественнонаучных данных Анаксимандр не имел, и вывод делал умозрительно.

Гераклит, в отличие от милетских философов, много говорит о познании. Он различает чувственное и рациональное познание. Высшая цель познания – познание логоса, мудрости, единства мира.

Пифагорейский союз связан с именем Пифагора (VI век до н. э.), выступавшего в качестве крупного математика. В астрономии Пифагор стал одним из первых геоцентристов, в основе Космоса он видел число, которое упорядочило мироздание.

Теория Левкиппа дает первые атомистические, хотя и умозрительные представления о картине мира. Софисты и Сократ (V век до н. э.) закладывают представления о формальной логике как системе доказательств. Научное знание становится предметом изучения и преподавания. Возникают школы, где знание становится достоянием всех свободных людей.

В целом греческая цивилизация, несопоставимая по «мощности» с восточными цивилизациями, не только не стала слепо копировать их достижения, но и создала новую научную культуру. Греция ввела в практику новый тип мышления – научный, новые принципы образования – светскую школу. Вместо традиции знания как посвящения возникла традиция знания как размышления и исследования. Заслуга античных мыслителей в том, что они заложили основы современного понимания научного знания и отношения к нему общества.

Формирование научного типа мышления как системы начинается с Платона. В центре его теории лежит учение об идеях. Слово *идея* означало «образ», «форма». Платон исследует область понятий. Он считает, что чувственные вещи изменчивы, и поэтому истинное знание должно состоять в понятиях – в них выражается неизменное и существенное в каждом предмете. Идеи выступают у него как образцы вещей. Они дают общую сущность, но не объясняют, в чем причина многообразия и изменчивости, которую Платон видит в материи – втором после идей начале мироздания. Каждая вещь понимается как индивидуальное воплощение идеи материи (идея кошки воплощается в кошку). Он вводит понятие «душа космоса» или «мировая душа», которое объемлет мир идей и мир вещей, связывает их.

С точки зрения Платона, чувственные восприятия не могут быть источником знания. Основанное на показаниях органов чувств, не дает истины. Платон отрицает индуктивный метод познания, выводящий обобщения из чувственного знания. То, что основано на ощущениях, всего лишь мнения, а не знания, поэтому он допускает лишь априорное, доопытное знание. С его точки зрения, рациональное познание понимается как чисто умозрительное знание, не связанное со знанием чувственных вещей.

Основной метод познания у Платона – припоминание. Это как бы пробуждение в душе забытого знания, которое изначально в ней находится. Самое главное в методе припоминания – это искусство логического рассуждения. В своей логике Платон приходит к открытию законов мышления (например, закон запрещения противоречия).

Все науки оцениваются Платоном лишь с одной точки зрения – насколько они способны отвращать нас от чувственного мира и возносить к идеальному, служить припоминанию идей. У Платона можно различить три вида знания: 1) знание совершенно достоверное – знание идей; 2) знание близкое к достоверному – знание чисел и основанных на них наук; 3) знание мнимое, эмпирическое и физическое знание вещей чувственного мира, в котором нет истины.

© Булдаков С.К., 2013

Смысл философии Платона в том, что человек должен в процессе жизни создать условия для возвращения души к ее божественной природе. Для этого он должен осуществить познание мира с помощью доказательств, построенных по определенным логическим правилам.

Своей вершины формирование научного типа мышления достигает в работах Аристотеля. Он подверг критике теорию Платона, указав, что тот совершил ошибку, приписав самостоятельное существование тому, что самостоятельно существовать не может (идеи не существуют без вещей).

В теории познания Аристотель исходит из того, что оно начинается с чувственного восприятия, благодаря которому память накапливает опыт. Опыт дает нам знание индивидуальных вещей. Следующей ступенью познания является искусство (технэ). Это ступень познания, имеющая основу в практике. Высшая ступень познания – философия, которая дает знание общего и причин. Предпочтение Аристотель отдает рациональному знанию. Бог – это активный разум, знание существует еще до процесса познания.

Аристотель – создатель логики как науки о мышлении и его законах. Логика – это инструмент всякой науки. Как логик он определяет, что есть истина и ложь, дает определение суждению, выявляет типичные ошибки в доказательствах, исследует индукцию и аналогию. Им установлены законы противоречия и исключенного третьего, создана система категорий логики.

Определяя сущность науки, Аристотель считает, что она может быть лишь в сфере размышления, а не в сфере опыта. С точки зрения научности и ценности, он выделяет три рода наук: 1) теоретические, 2) практические, 3) творческие. Теория противопоставляется деятельности и творчеству. Теоретические науки Аристотель понимает как созерцательные в силу их умозаключительности, оторванности от опыта и критики. Этот взгляд на теорию установится в науке надолго. Система Аристотеля не имела бы той значимости, если бы в ней не был предложен принцип организации и упорядочения всех полученных знаний. Он предлагает иерархическую систему знаний: менее общее подчиняется более общему, а также предлагает соблюдать правила истинного рассуждения (мышления). Сами эти правила строились так, чтобы избежать противоречий и одновременно ассимилировать основную массу эмпирических знаний, полученных в рассуждениях и опыте. При этом Аристотель утверждал, что правила, которым должно подчиняться научное мышление, отражают устройство существующего.

Одним из условий становления античной науки являлся *поиск аргументации* той или иной точки зрения перед народом, что диктовалось развитием в Греции права и демократии. Для этого использовались простейшие приемы логической аргументации, которые затем стали использоваться в качестве средства объяснения природы. Создаются простейшие натурфилософские концептуальные модели, в которых на основе противоположностей получается новый результат. Метод полярных противоположностей создавал структурно-упорядоченную картину мира природы.

Роль логических приемов аргументации как модели понимания мира выделяется у Парменида (VI век до н. э.). В его учении переплетаются результаты логических доказательств с религиозно-мифологическими представлениями о познании. Осознав это противоречие, Парменид впервые разграничил чувственно воспринимаемое и истинное бытие, понимая бытие как высказывание. Небытия нет, так как его невозможно ни познать, ни выразить. Универсальный характер логической аргументации понимал и Платон, использовавший ее для решения самых разных вопросов (математических, космологических, правовых и т. п.).

У греков появляются первые сведения о *гипотезе* (научном предположении, требующем доказательства). Античные математики применяли в качестве метода математического доказательства дедуктивный мысленный эксперимент, включающий в себя выдвижение гипотез и вывод из них следствий с целью проверки правильности начальных догадок.

Однако метод дедукции в математике не позволял получить абсолютно истинные выводы, поскольку исходные предпосылки носили характер предположений. На это обратил внимание Платон, который впервые дал четкую формулировку обоснования научного, математического знания. Эта задача понимается им как проблема обоснования исходных посылок математических выводов и как проблема правильности этих выводов. Он предложил использовать диалектический метод для достижения безошибочной, абсолютной истины – особого мира общих идей, умопостигаемого душой. Сама идея поиска «безошибочного» метода была шагом вперед по сравнению с пифагорейской арифметикой. Вместо чисел, имеющих наглядную геометрическую природу, выступают числа-идеи, то есть идеализированные математические объекты. У Платона истинное научное знание возможно только как знание существующих в мышлении идеализированных объектов. Следует подчеркнуть, что установка на экспериментальную проверяемость знаний была чужда и Платону, и всему античному мировоззрению.

Аристотель как создатель науки о доказательствах и законах мышления – логики – выделил целостные идеализированные структуры умозаключений – *силлогизмы*. Это, по Аристотелю, некоторый вид логоса (рассуждения), выражающий отношение необходимого следования между данны-

ми посылками и заключением. Причем заключение должно вытекать из посылок с необходимостью, оно будет истинным, если посылки истинны. Таким образом, Аристотель создает *дедуктивную методологию науки.*

Разработанный Аристотелем идеал «доказывающей» науки соответствовал установкам ученых Древней Греции. Требование строгих доказательств отвечало тогдашнему уровню теоретического познания и методологическим приемам, используемым наукой. Эти античные каноны служили образцом для науки в последующие периоды.

Научное познание и материальная деятельность в эпоху античности практически не связаны между собой. Во многом эта ситуация в науке останется неизменной до эпохи Нового времени.

Вторая историческая модель науки сформировалась в Средневековье. Эпоха Средневековья имеет хронологические рамки с V по XV века н. э В теории познания появляются новые принципы: 1) креационизм (учение о сотворении мира Богом); 2) принцип богооткровенности (Бог дает знание через откровения достойным); 3) провиденциализм (учение о подчинении человека сверхъестественной судьбе – провидению); 4) эсхатология (учение о конце мира).

Средневековье занимает особое место в истории науки, от которой требуется полное подчинение религиозным догматам. Структура средневекового знания включает 4 направления.

1. Физико-космологическое, в основе которого лежит учение о движении натурфилософии Аристотеля (Бог как перводвигатель).

2. Учение о свете – оптика, в рамках которой строится модель Вселенной на основе философии Платона. (Космос – сферичен, это созданный по определенному проекту механизм, где число сфер соответствует числу планет. Земля в центре мира.)

3. Учение о живом, понимаемое как наука о душе аристотелевского толка (душа растительная, животная и разумная).

4. Комплекс астролого-медицинских знаний, к которому примыкает учение о минералах и алхимия.

В состав средневекового знания входили также философия и семь свободных искусств: грамматика, риторика, логика, арифметика, геометрия, астрономия, музыка. Философия понималась как наука о делах человеческих и божественных в той мере, в какой их понимание доступно человеку.

Наука понимается как знание, получаемое по особым правилам, лишенное заблуждений, порожденных субъективными взглядами. По мнению Аврелия Августина, наука должна носить характер христианской науки и подтверждать библейскую картину мира.

Проблема соотношения разума и веры была центральной в культуре средних веков. Существовало два основных подхода в ее решении: *религиозный интеллектуализм и религиозный антиинтеллектуализм.* Представители первого (Ансельм Кентерберийский, Пьер Абеляр и др.) допускали участие разума в восприятии религиозного учения, стремились примирить науку и религию. Августин разработал теорию о гармонии веры и разума и признавал два пути приобщения к религии – понятийно-рациональный и путь откровения. Однако откровение имеет решающее значение. Представители свободомыслия, признавая руководство миром Бога, отстаивали права и возможности человеческого разума в области науки, что нашло выражение в «теории двух истин», смысл которой заключался в независимости науки от догм теологии. Представители антиинтеллектуализма считали, что действия Бога неподвластны законам разума, его воля непредсказуема. Наука и культура понимались как ложные воззрения, уводящие людей от веры и спасения души.

В целом, проблема выражала неустранимое противоречие: наука – это особый вид творчества, но человек изначально – не творец, творец – Бог. Поэтому опытное знание развивалось медленно, а в науке сформировался такой специфический метод как схоластика. Это метод умозрительных, формально-логических доказательств, в основе которого лежала логика Аристотеля. Схоластика не описывала мир, а строила универсальный понятийный аппарат.

В средневековом знании определились два направления. Одно из них воспринимало научное наследие античности через Рим и арабо-мусульманскую культуру, тоже включавшую в себя античное наследие. С латыни и арабского переводились работы по математике и астрономии (Евклид, Птоломей, Аль-Хорезми и т.д.). С течением времени стали переводиться работы по медицине, алхимии, оптике, механике. Наиболее известной была испанская школа переводчиков. Тексты переводились с арабского на испанский, а затем на латынь, которая была общим для Европы языком науки и образования.

Второе направление связано с сохранением античного наследия в восточной части Римской империи, прежде всего в Византии. Специфика восточной ветви объяснялась сохранением греческого языка и православной трактовки христианства. Из византийских ученых наиболее известны: Иоанн Дамаскин (богослов), Лев Математик (сочинения по математике, механике, анатомии) и др. Составной частью византийской учености явилась система образования – светская и классическая. Образование было доступным, особенно для городов. Учебные заведения, школы имели несколько различных ступеней, в том числе и высшие школы (университеты). Византийские ученые собирают и комментируют уцелевшие рукописи античных авторов.

В эпоху Средневековья, наряду с элитарной университетской наукой, возникает низкая «ремесленная» наука. С XI века вместе с развитием городов начинается развитие ремесел. Формируется цеховая корпоративная система, способствующая накоплению профессионального мастерства и знаний. Именно по образу цехов в университетах Европы начинают формироваться корпоративные организации ученых, тем самым закладываются основы формирования особого сообщества – корпорации ученых. В обществе повышается престижность и социальная значимость практических знаний.

Третья историческая модель науки может быть отнесена к XIV–XV векам, именно тогда появляются предпосылки превращения познания в опытное научное знание. Происходит сближение «высокой» и «низкой» наук. Потребность в этом связана с тем, что «высокая» наука Средневековья имела ограниченную информационную емкость и не знала других способов аргументации истины кроме обращения к авторитету текстов Священного писания. Схоластическая система образования имела целью научить вести диспуты, но не давала навыков самостоятельного исследования и построения научных теорий. «Низкая» ремесленная наука начинает ощущать все большее давление со стороны практики, требующей более совершенных расчетных методов. Удовлетворение этих потребностей происходит на уровне цеховых и корпоративных школ. Расчетных схем требует банковское дело, коммерция, мореплавание. Географические открытия XV–XVI веков (Х. Колумб, Ф. Магеллан и др.) стимулируют развитие картографии и навигации. Свои требования к науке предъявляют военное дело, металлургия, строительство, медицина и т. д.

Таким образом, перед наукой встает конкретная задача, для решения которой уже недостаточно простого освоения и использования античной классики.

Важнейшим событием было внедрение в культуру Европы книгопечатания (Иоганн Гуттенберг). До сих пор знания передавались медленно и ограниченно, а печатная книга дешевле рукописной, и она тиражируется. Распространение печатных книг, в свою очередь, вызвало интерес к грамотности, что стимулировало открытие типографий. Церковь пыталась направить издательскую деятельность в нужное русло, но не смогла преградить путь свободной мысли. Ф. Аквинский нашел формулу, позволявшую познанию природы развиваться, не приходя в противоречие с теологией. Это было положение о двух путях постижения истины: через откровение и путем научного исследования. Ученый обретал свободу исследования с условием не покушаться на догматы религии.

Третья историческая модель науки завершает эпоху протонауки и создает условия для становления собственно науки.

Библиографический список

1. *Лебедев С.А.* Философия науки: краткая энциклопедия. – М., 2008 – 691 с.

2. *Степин В.С.* Философия науки. Общие проблемы. – М., 2006. – 382 с.

3. *Булдаков С.К.* История и философия науки: Учебное пособие. – М., 2008. – 138 с.

УДК 316:1

Калустьянц Жанна Суреновна
кандидат философских наук
Северо-Кавказский государственный горно-металлургический институт
linda543@mail.ru

ЭФФЕКТЫ МОДЕРНА И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ БЫТИЯ ОБЩЕСТВА

Статья посвящена рассмотрению общества модерна, которое создало небывалые возможности реализации индивидуальных жизненных проектов. Автор также выявляет неизбежность индивидуализации, что явилось причиной ослабления групповых ценностей, которые, в свою очередь, спровоцировали исторически беспрецедентное противостояние человека и общества.

***Ключевые слова**: индивидуализация, человек и общество, социальная группа, интегрированность, институциональные трансформации, социокультурная динамика.*

Идентификация любого социального феномена происходит на определенной основе. Базовой (основной) системой отсчета для определения действительного социального значения является идея общества с его понятиями подсистемы, сферы общества, социальной группы, субкультуры и т.д. Чтобы объяснить существование того или иного элемента надо показать его функциональную роль в этой системе, что делает воспроизводство общественного целого фундаментальным объяснительным принципом. Система координат общества задает разноуровневость позиции каждого из участников социальной жизни.

Так как общество являет собой специфический организм (наподобие биологического), то для его функционирования необходима определенная внутренняя интегрированность. Поэтому имеющаяся разноуровневость становится условием, импульсом для начала процесса интеграции всех элементов общества. Причем общество в результате внутренних процессов способно обеспечить высокий уро-

 © Калустьянц Ж.С., 2013

вень внутренней интегрированности в силу взаимозависимости его элементов.

Данный потенциал общества свидетельствует не только о его специфической самодостаточности, но и о способности этого организма взаимодействовать с окружающей средой, а также меняться, трансформироваться и переходить от одного состояния к другому, например, от традиционного к модерному.

Неизбежность потерь отчасти объяснима той возросшей скоростью, с которой происходят все социальные процессы. Подобный динамизм создал эффект, который Энтони Гидденс назвал «ускользание», так как социокультурная динамика приобрела ускоренный темп, резко изменив индивидуальное сознание человека, образцы его поведения и социальные практики в целом [2, с. 97]. Переход к модерну обусловил такие эффекты, как глобализация, эмансипация и симуляция.

Вполне отчетливо обозначается и проблема пространственно-временной дистанции. Однозначно, социальные отношения всегда локально вовлечены, но при этом им присуще взаимодействие на расстоянии, т.е. существует устойчивая связь между местной и отдаленной социальными формами и событиями. Она была и есть, но меняется ее характер. Если продолжить сравнения на основе критерия движения материи, то эту связь можно назвать «растянутой», а ее смысл сводится к тому, что локальные феномены формируются и развиваются под воздействием мировых событий или событий, отстоящих на длительном расстоянии, тогда как мировые события развиваются под воздействием локальных.

Этот процесс международной интеграции, именуемый глобализацией, вряд ли можно рассматривать как некое слепое развитие событий. Сомнение это обусловлено тем, что уже с середины XIX в. наблюдались процессы, сходные с размахом и сродни современной интеграции, останавливаемые глубокими кризисными явлениями, что и заставляет делать вывод об их зависимости от коллективной политической воли.

Глобальный охват способствует своеобразному «сжиманию» географического пространства, что имеет конечным результатом концентрацию времени. Вот как характеризует этот процесс Ю.Д. Гранин: «…Глобализация может и должна быть рассмотрена как мегатенденция к объединению человечества, воплощенная в диалектике пространственно-временных перемещений, взаимодействий и трансформаций антропосоциальных (т.е. культурно и политически связанных) целостностей. То есть не только как уже отмеченное распространение людей, артефактов, символов и информации за пределы регионов и континентов (географический аспект), но и как сопутствующая и детерминирующая этот процесс предметно-практическая и духовная организация, и реорганизация внешнего и внутреннего социального (экономического, политического и иного) пространства совместной жизни интегрированных и интегрирующихся в социумы («роды», «племена», «этносы», «нации») государства и цивилизации индивидов. Источниками и движущимися силами глобализационных процессов оказываются потребности (интересы) объединенных в социальные целостности людей, невозможность удовлетворения которых в локальном ареале существования стимулировала их распространение в пределах и за пределами регионов и континентов, сопровождавшееся, невзирая на постоянную борьбу за ресурсы, выработкой и установлением ценностей, норм и институтов совместной жизни» [4, с. 6].

Эта тенденция способна действовать на развитие экономики, по-настоящему революционизируя и способствуя интенсификации экономического развития и позитивно воздействуя на все прочие сферы общества. Из этого следует, что глобализация порождает конструктивные качественные изменения, такие как научно-технический прогресс, укрепление демократии, повышение благосостояния людей и, следовательно, выводит на новый уровень процветания.

В силу расширяющихся экономических связей и обеспечения за их счет возможностей для ликвидации казавшихся прежде непреодолимых социально-политических барьеров, глобализация порождает иллюзию ликвидации бедности, благодаря чему появляется надежда на более управляемую и гармоничную жизнь человечества в целом.

Но процесс глобализации затрагивает разные сферы, реализуясь в виде различных моделей, в том числе и в виде экономической модели. Он неизбежно способствует углублению экономического неравноправия, а также создает контекст для обоснования внедрения чуждых ценностей под предлогом или как условие предоставления помощи развития. Таким образом, кумулятивные процессы модерна имеют неоднозначные последствия и для развития культуры. Например, К.С. Гаджиев предостерегает: «С усложнением, модернизацией, космополитизацией, обезличиванием общества и, соответственно, потерей корней потребность людей в некоем якоре не только не уменьшается, а при определенных условиях может многократно усиливаться. Показательно, что порождаемые этими процессами и феноменами условия размывания естественных общностей в лице семьи, общины, этноса, нации способствуют выдвижению на первый план потребности, стремления присоединиться к разного рода искусственным, фиктивным, ложным общностям, таким как партии, религиозные секты и т.д. По сути дела мы имеем феномен, которого за неимением более подходящего термина я назвал бы внутренней неоварваризацией. Его проявлениями

можно считать ползучую детабуизацию и возврат к стадному состоянию, правда, по спирали на более высоком – цивилизационном – уровне. Проявлениями этого процесса являются восхождение промискуитета, шведских браков, бой- и гёрл-френдизмов, также подрывающие такие основополагающие доминанты цивилизованного общества, как браки и семья» [1, с. 12].

Таким образом, если у нас есть основания для того, чтобы заявить, что общество модерна создало небывалые возможности реализации индивидуальных жизненных проектов, то следует объяснить, чем это обернулось. Как оказалось, неизбежная индивидуализация привела к ослаблению групповых ценностей, что спровоцировало исторически беспрецедентное противостояние человека и общества.

Глобализация, дав импульс для ускорения интеграции экономических систем отдельных стран и регионов, оказалась способной повлиять на характер межкультурных и геополитических отношений. И ее действие не ограничивается только созданием условий для присутствия «другого» в определенной культурной среде. Это всего лишь первое изменение, начало трансформации. Глобализация идет дальше и стирает культурные границы, которые устанавливались на протяжении истории или, как минимум, сближает разные контексты, и не всегда это может завершаться относительно безболезненной ассимиляцией. Глобализация ведет к разрушению идентичности.

Несомненно, последствия глобализации как эффекта модернизации нельзя оценивать однозначно негативно или однозначно позитивно. Характер последствий процесса глобализации определяется через оценку социальных идеалов или одного из них. Но значимым маркером остается и приближенность к модели оптимального состояния экономики, уровень позитивности экономической интеграции.

Так как процесс глобализации порождает и создает многообразные разветвленные и многовекторные связи, то он сопровождается обменом информацией. Разные социальные системы реализуют свои функции посредством или в результате коммуникации, которая может привести как к дифференциации, так и к интеграции систем. Но не всегда коммуникация носит добровольно-волевой характер, возможна интервенция систем, когда происходит своеобразная трансплантация звеньев или фракций одной системы в другую, перенесение культурных образцов и типов поведения в таких масштабах, в которых культура-реципиент оказывается не в состоянии их усвоить.

Процессы интервенции имеют своим следствием усложнение условий взаимопонимания, что, несомненно, ведет к перегрузкам жизненного мира социума. В этом случае предпринимаемые попытки рациональной модерации культуры оказываются недостаточными, и возникает угроза разрушения культурной традиции. При этом отмечается сходная реакция: культура каждого общества отвечает болезненно на вторжение и вторгаемость, так как неизбежными производными таких процессов становятся размягчение традиционно устоявшихся культурных моделей. Возникшие деформации, несомненно, повлекут за собой утрату культурной идентичности, сопровождающуюся высокой степенью агрессии.

Подобные изменения – это следствие глубинных несовпадений социального смысла прежнего традиционного общества и модерного, о которых можно говорить (опять обращаясь к биологическим параллелям) как о генетической оппозиции. Т.е. переходы, совершаемые обществом и ложащиеся в основу оформляющихся модерных обществ, весьма существенны и меняют не просто отдельные черты, но затрагивают природу общества настолько глубоко и безвозвратно, что можно говорить о генетическом смысле происходящих перемен. Прежнее партикулярное общество разрушается. Социальная жизнь приобретает новое качество – универсальность, вследствие чего прежняя личностная конкретность вытесняется анонимностью и абстрактностью общественных отношений между людьми.

Обобщенная модель «тройной индивидуализации» вмещает в себя и выражает собой эффекты модерна как своеобразного мировоззренческого проекта, а именно, – максимальное развитие рациональных способов мышления и социальной организации как путь к освобождению от иррациональности мифа, религии, предрассудков, произвола власти. Эти эффекты были порождены не отдельным процессом, а своеобразной цепью кумулятивных и взаимно усиливающихся процессов. Процесс формирования капитала сопровождался мобилизацией ресурсов, а развитие производительных сил повышало продуктивность труда. Столь же взаимообусловлены и взаимосвязаны процессы, протекавшие в другой, не менее важной политической сфере, где в результате централизации политической власти формировались национальные идентичности, что вело к расширению политических прав и развитию городских форм жизни.

Быстрые изменения оказывают воздействие на жизненную среду и вызывают определенный шок в момент столкновения человека с изменившимся настоящим. Возникновение шока – это осознание появления бреши в смысловой ткани его (человека) жизненного мира. Человек осознает, что проверенные временем, отработанные до автоматизма и институционально закрепленные схемы, мысли и действия вдруг оказываются неактуальными, потому что порядки вещей, к которым они были хорошо подогнаны, уже распались, а то, что парадоксальным образом пришло им на смену, чуждо или враждебно.

Согласившись с Гидденсом, в том, что «…социальная жизнь состоит из упорядоченных социальных практик» [3, с. 121], отметим, что генетические изменения, вызванные эффектами модерна, напрямую влияют на эти элементарные единицы социальной жизни. Социальные практики, размещенные в пространстве и времени, осуществляются осмысленно и компетентно действующими человеческими агентами. Но эта осмысленность всегда ограничена фактическими условиями действия, с одной стороны, и его непреднамеренными последствиями, с другой.

Говоря о динамической природе социальной реальности, отметим, что социальные феномены обладают вполне реальным существованием, но они подчинены своеобразной «имманентной телеологии» или «динамической перспективе», т.е. социальный феномен существует в развитии отношений. «Социальные отношения» и «социальная жизнь» обладают реальностью лишь в определенном перспективном пространстве. Но у социального, ставшего всеобъемлющим, больше не оказывается имени: оно обращается в анонимные массы – всемогущество инерции, поглощения и нейтрализации, превосходящее все силы, воздействующие на массы.

Замена традиционных социальных общностей абстрактными мегаструктурами спровоцировала возникновение парадоксальной ситуации, которая состоит в том, что человек, став воспринимать себя в качестве сложной и уникальной личности, испытал огромную потребность в личном участии, но оно уже невозможно в этих условиях. Оказалось, что конкретное многообразие человеческой жизни не может быть реализованным в неизбежно технологизированном и бюрократизированном (абстрактном) мире.

Теоретически это осознается в форме противопоставления цивилизации и культуры и констатации кризисного состояния последней. Постановка данных проблем – удел XX века, когда уже полностью реализовались тенденции развития общества модерна. Просвещение пребывало в уверенности относительно неограниченных возможностей разума, которые реализуются в политике (идея просвещенной абсолютной монархии), философии (по мнению И. Канта, философ – это «законодатель, задающий правила работы человеческого разума»), искусстве (классицизм), концепции человека как существа, от природы наделенного здравым смыслом. Стремление к рациональной упорядоченности бытия проявилось и в новоевропейской картине мира как основе самосознания этой культуры.

Максимальная рациональность всех сторон жизни, как главное в содержании модерна, особенно заметно проявилась в сфере культуры, которая приобрела светский и рационалистический характер. Реализуемый проект модерна обеспечил трансформацию многих сфер. Он обусловил автономность науки, морали, искусства, сущностное единство которых прежде гарантировалось религией.

Библиографический список

1. *Гаджиев К.С.* Масса. Миф. Государство // Вопросы философии. – 2006. – № 6.

2. *Гидденс Э.* Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. – М.: Весь Мир, 2004.

3. *Гидденс, Э.* Устроение общества: Очерк теории структурации. – М.: Академический проект, 2005.

4. *Гранин Ю.Д.* «Глобализация» или «вестернизация»? // Вопросы философии. – 2008. – № 2.

УДК 316.343.6

Козырев Максим Сергеевич
Российский государственный социальный университет, г. Москва
max-han@yandex.ru

ИДЕОЛОГИЯ В СОВРЕМЕННОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ

В статье анализируется современная идеология, используемая в государственном регулировании социальных процессов. В качестве предмета анализа выступают Конституция РФ, Послания Президента РФ Федеральному собранию РФ и другие государственные акты.

Ключевые слова: *идеология, государственное регулирование, Конституция РФ, Послания Президента РФ Федеральному собранию РФ.*

Начиная с Нового времени, идеология активно используется при регулировании социальных процессов по всему миру и в России. Несмотря на громкие заявления о деидеологизации общественной жизни и государственной деятельности, она остается важным и неотъемлемым элементом социальных (в широком смысле этого слова) отношений.

Факт применения идеологии в государственном регулировании в России не вызывает у автора каких-либо сомнений. Однако этот процесс в нашей стране весьма специфичен. Именно о его особенностях и пойдет речь в данной статье.

Прежде всего, нужно упомянуть о частях 1 и 2 статьи 13 Конституции РФ:

1. В Российской Федерации признается идеологическое многообразие.

© Козырев М.С., 2013

2. Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

Подобные формулировки вызывают некоторые трудности в понимании механизма использования идеологии в государственном регулировании социальных процессов.

Первая трудность – из приведенных частей статьи не ясно, что из себя должна представлять идеология, дабы не попасть в «черный список» государственных или обязательных. Каковы критерии подобной дифференциации?

Легального толкования со стороны Конституционного суда РФ (единственного государственного органа, у которого есть такое право) данной статьи нет. Среди ученых встречаются разные мнения по этому поводу. Комментарии некоторых из них сводятся к живописаниям «ужасов» советского периода с присущей ему единой государственной коммунистической идеологией [2; 3], а это мало что дает для разрешения поставленной проблемы. В комментариях другой части авторов можно обнаружить весьма ценные предположения, которые позволяют сформулировать критерии государственной или обязательной идеологии.

1. Навязывание гражданам со стороны государства какой-либо идеологии, в соответствие с которой они обязаны под страхом уголовного и иного наказания разделять, изучать и пропагандировать её.

Здесь следует отметить, что только государство обладает такими возможностями для принуждения, которые позволяют устанавливать идеологию, обязательную для всего многонационального российского народа, поэтому любая государственная идеология становится автоматически обязательной. Также верно и обратное утверждение [4].

2. Прямое или косвенное закрепление и утверждение в правовых актах (в том числе и Конституции) какой-либо идеологии [1].

Последний критерий непосредственно указывает на вторую трудность в понимании механизма использования идеологии в государственном управлении.

Конституция РФ сама по себе является идеологическим актом. В результате получается парадокс самоотрицания: Конституция России, как акт государственной воли, запрещает установление государственной идеологии, но при этом сама является идеологическим документом. Подобную коллизию возможно разрешить посредством легального толкования Конституционным судом РФ, который в качестве критерия государственной идеологии определил бы её навязывание под страхом применения соответствующих правовых санкций.

Использование второго из указанных критериев (прямое или косвенное закрепление и утверждение идеологии в правовых актах) навряд ли возможно, так как это входит в противоречие с основами конституционного строя России по нижеследующим основаниям.

Выражение и защита интересов в рамках многопартийной системы неизбежно приводит к использованию государства для этих целей. Собственно для того и существуют партийный плюрализм и избирательная система, чтобы граждане могли посредством политических партий представлять и реализовывать свои интересы перед государством.

В этом случае запрет на закрепление партийной идеологии, которая есть не что иное, как выражение интересов определенных социальных групп, в правовых актах представляет запрет на один из способов агрегирования и защиты партиями интересов своих сторонников. А это обесценивает многопартийность, делает её малофункциональной даже теоретически.

К тому же, учитывая отсутствие четких и научно обоснованных отличительных признаков идеологии, отделить неидеологизированные правовые акты от своих противоположностей будет архитрудно. Значительно проще определить содержащееся в актах косвенное или прямое принуждение.

Обозначенный выше конституционный запрет, а также иные причины, описание которых выходит за рамки данной статьи, приводят к своеобразным метаморфозам использования идеологии в государственном управлении. Иллюстрацией этого процесса могут служить ежегодные послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ, при анализе которых обнаруживаются следующие любопытные детали.

Наиболее идеологизированными оказались первые семь посланий, озвученные еще Б.Н. Ельциным. По его мнению, современное российское государство должно строиться на идеях безопасности, свободы, благосостояния, солидарности. Причем данные идеи обозначаются как естественные [10]. Помимо указанного были использованы такие идеологемы, как демократическая государственность, гражданственность, открытость новой России миру, самобытность, человечность, общественная подконтрольность государства, патриотизм [10]. Однако при этом не раз появлялись предостережения по поводу выдумывания абстрактных национальных идей – подобное делать не рекомендовалось [13].

В этом случае обнаруживается достаточно распространенная формула идеологического воздействия: собственная идейная позиция естественна, остальное – абстрактно и, по-видимому, нереально. В дополнение к этому можно встретить призыв избавиться от бремени прежних идеологических догм.

Для дальнейших посланий характерна меньшая идеологическая насыщенность. К примеру, Президент РФ В.В. Путин старательно избегал каких-либо конкретных высказываний, которые имели бы отношение к формулированию национальной идеи, и, также как и его предшественник, предостерегал

от ее поиска [7], называя это занятие «старинной русской забавой» [12].

В качестве идейного ориентира в посланиях этого периода напрямую назывались идеалы европейской культуры: свободы, прав человека, справедливости и демократии [11]. Однако следует заметить, что европейская культура поливариантна. К примеру, марксизм также является её порождением, и идеалы свободы, справедливости (особенно социальной), демократии в соответствующей интерпретации являются и его идеалами. К тому же многие европейские идеологические концепции зиждятся на подразумеваемых и не оговариваемых мировоззренческих установках, которые прошли путь многовекого формирования. Смысловая нагруженность указанных выше идеалов при ближайшем рассмотрении обнаруживает идейные основания, явно выходящие за пределы буквального их толкования, не совпадая при этом с тем, как это понимается в русской культуре.

Справедливости ради стоит заметить, что в послании 2005 года было отмечено о редкости попыток раскрытия глубинного смысла в российской практике ценностей свободы и демократии, справедливости и законности. По большему счету, не сделано это было и в указанном послании. Более того, вряд ли это возможно в документе, чей объем не превышает двух десятков страниц.

Несколько отличается в описываемом смысле послание 2008 года (Д.А. Медведева). Оно содержит термин «идеология современного развития России», «неотъемлемая часть» которого – конкурентоспособность национальной экономики, освоение высвобождаемых в мировой экономике ниш, создание новых эффективных предприятий, внедрение передовых технологий. К слову, акцентирование внимания на экономических аспектах жизни общества типично для посланий всех российских президентов.

Центр указанной идеологии – человек как личность и как гражданин, которому от рождения гарантированы равные возможности, а жизненный успех которого зависит от его личной инициативы и самостоятельности, от его способности к новаторству и творческому труду [6].

Позднее, в послании 2012 года, были затронуты проблемы духовной сферы в целом без какого-либо существенного акцентирования внимания на ее идеологической составляющей. Однако примечательно то, что был поставлен вопрос о разработке полноценной программы развития воспитательной компоненты в школе, а это немыслимо без соответствующего идеологического обеспечения, пусть даже термин идеология и не будет употребляться в этом случае [8].

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что Послания Президента РФ Федеральному Собранию РФ являются не только программным политическим, но и идеологическим документом. Причем наибольшая идеологическая насыщенность характерна для первых Посланий, озвученных Б.Н. Ельцином. Здесь следует предположить наличие тенденции, в соответствии с которой чем менее прочны политические и экономические позиции современной российской власти, тем в большей степени она прибегает к идеологическому обоснованию своих действий.

Нельзя с уверенностью утверждать, каких именно идеологических взглядов придерживаются авторы Посланий. Их позиции предельно размыты. Казалось бы, свобода и права человека, его инициативность, справедливость и демократия являются основными темами либерального дискурса, но они прорабатывались и другими концепциями. К примеру, в социализме, марксизме и анархизме [5]. Отсылка к базовым общечеловеческим ценностям человечества или к идеалам европейской культуры мало что разъясняет.

Идеологические посылы можно обнаружить и в таких программных государственных документах, как «Стратегия национальной безопасности» [16] и «Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» [15]. Среди идеологем в данных актах можно встретить гуманизм, межнациональный мир и единство культур многонационального народа Российской Федерации, уважение семейных традиций, патриотизм, социальную справедливость, демократию и т.д. Как и в Посланиях, их значения не получают конкретного разъяснения.

Не лишним будет упоминание о подзаконных актах, относящихся к тем ведомствам, чья деятельность подразумевает проведение воспитательной работы. Примером таких актов может служить Общевоинский устав Вооруженных Сил Российской Федерации [17] и Приказ Министра обороны «О совершенствовании воспитательной работы в Вооруженных Силах Российской Федерации» [14].

В них можно обнаружить требования к должностным лицам Вооруженных Сил формировать у военнослужащих постоянную готовность к выполнению своего воинского долга перед Родиной, содействовать их героико-патриотическому воспитанию. Более подробного описания идеологических оснований воспитательного воздействия в данных документах автору найти не удалось.

В качестве итога можно высказать следующие предположения.

В настоящий момент в России сложилась особого рода идеология, применяемая в ходе государственного управления, отличительными признаками которой является обтекаемость и неконкретность. Подобную своеобразную мировоззренческую систему необходимо обозначить как «неидеологическую» идеологию.

Описанный в начале статьи конституционный запрет на государственную и обязательную идеологию нисколько не мешает использованию указанной идейной позиции со стороны государственных органов и их должностных лиц. Размытость и неопределенность «неидеологической» идеологии делает весьма затруднительным квалификацию нарушения запрета. Более того, требование статьи 13 Конституции РФ позволяет отсечь все возможные конкурирующие концепции, которым (по-видимому, на всякий случай) приписывается свой собственный «грех» – абстрактность.

К тому же данная идеологическая позиция является весьма практичным инструментом управления, так как позволяет мало-мальски сносно обосновать все мыслимые направления государственной политики, защищая от обвинений в произволе и использовании государственного аппарата в целях реализации интересов определенных социальных групп. Поэтому вряд ли стоит ожидать каких-либо существенных идеологических трансформаций в современном российском государственном управлении. Подобное, скорей всего, может произойти только вместе со сменой политического режима.

Библиографический список

1. *Бархатова Е.Ю.* Комментарий к Конституции Российской Федерации. – М.: Проспект, 2010.

2. Комментарий к Конституции Российской Федерации (под общ. ред. Л.В. Лазарева). – М.: ООО «Новая правовая культура», 2009.

3. Конституция Российской Федерации: доктринальный комментарий (постатейный) / под ред. Ю.А. Дмитриева. – М.: Деловой двор, 2009.

4. *Лебедев В.А.* Идеологическое многообразие и российская многопартийность: размышление о судьбе статьи 13 Конституции Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. – 2010. – № 11.

5. *Макаренко В.П.* Главные идеологии современности. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2000. – 480 с.

6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 05.11.2008 «Послание Президента России Федеральному Собранию РФ». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=81294; fld=134; dst=4294967295; rnd=0.9992906878005746 (дата обращения: 30.12.2012).

7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 08.07.2000 «Какую Россию мы строим». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=27823;fld=134; dst=4294967295;rnd=0.680640735849724 (дата обращения: 30.12.2012).

8. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2012 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=138990;fld=134; dst=4294967295;rnd=0.5676688339664324 (дата обращения: 30.12.2012).

9. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 16.02.1995 «О действенности государственной власти в России». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=212615; fld=134;dst=4294967295;rnd=0.30233738604577903 (дата обращения: 30.12.2012).

10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 24.02.1994 «Об укреплении Российского государства (Основные направления внутренней и внешней политики)». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=EXP;n=417720; fld=134;dst=4294967295;rnd=0.40720875208062756 (дата обращения: 30.12.2012).

11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 25.04.2005 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=53088;fld=134; dst=4294967295;rnd=0.7066794450017005 (дата обращения: 30.12.2012).

12. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 26.04.2007 «Послание Президента России Владимира Путина Федеральному Собранию РФ». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=67870;fld=134; dst=4294967295;rnd=0.3206853270861096 (дата обращения: 30.12.2012).

13. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 30.03.1999 «Россия на рубеже эпох (о положении в стране и основных направлениях политики Российской Федерации)». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc; base=LAW;n=22536;fld=134;dst=4294967295; rnd=0.7504615049383416 (дата обращения: 30.12.2012).

14. Приказ Министра обороны РФ от 28.02.2005 N 79 «О совершенствовании воспитательной работы в Вооруженных Силах Российской Федерации» (вместе с «Положением о социальных комиссиях в Вооруженных Силах Российской Федерации»). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru (дата обращения: 30.12.2012).

15. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 N 1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года» (вместе с «Кон-

цепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года»). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru (дата обращения: 30.12.2012).

16. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm (дата обращения: 30.12.2012).

17. Указ Президента РФ от 10.11.2007 № 1495 (ред. от 29.07.2011) «Об утверждении общевоинских уставов Вооруженных Сил Российской Федерации». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://base.consultant.ru (дата обращения: 30.12.2012).

УДК 130.2

Нартдинова Сания Сабирьяновна

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, республика Башкортостан, г. Уфа

snartdinova@mail.ru

РЕЛИГИОЗНАЯ ТОЛЕРАНТНОСТЬ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

В статье речь идет о проблемах современного состояния духовно-нравственного потенциала человечества, особенно молодежи, о зависимости бытия в мире от многочисленных изменчивых факторов. Автор приходит к выводу, что религиозная толерантность является актуальной проблемой формирования гуманизма и толерантности во всем мире и, особенно, в современной России.

Ключевые слова: *религиозная толерантность, интолерантность, онтология, терроризм, экстремизм.*

Проблемы толерантности, затрагивающие интересы науки и религии, имеют глубокие исторические корни. Огромный вклад в формирование толерантности внесли известные философы. Категориальное наполнение понятия толерантность может включать: духовное и социальное сплочение людей (Сократ); принцип в отношениях (Платон); равноценное существование (Аристотель); доброту, сравнительное себялюбие, парадигму «свой – чужой» (Кант); самобытность, собственную сущность и сущность других людей, самопознание, осознание равноценности всех (русские философы – Н.С. Трубецкой, И.А. Ильин, Н.А. Бердяев); великодушие, терпимость, но не терпеливость (В.Соловьев); противоречие «универсальные ценности – самобытные культуры», тенденцию глобализации и сохранения национальной самобытности (современные философы мультикультуралисты). Философское и религиозное обоснование толерантности изучали Л.М. Дробижева, В.М. Золотухин, Г.У. Солдатова, П.М. Козырева, В.А. Лекторский, А.В. Перцев, Б.М. Хомяков, С. Хантингтон, И. Валлерстайн, А. Гжегорчик, К. Поппер, А. Токвиль, М. Уолцер, А. Этциони и др. Этими исследователями были определены три основные подхода к урегулированию конфликтов: предупреждение, улаживание, разрешение.

В разных языках толерантность определяется по-разному. Во французском языке толерантность означает отношение, допускающее, что другие могут думать или действовать иначе, нежели ты сам. В русском языке она трактуется как способность терпеть, мириться с существованием кого-либо или чего-либо. В любом случае системообразующим элементом этого понятия является «терпимость к другому и любому виду его “иноопыта”».

В буддизме для человека дороже всего он сам; а при этом сознание всего живого едино, и отдельных «Я» просто не существует. Если мир становится единым «Я» некой духовной субстанции – будь то Брахман, Будда или джива, то движение к «просветлению» будет начинаться с понимания того, что нет чужой боли, чужого страданья, чужой истины. В китайской философии конфуцианства толерантность проявляет себя в понятии «жэнь» – «гуманность». Справедливость, искренность и верность предстают различными ипостасями этой этической категории. Интересно, что само начертание иероглифа «жэнь» состоит из человека и графического знака, означающего цифру «два», то есть речь идет об отношении человека к человеку.

В христианстве безразличие к истине прямо осуждается в Писании. Даже если человек выступает в качестве личного врага христианина, последний должен проявлять любовь к нему. Любовь предполагает готовность к общению. Состояние, которое удерживает верующего от агрессивности в отношении инакомыслящего и не позволяет ему потерять дистанцию между истиной и заблуждением, есть состояние диалога. Христианство стремится избежать насаждения уверенности в собственной исключительности, в частности, декларируя свой вселенский характер. Эта установка означает то, что в перспективе всемирной проповеди Евангелия *всякий* человек предстаёт как «ближний». Позитивное религиозное мировоззрение основано на утверждении, что Бог одинаково любит всех людей, независимо от образа их мыслей и дел. Конечно, Бог не остается равнодушным к тому, что кто-то творит зло. Но при этом Он не карает грешника, а просто рано или поздно приводит совершившего зло к ясному осознанию того,

© Нартдинова С.С., 2013

что же он натворил, к переживанию им всей меры той боли, которую он причинил другим, а через это – к подлинному раскаянию, очищению и возрождению. Таким образом, как говорит евангелист Марк: «Всякий огнем осолится [5, с. 122]».

Тем самым осуществляется превосхождение ветхозаветного понятия об избранности *лишь одного* народа, на который только и распространяются моральные заповеди. В христианстве «объектом» заповедей становится каждый человек, через веру (а не по «крови») получающий власть быть чадом Божиим.

В мусульманской философии в значении «толерантности» использовалось слово «тасамух», означающее «снисходительность», «готовность закрывать глаза на недостатки других». Более того, бытие выступает актом любви и милосердия Бога к своим творениям – 113 из 114 сур Священного Корана начинаются со слов «С именем Бога Милостивого, Милосердного». С точки зрения исламских философов, «…самые обворожительные мотивы, которыми переплетена вся Вселенная, так искусно созданная Творцом, принадлежат этому высочайшему чувству, имя которому любовь» [15, с. 37].

Нетерпимое отношение людей друг к другу на почве религиозного предпочтения и национальной принадлежности сегодня характерно для многих стран мира. Актуальной становится проблема формирования гуманизма и толерантности во всем мире и в современной России в силу её многонационального состава и многоконфессиональности, а также в связи с особенностями переживаемого периода истории – распада СССР, локальными войнами, усилением сепаратистских настроений, ростом национального экстремизма и т.д. Во многом этим объясняются те усилия, которые предпринимаются в настоящее время различными общественными и государственными институтами России для формирования в обществе высокой толерантности.

Культура, существовавшая до начала либеральных реформ, оказалась не готовой ответить на новые вызовы времени (коммерциализация отношений, утрата прежних идеалов и ценностей, глобализация и т.д.). Данные социологических исследований в Москве выявили такие факторы, которые оказали влияние на обострение конфликта поколений. Вызывает особую тревогу тот факт, что у 66% опрошенных чрезвычайно низкий уровень терпимости по отношению к людям других национальностей. В России, особенно на современном этапе ее развития, имеется острая необходимость формирования толерантного сознания.

Человек, обладающий толерантным сознанием, устойчив психически и эмоционально, у него низкий уровень тревожности, развитое чувство эмпатии, этнические предрассудки отсутствуют, он отличается широтой мышления, исходит из того, что все люди равны, у него активная жизненная позиция, он дисциплинирован и ответствен. Развитие толерантности связано с воспитанием чувств, способности к сопереживанию, сочувствию. Конечно, оно происходит с помощью формирования поведенческих моделей толерантного сознания. И одним из путей их формирования является духовное совершенствование личности, так что наибольшее развитие толерантности можно видеть в религиозной сфере. Религия является системой божественных принципов, которые призывают людей творить добро по собственному волеизъявлению. Среди религиозных принципов всегда можно найти такие основы, которые гарантируют человеку как духовное, так и материальное развитие, следовательно, создают предпосылки как для земного счастья, так и для счастья в Вечной жизни.

Ислам ввел в качестве религиозной доктрины понимание того, что этническое, религиозное и интеллектуальное разнообразие есть путь к прогрессу и культурному обогащению. Толерантность и проявление уважения к религиозным убеждениям, которые наблюдаются сегодня в фактах соседства друг с другом мечети, церкви и синагоги, берут начало из самой сути Ислама и того взаимопонимания, которое проявил Пророк Мухаммад. Ислам вывел формулу идеальной толерантности: не просто терпеть того, кто отличается от тебя, но любить его, помогать и сострадать ему как человеку – шедевру божественного искусства, – принимать его существование как неизбежное олицетворение воли Всевышнего, пожелавшего того, чтобы этот человек отличался от тебя. Выдающийся исламский мыслитель наших дней Фетхуллах Гюлен так выразил это исламское понимание толерантности: «Окрылись верой и возлюби человека, пусть не останется ни одной опечаленной души, которая не привлекла бы твое соучастие, и которой ты бы не протянул руку помощи!» [14, с. 49].

В России проживает около 20 млн. людей, исповедующих ислам. Исламское население характеризуется тенденцией быстрого демографического роста. Огромная протяженность сухопутных границ ставит вопрос выработки внутренней политики, позволяющей российским мусульманам ощущать себя гражданами своей страны. Сухопутные границы с исламским миром дают прямое соприкосновение с воинствующим исламским экстремизмом, делая Россию первым эшелоном классического конфликта «север – юг». Исламские экстремисты трансформировали идеи и лозунги панисламизма и реформаторов, провозгласив своей целью создание единого государственного образования, объединяющего всех мусульман, выдвигая идею надклассового и наднационального «мусульманского единства», всемирной общности правоверных. Они стремятся к распространению своей деятельности на все регионы, где, по их мнению, попираются права приверженцев ислама.

Современный исламский фундаментализм базируется на идее «исламского возрождения». При этом «возрожденчество» представляет собой процесс усиления роли ислама во всех сферах жизни общества (политической, экономической, в сфере бытовых отношений и т.д.), стремление к созданию идеальной мусульманской уммы.

«Исламский радикализм» – это идеологическая доктрина, основанная на утопических идеях с предположением введения их в общество по принципу «цель оправдывает средства». Закрепление тотального регулирования общественных отношений и религиозного конфликта между «истинной верой» и «неверными» с абсолютным социальным контролем может вызывать только негативную реакцию общества и искажение истинных ценностей ислама [15, с. 23].

В Послании Всемирного саммита религиозных лидеров, прошедшего в Москве 3–5 июля 2006 г. и собравшего глав и посланцев христианских, мусульманских, иудейских, буддистских, индуистских и синтоистских общин из 49 стран мира, говорилось: «Мы осуждаем терроризм и экстремизм в любой форме, а также попытки их религиозного оправдания. Использование религии как средства разжигания ненависти или как предлога для преступлений против личности, морали, человечества – это один из главных вызовов современности».

Прошедшая в июле 2008 года в Москве международная конференция «Ислам победит терроризм», на которую собрались мусульманские лидеры мира, также внесла свой вклад в борьбу с риторикой политического экстремизма. Среди наиболее важных положений совместной резолюции зафиксировано, что покушение на жизнь и достоинство человека считается тяжким грехом, и убийцы невиновных людей не могут считаться шахидами.

Сегодня ислам, которому всегда были присущи умеренность, терпимость и способность к позитивному взаимодействию с другими культурами, экстремисты пытаются радикализировать, противопоставить всему остальному миру, разрушая тем самым не только межконфессиональный мир, но и внутреннее единство исламского мира. Таким образом, радикализм предусматривает и применяет в своих действиях методы, в корне противоречащие предписанным мусульманам [3, с. 55].

Толерантность, базирующаяся на позитивном религиозном мировоззрении, способна сохранить Россию от многих потенциальных конфликтов, причем не только религиозных. Основанное на абсолютной и безусловной любви Бога ко всякому из нас, позитивное религиозное мировоззрение делает человека, обладающего им, толерантным и в сфере культуры, и в сфере межнациональных отношений. Свобода слова для представителей различных исповеданий, толерантность и позитивное религиозное мировоззрение – вот те «три кита», которые могут решать современные проблемы взаимоотношения всех верующих и неверующих. Для того чтобы сохранить определенную стабильность, необходим диалог на основе религиозной толерантности, который предусматривает мирное сосуществование народов при обязательном признании их культурного разнообразия и особенностей. Е.Ю. Клепцова убеждена, что союз религий может способствовать делу мира, но в межрелигиозном диалоге должны участвовать представители самых разных конфессий [7, с. 92]. Религиозная сфера – одна из тех составляющих жизни общества, для которых толерантность необходима в первую очередь. Авторы пособия «Толерантность и культура межнационального общения» указывают, что индикаторами толерантности в области религии выступают: степень лояльности к лицам иного вероисповедания, отношение к экстремизму и глобализации, атеизму и безрелигиозности, трактовка роли и места религии в жизни общества и человека, государства.

Современная Россия – многонациональная и поликонфессиональная страна (более 180 национальностей, более 70 религиозных направлений). Естественно, что представители всех народов и верований постоянно взаимодействуют между собой. Поэтому формирование и воспитание религиозной толерантности – один из факторов, влияющих на безопасность страны, ее целостность.

Лишь эволюционно можно достигнуть идеалов, провозглашенных всеми духовными силами человечества в том числе исламом, т.к. толерантность является достаточно тонкой материей и важнейшей категорией, которой нужно придерживаться, поскольку она определяет моральное, общественное и демократическое развитие общества.

Онтологическая сущность толерантности заключается в том, что в многополярном и взаимосвязанном мире это свойство и качество личности становится важнейшим для сохранения мира и процветания. Поэтому воспитание в духе терпимости должно быть направлено на противодействие влиянию, вызывающему чувство страха и отчуждения по отношению к другим. Оно должно способствовать формированию у молодежи навыков независимого мышления, критического осмысления и выработки суждений, основанных на моральных ценностях. Политика и программы в области образования должны способствовать улучшению взаимопонимания, укреплению солидарности и терпимости в отношениях, как между отдельными людьми, так и между этническими, социальными, культурными, религиозными и языковыми группами, нациями. При этом важную роль приобретает проблема толерантности в системе современного образования, реализующегося как в светских, так и религиозных учебных заведениях.

Библиографический список

1. *Асадуллин А.Р., Хазиев В.С., Шарипов Р.А.* Истинность социума. – БГПУ им. М. Акмуллы, 2003.

2. *Гареев А.Р., Хазиева Е.В.* Бытие человека. – Уфа: БГПУ, 2002 .

3. *Гайнутдин Р.* Ислам победит терроризм. – М.: Новый свет. – 2009. – №3.

4. *Дедова Ю. А.* Духовная онтология этноса. Бытие человека. – БГПУ им. М. Акмуллы, 2002.

5. Евангелия. – М., 2009.

6. Ислам и терроризм: союзники или противники? // Минарет. – 2009. – №3–4, (21–22).

7. *Клепцова Е.Ю.* Психология и педагогика толерантности. – М., 2004. – 167 с.

8. *Колычева П.М.* Современная онтология – категория взаимодействия / Матералы междун. научной конференции. – СПб., 2005.

9. *Лебедев В.Ю., Викторов В.Ю.* Религиоведение. – М.: ЮРАЙТ, 2011.

10. *М. Фетхуллах Гюлен.* Диалог и толерантность. – М.: Новый свет, 2009.

11. Новейший философский словарь. – М., 2009.

12. *Садриев М.М.* Основные направления воспитания толерантности молодежи. – Уфа, 2011.

13. Священный Коран. – Казань, 2009.

14. *Хазиев В.С.* Истины бытия и познания. – Уфа: Китап, 2007.

15. *Штейнберг В.Э., Калимуллин Р.Х., Манько Н.Н., Галиев Р.Г.* Исламский дидактический шамаиль как детерминант толерантности. – Уфа, 2012.

16. *Яхьяев М.* Об экстремизме, религиозности и духовно-нравственной ситуации в республиках. – Уфа, 2012.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

УДК 008

Дзюбан Валерий Валерьевич
Брянский государственный технический университет
bryanskstudzuban@mail.ru

КАЗАЧЕСТВО КАК СУБКУЛЬТУРА В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ (к постановке проблемы на примере Брянского региона)

Изменение социальной среды влияет на генезис субкультуры казачества. Тема актуальна для части современного российского общества, перенесшего государственный распад и духовный кризис. В части регионов, в том числе Брянском, идет возрождение казачьих общественных организаций, обычаев и традиций.

Ключевые слова: *казачество, казачья субкультура, социальная среда, Стародубский казачий полк.*

Возрождение казачества в Брянском регионе, как и в ряде других регионов России, началось через генезис его субкультуры с возможным ее влиянием на экономическое положение. Эта достаточно актуальная тема изучается современными исследователями, в том числе местными учеными и краеведами. В Брянском регионе и его частях проходят научно-практические конференции, посвященные этой проблеме. Например, в 2011 г. конференция была в г. Унече, в 2012 г. – в г. Стародубе. Казачьи общественные организации сотрудничают с учеными, с Брянским государственным техническим университетом.

Многие исследователи полагают, что казачество, существовавшее значительный исторический период как сословие, имеет свою субкультуру. Однако некоторые исследователи высказывает по этому поводу сомнения. Видимо, вопрос заключается в том, что казачество имеет ряд важных принципиальных отличительных особенностей. Это связано, прежде всего, с происхождением казачества, его исторического развития, с глубокими социальными изменениями, которым оно подверглось за последние столетия.

В литературе есть разные предположения о возникновении казачества Брянского региона (Северщины) [5]. Напомним, Ян Потоцкий считал, что предками казаков были потомки касогов, поселившиеся в XI в. на севере Черниговщины, то есть в Северской земле [6]. Л.Н. Гумилев предполагал, что это коренное население территории – северяне (предки ославянившихся савиров, севрюков) [7]. Н.И. Костомаров полагал, что это «сиверские вольницы, наподобие запорожской», то есть он не включал местное казачество в запорожское, а считал его подобным ему, что важно [8, с. 258]. В 1863 г. профессор В.Б. Антонович высказал мысль об образовании здесь казачества благодаря раздачам земель на границах Литовского княжества, которые предоставляли сельским общинам или отдельным лицам нешляхетского происхождения с обязанностью нести военную службу [9]. Есть точка зрения, которая, по сути, не разделяет казаков по регионам. Так, М.К. Любавский в 1895 г. в статье «Начальная история Малорусского казачества» утверждал, что история малорусского казачества не представляла процесса, отличного от истории великорусского казачества [10, с. 125]. Как в Великороссии, так и в Малороссии казак являлся сначала «отхожим» промышленником, ищущим заработки на стороне. Однако со временем стали появляться казацкие хутора, слободы, «домовитые» казаки, которые начали заниматься земледелием.

Таким образом, вопрос о возникновении казачества в исследуемом регионе и раннем самоопределении жителей региона, их ранней самоидентификации далеко не выяснен, хотя и живет в исторической памяти. Это относится ко многим казачьим регионам РФ.

Субкультура казачества как составляющая русской культуры, очевидно, имеет общие признаки с «ядром культуры». Тем не менее, любой субкультуре присуща своя специфика, для выявления которой одним из проверенных способов является её категоризация по существующим научным моделям. Несмотря на то, что модели категоризации культур создавались и были опробованы на сформировавшихся устойчивых культурах, изучение казачества как субкультуры по существующим моделям представляется актуальным. Во-первых, специальных полноценных моделей категоризации субкультур не существует; требуются предпосылки для создания такой узкоспециальной теории. Во-вторых, противоречивость казачества как социокультурного явления может выявить несовершенство моделей, как, например, отсутствие четкой системы измерения культур. В-третьих, казачество изучалось преимущественно с исторической точки зрения, несмотря на давно утвердившийся цивилизационный подход в науке.

Начало генезису казачества в регионе, в котором оно исчезло двести лет назад еще в соответствии с указами Екатерины II, было положено инициативной группой в 1994 г. в Стародубе в составе В.В. Белова, П.Ф. Лякуна, А.М. Миронова, А. Таланина. К 2012 г. казачьи организации возникли в Брянске, Унече, Сураже, Погаре, Почепе, Трубчевске и других городах и районах области.

© Дзюбан В.В., 2013

Возрождение казачества в современной России, в том числе в Брянском регионе происходит, прежде всего, в системе культурологических координат, в качестве традиционно определяемых вариативных эмпирических моделей, находящих непосредственные формы воплощения в субкультуре казачества. Появляется многообразное теоретическое поле интерпретаций возникающих смыслов, объединенных общим понятийным значением «возрождение казачества». Термин «возрождение» используется не только как метафорический оборот, служащий описательным конструктом в многоаспектном герменевтическом исследовании, а становится частью аналитического обобщения, ведущего к возникновению научного дискурса [11]. Термин начинает выражать не столько идею естественной референции, но порождает многомерность своего предназначения в области генезиса самой субкультуры казачества региона. Отсюда понимание «возрождения» как своеобразного феномена субкультуры, материализуемого на теоретико-эмпирическом ментальном уровне культурных архетипов, моделей, образов, составляющих основания жизни всей культуры региона, а в ней – субкультуры казачества. Возрождение субкультуры казачества представляет значение в качестве предмета изучения, поскольку в русской традиционной культуре эта субкультура обретает своеобразное звучание.

По существу это начало второго генезиса казачества, который опирается на историческое прошлое и, прежде всего, на культурно-исторические традиции казачества региона. Первый генезис казачества в регионе, заложивший эти традиции, уходит в далекое прошлое.

Сложность понимания прошлого казачества усугубляется тем, что проблема происхождения казачества и казачьей социальной среды в регионе в исторической литературе не нашла однозначного решения. Однако, скорее всего, прав Н.И. Костомаров, который считал, что предками стародубских казаков была «сиверская вольница», наподобие запорожской, то есть Н.И. Костомаров воспринимал их как самостоятельное социальное явление. Сами же Стародубские казаки заявили о себе в 1589 г., но жители Стародуба познакомились с казаками в 1574 г., когда казаки из Речи Посполитой сожгли город Стародуб во время Ливонской войны под руководством пропольских пришлых атаманов Франциски Суки и Микиты Бирули.

Во время смуты в начале XVI в. произошло значительное военизированное оказачивание региона, и казаки региона сыграли значительную роль в истории России, в том числе в избрании М. Романова на престол. Превращение населения в военизированное состояние еще не означало восприятие ими всеми казачьей субкультуры как своей. Однако регион оказался, как и ранее, в пограничном положении, что накладывало свой отпечаток на генезис субкультуры казачества.

Выгодное положение Стародуба как пограничного торгового города известно было давно в Кракове и в Москве. По итогам Деулинского перемирия г. Стародуб в 1618 г. отошел Польше в состав Смоленского воеводства. 15 февраля 1620 г. король Сигизмунд II направил в Стародуб жалованную грамоту с дарованием ему вольностей Магдебургского права. Продолжилось польское влияние на субкультуру казачества.

По Магдебургскому праву Стародуб имел свой герб, печать, знамя, суд, городское самоуправление. Это послужило толчком к экономическому и духовному развитию. Складывалось казачье и городское самоуправление, менялось социальное положение казачества, приближающееся к мещанскому сословию. Между тем город должен был нести различные расходы: давать жалование городским урядникам и служителям, покупать канцелярские принадлежности и т.п. Для пополнения этих расходов были введены различные статьи городских налогов. Это было сделано для улучшения духовной жизни в городе. Доходы должны были пойти в городскую казну. Прежде всего, нужно было построить на удобном месте ратушу с часами и содержать при ней трубача, затем гостиный двор, баню, лавки. Как сословие мещане получили важные льготы относительно промыслов и торговли. Они имели право производить «горилку», варить пиво и «медовуху», делать солод и даже торговать привозными винами. Таких же льгот добивалось казачество, особенно казачья элита.

В 1632 г., когда Россия начала боевые действия против Речи Посполитой, началось брожение среди крестьян, как вольных, так и зависимых. Они начали группироваться в отряды и стали называть себя «вольными казаками». Противостоящие стороны привлекали их как строевые казачьи части. Началось почти полное оказачивание региона, и на этой основе шел генезис субкультуры казачества.

С осени 1632 г. казачество не только включается в военные действия, но нередко ведет борьбу против помещиков: казаки совершают набеги на их имения, устраивают в них погромы, захватывают имущество. В их отряды перебегают солдаты из царских полков. За верную службу казакам давали земли, неприкосновенность которых исстари гарантировала верховная власть. Во времена Б. Хмельницкого территория Стародубского полка вошла в состав гетманщины, и на генезис субкультуры казачества сильное влияние оказали запорожские казаки. Северские казаки, однако, пытались противостоять гетманщине, но неудачно. Ликвидация гетманства Екатериной II привела и к ликвидации Северского казачества, к затуханию субкультуры казачества региона. Прошло два столетия.

В конце XX в. начался новый генезис субкультуры казачества. Его формальное признание нача-

лось с 9 августа 1995 г. Указом № 835 Президента Российской Федерации было утверждено «Временное положение о государственном реестре казачьих обществ в Российской Федерации». В январе 1995 г. было создано Главное управление казачьих войск при Президенте Российской Федерации, которое в 1998 г. было преобразовано в Управление Президента Российской Федерации по вопросам казачества.

Несмотря на то, что Стародубское казачество заявило о себе в ранний исторический период и пережило множество потрясений, в том числе, почти полное «оказачивание» населения региона во времена борьбы за воссоединение Украины с Россией и почти полное «расказачивание» со времен ликвидации Запорожской Сечи, начался новый генезис казачества через возрождение его субкультуры. Казачья социальная среда, пройдя через все исторические испытания, сохранив некоторые свои традиции и обычаи, начала повторный генезис.

Казачьи общественные организации стали участвовать в политической и экономической жизни, влиять на нее через духовную, культурную сферы, через само возрождение казачества, как культурной самобытной целостности. Созданные в процессе движения за возрождение казачьи организации сформулировали конкретные задачи, среди которых:

– пропаганда истории и культуры (народных обычаев, праздников, песенного творчества;

– возрождение духовности;

– патриотическое воспитание молодежи;

– установление тесных связей с армией;

– создание военно-исторических клубов и др.

С 90-х гг. XX в. активными распространителями и пропагандистами культурных традиций в регионе стали различные казачьи общества, в том числе территориальные (городские, станичные и хуторские). Эти общества, поставив одной из своих задач духовное возрождение, организовали церковные приходы, воскресные школы для детей, способствовали привлечению казаков к участию в традиционных праздниках.

Знание истории, говора, песен, владение традиционными военными навыками (верховой ездой, шашкой, борьбой), ношение военной формы стали в эти годы важными условиями самоощущения казака. При этом использовались как традиционные способы передачи опыта, так и нетрадиционные – посредством письменных и других источников информации (литература, сборники документов, песен, аудио- и видеозаписи). Значительной частью потомков казаков начала осознаваться принадлежность к казачьему сословию. Это стимулировало архивные изыскания с целью поиска своих корней, описанию родословной.

В этом процессе значительную роль сыграла просветительская и исследовательская деятельность эмиграционных кругов. В Москве вышли работы представителей эмиграции «История казаков» А.А. Гордеева (в 4-х частях), «Казачий словарь-справочник» Г.В. Губарева и А.И. Скрылова. Важной формой просветительской деятельности стало издание энциклопедий.

Казачество в регионе стремится к возрождению культурных и духовных ценностей. Так, Стародубский казачий полк ведет пропаганду казачьих традиций среди всего населения Брянщины. Большинство казаков работают сельскими тружениками. Среди них есть колхозники и фермеры. Но есть и учителя, работники администраций, науки и культуры, руководители учреждений и бизнесмены. Казаками они ощущают себя, находя много общего во время казачьих мероприятий в общении друг с другом.

Особенно активно казачество во время общественных культурных мероприятий, проводимых в регионе: торжества у Монумента Дружбы народов на стыке границ России, Украины и Белоруссии, где оно и зарождалось много веков назад, в День Победы, в Дни освобождения городов и районов от немецко-фашистских захватчиков. Казаки участвуют в различных концертах и работе подворий. Часть казаков входит в организацию «Поиск» г. Брянска (руководитель А.А. Соболев), занимающейся восстановлением исторической картины событий Великой Отечественной войны на Брянщине и перезахоронением погибших советских солдат.

Существует несколько казачьих фермерских хозяйств области, среди них наиболее известное – казачья сельхозартель в Суражском районе села Ляличи.

В 1996 г. усилиями союза казаков и Брянской епархии был отреставрирован и открыт полковой казачий собор – Рождества Христова в г. Стародубе. В с. Костеничи Суражского района была построена часовня на средства казака Осипова. Стародубские казаки являлись участниками Всероссийского крестного хода в 2003 г., проходившего на Брянщине [4].

Из вышесказанного следует, что казаки региона заинтересованы в возрождении общественной жизни через культурные традиции и особенности казачества. Они надеются, что их обычаи, традиции, все лучшее, что сохранилось в их идеалах, будет использовано на благо общества, полезно для формирования достойных граждан РФ, изменит культурную и социальную среду.

Библиографический список

1. *Воропаев А.* Стародуб. Казаки. Вечная граница. – М., 2004. – 259 с.

2. *Поклонский Д.Р.* Стародубская старина. XI–XIX вв. Исторические очерки. – Клинцы, 1998. – Кн. 1. – 244 с.

3. Социально-экономические основы развития казачества современной России: сб. науч. труд. – М., 2011. – № 7. – 325 с.

4. Хроника по Брянскому казачеству. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://kazak-center.ru/load/12-1-0-82

5. *Трифанков Я.Ю.* История казачества Брянского региона и сопредельных территорий в XVI–XVIII вв.: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук (рукопись). – Брянск: БГТУ, 2013. – 28 с.

6. *Потоцкий Я.* Рукопись, найденная в Сарагосе / пер. с пол. Д. Горбова; предисл. и примеч. С. Ланды. – М.: Худож. лит., 1992. – 736 с.

7. Путешествие в Турцию и Египет, совершенное в 1784 году // Восток-Запад. Исследования. Переводы. Публикации / пер. с фр. И.И. Кузнецовой; вступит. ст. и примеч. М.С. Мейера. – М.: ГРВЛ, 1985. – С. 35–82.

8. *Гумилёв Л.Н.* Древняя Русь и Великая Степь. – М.: Мысль, 1989. – 766 с.

9. *Костомаров Н.И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. – М., 1873–1888. – Гл. 6–8. – 596 с.

10. *Антонович В.Б.* Монографии по истории Западной и Юго-западной России. – Киев: Типография Е.Я. Федорова, 1885. – 347 с.

11. *Любавский М.К.* Начальная история малорусского казачества // Журнал Министерства народного просвещения. – 1895. – № 7. – С. 12.

12. *Шемякина М.К.* Концепт «возрождение» в русской культурной традиции: структура, функции, механизмы реализации (на материале традиционной культуры русского народа): Дис. … д-ра культурологи. – Кострома, 2013. – 255 с.

УДК 008

Лебедев Никита Андреевич
Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
ferretn@gmail.com

ТИПИЗАЦИЯ ЛОГОСА В ЛОГОТИПЕ

В статье анализируются культурологические аспекты термина «логотип». Логотип рассматривается как бинарное лингвистическое сращение: лого + тип. Последовательно анализируется культурная эволюция обоих понятий. Особое внимание обращается на смысловую доминанту типического в Логосе.

Ключевые слова: *логос, тип, логосфера, лигатура, логотип, типографика.*

В 2010 году на восемьдесят второй церемонии вручения премии Академии кинематографических искусств и наук в Лос-Анджелесе в категории «Лучший анимационный короткометражный фильм» премию «Оскар» получил французский мультфильм «Логорама» (Logorama). Годом раньше мультфильм получил премию за «Лучший короткометражный фильм» на Стокгольмском кинофестивале и премию Prix Kodak на кинофестивале в Каннах. Фильм показывает один день из жизни города-прототипа Лос-Анджелеса, который помимо всего прочего знаменит еще и тем, что в нем представлено огромное количество рекламы. Действительно, фильм буквально кишит изображениями логотипов известных компаний, их слоганов и маскотов. За 16 минут эфирного времени в поле зрения зрителей попадают упоминания примерно о 2500 компаниях. Здесь практически все является логотипами брендов – люди, дома, техника. Имена героев говорят сами за себя: Playboy-кролики, Linux-пингвины, MGM-львы в зоопарке, Michelin-полицейские выслеживают преступника по имени Рональд МакДональд и т.д.

В самом общем понимании слово *логотип* происходит исторически от др.-греч. «λόγος» – слово и «τύπος» – отпечаток. Далее история логотипа отсылает нас к типографике начала XIX века, когда «логотип» стал использоваться в качестве синонима другого термина – «лигатура» для обозначения объединения двух или трёх знаков типографского шрифта. К середине XIX века, согласно Википедии, логотипом называли любое текстовое клише, которое не нужно каждый раз набирать заново, такое как, например, заголовок-название газеты. Наконец, в XX веке логотипом уже стали называть стилизованное шрифтовое начертание названия коммерческой организации или товара (его торговую марку) или само название в таком начертании. Некоторые теоретики графического дизайна считают логотипом как шрифтовую, так и графическую части торговой марки, остальные – только шрифтовую.

Теперь рассмотрим понятие логотипа более подробно. Как и любое другое понятие, оно находится в антиномическом противоречии его статической и динамической сторон. Иначе говоря, понятие логотипа есть нечто одно, неделимое и неизменное, с одной стороны, и совокупность эволюционных изменений и процессов, с другой. И поскольку внутренняя жизнь понятия определяет его смысловое наполнение и развитие, именно к процессуальной стороне понятия логотип мы и обратимся. Лингвистически «логотип» – это сложное слово (лого + тип) с ритмической и смысловой доминантой на втором элементе. Рассмотрим их последовательно.

Логос, первооснова «лого», вошел в речевое употребление в качестве философского термина около 544–483 гг. до н.э. Как слово «логос» с самого начала имело полисемичный характер, означая одновременно «слово» (или «предложение», «выс-

 © Лебедев Н.А., 2013

казывание», «речь») и «смысл» (или «понятие», «суждение», «основание»).

Так как этот термин созвучен житейскому обозначению «слова» в речевом общении, Гераклит использовал его, чтобы особо подчеркнуть различие между Логосом как законом бытия и человеческой речью. Космический логос (слово) «обращается» к людям, хотя они и неспособны его понять. То есть в античной философии Логос интерпретируется как «слово», которое принадлежит субстанции, но не личности, является формообразующим, но не волесодержащим.

Позднее, в иудейской и христианской традициях термин «Логос» переосмысливается как слово личного и живого Бога. Бог «окликает» Словом (Логосом) вещи и тем самым вызывает их из небытия. История земной жизни Иисуса Христа, в частности, согласно БСЭ, трактуется в христианстве как воплощение, «вочеловечение» Логоса, принёсшего откровение и явившегося этим откровением («Словом жизни»), самораскрытием «Бога незримого». В соответствии с этим в христианстве утверждается тождество Логоса (Христа) Богу-Сыну, который представляет «Слово» Бога-Отца и является вторым лицом Троицы. У русских религиозных философов, таких как В.Ф. Эрн, П.А. Флоренский, понятие «Логос» обозначает цельное и органическое знание, которому свойственно равновесие ума и сердца, наличие анализа и интуиции. Наконец, во второй половине XX века светская интеллектуальная традиция трансформирует понятие «Логос» в понятие «Логосфера», в философскую категорию, обозначающую мыслительно-речевую область культуры. В основе Логосферы по мысли, например, Р. Барта, лежит некий риторический идеал («образ прекрасной речи»), предположительно существующий у любого носителя языка и составляющий неотъемлемую часть данной культуры.

Так вкратце выглядит общая интеллектуальная и духовная эволюция Логоса. На первый взгляд может показаться, что она никак не помогает нам объяснить, каким образом умозрительный Логос проникает в мир технологий и машин, а именно в типографическое дело. Но это не так. Типографический Логос возник, как мы покажем, вполне закономерно.

Автором термина «логотип» является граф Чарльз Стэнхоуп (Стэнап в английском произношении), единственный пэр Англии, который в конце XVIII – начале XIX веков внес собственными трудами вклад в английскую науку. Во второй половине XVIII века участие английских аристократов в развитии науки ограничивалось финансовой поддержкой отдельных ученых и Королевского общества. Эксцентричный граф Стэнхоуп, язвительно прозванный английской прессой «Дон-Кихотом нации», оказался примечательным исключением. Среди его изобретений – линзы для микроскопов и методы получения стереотипных копий, монохорд для настройки музыкальных инструментов и способ получения строительного раствора особой крепости, новые конструкции шлюзов для каналов и проч. Среди прочего присутствует изобретенный им в 1800 г. печатный пресс с ручной подачей бумаги и технология логотипа. Томас К. Хансард в своем труде «Типография: исторический очерк возникновения и становления искусства печати» (1825) приводит слова самого Стэнхоупа: «Я посчитал целесообразным создать новую пару составляющих наборной кассы… ввел новый набор двойных букв (это: *on, of, to, re, an, th, in, se*; они не печатались в виде лигатур) которые я называю логотипами; и отказался от двойных букв ff, fi, fl, ffi, ffl, ſt, которые ранее занимали место в наборной кассе, но использовались так редко…» [1].

Еще раз перечислим первые логотипы в истории культуры: *on, of, to, re, an, th, in, se*. Сейчас уже не представляется возможным доподлинно установить, почему именно граф решил назвать эти буквосочетания новым именем, а не причислил их к классу обычных лигатур. Общее прототипическое значение лигатуры – нечто, служащее для объединения, соединения. Лигатура – знак любой системы письма или фонетической транскрипции, образованный путём соединения двух и более графем. Можно предположить, однако, что при отборе восьми буквенных сращений Стэнхоуп руководствовался не только, и не сколько практическими соображениями технически ускорить процесс набора текста. С одной стороны, данные сочетания, по всей видимости, действительно имеют высокую частоту встречаемости в письменной речи. С другой стороны, в силу своей частотности они в определенном смысле включают в себя внутреннюю энергию бурной стихии самого языка в той мере, в какой она запечатлена в самой идее фонетического алфавита. Фонетический алфавит – уникальная технология. Из многих видов письма только в нем семантически бессмысленные буквы используются для передачи семантически бессмысленных звуков. Для примера, М. Маклюэн решительно настаивает на том, что фонетически записанное, алфабетизированное слово есть результат внезапного разрыва между слуховым и визуальным опытом человека, а сам фонетический алфавит является ни больше, ни меньше как технологией, ставшей средством создания цивилизованного человека. Цивилизация строится на основе письменности, единообразной обработки культуры зрительным чувством, расширенным в пространстве и во времени с помощью алфавита. Он создает для всех культурных институтов общий метод трансформации и контроля, превращая все ситуации в единообразные и непрерывные. Принц Модупе в автобиографической книге «Я был дикарем» (1958) так рас-

сказывает о своем первом опыте знакомства с письменным словом: «Одним из загроможденных мест в доме отца Перри были книжные полки. Постепенно я начал понимать, что значки на страницах – это *пойманные в капканы слова*. Каждый мог научиться расшифровывать эти символы и, освобождая пойманные слова из капканов, снова превращать их в речь. Типографские чернила залавливали мысли в ловушки; теперь те могли вырваться на свободу не более, чем думбу из западни» [2, с. 92].

«Пойманные в капканы слова» и есть типизированный Логос, единообразный принцип организации вселенной, воплощение, образ прекрасной речи и т.д. Напомним, что этимологически «тип» – это прототип, первообраз, подлинник, образец, основный образ. Следовательно, логотип – это технологически упорядоченный, запечатленный образ Логоса. «Технологический» означает «ускоренный», поскольку ускорение есть альфа и омега технологической мысли. Примечательно, что во множественном числе «типы» – это уже буквы, литеры, набор в типографии, снимки с которых делают печать [3]. Можно было бы сказать, что в типографическом наборе мы имеем дело с ускоренным Логосом, придуманном прогрессивно мыслящим английским графом-технократом в начале XIX века. И поскольку ускорение есть, помимо всего прочего, формула разложения и распада любой некогда уникальной, организованной, монолитной целостности, то неизбежной коррозии и редукции подвергается и Логос, превращаясь в непритязательное и неприхотливое «лого» для массового производства и массового потребления, иконический знак и индекс бренда.

В финале лихого мультфильма-боевика «Логорама» клоун-террорист Рональд Макдональд разрушает мир красивых картинок. Мир логотипов рушится. Мы видим, что планета, на которой происходят события, вращается вокруг гигантского логотипа Пепси, а тот висит где-то на краю логотипа Милки Уэй. Life is better the Milky Way.

Библиографический список

1. Oxford English Dictionary. Logotype. – [Электронный ресурс]. – https://unicat.bangor.ac.uk/validate?url=http%3A%2F%2F0-www.oed.com.unicat.bangor.ac.uk%3A80%2Fviewdictionaryentry%3Ashowfullentry%2Ftrue%3FredirectedFrom%3Dlogotype%26t%3Aac%3DEntry%2F109860 (дата обращения: 14.12.2012)

2. *Маклюэн М.* Понимание Медиа: внешние расширения человека / пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. – 3-е изд. – М.: Кучково поле, 2011. – 464 с.

3. Толковый словарь В.И. Даля. Тип. – [Электронный ресурс]. – http://dal-dictionary.info/Словарь_Даля/39597/Тип (дата обращения: 14.12.2012)

УДК 1(091) (4/9)

Семенюк Антон Павлович
кандидат исторических наук
Национальный исследовательский Томский политехнический университет
MarcelP@yandex.ru

УЧЕНИЕ О ПОТЕНЦИАЛЬНОСТИ В.В. РОЗАНОВА*

Автор статьи предлагает новый ключ к прочтению философии В.В. Розанова. В качестве такой фундаментальной связующей основы розановского мировоззрения в данной статье усматривается потенциалистская метафизика. Автор прослеживает наличие этих установок на разных этапах развития розановской мысли.

Ключевые слова: *потенциальность, русская религиозная философия, понимание.*

Категория потенциального (возможного) имеет фундаментальное значение для розановской системы взглядов. В основе картины мира Розанова лежит метафизическое учение о потенциальности как о предустановленном порядке мирового бытия, пребывающего в становлении и возникновении. Розанов мыслит бытие не данным или наличным в завершённой форме, а несущим в себе фактор становления: мир сущего есть всегда нечто неизмеримо большее и иное, чем наличный мир, доступный нашему восприятию и мышлению. Стало быть, всё сущее есть и то, чем оно ещё не является, то, что ещё будет или может быть. «Потенции – это незримые полу-существующие, четверть-существующие, сото-существующие формы (существа) около зримых (реальных). Мир «как он есть» – лишь частица и минута «потенциального мира», который и есть настоящий предмет полной философии и полной науки. Этих тайных невидимых форм предметов и явлений неизмеримо более, нежели видимых, наблюдаемых, и эти последние – только незначительная часть их получившая осуществление в данный момент», – писал Розанов в 1913 году, вспоминая свою первую книгу [4, с. 143].

В философии и естествознании Нового времени потенциальное осмысливается в соответствии с господствующей логикой причинности как воз-

* Исследование выполнено в рамках государственного задания «Наука», тема № 6.2158. 2011. «Исследование теории адаптации науки и высшего профессионального образования в условиях инновационных преобразований общества».

 © Семенюк А.П., 2013

можность, порождаемая предшествующим состоянием действительности (действительное прежде возможности). Не семя предшествует человеку, а человек – семени. И как инвариант: в кантианской философии возможное – чисто рефлексивная категория, обозначающая границы познавательных способностей субъекта. Параллельно этому господствующему пониманию в истории европейской мысли формировалось представление о потенциальности как о категории конститутивной, укоренённой в основе самого бытия, восходящей ещё к Плотину и получившей развитие у Николая Кузанского, Лейбница и романтиков. Согласно этому пониманию, возможное превыше и первичнее действительного (семя предшествует человеку), а переход от потенциального к актуальному ведёт к утрате изначальной полноты, совершенства, самодостаточности бытия. Потенциальное бытие неопределённо и содержит в себе полноту возможности – момент свободы выбора среди множества реальностей, поэтому оно целостно и всеохватно. Напротив, всякая осуществлённость в некой определённой форме сущего есть ограничение и ущербление бытия, поскольку является реализацией лишь какой-то одной возможности, сведением всех альтернативных реальностей к одной единственно возможной и допустимой реальности.

Именно к этой неклассической линии истолкования феномена потенциального логично отнести Розанова, хотя сам он наивно переоценивал свой вклад в развитие мировой потенциологии, полагая, что у него «о потенциях чуть ли не подробнее всех философов изложено» [1, с. 358]. Однако именно Розанову принадлежит идея создания новой альтернативной научной дисциплины, ориентированной не на объяснение или освоение действительного мира, а направленной на изучение мира возможного: «И чем больше, вот уже не первый год, я вдумываюсь в явление потенциальности, тем больше прихожу к мысли, оно есть именно ключ к разумению всего – мира, жизни и человеческой деятельности; и в самой потенциальности заключён целый сложный мир законов, сил, процессов – словом это не просто 2–3 слова, известным образом соединённых, но это область открывающая целый мир нового познания, и притом такого, которое может объяснить всё прочее» [3, с. 144]. Отличие такой науки от науки Нового времени в том, что она не ставит задачу исследовать фактическое многообразие мира, рассматривая наличный мир как лишь один из возможных. «Ошибочно думать, что лежащее за границами познания есть виды того же бытия, которое лежит в границах его, что это продолжение того же мира вещей, который знаем мы, но только пока ещё недосягаемое и недоступное для человека – достижимое, но не достигнутое только им. В действительности эта обусловленность и ограниченность познания и глубже и серьёзнее. Может лежать в мире нечто иррациональное, совершенно непостижимое... И это непостижимое – не новые виды уже знакомого бытия, но нечто не имеющее с ним ничего схожего и ничего общего, нечто не сравнимое с ним» [4, с. 66]. Уже после опубликования книги «О понимании» Розанов, по совету бегло ознакомившегося с книгой профессора Герье, совместно с учителем классических языков Первовым приступает к первому в России переводу «Метафизики» Аристотеля. Чтение столь авторитетного источника помогло Розанову укрепиться в своих первоначальных интуициях: в VII главе «Метафизики», целиком посвящённой проблеме потенциальности, Розанов удовлетворённо находит столь близкую ему философему семени, а также размышления о потенциальном сущем, точно совпадающие с его теорией о бытии возможного как о реальности, существующей параллельно реальности действительного мира.

Потенциальность – это также источник личностного начала в розановской философии. Личность для Розанова не означает нечто ставшее, завершённое и самотождественное, это, скорее, открытая возможность самореализации, неисчерпаемый проект, бесконечная модальность. Будучи таким человеком возможного, Розанов в большей степени принадлежит не актуальной действительности, но реальности мечты, воображения и мышления, превосходящей у него по силе и значению чувство реальной жизни. «Почти пропорционально отсутствию воли к жизни (к реализации) у меня было упорство воли к мечте. Даже, кажется, ещё постояннее, настойчивее... именно – не «подвинулось ни на скрупул» и «не уступило ничему» [5, с. 50]. Розанов сознательно избегает полной реализации, как бы сохраняя гипотетичность, переходность положения между потенциальностью и реальностью; формой такого промежуточного существования становится впоследствии жанр «эмбрионов» (или «листвы») – отрывочных высказываний, «обрывков мыслей и переживаний, зафиксированных в письменных слайдах «Уединённого». Сознание Розанова не способно выйти на уровень практической деятельности, но и не позволяет себе течь в инерции бессознательной природы: его сущность – это актуализированный импульс, который увлекает его, потом растворяется, ни в чём не утверждаясь, ни во что не воплощаясь полностью, но и ни от чего не отказываясь в мире сущего: «Я похож на младенца в утробе матери, но которому вовсе не хочется родиться. “Мне и тут тепло”...» [5, с. 50].

После неудачи труда «О понимании» Розанов, планируя написать о потенциальности отдельную книгу, в итоге вынужден был отказаться от этого замысла. В дальнейшем идея потенциальности развивается у него в рамках других тем в таких сочинениях как «Семя и жизнь», «В мире неясного и нерешённого», «В тёмных религиозных лучах»,

«Люди лунного света» и других, условно объединяемых в розановедении под рубрикой «Метафизика пола». Эта концепция явилась частью идейной программы движения «Нового религиозного сознания». По версии Розанова, место устаревшего христианства должна занять «религия святого семени», основанная на представлении о поле (sexus'e) как о подлинном начале человеческой культуры, истории и семьи. Категория «пола» в розановской трактовке очень напоминает неоплатоническое и раннехристианское представление о «семенных логосах» – неких разумных зёрнах мира или формообразующих потенциях. Пол здесь не сводится к плотскому, телесному, в духе физикализма материалистической цивилизации, но трактуется как некая энергийно-динамическая величина (измеряемая флюксиями), проявляющаяся в чистом желании, хотении или намерении. «Пол – весь организм, и – душа, и тело. Но “организм” опять же не как существо, не – “sein” и “das Ding”, а вот как это “волнение и пыл”, как “пульс и ритм”, чему органы только подчинены» [2, с. 366].

Библиографический список

1. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. В нашей смуте. Статьи 1908 г. Письма к Э.Ф. Голлербаху. – М.: Республика, 2004. – 429 с.

2. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. В темных религиозных лучах. – М.: Республика, 1994. – 476 с.

3. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Литературные изгнанники. – М.: Республика, 2001. – 368 с.

4. *Розанов В.В.* Сочинения: О понимании. Опыт исследования природы, границ и внутреннего строения науки как цельного знания. – М.: Танаис, 1995. – 808 с.

5. *Розанов В.В.* Уединённое. – М.: Политиздат, 1990. – 543 с.

ЛИНГВИСТИКА

УДК 808.2

Галкина Наталия Павловна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
gnpav@mail.ru

ТИПОЛОГИЯ СТРОИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ УСЛОВНЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЦИКЛА

В статье рассматриваются особенности употребления союза если *в условных сложноподчинённых предложениях в текстах естественнонаучного цикла, анализируются условия функционирования, способствующие конкретизации смысла.*

Ключевые слова: *условие, следствие, союз, значение, гипотетичность, научный стиль, придаточная часть, главная часть.*

В современных лингвистических исследованиях в качестве методологического принципа используются подходы «от функции к средствам (форме)» и «от средств (формы) к функции». Г.И. Золотова справедливо указывает на одинаковую значимость обоих подходов при описании реальных единиц синтаксиса, каждый из которых может «привести к достаточно информативному системному описанию грамматико-семантических средств того или иного языка» [6, с. 27]. Подобную точку зрения высказывали и другие лингвисты. «Описание – совокупность сведений о том, как устроен изучаемый механизм – как и на какие детали его можно “разобрать” (или из каких деталей его можно “собрать”)» [9, с. 8].

В данной статье рассмотрим особенности использования союза *если* и случаи его модификации в условных сложноподчинённых предложениях (УСПП) в научном стиле русского языка. Лингвисты сходятся во мнении, что этот союз является основным квалификатором условных отношений. На фоне этого союза просматриваются оттенки значений и особенности употребления других условных союзов. В условных конструкциях придаточная часть выражает ситуацию-условие, от которой зависит осуществление ситуации-следствия, описанной в главной части. Спецификой условных предложений является значение гипотетичности, в котором заложена альтернатива: соответствие или несоответствие действительности. В связи с этим различают предложения ирреального, потенциального и реального условия [5, с. 716]. «Русская грамматика» классифицирует УСПП на потенциально-условные и нереально-условные, рассматривая, однако, случаи ослабления гипотетичности [13, с. 563].

Условные высказывания играют особую роль в научных рассуждениях, с одной стороны – требующих всестороннего, объективного рассмотрения возможных ситуаций (построение гипотез о различных альтернативных ситуациях), с другой стороны – отвечающих требованиям точности, логичности, мотивированности представленной информации (обоснование одного путем ссылки на нечто другое). В качестве материала для исследования мы использовали 1600 условных конструкций (сложноподчинённые предложения (СПП) с придаточными условия), извлечённых методом сплошной выборки из произведений естественнонаучного цикла.

Анализ исследуемого материала показал, что 91% УСПП в научном стиле оформлены союзом *если* в различных модификациях. Наиболее продуктивной в исследуемом материале (58%) является конструкция, построенная по модели: *Если А, то В*, соответствующая логической операции импликации. Импликация (от лат. implico – тесно связываю) – логическая связка, соответствующая грамматической конструкции «если .., то...», с помощью которой описывается следование одного высказывания из другого [17]. Но, как отмечает В.С. Храковский, импликативные суждения составляют всего лишь часть языковых конструкций, имеющих право называться условными. «У языковых конструкций нет стопроцентных логических прототипов» [15, с. 29]. Рассмотрим наиболее типичные случаи употребления УСПП с релятивом *если – то* в произведениях естественнонаучного цикла.

1. В научной речи актуальны предложения, в которых говорящий констатирует условно-следственную связь, отражая закономерный, естественный ход событий. Наиболее частым грамматическим средством оформления таких предложений является соотношение предикатов обеих частей в форме настоящего времени глаголов несовершенного вида, позволяющих выразить периодически повторяющуюся связь ситуаций в неопределённо-временном плане. Элемент гипотетичности снижается, модальность потенциальности смещается в сторону реальности. Например: *Если концентрация гормона в крови остается высокой и рецептор остается связанным с гормоном, то система приходит в состояние 2, и далее в состояния 3, и 4….* [10, с. 213]. Именно в таких предложениях, как правило, формулируются закономерности [4, с. 324].

© Галкина Н.П., 2013

2. В научном изложении для говорящего важно представить ход своих мыслей эксплицитно, показать, как он пришёл к некоторому умозаключению, предупредить возражения, которые могли бы возникнуть у слушающего, если бы не была произнесена посылка (условие). Для придаточной части таких предложений типична безличная форма сказуемого, выраженная инфинитивом: *Если найти наиболее вероятное распределение, то можно вычислить все термодинамические свойства, взяв среднее по всему ансамблю* [11, с. 49]. Использование модального компонента (*можно сделать вывод, можно вычислить, можно убедиться, можем делать заключения и т.п.*) в главной части ослабляет значение гипотетичности, смещая значение потенциального условия в сторону реальности. Выражению отношений реального условия способствует также сказуемое придаточной части в форме прошедшего времени глагола совершенного вида: *Если мы разобрались с динамикой маятника, то в силу указанной аналогии уравнений мы можем делать заключения (о том, какую форму может принимать балка)* [8, с. 97]. Особенность УСПП служить оформлению умозаключений описывается в грамматической литературе. При этом обращается внимание на несобственно-условные отношения с инверсивным направлением обусловленности, маркируемые специализированным лексическим компонентом (*значит, следовательно, по-видимому* и т. п.) [13, с. 573–574]. Характерно, что конструкции с обратным подчинением в анализируемом материале немногочисленны и не являются продуктивными в научном стиле.

3. Построение гипотез, являющееся неотъемлемой частью научной мысли, реализуется в речи в потенциально-условных предложениях. Функцией таких высказываний является представление ситуации как возможной или невозможной и указание на предполагаемое следствие. Временной план будущего способствует отражению значения гипотетичности: *Если ток через такой переход станет больше критического тока перехода, то переход станет источником высокочастотного электромагнитного излучения* [16, с. 112]. В следующей паре предложений ярко представлена альтернатива: *Если в схеме на рис. 3.12а коэффициент усиления усилителя мал (...), то система приходит после затухающих колебаний в тривиальное состояние равновесия. Если коэффициент усиления достаточно велик, то колебания малой амплитуды в контуре будут раскачиваться* [8, с. 43].

Таким образом, мы видим, что для естественнонаучных текстов характерны конструкции с релятивом *если – то*, выражающие следующие отношения обусловленности: а) реальное осуществление условия порождает реальное следствие; б) обоснование умозаключений, эксплицитное выражение хода мыслей говорящего; в) построение гипотезы на основании допущения возможной ситуации. Столь высокая продуктивность, а также отчётливая дифференциация значений данных конструкций позволяет говорить не просто о сочетании союза *если* с соотносительным словом *то,* а о двойном союзе *если ..., то*. Сочетание союза *если* с *то* оказывается семантически и конструктивно значимым, поскольку, с одной стороны, это актуализирует информацию, выраженную в главной части, а с другой стороны, способствует чёткой организации сложного по структуре и содержанию предложения. На более тесную связь между придаточной и главной частями в случае использования коррелятов указывает Р. П. Рогожникова, отмечая при этом ослабление самостоятельности главной части [12, с. 186]. Как подчёркивает Н.А. Андрамонова, «назначение всех двойных союзов – передача контаминированных (условно-следственных и причинно-следственных) отношений» [1, с. 138]. Т.А. Колосова также квалифицирует релятив *если…то* как союз, «сигнализирующий об условно-следственных отношениях» [7, с. 48]. Учитывая высокую частотность данных конструкций в естественнонаучных текстах, можно сказать, что подключение к нейтральному, наиболее широкоупотребимому союзу *если* соотносительного слова *то* является ещё и стилистически релевантным, свидетельствующим о наличии специализированного средства связи в условных СПП – двойного союза *если…то*.

Союз *если* без соотносительного слова *то* может оформлять условные придаточные, находящиеся в пре-, пост- или интерпозиции по отношению к главной части СПП. В общем, на конструкции с ним приходится 29,5% исследуемых предложений, преимущественно с придаточным в постпозиции. Препозитивное использование придаточной части с *если* (в отличие от *если..то*) несколько ослабляет значение порождения, основанного на посылке-условии, делая связь между частями более естественной, а отношения обусловленности более очевидными, близкими к причинно-следственным. *Если концентрация вещества X снаружи больше, чем внутри, оно может перемещаться путем облегченной диффузии* [10, с. 211].

В предложениях с постпозицией придаточного акцентируется внимание на условии, которое в данном случае с точки зрения актуального членения представлено как рема (новое) высказывания. Информация главной части передаёт тему (данное). Этому способствуют обобщающие компоненты, выраженные указательными местоимениями *это, то, такой* и т.п. См., например: *Этот подход действительно оказывается оправданным, если энергии электронных состояний разделены большими энергетическим интервалами* [2, с. 230]. Коммуникативная задача данных предложений заключается в указании на ситуацию-условие, необходимую

для осуществления того, о чём говорится в главной части.

Придаточные в интерпозиции имеют характерную особенность: они представляют собой вводную конструкцию, утратившую семантику условия или основания для вывода и предназначенную для выражения различных оттенков субъективного отношения говорящего (модус высказывания). Эксплицитное оформление модуса является приметой книжной речи. В частности, научному стилю присуще указание на источник информации, на определённый аспект, на степень точности, достоверности или необходимости сообщения [7, с. 50–51]. См., например: *Обычно в белках обнаруживают 20 различных аминокислот, считая и пролин, который, если говорить точно, является аминокислотой* [10, с. 18]. *Рентгеновская астрономия, если не говорить об изучении Солнца, родилась в 1962 г. в результате случайного и неожиданного открытия (при измерениях на ракете) мощного рентгеновского источника Sco X-1 (Скорпион X-1)* [3, с. 156]. Несмотря на явную стилистическую отмеченность подобных конструкций, УСПП такого рода в исследуемом материале немногочисленны: на них приходится всего 1,5% анализируемых предложений.

Союз *если* может употребляться в сочетании с лексическими компонентами *в (том) случае, при условии*. Как отмечает Н.И. Формановская, «сочетание условных союзов с компонентами *в случае, в том случае*, *при условии* способствует усилению значения обусловленности и является стилистически релевантным» [14, с. 45]. На усиление условного значения и стилистическую отмеченность таких сочетаний обращает внимание Р.П. Рогожникова [12, с. 180–183]. В анализируемом материале случаи использования подобных конструкций немногочисленны – около 4% от всех предложений с союзом *если*. В таких предложениях отчётливо просматривается значение гипотетичности, случайности, допущение альтернативной ситуации: *1) В случае если гамильтониан не зависит от времени, формальное решение уравнения Шрёдингера может быть записано в виде* ... [2, с. 21]. *2) Если набор величин f образует непрерывный ряд, то спектр будет непрерывным (сплошным); в случае если набор f дискретен, то и спектр будет дискретным* [2, с. 20]. В последнем предложении представлены две альтернативные ситуации, осуществление которых возможно при соответствующем условии. Использование во второй части сочетания *в случае если* позволяет избежать повторения и подчёркивает отношения альтернативы.

Сочетания *в (том) случае если, при условии если* используются также при участии ограничительных частиц *только, лишь, только лишь*. В нашем материале они немногочисленны: *Но последнее возможно лишь в случае, если у нас имеется теория, описывающая процессы генерации, распространения и детектирования гравитационных волн* [3, с. 122]. Такие конструкции возможны исключительно с постпозицией придаточного, когда, как уже говорилось, акцентируется внимание на условии.

Союз *если бы*… квалифицируется в «Русской грамматике» как союз недифференцирующего типа, так как он маркирует как ирреально-условные, так и потенциально-условные отношения [13, с. 563–564]. Представление нереальных событий или ситуаций с большой степенью гипотетичности (неопределённости) не является характерным для научного стиля изложения. В исследуемом материале такие конструкции малопродуктивны – 2,5% всех УСПП. Союз *если бы,* преимущественно с коррелятом *то,* оформляет в основном препозитивные придаточные: *Если бы удалось создать ЛСЭ, работающий в рентгеновском диапазоне, то это был бы разер или, если угодно, один из вариантов разера, основанный на использовании релятивистских пучков и уже упоминавшийся выше* [3, с. 62]. В данном предложении выражены потенциально-условные отношения: автор допускает, что когда-нибудь удастся «создать ЛСЭ, работающий в рентгеновском диапазоне», и высказывает предположение о характеристиках такого устройства в случае его создания. Компонент «*если угодно»* внутри главной части служит, как уже говорилось, для эксплицитного оформления модуса высказывания.

Ирреально-условные предложения, оформленные союзом *если бы,* встречаются в научных текстах в единичных случаях. Действительно, предположения о несостоявшейся возможности, исходящей из нереализованного условия, не типичны для науки, которая «не терпит сослагательного наклонения». В выделенных нами примерах ирреально-условные предложения выполняют коммуникативную задачу «доказательства от противного»: *Если бы такое случилось, то это означало бы, что, отправляясь от одного и того же состояния, ... система могла бы эволюционировать во времени по-разному* [8, с. 61]. Данное высказывание относится к несобственно-условным конструкциям, выражающим отношения логического вывода [13, с. 573]. Основную информационную нагрузку здесь несёт заключительная часть. Помимо ирреальной модальности, создаваемой частицей *бы,* на невозможность описываемой ситуации указывает также наличие лексем противоположной семантики (*одного и того же – по-разному*). Компонент *«это означало бы»* демонстрирует позицию говорящего, выстраивающего умозаключение, а придаточная часть приобретает значение аргумента, мотивирующего вывод.

В редких случаях встречаются конструкции, оформленные союзом *если бы* в сочетании с отрицательной частицей *не*. В грамматической литературе отмечается, что в таких предложениях выра-

жается не только условно-следственная, но и причинно-следственная связь [5, с. 716; 13, с. 566]. *Если бы не релятивистская зависимость циклотронной частоты от энергии, последнее уравнение (13.28) имело вид*…[8, с. 200]. В данном предложении условная часть фактически указывает на причину *(наличие релятивистской зависимости циклотронной частоты от энергии)*, по которой ситуация, представленная в главной части, не соответствует действительности *(уравнение не имеет такой вид)*.

Таким образом, мы выделили следующие особенности функционирования условного союза *если* в естественнонаучных текстах:

1. Преобладающее использование двойного союза *если…, то*.

2. Союз *если* «в чистом виде» в научных текстах менее продуктивен. Он может присоединять зависимую часть, находящуюся в пре-, пост- или интерпозиции по отношении к главной части СПП, используется преимущественно с постпозитивными придаточными.

3. Немногочисленны случаи сочетания союза *если* с компонентами *в случае, в том случае*, *при условии*, а также при участии ограничительных частиц *только, лишь, только лишь*.

4. Малопродуктивно использование союза недифференцирующего типа *если бы,* преимущественно с препозитивными придаточными в сочетании с коррелятом *то*.

В каждом случае модификация союза сигнализирует о дифференциации значения предложения, что позволяет передать информацию с той степенью точности и логичности, которая не допускает неоднозначного декодирования.

Библиографический список

1. *Андрамонова Н.А*. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в современном русском языке. – Казань, 1977. –176 с.

2. *Барановский В.И*. Квантовая механика и квантовая химия. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 384 с.

3. *Гинзбург В.Л*. О физике и астрофизике: статьи и выступления. – М.: Наука, 1992. – 528 с.

4. Грамматика русского языка: в 2 т. Т. II, ч. 2. Синтаксис / ред. В.В. Виноградов, Е.С. Истрина. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – 440 с.

5. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 767 с.

6. *Золотова Г.А*. Очерк функционального синтаксиса. – М.: Наука, 1973. – 352 с.

7. *Кузнецов А.П., Кузнецов С.П., Рыскин Н.М*. Нелинейные колебания: учеб. пособие для вузов.– М.: Физматлит, 2002. – 292 с.

8. *Колосова Т.А*. О диктуме и модусе в сложном предложении // Филологические науки. – 1979. – № 2. – С. 47–53.

9. *Мельчук И.А*. Автоматический синтаксический анализ. – Новосибирск: Ред.-изд. отдел Сибирского отделения АН СССР, 1964. – 358 с.

10. *Николаев А.Я*. Биологическая химия. – М.: Медицинское информационное агентство, 2004. – 566 с.

11. *Простов В.Н*. Основы химической физики (курс лекций, III–IV семестр). – М., 2000. – 150 с.

12. *Рогожникова Р.П*. К вопросу о структуре условного предложения // Исследования по синтаксису русского литературного языка. – М.: Изд-во АН СССР, 1956. – С.177–187.

13. Русская грамматика: в 2 т. Т. II. Синтаксис / гл. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1980. – 714 с.

14. *Формановская Н.И*. Современный русский язык. Сложноподчиненное предложение. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. – 74 с.

15. *Храковский В.С*. Типология условных конструкций. – СПб., 1998. – 584 с.

16. *Шмидт В.В*. Введение в физику сверхпроводников. – М.: МЦНМО, 2000. – 402 с.

17. Словари и энциклопедии на академике [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/436 (дата обращения 20.12.2012).

УДК 808.2

Ганцовская Нина Семёновна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
gantsovsky_n@kosnet.ru

К ПРОБЛЕМЕ СОСТАВЛЕНИЯ ОБЛАСТНЫХ СЛОВАРЕЙ (по следам переписки Г.Г. Мельниченко и А.В. Громова)

В статье на материале переписки двух известных диалектологов рассматриваются проблемы сбора, предварительной подготовки и дальнейшей лексикографической семантизации диалектной лексики при формировании словарных статей в областных словарях разного типа.

Ключевые слова: *диалектная лексика, областной словарь, лексикография, Г.Г. Мельниченко, А.В. Громов.*

«Александра Вячеславовича Громова не назовёшь крупным учёным, он не был кандидатом наук, не пришлось ему быть и старшим преподавателем вуза. Но как знаток своего родного края он консультировал профессора Ярославского университета Григория Григорьевича Мельниченко… И вот этот человек на наших глазах входит в историю, входит своей, очень трудной дорогой – от сохи, от ремесла, из школьного класса …входит по желанию простых, но очень многочисленных пимокатов и от ещё более широкого круга людей, считавших его “чудаком” и назвавших его, по народному кратко и точно – **Костромской Даль**», – так писал в своём приветствии состоявшейся в ноябре 2012 г. в Костроме конференции, посвящённой памяти Александра Вячеславовича Громова, крупнейший лингвист нашего времени заслуженный деятель науки профессор Василий Данилович Бондалетов. Действительно, А.В.Громов, любитель поэзии и сам поэт, великолепный чтец и краевед, всю жизнь проживший на Унже и там же учительствовавший, теперь уже ясно, войдёт в русскую, но и шире – мировую историю – как знаток поунженских говоров, лексиколог и лексикограф. Он автор трёх великолепных диалектных словарей [1–3], появлению которых в прямом и переносном смысле он обязан был многолетнему творческому союзу с Григорием Григорьевичем Мельниченко, профессором Ярославского государственного педагогического университета (прежде пединститута) им. К.Д.Ушинского, разностороннему учёному, но, прежде всего, диалектологу и создателю диалектных словарей и атласов, вошедших в золотой фонд русской диалектной лексикографии и лингвогеографии [4–6]. У него он учился в студенческие годы, его советами он постоянно пользовался в дальнейшей своей работе длиною в целую жизнь при собирании и лексикографической обработке диалектного материала. В то же время и Г.Г. Мельниченко ценил А.В. Громова за целенаправленную и осмысленную диалектологическую деятельность, глубокие знания родного диалекта, кропотливую и честную работу при обработке диалектного материала. Григорий Григорьевич привлекал поунженского собирателя и к работе над составлением Ярославского областного словаря, особенно интенсивно – его 5 и 6 выпусков, советовался с ним по многим практическим вопросам словарной работы. Неоднократно публично, на конференциях и в печатном виде, он с большой теплотой отзывался о лингвистической деятельности А.В. Громова. Так, в предисловии к «Льняному словарю», как в шутку называл свой Словарь «Лексика льноводства, прядения и ткачества» А.В. Громов, Г.Г. Мельниченко писал: «В региональном отраслевом словаре с особой рельефностью проявляется индивидуальность его составителя: трудолюбие, лингвистическая наблюдательность. Жизненный опыт, осведомлённость в хозяйственно-бытовой жизни сельского населения данной местности, детальное знание технологии изучаемой отрасли трудовой деятельности, духовный мир носителя говора. Идеально таким автором может быть уроженец данной местности, проживший здесь долгие годы. Автор этого словаря – Александр Вячеславович Громов (1922 года рождения), учитель средней школы; в деревне он не гость, а свой человек, и деревня для него – родная стихия, которую он беззаветно любит» [1, с. 3]. В свою очередь в предисловии «От автора» А.Г. Громов выражает глубокую благодарность своему учителю и наставнику профессору Г.Г. Мельниченко, под руководством которого его учебная работа по диалектологии постепенно переросла в исследовательскую, завершившуюся созданием этого словаря: «С его участием решались непосредственно и конкретно не только основные вопросы (задачи словаря, его структура, структура словарных статей, программа и методика собирания материалов для него), но и частные вопросы теоретического и редакционно-технического характера в течение всего периода моей работы над словарём» [1, с. 5].

Более детально вопросы работы над этим словарём, научными статьями А.В. Громова, в некоторой степени работы над словарём «Жгонский язык», руководства диалектной практикой студентов Костромского пединститута им. Н.А. Некрасова освещались в личной почтовой переписке Г.Г. Мельниченко и А.В. Громова, которая велась с 60-х годов минувшего века и до конца жизни Григория Григорьевича. И даже «Краткий словарь народного говора Мантуровского района Костромс-

© Ганцовская Н.С., 2013

кой области» А.В. Громова, увидевший свет после смерти ярославского учителя и наставника, был запроектирован в их совместных разговорах, когда А.В. поведал Г.Г., что собирает материал для говора одного района. И, как кажется, немаловажным стимулом к появлению этого словаря явилась также работа по рецензированию рукописи словаря «Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь» (ККОС) [4] с просьбой «от Н.С. Ганцовской: нет ли этих слов на Унже? Дать значение, иллюстрации, географию». Словник ККОС был перепечатан А.В. Громовым на пишущей машинке и содержит следующие хронологические записи: «От Н.С. Ганцовской 15.10.2003. Отправлен Н.С. Ганцовской 25.XII – по почте». Почти к каждому слову А.В. дал свой комментарий на материале поунженских говоров. Не исключено, что непосредственно после этого он осуществил свой давний замысел по созданию словаря родного мантуровского говора.

В нашем распоряжении находятся письма Г.Г. Мельниченко к А.В. Громову 60-х – 70-х и более интенсивно 80-х – 90-х годов XX в., и от Громова в Ярославль, любезно предоставленные дочерью Александра Вячеславовича Любовью. В основном они касаются насущных вопросов составления областных словарей, алфавитных и тематических, дифференцированных по отношению к литературному языку и полного типа, территориальных диалектов и социальных (арго), общих и частных проблем современной диалектологии и связи её с историей языка, тонких нюансов отражения семантики народного слова разных частей речи, их словообразовательной и географической деривации, сбора диалектного материала, построению словарных статей и др.

Обозначим некоторые узловые темы переписки.

О ВАЖНОСТИ СОБИРАНИЯ ЖИВОГО ДИАЛЕКТНОГО МАТЕРИАЛА И ПРАВИЛЬНОГО ИХ ОФОРМЛЕНИЯ. Г.Г. советовал собранный материал тотчас же заносить на карточки. И по возможности оформлять их в виде словарных статей: «…Имейте в виду, что достаточность и недостаточность материалов выявляется только при составлении словарных статей. Без этого неясно, чего в материалах не хватает, поэтому, не откладывая дело, начинайте составлять словарные статьи. Они Вам пригодятся не только для будущего словаря, но и для разных статей. В процессе составления словарных статей у Вас будут появляться темы для маленьких работ, которые Вы будете публиковать» (19 февраля 1983 г.). Ранее, в письме от 18.19.81 г., он писал А.В. о пользе составления карточек с объяснением диалектных слов: «Я советую Вам вести свою работу в двух направлениях: во-первых. Выписывать слова на карточки, причём делать это не механически, а попутно смотреть, чего не хватает в Ваших объяснениях и пополнять их, уточнять формулировки, дополнять примерами и пр.; во-вторых, попутно продолжать накапливать новые материалы». Выше этим советам Г.Г. предшествуют его рассуждения по поводу необходимости разностороннего подхода к объяснению слов, предназначенных для словаря. «То, что Вы уроженец тех мест, это и большое преимущество, и большое зло. Преимущество в том, что Вам всё знакомо, Вы всё видели, знаете. Но зло в том, что Вы не можете поставить себя в положение человека, который о вещах, понятиях и действиях будет судить только по тому, что Вы напишете. А по тому, что Вы пишете, не всегда ясно для такого человека то, что ясно Вам» (18.12.81 г.). И ещё один совет Г.Г.: «Что касается слов ПЕЧИЩЕ и ОПЕЧЕК, то Вы, действительно, меня удивили! Собирайте всё, что Вам попадётся под руку, всё это пригодится» (8 июня 1975 г.).

О ТИПЕ, КОМПОЗИЦИИ И ЗАДАЧАХ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВАРЯ. В письме от 19.2.1983 г. Г.Г. высказал своё давнее убеждение в том, что «диалектный словарь должен быть не только филологическим, но и в значительной степени реальным (энциклопедическим), т.е. он должен не только давать содержание слов, но и подробно описывать предметы, процессы и пр., обозначаемые этими словами. При отсутствии таких описаний нередко трудно установить, когда мы имеем дело с абсолютно одинаковыми словами, а когда одни и те же слова имеют те или иные различия в значении, потому, что в разных местах есть различия и в самих реалиях, обозначаемых этими словами. Вопрос о тождестве слов (и по звучанию и по значению) и их различие в значении (при тождестве звучания) о тождестве значения (при различии в звучании) – всё это требует хорошего знания действительности (19.2.1983 г.).

«При объяснении слов в словаре мы должны ориентироваться на такого читателя, который в данной местности не жил и деревенского быта не знает вообще. Алфавитное расположение слов разрушает эти связи, в которых они находятся в действительности. А в действительности они живут не изолированно, а в определённых отношениях, и это облегчает их понимание» (29 ноября 1981 года). Этим он нацеливал А.В. Громова на создание тематического словаря. По поводу композиции будущего тематического отраслевого словаря «Лексика выращивания льна, прядения и ткачества», над которым работал А.В. Громов, Г.Г. пишет следующее: «Вы пишете, что все значения одного слова Вы концентрируете в одном месте. Мне кажется, что это противоречит нашему принципу тематического объединения слов. Кросна в значении ‘ткань’ должно быть там, где будут другие названия тканей. Ведь у Вас же будет алфавитный указатель слов, и кто захочет выявить все значения того или иного слова, тот, руководствуясь эти указателем, найдёт все эти значения в разных словарных ста-

тьях. Если же Вы станете на такой путь, как Вы пишете, тогда Вам всё равно придётся слово с несколькими значениями повторять в разных тематических группах и при этом или повторять значения в каждом месте или делать ссылки см. там-то. Думаю, что так будет хуже» (19 марта 1989 г.).

О МЕРЯНСКОМ СУБСТРАТЕ. Ваше замечание, что в мерянском языке много такого, что было в тайном языке мантуровских пимокатов, мне показалось очень интересным. Оно навело меня на мысль, что с глубокой древности наши предки могли пользоваться мерянским языком как тайным языком, непонятным для окружающих. И это использование мерянских слов могло явиться причиной их сохранения. Я ещё не прочитал книги О.Б. Ткаченко «Мерянский язык», но думаю, что эта мысль ему в голову не приходила. А это же очень важно. Я сейчас не помню, но мне кажется, что жгонский язык был где-то описан» (27. VIII. 85 г.).

О ПОЛЬЗЕ СЛОВАРЕЙ ДЛЯ РАБОТЫ ДИАЛЕКТОЛОГА. Для провинциального исследователя второй половины XX в., тем более жителя районного центра, при отсутствии тогда электронной связи, большой заботой было приобретение новых словарей и работа с уже имеющимися, особенно раритетными изданиями. Г.Г. помогал А.В. и в этом плане. Так, 20 марта 1974 г. Г.Г. писал: «К сожалению, словари у нас, как правило, в одном экземпляре, поэтому библиотека не разрешает их брать на руки. Дают только в кабинет или читальный зал. На всякий случай напишите мне по моему списку номера тех словарей, которые уже прошли через Ваши руки. Если я найду возможным что-нибудь из тех номеров, которые у Вас не были, Вам послать, то я постараюсь это сделать. Кстати, вы можете выписать себе 3-й том словаря из Томского университета (в моём списке он под № 20) 1 и 2 томов уже нет. Но используйте хоть 3-й. Видимо, Вам придётся поехать в Москву, чтобы там специально поработать над словарями. Там Вы всё найдёте. У нас есть далеко не всё, да и то, что есть, можно использовать только у нас. Пишите, как продвигается Ваша работа над диссертацией». (Действительно, А.В. по совету Г.Г. работал над диссертацией, хотя ему не удалось поступить в аспирантуру. По рекомендации Г.Г. А.В. предлагали работу в Уссурийском пединституте (письмо Г.Г. А.В. от 14 марта 1973 г.), но по каким-то причинам А.В. на это не согласился.) В письме от 18.12. 81 г. Г.Г. советовал А.В. Громову выписать себе из Академкниги «Словарь русских говоров Забайкалья» Л.Е. Элиасова (М.: Наука, 1980): «Он может послужить Вам образцом. Кроме того, он поможет Вам при собирании материалов по Вашему району. Вы можете проверить, какие из слов, данных в этом словаре, есть у вас, каких нет, как у Вас называются те предметы, которые в этом словаре названы не так, как у Вас, и пр. Словом, отталкиваясь от него, Вы сможете больше увидеть в местном говоре, чем Вы видели в нём до сих пор».

О ПРОБЛЕМАХ СЕМАНТИЗАЦИИ ДИАЛЕКТНОГО СЛОВА. О СИНОНИМИКЕ ДИАЛЕКТНОЙ ЛЕКСИКИ. «Думаю, что статья о синонимике в диалектной лексике у Вас должна получиться. Тут Вам придётся рассматривать Ваш материал в двух планах: 1. Синонимика между словами литературного языка и диалектными словами, 2. Синонимика между диалектными словами. Только не забывайте, что синонимами нужно считать только те слова, которые функционируют параллельно в речи одних и тех же носителей говора. Разные названия одного и того же предмета в разных говорах – не синонимы, так как они не могут заменять друг друга как средство семантической или стилистической дифференциации в наименовании предметов, действия, признаков». (29 августа 1980 г.).

Одобрение своей собирательской деятельности и напутствие от уже маститого учёного по способам лексикографической обработки и семантизации диалектного слова А.В. получал уже в самом начале своей деятельности как диалектолога. Вот письмо Г.Г. Мельниченко А.В. Громову от 8 июня 1960 г.: «Дорогой Александр Вячеславович! Мне очень приятно было получить Ваше письмо не только потому, что Вы сделали доброе дело, собрав определённый лексический материал, но и потому, что Вы сохранили интерес к живому народному слову, к живой народной речи. К сожалению, у нас так мало людей, обладающих этими качествами, даже учителя-словесники очень часто бывают глухи к тому, что происходит вокруг них. Поэтому многое теряется, остаётся незафиксированным, а ведь это очень важно с точки зрения истории нашего языка в целом. Записанные Вами искажённые литературные слова являются свидетельством того, как совершается процесс освоения книжной литературной лексики широкими народными массами. Одни слова при этом претерпевали только те или иные изменения в своём внешнем облике (в своём звучании), другие как-то ещё переосмысливались, приобретали иногда такие значения, которых они не имели в литературном языке. Поэтому при собирании этих слов, как и диалектных, важно не только записать, как данное слово произносится (записать его нужно не считаясь с орфографией и обязательно поставить в нём ударение), но и как можно точнее указать, что это слово обозначает в речи того лица, от которого оно записано» (8 июня 1960 г.)

Г.Г. Мельниченко предъявлял высокие требования к уровню семантизации диалектного слова и адекватному лексикографическому воплощению этого требования. Так, в письме от 3.IX.83 г. он писал А.В. по поводу его очерка в районной газете: «В Вашем очерке две вещи мне непонятны: 1. Что значит “подугорный ключ”? Неясен смысл выражения “Кто головы глядел…”».

В письме от 30 апреля 1990 г. Г.Г. выражал сомнения по поводу семантизации некоторых слов льноводческой тематики у А.В. и высказывал свои соображения по этому поводу: «Я думаю, что вряд ли можно слово масличный (лён) рассматривать как искажённое эластичный. Во-первых, как я понял, речь идёт не о льне как о растении. А о льноволокне. А оно может быть мягким, гладким. Рука по нему проходит плавно, как по маслу. Если же речь идёт о льне как о растении, тогда не исключено, что качество льна рассматривается с точки зрения его маслянистости при выработке льняного масла. В общем я думаю, что масличный нужно связывать в прямом или переносном смысле с маслом. Попробуйте выяснить, что ещё может быть масличным. Скажем, может быть масличной какая-нибудь ткань, гладкая поверхность какого-нибудь предмета и пр.». По поводу подбора более подходящего слова для номинации разных по значению групп лексики Г.Г. говорит следующее: «Я думаю, что деление названий тканей на две группы имеет основание. Вот только название второй группы мне кажется не совсем удачным. Лучше было бы её назвать так: «Названия разновидностей тканей». Слово конкретные сюда не очень подходит. Посмотрите значение этого слова в МАС. Он у Вас есть» [23.X. 92]. Приведём ещё некоторые примеры совместной работы двух исследователей. Г.Г. в письме от 29 ноября 1981 г. предлагает А.В. дать более точные и обстоятельные комментарии по семантике слов, предназначенных для будущего словаря: «Перехожу к вопросам. 3. Истошница – луг у истока озера, вытекающего из озера. По этому объяснению получается, что озеро вытекает из озера. Видимо, тут произошла описка. Из озера может вытекать ручей, речка… 9. Толчея, где толкли льняное масло. Вы только указали, что делалось, а что она представляла собой? Можно назвать её маслобойня (предприятие по изготовлению растительного масла)? …15. Вы правильно поняли “живое урочище”. Живое в данном случае – естественное, созданное самой жизнью, а не искусственное. Урочище, конечно, образовано от корня рок-. Ваша догадка правильна. Это подтверждает и этимологический словарь М. Фасмера. Кстати, я посмотрел академический словарь 1847 г. И там написано следующее: “Урочище. Естественный межевой знак, природная межа. Река, ручей суть живыя урочища. – если межуемыя дачи прикосновенны к казённым засекам или к диким полям, не имеющим по меже живых урочищ… Св. зак. Т. X, ч. II, стр. 344”. Из этого видно, что живое урочище было даже в своде законов. Интересно, что оно дожило в живой речи жительницы сельской местности до наших дней. Хорошо, что Вы его зафиксировали» (последние два предложения подчёркнуты адресатом письма, а слева на полях поставлен восклицательный знак).

Детальный анализ семантики диалектных слов и др. содержится и в письмах А.В. Громова своему наставнику и другу, но анализ писем А.В. Громова к Г.Г. Мельниченко – материал другого исследования. Содержание писем двух выдающихся диалектных лексикографов второй половины XX в. поучительно во многих смыслах и ни в какой мере не устарело к сегодняшнему дню.

Библиографический список

1. *Громов А.В.* Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: учеб. пособие. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992. – 117 с.

2. *Громов А.В.* Жгонский язык: словарь лексики пимокатов Макарьевского, Мантуровского и Нейского районов Костромской области. – М.: Энциклопедия российских деревень, 2000. – 126 с.

3. *Громов А.В.* Краткий словарь народного говора Мантуровского района Костромской области. – Мантурово: Мантуровская типография, 2005. – 95 с.

4. Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост. Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома: ГОУВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006. – 347 с.

5. *Мельниченко Г.Г.* Краткий ярославский областной словарь. – Ярославль, 1961.

6. *Мельниченко Г.Г.* Некоторые лексические группы в современных говорах на территории Владимиро-Суздальского княжества XII – нач. XIII в. (территориальное распространение, семантика и словообразование). Приложение к книге Лингвистические карты. – Ярославль, 1974.

7. Ярославский областной словарь / под ред. Г.Г. Мельниченко. Т. 1–10. – Ярославль, 1981–1991.

УДК 81.11

Заграевская Татьяна Борисовна
Пятигорский государственный лингвистический университет
zagraevskaya@yandex.ru

СОЦИОЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКАЯ ПАРАМЕТРИЗАЦИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОГО АФРОЭТНОСУБЪЯЗЫКА В КОНЦЕПЦИИ Э. ПАРТРИДЖА

В статье представлены результаты анализа лексикографической концепции Э. Партриджа, эксплицированной в его «A dictionary of slang and unconventional English». Выявлена система макро- и микроструктурных этносоциолексикографических инструментов раскрытия генезиса и бытия англоязычного афроэтносубъязыка. Установлены степени параметрической активности и ранга каждого из рассматриваемых инструментов.

Ключевые слова: *англоязычный, афроэтносубъязык, инструментарий, лексикография, помета, сленг, словарь, социолексикографический, субстандарт, этносоциолексикографический.*

Особенности англоязычного афроэтносубъязыка являются объектом внимания лексикологических справочников по субстандарту на протяжении нескольких столетий. Их данные, будучи расширенными в каждой из последующих публикаций [ср., напр.: 1–4], несомненно, углубляют наши знания о генезисе, эволюции и узусе столь широко представленного компонента английского полинационального языка, в качестве которого функционирует афроэтносубъязык.

Наиболее фундаментальную разработку специального инструментария и механизма социолексикографирования генезиса и бытия англоязычного афроэтносубъязыка мы находим в словаре Э. Партриджа «A dictionary of slang and unconventional English» [5], концепция которого анализируется в данной статье.

Согласно нашим подсчетам, Э. Партридж использовал 53 этносоциолексикографических инструмента. На время издания его словаря это наиболее развернутый, хотя и не исчерпывающий, инструментарий. Например, темпорально-исторические характеристики афроэтносоциолектизмов раскрыты не только в терминах конкретных дат, но и ряда сопутствующих дескрипторов, типа *spade*: A Negro: low: *from ca. 1920. Since ca. 1954*, it has mostly designated a West Indian. Ex the colour of the card suit; Cf. *'as black as the ace of spades'*. Utterly black or dark: coll.: *late C. 19-20*. P.B. adds, *1976*: 'Nowadays, I think, applied more often to Negroes and other dark-skinned people than to, say, weather conditions.' В приведенной статье данный афроэтносоциолектизм снабжен двумя комплексными *темпорально-историческими* пометами *в терминах конкретных годов*: 1) помета «*from ca. 1920*» указывает на дату генезиса или появления этой афроэтнолексемы в узусе, то есть в британском афроэтносубъязыке, в качестве «низкого» афроэтносленгизма или афроэтноколлоквиализма (помета «low») со значением «a Negro». Помета «*Since ca. 1954*», совместно с новой *дефиницией*, выполненной *развернутым лингвистическим толкованием* «it has mostly designated a West Indian», в которое включен ареально-геолектный компонент «West Indian», выполняющий функцию *ареально-геолектной пометы*, указывает не только на примерное время сужения первоначального значения, но и регион бытования нового значения в британском английском. Здесь же *этимолого-дериватологическая справка* «Ex the colour of the card suit» сопровождена отсылкой на другую статью, открывающая вокабула которой представляет собой производный от «spade» афроэтнофразеологизм. Все это совместно позволяет, по *темпорально-исторической* помете *в терминах конкретных веков* – «*late C. 19-20*», судить о том, что «spade» продолжил свое бытование в британском афроэтносубъязыке в конце XIX в. и весь XX в. в составе афроэтнофразеологизма с новым дополнительным оттенком значения «dark-skinned people», актуального, по крайней мере, в 1987 г., как это очевидно из дополнительной *темпорально-исторической* пометы *в терминах конкретных годов* от редактора данного словаря П. Била (указатель «P.B.»).

Генезис и бытие афроэтносоциолектизмов раскрываются также посредством других маркеров, напр.: *black ivory.* (African) Negroes as merchandise: 1873 (SOD); ob. by 1935. Здесь в *дефиниции*, выполненной развернутым лингвистическим толкованием, содержится два элемента – «Negroes», относящий данное наименование к неграм, и «(African)» относящий его именно к африканским неграм, а также очень важный элемент – «as merchandise», который совместно с предыдущими элементами позволяет отнести это выражение к этнолексикону работорговцев, то есть к соответствующей «белой» части афроэтносоциолекта и, далее, афроэтносубъязыка, уже бытовавшее, как это подтверждено ссылкой на *паспортизированный словарный источник* – Краткий Оксфордский словарь «(SOD)», к 1873 г. и устаревшее к 1935 г., что следует из пометы «ob. by 1935». Скорее всего, это был общий англоязычный афроэтносоциолектизм всех, кто имел дело с работорговлей и рабовладением, поскольку здесь нет указания на национальный ареал. Однако можно предположить, что данный этносленгизм употреблялся и на американской почве, поскольку негры транспортировались и продавались, преимущественно, в США и в южноамериканских странах.

© Заграевская Т.Б., 2013

Наше исследование осуществлялось в двух направлениях: с одной стороны, выявлялись и классифицировались признаковые параметры лексикографирования афроэтносоциолектизмов, с другой – группировались и интерпретировались последние в терминах выявленного инструментария, типа: 16 афроэтносоциолектизмов из общего числа в 270 маркированы комплексными *ареально-мобильными пометами* (1) «*adopted*, или *anglicised*, *ex US*» и (2) «*orig*. [= originally] *US … anglicised*», как указывающим на исконное американское происхождение зарегистрированного афроэтносоциолектизма, так и свидетельствующим о его последующей «британизации» (с возможным указанием ее времени посредством *темпорально-исторических помет*). При этом пометы «*ex US*» и «*orig. US*» выступают в качестве микроструктурных этносоциолексикографических инструментов, относящих маркированные ими афроэтносленгизмы, первоначально, к американскому национальному варианту полинационального английского языка, и затем, через возможные дополнительные микроструктурные инструменты – пометы, компоненты дефиниций и ссылки на паспортизированные словарные источники и иллюстративные примеры, выполняющие функции этносоциолингвистических и ареальных помет, – к афроамериканскому этносубъязыку и, далее, к афроэтносоциолекту (в составе этносубъязыка в качестве его субстандартного компонента), из которого эти сленгизмы и были заимствованы в этносубстандарт британского английского. Эти комплексные *ареально-мобильные дескрипторы* «*adopted* / *anglicised ex US*» и «*orig. US…anglicised*» свидетельствуют об афроамериканском генезисе и о *би-афроэтносубъязыковом* бытовании маркированных ими элементов этносубстандарта.

Основные результаты нашего исследования обобщены в табл. 1, в которой для всех инструментов приведены цифровые показатели проявленных ими параметрических способностей раскрытия генезиса и бытия рассматриваемого афроэтносубъязыка (в таблице цифрами в ячейках указано число применений каждого инструмента по отношению к конкретному параметру).

На основе полученных данных можно констатировать, что вся совокупность 53 этносоциолексикографических инструментов с цифровыми показателями их параметрической активности и ранга инструмента в инструментарии (в скобках: первая и, через дробь, вторая цифры) в словаре Э. Партриджа составляет следующую систему:

I) *микроструктурный этносоциолексикографический инструментарий* – 50 инструментов: 1) вокабула (387/3), 2) дефиниция (484/2), 3) ареально-геолектная помета (24/27), 4) ареально-мобильная (58/16), 5) ареально-региолектная (20/29), 6) афроэтносоциолектная (59/16), 7) геолектная (9/37), 8) геолектно-ареальная помета (43/19), 9) геолектно-афроэтносоциолектная (18/30), 10) геолектно-региолектная ареально-идентифицирующая помета (47/18), 11) геолектно-региолектная (6/40), 12) дериватологическая (58/16), 13) дериватологическая справка (36/22), 14) дериватолого-словообразовательная справка (39/21), 15) историко- временная помета (13/34), 16) историко-хронологическая (15/32), 17) историко-этимологическая (115/9), 19) историко-этимологическая справка (97/10), 20) историко-дериватологическая справка (33/23), 21) историко-этимологический указатель на источник происхождения (79/12), 22) локально-территориальная помета (6/40), 23) межареально-вариативная (32/24), 24) национально-ареальная помета (151/8), 25) национально-ареально-афроэтносоциолектная (7/39), 26) отсылка к другой словарной статье (15/32), 27) отсылка к другому словарю (14/33), 28) отсылка к полному прототипу (16/31), 29) паспортизированный иллюстративный пример (160/6), 30) паспортизированный словарный источник (158/7), 31) по умолчанию (282/4), 32) профессионально-корпоративная помета (77/13), 33) региолектная помета (10/36), 34) региональная ареально-идентифицирующая (58/16), 35) символ производности (6/40), 36) словообразовательная справка (12/35), 37) словообразовательно-дериватологическая справка (80/11), 38) социально-стилистическая помета (41/20), 39) социально-стратификационная (53/17), 40) социально-функциональная помета (29/26), 41) социально-этико-стилистическая (22/28), 42) темпоральная историко-хронологическая (10/36), 43) темпоральная (14/33), 44) темпорально-историческая (270/5), 45) темпорально-хронологическая (8/38), 46) указание на генетический источник иноязычного заимствования (31/25), 47) указание на пиджин, креол гибридную языковую форму (5/41), 48) этико-стилистическая помета (13/34), 49) этимолого-дериватологическая справка (68/14), 50) этносоциолингвистический маркер (7/39);

II) *макро- и мегаструктурные этносоциолексикографические инструменты* – 3 инструмента: 1) лингвистический очерк в предваряющем тексте к корпусу словаря (270/5); 2) словарная статья в словнике корпуса словаря (1430/1); 3) лингвистический очерк в заключающем тексте к (10/36).

Отсюда, по своей *параметрической активности* из 41 выделенного ранга эти *этносоциолексикографические инструменты ранжируются* в следующем порядке по убыванию активности: 1) словарная статья в словнике (1430/1), 2) дефиниция (484/2), 3) вокабула (387/3), 4) по умолчанию (282/4), 5) очерк в предваряющем тексте (270/5), 6) паспортизированный иллюстративный пример (160/6), 7) паспортизированный словарный источник (158/7), 8) национально-ареальная помета (151/8), 9) историко-этимологическая помета (115/9), 10) исто-

Таблица 1

Этносоциолексикографический инструментарий раскрытия генезиса и бытия этносоциолектной системы англоязычного афроэтносубъязыка в словаре Э. Партриджа «*A dictionary of slang and unconventional English*»

Этносоциолексикографические параметры репрезентации генезиса и бытия англоязычного афроэтносубъязыка / Этносоциолексикографические инструменты		Социолингвистический и социолектологический форматы			Социолексикологический формат					Параметрическая активность инструмента по форматам и его ранг
		Темпорально-исторические черты	Ареально-локальные черты	Корпоративно-субкультурные черты	Социально-стилистическая стратификация	Этико-стилистическая градация	Структурные особенности номинации	Семантические процессы номинации	Историко-этимологические черты	
Микроструктурные инструменты	Вокабула			7	3	2	22	270	83	387/3
	Дефиниция	3	55	270	35	35	3		83	484/2
	Ареально- геолектная помета	1	5	18						24/27
	Ареально-мобильная помета	1	44	13						58/16
	Ареально-региолектная помета	1	7	12						20/29
	Афроэтносоциолектная помета	5	2	39	13					59/15
	Геолектная помета		7	2						9/37
	Геолектно-ареальная помета		30	13						43/19
	Геолектно-афроэтносоциолектная помета		3	15						18/30
	Геолектно-региолектная ареально-идентифицирующая помета		35	12						47/18
	Геолектно-региолектная помета		3	3						6/40
	Дериватологическая помета						18	23	17	58/16
	Дериватологическая справка			1	1	1	4	17	12	36/22
	Дериватолого-словообразовательная справка						14	20	5	39/21
	Историко-временная помета	5		5					3	13/34
	Историко-хронологическая помета	6		6					3	15/32
	Историко-этимологическая помета	2		2			2	26	83	115/9
	Историко-этимологическая справка	2		2	1	1	2	66	23	97/10
	Историко-дериватологическая справка	2		2			2	20	7	33/23
	Историко-этимологический указатель на источник происхождения	2		2					75	79/12
	Локально-территориальная помета		3	3						6/40
	Межареально-вариативная помета	1	15	16						32/24
	Национально-ареальная помета	1	75	75						151/8
	Национально-ареально-афроэтносоциолектная помета		3	3		1				7/39
	Отсылка к другой словарной статье	2	3	3	2	1	2	2		15/32
	Отсылка к другому словарю	2	3	3	2		2	2		14/33
	Отсылка к полному прототипу						16			16/31
	Паспортизированный иллюстративный пример	2	50	48	32	7	5	12	4	160/6
	Паспортизированный словарный источник	18	48	47	37	8				158/7

Окончание таблицы 1

	По умолчанию		76	76	130					282/4
	Профессионально-корпоративная помета			35	40	2				77/13
	Регионалектная помета	5		5						10/36
	Региональная ареально-идентифицирующая помета		29	29						58/16
	Символ производности						3	3		6/40
	Словообразовательная справка						7	5		12/35
	Словообразовательно-дериватологическая справка						47	33		80/11
	Социально-стилистическая помета			5	30	6				41/20
	Социально-стратификационная помета			6	40	7				53/17
	Социально-функциональная помета			4	20	5				29/26
	Социально-этико-стилистическая помета			4	10	8				22/28
	Темпоральная историко-хронологическая помета	5		5						10/36
	Темпоральная помета	7		7						14/33
	Темпорально-историческая помета	270								270/5
	Темпорально-хронологическая помета	4		4						8/38
	Указание на генетический источник иноязычного заимствования		26	5						31/25
	Указание на пиджин, креол / гибридную языковую форму		3	2						5/41
	Этико-стилистическая помета			4	4	5				13/34
	Этимолого-дериватологическая справка		3	2	2	1			60	68/14
	Этносоциолингвистический маркер		2	3	2					7/39
Макро- и мега-структурные инструменты	Очерк в предваряющем тексте				270					270/5
	Словарная статья в словнике	250	254	130	270	50	123	270	83	1430/1
	Очерк в заключающем тексте			3	3	1			3	10/36
Инструментальная обеспеченность параметров		596	784	944	947	141	276	767	544	
Ранг параметра по его степени инструментальной обеспеченности		5	3	2	1	8	7	4	6	

рико-этимологическая справка (97/10), 11) словообразовательно-дериватологическая справка (80/11), 12) историко-этимологический указатель на источник происхождения (79/12), 13) профессионально-корпоративная помета (77/13), 14) этимолого-дериватологическая справка (68/14), 15) афроэтносоциолектная помета (59/15), 16) ареально-мобильная помета (58/16), дериватологическая помета (58/16) и региональная ареально-идентифицирующая помета (58/16), 17) социально-стратификационная помета (53/17), 18) геолектно-регионалектная ареально-идентифицирующая помета (47/18), 19) геолектно-ареальная (43/19), 20) социально-стилистическая (41/20), 21) дериватолого-словообразовательная справка (39/21), 22) дериватологическая справка (36/22), 23) историко-дериватологическая справка (33/23), 24) межареально-вариативная помета (32/24), 25) указание на генетический источник иноязычного заимствования (31/25), 26) социально-функциональная помета (29/26), 27) ареально-геолектная (24/27), 28) социально-этико-стилистическая (22/28), 29) ареально-регионалектная (20/29), 30) геолектно-афроэтносоциолектная (18/30), 31) отсылка к полному прототипу (16/31), 32) историко-хронологическая помета (15/32) и отсылка к другой словарной статье (15/32), 33) отсылка к другому словарю (14/33) и темпоральная помета (14/33), 34) историко-временная помета (13/34) и этико-стилистическая (13/34), 35) словообразовательная справка (12/35), 36) очерк в заключающем тексте (10/36), регионалектная помета (10/36) и темпоральная историко-хронологическая (10/36), 37) геолектная помета (9/37), 38) темпорально-хронологическая (8/38), 39) национально-ареально-афроэтносоциолектная помета (7/39) и этносоциолингвистический маркер (7/39), 40) геолектно-регионалектная помета (6/40), локально-территориальная (6/40) и символ производности (6/40), 41) указание на пиджин, креол гибридную языковую форму (5/41).

Далее, в свою очередь, по *степени инструментальной обеспеченности* этносоциолексикографических параметров из 8 установленных рангов все выявленные *параметры ранжируются* в следующем регрессивном порядке (в скобках – цифра инструментальной обеспеченности параметра): 1) параметры показа социально-стилистической стратификации афроэтносоциолектной лексической системы афроэтносубъязыка (947) – социолексикологический формат; 2) параметры показа корпоративно-субкультурной соотнесенности субстандартной лексической системы афроэтносубъязыка (944) –

социолектологический формат; 3) параметры показа ареально-локальной вариативности социолектной лексической системы афроэтносубъязыка (784) – социолингвистический формат; 4) параметры показа семантических процессов афроэтносоциолектной номинации в американо-британско-южноафриканском афроэтносубъязыке (767) – социолексикологический формат; 5) параметры показа темпорально-исторической вариативности социолектной лексической системы афроэтносубъязыка (596) – социолингвистический формат; 6) параметры показа историко-этимологических особенностей социолектной номинации в афроэтносубъязыке (544) – социолексикологический формат; 7) параметры показа структурных особенностей афроэтносоциолектной номинации в американо-британско-южноафриканском афроэтносубъязыке (276) – социолексикологический формат; 8) параметры показа этико-стилистической градации афроэтносоциолектизмов в афроэтносубъязыке (141) – социолексикологический формат.

Итак, в словаре Э. Партриджа зарегистрированы 270 афроэтносоциолектизмов, экзистенциальные особенности генезиса и бытия которых отмечены их подтвержденной словарной регистрацией в XV–XX вв. в мегасистеме полинационального английского языка. Для некоторых лексем есть лексикографические подтверждения об их существовании в британском английском еще в до XV в. и в американском – к началу XVI в. Это свидетельствует о достаточно глубоком историческом экскурсе лексикографа в истоки генезиса и бытия англоязычного афроэтносубъязыка.

Зарегистрированные в словаре Э. Партриджа 270 этносоциолектизмов распределены по 18 *ареальным моно-этносубкультурным разновидностям*, а также по 7 *ареальным би-этносубкультурным разновидностям* афроэтнолексиконов афроэтносубъязыка в мегасистеме полинационального английского языка. Эти афроэтнолексиконы, входящие в соответствующие разновидности афроэтносоциолектов, в описываемый период продолжили формирование этнорасовосубкультурных разновидностей афроэтносубъязыков семи основных национальных вариантов английского языка, но, преимущественно, британского, американского, южноафриканского и австралийского афроэтносубъязыков, генезис и бытие которых достаточно детально отражены в мега-, макро- и микроструктуре словаря Э. Партриджа посредством выявленного и систематизированного нами выше этносоциолексикографического инструментария в трех взаимосвязанных и взаимодополняющих форматах – социолингвистическом, социолектологическом и социолексикологическом.

По сравнению со словарями Ф. Гроуза, Дж.К. Хоттена, А. Баррера и Ч. Леланда, Дж.С. Фармера и У.Э. Хэнли [1–4], в словаре Э. Партриджа значительно детальнее разработан и активизирован весь набор словарных инструментов и, особенно, система словарных помет в точном научном понимании этого термина. Этот словарь представляет собой классический пример разработки специального инструментария и механизма этносоциолексикографирования генезиса и бытия англоязычного афроэтносубъязыка. Это проявилось в показе словарными средствами процесса перехода англоязычного афроэтносубъязыка от, преимущественно, британского полуэкзистенциального состояния, отмеченного еще в словарях А. Баррера и Ч. Леланда, Дж.С. Фармера и У.Э. Хэнли [1; 2], в полинациональное состояние, включая фрагментарный показ (по замыслу словаря и целевой установке лексикографа регистрировать исключительно британский лексический субстандарт, включая и бритизированные американизмы) его бытия и на американской почве. Вместе с тем, это еще не полностью автономное, экзистенциальное состояние всего широкого англоязычного афроэтносоциолекта и афроэтносубъязыка на уровне их субстандартных лексических систем.

Библиографический список

1. *Barrère A., Leland Ch.G.* A dictionary of slang, jargon, and cant, embracing English, American, and Anglo-Indian slang, Pidgin English, tinkers' jargon and other irregular phraseology. Vol. 2. L-Z. – London: Georg Bell & Sons, 1897. – 415 p.

2. *Farmer J.S., Henley W.E.* Slang and its Analogues. Past and Present. A Dictionary, Historical and Comparative, of the Heterodox Speech of All Classes of Society for more than Three Hundred Years. With Synonyms in English, French, German, Italian, etc. / Compiled and Edited by J.S. Farmer & W.E. Henley. Revised Edition 1909 (Original Issue 1890). Vol. I. A-B / Printed for Subscribers Only. – London: Thos. Poulter and Sons, Limited, MCMIX. – 461 p.

3. *Grose F.* A Classical Dictionary of the Vulgar Tongue. The Third Edition, Corrected and Enlarged. – London: Printed for Hooper and Wigstead, 1796. – XV (далее страницы без нумерации ≅ 238 p.).

4. *Hotten J.C.* The slang dictionary, etymological, historical, and anecdotal. A new edition, revised and corrected, with many additions. – London: Chatto and Windus, Publishers, 1874. – X, 380 p.

5. *Partridge E.* A dictionary of slang and unconventional English: Colloquialisms and catch phrases, fossilised jokes and puns, general nicknames, vulgarisms and such Americanisms as have been naturalised / Edited by Paul Beale. 8th ed. – New York: Macmillan Publishing Co., 1984. – XXIX. – 1400 p.

УДК 801.52

Магомедова Умужат Ахмедовна
Дагестанский государственный педагогический университет (г. Махачкала)
logika55@mail.ru

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИРУЕМОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ

В статье анализируются разные точки зрения о возможности моделирования фразеологических единиц (ФЕ). Наличие разных трактовок понятия «модель» в статье объясняется тем, что в различных областях лингвистики в него вкладывают разное содержание.

Ключевые слова: *моделирование ФЕ, план описания, план порождения, морфолого-синтаксическая структура ФЕ, компаративная фразеология.*

ФЕ характеризуется как структурное целое, состоящее из различных по своим морфологическим свойствам компонентов с определенными синтаксическими отношениями. Фразеологизмы рассматривались как «вещь в себе», как уникальные, формально и семантически иррегулярные образования. И в этой связи вопрос о моделируемости ФЕ решался в научной литературе неоднозначно. Применение понятия и термина «модель» для характеристики фразеологических единиц признается не всеми исследователями. Так, в качестве отличительного признака и основного критерия фразеологичности, как неоспоримый постулат, известные германисты А.В. Кунин, Н.Н. Амосова, И.И. Чернышева выдвигают немоделируемость фразеологических единиц. Моделирование фразеологизмов не признается данными исследователями, поскольку ФЕ рассматриваются как уникальные, формально и семантически иррегулярные образования.

Другая точка зрения представлена тоже известными лингвистами (Н.М. Шанский, В.П. Жуков, В.Л. Архангельский и др.), которые отмечают возможность образования определенного ряда ФЕ по структурно-грамматическим моделям. Моделирование ФЕ можно признать при определенных условиях, а именно при разграничении моделирования ФЕ от моделирования в области словообразования.

Различное отношение и трактовка понятия «модель», видимо, объясняется тем, что в различных областях лингвистики в него вкладывают разное содержание. Заслуживает внимания точка зрения А. Г. Гюльмагомедова: «…Какое бы содержание ни вкладывали в термин “модель”, он все же предполагает возможность конструирования некоего второго по образцу первого. Между тем, хотя имеются отдельные фразеологические единицы, образовавшиеся по модели, по образцу другой единицы, моделируемость как имманентный признак им не присуща. Морфолого-синтаксическая структура ФЕ – это модель “чего-то” в отличие от морфолого-синтаксической структуры переменного словосочетания, которая является моделью “чего-то” и для “чего-то”» [1, с. 8–9].

Моделирование фразеологизмов реально лишь в плане описания, а не в плане порождения, то есть нельзя определить правила фразообразования. Даже в плане описания пока неизвестно, имеет ли моделирование универсальный характер для всех разрядов ФЕ и для всех типов языков. Так, Л.И. Ройзензон считает, что компаративная фразеология «довольно значительно отличается от всей остальной фразеологии: если некомпаративная фразеология, прежде всего и больше всего, характеризуется индивидуальным, часто неповторимым характером деривации, то для КФЕ прежде всего характерна регулярность образования структуры стройных рядов и серий фразеологических единиц» [4, с. 16].

В лингвистической литературе существуют различные названия компаративных фразеологических единиц: фразеологизмы с сравнительным союзом, сравнительные фразеологические единицы, постоянные сравнения и др. И. И. Чернышева использует в своих трудах термин «компаративные фразеологизмы» [7, с. 48 и далее]. Выявление особенностей структуры КФЕ предполагает определение их компонентного состава и исследование их грамматического и семантического строения. Под компонентным составом КФЕ следует понимать совокупность лексических элементов, необходимую для реализации закрепленного языковой традицией содержания. Основой компаративных фразеологических единиц является логическая операция сравнения. В логике прием сравнения предполагает установление сходства и различия предметов и явлений путем их сопоставления.

В плане содержания сравнение – это сопоставление двух предметов мысли на основе общего признака. В плане выражения – это определенная конструкция, состоящая из трех элементов: субъекта сравнения, общего признака и объекта сравнения (А+С+В).

КФЕ, основанные на обобщенном мыслительном процессе сравнения, также строятся по этой общей модели, однако языковая традиция фиксирует их как единицы языка в двухкомпонентной форме: С+В, то есть общий признак + объект сравнения. Среди фразеологических единиц наречного характера в современном аварском языке М.М. Магомедханов выделяет образные сравнения или компаративные фразеологизмы, которые отличаются своей многочисленностью и разнообразием лекси-

 © Магомедова У.А., 2013

ческого состава, и делит их с точки зрения структуры на три типичные модели:

1) «существительное + сравнительный союз *гIадин* «как, как будто»: *хIама гIадин* «как осел» (об изнуренном от работы человеке), *хIайван гIадин* «как животное» (о тупом человеке), *хIос гIадин* «как бревно» (об упрямом человеке), *гIанкI гIадин* «как заяц» (о трусливом человеке) и т.д.;

2) «существительное + существительное + сравнительный союз *гIадин* «как, как будто»: *солдатасда ханжар гIадин* «как кинжал на солдате» (о непривычной вещи), *квасул гIарщ гIадин* «как веревка из шерсти» (о слабом, бесхарактерном человеке) и т.д.;

3) «существительное + причастие + сравнительный союз *гIадин* «как, как будто»: *бацIие бухьараб хIама гIадин* «как осел, привязанный для волка» (обреченный), *кваркьи бекараб гIанкIу гIадин* «как курица со сломанным крылышком» (о беспомощном человеке) и т.д. [2, с. 116–117]. Как выявил анализ собранного нами фактического материала, таких моделей в современном аварском языке гораздо больше. На наш взгляд, компаративные фразеологизмы аварского языка, с точки зрения структурной организации, представлены следующими моделями и вариантами моделей:

1. «Существительное (ном.) + сравнительный союз «*гIадин*»: *гIурцIем гIадин* «упрямо», букв. «как мул»; *куй гIадин* «быстро, со всей силой», букв. «как баран»; *къадкъо гIадин* «ясно», «четко», букв. «как полдень»;

2. «Существительное + существительное + сравнительный союз «*гIадин*».

2.а. «Существительное (эрг.) + существительное (ном.) + сравнительный союз «*гIадин*»: *катица гIункIкI гIадин* «легко», «проворно», «без труда», букв. «как кошка мышку».

2.б. «Существительное (лок.) + существительное (ном.) + сравнительный союз «*гIадин*»: *гьацIуда тIутI гIадин* «как банный лист», букв. «как муха на мед».

2.в. «Существительное (эрг.) + существительное (ном.) + сравнительный союз «*гIадин*»: *Алмасица чахъу гIадин* «как Алмас овцу [наказать]».

2.г. «Существительное (ген.) + существительное (ном.) + сравнительный союз «*гIадин*»: *гIишкъул лахIзат гIадин* «как миг любви».

2.г.1.«Существительное (ген.) + существительное (ном.) + сравнительный союз «*гIада-КП*»: *гьанал михир гIадав* «толстый», букв. «как каток из мяса».

3. «Существительное + *ги* + существительное + *ги* + сравнительный союз «*гIадин*»: *нилъги квартIаги гIадин* = «рядом», «рука об руку», «бок о бок», букв. «как серп и молот».

4. «Существительное + причастие + сравнительный союз «*гIадин*».

4.а. «Существительное (лок) + причастие + сравнительный союз «*гIадин*»: *ведрояльуса тIураб гIадин* «как из ведра».

4.б. «Существительное (ном) + причастие + сравнительный союз «*гIадин*»: *бакь рекIараб гIадин* «как будто прилип», букв. «как будто кишка склеилась».

5. «Причастие + существительное (ном.) + сравнительный союз «*гIадин*»: *щвараб гIор гIадин* «стремительно», букв. «как бурный поток».

6. «Прилагательное + существительное (ном.) + сравнительный союз «*гIадин*»: *бакъул гордо гIадин* «светло», «радостно», «празднично», букв. «как солнечное окно».

7. «Существительное + причастие + существительное + сравнительный союз «*гIадин*».

7.а. «Существительное (ном.) + причастие + существительное (ном.) + сравнительный союз «*гIадин*»: *кьили гьечIеб чу гIадин* «как неоседланный конь».

7.б. «Существительное (эрг.) + причастие + существительное (ном.) + сравнительный союз «*гIадин*»: *къорица ккураб мокъокъ гIадин* «испуганно, тревожно», букв. «как куропатка, попавшая в силки».

7.в. «Существительное (лок.) + причастие + существительное (ном.) + сравнительный союз «*гIадин*»: *чурулъе ккараб гIункIкI гIадин* «как мокрая курица», букв. «как мышь в помоях».

7.г. «Существительное (дат.) + причастие + существительное (ном.) + сравнительный союз «*гIадин*»: *бацIийе бухьараб хIама гIадин* «обреченно», букв. «как осел, привязанный для волка».

8. «Существительное + деепричастие + существительное + сравнительный союз «*гIадин*»: *бацI бихьидал цIе гIадин* «трусливо», «испуганно», «ни жив ни мертв», букв. «как коза, увидевшая волка».

9. «Существительное (лок.) + существительное (ном.) + причастие + сравнительный союз «*гIадин*»: *щокъроб ракьа къараб гIадин* «как-будто кость в горле застряла».

10. «Существительное + сравнительный союз «*гIадин + глагол*»: *хIама гIадин хIалтIизе* «работать не покладая рук», букв. «работать как осел».

11. «Существительное + существительное + сравнительный союз «*гIадин* + глагол».

11.а. «Существительное (лок.) + существительное (ном.) + сравнительный союз «*гIадин* + глагол»: *хIамида кIерт гIадин бихьизе* «быть высокого мнения о себе», букв. «видеть как осел осленка».

11.б. «Существительное (ген.) + существительное (ном.) + сравнительный союз «*гIадин* + глагол»: *щарил нах гIадин тамахльизе* «растаять», «смягчиться», букв. «растаять как сливочное масло».

12. «Прилагательное + существительное + сравнительный союз «*гIадин* + глагол».

12.а. «Прилагательное + существительное (ген.) + сравнительный союз «*гIадин* + глагол»: *хъахIаб чодул (чол) гIадин цIар ине* «прослыть кем-л.», букв. «как белая лошадь прославиться».

12.б. «Прилагательное + существительное (ном.) + сравнительный союз «*гIадин* + глагол»: *боржараб жо гIадин ине* разг. «промчаться как буря, как ветер», букв. «нестись, как летающее существо».

Языки различных типологий выявляют разное количество структурно-семантических моделей КФЕ с одинаковым сравнительно-интенсифицирующим семантическим результатом. Так, компаративные фразеологизмы аналогичной семантики в английском языке представлены следующими моделями и вариантами моделей:

1. «*like (as)*+ существительное»: *like a bird* «охотно», букв. «как птицы», *as a dove* «кротко», букв. «как голубка»;

1.а. «*like* + причастие II + существительное: *like a skinned rabbit* «как драная кошка», букв. «как драный кролик»;

1.б. «*like* + причастие I + существительное: *like a dying duck* «как мокрая курица», букв. «как умирающая утка»;

2. «*like* + существительное + предлог + существительное»: *like a lamb to the slaughter* «покорно», букв. «как ягненок на убой»;

3. «*like* + существительное + предлог + притяжательное имя + существительное»: *like water of duck's back* «как с гуся вода», букв. «как вода с утиной шеи»;

4. «*like* + существительное + предлог + прилагательное + существительное»: *like a hen on hot griddle* «нервно, суетливо»;

5. «*as* + наречие + *as* + существительное»: *as briskly as a bee* «хлопотливо»;

6. «*as* + притяжательное имя + существительное + предлог + числительное + существительное + предлог + существительное»: *as Buridan's ass between two bundles of hay* «в нерешительности»;

7. «*like* + существительное + местоимение + наречие + существительное»: *like a cat that got the cream* «плутовски», букв. «как кошка, доставшая сметану»;

8. «глагол + *like* + существительное»: *to die like a dog* «умереть, как собака»; *to stick like a leech* «пристать, как пиявка»;

9. «глагол + *like* + прилагательное + существительное»: *to grin like a Cheshire cat* «усмехаться, как Чеширский кот», «улыбаться во весь рот»;

10. «глагол + *like* + существительное + предлог + существительное»: *to snore like a pig in the sun* «храпеть, как свинья, (дремлющая) на солнце».

Как видим, аварский язык по сравнению с английским обнаруживает значительное разнообразие моделей КФЕ. Возможно, одной из причин такого структурного разнообразия аварских компаративных фразеологических единиц является наличие большого количества (19) падежей.

Компаративные фразеологические единицы, в которых пересекаются семантические, стилистические и грамматические линии языка, отражают в своей структуре основные особенности грамматического строя исследуемых языков.

Сложение элементов сравнения как логической операции в рамках КФЕ не указывает на сходство или различие проявления признака у сравниваемых предметов. «В силу того, что признак, положенный в основу сравнения, является постоянным, эталонным для объекта (образа) сравнения, то он (объект) выступает в качестве выразителя максимального данного качества (признака)» [5, с. 5]. Это и способствует семантическому несоответствию между планом выражения КФЕ как языковой реализации логического приема сравнения и планом содержания, то есть суперлативным семантическим результатом. «Хотя между планом выражения и планом содержания данного класса фразеологизмов нет изоморфизма, все же, ввиду общности структуры и идентичности семантического результата, можно говорить о возможности структурно-семантического моделирования КФЕ» [5, с. 6].

Таким образом, сомнения исследователей относительно немоделируемости ФЕ можно считать необоснованными. Немоделируемость фразеологических единиц рассматривается ими в качестве отличительного признака и основного критерия фразеологичности. Многочисленные исследования материала разных языков позволяют сделать вывод о том, что в синтаксической системе рассматриваемых языков представлены различные структурные модели ФЕ. В.М. Мокиенко под структурной фразеологической моделью понимает «тип синтаксической конструкции, по которому образуется ряд устойчивых выражений; это как каркас фразеологизма, один из факторов, обеспечивающих его устойчивость и воспроизводимость, в определенной мере даже регулирующий его семантическую тождественность» [3, с. 51]. Также В.М. Мокиенко указывает на относительность формального и семантического тождества, обеспечиваемого структурной фразеологической моделью. Эта относительность проявляется в структурном варьировании и при сохранении формальной тождественности, и при разделении ФЕ на омонимы.

Некоторые лингвисты (А.М. Чепасова, А.П. Павлова и др.) включают в понятие структурной фразеологической модели морфологическую изменяемость/неизменяемость и структурно-семантические свойства каждого компонента, создающего фразеологическое значение. Деление ФЕ на морфологически изменяемые и морфологически неизменяемые является проявлением формальной организованности фразеологизмов. Морфологически изменяемыми являются ФЕ, «которые, будучи семантически соотносительными с существительными, глаголами, прилагательными, местоимениями, обладают теми же грамматическими и морфологическими категориями, которыми обладают на-

званные части речи» [6, с. 18]. Морфологически неизменяемые – это те ФЕ, «которые соотносительны с наречиями, словами категории состояния, краткими прилагательными, с предлогами, союзами, частицами и, следовательно, не имеют систем форм, свидетельствующих о наличии у таких ФЕ морфологических категорий» [6, с. 18]. В морфологически изменяемых ФЕ можно выделить грамматически главный компонент и грамматически подчиненный (-ые), в морфологически неизменяемых компоненты представляют собой застывшие формы компонентно закрепленных морфологических категорий и синтаксических конструкций. Морфологически неизменяемые ФЕ имеют только одну форму, морфологически изменяемые – две: начальную и функциональную. Отметим, что ФЕ аварского языка нашей картотеки в большинстве своём являются морфологически изменяемыми моделями. Фразеологизмам английского языка свойственна морфологическая неизменяемость, что обусловлено аналитическим строем английского языка.

Национальные особенности структурной организации двух сравниваемых языков обнаруживаются на уровне частных моделей, поскольку эти языки имеют разные типологические характеристики (синтетический и аналитический).

Мы полагаем целесообразным учитывать возможность признания моделирования в плане описания и классификации фразеологических единиц, и, исходя из этого, можно выделить структурные типы ФЕ на основе количества компонентов и морфологической формы этих компонентов. Структура фразеологических единиц организована по строгим законам грамматики и синтаксиса языка, имеет четкие формальные проявления, поддающиеся непосредственному наблюдению и описанию.

Библиографический список

1. *Гюльмагомедов А.Г.* Фразеология лезгинского языка. – Махачкала: Дагучпедгиз, 1990. – 99 с.

2. *Магомедханов М.М.* Очерки по фразеологии аварского языка. – Махачкала, 1972. – 159 с.

3. *Мокиенко В.М.* Славянская фразеология. – М., 1989. – 287 с.

4. *Ройзензон Л.И.* Заметки по русской компаративной фразеологии // Труды Самаркандского гос. ун-та. – Вып. 217. – Самарканд, 1971. – С. 14–16.

5. *Христова В.И.* Структурно-семантическая характеристика компаративных фразеологических единиц молдавского языка: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Кишинев, 1986. – 22 с.

6. *Чепасова А.М.* Семантические и грамматические свойства фразеологизмов. – Челябинск: ЧГПИ, 1983. – 93 с.

7. *Чернышева И.И.* Фразеология современного немецкого языка. – М., 1970. – 199 с.

УДК 808.2

Михайлова Любовь Петровна

Карельская государственная педагогическая академия (г. Петрозаводск)

Posnm87@bk.ru

ТЮРКСКИЙ СЛЕД В ЛЕКСИКЕ СЕВЕРНОРУССКИХ ГОВОРОВ (*ЧЕЖÓВИНА*)

В статье делается попытка этимологизировать слово чежóвина*, имеющее узкий ареал. Применяя комплексный подход к решению вопросов о происхождении слова, автор привлекает близкие по семантике и фонетическому облику слова:* тежóвина *и* кежóвина*, обозначающие в севернорусских говорах ткань домашнего производства. Устанавливаются исторические и этнолингвистические факты, свидетельствующие о заимствовании тюркского слова* kedžm *'чепрак' говорами, его фонетических и семантических преобразованиях при вхождении в русскую лексическую систему.*

Ключевые слова: *этимология, языковые контакты, диалектная лексика, ареальные явления.*

Этимологический анализ слова требует учета изменений фонетического, морфонологического, словообразовательного, семантического характера, а также использования исторических и этнографических данных [2, с. 3]. Опираясь на принцип комплексного подхода к решению вопроса о происхождении слова, попытаемся наметить пути этимологического поиска слова, известного на ограниченной территории восточной зоны севернорусского наречия.

Слово *чежóвина* по значению относится к тематической группе 'ткань', по аффиксальному оформлению является русским образованием. Особого внимание требует фонетический облик корня *чеж-*. В русских говорах бытуют семантически совпадающие слова с междиалектными вариантами корня, отражающими мену согласных в анлауте *ч ~ т' ~ к'*.

1. При очевидной первичности корня *кеж-* остаются вопросы о причинах и времени возникновения корней *чеж-* и *теж-*. Приведем слова с указанными вариантами корней, известные русским говорам.

1.1. Слово *чежóвина* 'домотканый материал для верхней мужской рабочей одежды: для чежлов' известно говору одной деревни: «*Цежовина – та жо пестрядь*» Петровка Межевского района (Громов 1992: 81). Судя по иллюстрации, более точное значение слова *чежóвина* – 'ткань из разноцветных ниток, клетчатая или полосатая' ('то же, что пестрядь'). Лексема *пéстрядь* распространена повсеместно в говорах по реке Унже (там же: 80). В во-

© Михайлова Л.П., 2013

логодских говорах еще в начале XX в. бытовали слова *чижеви́на* и *чиже́вина* в значении ‘цветная, полосатая холщовая ткань’ Кадн. Волог. (СОВН: 557), которые можно считать фонетико-акцентологическими вариантами лексемы *чежо́вина*. Ср. также *чижови́на* в значении ‘мужские брюки’ Свердл. (КСРНГ), возникшем в результате ассоциации по смежности.

1.2. С семантической доминантой ‘ткань’ известны слова с начальным [т’]: *теж* ‘толстый синеный холст’ Каин. Том., *тежеви́на*, *тяжи́на*, *тежь* ‘грубая льняная или хлопчатобумажная ткань – из разноцветных ниток, пестрядь’ Южн. Даль (СРНГ 43: 336–337), *тяжа́* и *тяжи́на* ‘плотная, обычно полосатая ткань для матрацев, перин; тик’ Плещеево Малоарх. Орл., *тяжи́на* ‘грубая ткань (какая?)’ Костино Малоарх. Орл., *тяжо́вина* ‘грубый неотбеленный холст домашнего производства’ Красн. Орл. (СОГ 15: 200). В смоленских говорах отмечено слово *тяж* ‘толстая холстина’: *Тяжы шли раньше на шытьё парткоу*. Росл. Смол. (ССГ 11: 222). Иллюстрация в ССГ приводится без указания ударения, что вызывает сомнение в начальной форме – *тяж*, *тя́жа*, *тяжа́* (как в орловских говорах), *тя́жи* или *тяжи́*? При безударном корневом гласном вполне возможно восстановить корень *теж*-, представленный в словах с непроизводной основой в южнорусских и сибирских говорах – *теж*, *тежь*.

1.3. В некоторых говорах бытуют родственные слова с этимологически исходным корневым заднеязычным звуком: ‘домотканый полосатый материал из льна или конопли; пестрядь’ – *кеж* Шадр. Перм., Свердл., Ср. Урал, Том., *кежо́вина* Ср. Урал, *кежи́на* Перм., Южн., *кежь* Перм., Южн., Вят., Зв., Лз, Омт., Ун. Вят., а также *кежь* ‘ткань для брюк’ Зв., Мрш., Сн. Вят., *ке́жа* ‘пеньковая полосатая ткань’ Вят. Вят. (СРНГ 13: 175; ОСВГ 5: 38) На севере Карелии отмечен вариант *кешь* ‘домотканое полосатое полотно’ Кем. Арх. (СРНГ 13: 192). В пермских говорах *кеж* – ‘грубый домотканый холст в полоску’ (СПГ 1: 386), в говорах Сибири *кеж* ‘домотканое грубое полотно’ Томск. (СРГС 2: 57, 59).

Зафиксированы и лексико-семантические соответствия с корнем *киж*-: о ткани – *кижи́* Котельн. Вят., *ки́жи* Верхне-Тавд. Свердл., *кижо́вина* Свердл., *кижеви́на* Камышл., Тал. Ср. Урал (СРНГ 13: 202; СРГСУ-Доп: 230).

В говорах Среднего Урала известны слова с обоими корнями: ‘домотканый льняной материал, из которого шили обычно брюки и рубашки’ – *кеж* Бутк., Камышл., *кежь* Камен., *кежо́вина* Алап., Зайк., Камышл., Туг., *ки́жи* В.-Тавд., *кижо́вина* Богд., Зайк., Камен., Камышл., С-Лог. (СРГСУ 2: 24).

В восточных говорах Вологодской группы *кеж* употребляется в сочетании *ткать по кежу́* ‘пропускать особым образом нити утка под нити основы’ В.-Уст. Волог.: «*По кежу ткали: оно очень плотное, красивое получается полотно, постилахи – на чем спать – делали*» В.-Уст. Курденьга (СГРС 5: 116). Эта единственная иллюстрация, к сожалению, недостаточно информативна, но все же дает основания предполагать, что в семантике слова *кеж* имплицитно содержится указание на сложный способ переплетения нитей основы и утка, с использованием которого ткань получается прочной и красивой.

Представленный материал демонстрирует фонетическую субституцию [к] > [т’] перед гласным переднего ряда в говорах (ДАРЯ I: карта № 68), которая могла произойти, вероятно, в исторический период, когда еще не были до конца усвоены мягкие заднеязычные согласные. Появление звука [ч] предположительно можно объяснить аналогичными процессами в русских говорах или влиянием соседних, в первую очередь, тюркских языков. Встает вопрос о том, какой звук подвергся преобразованию в [ч] – заднеязычный или переднеязычный.

2. В определении этимологических связей существенны и словообразовательные показатели. Обратим внимание на родственные слова анализируемых вариантов, содержащие компонент *-ов-* или его замены:

2.1. С корнем *чеж*-/*чиж*- известны единичные образования с *-ов-* на той же территории, что и *чежо́вина*: *чижо́вый* ‘особый род тканья’ Кадн. Волог., *чежо́вко* ‘короткая поддевка, пальто из шерстяной уваленной ткани, вроде сукна’ Вохом. Костром. (КСРНГ).

Однако в группе лексем с семантической доминантой ‘одежда’ преобладают слова не *-елко* или *-олко* с разным ударением, причем они зафиксированы преимущественно в восточных говорах: *чеже́лко* и *чеженко́* ‘полушубок овчинный, обшитый холстом’ Ветл. Костр., *чижелко́* ‘стеженный пиджак’ Киров., *чеженко́* ‘кафтан, обшитый снаружи до половины холстом’ Вят. (КСРНГ), ср. в этом же значении *чеженко* (= *тяжелко*) в русских говорах на севере Удмуртии [7, с. 192].

Слово *чеженко́* ‘рабочая одежда из грубой крестьянской ткани’ М. Фасмер связывает как производное с *чежо́лый* – из *тяжёлый* (Фасмер 4: 323), с чем трудно согласиться, учитывая весь комплекс слов с корнями *чеж*-, *теж*-, *кеж*, семантическая и этимологическая связь которых не вызывает сомнений. Указанную М. Фасмером этимологию можно рассматривать как народную, продиктованную не столько способом изготовления одежды, сколько формальной связью с прилагательным *чежелый* (< *тяжелый*), имеющим суффикс *-л-*.

2.2. С корнем *теж*-/*тяж*- известны в южной и восточной зонах:

2.2.1. названия ткани – *тежеви́на* ‘грубая льняная или хлопчатобумажная ткань – из разноцвет-

ных ниток, пестрядь' Южн. (СРНГ 43: 336–337, со ссылкой на Даля), *тяжóвина* 'грубый неотбеленный холст домашнего производства' Красн. Орл. (СОГ 15: 200);

2.2.2. прилагательные: обозначающие отношение к ткани, – *тяжóвый* 'сшитый из холста, холщовый' Новодер., Свердл. Орл. (СОГ 15: 200), *тежóвый* 'тканный в четыре нитки (о простом домотканом полотне)' Камен., Пышм., *тяжóвый* Богд. Ср. Урал (СРГСУ-Доп.: 527);

2.2.3. названия одежды – *тяжевко* 'верхнее платье из крестьянского сукна, покрытое до половины холстом' Тот. Волог., *тяжевкó* 'суконный зипун, покрытый холстом' Вят. (КСРНГ). В начале XX в. в вологодских говорах в значении 'старый полущубок, покрытый холстом или сукманиной' был известен вариант *тяжéвко* Тот., наряду с более широко распространенными вариантами *тяжéлко* и *тяжелкó* Тот., Ник., Сольв., Вел., Ярен. (СОВН: 516). Последние два представлены в восточных говорах Европейской России, в Верхнем Поветлужье (См. карту № 33 ДАРЯ III-1). Костромским говорам известно *тяжéлко* 'верхняя мужская одежда из грубого холста типа пальто' Вохом., Красн., Межев., Павин., Пышуг. Костром., 'рабочая одежда' Вохом., Костр., Макар., Мантур., Нейск., Шарьин. Костром., 'зимняя одежда, стеганная на вате с суконным верхом' Мантур., Нейск., Павин., Костром. (ЖКС: 319). В.И. Даль приводит в близких значениях *тяжелкó* с пометами «сев.» и «вост.», а также *тяжáк* «урал.» (Даль IV: 456).

2.3. Слова с корнем *кеж-*/*киж-* и компонентом *-ов-*, по имеющимся данным, преобладают в говорах Урала и Сибири:

2.3.1. название ткани – *кежóвина* 'пестрядь' Ср. Урал;

2.3.2. прилагательное 'изготовленный из домотканой материи' – *кéжевый* Шадр. Перм., *кежóвый* Арх., Вят., Перм., Ср. Урал, Тобол. (СРНГ 13: 175)., Сол. Перм. (СПГ 1: 386; Акчим сл. 2: 40), Зайк., Камен., Махн., *кижóвый* Зайк., Полев. (СРГСУ 2: 24). *кижóвый* Верхне-Тотем. Арх., Свердл., Сиб., *кижóвый* 'сшитый из полотна домашней выделки' В-Т Арх. (СГРС 5: 131), *кижóвный* С-Лог. Ср. Урал (СРНГ 13: 202; СРГСУ-Доп: 230), *кижóвые штаны́* 'кустарно сшитые из холста брюки' Новосиб. (СРГС 2: 57, 59);

2.3.3. названия изделий из ткани: *кежóвики* Ср. Урал, В.-Пышм., Н.-Тур., Полев. Ср. Урал, *кежóвки* Н.-Тур. Ср. Урал – 'штаны из домотканого полотна' (СРНГ 13: 175; СРГСУ 2: 24).

Естественно, следует признать первичность слов с компонентом *-ов-*, его устойчивую связь со словообразовательной системой русского языка. Звук [л] в словах на *-лко* мог явиться следствием «пересечения» фонетических преобразований [в] > [ў], [л] > [ў], известных северо-восточным говорам (ДАРЯ I: карты № 56 и № 61) и вызвавших изменение [в] > [ў] > [л], как это и представлено в ряде названий изделий из ткани. В этом отношении показательны данные Словаря вологодских говоров, в котором бóльшая часть примеров на *тяжелко* содержит [ў] на месте [л] (СВГ 11: 90).

Обращает на себя внимание неустойчивый характер ударения в словах на *-лко*. В.В. Колесов отмечает, что «диалектное варьирование словесного ударения, появление подвижного ударения и т.д. – объективные доказательства перехода заимствованного слова в число русских по восприятию слов» [6, с. 44]. Данное положение приводит к мысли о том, что русское название одежды типа *тяжéлко* и *тяжелкó* подверглось влиянию акцентологической системы соседнего языка, в котором основное ударение приходится на последний слог. Скорее всего, это могут быть такие языки тюркской группы, как татарский, башкирский, чувашский.

3. Исторические сведения о словах анализируемой группы, которыми мы располагаем, весьма ограничены. В памятниках письменности слова *кежа*, *кежь*, *кежъ* 'пеньковая плотная ткань, главным образом полосатая' отмечены с XVII века: *ЗавЪсъ, въ срединЪ кежа волнистая съ полосами, а опушена кежею жъ съ полосами*. Д. Шакловит. XVII в.; *Кежь кизыльбашская* …Тов. Цен. Росп., 1649 г.; *кежъ полосатой* … Кн. расх. Холмог. Арх., 1695 г. (СлРЯ XI–XVII вв. 7: 109). Параллельно фиксируется и слово *кеджа* в этом же значении, причем в приведенной иллюстрации 1694 г. из АИ речь идет о тканях, привезенных из других стран: *А товару съ ними* [армянами, торговыми людьми] … *двадцать дарагъ гилянскихъ, дараги канавати, кутня, дв… кеджи, пять пестредей ардевилскихъ* (СлРЯ XI–XVII вв. 7: 108).

Активно употребляются также прилагательные *кежевый* и *кежовый*: *Куплены МосЪики повору штаны кежевые пестрядинныя*. Кн. Прих-расх. Бог. М., 1688 г.; *Подолникъ кежовой полосатой*. Опис. Холмог. Ц., 1696 г.; *ЗавЪсъ полосптой кежевой*. Заб. Дом. быт., XVII в. (СлРЯ XI–XVII вв. 7: 109).

4. Этимология исходного слова *кеж* 'полосатая ткань' не установлена; А.Е. Аникин предполагает, что это «ориентализм, но источник неизвестен» (ЭСРДС: 280).

Обратим внимание и на слова, частично совпадающие по фонемному составу и семантике, например, *кичи́м* 'кожаная подстилка под седло поверх потника; чепрак' Иркут., Якут., Сиб., Забайк. (СРНГ 13: 247). Эта лексема зафиксирована в говорах Прибайкалья с примечательной иллюстрацией: *Если хорошо одетая лошадь – кичим кожаный от седла вниз спускается. Раньше тканый, из овечьей шерсти был, ленточки всяки пришивали, чтоб форсисто было, да и нож укрывать* (СРГС 2: 66). Приведенный текст показывает, что первоначально, по-видимому, данный вид одежды для лошади

изготавливался из тканого материала. Усвоенному русскими говорами слову *кичи́м* соответствует бурятское *хэжэм*[1]. В говорах Забайкалья *кичи́м* ‘кожа на седелке, украшенная металлическими узорами’ (Эл.: 156). В говорах Алтая известно слово, фонетически более близкое к лексемам *кеж*, *киж*, – *кижи́м* ‘разукрашенная выездная подстилка под седло’ У.-Кан. (ИЭСРГА 5: 50), ср. также в говорах Южной Бурятии – *киджи́м* ‘подстилка под седло’, которое А.Е. Аникин считает заимствованием из южнобурятского источника, связанного с монг. *хэжим*, бур. *хэжэм*, калм. *kedžim*, *kedžm* ‘чепрак’, с отсылкой к слову *кичи́м* (ЭСРДС: 287). Слово *кичи́м* ‘кожаный потник, чепрак, подстилка под седло’ М. Фасмер возводит к тюркскому источнику, сравнивая с тур. *kičim* ‘лошадиная сбруя’, казах. *kezim*, *kežim* ‘чепрак, подстилка под седло’ (Фасмер 2: 241). К приведенным данным А.Е. Аникин добавляет весьма существенные, на наш взгляд, сведения: др.-тюрк. *kedim* ~ *kejim* ‘одежда’, *ked-* ~ *kej-* ‘надеть на себя (чулки, одежду)’ (ЭСРДС: 294). При этом, заметим, исследователь не находит их связи со словами *кеж*, *киж*, по всей вероятности, учитывая структурные, фонетические и семантические расхождения между *кеж*, *киж* и *кичи́м*. Подчеркнем наибольшую фонетическую близость слов *киж*/*кеж* и алтайского *кижи́м*, возводимого к тому же источнику, что и *кичи́м* (ИЭСРГА 5: 50).

Слово *кеж* проникло из русского языка в коми-зырянский: «kez 'zwillich, bunte leinewand' < кежь» (Kalima RLS S. 61), «коми *кеж* ‘холст в полоску из посконины’ < рус.» (ЭСРДС: 280 со ссылкой на КЭСК: 120).

Тюркский след, исторически обусловленный тесными контактами русских и, в частности, татар на довольно обширной территории, включающей Кировскую, Нижегородскую области [1, с. 4; 4, с. 65], обнаруживается не только в заимствовании лексемы *кеж*, но и в изменении начального согласного. Возникновение звука [ч] в соответствии с [т’] и [к’] может быть объяснено влиянием такой особенности тюркских языков, как переход **к** > **ч** и **т** > **ч** перед гласными переднего ряда [3, с. 528].

Таким образом, слово *чежо́вина* входит в значительный по объему этимологический комплекс, в котором объединяются слова с разным консонантным анлаутом. Опираясь на лингвогеографические данные, можно предположить, что в корне [ч-] появилось на базе [т’-] перед гласным переднего ряда после преобразования [к’-] в [т’-]. При этом исходный корень *кеж-* является ориентализмом. Семантическая сторона, по всей вероятности, отражает внешнее сходство красивой, плотной ткани домашнего изготовления, пестряди, с узорчатыми тканями, привозимыми с Востока, среди которых могли быть и специально тканые изделия для лошади, игравшей немаловажную роль в жизни тюркоязычных народов.

Проведенное наблюдение явно недостаточно, чтобы до конца выяснить вопрос о конкретных источниках и времени появления слова *чежо́вина*, для решения которого требуются дополнительные данные говоров не только русского, но и тюркских языков, сведения по материальной культуре народов, длительно соприкасающихся друг с другом.

Примечание

[1] Стоит обратить внимание на описание традиционного бурятского седла: «К березовому остову седла прикреплялась при помощи ремешков кошма, покрытая красным или черным сукном, или бархатом черного цвета. Посредством заклепок (даруулга) прикреплялись продолговатые надседельные подушки, называемые эмээлэй ободог, или маюуза. Под маюуза стелили чепрак (дэбНэн) из двух продолговатых кусков юфти. ДэбНэн предохраняет ноги всадника от трения их ремнями стремян. Под седло стелили *кичим* (*хэжэм*), изготовленный из толстого тибетского сукна – *ховеор хэжэм*. Чаще встречались *хэжэм* из юфти с поверхностью, тисненной орнаментом. Кожаный *хэжэм* назывался дурввбшэ. Хэжэм делали также из черного бархата на подкладе из сукна, украшая узорной стежкой и трехцветной каймой с розетками из раковин. Хэжэм оберегает бока лошади от трения ремнями, он свешивается ниже стремян. Под хэжэм подкладывали войлочный потник (тохом), украшенный каймой из красного сукна». [5].

Библиографический список

1. *Бердинских В.А.* Предисловие // Областной словарь вятских говоров. Вып. 1. – Киров, 1996. – 144 с.

2. *Варбот Ж.Ж.* Праславянская морфонология, словообразование и этимология / отв. ред. О.Н. Трубачев. – М.: Наука, 1984. – 256 с.

3. *Гаджиева Н.З.* Тюркские языки // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 527–529.

4. *Закиев М.З.* Татарский язык // Языки народов Российской Федерации и соседних государств: энциклопедия в 3-х т. Т. 3. / Ин-т языкознания. – М.: Наука, 2005. – С. 65–76.

5. Интерьер жилища // Материальная культура бурят. Быт. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://MKBuryat_Bit_Zhil_inter.html (дата обращения – 05.02.2013).

6. *Колесов В.В.* Ударение заимствованных слов в русских памятниках XVI–XVII вв. (к вопросу об акцентологической адаптации заимствованной лексики) // Русская историческая лексикология и лексикография. Вып. I. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1972. – С. 28–45.

7. *Мартьянова В.Н.* Названия одежды и ее элементов в русских говорах севера Удмуртии // Лек-

сический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования), 1995 г. – СПб.: Изд. ИЛИ РАН, 1998. – С. 190–193.

Источники

Акчим сл. – Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь) / гл. ред. Ф.Л. Скитова. Вып. 1–5. – Пермь, 1984?2003.

Громов 1992 – *Громов А.В.* Словарь. Лексика льноводства, прядения и ткачества в костромских говорах по реке Унже: учеб. пособие. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского, 1992.

Даль – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Т.I–IV. – М., 1956.

ДАРЯ 1 – Диалектологический атлас русского языка (Центр Европейской части СССР). Вып. 1. Фонетика. Карты. – М.: Наука, 1986.

ДАРЯ III-1 – Диалектологический атлас русского языка: Центр Европейской части России. Вып. III. Ч. I. Лексика. Карты. – М.: Наука, 1997.

ЖКС – Живое костромское слово. Краткий костромской областной словарь / сост.: Н.С. Ганцовская, Г.И. Маширова; отв. ред. Н.С. Ганцовская. – Кострома: ГОУВПО КГУ им. Н.А. Некрасова, 2006.

ИЭСРГА – Историко-этимологический словарь русских говоров Алтая / под ред. Л.И. Шелеповой. Вып. 1–6. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2007–2012.

КСРНГ – Картотека Словаря русских народных говоров (хранится в Институте лингвистических исследований, Санкт-Петербург).

КЭСК – *Лыткин В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. – М., 1970.

ОСВГ – Областной словарь вятских говоров: учеб. пособие по русской диалектологии / под ред. В.Г. Долгушева и З.В. Сметаниной. Вып. 1–7. – Киров: Кировская областная типография, 1996–2012.

СВГ – Словарь вологодских говоров / ред. Т.Г. Паникаровская; Л.Ю. Зорина. Вып. 1–12. – Вологда: Русь, 1983–2007.

СГРС – Словарь говоров Русского Севера / под ред. А.К. Матвеева. Т. 1–5. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001–2011.

СлРЯ XI–XVII вв. – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–28. – М., 1975–2008.

СОВН – Словарь областного вологодского наречия. По рукописям П.А. Дилакторского, 1902 г. / Ин-т лингв. исслед. РАН; изд. подгот. А.Н. Левичкин, С.А. Мызников. – СПб.: Наука, 2006.

СОГ – Словарь орловских говоров / сост. Т.В. Бахвалова; К.С. Корниловская и др. Вып. 1–15. – Ярославль: ЯГПИ им. К.Д. Ушинского; Орёл: Орловский гос. ун-т, 1989–2008.

СПГ – Словарь пермских говоров. Вып. 1–2. – Пермь: Книжный мир, 2000–2002.

СРГО – Словарь русских говоров Одесщины / отв. ред. Ю.А.Карпенко. Т. 1–2. – Одесса: Астро-Принт, 2000–2001.

СРГС – Словарь русских говоров Сибири / под ред. А.И. Федорова. Т. 1–5. – Новосибирск: Наука, 2001–2006.

СРГСУ-Доп. – Словарь русских говоров Среднего Урала. Дополнение / под ред. А.К. Матвеева. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 1996.

СРНГ – Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. Вып. 1–44. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2011.

Фасмер – *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. – М.: Прогресс, 1964–1973.

Эл. – *Элиасов Л.Е.* Словарь русских говоров Забайкалья. – М., 1980.

ЭСРДС – *Аникин А.Е.* Этимологический словарь русских диалектов Сибири: Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – М.; Новосибирск: Наука, 2000.

Kalima RLS – *Kalima J.* Die russischen Lehnwörter im Syrjänischen // Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia XXIX. Memoires de la societe Finno-ougrienne XXIX. – Helsingfors, 1910.

УДК 81.373.232

Мощева Светлана Васильевна
Ивановский государственный химико-технологический университет
moshevasv@mail.ru

ПАРОНИМИЧЕСКАЯ АТТРАКЦИЯ КАК СРЕДСТВО ГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПРЕССИИ (на материале текстов масс-медиа)

Статья посвящена явлению паронимической аттракции, которое играет важную роль в организации медийных текстов. Автор исследует паронимическую аттракцию в качестве вида игры слов, а также рассматривает механизмы паронимического словообразования.

Ключевые слова: *паронимическая аттракция, выразительные средства, словообразование, тексты масс-медиа.*

Проблема и подходы к анализу текстов массовой коммуникации, к которым относится и рекламный текст, продолжают оставаться в центре внимания исследователей в связи с тем, что данный вид коммуникации достаточно активно аккумулирует все изменения, которые имеют место на различных языковых уровнях.

Современный масс-медийный дискурс представляет собой синкретическое образование, в котором опосредованы все другие типы дискурсов, подчинённые основной цели масс-медиа как социального института – оказывать дифференцированное воздействие на многочисленную аудиторию посредством её информирования и оценки сообщаемой информации. Информативность и суггестивность, являясь основными характеристиками масс-медийного дискурса, тесно взаимосвязаны и взаимообусловлены. Реализация суггестивной функции в рекламном творчестве на языковом уровне проявляется в игре с многозначностью слов и со словообразованием, использованием стилистических тропов; релевантными могут оказаться лексические заимствования, различные коммуникативные типы предложений, возможности каллиграфии и графики, шрифтовая вариативность, графическая образность, а также фонетическое оформление слова/высказывания.

Актуальность настоящего исследования определяется возросшим, особенно в последнее время, интересом лингвистов к исследованию особенностей современного рекламного дискурса, в рамках которого рекламный текст представлен семиотически осложненным образованием и рассматривается в единстве вербального и невербального компонентов, причем важная роль принадлежит фонетическим средствам. Мы исходим из того, что коммуникативная интенция представляет конкретную цель высказывания, отражающую потребности и мотивы говорящего, мотивирует речевой акт, лежит в его основе, воплощается в интенциональном смысле, который имеет разнообразные способы языкового выражения в высказываниях. Следовательно, область нашего анализа охватывает вопросы, связанные и с задачами коммуникативного оформления высказывания, и со способами максимального эффекта воздействия на адресата речи.

Объектом настоящего исследования послужил экспериментальный корпус англоязычных печатных рекламных материалов, отобранных из массива печатного рекламного материала для дальнейшего анализа.

Целью работы является выявление особенностей использования паронимической аттракции в медийных текстах. Материалом письменных источников послужили следующие англоязычные издания 2009–2011 гг.: «Blue~ize», «Chemical Week», «Ceramic World», «The Economist», «Free Times», «glow», «Jane», «Partner of the World», «Scene», «Self», «Science», «The Times», «Woman's Day», «The Times» и другие. Отметим, что выбор различных по жанру и по информационному наполнению изданий обусловлен поставленной задачей, которая заключается в выявлении универсальных и активно используемых случаев представленного выразительного средства.

Отмечено, что письменному варианту устной формы вербальной коммуникации принадлежит значимая роль в коммуникативном пространстве. Кроме того, письменный (графический) способ является важным средством трансляции лингво- и социокультурных традиций. Наше исследование показывает, что феномен аттракции (англ. attraction – привлечение) занимает ключевое положение в процессе реализации представленных характеристик. Анализируя англоязычные печатные источники, мы выделили универсальные способы проявления аттракции, которые имеют место на разных языковых уровнях: лексическом, морфологическом, синтаксическом, фонетическом и др. [4]. Обращаясь к фонетическому уровню, остановимся на таком явлении, как паронимическая аттракция, которое рассматривается нами в качестве средства графической экспрессии в различных видах дискурса.

На сегодняшний день под термином «паронимия» достаточно часто объединяются два понятия: паронимия как вид языковых системных отношений между лексическими единицами и парономазия (парономасия) – как стилистический прием, состоящий в нарочитом сближении слов, имеющих сходство в звучании. Термин «пароним» относится к словам, обладающим близостью как формальной, так и (частично) семантической структуры, и обозначает еще одну универсалию в системе лек-

 © Мощева С.В., 2013

сических отношений. Так, паронимы многих языков обладают сходством звучания, но в английском языке возможны также и «глазные» паронимы, близость между которыми проявляется только в письменной, то есть воспринимаемой зрительно форме.

Явление «паронимической аттракции» рассматривается в нашем исследовании в качестве особого выразительного средства, в котором аттракция проявляется как нарочитое/преднамеренное соположение звучания или графического образа лексемы.

Паронимическая аттракция реализуется в речи во множестве проявлений и создается различными звуковыми отрезками: аллитерацией звука, повторением сочетания звуков, повторением морфемы, обыгрыванием фонетического и морфологического сходства, что можно проследить на примерах нашего экспериментального корпуса.

Явление аллитерации (в широком понимании – повтор согласных или гласных звуков в начале близкорасположенных ударных слогов) достаточно характерно для печатных текстов масс-медиа и используется в качестве приема создания определенного эмоционального тона, соответствующего содержанию высказывания, а также является действенным выразительным средством: «At last, Toddler Training Toothpaste for moms' smile» – реклама зубной пасты; «Wonderfully Witty Wonderfully Washable Ways of Orlon!» – реклама «Orlon»; «Take your lashes Luxurious Lengths» – реклама «Lengths Mascara».

Повтор конечных согласных, консонанс, к которому прибегают копирайтеры при оформлении РТ (рекламных текстов), можно проследить на нижеследующих примерах печатной рекламы: «Match the stars to the cars» – реклама автомобиля «Beanz»; «Gille-e-e-tte. The best a man can get» – реклама мужской косметической линии «Gilette».

Повтор ударных гласных внутри строки или фразы, называемый ассонансом (вокалической аллитерацией), также достаточно характерное явление для рекламных сообщений, так как способствует созданию особого ритмического рисунка, который придает высказыванию интонацию настойчивого повтора: «Skim milk does not come from skinny cows» – реклама молока «Alba dry milk». «Eat free for a week!!!» – реклама программы снижения веса «Nutrisystem».

Нами отмечено, что рифма (особый вид регулярного звукового повтора, то есть повторение более или менее сходных сочетаний звуков на концах строк или в других симметрично расположенных частях стихотворений) – достаточно востребованный способ оформления сообщений рекламного характера для различных типов целевой аудитории: «The best part of waking up is Folger's in your cup» – реклама кофе «Folger» (up – cup); «Winston tastes good like a cigarette should» – реклама сигарет «Winston» (good – should); «You'll be lovelier each day with fabulous pink Camay» – реклама мыла (day – Camay); «For the way you play!» – реклама бренда «Reebok» (way – play).

К достаточно активному способу можно отнести игру слов, построенную на полной либо частичной фонетической схожести слов:

«MBADE in Italy» – в приведенном случае аббревиатура «MBA» (Master of Business Administration) является частью слова «made» – сделанный, произведенный (журнал «Economist»);

«Einstein's Theory of Relativity: give strangers the same price you give relatives» – в данном РТ «Einstein-Moomjy carpets» рекламодатель обыгрывает фонетическое сходство лексем «relativity» (вероятность) и «relatives» (родственники).

Вычленение в составе звукокомплекса слов-омофонов используется рекламодателем в качестве приема языковой игры: «new MAXwear lipcolor» – реклама губной помады «Max Factor»; «Selfexpression» – реклама рубрики в журнале «Self»; «beautiful brows made easy» – реклама рубрики «Beauty».

Иногда звуковое сходство обыгрывается говорящим для выражения своего отношения к предмету разговора. В подобных случаях функционирование паронимической аттракции осложняется разнообразными экспрессивно-эмоциональными коннотациями, и неразрывное единство фонетического строения паронимии в речи и ее просодии становится еще более очевидным. Сегментная организация текста, расположение близких по звучанию слов, как отмечается в исследованиях в области риторики и фонетики, не только связывают единицы в смысловом отношении, но и содержат указания на правильное (задуманное автором) прочтение текста.

Подобно тому, как в практической речевой коммуникации внутри одного языка и при контакте двух языков возникает ошибочное смешение сходных паронимических и диапаронимических слов, в художественном языке, понимаемом в самом широком смысле определения «художественный», то есть во всех тех случаях, когда язык используется как инструмент творчества, явление смешения сходных слов может быть использовано как стилистический приём, который сознательно употребляется для создания яркой, действующей на воображение фигуры [2, с. 94].

Очевидно, что паронимическая аттракция способствует раскрытию таких свойств интерференционных процессов, как нарушение нормы в художественных целях, а также использование эффекта неожиданности. По типу реализации паронимическая аттракция может быть эксплицитной и имплицитной: при эксплицитной паронимической аттракции оба компонента паронимической пары присутствуют в тексте; при имилицитной аттракции один компонент паронимической пары непос-

редственно присутствует в тексте, другой подразумевается, однако недостающий компонент паронимической пары восстанавливается из ситуативного контекста:

«Oh, Lord! Wont you buy me a Mercedes Pens?» (Daily Mail); в статье говорится о дизайн-проекте оформления корпуса автомобиля фломастерами и ручками. Игровой эффект достигается с помощью созвучия названий марки автомобиля «Mercedes Benz» и названия проекта «Mercedes Pens»;

«Cents and Sensibility» – аллюзия на название романа Джейн Остин «Sense and Sensibility», игровой эффект достигается с помощью созвучия лексем «cents» и «sense».

Если говорить о рекламной коммуникации, целью которой является побуждение адресата к действию, она имеет прагматическую и суггестивную направленность, ориентированную на достижение перлокутивного эффекта. Для реализации подсознательного воздействия копирайтер руководствуется принципами отбора языковых средств, которые направлены на бессознательное. Отметим, что данные принципы были сформулированы З. Фрейдом [5].

Благодаря квазиморфологическому членению в рекламных сообщениях реализуется словопроизводная функция паронимической аттракции [3]: «MAX factor: Color me naughty. Color me nice. The MAXalicious naughty & nice gloss collection» (MAX factor); «Maybe she's born with it. Maybe it's Maybelline» (Maybelline); «It's more than a lipstick, it's Lipfinity» (Lipfinity); «They can't just look at a Rembrandt or a Bartolozzi and say: Boy! That's pretty hozzi-tozzi!» (The Mirror) – соположение созвучий в звукоподражании «hozzi-tozzi».

Анализ экспериментального корпуса показывает, что квазиморфологическое членение слов позволяет копирайтеру выйти за рамки одного языка в билингвальное пространство: «COINTREAU. BE COINTREAUVERSIAL» – реклама напитка; фр. лексема «cointreau» созвучна с англ. лексемой «controversial».

Изучение печатного рекламного материала указывает на многочисленные случаи, в которых основой аттракции могут быть морфологические совпадения в конце/начале слова: «Electricity – Clean Simplicity» – реклама энергокомпании; «The safest and prettiest way to get that just-spent-the-day-at-the-beach look. Try Cover Fx Bronzed Fx Bronzing Powder» – реклама пудры; «Get fresh. Stay strong. Hair feels fresher, stronger, for longer» – реклама шампуня «Garnier Fructis»; «Think about … Subaru. It outcorners. It outbrakes. Heck, it even outsunroofs the competition» – реклама машины.

Следует отметить, что подобные префиксы (extra-, super-, ultra-) использует и англоязычная реклама для придания интенсивности признака, усиления семантического значения качества товара/услуги: «extra Make up; extra micro-filter». Создание паронимического контекста в данных случаях базируется на технологии морфологического членения.

Очевидно, что различные типы повторов организуют звуковой строй сообщения. Общая фонетическая окраска текста создается выделяющимися (выдвинутыми) на общем фонетическом фоне близко расположенными повторами; выдвинутость этих элементов сообщает им ритмическую роль, которая оказывается тем более заметной, чем теснее расположены повторы [1, с.210]. Однако, как показывают результаты нашего исследования, эффект звукового символизма более очевиден и востребован при создании устно-речевых рекламных текстов.

Таким образом, анализ экспериментального корпуса показывает, что значительная роль в оформлении медийного текста принадлежит именно фонетическим выразительным средствам, к которым можно отнести использование особого ритмического рисунка, построенного за счет привлечения различного рода повторов, придающих текстам масс-медиа выразительность, эмоциональность. В свою очередь, данная выразительность и эмоциональность способствует реализации аттрактивности – как способу достижения перлокутивного, запланированного авторского замысла.

Библиографический список

1. *Арнольд И.В.* Стилистика современного английского языка. – Л.: Просвещение, 1981. – С. 210.

2. *Кузнецова И.Н.* Паронимическая аттракция или парономазия как особый прием экспрессивного выделения // Вопросы иберо-романского языкознания. – М., 2005. – Вып. 7. – С. 92–98.

3. *Мощева С.В.* Масс-медийный дискурс: графико-орфографические выразительные средства (на материале русско- и англоязычных текстов массовой коммуникации) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «История, филология». – 2012. – Т. 11. – Вып. 6. – С. 120–127.

4. *Мощева С.В.* Выразительный потенциал текстов масс-медиа. Анализ языковых уровней: монография. – Saarbrucken, Germany: Lambert Academic Publishing, 2012. – 144с.

5. *Фрейд З.* Остроумие и его отношение к бессознательному. – М.: АСТ Москва, 2008. – С. 320.

УДК 801.3

Ростов Олег Робертович
Ивановский государственный архитектурно-строительный университет
olegrost@gmail.com

ЛЕКСИЧЕСКИЕ МАРКЕРЫ ЖАНРА НАРОДНЫХ СБОРНИКОВ В.И. ДАЛЯ «СОЛДАТСКИЕ ДОСУГИ», «МАТРОССКИЕ ДОСУГИ», «ДВА СОРОКА БЫВАЛЬЩИНОК»

В статье выделен ряд ключевых лексем, сыгравших важную роль в формировании замысла народных сборников В.И. Даля, обусловивших их жанр, структуру и аксиологию. В этой связи указано на тесную (не только формальную, но и смысловую) связь книг для народного чтения с устной народной словесностью: с такими ее жанрами, как разговор и беседа.

Ключевые слова: *книги для народа, складчина, разговор, беседа, толковать.*

Литературная деятельность Даля-беллетриста началась с повести «Цыганка» («Моск. телеграф», 1830). Однако широкой читающей публике его имя стало известно два года спустя, когда Даль под псевдонимом Казак Луганский опубликовал отдельным изданием «Русские сказки… Пяток первый» (1832). Предназначался он главным образом для образованных слоев русского общества и, по мысли автора, должен был познакомить их с богатством национального языка. Десятилетие спустя Даль так писал об этом в статье «Полтора слова о нынешнем русском языке» («Москвитянин», 1842): «Не сказки по себе были ему важны, а русское слово <…>. Писатель задал себе задачу познакомить земляков своих сколько-нибудь с народным языком, с говором, которому открывался такой вольный разгул и широкий простор в народной сказке» [12] (Цитаты даны в современной орфографии и пунктуации. – *О.Р.*).

Первым Далевым сборником для простого народа стали «Солдатские досуги» (1843). Этот опыт, как и «Пяток первый», оказался для него в литературном плане удачным. Вскоре к Далю через А.В. Головнина обратился Великий князь Константин Николаевич, занимавшийся делами российского флота, с просьбой составить аналогичный сборник для матросов. «Матросские досуги» увидели свет в 1853 г., в 1861 г. вторым изданием вышли «Солдатские досуги», а еще год спустя Даль издал сборник «Два сорока бывальщинок для крестьян» (1862). Сборники составили своеобразную трилогию, рассказывающую широкой читающей публике о жизни простого русского народа и его представителях – солдатах, матросах и крестьянах. Предназначенные для народа [13, с. 16], они учитывали специфику своей целевой аудитории: отражали народное мировидение и мировосприятие, в том числе – и посредством использования в них того «живого великорусского языка», который «живет поныне в народе». В последние годы эти сборники все чаще привлекают внимание далеведов, особенно – первые два. Так, применительно к «Досугам» проделана большая исследовательская работа с привлечением ранее не известных широкому кругу литературоведов и лингвистов материалов. Она позволила осветить историю их замысла и создания, источники материала, особенности структуры, тематики, идеологии, стиля и т.п. [3; 8; 14–16 и др.]. Однако в контексте изучения проблемы народознания в творчестве Даля задача выявления особенностей и признаков, позволяющих рассматривать данные сборники именно как народные книги, остается достаточно актуальной. Даль уже в 1840-е – 1850-е годы – одним из первых – предлагает новый тип книги для народного чтения, во многом отличный от привычных для того времени изданий. Как представляется, глубже прочувствовать эту новизну позволяет не только их содержательный анализ, но и выявление ключевых для этих сборников лексем. Ведь путь от отдельного слова к литературному произведению, а затем и к их собраниям был для Даля естественным и легким. Семантика отдельных слов – ***складчина***, ***разговор***, ***беседа*** и ***толковать*** – многое, если не все, объясняет и в его народных книжках: начиная от их замысла, жанра, структуры и заканчивая аксиологией и стилем.

Одной из черт, присущих народному взгляду на мир, можно считать синкретизм [7]. Своего рода синкретизм отличает и народные сборники Даля. Каждая из частей этого трехкнижья представляет собой, по выражению автора, «складчину всякого добра». А следовательно, слово ***складчина*** – ключевое в понимании содержательно-жанрового многообразия произведений, вошедших в каждую из книг. И действительно, это так, ведь в них собраны притчи и бывальщины, легенды и предания, загадки и пословицы, анекдоты и очерки и др. «Нынешнее и былое», «смех и горе», «время и безвременье», «дело и безделье» – все это тесно переплетающееся многообразие народной жизни требует от писателя соответствующих жанровых средств своего выражения и отражения. Словом ***складчина*** подчеркивается и то, что данные сборники Даля – плод совместного труда многих людей, внесших в него свою немалую лепту, свой пай. Среди них – отставной уральский казак Потап Дервянов («Дервянов», «На санях в море», «Казак Дервянов»), матрос Ситников («”Ретвизан”. Рассказ матроса Ситникова»), неназванный матрос, вчерашний кре-

© Ростов О.Р., 2013

стьянин Курской губернии («Быль про себя»), Федор Грушин («Рассказ пленника Федора Грушина»), приказчик Тараканов («Тараканова быль») и др. Притчи народных сказителей-бывальцев, которые были как среди солдат и матросов, так и среди крестьян, зачастую включаются и в повествование основного рассказчика. Так, в «Солдатских досугах» рассказчик с нескрываемой теплотой вспоминает о своем однополчанине Власе Карпове, который был «и шутник, и весельчак, а уж первый в полку солдат, и научал, и наставлял товарищей притчами, поговорками да прибаутками лучше всякого», и пересказывает притчу Власа о мельнице («Повиновение начальству»), давая практические советы молодым солдатам, он ссылается на авторитет знакомого ему ветерана славных суворовских походов («Как солдату, конному и пешему, управляться с неприятелем»), а свои размышления о правде и лжи начинает с притчи старика, который «жил-был» «в некотором царстве, в далеком государстве» («Ложь и правда»). Поэтому ***складчиной*** можно считать не только сборники в целом, но и ряд вошедших в них произведений, поскольку в них, кроме голоса основного рассказчика, явственно слышны голоса и других мастеров «сказывать сказки и бывальщинки». Народное многоголосие сборников слышится и в том, что рассказчик, повествуя о событии, часто ссылается на свидетельства очевидцев и к случаю вспоминает то, что он когда-то слышал от других: «Притомный свидетель сказывал нам, что слышал сам…» («Где горе, там и смех»); «При этом были свидетелями другие пленники наши…» («На своих не пойду») и др. В работе над книгами для солдат и матросов Даль опирался и на письма очевидцев тех или иных событий, которые получал со всех концов России, газетно-журнальную периодику и книги [16, с. 113]. Так что словом ***складчина*** отмечается и разнообразие источников: устных, рукописных, книжных, газетных. А 30 лет спустя после первого издания «Солдатских досугов» (1874) виднейшие писатели, среди которых будут Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, Ф.М. Достоевский, И.А. Гончаров, М.Е. Салтыков-Щедрин и др., назовут «Складчиной» подобный же сборник своих произведений. Он станет их совместным, соборным, материальным и духовным вкладом в помощь людям, голодавшим в то время в поволжских губерниях.

«Русское ухо и русское чувство», которые Даль-писатель вслед за А.С. Пушкиным вырабатывал в себе в 1830-е – 1850-е годы [10], подсказывали ему, что книга-складчина для народа должна быть народной и по форме, и по стилю, и по восприятию. Стремясь к этой гармонии, Даль максимально использует прежде всего возможности живой разговорной народной речи в каждом из произведений, которые он пишет преимущественно в жанрах устного народного творчества. Притчи и бывальщины, легенды и предания, будучи родственными сказке, как правило, *рассказываются вслух*, и человек рассказывает их *не себе* самому, а *кому-то* (ср. [6, с. 251]). В ответ он может сам услышать историю и т.д.: «Где только человек с человеком столкнется, там и толки, и разговор, там один другому, поздоровавшись, сказывает, что видел, слышал, думал и делал…» («Вступление к изданию»). Так возникает общение между людьми, начинается и продолжается их свободный и непринужденный разговор. Недаром он, по Далю, – органическая часть народной жизни и культуры: «Бог дал человеку глаза да уши, ум, разум и словесную речь; дал на то, чтобы видеть или слышать, думать, размышлять и говорить» («Вступление к изданию»). Так что лексема ***разговор***, наряду со ***складчиной***, становится еще одним ключом к пониманию своеобразия народных сборников Даля.

В разговоре Далю важны поучительность и польза: «Пустопорожний разговор доброму ничему не научит, ума-разума не даст» («Солдатские досуги»: «Вступление к изданию»). Он понимает, что для этого нужно, чтобы разговаривающие люди были откровенны, доверяли и признавали друг в друге *своего*. Слова автора-рассказчика, что он тот, кто «сам сиживал с вами (с солдатами. – *О.Р.*) за огоньком, пил из одной с вами манерки, ел казенные сухари и видел солдата не только в казарме да на ученье, а видел его и в чистом поле» («Солдатские досуги»: «Вступление к изданию»), – это и его просьба к своим читателям-слушателям доверять ему, и его надежда, что это общение будет взаимным, сделает его и их собеседниками. Даль, не принадлежавший к флотской и армейской элите мичман и военный лекарь, участник походов русской армии, деливший с матросами и солдатами все тяготы службы, затем гражданский чиновник среднего ранга, много общавшийся с крестьянами и знавший их быт не понаслышке, был вправе рассчитывать на доверие к себе со стороны и одних, и других, и третьих. Там, где есть собеседники, где слышен голос каждого из них, где они доверяют друг другу, признавая каждого своим и равным себе, там разговор достигает уровня беседы. В.В. Колесов пишет: «Старинный образ слова *беседа* <…> – это разговор <…> “наедине со всеми”, так и хочется сказать: тихим вечером на завалинке, в кругу друзей и соседей. Круг широкий, да *все свои*» (курсив мой. – *О.Р.*) [5, с. 71]. Характерный для беседы «размен чувств и мыслей на словах» [4, т. I, с. 85] между ее участниками поддерживается их душевной приязнью и сердечной открытостью. В представлениях простого народа эти две составляющие выражали суть человеческих отношений [11, с. 141].

Человек, даже немного знакомый с народным бытом и культурой, читая книги Даля для воинских служителей и крестьян, вряд ли уйдет от ассо-

циаций, связанных и с другой стороной семантики лексемы *беседа* – деревенскими беседами-посиделками. Не чем иным, как их аналогом, были разговоры свободных от вахты матросов, собиравшихся в часы досуга в кубрике или на палубе, «за трубкой ли вкруг кадки, за чаркой ли на берегу» («“Ретвизан”. Рассказ матроса Ситникова»), и солдат, отдыхавших после боя или трудного похода. Вот одна из таких ситуаций: «Смеркалось уже, когда бой затих; весело солдатушки в кружки за огни садились победные; котелки кипели с кашицей; ребята лежа грелись, *отдыхали да рассказывали* (курсив мой. – *О.Р.*) один другому, как кого Господь сохранил от беды неминучей да помиловал, кого задела пуля неприятельская, кого на месте уложила; командиры ходили тут же да спасибо говорили своим солдатушкам…» («Сражение»). Военный антураж здесь отходит на задний план, а в центре – обычные человеческие отношения, почти семейная обстановка и атмосфера. Крестьяне и мастеровые-артельщики, собираясь вместе за нехитрой трапезой в тесном семейном или дружеском кругу, тоже сочетали отдых с разговорами. Вот типичная картина крестьянской беседы-трапезы: «Сошлись они, ели-пили чинно, потом развеселились за пирогами да за брагой, и беседа пошла поразвязнее, а старики, глядя на них, любовались. Ели они и пили – да не в браге сила, а в беседе. Без соли, без хлеба худая беседа, а без беседы и хлеб-соль в глотку не пойдет». И далее: «Хозяйский сын, который угощал товарищей, не перебивал беседы их своими рассказами, а чинно слушал да разве только поддакивал» («Беседа за хлебом-солью»). Возникает вопрос: а не чувство ли присутствия на таких беседах формировал Даль у своих читателей-слушателей? Думается, ответ на него может быть положительным.

С лексемой ***беседа*** связаны и заглавия сборников. Ведь, например, *досуги* (*досуг*) – это не только «свободное, незанятое время, гулянки, гулячая пора, просторъ отъ дела», то есть безделье, но и «занятия для отдыха» [4, т. I, с. 481], наиболее естественным из которых и является разговор, то есть беседа. Связь беседы (разговора) и свободного от работы или другой деятельности времени (досуга) близка народному сознанию. Так, в Ярославской губернии при входе в избу, если хозяева ничем не заняты, приветствуют, говоря: «Беседуйте!» [4, т. I, с. 85] (СРНГ данное приветствие фиксирует также и в Костромской области [9, с. 266].). Подобные приветствия в той же ситуации («Беседа вам!», «Беседа ваша!») характерны для новгородских и олонецких говоров; ср. в новгородских говорах: *беседовать* – проводить время без работы [9, с. 261–262, 265].

А потому и заглавия сборников «Солдатские досуги» и «Матросские досуги» можно интерпретировать как *Солдатские (Матросские) беседы*, актуализируя уже не их целевое назначение, а жанровое своеобразие. Разговорный (беседный) характер сборников манифестируется контекстами (курсив мой. – *О.Р.*): «*Спросите*: почему люди дознались, что земля наша шар, что она кругла? А вот по каким приметам, *слушайте*…» («Земля»); «*Слушайте*, что *расскажу* я вам для примера» («Ложь и правда»); «А нам, *скажите*, за что же отвечать за них? *Ась*? («Супостаты наши»). Глаголы *спросите*, *скажите, слушайте, расскажу* и междометие *ась* предполагают слушателя, собеседника и указывают на устное общение людей. И иногда рассказчик словно бы ждет реплик слушателей. Так, вспоминая об удачном сражении, в котором русские солдаты захватили так много пленных, что не знали, «как с ними быть и куда их девать», он спрашивает: «Скажите же, хорошо это аль худо?» – и, словно бы получив ответ на свой вопрос, продолжает диалог: «Худо тому, кого побили; стало быть, а нам хорошо; не так ли? А коли хорошо, от чего же не всякий из нас обгоняет товарища, как пойдут в штыки да в рубку <…>? От того, товарищи, что где есть передние, там бывают и задние, где бегут, там и отстают. А кому охота быть задним, кому отставать? И ведомо, что ни тебе, ни мне, ни третьему…» («Кто смерти боится»). С учетом их подразумеваемой реакции он и строит рассуждения.

Если жизнь военных строго регламентирована и собраться на *беседу*, чтобы послушать правдивые и поучительные истории из уст уважаемых ветеранов-«дядей», а может статься, вставить и свое лыко в строку, солдаты и матросы могут лишь *на досуге*, то у крестьян и мастеровых время труда и отдыха чередуется гораздо свободнее. Да и работа работе рознь («дело делу розь» [4, т. IV, с. 102]), и перекинуться словечком-советом с соседом-артельщиком, а то и рассказать ему бывальщинку или притчу можно и между делом, особо от него не отрываясь (см.: [2, с. 49]). Главное, чтобы это не мешало, а помогало работе: «Дело знай, а попусту не бай» [4, т. I, с. 510]. Может быть, поэтому нет слова *досуги* в заглавии Далева сборника крестьянских бывальщинок?

При выделении лексических маркеров стоит обращать внимание не только на семантику и этимологию, но и на фонетику слов. С точки зрения выявления значимых созвучий заслуживает внимания слово *сорок* в заглавии сборника для крестьян. Семантически оно указывает на количество произведений: «Два сорока бывальщинок» – это восемьдесят народных историй, ибо «встарь считали сороками...» [4, т. IV, с. 275]. Но так ли уж важно знать точное количество входящих в книгу произведений? Зато чуткое «русское ухо» Даля не могло не уловить примечательного созвучия слова *сорок* с известным в народе словом *сороковать*. В Словаре Даль дает ему следующее толкование: «*нвг.* (*сорока? сорок?*) мужевать, мозговать, стариковать,

толковать, рассуждать сообща» [4, т. IV, с. 275]. В семантике слова *сороковать* четко выражены целевые характеристики разговора-беседы: *толковать* и *рассуждать* вместе, неторопливо обмениваясь мыслями по самым разным проблемам, волнующим простолюдина. Колесов, характеризуя крестьянскую беседу, пишет: «Слово, воплощая какую-то мысль, неспешно ходило по кругу. Оно было общим, и мысль рождалась как мысль коллективная…» [5, с. 71]. Как рождается такая мысль в крестьянской беседе, иллюстрирует бывальщинка «Веревки, лапти, тяжи, пестеры». В Словаре Даль, определяя лексему *толковать*, сопрягает ее с лексемой *беседовать* [4, т. IV, с. 411], а слово *толки* показательно соседствует с лексемой *разговор* в формуле: «Где только человек с человеком столкнется, там и толки, и разговор…».

Народные сборники отражают широкий спектр семантики слова ***толковать***. Так, автор-рассказчик, *беседуя* и *советуясь* со слушателями, *рассуждает* вместе с ними о разнообразных проблемах. Он доходчиво, с использованием примеров, образов и ситуаций из повседневной, бытовой жизни простого народа *объясняет* им понятия и явления действительности, народной этики и морали. Словно бы в соответствии с народной поговоркой: «Дело толковано, что сивая подкована: надобно толковать, как бы каурую подковать» – автор-рассказчик неоднократно возвращается к одной и той же проблеме или теме, рассматривая ее под разными углами зрения. Такими сквозными, круговыми темами являются темы греха, совести и ответственности человека перед Богом, правды и лжи, солдатской доблести и чести и др. Сквозной темой становятся и размышления о России: о ее прошлом и настоящем, о разумности ее государственного устройства, о ее многонациональном, но едином народе, о месте России в мире, среди других государств, и т.п. Постоянно размышляет рассказчик и о русском народе. А говорит он не только о его достоинствах, но также и о недостатках и пороках, оценки последних жестки и нелицеприятны. Своего рода *толкованиями*, живо напоминающими статьи словаря, можно назвать многие произведения сборников: «Ложь и правда», «Жизнь и здоровье», «Что такое Отчизна», «Отчизна», «Вселенная», «Кит», «Акула», «Земля», «Матка», «Кривотолк» и др. Ср.: «Знал я, знаете и вы не хуже меня, что ложь никуда не годится, а правда дороже и чище золота; однако *потолковать* об этом все-таки можно» («Ложь и правда»); «От чего бывают на Земле четыре времени года – это *растолковать* на словах не совсем легко» («Вселенная») и др. (курсив мой. – *О.Р.*). Таким образом, лексема ***толковать*** также ключевая для сборников Даля.

Складчина – разговор – беседа – толковать – своеобразные ключевые вехи на пути к достижению гармонии и лада в жизни русского человека и русского общества в целом, на пути к решению насущных проблем русского мира и его преобразованию.

Библиографический список

1. *Базанов В.Г.* От фольклора к народной книге. – Л., 1973. – 360 с.
2. *Белов В.И.* Раздумья на Родине: очерки и ст. – М., 1986. – 271 с.
3. *Голубенко А.Л., Евдокимов Н.А.* Владимир Даль как публицист: особенности и мотивы творчества. – Луганск, 2007. – 416 с.
4. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М., 2002.
5. *Колесов В.В.* Культура речи – культура поведения. – Л., 1988. – 272 с.
6. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы. – Л., 1971. – 415 с.
7. *Михайлова Н.Г.* Общее представление о народной культуре и проблемах ее исследования // Народная культура в современных условиях: учеб. пособие. – М., 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.riku.ru/lib/narcult/nar-cult-raw.htm (дата обращения: 13.03.13)
8. *Путилина С.В.* В.И. Даль как литератор: Автореф. дис. … канд. филол. наук. – М., 2008. – 27 с.
9. Словарь русских народных говоров. – Вып. 2. – М.; Л., 1966. – 316 с.
10. *Тамаев П.М.* Статьи В.И. Даля в контексте раздумий о народной словесности // Вестн. Иван. гос. ун-та. Сер. Филология. – 2001. – Вып. 1. – С. 53–61.
11. *Тамаев П.М.* Русская беседа как феномен национальной жизни // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2007. – Т. 13. – Спец. вып. – С. 141–145.
12. Тексты произведений В.И. Даля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.karelia.ru/dahl/html/texts.htm (дата обращения: 13.03.13).
13. *Шаповалова Г.Г.* Опыт создания первых книг для народа («Матросские досуги» В.И. Даля) // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. – Вып. II. – М., 1963. – С. 58–70.
14. *Фесенко Ю.П.* Проза В.И. Даля. Творческая эволюция. – Луганск; СПб., 1999. – 262 с.
15. *Царева В.П.* Образ Петра I в «Матросских досугах» В.И. Даля // Пятые Далевские чтения: тез., ст., материалы. – Луганск, 1996. – С. 140–146.
16. *Юган Н.Л.* Сборники «Солдатские досуги» и «Матросские досуги» В.И. Даля как книги для народного чтения // Вісник Запорізького національного університету. – 2009. – № 2. – С. 106–116.

УДК 408.5: 413.213

Румянцева Ольга Николаевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
olgaolga1005@mail.ru

ЛЕКСИКА И ФРАЗЕОЛОГИЯ, РЕПРЕЗЕНТИРУЮЩИЕ ЛИЧНОСТЬ МОНАРХОВ ИНЫХ ДЕРЖАВ, В РУССКОЙ ПЕСЕННО-ЭПИЧЕСКОЙ ПОЭЗИИ

В статье автор исследует языковые средства, репрезентирующие личность монархов иных (нероссийских) держав в русской песенно-эпической поэзии.

Ключевые слова: *прямые и образные номинации, синонимические средства языка, устойчивые сравнения, фразеосочетания.*

Цель данной работы – исследовать языковые средства, репрезентирующие личность[1] монархов иных (нероссийских) держав в русской песенно-эпической поэзии.

Материалом для исследования послужили былины, отражающие историческое бытие Киева в IX–XII вв., баллады, записанные на Севере и подготовленные к публикации О.Э. Озаровской[2]. Кулойская эпическая традиция, как отмечала собирательница, отличается осведомлённостью каждого сказителя о «житье-бытье каждого богатыря» [20, с. 395]. Другой особенностью в северорусском фольклоре отмечены распространённые старинные русские баллады, герои которых обычно безымянны, на Севере «вплетаются в эпическую биографию Дуная» [21, с. 470].

Собиратель северных сказок А.И. Никифоров указывал, что «состояние фольклорной науки… таково, что нельзя удовлетвориться случайным опубликованием сказочных записей без всякой целеустановки». Александр Исаакович предложил к двум принципам отбора материала: «или географическому принципу, или личностью сказочника» [19, с. 19] – использовать третий принцип: публиковать «сказки без отбора сказочников, а сплошь, как они попадались», относящиеся к одной теме/одному типу «в … его разновидностях» [19, с. 20]. В результате, «в процессе бытования» фольклора [19, с. 19] можно определить изменения «языкового образа мира» [23, с. 10].

Выделены основания, в которых содержатся наиболее важные характеристики властителей государств: 1. Имя. 2. Внешность. 3. Вероисповедование. 4. Дом. 5. Взаимодействие с окружающими: отношение с врагом.

Монархи иных держав противопоставлены русскому князю – Владимиру (Красное Солнышко) / царю или русскому человеку (богатырю) как носителю определённых физических и нравственных качеств.

Средства языковой репрезентации личности монархов иных держав различны: прямые и образные номинации, синонимические средства языка, устойчивые сравнения, фразеосочетания.

Прямая номинация используется для обозначения статуса лиц, облачённых высшей властью и членов монаршей семьи: *император, король, две дочери короля* (да Ляховинского): *Авдотья да королевисьна, Опраксея королевисьна, у короля Леховенского … две доцери*: *Перва доць Настасья королевицьна, Втора доць есть Опраксея королевицьна* [6, с. 428], *Настасья королевишна* [3, с. 468], *у короля Ляховинского* (Есь) *две доцери хорошиех: Больша-то дочь – все Авдотья да королевисьна, Меньши-ка дочь дак как Опраксея королевисьна* [8, с. 417]; (к) *король*(ю) *да королевичь*(ю), (к) *король*(ю) *да Кортоусово* [9, с. 437], *царь, (с) любимый зять(ем) (со) Кончук(ом), (Со) милы(м)й сын(ом) (со) Коршун(ом)* [5, с. 444], … *Калин-царь, За им сорок царей, сорок царевичей, За им сорок королей, королевичей, Борис королевич… Борис, королевич сын»* [10, с. 49]. Опорное прямое номинативное значение перечисленных лексем отражает общенародное понимание высшего положения в обществе: *Собирал Бладимир князей и королей на почестен пир* [5, с. 444].

Сочетание слов *перва доць, втора доць* раскрывают значение лексемы *королевицьна*. Имена *Авдотья, Настасья, Опраксея* характерны для главных героинь северорусского фольклора как русской, так и иных держав. Имя *Настасья Лиходеевна* [7, с. 434] в народной этимологии словообразовательно связывается с единицей *лиходействовать* в значении *«делать зло, вредить»* и *лиходейство* со значением *«злодейство, злодеяние»*. Поэтому семантика слова *Лиходеевна* понимается как *«лиходейка, злодейка»,* отражая качественную характеристику героини *злая* [15, 2 т., с. 257].

Лексемы *Леховенский, (да) Кортоусово,* указывают на местоположение королевства (Литовское государство [16, с. 198], *Кортоусово цярство*), воспроизводят традиционные для русского эпического повествования способ сочетания слов: согласованное определение *(у) короля Леховенского*, *к королью (да) Кортоусово*.

В кулойских былинах постоянно упоминаются *мужские имена Кончак, Коршун* (здесь – *зять Кургана*). Эти имена указывают на воспроизведение в былине реальных событий, отражая дотатарские переживания, так как *Кончак* был половецким князем, энергичным противником Киева в XII веке [1, с. 60]. Фамилия *Кончак* представляет собой застывшую форму тюркского имени Кончак. По мнению Н.А. Баскакова, этимология слова определя-

© Румянцева О.Н., 2013

ется «историческим предметом воинской одежды, защищающей ноги от стрел», со значением «кожаные штаны» [4, с. 42]. Такие «доисламские имена у тюркских народов … давались родителями новорожденному ребёнку по предмету, который первый попадался на глаза» [4, с. 43]. Именами *Коршун, Кончак* предопределялись новорождённым воинская доблесть и способность всадника к стремительному передвижению. Предводителем татарского войска, положившему начало монголо-татарскому нашествию, обычно является *Батыга Батыгович (Батый)*. Имя монгольского хана содержит значение bati – «сильный, крепкий» [24, с. 135]. Реже называются имена *Кудреванки-царя и Кургана*. Содержание заимствованного из тюркских языков слова *«Курган»* определяется опорным прямым номинативным значением «гора», «холм», «насыпная могила», «укрепление», «крепость». Так, при именовании монархов *Коршун, Кончак, Батыга Батыгович, Курган* выявляются репрезентативные признаки личности по внешнему виду: русскими прозвище «*Курган»* присваивалось сильному и высокому человеку, *«Батый»* – крепкому человеку, *Коршун, Кончак* – стремительным наездникам. В номинации *Бориско да сын Заморёнин* значение притяжательного прилагательного (чей?) *Заморёнин* не может быть оторвано от основного значения лексемы *море* и понимается соотносительно с ним, указывая, что *«пришли да* ***из-за моря****, да из-за синего»,* …где владеют землёй [11, с. 147] Существительное *море* сопровождается эпитетом *синее*. Сочетание ***из-за моря****, да из-за* ***синего*** «стоит в сильной позиции – в конце строки» и «содержит в себе семантический нюанс “далеко”» [26, с. 111]. Дальняя земля за морем, обозначенная в имени главного героя *Бориско да сын Заморёнин,* должна была предупредить героиню об опасности, так как «*море* – символ неизвестности и погибели» [26, с. 112].

Количество слов, группирующихся вокруг имени монархов иных держав, может быть различно, сочетая совмещение прямого, номинативно-производного и экспрессивно-синонимических значений единиц: *Курган-злой собака царь*, *собака Калин-царь* [5, с. 443], *собака злодей Калин-царь* [10, с. 49]. Переносное значение постоянного эпитета *собака* характеризует внешние отличия человека как «злого и грубого» [22, с. 737].

Образные номинации: *Идолище Проклятое, Издолишшо да за великого да проклятово,* [9, с. 438-439], *Издолишшо Чурилко млад Пленкович* [2, с. 198.] – представляют сочетание двух и более слов, с главным существительным *Идолище / Издолишшо* со значением «*поганец, язычник»,* актуализируя неправославное вероисповедание. [15, т. 2, с. 8–9]. Лексема *идол* с прямым номинативным значением «изваянье мнимого божества; истукан, пагода, кумир, болван», [15, т. 2, с. 8] «божок» известно с XI в. [28, т. 1, с. 336] и словообразовательно связывается с единицей идолочтитель с семантикой «истуканец, кумирник» [15, т. 2, с. 8–9], репрезентируя вероисповедание властителя «*тотар он да проклятыих»* [5, с. 445], *нечистых поганых тотарщев* [12, с. 448]. Значение слова *нечистый* «запрещённый церковным законом, поганый, скверный» [15, т. 2, с. 543] подчёркивает негативное отношение к *тотарщам.* В народной этимологии лексема *идол* по созвучию соединяется и со словом *издол, м. сиб.* со значением «дол, долина, длинный, широкий подъём меж гор» [15, т. 2, с. 21], дополнительно характеризуя внешний облик монарха. Вместе с тем имя *Издолишшо Чурилушко млад Пленкович* называет сыновье отношение эпитетом *млад,* уточняет: *«Я отца Издолишшо Проклятого»* [2, с. 198], репрезентируя молодой возраст. Содержательный минимум постоянного эпитета *проклятый* конкретизируется в двух направлениях, которые могут быть представлены в следующих семемах: 1. Отлучённый от церкви (ср. окаянный – проклятый, отверженный церковью) [28, т. 2, с. 594]; 2. Ненавистный, проклинаемый [22, с. 611]. Семантика слова *проклятый*, с пометкой значения «бранное», передаёт экспрессивную оценку, выражая негодование [22, с. 611]. В былине «Илья и Идолище» Идолище называют *поганым*, удваивая значение «враг-язычник» [17, с. 174]. Номинации *Чурило да ведь Пленкович, Чурилко младый Пленкович* главным слово *Чурило / Чурилко* со значением иркт. «замарашка, чумичка» [15, т. 4, с. 615] репрезентируют отличительные национальные черты лица, как и в номинации *тотарин – тотарское лицё.* Постоянный эпитет *Пленкович* указывает на «состояние порабощённости», «несвободы» [22, с. 611].

В русском эпосе, писал В.Я. Пропп, сравнение занимает второстепенное положение, ибо вся структура поэтической выразительности направлена не на сближение по сходству, а на дифференциацию по отличию [18, с. 148.] Во внешнем виде различают красоту русского князя с «*Русыми-то кудрями»* и *«жёлты кудри»* «*тотарищо да пострашнея всех татар»* [12, с. 447–448]. Содержание сравнительной степени прилагательного *страшный – «ужасный, пугающий»* приумножено приставкой *по-* со значением «усиления признака» [22, с. 525]. Не отличается красотой глава Литовского королевства: *(Заходил Дунаюшко) к королю в Литву,*

Да к Ляховиньскому да страховиньскому… [3, с. 468]. Прилагательные *Ляховиньскому да страховиньскому* обозначают территорию, которой владеет монарх, и внешнюю характеристику короля.

Описание силы, мощи, габаритов монархов других держав передаётся через устойчивые формулы изображения богатырей:

Переступит с ноги на ногу, карап спогинаетця, Мачты-блоки опростаютця.

Ступил на мать сыру-землю –
Так сыра земля спотряхнулася [12, с. 447].

Таким образом, номинативными средствами языка монархи иных (других, отличающихся от русской) держав противопоставлены русскому князю – *«ласковому» Владимиру Красное Солнышко* по внешним / национальным признакам *(Курган, страховиньский) / Чурило, тотарин, тотарищо)*; русским князьям Владимиру, Роману и Василию Пермяте – по вероисповеданию *(Идолишшо Проклятого, Издолишшо проклятое, нечистый, поганый)*, владению/состоянию (*Ляховенские*, *Заморёнин, Кортоусово, Пленкович),* отношению *(злой, собака).* На первое место выступают эпитеты. Многие эпитеты становятся в эпосе постоянными. Они называют существенный признак монарха иной державы и имеют, как правило, оценочный характер с отрицательной коннотацией.

Главным атрибутом царской власти является не только территория, но и княжеские палаты: у короля Ляховенского «*красно крыльцё», «светлая гридня», «замочьки немецкие»* [6, с. 429], *приезжает* (богатырь) *во Шахов и во Ляхов ...ко красну крыльцю, ...по белым сеням, ...во светлу светлицу* [8, с. 420], *«в Кортоусово цярство» «на красно крыльцё», «белые сени», ...во светлу светлицу* [9, с. 437]. У *Бориско да сына Заморёнина «палаты да белокаменны», где «столы да вси дубовые,... белы браны скатерти»* [11, с. 149–150]. Названные предметы пространства, организованного человеком, фокусируют внимание на деталях, визуально предопределяющих следующие события или действия героев: *«красно крыльцё», «новы сени»* «обеспечивают выход вовне и вход» [27, с. 10], *«светлая гридня», «светла светлиця» «с дубовыми столами»* символизируют сбор собрания, *«замочьки немецкие»* – новый способ охраны комнат.

Системообразующим признаком властного дискурса становится угроза утраты дома / территории, власти: *...Бладимир стольнокиевскёй!*
Отдай ты нам да красен Киев-град
Без бою, без драки, без кровопролития.
Добром не оддашь – и так возьмём. [5, с. 444]. Повелительная форма глагола *отдай* со значением «вручи» «дай», где приставка *от-* выражает «совсем, вовсе» [22, с. 467; 15, т. 2, с.720], повторяется словоформой *оддашь* при противопоставлении *не оддашь – возьмём,* акцентируя внимание на угрозе «захвата».

В пинежской былине «Илья Мурович и Калин царь» требования, пересказанные с латинского языка, князю Владимиру Алёшей Поповичем: «*Говорил Добрынюшка Микитич сын: "Я не знаю грамоты латыньскоё, Ты отдай Олёши Поповичю"*» – передаются богатырём властителю через привычную этическую форму прошения: «*Он ведь* ***просит*** *города Киева Без бою, без драки, без сеченья*» [10, с. 50]. В содержании глагола *просит* передано значение: «склонять к исполнению своих желаний, … убеждать исполнить что…, добиваться в чём чьего согласия » [15, т. 3, с. 509]. В то же время поведение посла Калин-царя демонстрирует уверенность в победе над князем Владимиром: «*Он в гридню идёт – Богу не молитьсе; Через стол скочил – сам на место сел»* [10, с. 50].

Властные действия номинируются глаголами, указывающими на низвержение воли русского князя:
Не спрашивает он у ворот приворотничков,…
Он не чтит, крестит своё тотарское лицё.
Он Господу Богу не молитця,
Да солнышко Владымеру не кланяиця,
Матушки Апраксеи целом не бьёт. [12, с. 447].

Семантика глаголов несовершенного вида *не спрашивает, не чтит, не крестит, не молитця, не кланяиця, целом не бьёт* определяется отрицательной частицей *не*, репрезентирующей нарушения монархами иных держав норм и правил поведения, традиционных для русского человека. В былине «Соловей Будемирович и Запава Путевисьня» представлено правильное поведение гостя:
Он в гридню идёт, - Богу молитьсе,
Он Владимеру-князю поклоняитьсе;
Он Владимеру-князю подарки дарит…
Он кнегины Опроксеи подарки дарит... [13].

Наказания при неповиновении – прямой речевой акт давления и нажима: «*Говорит он да таковы слова:*
"Пришёл к тебе за добрым делом я, за сватовством,
Уж ты дашь дочерь за меня взамуш,
Не дашь, так я силой возьму,
Тебя, солнышко, во полон возьму,
Матушку я Апраксеюшку стругом выстружу,
Из святых икон я мосты смошшу,
А Божьи ваши церкви я на дым спушшу,
А Настасью я Володишну за себя взамуж возьму"» [12, с. 447].

Смысловая структура глагола шире, чем смысловая структура имени существительного, и круг его значений подвижнее. Семантика повторяемого глагола *возьму* в словосочетаниях *силой возьму во полон возьму, взамуж возьму* определяется следующими значениями: «добиваться своей цели, применяя что-нибудь», «с собой увозить, уводить, захватить, получить» [22, с.285; 15, т. 1, с. 196]. Лексические значения глаголов в словосочетаниях *стругом выстружу* (выстружить – «действие… особым орудием, имеющим вид серпа» [15, т. 4, с. 340], приставка *вы-* указывает на «исчерпанность действия, достижения результата» [22, с. 112]), *мосты смошшу* (мостить – «покрывать поверхность дороги», приставка *с-* указывает на «*соединение в одном месте»* [22, с. 690]) усилены тавтологическими сочетаниями однокоренных слов. Семантика устойчивого словосочетания *на дым спушшу – «предам огню и разорению, сожгу»* [25, с. 370] –

функционально-синтаксически закреплена, фразеологически связанна. Разрушительные действия вражеских сил, прежде всего, направлены на уничтожение веры, церкви и икон, «пространства духовного, контролирующего и определяющего …пребывание в этом мире» [Цивьян, с.11]: *Из **святых икон** я мосты смошшу, А **Божьи** ваши **церкви** я на дым спушшу.* Народное понимание силы ***святых икон*** в ***Божьих церквях*** общепризнанно: перед битвой богатыри ... *молятся Спасу Пречистому, Они Божьей Матери Богородици* [10, с. 54]. Победив русский дух, враги уверены, что сокрушат физическую мощь богатырей.

Начальственные состояния и отношения чужестранца-царя к жене русского князя *(кнегины*) номинируются опорным прямым значением глаголов, указывающих на проявление власти:

А он позорил кнегиню да Марью Юрьевну.
А он дерёт со кнегины да платье цветное,
А говорит он кнегины да Марьи Юрьевны:
«А ты потешь-ко, кнегина, да добрых молодцов,
А ты спляши нага да по-удалому» [11, с. 150]

Эмоциональный / экспрессивный характер достигается образной направленностью глаголов *позорил* со значением «ставить в постыдное, унизительное положение» [22, с. 517], *дерёт* со значением «рвёт на части» [22, с. 182], *потешь-ко* со значением «развлеки, доставить удовольствие» [22, с. 795], *спляши* со значением «потанцуй» [22, с. 524], описывающих ситуацию.

Таким образом, языковой образ монархов иных держав создаётся номинативными средствами языка – лексемами с прямыми значениями, отражающими общенародное понимание высшего положения в обществе; образными средствами языка, называющими существенный признак предмета и имеющими, как правило, оценочный характер с отрицательной коннотацией; «устно-поэтическими формулами как способом передачи обобщённого значения “дальний предел”» [26, с. 113]; синонимическими средства языка, удваивающие значения; реже – фразеологическими единицами, глаголами, репрезентирующими системообразующий признак властного дискурса – угрозу потери дома, власти, свободы; наказания при неповиновении. Все номинации отражают пространственную оппозицию внутренний/внешний, соответствующую оппозиции свой/чужой, за исключением женских имён, так как дочь монарха имплицитно невеста русского князя (будущая хозяйка дома).

Примечания

[1] Под личностью мы понимаем «социальную характеристику человека» [Б.И. Кононенко. Большой толковый словарь по культурологии. – М.: АСТ, 2003. – С. 240].

[2] Наибольшие былинные богатства были обнаружены в районах русского Севера [ЛС, с.60].

Библиографический список

1. *Аникин В.П.* Былины: словарная статья // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М.: «Советская энциклопедия», 1987. – С. 59–60.
2. Баллада-старина «Чурила Пленкович и Василий Пермята» // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э.Озаровской, 2000. – С. 196–198.
3. Баллада «Дунаюшко» // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э. Озаровской, 2000. – С. 468–470.
4. *Баскаков Н.А.* К этимологии половецких собственных имён в «Слове о полку Игореве» // Проблемы истории и диалектологии славянских языков: сб. ст. к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В.И.Борковского. – М.: Наука, 1971. – С. 38–45.
5. Былина «Василий-пьяница и Курган-царь» // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э.Озаровской, 2000. – С. 443–447.
6. Былина «Владимир-жених» // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э.Озаровской, 2000. – С. 425–433.
7. Былина «Дунай» // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э.Озаровской, 2000. – С. 433–435.
8. Былина «Женитьба Владимира» // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э. Озаровской, 2000. – С. 414–425.
9. Былина «Иван Гордеевич» // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э. Озаровской, 2000. – С. 435–443.
10. Былина «Илья Мурович и Калин царь» // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э. Озаровской, 2000. – С. 49–58.
11. Былина «Князь Роман и Марья Юрьевна» // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э. Озаровской, 2000. – С. 146–155.
12. Былина «Сватовство татар к Настасье Володишне» // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э. Озаровской, 2000. – С. 447–450.
13. Былина «Соловей Будемирович и Запава Путевисьня» // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э. Озаровской, 2000. – С. 41–49.
14. *Виноградов В.В.* Лексикология и лексикография: избр. труды. – М.: Наука, 1977. – 310 с.
15. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Рус. язык, 1999. – Т. 1: А–З. – 1999. – 699 с.; Т. 2: И–О. – 1999. – 779 с.; Т. 3: П. – 1999. – 555 с.; Т. 4: Р– 1999. – 688 с.
16. *Иванов В.В., Топоров В.Н.* Дунай: словарная статья // Мифологический словарь. – М.: «Сов. Энциклопедия», 1991. – 736 с. – С. 228–229.
17. *Костюхин Е.А.* Лекции по русскому фольклору. – М.: Дрофа, 2004. – 336 с.
18. *Маслова В.А.* Лингвокультурология: учеб. пособие. – М.: Изд. центр «Академия», 2010. – 208 с.
19. Никифоров / Предисловие к сборнику «Победитель змея». – М.: ОГИ, 2009. – С. 19–27.
20. *Новичкова Т.А.* Песенно-эпический фольклор из собрания О.Э. Озаровской (неопубликован-

ные записи): предисловие // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э. Озаровской, 2000. – С. 393–397.

21. *Новичкова Т.А.* Комментарии к песенно-эпическому фольклору из собрания О.Э. Озаровской (неопубликованные записи) // Пятиречие: фольклорное собрание О.Э. Озаровской, 2000. – С.398–498.

22. *Попова З.Д., Стернин И.А.* Язык и национальная картина мира. – Воронеж, 2003. – 59 с.

23. *Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70000 слов. – 22-е изд., стер. – М.: Рус яз., 1990. – 921 с.

24. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка. Т. 1–4. – М.: Прогресс, 1964–1973. – Т. 1. – С. 135.

25. Фразеологический словарь русского языка: 4000 слов / под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. энциклопедия, 1967. – 543 с.

26. *Хроленко А.Т.* Чистое поле, синее море // Русская речь. – 1986. – № 4. – С. 108–114.

27. *Цивьян Т.В.* Модель мира и её лингвистические основы. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 280 с.

28. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. – 7-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз. – Медиа, 2006. – Т. 1: А – Пантомима. – 621 с.; Т. 2: Панцирь – Ящур. – 559 с.

УДК 80

Клиенкова Ирина Борисовна
irina.klienkova@mail.ru
Шубина Эльвира Леонидовна
Московский институт международных отношений (университет) МИД
elvira.shubina@mail.ru

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СУБСТАНТИВНЫХ СЛОВОСОЧЕТАНИЙ (на материале швейцарского варианта немецкого языка)

В данной статье рассматриваются проблемы грамматического оформления словосочетаний типа eine Art (своего рода, что-то вроде) + AdjN на материале немецкоязычной прессы Швейцарии. В результате анализа статей были выявлены некоторые расхождения в организации таких словосочетаний в прессе Германии и Швейцарии.

Ключевые слова: *субстантивные словосочетания, номинации с аппроксимативным значением, виды подчинительной связи, генитивное управление, предложное управление, согласование, примыкание.*

Вопросы изучения субстантивных словосочетаний, особенно изучение проблемы номинации со значением приблизительности или номинации с аппроксимативным значением (от лат. approximo – приближаюсь) занимает одно из центральных мест в современной лингвистике.

Анализ лингвистических исследований, посвященных данной теме, показывает, что в теории номинации способов обозначения фрагментов внеязыковой действительности необходимо исследовать не только способы обозначения с помощью отдельных слов, но и с помощью несколькословных номинаций. Такие номинации позволяют избежать ситуации «номинативного тупика», когда у говорящего возникают определённые трудности при выборе имени, например, если объект именования ему неизвестен, не может быть точно назван в силу размытого характера, или если в момент порождения высказывания говорящий стремится наиболее адекватно обозначить элемент денотативной ситуации, а в языке нет соответствующего точного обозначения [3].

Как отмечает Т.М. Пристинская, «аппроксиматор (так называемое “речевое слово”, “переключающее” номинацию с точной языковой номинации на приблизительную) …привносит в значение номинации рационально-оценочный компонент, маркируя неполное соответствие ядерного компонента номинации обозначаемому элементу денотативной ситуации, например в немецком языке: fast ein Kind (почти ребёнок), eine Art Bahre (своего рода носилки), so etwas wie eine Insel (что-то вроде острова), das Beinahe-Abkommen (почти соглашение), fast taub (почти глухой), beinahe schluchzen (почти рыдать) и др.» [3].

Среди вышеперечисленных примеров словосочетание с аппроксиматором eine Art является субстантивным. По степени употребления оно используется чаще других. Наибольший интерес у германистов вызывает необычное для строя немецкого языка оформление второго компонента: в таких словосочетаниях очень часто второй компонент связывается с первым без какого бы то ни было морфологического показателя, например, eine Art Glück. Отсюда появление различных теорий. Так, одни учёные рассматривают форму второго компонента как общий падеж, который имеет место в английском языке (например, О. Мензинг [6]), другие считают, что второй компонент стоит в том же падеже, что и первый (например, авторы грамматики DUDEN [5]).

Разные точки зрения по этому вопросу и в отечественной лингвистике. Форму второго компонента в таких словосочетаниях как общий падеж рассматривает и О.И. Москальская [7]. В.Г. Адмони называет падеж, в котором стоит второй компонент, монофлективом (Monoflexiv) или заменительным

© Клиенкова И.Б., Шубина Э.Л., 2013

падежом (Vicaritiv), потому что этот падеж заменяет при благоприятных условиях формы косвенных падежей формой именительного падежа [1].

Дискуссионным остается вопрос относительно вида синтаксической связи, организующего эти словосочетания. Лингвисты М.В. Раевский, Е.С. Кутасина обращают внимание на тот факт, что, для выяснения падежа второго компонента такого рода словосочетаний и вида подчинительной связи, следует обратиться к примерам, где второй компонент распространён стоящим перед ним согласованным определением – прилагательным или причастием [2].

В связи с этим в данной статье будут рассмотрены именно такие словосочетания на материале прессы немецкоязычной Швейцарии.

Обращение к языку Швейцарии не является случайным. Это связано с уникальностью языковой ситуации в данной стране. Долгое время в лингвистике считалось, что немецкий язык Германии представляет собой основной вариант немецкого языка и является нормой, в то время как все остальные варианты рассматривались как отклонения от этой нормы. Однако с развитием теории полинациональных языков немецкий литературный язык сегодня относится к числу полинациональных или плюрицентрических языков и существует в трёх автономных национальных вариантах. Речь идёт о собственно немецком, австрийском и швейцарском варианте немецкого литературного языка. Специфика языковой ситуации в немецкоязычной Швейцарии заключается в том, что здесь функционируют две языковые формы: немецкий литературный язык в его швейцарской разновидности (Schriftdeutsch или Schweizerhochdeutsch), который используется в письменной форме, а также в устном официальном общении, и швейцарско-немецкий диалект (Schwyzertütsch), которым пользуются в устном неофициальном общении. Таким образом, к немецкому литературному языку швейцарцы прибегают как к основному средству письменного и официального устного общения.

Следует также заметить, что интерес российских и зарубежных исследователей к швейцарскому варианту немецкого литературного языка растёт. Несмотря на это, не все аспекты данного национального варианта рассматриваются в равной степени подробно. Для большинства лингвистов интерес представляют фонетические особенности швейцарского варианта и его лексический состав, а синтаксис, в особенности малый синтаксис, швейцарского национального варианта изучены в меньшей степени.

В связи с такой уникальной языковой ситуацией интересно проследить, насколько тенденции, имеющие место в литературном языке Германии, отличаются или сохраняются в швейцарском варианте немецкого литературного языка.

Существует несколько способов оформления словосочетаний с аппроксиматором eine Art: генитивное управление, предложное управление, согласование и примыкание. Авторы девятого тома из серии «Der Duden in 12 Bänden» рекомендуют использовать в словосочетаниях такого типа согласование, и только в торжественных случаях такие словосочетания могут быть оформлены при помощи генитивного управления [5].

Проведенный анализ словосочетаний с апроксиматором eine Art в современной прессе немецкоязычной Щвейцарии, а именно в статьях таких газет, как Neue Zürcher Zeitung Online, Basellandschaftliche Zeitung Online, Jungfrau Zeitung Online, показал, что:

1) словосочетания, организованные с помощью генитивного управления, составляют примерно 3% от общего количества словосочетаний рассматриваемого типа (в текстах прессы Германии таких словосочетаний примерно 9% [4]);

2) словосочетания, организованные с помощью предложного управления, составляют примерно 2% от общего количества словосочетаний рассматриваемого типа (в текстах прессы Германии число таких словосочетаний примерно такое же [4]);

3) словосочетания, организованные с помощью согласования, составляют примерно 91% от общего количества словосочетаний рассматриваемого типа (в текстах прессы Германии таких словосочетаний примерно 79% [4]);

4) словосочетания, организованные с помощью примыкания, составляют примерно 1% от общего количества конструкций исследуемого типа (в текстах прессы Германии таких словосочетаний примерно 0,5% [4]).

Генитивное управление:

Die Volksrepublik will etwa ihren Yuan in den Währungskorb legen, auf dem die Sonderziehungsrechte des IWF basieren – ***einer Art gegenseitiger Kreditlinien*** *der Notenbank des IWF* [8].

Предложное управление:

In ***einer Art von wissenschaftsgeschichtlichem Furor*** *präsentiert er … die ganze Fachdiskussion* [9].

Согласование:

Der Rettungsschirm ist ***eine Art regionaler Währungsfonds*** [10].

Примыкание как способ оформления подчинительной связи исследуемых словосочетаний, бесспорно, констатируется в случаях, когда первый компонент выражен существительным, стоящим либо в родительном, либо в дательном падеже. В этих случаях определение формы второго компонента как именительного падежа не вызывает затруднений. Также необходимо отметить, что возможность использования примыкания в родительном падеже грамматистами исключается.

Organisiert ist die Fasnacht durch ***eine Art erweiterter Familienbetrieb*** [11].

В прессе Швейцарии можно встретить примеры, не позволяющие однозначно определить, каким видом подчинительной связи такие словосочетания организованы. Например, двоякое толкование (и как генитивное управление, и как согласование) допускается, когда первый компонент, стоящий в дательном падеже, предшествует второму компоненту – существительному женского рода:

... ***zu einer Art hoheitlicher Disziplinierung*** ... [12].

Также практически невозможно определить вид подчинительной связи в таких словосочетаниях, когда второй компонент представлен существительным мужского или женского рода в единственном числе, а перед ним стоит прилагательное, которое имеет слабое окончание определительного прилагательного, например:

Durch diesen frühzeitigen Laubfall... wurden die Bäume in ***eine Art zweiten Frühling*** *versetzt* [13].

В нашей работе мы попытаемся выявить зависимость выбора подчинительной связи от грамматических характеристик конституентов и от семантики второго компонента.

Существительное *eine Art* как первый компонент словосочетаний, которые оформлены при помощи генитивного управления, встречаются в примерах как в именительном, так и в дательном и винительном падеже. В качестве вторых компонентов выступают существительные женского рода (например, Dignität, Beschwörungsformel) в единственном числе, а также существительные во множественном числе (например. Kreditlinien).

Nom.-*Zugleich ist für Worringer die Abstraktion* ***eine Art magischer Beschwörungsformel*** ... [14].

Dat.-*Die Volksrepublik will etwa ihren Yuan in den Währungskorb legen, auf dem die Sonderziehungsrechte des IWF basieren –* ***einer Art gegenseitiger Kreditlinien*** *der Notenbank des IWF* [8].

Akk. – *Durch das Messen erhält man Daten..., deren Realitätsgehalt... dem ganzen Prozess* ***eine Art quasinaturwissenschaftlicher Dignität*** *verleiht* [15].

Существительное *eine Art* как первый компонент словосочетаний, которые оформлены при помощи предложного управления, встретилось в текстах прессы в дательном и винительном падеже. В качестве вторых компонентов выступают существительные мужского рода (например, Prozess, Furor) в единственном числе.

Dat.- *In* ***einer Art von wissenschaftsgeschichtlichem Furor*** *präsentiert er … die ganze Fachdiskussion...* [9]. **Akk**. – *Nach seiner Ansicht stelle die sorgfältige Prüfung der Fakten in einem Fall, bevor eine Entscheidung getroffen werde,* ***eine Art von juristischem Prozess*** *dar* [16].

Существительное *eine Art* как первый компонент доминирующих словосочетаний, оформленных при помощи согласования, можно встретить в примерах в именительном, дательном и винительном падеже (соответственно 38, 1, 24 примеры). В качестве вторых компонентов выступают существительные мужского рода (Alleingang, Dorfplatz, Druck, Engel, Glacier-Express, Lastenausgleich, Magris-Kanon, Sound-Biograf, Sündenbock, Vorreiter, Wandervorschlag, Währungsfonds), среднего рода (Branchenbuch, Dorfzentrum, Ein-Mann-Theater, Gewohnheitsrecht, Heidiland, Haus, Kabarett, Maschinengewehr, Märchenschloss, Modell, Musiktheater, Ohr, Seismometer, Singspiel, Stoppsignal, Theater, Testament, Urgestein, Warm-up, Zustand) и женского рода (Anarchie, Darstellung, Dürrezeit, Familie, Frau, Gestaltung, Hochzeit, Instanz, Kommunikationsgemeinschaft, Kreuzesgestalt, Kulturszene, Laube, Lebensversicherung, Märchenwelt, Mission, Performance, Revision, Segnung, Spass-Guerilla, Standseilbahn, Vergewaltigung, Weltmeisterschaft) в единственном числе и имена собственные Leonardo, Lawrence, название клуба Buena Vista Social Club, а также три существительных во множественном числе (Fertighäuser, Flecken, Massnahmen), два субстантивированных прилагательных (Heiliger, Eidgenössisches) и одно существительное слабого склонения (Hausarchitekt).

Nom. – *Mürren ist ein Kleinod, so* ***eine Art modernes Heidiland*** [17].

Dat. – *Hama hatte sich zuvor fast zwei Monate lang in* ***einer Art befreitem Zustand*** *befunden...* [18].

Akk. – *Dabei hat sie* ***eine Art verwirrende Märchenwelt*** *geschaffen* [19].

Deshalb brauche es ***eine Art "flankierende Massnahmen"*** *für die derzeitige Nationalbank-Strategie* [20].

Следует заметить, что на вид подчинительной связи указывают и субстантивированные прилагательные и причастия, а также на уровне словосочетаний с нераспространённым вторым компонентом эту роль выполняет и сам второй компонент, выраженный существительным:

а) формой причастия:

Sie sind ***eine Art signalisierter Wandervorschlag,*** *auf dem sich die unterschiedlichen Landschaften der Region erleben lassen* [21];

б) субстантивированными прилагательными:

Mehr Plätze wollen wir nicht. Dies soll ja nicht ***eine Art Eidgenössisches*** *sein, so Robin* [22];

в) формой существительного слабого склонения:

Auch Architekt Jürg Berrel, der mit seiner Firma seit fast zehn Jahren als ***eine Art „Hausarchitekt"*** *der St. Jakobshalle fungiert, ist zuversichtlich* [23].

Проведённое исследование позволяет сделать вывод о том, что в текстах современной прессы немецкоязычной Швейцарии интенсивно протекает процесс вытеснения генитивного и предложного управления из словосочетаний с апроксиматором *eine Art*. Похожая тенденция наблюдается и в текстах прессы Германии, однако число словосочетаний, оформленных с помощью генитивного

Таблица 1

Лексическая наполняемость конструкций, организованных на основе генитивного управления

Семантика второго компонента	Процентное соотношение
конкретные	**33,30%**
способ получения денежных средств (Kreditlinien)	33,30%
абстрактные	**66,70%**
человеческая ценность (Dignität)	33,35%
процессы (Beschwörungsformel)	33,35%

Таблица 2

Лексическая наполняемость конструкций, организованных на основе предложного управления

Семантика второго компонента	Процентное соотношение
Абстрактные	**100,00%**
эмоциональное и душевное состояние (Furor)	50,00%
действие (Prozess)	50,00%

Таблица 3

Лексическая наполняемость конструкций, организованных на основе согласования

Семантика второго компонента	Процентное соотношение
конкретные	**62,00%**
организации и учреждения (Währungsfonds, Dorfzentrum, Theater, Musiktheater, Ein-Mann-Theater, Kabarett, Club),	20,00%
строения (Haus, Märchenschloss, Laube)	8,00%
части тела (Ohr)	3,00%
документы (Testament)	3,00%
произведения печати (Branchenbuch)	3,00%
приборы (Seismometer)	3,00%
транспорт (Glacier-Express, Standseilbahn)	5,00%
территории (Heidiland, Dorfplatz)	5,00%
продукты творческой деятельности (Modell)	3,00%
геологические породы (Urgestein)	3,00%
знаки (Stoppsignal)	3,00%
вид песенного текста (Magnis-Kanon)	3,00%
собирательные	**9,00%**
сообщества ((Kommunikationsgemeinschaft)	3,00%
спортивные мероприятия (Weltmeisterschaft)	3,00%
огнестрельное оружие (Maschinengewehr)	3,00%
одушевлённые	**13,00%**
люди (Hausarchitekt, Heiliger)	3,00%
мифологические существа (Engel)	5,00%
имена собственные (Leonardo, Lawrence)	5,00%
абстрактные	**16,00%**
действия и процессы (Revision, Segnung, Vergewaltigung)	10,00%
формы общественных отношений (Anarchie)	2,00%
период времени (Dürrezeit)	2,00%
торжественное мероприятие (Hochzeit)	2,00%

управления, в текстах прессы Германии выше, чем в текстах прессы Швейцарии (9% и 3% соответственно), а словосочетания, оформленные с помощью согласования, чаще встречаются в текстах прессы Швейцарии, чем Германии (Германии – 79%, Швейцария – 91%). Но следует обратить внимание на тот факт, что прослеживается определённая зависимость синтаксической организации таких словосочетаний от рода существительных вторых компонентов.

В роли вторых компонентов словосочетаний, оформленных при помощи генитивного управления, выступают существительные женского рода или существительные, стоящие во множественном числе. В текстах прессы Германии в качестве второго компонента словосочетаний, организованных с помощью генитивного управления, встречаются существительные среднего рода. Однако в подавляющем большинстве случаев как в прессе Германии, так и в прессе Швейцарии в качестве второго компонента в словосочетаниях, оформленных при помощи генитивного управления, доминируют существительные женского рода. В качестве вторых компонентов словосочетаний, оформленных с по-

мощью предложного управления, выступают существительные мужского рода (2 примера). В текстах прессы Германии в качестве второго компонента словосочетаний, организованных с помощью предложного управления, встречаются существительные как мужского, так и женского рода. В роли вторых компонентов словосочетаний, оформленных при помощи согласования, выступают как в прессе Германии, так и Швейцарии существительные мужского, среднего и женского рода.

Следует подчеркнуть, что лексическое наполнение словосочетаний с аппроксиматором *eine Art* не было предметом данного исследования, однако нельзя не упомянуть, что во время анализа грамматического оформления словосочетаний данного вида была замечена некоторая взаимосвязь между выбором подчинительной связи и лексическим наполнением второго компонента словосочетания.

В качестве вторых компонентов словосочетаний с аппроксиматором *eine Art*, оформленных с помощью генитивного управления, выступают неодушевлённые как конкретные, так и абстрактные существительные (см. таблицу 1).

В качестве вторых компонентов словосочетаний с аппроксиматором *eine Art*, оформленных с помощью предложного управления, выступают абстрактные существительные (см. таблицу 2).

В качестве вторых компонентов словосочетаний с аппроксиматором *eine Art*, оформленных при помощи согласования, выступают конкретные, абстрактные и собирательные существительные, а также одушевлённые имена существительные, среди которых были представлены и имена собственные (см. таблицу 3).

Таким образом, наблюдается зависимость оформления конструкций с аппроксиматором *eine Art* от лексического заполнения позиции второго компонента и его значения. В прессе Швейцарии к использованию в словосочетаниях с генитивным управлением тяготеют в основном абстрактные существительные, то же самое можно сказать о словосочетаниях с предложным управлением. Здесь используются в качестве второго компонента только абстрактные существительные.

В текстах прессы Германии в словосочетаниях с генитивным управлением встречаются неодушевленные существительные как конкретные, так и абстрактные, а также собирательные и вещественные [4].

Что касается словосочетаний с аппроксиматором приблизительности *eine Art*, организованных с помощью согласования, то в прессе Швейцарии в таких словосочетаниях используются в основном существительные, которые являются неодушевленными предметными (60%), на втором месте абстрактные понятия (≈16%), количество одушевлённых существительных составляет 13%, из них 5% приходится на имена собственные, далее следуют собирательные существительные (9%), и замыкают данную группу неодушевлённые предметные имена существительные (2%).

К употреблению в словосочетаниях с согласованием в прессе Германии однозначно тяготеют:

1. Неодушевленные существительные.
2. Вещественные существительные.
3. Одушевлённые существительные и имена собственные [4].

Библиографический список

1. *Адмони В.Г.* Синтаксис современного немецкого языка: Система отношений и система построения. – Л.: Наука, 1973. – 366с.

2. *Кутасина Е.С., Раевский М.В.* Еще раз о виде подчинительной связи словосочетаний типа ein Liter Wasser и падежной форме их второго компонента // Вестник Московского университета. Сер. 9 «Филология». – 1985. – №2. – С. 48–56.

3. *Пристинская Т.М.* Проблема номинации со значением приблизительности в лингвистических исследованиях // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2005. – №4. – С. 161–164.

4. *Шубина Э.Л.* Вопросы изучения субстантивных словосочетаний (на материале немецкого языка) // Вестник Воронежского государственного университета. – 2005. – №2. – С. 141–143.

5. Duden. Richtiges und gutes Deutsch: Wörterbuch der sprachlichen Zweifelsfälle. 5., neu bearb. u erw. Aufl. – Mannheim etc.: Dudenverlag, 2001. – 953 S. (Der Duden in 12 Bd.: Das Standardwerk zur deutschen Sprache; Bd. 9.)

6. *Mensing O., Erdmann O.* Grundzüge der deutschen Syntax nach ihrer geschichtlichen Entwicklung dargestellt. – Stuttgart: Gotta, 1898. – 2. Abt. – 276 S.

7. *Moskalskaja O.* Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. – 3. Aufl. – M.: Vyssaja skola, 1983. – 344 S.

8. EU lehnt offenbar Chinas Bedingungen für Krisenhilfe ab // Basellandschaftliche Zeitung. – 11.11.2011. URL: http://www.basellandschaftlichezeitung.ch/international/eu-lehnt-offenbar-chinas-bedingungen-fuer-krisenhilfe-ab-115734520 (дата обращения: 28.12. 2012)

9. Der Wissenschaftsverwurster // Neue Zürcher Zeitung. – 21.02. 2012. URL: http://www.nzz.ch/aktuell/startseite/der_wissenschaftsverwurster-1.15187154 (дата обращения: 03.01.2013).

10. In der Krise entsteht ein Teufelskreis // Neue Zürcher Zeitung. – 29.01.2012. URL: http://www.nzz.ch/nachrichten/wirtschaft/artuell/in_der_krise_entsteht_ein_teufelskreis_1.14634503.html (дата обращения: 03.01.2013).

11. Zum fünften Mal quer übers Bödeli // Jungfrau Zeitung. – 24.01.2011. URL: http://www.jungfrauzeitung.ch/artikel/108920/ (дата обращения: 10.01.2013).

12. Der EU-Fiskalpakt dient den Politikern, nicht der Wirtschaft // Neue Zürcher Zeitung. – 01.02.2012. URL:http://www.nzz.ch/nachrichten/startseite/der_eu_fiskalpakt_dient_den_politikern_nicht_der_wirtschaft_1.14724057.html (дата обращения: 10.01.2013).

13. Zweiter Frühling für die Kastanienbäume – sie blühen im Herbst // Basellandschaftliche Zeitung. – 29.09.2011. URL: http://www.basellandschaftlichezeitung.ch/ basel/baselbiet/zweiter-fruehling-fuer-die-kastanienbaeume-sie-bluehen-im-herbst-113769851 (дата обращения: 11.01 2013).

14. Ich Kristall // Neue Zürcher Zeitung. – 10.03.2012. URL: http://www.nzz.ch/nachrichten/kultur/kunst_architektur/ich_kristall_1.15629624.html (дата обращения: 20.01.2013).

15. Die Illusion der Statistiker // Neue Zürcher Zeitung. – 29.01.2012. URL:http://www.nzz.ch/nachrichten/hintergrund/wissenschaft/die_i_l_lusion_der_statisti_ker_1.14634337.html (дата обращения: 20.01.2013).

16. Recht auf Tötung klar bejaht // Neue Zürcher Zeitung. – 07.03.2012. URL: http://www.nzz.ch/nachrichten/politik/international/recht_auf_toetung_klar_bejaht_1.15523739.html (дата обращения: 20.01.2013).

17. Mürren ist ein Kleinod, so eine Art modernes Heidiland // Jungfrau Zeitung. – 16.12.2009. URL:http://www.jungfrauzeitung.ch/artikel/99832/ (дата обращения: 25.01.2013).

18. Zehntausende protestieren in Syrien trotz Armee-Einsatz gegen Assad // Basellandschaftliche Zeitung. – 05.08.2011. URL: http://www.basellandschaftlichezeitung.ch/international/zehntausende-protestieren-in-syrien-trotz-armee-einsatz-gegen-assad-111545959 (дата обращения: 25.01.2013).

19. Chantal Michel // Jungfrau Zeitung. – 28.09.2009. URL: http://www.jungfrauzeitung.ch/artikel/97779/ (дата обращения: 20.01.2013).

20. Ständerat stärkt dem Bundesrat beim Hilfspaket den Rücken // Basellandschaftliche Zeitung. – 07.09.2011. URL: http://www.basellandschaftlichezeitung.ch/schweiz/staenderat-staerkt-dem-bundesrat-beim-hilfspaket-den-ruecken-112862279 (дата обращения: 22.01.2013).

21. Ein Hauch von Mittelmeer über dem See // Jungfrau Zeitung. – 25.05.2009. URL: http://www.jungfrauzeitung.ch/artikel/94785/ (дата обращения: 25.01.2013).

22. Die neuen Örtlichkeiten überzeugen // Jungfrau Zeitung. – 29.07.2010. URL: http://www.jungfrauzeitung.ch/artikel/105190/ (дата обращения: 20.01.2013).

23. Bei mehreren Veranstaltungen fehlen im St. Jakobshalle Fluchttreppen // Basellandschaftliche Zeitung. – 11.09.2011. URL: http://www.basellandschaftlichezeitung.ch/basel/basel-stadt/bei-mehreren-veranstaltungen-fehlen-im-st-jakobshalle-fluchttreppen-112980992 (дата обращения: 20.01.2013).

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 888.09

Андреева Валерия Геннадьевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
lanfra87@mail.ru

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР КНИГИ ОЧЕРКОВ А.И. ЭРТЕЛЯ «ЗАПИСКИ СТЕПНЯКА»

Автор статьи рассматривает книгу очерков А.И. Эртеля «Записки Степняка» как художественное целое и анализирует приемы, благодаря которым писателю удается создать реалистичную картину пореформенной жизни русского народа.

Ключевые слова: *книга очерков, рассказчик-повествователь, система антитез, пореформенное время, степь, пейзаж.*

В исследовании, посвященном «Запискам охотника» И.С. Тургенева, Ю.В. Лебедев отметил способность очерковой стихии «аккумулировать эпическую энергию» и особую роль очерков в русской литературе: «Цикл очерков в нашей литературе – это первое приближение к эпическим основам жизни, это или эскиз к большому эпическому полотну, или, напротив, первоначальный набросок к драматической картине распада жизненных связей» [4, с. 4].

Так, «Записки охотника» И.С. Тургенева предваряли появление «Войны и мира» Л.Н. Толстого, а «Записки Степняка» А.И. Эртеля следуют за «Анной Карениной», завершают десятилетие и открывают новое – 80-е годы XIX века (книга Эртеля «Записки Степняка», составленная из очерков, печатавшихся в журналах «Вестник Европы», «Русское богатство», «Дело», вышла отдельным изданием в 1883 году). Разумеется, родственность «Записок Степняка» книге И.С. Тургенева видна уже благодаря названию, что не могло быть не замечено современниками писателя и исследователями. По всей видимости, сам А.И. Эртель нисколько не опасался за сопоставления с Тургеневым, а название «Записки Степняка», как можно предположить, было необходимо автору для указания на уникальность своей книги и на ее родственность собранию очерков талантливого предшественника.

Говоря об особенностях построения «Записок Степняка», сближающих их с «Записками охотника», необходимо отметить не только внешнее, но и внутреннее сходство. Двадцать очерков Эртеля объединены в книгу благодаря единому образу рассказчика-повествователя, общей тематике, а также множеству присутствующих в ней отступлений, которые способствуют не распадению общего художественного целого, а, наоборот, его созданию. У Эртеля мы видим ту же ситуацию, что и в книге очерков Тургенева, у обоих писателей между отдельными рассказами отсутствует прямая событийная связь.

Необычно, несколько причудливым образом выстраиваются сцепления эпизодов внутри очерков, между разными очерками в рамках всей книги, и эти сцепления требует от читателя вдумчивого и внимательного анализа. Так, в очерке «От одного корня», столь часто сравниваемом с «Хорем и Калинычем» Тургенева, речь идет вроде бы о противопоставлении двух мужиков: хозяйственного богача Василия Мироныча и бездетного созерцателя Трофима, радеющего за мир. Параллельно с этим противопоставлением гармонично и тонко включены в рассказ полярные описания природы: бесконечного дождя, не выпускающего повествователя из дома, и долгожданных морозов и снега. Однако эти антитезы поддерживаются и оттеняются в очерке и другими: автор заставляет нас сравнить еще и его замечательных, по отзывам знатоков, собак, «обладавших просто изумительной резвостью и силой бега» (*тоже ведь от одного корня*), но непохожих в своих слабостях: «Отрада была страшно труслива и не переносила встречи с волком или даже с лихими дворняжками; Карай же, хотя и выказывал отчаянную храбрость в подобных случаях, но зато питал непреодолимую страсть к истреблению кур и яиц…» [5, с. 62]. В очерке «От одного корня» сравниваются еще брат и сестра, Трофим и Алена. Отмечая их различие, автор словно расширяет антитезы, поскольку непохожая на брата Алена, в свою очередь, нисколько внутренне, по духу не близка с Василием Миронычем, также непохожим на Трофима. А далее мы видим, что мотив сходства сцепляет этот очерк с иными: в истории «Под шум вьюги» много общего у несчастных Григория и его жены, в очерке «Мужичок Сигней и мой сосед Чухвостиков» автор указывает лишь на внешнее сходство отца и сына и их разные внутренние миры, а в «Моих домочадцах» представлены характеристики непохожих работников Батурина. В свою очередь, фигуры Трофима, Алены, Василия Мироныча включаются в соответствующие ряды близких образов, составляющих гнезда родственных героев во всей книге.

Я.С. Билинкис отметил отличия книги очерков Эртеля от «Записок охотника» Тургенева, созвучные данной самим автором антитезе времен: соро-

© Андреева В.Г., 2013

ковых и шестидесятых годов с семидесятыми. Я.С. Билинкис подчеркнул, что если ранее «внутренние противоречия, развивавшиеся в недрах самой крестьянской жизни, силы, подтачивавшие изнутри основы старого крестьянского “мира”, еще не обнаружили себя с достаточной очевидностью», то «перед Степняком предстала русская действительность 70-х годов, в которой сложность и противоречия жизни приобрели очевидно новый характер» [2, с. VII, IX]. Как видно уже на примере очерка «От одного корня», сложность и противоречия у Эртеля изображаются в нескольких измерениях.

Во-первых, мы видим столкновения людей разных поколений, соотнесение их ценностей.

Во-вторых, автор стремится передать богатство и разнообразие народных характеров, сформированных в степной стороне, как, например, в очерке «Мои домочадцы», где изображены четыре героя со своими историями: смиренный, кроткий созерцатель Семен, чинный, рассудительный консерватор и заботящийся о пользе Наум, богатырь Михайло и вечно стремящийся в дорогу странник Яков. При этом огромную роль в формировании характера любого героя книги, будь то крестьянин или дворянин, играет крепостное право. Эртелю важно показать, что происходит с непохожими, но одинаково воспитанными в рамках крепостничества людьми с приходом нового времени, пореформенной эпохи.

В-третьих, в художественном мире книги противоположные типы не дополняют гармонично друг друга до целого, представители этих типов в условиях новой действительности испытывают взаимную неприязнь. Можно сказать, что герои очерков Тургенева различались на горизонтальном уровне, а персонажи Эртеля оказываются на пересечениях векторов, направленных из прошлого в настоящее и будущее, из настоящего – в прошлое, а в настоящем разбегающихся в разные стороны от центра.

Эртель показывает, что в пореформенное время для борьбы со злом мало быть просто «душевным человеком» (именно так охарактеризованы автором Трофим и Серафим Ёфиков), для жизни в миру необходим еще огромный запас крепости, твердости, терпения, выдержки и, если нужно, даже хитрости. Кроме того, борцам за счастье народа и страны необходима бдительность, поскольку «враг» скрывается за разными обличьями. Мы видим у Эртеля столь характерный для многих произведений русской литературы 70-х годов мотив неожиданного превращения. Устинья Спиридоновна в очерке «Криворожье» со своими душевными, искренними речами и древнерусским располагающим обликом в финале обретает истинное лицо «бешено мечущейся женщины без всяких признаков исконности» [5, с. 290], а помещик Гермоген Пожарский меняется в зависимости от жертвы: «В присутствии юбки напрягался в нем козел; когда приносился запах поживы – оживал стервятник; веяло мраком – поднималась сова…» [5, с. 373].

Не раз на страницах книги Эртеля говорится об утрате веры. Наступление «последних времен» как во всей книге, так и в одноименном очерке подтверждается неоспоримыми фактами: мы узнаем, к примеру, что богоносцы, встретив на своем пути ручей, положили крест и перешли по нему, как по мосту… В «Идиллии» духовенство превращается в орган надзора, подчиненный Гермогену Пожарскому, а смиренный старец в «Последних временах» (не лишенный человеческих грехов) говорит о необходимости обращения к миру, осознания грехов его: «…Там пианство, там блуд, там начальства непочтение, там буйство… Нам ужасаться за братий наших нужно…» [5, с. 471, 472].

В заглавии книги слово «степняк» написано с прописной буквы – «Записки Степняка». В художественном мире книги оно становится собственным, поскольку, по мнению автора, во многом именно родная земля формирует человека. Вспомним, как смиренный и невозмутимый работник Батурина, приехав к нему, называется Семеном, на самом деле имея от рождения имя Ксенофонт. И даже после выяснения истины остается по-прежнему Семеном: «Что ж, кабыть не все одно… Как ни назвал – все едино. Семен так Семен. Важности в этом мало» [5, с. 192].

Степь в гетерокосмосе книги очерков – это вся Россия, хотя читатель понимает, что жизнь крестьян черноземных губерний, к одной из которых и принадлежит хутор на Грязнуше, в пореформенное время оказалась еще более трудной по сравнению с жизнью обитателей северных районов России. Говоря о значительной роли принципа контраста при построении книги, нельзя не упомянуть о связывающем многие очерки противопоставлении родных степных мест (которые так нуждаются в труде и заботе своих «детей») другим, незнакомым. «Отчего мне вечно мерещится моя бедная родина с ее безбрежными полями, вечно вспоминается ее захватывающий душу простор, ее синеющая даль?» – спрашивает себя Батурин [5, с. 16]. В очерке «Под шум вьюги» богатый мужик Андреян Семеныч рассказывает, как, несмотря на хорошую жизнь в Сибири, его одолевает тоска по родным местам. Тянет в чужие края Якова, «домочадца» Батурина. Но вот господа Дурманины живут за границей, ничего не зная о своей земле, оставив в Криворожье вора-управляющего Гундрикова, да и хозяин Визгуновки в деревне своей не живет: «В этой самой Ниции они и изволят иметь пребывание…» [5, с. 127]. Зато иностранец Липатка не только возвращается на Родину, но и начинает осуществление плана по обогащению.

После прочтения «Записок Степняка» большое количество героев книги выстраивается в четкую

систему, в рамках которой положение каждого персонажа становится особенно ясным. Доживающие свой век, не задумываясь о завтрашнем дне, да и вообще редко над чем-либо задумываясь, существуют помещик Михрюткин – «маленькая тучная фигурка в старом, засаленном халате, в туфлях и кальсонах, с открытой лысой головой» [5, с. 81]; и барин Листарка, проводящий все свое время в бесполезной ругани летом и курении длинного чубука зимой. Радеют о возвращении старых времен не имеющий понятия о приличиях и морали Гермоген Пожарский и молодой барин Карамышев. Приспосабливаются к новым порядкам супруги Батеевы, Карпеткины и разные управляющие, наподобие Гундрикова, фактически ставшие хозяевами в безвременное отсутствие настоящих «господ» за границей.

Эртель показывает читателям, что для понимания нужно сердце, а чувствование другого становится первым условием, открывающим путь к деятельности на благо общества. Парадоксально, но о русской гражданственности рассуждает паразитирующий за счет народа Липатка, строящий планы по выезду из грязи в миллионеры на спинах все выносящих русских мужиков. Липатка следит за манометром, Липатка не привык бездельничать и деятельностью своею многих задавит. И должных быть гражданами Гуделкиных тоже. Потому что и великодушнейшее сердце при страсти единственно к нежнейшим цветам (вспомним панталоны с палевым отливом) и полное бездействие приводят его к нравственной деградации и материальному краху.

В большинстве очерков Эртеля герои не только оттеняют друг друга, но часто представлены и во взаимных оценках, что помогает читателю сделать правильные выводы: о Серафиме Ёжикове многое рассказывает Батурину помогающий ему мужик Архип, а Ёжиков пытается по-своему представить приютившему их хозяину учительскую жизнь с крестьянами и смягчить насмешливо-снисходительный тон Архипа; в очерке «Крокодил» Олимпиада Петровна Батеева называет «пятую ногу» артели – мужика Сазона Психеича – «крокодилом», между тем как действительно неплохо живущий за счет работников Батеев, не в пример барыне, честно организует жизнь своих опекаемых и открыто говорит Олимпиаде Петровне о ее поведении: «Не можешь, говорю, по три фунта отпущать. Человек рабочий, ему пищия нужна удобная. А ты жадничаешь! Это совсем не можешь!» [5, с. 504].

«Записки Степняка» – это целый свод примеров из народной жизни пореформенной действительности. Крестьянский мир в книге Эртеля стеснен, темен, в нем идет непрекращающаяся борьба с бесом. Вспомним масленичные гуляния в очерке «Идиллия». Повторяющаяся в русской литературе XIX века сцена с истязанием лошади, непристойные песни, драки до увечий, семейные ссоры, избиение женщины, даже требование хомута соседу. Стало ли лучше крестьянину «на свободе»? Ответ на этот вопрос дает старичок на двадцать пятом году жизни – Поплешка, сообщающий герою, что по смерти барина в их деревне замудрил поп, ничего себе поп: «Поп гордый, поп богатый. …В кабале мы у него, матушка!» [5, с. 316]. В очерке скрыто появляется мотив смерти. «Хомуточка, признаться, на шейку добывал…» [5, с. 317], – говорит Поплешка и поясняет, что хомутом называется работа. Но у читателя, соотносящего изображение крестьянского мира в разных очерках, сразу воскресает в памяти фигура конокрадов из самой первой, вступительной главки: «Ты, как за хомут скотину-то у тебя пропили, легче бы петлю накинул на себя…» [5, с. 9].

Достается от Поплешки бедной лошаденке, потому что не может он ничего сделать ни с одним из свалившихся на него зол. Эта «взъерошенная лошаденка в веревочной сбруе», которая «торопливо переступала маленькими ножками», «беспрестанно вздрагивала всем своим худым телом и при малейшем шорохе вожжей пугливо вздергивала голову» [5, с. 315], вызывает у читателя еще большую жалость, нежели сам Поплешка, немилосердно ударяющий ее кулаком по морде. Неспешно движется повествование у Эртеля, словно худенькая малосильная лошадка, которая не раз появляется на страницах очерков: вспомним косматую лошаденку Григория, шершавого меринка Архипа, везущего учителя Ёжикова, взъерошенную лошаденку, на которой Мартын соглашается довезти Батурина до Ерзаева.

«…Эртель был в 70–80-х годах одним из очень немногих, кто не принадлежал к революционному лагерю и все-таки увидел, что земледельцы как класс сохранили и после реформ ключевые позиции в обществе», – отмечает Я.С. Билинкис [2, с. XII]. Но кроме Батурина в «Записках Степняка» мы не видим честного хозяина-помещика. Переходящий от Трофима к Ёжикову образ «душевного человека» мало соотносится в воображении читателя с помещиком крупной или средней руки. Автор показывает, как множатся обманы, как люди теряют способность к состраданию. «Господи ты мой, боже мой, аль уж и взаправду последние денечки пришли!.. Сын на отца… брат на брата…», – говорит Трофим [5, с. 74]. В такой обстановке очень легко теряются единичные попытки каких-либо преобразований. Повествователь понимает, как невыносимо трудно живется учителю Серафиму Ёжикову, чувствует фантастичность воззрений офицерши, хрупкость ее опоры. И если офицерша живет любовью к своему делу, детям и умирает, не выдерживая прозрения, то Ёжиков – умный, образованный человек – совершенно справедливо измеряет свою роль: «Как ни грустно признаться, но

только роль капли, долбящей камень, дает мне мир с моею совестью…» [5, с. 235]. Уже в финале книги читатель узнает о самоубийстве Ёжикова. Отыскивая причины этого самоубийства, мы возвращаемся к разговору Батурина с учителем, вспоминая, что в роли капли Ёжиков видел смысл всей жизни, но и тогда даже падать каплей на камень ему не давали урядники, приставы, начальники уезда.

И все же принцип контраста не позволяет осознать полную безысходность. Еще раз обратимся к несхожим образам Алены и Трофима в очерке «От одного корня». Автор замечает, что Трофим «был, наверное, вдвое старше сестры, а может быть, даже и больше» [5, с. 67]. Фигура Трофима обращена назад, герой видит идеал в невозвратимом прошлом. Алена же устремлена в будущее. Эртель мастерски использует в своем «лабиринте сцеплений» мимику героев, выражающую их внутреннюю работу. Если у Трофима «ясный, безмятежный взгляд, иногда немного грустный и рассеянный, но чаще всего полный какой-то тихой, ласковой радости» [5, с. 67], то в глазах у Алены «вечно светилась какая-то упорная дума, и на всем лице лежал отпечаток несомненно серьезной внутренней работы» [5, с. 67]. Наличие дум, размышлений отличает молодых героев Эртеля, болеющих за судьбы народа. Вне застенчивости, в своем естественном состоянии преображается Серафим Ёжиков: «Лоб его тогда мучительно стягивался морщинами» [5, с. 221]. В отличие от плута Сигнея с умильным взглядом, его сын Митроха глядит «вдумчиво и строго» [5, с. 115]. И лицо Феди Лебядкина, обращенное к небу после согласия Любы следовать за ним, поражает Батурина: «Особенно выразительны были юные, но уже строгие и резкие черты этого лица» [5, с. 366].

В художественном мире «Записок Степняка» огромную роль играют пейзажи, также выполняющие функции внутренних скреп, связующие очерки. Пейзажи Эртеля вызывали разногласия в литературоведении. Б. Л. Бессонов считает, что «эртелевское художественное чувство природы с самого начала уступает толстовскому», но это, по мнению Б. Л. Бессонова, происходит не из-за слабости описаний природы у Эртеля, а из-за «немоты», «замкнутости в себе», «первобытной безглагольности» и «аполитичности». В. И. Кузнецов не признает вышеуказанной «аполитичности» и говорит об универсальности пейзажа Эртеля, его «камертонном» соответствии времени, накалу общественных страстей [3, с. 13]. По нашему мнению, Эртель оказывается непревзойденным мастером пейзажа, представленные в «Записках Степняка» пейзажи степной стороны в различные времена года, в разную погоду также выступают средством связи очерков в единую книгу.

Описание природы в «Записках Степняка» динамично, пейзаж чаще всего сопровождает появление главных героев, помогает понять их жизнь. Непогода, бушующая в очерке «Под шум вьюги», с еще большим запасом стихийных сил возвращается в очерке «Серафим Ёжиков», и силы эти подчеркнуты с помощью многих глаголов: «Буря кружит снежную бездну, вертит и буровит ее, – ветер мечет из стороны в сторону… Буря сердится, плачет, гудит… Буря борется с ветром, страшно терзает и крутит несчастные снежные волны…» [5, с. 217]. Многие образы-символы произведений 70-х годов «собраны» в описании стихии в рассматриваемом очерке: буря, бешеная пляска бури, море снега, быстрее и быстрее заворачивающийся круговорот снежинок, ветер, бесформенная мгла, бездна, вихрь, гул, вой и стоны. Природа и человек, как показывает Эртель, не существуют отдельно. Не под силу Ёжикову, «маленькому, узкогрудому человечку», бороться с бурей, но благодаря контрасту особенно ярко запоминается читателю этот самозабвенный человек.

В начале очерка «Визгуновская экономия» повествователь описывает чувства к родной природе. Кажется, что встречается в этих абзацах, действительно, безглагольность, но центральный рефрен «люблю» имеет огромную силу и охватывает все описание, а следом наполняется движением и звучанием весь степной пейзаж: «шевелится и лепечет ржаное поле, а золотистые волны бегут и струятся по нем горячими бликами…», «стрекочут кузнечики», «лениво перекликаются перепела» [5, с. 119–120]. У Тургенева, Толстого, Эртеля человек – это не покоритель природы, он живет с ней на равных, является частью ее. Природа в художественном мире книги Эртеля по-своему реагирует на противоестественность человеческого поведения, на невнимание со стороны людей, заботящихся только о своем обогащении. Пример тому – наступающая на пешеходов гроза в очерке «Последние времена».

А вот для Батурина природа нераздельно слита с народным миром. Вспомним повторяющуюся грустную, заунывную песню, слышимую рассказчиком в каждом из очерков «Записок Степняка». Эта песня, словно перекочевавшая в «Записки Степняка» из «Записок охотника», полна бессилием, тоской. Возникает вопрос: не тоска ли русского интеллигента, чуждая народной тоске, звучит в финале очерков Эртеля? И насколько тоска в «Addio» близка народу, насколько она не надуманна «старым да больным» рассказчиком, зарывшимся в глубину безмолвствующей степи? Но Батурину становится противен апельсиновый край, о котором он мечтал, во сне он видит «кроткий образ родины»: «А вокруг загоралась заря пламенеющим светом, и протяжная мужицкая песня звенела без конца…» [5, с. 528].

Обаяние родных мест соседствует у Эртеля с темнотой и непроглядностью ночи, умиротворе-

ние – с картинами разгула стихии. Несовместимые, борющиеся противоположности ощущает читатель на протяжении всей книги. После метелей и бурь, после снегов, заваливающих дома выше окон, выходит солнце. Причем в очерке «Под шум вьюги» свет появляется даже не под песню, а под молитву: «Когда я проснулся … тускло брезжил розовый рассвет. Ходок стоял среди избы и, благоговейно кладя поклоны, молился… Лицо было крайне простое и добродушное; в тихих голубых глазах светилась какая-то трогательная, детская наивность…» [5, с. 42].

И не случайно колокол звонит в Яблонцах дважды: ночью, когда необходимо спасать замерзающие тела путников, заплутавших в дороге, и после, когда раздается благовест к заутрене. Звук колокольчиков сливается со звуком колокола, словно указывая нам, что автор движется по той же степи, по которой пролегла народная дорога.

Библиографический список

1. *Бессонов Б.Л.* А.И. Эртель и Лев Толстой. Опыт сравнительно-типологической характеристики // Русская литература. – 1969. – №4. – С. 147–163.

2. *Билинкис Я.С.* Творчество А.И. Эртеля // Эртель А.И. Записки Степняка. – М.: Худ. лит., 1958. – 612 с. – С. III–XXXVI.

3. *Кузнецов В.И.* Свет с сумерках // Эртель А.И. Записки Степняка. – М.: Правда, 1989.

4. *Лебедев Ю.В.* «Записки охотника» И.С. Тургенева. – М.: Просвещение, 1977. – 80 с.

5. *Эртель А.И.* Записки Степняка. – М.: Худ. лит., 1958. – 612 с.

УДК 821.161.1

Балашова Елена Анатольевна
Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
e-balashova@rambler.ru

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЖАНРА ИДИЛЛИИ В ЛИРИКЕ XX–XXI ВЕКОВ

В статье рассматриваются причины функционирования идиллии в XX–XXI вв., а также приводятся примеры современных поэтических текстов, обладающих жесткой инвариантной структурой классической идиллии.

Ключевые слова: *современная поэзия, стихотворная идиллия, жанрообразующие факторы.*

Длительное функционирование, устойчивость жанров в литературном процессе – проблема, гораздо менее изученная по сравнению с вопросами генезиса жанров. Мы говорим о канонизации идиллии, о том, что она имеет историческую обусловленность и определяется в отношении произведений, которые признаны классическими для своей эпохи (ср.: «идиллии Феокрита», «идиллии Геснера», «идиллии Дельвига»). А возможно ли такое сочетание: *современная идиллия?* Не становится ли традиционное жанровое определение не только относительным, но и «безответственным»? Н.Л. Вершинина выводит для подобных случаев закон жанрового «наведения», понимая под ним как раз безответственное классифицирование жанра. Она учитывает, что подобное явление вызвано нестабильностью критериев, происходящей от стремления скрестить установку на «жизнь» и общестилевой канон [1, с. 108–109].

Это, действительно, один из самых больных вопросов теории идиллии XX века: можно ли применить термин «идиллия», «жанр» в отношении современных текстов? Строго говоря, мы должны были бы учесть, что сейчас нет ни одного стихотворения, которое воспроизводило бы модель идиллического мира, как у Феокрита, так как строго жанровая «решетка» не воспроизводится. В то же время идиллия обладает столь жесткой инвариантной (канонической) структурой, унаследованной от предшествующих литературных эпох, что проглядеть ее невозможно и в огромном потоке современных стихотворных текстов. Идиллия не перестает быть собой в процессе межжанровых контактов, однако на длительном протяжении истории литературы (да и в рамках одной определенной литературной эпохи) что-то из традиционной идиллии разошлось по другим формам, было утрачено, а что-то, наоборот, было привнесено. Отсюда множество вариантов идиллии. Литературное пространство шире пространства жанрового, и на смену жанра де-юре пришел жанр де-факто. Любой из текстов, относимых нами к идиллии, устойчиво, постоянно воспроизводит систему признаков инварианта, неизменной структуры и даже порождает вариации. Главное – это всегда живое осмысление идиллии. Куда бы ни уводили дополнительные мотивы и образы, она узнаётся читателем. Она так или иначе отсылает к традиции. Это как в отношениях «ритм – метр»: ритм «выводит» на метр и тогда, когда он весьма далеко отходит от «идеальной схемы».

Очень важно, что идиллия в современном литературном процессе присутствует не как «обманчивая и строго литературно-этикетная модель» [8, с. 23]. Очевидно, что действующие на протяжении веков жанровые установления удовлетворяют вступающее с ними в действие содержание именно в силу того, что «имеют какую-то, может быть, всякий раз новую, превращенную, но все же постоянно действующую энергию... когда эта жанровая ус-

© Балашова Е.А., 2013

ловность была еще не достоянием литературы, не воплощенной метафорой, а частью жизни, культа, обряда» [6, с. 299].

В частности, свой специфический запас возможностей, идущий от Золотого века, демонстрирует лирика XX–XXI вв. В русской поэзии большое количество показательных примеров продуктивности идиллической традиции. Конечно, формы литературной преемственности усложнились в литературе нового времени, но их выявление и составляет задачу жанровой теории.

Идиллия – четко заданная модель. Какова бы ни была функция современных текстов – вплоть до опровержения идиллических идеалов, до пародии и даже сатиры на нее, – все равно автор текста настойчиво напоминает об образце, об инварианте. Каждый из текстов читатель соотносит с целым (своим пониманием внутренней меры жанра). Не случайно идиллия очень удобна для воспроизведения: если надо сказать о счастливой жизни на фоне природы, о довольстве малым, об одухотворенности быта – достаточно сказать одно только слово «идиллия», и в сознании читателя весь это «набор» признаков сразу воспроизводится – не комбинация элементов, не их сложение, иерархия, а органическое их взаимопроникновение. Возможно, наиболее плодотворно он «работает» именно с идиллией (не балладой, не элегией, например).

Идиллия долгое время была не продуктивна, но это не означало, что она никогда не возродится. А на каждом новом этапе своего возрождения она будет наполняться новыми эстетическими требованиями, будут вноситься коррективы в жанровое понимание. И. Бродскому принадлежит очень значимое для нас рассуждение: «У каждой эпохи, каждой культуры есть своя версия прошлого… И у каждого последующего поколения взгляд на прошлую культуру меняется и, разумеется, становится все более и более расплывчатым. Что для меня во всем этом интересно, так это то, на *что* именно каждое поколение наводит увеличительное или уменьшительное стекло. То есть *что* оно в прошлой культуре выделяет, а *что* – игнорирует…» [2, с. 546–547]. На наш взгляд, в этом суждении ключ к пониманию причин, почему именно XX век, и особенно век XXI («через голову» второй половины XIX века – с некоторыми оговорками), обращается к идиллии.

Культура Просвещения XVIII века в целом не несла в себе осознанной идеи губительной и гибельной перспективы, открывающейся перед цивилизующей волей... На XIX век приходится величайшее открытие и глубочайший рубеж в духовной истории Европы. За пределами «художественно организованной, риторически выраженной, на античность упирающейся, профессиональной и элитарной, респектабельной и возвышенной Культуры “с большой буквы”, замкнутой в силовом поле структурированного бытия, государства, церкви или сословия, обнаружилась грандиозная сфера жизни, внеположенная этой Культуре» [3, с. 103]. И XX век открывает неприметные человеческие ценности повседневного существования «простых душ». Т. Саськова акцентирует внимание на важном положении о том, что XVIII век имел «магнетическую притягательность» для века Серебряного: «…Знаменательная эпоха концов и начал была не только державно-монументальной, “петербургско-фальконетовской”, но и “фарфоровой”, пасторальной, грациозно-хрупкой…» [5, с. 150].

В этом состоял один из магистральных путей развития культуры [3, с. 104]. Обнаружилось, что вместе с «взрослением» литературы взрослеет и идиллия. В XVIII веке она стабилизировалась настолько, что весь XIX век мыслилась шаблоном, обладающим уже формальным, а не содержательным принципом. А далее, в XX веке, вдруг идиллия оказалась живучей, продуктивной, перестала быть условно-этикетной. Человек возвратился к истинным ценностям, потому что только идиллический мир учит жить первостепенным. Идиллическая плоть живая – может быть, потому, что апеллирует ко всякому отдельно взятому человеку и каждому проживаемому им дню. Оценить их смогла эпоха, понявшая неполноценность жизни, если мыслить столетиями, жонглировать будущим, но при этом не видеть частного человека. Вдруг почувствовалась ущербность независимости от природы, от других, от общего дела.

Гармония в творчестве часто дается как компенсация отсутствия ее в жизни. Присущая человеку мечта о гармонии приводит его к попытке организовать пространство вокруг себя в соответствии с индивидуальными представлениями о совершенном мироздании. В современном мире личность и целое (общественное, природное, мировое) поляризованы, разведены; экзистенциальный, замкнутый в своей субъективности человек и отчужденный в своей всеобщности жизненный мир вечно противостоят друг другу, в то же время остро сознавая недопустимость этого противостояния и стремясь ее преодолеть [3, с. 460].

Например, говоря о художниках-примитивистах, Т. Дьякова указывает, что «пейзаж как жанр в живописи сформируется лишь через разъятие связи между человеком и природой, которая после этого все более и более начнет уходить в профанный мир, оставляя за личностью право на особый духовный мир, наполненный сакральными для него лично понятиями» [9, с. 90]. Подобно художникам XX века, поэты-«идиллики», понимая, что в конце XIX – начале XX веков был завершен очередной виток десакрализации окружающего человека пространства, почувствовали простоту (пустоту?), стали искать в своей генетической памяти архетипы, которые могли бы теперь хотя бы в художествен-

ной форме воссоздать миф о единстве человека с вечным космосом. При всем этом декларируется отсутствие пафоса.

Несмотря на архаичность жанра, который для XX века кажется анахронизмом, идиллия не исчезает из литературы. Нами проанализированы более трех тысяч стихотворений. В творчестве многих авторов идиллия отсутствует: у С. Есенина, А. Блока, М. Петровых, И. Анненского, Б. Пастернака, Б. Ручьева, М. Львова, Н. Коржавина, Г. Сапгира, Г. Айги, М. Степановой, А. Ровинского, Н. Байтова, А. Парщикова, И. Вишневецкого, В. Пуханова, Н. Звягинцева, Д. Кудрявцева, С Проворова, К. Медведева, А. Родионова, В. Емелина, Д. Давыдова, А. Кудряшовой, В. Полозковой и др. В целом это можно объяснить направленностью как тематических поисков, так – скорее – художественных задач. Большинство перечисленных авторов стремится уйти от привычной концепции мира и человека, от устоявшихся канонов. Чаще всего современные тексты демонстрируют принципиальную непроницаемость переживаний лирического «я» для стороннего наблюдателя: понятно, что за каждым названным событием в жизни субъекта стоит какое-то переживание, но каково оно – мы не можем узнать; лирическое высказывание не может передать чувство, но может сигнализировать о нем. Все это не для идиллии, которая очень просто «устроена» и должна быть донесена до читателя тоже просто.

Нельзя сказать, что идиллия встречается у поэтов какого-то конкретного направления или течения. Так, в самом начале XX века ее образцы мы встречаем и у акмеистов Ахматовой, Гумилева, Кузмина, Адамовича, Волохонского; у символистов Белого, Бальмонта, Мережковского, Волошина; у футуристов Асеева, Кирсанова, Хлебникова; у имажинистов Клычкова, Клюева, Орешина.

Одинаково часто идиллия встречается у профессиональных поэтов и бардов, в частности у авторов современного рока (Башлачев, Бутусов, Макаревич, Шевчук, Чернецкий, Рыженко).

Сразу обратим внимание: идиллия почти всегда встречается у поэтов-традиционалистов (Старшинов, Сухов, Михалев, Наровчатов, Русаков, Рубцов, Дудин, Доризо, Солоухин и др.). Открытием стало обращение к идиллии у советских поэтов (Грибачев, Берггольц, Благов, Майоров и др.).

Есть примеры идиллий у поэтов-концептуалистов, например, у Д. Пригова. В текстах концептуалистов пересмотру и дискредитации подвергается любой дискурс, а не только заведомо нежизнеспособный: идиллическая жизнь в их версии нелепа и неуместна. У «преодолевшего постмодернизм», но начинающего как концептуалист Т. Кибирова много стихотворений, в которых идиллическая жизнь рассматривается всерьез.

В ряду авторов идиллических текстов – поэт-«неославянофил» Ю. Кузнецов, «неоклассик» из СМОГа Л. Губанов, «архаист-новатор» (по словам Т. Бек) М. Амелин, куртуазный маньерист В. Пеленягрэ, демонстративно отказавшийся от социальной критики, сосредоточившийся на любовно-эротической тематике, подаваемой в стилизационно-игровом ключе. Эту традицию начинал М. Кузмин. Потом традицию стилизации идиллии продолжили И. Лиснянская, Д. Самойлов, Б. Рыжий и др., и уже были рождены антиидиллии (Глазков, Мартынов, Баркова) и пародии на идиллию у И. Бродского, В. Буренина, С. Шервинского, А. Раскина, А. Иванова и др.

Перечисляя имена, мы в первую очередь ориентировались на тематику стихотворений названных авторов. Однако нельзя не учитывать тот факт, что идиллия как древний жанр требует определенного формального воплощения, и прежде всего это сказывается в выборе стихотворного размера. Так, возникает интерес к гекзаметру (в наших примерах – это М. Волошин, П. Радимов, Т. Кибиров), к логаэду (М. Амелин). В устоявшейся традиционной форме с опорой на «античный» семантический ореол гекзаметра работают П. Барскова, С. Богданова, Е. Вензель, С. Гандлевский, Д. Давыдов, В. Земских, Б. Канапьянов, А. Корецкий, И. Кручик, В. Куприянов, Д. Кутепов, В. Кучерявкин, С. Моротская, О. Николаева, В. Нугатов, А. Парщиков, А. Ровнер, Г. Сапгир, В. Соснора, О. Седакова, С. Стратановский, Д. Суховей, Е. Шварц; с опорой на логаэды и квазилогаэды – С. Завьялов, И. Вишневецкий, Г. Дашевский, Л. Березовчук, Д. Кутепов. На эту «последнюю по времени волну увлечения этим метром, связанную с расширением метрического диапазона русской лирики в последние десятилетия XX в.», указывает Ю. Орлицкий в работе «Античные метры и их имитация в русской поэзии конца XX века» [4, с. 483; 488].

Если в поэзии обращение к ней может носить серьезный характер следования инварианту, может обретать характер стилизации или пародии, что не исключает ее использования в качестве своеобразного жанрового ярлыка, то в прозе идиллия «возрождается в формах семейной хроники («Медея и ее дети» Л. Улицкой, «Ложится мгла на старые ступени. Роман-идиллия» А. Чудакова). Возможно, здесь имеет смысл говорить не об идиллии как жанре, а об идиллическом «способе чувствования или модусе художественности» [7, с. 77–78]. К предлагаемому А.Г. Степановым списку мы бы добавили «Алешу Бесконвойного» В. Шукшина, «Замороженное время» М. Тарковского, «Уху на Боганиде», «Пастуха и пастушку» В. Астафьева, «Мои эклоги» Б. Попова, «Последнюю пастораль» А. Адамовича, «По ту сторону Тулы: Советскую пастораль» А. Николаева.

Библиографический список

1. *Вершинина Н.Л.* Русская беллетристика 1830-х – 1840-х гг. (Проблемы жанра и стиля). –

Псков: Издательство Псковского педуниверситета, 1997. – 180 с.

2. *Волков С.М.* Диалоги с Бродским. – М.: Эксмо, 2007. – 448 с.

3. *Кнабе Г.С.* Материалы к лекциям по общей теории культуры и культуре античного мира. – М.: Индрик, 1993. – 528 с.

4. *Орлицкий Ю.* Античные метры и их имитация в русской поэзии конца XX века // Стих, язык, поэзия. Памяти Михаила Леоновича Гаспарова. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2006. – С. 481–498.

5. *Саськова Т.В.* Пастораль в русской поэзии XVIII века. – М.: МПГУ, 1999. – 165 с.

6. *Старостина Н.А.* «Буколика» Феокрита и действительность жанровой формы // Вопросы классической филологии. – Вып. 3–4. – М.: МГУ, 1971. – 231 с.

7. *Степанов А.Г.* Идиллия // Поэтика: словарь актуальных терминов и понятий. – М.: Издательство Кулагиной – Intrada, 2008. – С. 77–78.

8. *Сурков Е.А.* Идиллия и идиллическое в русской литературной традиции // Вестник молодых ученых. Серия: Филологические науки. – Кемерово, 2004. – № 1. – С. 21–28.

9. Философия наивности. – М.: Издательство МГУ, 2001. – 384 с.

УДК 888.09

Голенчукова Светлана Владимировна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
s-svetlana-wg@yandex.ru

НРАВСТВЕННО-ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОКИ ЗАМЫСЛА РОМАНА «ДЫМ» В ПИСЬМАХ ТУРГЕНЕВА 1853–1867 ГОДОВ

В статье рассматриваются нравственно-философские истоки кризисного восприятия эпохи безвременья, отраженные в романе Тургенева «Дым».

Ключевые слова: *Тургенев, эпистолярное наследие, Е.Е. Ламберт, П. Виардо, В.П. Боткин, вера, цель жизни.*

Период 1853–1867 годов – непростой в жизни Тургенева. С одной стороны – были потери, казались неразрешимыми дела с замужеством дочери, значительно ухудшились отношения с Полиной Виардо, не было своего гнезда. С другой – Тургеневу все-таки удалось найти свое место в жизни, возобновить прежнюю переписку с возлюбленной Полиной, и появились силы для написания нового большого романа после «Отцов и детей». Именно в этот период времени Тургенев очень много размышлял и рассуждал о бренности жизни, о цели существования человека на земле и в то же самое время пытался решить важные для себя вопросы религии, веры и безверия, семейного благополучия.

Поэтому важным оказывается детальное рассмотрение писем писателя с целью будущего применения полученных наблюдений к анализу ключевых идей романов «Отцы и дети» и «Дым», а также к более точному определению времени, событий и настроений, повлиявших на рождение и развитие сюжетов, композиций и образных систем рассматриваемых произведений.

Важным считается разделение периода 1853–1867 гг. на два отдельных подпериода: 1853–1861 и 1862–1867. Такое деление неслучайно, поскольку 1853–1861 гг. условно можно назвать временем активных духовных исканий Тургенева и временем создания и выхода в свет романа «Отцы и дети», а 1862–1867 гг. – это время смирения писателя с жизнью и написания романа «Дым».

В рамках данной статьи более подробно остановимся на периоде 1862–1867 гг.

Судьба, от которой не уйти человеку, – сквозная мысль всех писем Тургенева в этот период, адресованных его близким друзьям: графине Ламберт, А.А. Фету, Валентине Делессер и многим другим.

Свою судьбу Тургенев часто называет «Божеством», «Звездой», «Небом» или просто «Судьбой». Так, В.П. Боткину 18 сентября 1864 г. он пишет: «Радуюсь за тебя, что ты хорошо и мирно провел лето: в наши годы – подобные два месяца – подарок неба» [6, т. 6, с. 49]. А 1 декабря 1863 г. – Полине Виардо: «Я настолько боюсь новых проделок моей несчастной звезды, что не хочу больше говорить о том блаженстве, которое я вновь испытаю в Бадене» [6, т. 5, с. 361].

Достаточно часто Тургенев, загадав что-то на будущее, оказывался свидетелем того, что все происходит совсем иначе, не так, как он хочет, не так, как он задумал, а так, как распорядилась его судьба. Речь идет и его неудавшихся поездках в Россию, и о желанных встречах с близкими людьми. Именно поэтому писатель становится более осторожен в своих высказываниях, не называет точную дату, полагаясь на промысел Божий.

Здесь же встает вопрос о религиозности писателя. Сам Тургенев называет себя атеистом, не христианином и не ортодоксом. 22 августа 1864 года он пишет Е.Е. Ламберт: «С Вашей точки зрения, за мною две большие вины: первая – отсутствие... ортодоксии; вторая – удаление из родины... О пер-

 © Голенчукова С.В., 2013

вом пункте я не буду распространяться: я не христианин в Вашем смысле, да, пожалуй, и ни в каком – и потому оставим это в стороне: это может повести только к тяжелым недоразумениям» [6, т. 6, с. 45].

Богатые на потери 1860 и 1861 гг. внесли свою лепту в формирование религиозных настроений тургеневских писем. Умерли: Н. Толстой, К. Аксаков, Т.Шевченко, жена Я.П. Полонского, сын и брат Е.Е. Ламберт и некоторые другие знакомые писателя. Отсюда размышления Тургенева о смерти: «Неужели смерть есть не что иное, как последнее отправление жизни? – Я решительно не знаю, что думать, – и только повторяю: счастливы те, которые верят» [6, т. 4, с. 387]. Вопросы религии, веры и безверия непрестанно волновали Тургенева в этот год утрат. 15 (27) ноября он пишет Е.Е. Ламберт: «Меня утешает мысль, что Вы перенесли поразивший Вас удар с христианским смирением и твердою верою в Бога, который все ведет к лучшему. Да поддержит и вперед Вас эта вера! <…> да, земное все прах и тлен – и блажен тот, кто бросил якорь не в эти бездонные волны! Имеющий веру – имеет все и ничего потерять не может; а кто ее не имеет – тот ничего не имеет, – и это я чувствую тем глубже, что сам я принадлежу к неимущим! Но я еще не теряю надежды» [6, т. 4, с. 381]. Последние слова Тургенева можно рассматривать как надежду на возможное пробуждение религиозных чувств в душе писателя, хотя сложно назвать атеистом человека, который ходит в храм и все важные события, которые должны случиться в его жизни, сопровождает словами: «Дай, Бог!»

О намеченной свадьбе Полинетт: «Дай бог, чтобы все пошло своим правильным ходом…» [6, т. 6, с. 207], о своем возвращении в Россию (И.П. Борисову 22 февраля 1863 года): «Бог даст, месяца через полтора увидимся!» [6, т. 5, с. 160].

Эти слова писатель произносит не машинально: детальный анализ писем Тургенева позволяет нам сделать вывод, что «Дай Бог» писатель применяет только по отношению к действительно важным событиям, в положительном исходе которых он заинтересован.

В своих письмах Тургенев часто цитирует Библию (Полине Виардо: «За грехи отцов воздастся до седьмого колена, гласит Библия, которая на сей раз столь же верна, сколь и жестока» [6, т. 5, с. 52]; Е.Е. Ламберт от 10 (22) декабря 1861 г.: «Отнимая всякую прелесть от жизни, горе лишает ее также всей ее лжи и тревоги – в этом-то и состоит ее настоящее несчастье. “This sorrow's sacred, it strikes it does love” – сказал Шекспир, а в Евангелии та же мысль выражена еще проще. Горе очищает, а потому и успокаивает; но не всякий может вынести такого рода спокойствие; – повторяю, я надеюсь, что Бог Вам поможет <…>» [6, т. 5, с. 70]).

Писатель признает, что без веры живется туго, плохо, что вера – это проводник человека в жизнь духовную. Именно поэтому, рассуждая о Полине со своей знакомой Ламберт, которая упрекала Тургенева в том, что он противится переходу дочери в католичество, писатель высказывает обратную точку зрения, говоря, что вера Полинетт очень сильна и что он благодарен этой вере, рад ей, поскольку без нее человеку живется туго. И такое заключение Тургенев делает, лишь основываясь на собственном жизненном опыте. Он пишет Ламберт: «Я должен Вам сообщить (это между нами), что дочь моя за месяц до свадьбы перешла в католицизм – и, стало быть, уже совершилось то, чего Вы как бы опасаетесь в Вашем письме. Я не противился ее желанию, которое избавляет ее от многих недоразумений и неприятностей – так как ей предстоит жить постоянно не только во Франции, но в провинции... С религиозной точки зрения – я также не имел ничего возразить» [6, т. 5, с. 132]. Интересны с этой точки зрения наблюдения С. Орловского, представленные в его работе «О религиозных исканиях Тургенева» [5].

Если в письмах Тургенева периода до 1862 г. мы видели его мятущимся, неудовлетворенным в плане семейственности, одиноким, ведущим цыганскую жизнь и уставшим от того, что приходится жить на краешке чужих гнезд, и в связи с этим ассоциирующим себя с птицей, то Тургенев периода после 1862 г. предстает перед нами более смиренным человеком и в то же время более счастливым. Он пишет графине Е.Е. Ламберт 26 марта 1864 г.: «Оттого ли, что мои требования стали меньше, оттого ли, что там <в Бадене> мое настоящее гнездо, – только я замечаю, что счастье с некоторого времени дается мне гораздо легче» [6, т. 5, с. 296]. (Подробнее об этом – в работе А.Б. Муратова «Тургенев после «Отцов и детей»: 60-е годы» [4].)

Тургенев действительно начал обустраивать свое гнездо в Баден-Бадене. И пусть в нем не звучит нежный голос любящей жены, но нежный голос любимой женщины звучит совсем неподалеку. Тургенев ежедневно, по несколько раз пишет письма своей возлюбленной Полине. И эти письма преисполнены чувства некоего внутреннего успокоения и комфорта. Он сообщает ей обо всем, что происходит в его жизни: обо всех значительных и незначительных вещах, о мелочах и важных наблюдениях.

В письме к Полине Виардо от 18 января 1863 г. мы находим такие строки: «…Для меня сейчас самое сладостное мгновение за весь день: время, когда я беседую с вами. Итак, расскажу все, что я делал». А в письме от 12 июня 1865 г., адресованном также Полине Виардо, читаем: «Завывает ветер, проливной дождь с градом хлещет по стеклам, небо заволокло мрачной, грязно-серой пеленой, деревья раскачиваются из стороны в сторону, как одержимые, термометр показывает 4 градуса выше нуля (в полдень!), в комнатах холодно и сыро, встревоженные порывом ветра вороны каркают жалобно

и уныло. Фет, который только что уехал, едва влез в экипаж, закутался в пушистую зимнюю шубу; даже увозивших его лошадей бил озноб, и шерсть их стояла дыбом; встречные крестьяне укутаны в овчинные тулупы, их огромные меховые шапки надвинуты на самую бороду, которую ветер крутит, как петушиные хвосты, мухи – да что я говорю! две полузамерзшие мухи, единственные в этом году, только что прилипли к рукам, противный запах, отдающий затхлостью и старыми грибами, проникает до мозга костей; ноги ломит, в животе урчит – вот точное изображение моего нынешнего пребывания в "carapatria"» [6, т. 6, с.142].

Интересно, что эти письма резко контрастируют по своему внутреннему наполнению и по тому впечатлению, которое оставляют по прочтении, со всеми остальными письмами Тургенева, адресованными другим лицам. Они кажутся домашними, простыми. Тургенев не заботится о том, что сказать, как сказать, о чем сказать. И это неслучайно, потому что именно Полину Виардо Тургенев считает в эти годы своим самым близким человеком. Он не так рад тем важным событиям, которые происходят в его жизни или жизни его дочери или близких людей, сколько тому, что происходит в жизни Полины Виардо. Именно она способна осчастливить писателя, настроить его на новую жизнь. И она же способна погрузить Тургеневу в атмосферу его размышлений о сложности и неясности жизни: «Ура! Да здравствует республика! Слава богу! Наконец-то свершилось! Уф! браво! точнее брава! Вот все, что я могу сказать. В воскресенье, 17 апреля 1864 г. в 8 ч. 35 мин. утра! Бегу к Поме, чтобы отнести ему благословенную телеграмму... Я же говорил вам, что будет мальчик. Впрочем, вы это тоже говорили. Да здравствует республика!» – пишет он, узнав о радостном событии, произошедшем в доме Виардо [6, т. 6, с. 15].

Особо стоит отметить, что в письмах Тургенева периода 1862–1867 гг. на смену образа птицы, присевшей на краешек чужого гнезда, приходит образ жужжащей, надоедливой мухи, которой не нужно ничего, кроме тепла и света. Тургенев пишет Е.Е. Ламберт 7 октября 1862: «Под старость я начинаю уподобляться мухе: солнце светит, ничего не болит – так и ничего не нужно больше» [6, т. 5, с. 107]. Валентине Делессер 28 июля 1864 года: «Мучительно не знать разгадки; еще мучительнее, быть может, признаться себе в том, что ее вообще нет, ибо и самой загадки более не существует. Мухи, без передышки бьющиеся об оконное стекло, – вот, думается, самый точный наш символ» [6, т. 6, с. 43].

Однажды в одном из своих писем Тургенев, продолжая делиться с Полиной Виардо своими размышлениями о жизни и наблюдениями над ней, рассказывает ей о событии, которое, по его мнению, даже событием-то нельзя считать. Он говорит о том, как однажды заметил в углу большого паука, который захватил в свои сети осу и собирался ее съесть, и его, Тургенева, захватил (оба слова «захватил» выделены Тургеневым курсивом) такой прилив отвращения, что он раздавил оба этих существа. Тургенев спрашивает себя о том, имел ли он право вмешиваться в эти законы природы.

Данную ситуацию можно рассматривать как размышление Тургенева над вопросом, можно ли вмешаться в судьбу, изменить ее. Сам Тургенев в этом же письме дал ответ на этот вопрос: «Это еще один важный вопрос. Я не решил его поныне!» [6, т. 6].

Тургенев размышляет о жизни: в письмах раннего периода писатель не может понять цель жизни, но пытается ее найти, чего нет в письмах периода после 1861 года.

Так, в 1854–1861 гг., находясь в постоянной погоне за П.Виардо, Тургенев потерял цель жизни. И в этом он признается в письмо к Е.Е. Ламберт 2 (14) марта 1862 г.: «...От меня она <жизнь> бежит как змея – никак ее поймать не могу – куда поймать! Не могу увидать ее физиономию, узнать, какое наконец ее значение?» [6, т. 5, с. 27]. Тургенев рассуждает о смысле жизни и позже, но сейчас, ближе к середине 60-х годов, он не столько старается понять ее цель, разгадать ее, сколько смиряется со своей судьбой.

В день своего рождения, 28 октября 1862 года, он пишет Е.Е. Ламберт письмо, в котором впервые рассуждает на тему обратимости судьбы: «Нынешний день 28-го октября был именно первым днем жизни для меня сорок четыре года тому назад. Почти вся жизнь уже позади – и я не могу сказать, с каким собственно ощущением я гляжу в прошедшее. Мне не то, что жаль его, не то, что досадно, не думаю, что я мог бы лучше прожить, если б!.. Не страшно мне смотреть вперед – только сознаю я совершение каких-то вечных, неизменных, но глубоких и немых законов над собою – и маленький писк моего сознания также мало тут значит, как если бы я вздумал лепетать: "я, я, я…" на берегу невозвратно бегущего океана» [6, т. 5, с. 110].

И.П. Борисову 28 января (9 февраля) 1865: «Моя песенка спета. Так спокойно катится жизнь, так мало сожалений, тревог – что только думаешь об одном: матушка Середа, будь похожа на Вторник – как сам батюшка Вторник был похож на Понедельник. Не поднимайтесь со дна вы, всякие черные тараканы – болезнь, слепота, глухота, увечие – а больше не надо, не надо ничего» [6, т. 6, с. 97].

Позже размышления Тургенева вновь примут иной оборот: будут сомнения и поиски новой цели жизни. Тургенев станет больше рассуждать о родине, призвании писателя, счастье, и детальное рассмотрение всех этих мыслей автора позволит более глубоко рассмотреть сюжетную, характерологическую и проблемную стороны романов «Отцы и дети» и «Дым».

Все сделанные наблюдения помогают на более глубоком уровне уяснить наиболее важные этапы творческой истории романа «Дым», имеющие непосредственное отношение к поэтике произведения. Кроме того, сопоставительный анализ мыслей писателя, отраженных в письмах, и идей, высказанных в романе, дает возможность говорить о том, что большинство этих идей Тургенев сначала проверял в письмах. Причем буквальное совпадение отдельных идей в письмах и самом произведении позволяет уяснить и этапы их рождения и развития. Результаты данных наблюдений позволяют внести существенные дополнения в уже имеющиеся научные данные, касающиеся жанрового своеобразия и образной системы романа «Дым».

Библиографический список

1. *Винникова И.А.* И.С. Тургенев в 60-е годы. – Саратов, 1965.

2. *Курляндская Г.Б.* Эстетический мир Тургенева. – Орел, 2002.

3. *Лебедев Ю.В.* Иван Сергеевич Тургенев. – М.: Просвещение, 1989. – 206 с.

4. *Муратов А.Б.* Тургенев после «Отцов и детей»: 60-е годы. – Л.: Ленинградский университет, 1972. – 144 с.

5. *Орловский С.* О религиозных исканиях Тургенева // Русская мысль. – М., 1911. – С. 82–105.

6. *Тургенев И.С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – М.: Наука, 1978.

УДК 882.09

Голотвина Ольга Владимировна
Липецкий педагогический университет
golotwin @ mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ НАРОДНОГО ХАРАКТЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ ШОЛОХОВА И АБРАМОВА

В статье делается попытка анализа ключевых национальных черт, общих для героев романа-эпопеи Шолохова «Тихий Дон» и тетралогии Абрамова «Братья и сестры»: привязанность русского человека к земле, ответственность за нее, руководство совестью как негласным законом и обусловленные ею поиски правды-справедливости.

Ключевые слова: *литературная традиция, народный характер, земля, совесть, трудолюбие.*

Шолохов и Абрамов, писатели глубоко национальные, создали в своих произведениях яркую, многоплановую картину жизни русского народа в реалиях сложнейших социо-политических и культурных изменений XX века. Творчество Шолохова явилось новым этапом в постижении феномена русской души, незыблемых основ национального бытия. Осмысление отечественными писателями его опыта, без сомнения, плодотворно сказалось на развитии нашей литературы. «Шолоховская традиция», как понятие, прочно вошедшее в современный научный обиход, по наблюдению Е.С. Князевой, имеет два уровня наполнения: «В узком понимании термина речь идет о присутствии Шолохова в поэтике художественных произведений в виде скрытого или явного наследования шолоховских сюжетов, мотивов, образов и т.д. В широком понимании шолоховская традиция включает в себя такие составляющие, как масштабность творчества, высокая духовность, глубина мировоззрения» [6, с. 10].

Абрамов неизменно обращался к наследию великого современника в процессе научной, педагогической и творческой деятельности. В поле его зрения в разные годы попадали «Донские рассказы», «Тихий Дон», «Поднятая целина». Прибегая к литературоведческому анализу, будущий писатель овладевал художественной методологией великого мастера, постигал глубину его концепции жизни и человека, приемы типизации, описания психологии персонажа, отбирал средства изобразительности. Постижение «шолоховской школы», аналитическое мышление, знание отечественной истории и литературы, гражданская позиция и близость к народной культуре позволили ему со временем создать свой собственный стиль.

Внимание обоих писателей к истокам народной культуры и истории нашей страны, порой трагическим ее переломам породили неизменный интерес к национальной самобытности, традиционным ценностям, своеобразию русского характера. Его сложность, многогранность и историческая обусловленность в полной мере признавались и Шолоховым, и Абрамовым.

Анализ авторского осмысления граней народного характера в романе Шолохова «Тихий Дон» и тетралогии Абрамова «Братья и сестры» позволяет выявить общие для обоих писателей, наиболее значимые, с их точки зрения, национальные черты, а именно: привязанность к земле, ответственность за нее, руководство совестью как негласным законом и обусловленные ею поиски правды-справедливости.

Мотив земли становится сквозным в романах «Тихий Дон» Шолохова и последних романах тетралогии Абрамова «Братья и сестры». Реализуясь в полифонии смысловых вариантов, он способствовал не только обнажению остросоциальных проблем, но и обращению к вечным человеческим ценностям. Ослабление и утрата связи человека с зем-

© Голотвина О.В., 2013

лёй в совокупности с историческими перипетиями, утратой веры, по мнению обоих писателей, искажала не только жизнь крестьянина, но и несла с собой духовно-нравственное перерождение, оскудение. Проблема связи человека с землей из границ насильственного отлучения, о котором, по сути, писал Шолохов, в произведениях Абрамова трансформируется в порицание попустительства или даже забвения, добровольного отречения от нее в пользу комфорта и благоустройства. Абрамов ставит вопрос об ответственности человека-хозяина за судьбу земли, пашни.

По словам Б.В. Ничипорова, патриотизм – это «осознание русской земли как своей, это осознание себя ответственным за эту землю, за ее благосостояние, это осознание себя в диалоге с живой историей земли. Это, наконец, и осознание себя в ряду поколений, населявших эту землю» [Цит. по: 10, с. 183]. Сказанное в полной мере справедливо и для Григория Мелехова, и для Михаила Пряслина. Люди земли, они ощущают, чувствуют свою близость к природе не только в процессе труда, они спаяны с нею всей душой, нравственными корнями своего существования. И если та подвергается истязанию, осквернению, то они стремятся встать на ее защиту, переживают за ее судьбу, сами испытывают терзания, так как не представляют себя отделенными от нее.

В романе «Тихий Дон» Шолохова проблема «жизни по совести» рассматривается на срезе военного кровопролития, сопровождающего нравственный выбор героя угрозой смерти. Стремление следовать норме народной жизни – «человеческой правде» – толкает Григория Мелехова на ее поиски во враждующих станах. Эта правда характеризуется в его сознании созидательными целями – свободно трудиться на своей земле, растить детей, соблюдая духовные заповеди предков. Поиски, скитания приводят его к осмыслению ценностной составляющей той самой правды, «жизни по совести» – отказ от насилия и своего рода смирение. Отрицание героем совести в себе самом опровергается его интуитивными стремлениями, руководством в поступках чести, порядочности, доблести и жажды справедливости.

Жизненная позиция автора тетралогии «Братья и сестры» цементирует сам образ абрамовского героя, не подвергающего сомнению однозначность такой базовой для русского самосознания характеристики, как совестливость. Его взгляд на категорию «совесть» делает акцент на таких ее составляющих, как «личная ответственность за все» и «человеческая активность». По сути, она поднимается автором до высоты национальной идеи, что подчеркивала и Л.В. Крутикова-Абрамова [8, с. 111]. Герои Абрамова, живущие по совести (Лиза, Михаил, Анфиса Петровна, Лукашин, Нетесов, Варвара), часто вступают в открытое столкновение с непониманием, враждебностью или даже презрением. Они готовы к конфронтации с общественной косностью, негативными проявлениями социально-политической системы, своими делами показывая пример нравственного подвижничества, духовного величия.

Русское правдоискательство, свойственное как герою Шолохова, так и герою Абрамова, выводит на страницы их произведений тип странника нового времени. В «Тихом Доне» дорога становится тем образом, в котором соединяются социально-исторический и личностно-бытийный планы изображения. Дорога – место встреч и разлук, перекресток дорог, распутье – выбор своей судьбы, широкий шлях, железная дорога революции, потерянная дорога, бездорожье, «козья тропка» недоверия и сомнений, дорога домой, дорога смерти и скорби, дорога в отступ, смиренная дорога на Голгофу – всё это становится частью трагической судьбы Григория Мелехова, каждую из них он проходит, ища блага и справедливости, той правды, «под крылом которой мог бы посогреться всякий» [11, т. 4, с. 194].

Соизмерение разных жизненных дорог позволяет Абрамову вскрыть сущность социально-исторического и нравственно-бытийного конфликта, который стал следствием «великого перелома» деревни. В авторском видении горизонталь земного пути сопряжена с нравственной вертикалью. Жизненная дорога Михаила, на протяжении многих лет шедшая «в угор», приводит его на нравственную высоту, вершину, где он навсегда останется в построенном своими руками доме в окружении родных и близких. Калина Иванович, для которого «вся страна домом была», уходит в последний путь спокойным, умиротворенным, взмывая над толпой в шорохе алых полотнищ. Егорша же мчится легко, словно под уклон, в результате, предав, разрушив свой дом, в одиночестве оказывается у затянутого илом омута.

Согласно исследованиям С.Г. Дрыга структуры концептуального поля «путь» [5], сферу его дальней периферии пересекает концепт «дом», что свидетельствует о связи этих значимых для носителей языка категорий. В художественной ткани романа «Тихий Дон» и тетралогии «Братья и сестры» мотивы дороги и дома имеют непосредственное смысловое пересечение. Григорий, путано идя по своей дороге, душой устремлен домой. В этом случае понимание «дома» сродни мирному, семейному, традиционно-патриархальному. У Абрамова конфигурация «душа в доме» принимает вид «дом в душе», подразумевающий проявление хозяйственности, созидательного труда, чистоты и изобилия Ковчега, ответственности по отношению ко всему окружающему, а также взаимопомощи и согласия.

Яркие характеры героинь Шолохова и Абрамова являют собой продолжение укоренившегося в русской литературе образа «величавой славянки»,

умеющей любить, жалеть, быть верной, целомудренной, сильной, милосердной, готовой к самопожертвованию.

В «Тихом Доне» Шолохова среди женских типов доминирует образ матери (Ильинична, Лукинична, матери Мишки Кошевого и Ильи Бунчука, безымянной «доброй» матери, спасшей красноармейца, матери-старушки, хозяйки постоялой избы, Анны Ивановны Моховой, Натальи), обладающий большой обобщающей силой и являющийся символом добра и сострадания. Он составляет в романе триаду – мать-земля, Божья матерь и мать человеческая.

В художественном мире Абрамова наибольшую весомость имеет характер женщины-труженицы, доходящей в этом качестве до самоотвержения и приобретающей черты святости (трудницы), а также женщины-помощницы (сестры по духу). Терпение, одухотворенность, самоотверженность, самопожертвование, совестливость, «чувство подлинности», отзывчивость отмечались Абрамовым как качества, выработанные преимущественно женщиной и неизменно устремленные к гармонизации национального характера: «Дух русский проявляется в мужских деяниях, а поддерживать подлинную духовность, дух, совесть – женщине» [4, с. 271]. Судьба матери, часто воспитывающей детей в одиночку, омрачена непосильной, изнуряющей работой. Иногда этой омрачающей святое материнство силой являются неблагодарные или равнодушные люди (даже дети), получившие свою «ущербность» вследствие погони за материальными благами.

При некотором сходстве Григория и Михаила, возникшем, на наш взгляд, в результате попыток писателей выразить национальный тип, национальный идеал, неправомерно говорить о тождественности героев. Абрамов сумел создать самобытный художественный образ, не повторяющий своего предшественника.

Шолохов изобразил казака как вариант южного русского характера. В силу исторического обособления и особого воинского статуса казачества, в нем в значительной мере развиты такие качества, как лихость, удаль (храбрость, мужество, безрассудство), потребность в воле, соборность.

У Абрамова – северный вариант народного характера. На Севере необходимым условием выживания в условиях сурового климата, скудного плодородия земли была повышенная работоспособность крестьянина. Трудолюбие в изображении Абрамова гиперболизируется и абсолютизируется, на что не раз указывали исследователи творчества писателя. Озабоченный проблемами увядающей деревни, он говорит о необходимости самоотверженного труда по совести для сохранения и процветания деревни как консерватора народной нравственности и духовности, питающего «хлебом духовным» всю страну и, в конечном итоге, весь мир. Атмосфера эпохи раскрестьянивания традиционно аграрной страны позволяет автору обратиться к таким граням русского характера, как устремленность вдаль и домоседство, долготерпение и бунт, общинность, самопожертвование, сила воли, отзывчивость, непрактичность, поиски справедливости и др.

Библиографический список

1. *Абрамов Ф.А.* «Поднятая целина» М. Шолохова: Дис. … канд. филолог. наук. – Л., 1951. – 375 с.

2. *Абрамов Ф.* Братья и сестры. Роман в 4 кн. / под ред. К.М. Успенской. – Л.: Советский писатель, 1982. – 808 с.

3. *Абрамов Ф.А.* Слово в ядерный век: статьи; очерки; выступления; интервью; литературные портреты; воспоминания; заметки. – М.: Современник, 1987. – 448 с.

4. *Абрамов Ф.* О русской женщине // Абрамов Ф. Душа и слово. Размышления о литературе, об искусстве, о слове и творчестве, о призвании и роли художника, о судьбе страны, народа и человека: статьи, выступления, беседы, интервью, заметки. – Архангельск: ОАО «ИПП Правда Севера», 2011. – С.270–272.

5. *Дрыга С.Г.* Концепт «путь» в русской языковой картине мира: Автореф. дис. … канд. филолог. наук. – Ставрополь, 2010. – 24 с.

6. *Князева Е.С.* Традиции Шолохова в русской прозе 60–70-х годов XX века о судьбе крестьянина: Дис. … канд. филолог. наук. – Сургут, 2007. – 189 с.

7. *Крутикова-Абрамова Л.В.* Жива Россия. Федор Абрамов: его книги, прозрения и предостережения. – СПб.: АТОН, 2003. – 416 с.

8. *Крутикова-Абрамова Л.В.* Жить по совести // Аврора. – 2009. – №2. – С. 106–113.

9. *Поль Д.В.* Универсальные образы и мотивы в реалистической эпике Шолохова: Автореф. дис. … д-ра филол. наук. – М., 2008. – 52 с.

10. *Стюфляева Н.В.* Соборный идеал жизни «по совести» и его художественная реализация в романе Шолохова «Тихий Дон». – Липецк: ЛГПУ, 2008. – 258 с.

11. *Шолохов М.* Собр. соч.: в 9 т. / прим. Л. Вольпе. – М.: Художественная литература, 1969.

УДК 008

Ёлшина Татьяна Алексеевна
Костромской государственный технологический университет
cultural@kstu.edu.ru

ОБРАЗЫ СОБОРА И БАШНИ КАК АРХЕТИПИЧЕСКИЕ КЛЮЧИ К ТАЙНАМ АКМЕИЗМА

В статье исследуются образы Башни и Собора как бинарные антиномические основания, структурирующие художественный мир акмеизма; дается анализ того, как Николай Гумилев и школа акмеизма через интеллектуальные аналогии прошлого искали и находили архетипические прецеденты настоящему.

Ключевые слова: *бинарные оппозиции, школа акмеизма, мифологема Башни, архетип Собора, богоборчество, соборность.*

Тему данной статьи инспирировал Н.С. Гумилев, который в трактате «Наследие символизма и акмеизм» написал буквально следующее: «Акмеистом труднее быть, чем символистом, как труднее построить собор, чем башню» [4, с. 19]. Каждому, кто занимался творчеством Гумилева, известна история расправы над ним Вяч. Иванова [3], а потому понятно, в чью башню Гумилев мечет свои критические стрелы. Однако, как в каждой шутке есть только доля шутки, так и в образе, подаренном вдохновением, сиюминутные намеки не исчерпывают сути двух мифологем: Башни и Собора, их бинарность и противопоставленность, то есть антиномичность, мог почувствовать только художник XX века – самого его начала. Тогда именно антиномии было суждено пережить свой триумф, и Гумилев эту антиномичность мира не просто знал, но испытал во всей полноте: он знал и дионисийскую свободу самовыражения, и аполлонические вериги формы, и оргиастический дух музыки, и аскетическую архитектонику, веру и атеизм, революцию и эволюцию, символизм и акмеизм, Собор и Башню.

По сути дела, образы Собора и Башни, выделенные Гумилевым, являются бинарными оппозициями, которые структурируют культурный мир начала XX века; пульсация этих антиномий составляет центральный нерв Серебряного века. Попытаемся определить семантическое наполнение мифологемы Башни. Называя свой дом на Таврической Башней, вернувшийся из Европы в Санкт-Петербург Вяч. Иванов знал, что говорит, и догадывался, как это будут понимать. Здесь дело и в слове, и в том, что за этим словом стоит. Ближайшая по времени соседка Башни Вяч. Иванова – это «Башня из слоновой кости» Сент-Бёва; с башней из слоновой кости связывал свое творчество Г. Флобер, который прямо писал: «…Надо, невзирая ни на что, независимо от человечества, которое нас отвергает, жить для собственного призвания, восходить на свою башню из слоновой кости и оставаться там наедине со своими мечтами» [9, с. 218]. Для Флобера «башня» – это космос художника, где он может возвысить свой ум над собою самим. Мифологема Башни заняла прочное место в личной мифологии Вяч. Иванова, который вел дерзновенное строительство башни культуры и прямо писал об этом: «Я башню безумную зижду / Высоко над мороком жизни...». О том же писал и Бальмонт: «В башне с окнами цветными я замкнулся навсегда».

В поэтической образности башни Иванова и Бальмонта близки по своему духу к тому, о чем писал Флобер: башня как пристанище для одинокого «Я», где можно утешаться, но и гордиться своим одиночеством, башня как идеальное вместилище искусства, утонченного, эстетского, специально отграниченного от мира. Если говорить не о поэтическом образе, а о культурном феномене – о Башне Вяч. Иванова на Таврической, то эта Башня и по смыслу, и по судьбе, и по духу скорее соответствует библейской Вавилонской башне: «На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с Востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. <...> И сказали они: постоим себе город и башню, высотою до небес; и сделаем себе имя, прежде нежели рассеемся по лицу всей земли». По слову С.С. Аверинцева, символизм «немыслим без своей религиозной претензии» [2, с. 25].

Вся культура Серебряного века прошла через Башню Вячеслава Иванова, словно, на самом деле, все владели «одним языком и говорили на одном наречии». Здесь собирались литераторы, художники, актеры, философы, ученые и общественные деятели всех направлений, чтобы читать стихии и доклады, спорить, предаваться духовным играм. Собрания являлись ожившей мечтой Вяч. Иванова и его учителя Вл. Соловьёва о синтезе искусств, своего рода платоновским пиром идей. С.С. Аверинцев отмечал, что плодотворной стороной подобного синтеза было «очень живое, отнюдь не только “головное” гуманистическое ощущение единства всей человеческой культуры» [1, с. 145]. Башня Иванова была самим воплощением идей символизма, по словам Аверинцева, «странной и горячечной, замкнутой на себе самое жизни, которой жила символистская элита» [1, с. 189].

Они «делали себе имя», называя себя то теургами, то демиургами. Русские символисты, устремляя свой взгляд в небо, хотели стать адептами нового религиозного сознания. Они не просто верили в необходимость религиозных новшеств, но счи-

© Ёлшина Т.А., 2013

тали своим долгом внедрять эти новшества и бороться с инакомыслящими.

Символизм совершал героическую попытку подняться до уровня Бога, увековечить свое знание о Боге, но и этому героизму присущи катастрофичность, обреченность на падение. В судьбе Вавилонской башни заключен и созидательный рывок: её крушение дает начало возникновению новых языков, новых культур. Не зря в теософской традиции, столь важной для символизма, Башня символизирует разрушение, падение ложных человеческих амбиций, и вместе с тем – этап нового творческого цикла. Символистская Башня повторяет судьбу Вавилонской: символисты сотворили себе имя и рассеялись, обретя отныне чужие земли и новые языки, растворившись в чужом опыте.

Таким образом, мифологема Башни в художественном сознании культурной элиты Серебряного века становилась константой творческой деятельности. Говоря обобщенно, в мифологеме Башни были сконцентрированы чаяния символистов о приоритете эстетических начал над этическими, трагическое осознание невозможности совпадения мечты с реальностью, искусства – с жизнью.

Отсюда в мифологеме Башни выявляется ее замкнутость, сосредоточенность на самой себе. В силу векторного стремления вверх Башня оказалась сопричастной религиозной, мистической рефлексии, и эта устремленность привнесла в ее семантику духовное начало, лежащее в основе художественных поисков.

В основу символистской эстетики было положено познание всего мироздания в его трансцендентальной полноте. Гарантом такого познания намеревалось стать искусство символистов, объективирующее моменты интуитивного, сверхчувственного прозрения художника в символе и, таким образом, дополняющее эмпирическое знание о мире. Символизм стремился гносеологически познать природу искусства, создать философию творчества, соотносимую с теориями познания.

Николай Гумилев был учеником символистов, его ранние произведения проникнуты символистским ощущением трансцендентальной иерархичности бытия, которая раскрывается в творческом акте. Поэт, прошедший символистскую школу и близкий к «башенному» кругу, вдруг открывает для себя тщетность самой затеи строительства Башни до небес, в нем возникают сомнения в действенности подобного символического трансцендирования. В частности, в теории мистического реализма Вяч. Иванова и Г.Чулкова содержалась неприемлемая для Гумилева богоборческая идея. Мистический реализм его авторам представлялся высшей формой поэтической деятельности, проходящей за гранью добра и зла, где творец становился теургом, то есть выступал сотворцом Бога. Поэтому в символистской теургии всегда присутствует элемент богоборчества. С точки зрения поэта-мистагога, дерзание – добродетель, а самообуздание – глубокий изъян. Такое содержание символистской теургии вызывало у Гумилева духовный протест и желание пересмотреть мировоззренческие ориентиры своих учителей-символистов. Альтернативное течение, названное акмеизмом, создавалось Гумилевым с целью примирить поэзию, достигшую в символизме величайших высот, с непреходящими ценностями.

Как справедливо заметила Л. Кихней, «спор с символизмом – это, по сути, спор о назначении искусства. Акмеисты отталкивались от религиозно-мистической интерпретации искусства как средства проникновения в сферу запредельного» [6, с. 78], отказывались от роли поэта как мага, теурга, творящего иные миры, не желали быть духовидцами, проникающими в состоянии творческого экстаза в трансцендентные тайны бытия. «Непознаваемое по самому смыслу этого слова нельзя познать», – пишет Н. Гумилев [5, с. 78]. Следовательно, то, что не дано нашему сознанию, не может быть предметом философских спекуляций. «Это нецеломудренно», – заключает Гумилев.

Создание акмеизма дало начало принципиально новой системе художественного мировидения. Соотнеся, подобно символистам, теорию творчества с теорией познания, Гумилев утвердил новый взгляд на художественное постижение мира. Главный тезис акмеистической эстетики – непознаваемость непознаваемого. Провозгласив ценность незнания, Гумилев актуализировал веру. Именно вера в неведомое, по мысли Гумилева, порождала сакральное переживание интенсивного мистического откровения. А Собор становился естественным воплощением синтеза, где человек обретает Бога путем сакрального переживания, где «общественность» становится соборностью. И если понятие «Башни» для Гумилева было воплощенным символизмом, то свои акмеистические чаяния поэт соотнес с феноменом «Собора». По сути, сопоставление этих образов в программе акмеизма знаменовало формирование принципиально новой эстетической парадигмы.

Собор, или в более сакральном значении Храм, – одно из центральных явлений в истории культуры человечества. Во всем, что написано или сказано о Храме, есть нечто общее. Во-первых, Храм – это эманация целого, центр единства, столп мироздания. Во-вторых, Храм сакрален. Это тайна встречи Бога и человека. В основе обращения художника к образу Собора лежит имманентный план храмового сознания, гармонично воплотившийся в культуре XX века.

Соборы как произведения человеческого духа и центры вселенского христианства, были воспеты наиболее ярко и глубоко в поэзии – и, прежде всего, в поэзии акмеистов Гумилева и Мандельш-

тама. Для акмеизма главным содержанием Храма была наполненность верой, духовностью, чаяниями, молитвой. В основание своего Собора Гумилев положил обломки символистской Башни. Символистская эстетизация творчества была для Гумилева равноценна раздухотворению, а стремление приблизиться к небу, заключенное в символике Башни, означало уход в область зрелищного, профанного. Только в пространстве Собора, где максима близости Богу соединяется с максимой близости миру, достигался искомый синтез. В поэтической практике Гумилева этот синтез воплощался констатацией значимости материального мира, ценности существования каждого предмета и явления.

Мысль о необходимости веры и само ее наличие были новостью для начала XX века, когда сознание творческой интеллигенции искало противоупора атеистическим новациям. Об этом – в воспоминаниях Н.Я. Мандельштам: «Символисты все до единого были под влиянием Шопенгауэра и Ницше и либо отказывались от христианства, либо пытались реформировать его собственными силами <…> Три акмеиста начисто отказывались от какого бы то ни было пересмотра христианства. Христианство Гумилева и Ахматовой было традиционным и церковным, у Мандельштама оно лежало в основе миропонимания, но носило скорее философский, чем бытовой характер» [7, с. 50].

Поэты Серебряного века в первые послереволюционные годы должны были делать выбор между эмиграцией и новой, чужой Россией. У Мандельштама тема отказа от эмиграции окрашивается в жертвенные тона. Поэт прощается с византийской Софией, французским Нотр-Дамом, итальянским Сан Пьетро – соборами, которые были воспеты им в ранних стихах: «Не к вам влечется дух в годины тяжких бед». Символом верности русской беде у Мандельштама становится Исаакиевский собор. В нем жива истинная народная соборность, именно здесь «сохранилось свыше меры // В прохладных житницах в глубоких закромах // Зерно глубокой, полной веры» [8, с. 38]. Для акмеизма главным содержанием Храма была наполненность верой, духовностью, чаяниями, молитвой. Отказ акмеистов от эмиграции, безусловно, был следствием личного выбора каждого из них, но в области феноменологии акмеизма этот поступок пребывает в качестве высокого жизнетворческого акта.

Одним из самых почитаемых и глубоких исследователей феномена Собора в европейской культуре был влиятельный историк, теоретик искусства XX века Х. Зедльмайр [4]. Он подходил к «возникновению» Собора как рождению совершенного произведения искусства вообще. В этой связи теорию акмеизма можно считать большим прорывом в постижении и раскрытии архетипического содержания образа Храма – в художественной практике, – акмеизм предвосхитил европейские теории почти на полвека.

Библиографический список

1. *Аверинцев С.С.* Поэзия Вячеслава Иванова // Вопросы литературы. – 1975. – №8.

2. *Аверинцев С.С.* Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О.Э. Сочинения: в 2 т. Т. 1. Стихотворения. – М.: Худож. лит., 1990.

3. *Баскер М.* Ранний Гумилев: Путь к акмеизму. – СПб.: РХГИ, 2000.

4. *Ванеян С.С.* Пустующий трон: Критическое искусство Ханса Зедльмайера // Храм земной и небесный. – М.: Прогресс-Традиция, 2004.

5. *Гумилев Н.С.* Сочинения: в 3 т. / вступ. статья и примеч. Н.А. Богомолова. – Т. 3. – М., 1991.

6. *Кихней Л.Г.* Философско-эстетические принципы акмеизма и художественная практика Осипа Мандельштама. – М.: Диалог–МГУ, 1997.

7. *Мандельштам Н.Я.* Вторая книга / предисл и примеч. А.А. Морозова; подгот. теста С.В. Василенко. – М.: Согласие, 1999.

8. *Мандельштам О.Е.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. Стихотворения / сост., подгот. текста и коммент. П. Нерлера; вступит. статья С. Аверинцева. – М.: Худож. лит., 1990.

9. *Флобер Г.* О литературе, искусстве, писательском труде: Письма. Статьи: в 2 т. Т. 1. – М.: Худож. лит., 1984.

УДК 882.09

Котлов Александр Константинович
кандидат филологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ak_kotlov@inbox.ru

ЖАНРОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ «СТЕПНОЙ КНИГИ» ОЛЕГА ПАВЛОВА

В статье рассматривается значимость авторских дефиниций «книга» и «повествование в рассказах» в выявлении жанрово-композиционной специфики «Степной книги» (1998) О. Павлова, в определении роли данных компонентов в художественно-метафизическом пространстве произведения.

Ключевые слова: *О. Павлов, «Степная книга», «повествование в рассказах», жанр, композиция, хронотоп, художественная метафизика.*

«Степная книга» современного прозаика Олега Павлова создавалась в течение почти десятилетия: от публикаций в начале 1990-х годов миниатюр, составивших первую часть произведения, до выхода в свет в 1998 году полного текста, включавшего три части: «Караульные элегии», «Записки из-под сапога» и «Правда Карагандинского полка».

Уже в первых положительных критических статьях, касавшихся нового прозаического текста, отмечался и тот факт, что О. Павлов создал «не просто “цикл”, но именно книгу» [9]. Тем самым подчеркивалась формально-содержательная емкость произведения, сочетающего свободу повествовательного мира, смысловых сцеплений и стилистики с определенными константами поэтики, художественной метафизики. В данной работе анализируется то, каким образом заголовочный комплекс рассматриваемого произведения маркирует его некоторые жанрово-композиционные особенности.

Сочетание замкнутости художественного пространства и одновременно его открытости есть и в самом определении специфики произведения – «книга», отсылающем, например, как к «Книге Бытия», так и к русской литературной традиции – «Книге про бойца» А.Т. Твардовского; и в хронотопе текста[1], ориентирами которого станут зона с караульным лагерем, расположившиеся, однако, не иначе как «между небом и землей» (кстати, так называется одна из «караульных элегий»); и к субъектной организации текста[2]. «Книга бытия солдата» («Но ведь в жизни солдаты мы…» (Н. Заболоцкий)) – вот что возникает на пересечении подобных смысловых ассоциаций, хотя данная семантика и отвергалась порою критикой, видевшей в произведении лишь изображение безысходности быта и отсутствия бытия как такового.

Композиционное целое книги Павлова определяется и через подзаголовок – «повествование в рассказах», где указывается в том числе и жанровая принадлежность самостоятельных в структурно-семантическом плане частей произведения – рассказов. Дефиниция, взятая в целом, связывает рассматриваемый текст, например, с астафьевской «Царь-рыбой», чья жанровая специфика определена подобным же образом.

«Повествованье» у В.И. Даля – «рассказ о былом или о вымышленном, словесный или письменный» [3, с. 151], а «повествовать» – то же, что и «поведовать, поведать», то есть «возвещать, из(по)вещать, объявлять, говорить, оглашать, рассказать, объяснить, изъявить» [3, с. 150]. Тем самым, с одной стороны, подчеркивается высокий пафос представленного текста, его во многом публицистическая по своей сути миссия: возвестить о чем-либо, предать огласке что-либо (вспомним, как реализуется эта функция, например, в главе «Капля» астафьевской «Царь-рыбы»). В сочетании с определением «книга» заголовочный комплекс маркирует почти библейский способ изображения событий, противоречащий, казалось бы, самому объекту повествования – затерянному в пространстве и проклятому Карагандинскому полку (чем не солончаковые степи, пустыни, где обитает народ «джан», или образ бесплодной земли «такыр» в одноименных произведениях А. Платонова?). С другой стороны, это и информативная функция – «рассказ о былом», подпитывающийся не столько внешним (служба в караульных войсках), сколько духовным жизненным опытом автора.

Кроме того, память читателя почти невольно соотносит сам образ степи в заглавии с гоголевско-чеховскими трансформациями подобного архетипа русской культуры. Отнюдь не богатырская степь в изображении Гоголя предстанет читателю: слишком внешне никчемными кажутся ее защитники («одутловатое, лягушечье тело, изувеченное от рожденья хромотой» – Войшек («Сад»); «сырая мясистая туша» – Отрошенко («Мировая ночь»); «толстый беспомощный человек» – Янкель («Короткая повесть») и т.п.). Здесь прежде всего вспоминается детское восприятие чеховского Егорушки – образ «обманутой степи» (первая глава повести «Степь»): «Трава поникла, жизнь замерла. …равнина с туманной далью и опрокинутое над ними (холмами. – *А.К.*) небо, которое в степи, где нет лесов и высоких гор, кажется страшно глубоким и прозрачным, представлялись теперь бесконечными, оцепеневшими от тоски…

Душно и уныло!» [10, с. 318]. Ключевые образы этого пейзажа: равнина (степь, земля) и небо – соотносимы с подобными себе в павловской «Книге». Однако если у Чехова «жизнь замерла», то у Павлова сама жизнь может показаться иллюзорной, «небылой», а потому так часто, как экзистен-

© Котлов А.К., 2013

циальный приговор, звучит даже не слово «степь», а – «пустыня» («мухи пустынные» («Тайная вечеря»); «пустынное время», «и взгляды их, как звери, бродили, нигде не находя пристанища, и умирали, наставленные последком в пустыню, в желтую стужу песков» («Между небом и землей»); «Пустыня нежно розовеет ожоговой гладью» («Сад») и т.д.). В результате создается впечатление, что степь, пустыня выражают пугающее «ничто» бытия.

В то время как у Чехова символический образ коршуна над степью указывает на «подводные камни» жизни под зорким взглядом смерти («Летит коршун над самой землей, плавно взмахивая крыльями, и вдруг останавливается в воздухе, точно задумавшись о скуке жизни, потом встряхивает крыльями и стрелою несется над степью, и непонятно, зачем он летает и чт*о* ему нужно» [10, с. 318]), – пустота пространства у Павлова еще более скучно-страшна: «У глядящих в пустыню глаза были тусклы и бессмысленны, и потому они мертвели, подобно каменным изваяньям» («Между небом и землей»). Останавливается время, превращая солдатиков в эти «каменные изваянья», они подобны словно бы находящимся вне времен «каменным бабам», которые встречаются маленькому герою Чехова.

Песок, эта «пыль веков», тоже не случайно появляется в произведении Павлова, указывая в том числе на мысль о тщетности всего (это усиливается еще и каждодневными бессмысленными действиями солдат, борющихся с песком) и мифологической «внеисторичности» происходящего: «Плац походил на половичок. Истертый сапогами, он кое-где прохудился, и из прорех сквозило песком. Этот песок выгуливали поутру вениками, а, размолотив за день, давились и кашляли от него грудью» («Тайная вечеря»).

Ощущение одиночества, рождаемое в том числе и «степным чувством», преследует чеховского Егорушку с самого начала пути. Потому именно следующим образом будет увиден «одинокий тополь» среди степной пустоты: «…Кто его посадил и зачем он здесь – Бог его знает. …Счастлив ли этот красавец? Летом зной, зимой стужа и метели, осенью страшные ночи, когда видишь только тьму и не слышишь ничего, кроме беспутного, сердито воющего ветра, а главное – всю жизнь один, один…» [10, с. 319]. «Вселенское» одиночество владеет и душой повествователя, как, однако, и всеми, по сути, безмерно одинокими героями «Степной книги», остающимися один на один с непонятным, а оттого враждебным миром, – от воробья или собаки до самог*о* «Палыча», Войшека и других персонажей произведения.

В повести Чехова это чувство одиночества души усиливает образ неба (глава шестая): «Когда долго, не отрывая глаз, смотришь на глубокое небо, то почему-то мысли и душа сливаются в сознание одиночества. Начинаешь чувствовать себя непоправимо одиноким, и все, что считал раньше близким и родным, становится бесконечно далеким и не имеющим цены. Звезды, глядящие с неба уже тысячи лет, само непонятное небо и мгла, равнодушные к короткой жизни человека, когда остаешься с ними с глазу на глаз и стараешься постигнуть их смысл, гнетут душу своим молчанием; приходит на мысль то одиночество, которое ждет каждого из нас в могиле, и сущность жизни представляется отчаянной, ужасной…» Данные мысли бросают тень на заключительную в повести авторскую сентенцию, звучащую после описания «горьких слез» Егорушки, которыми он «приветствовал новую, неведомую жизнь»: «Какова-то будет эта жизнь?» [10, с. 405].

В данном произведении антиномическое противостояние двух пространств – земли и неба – не столь явно выражено, а в «Степной книге» Павлова образ неба чаще всего явлен как знак иного мира, надежда на обретение которого тает, как облака на раскаленном небосводе: «Раздувается и дышит порывисто млечная накипь облаков – *небо сбежало*, будто молоко» («Сад») (выделено нами. – *А.К.*). Герой-повествователь миниатюры «Облака» тяготится земным казарменным существованием, на земле нет для него тайн («Такая она, земля. На колени встань, рукой погладь – шершавая, теплится… И вся тайна»), – и тогда он глядит в небо. Мысль, тем не менее, не рождает благостного ощущения молитвенности: «Кто знает, что с тобой будет, если в небо упасть?

Тоска. И жрать хочется, как перед смертью». Герой вспоминает историю смерти Лехи Смирнова – взгляд на небо для которого стал последним: «А тогда было утро. И если сейчас бежать на багровый закат, сквозь ночь, без продыху, то, может, догонишь его? Оно покуда и глазам моим видно, на краешке земли стоящее, куда долгим днем вели его по степи убивать, опрокидывать навзничь – пасмурное утро того дня…».

По словам Павлова, «проза девяностых философствует о жизни, она метафизична и экзистенциальна в своем *остановленном времени*» (выделено нами. – *А.К.*) [8]. Доминирование пространства над застывшим в песках временем также явствует из самого заглавия рассматриваемого произведения – «Степная книга».

Н.А. Бердяев в книге «Судьба России» скажет о том, что «русская душа ушиблена ширью, она не видит границ, и эта безгранность не освобождает, а порабощает ее». Поэтому, «духовная энергия русского человека вошла внутрь, в созерцание, в душевность, она не могла обратиться к истории, всегда связанной с оформлением, с путем, в котором обозначены границы». Потому-то «необъятные пространства, которые со всех сторон окружают и тес-

нят русского человека, – не внешний, материальный, а внутренний, духовный фактор его жизни» [2, с. 326].

Словно продолжая размышления философа, Павлов следующим образом определит одну из основополагающих, по его мнению, черт русской ментальности: «Русские видят себя распятыми под властью небес – и властью верховной, но волю свою передают земле. Страдающая, как будто распятая родная земля! Это не Мы – это Она страдает… Страдания за родную землю для русских – это и есть приготовление к обретению новой жизни. Страдая с ней, как ее дети, надеются тогда уж обрести спасение, найти свою правду» [6]. Оттого власть пространства (степи-пустыни) для русского писателя приобретает библейски-вневременной смысл. Именно это маркируют названия главок «Караульных элегий», такие как «Тайная вечеря», «Сад», «Мировая ночь» и другие, словно бы повторяя путь страданий Христа: от трапезы с апостолами – к Гефиманскому саду – к поцелую Иуды и троекратному отречению Петра. Только вот, как краткое видение повествователя, кротко молчит рядом с солдатиками, вдыхающими аромат свежего хлеба, Спаситель, «присаживается на скамью». Но далеко не благостны евангельски ни житье солдат в Карагандинских степях, ни бытие человеческое как таковое…

А потому если вспомнится и гоголевский мир при чтении произведения Павлова, то не степной, могущий быть у писателя разноцветно-живым (как, впрочем, и в повести «Степь» Чехова), порою богатырским, а тот, о котором, под «слезливым без просвету небом», резюмирует повествователь в финале «Миргорода»: «Скучно на этом свете, господа!» В книге Павлова ощущение «бытия-не-бытия» уменьшит «градус жизни», и раздастся почти зловещее, хмуро-ироничное: «Страшно жить на свете лейтенанту Хакимову!» (По-гоголевски фантасмагоричен сам сюжет и название миниатюры, в которой встречаются данные слова, – «Понарошку».)

Воинская часть, Миргород – для данных художников это не столько узнаваемые по временн*ы*м реалиям места, сколько вневременн*а*я модель бытия погруженного в созерцание человека. Ключевое же отличие в той «точке зрения», что избрали для себя эти авторы: Гоголь – через скрупулезный анализ действительности, Павлов – через рефлексию сформировавшейся мысли о ней. Следовательно, произведение Павлова уже по исходному творческому импульсу довольно далеко отходит от классической традиции, сохраняя, в принципе, лишь ее аксиологическую составляющую – «дух русского традиционного реализма» (“the spirit of Russian traditional realism”) [13, p. 173].

Жанровое определение частей «Книги» как рассказы вызвало у критиков недоумение («Олег Павлов всегда был не в ладах с жанрами» (П. Басинский) [1]), так как многие главы не имеют в основе своего сюжета той интриги, которая порождает само эпическое действие. Так, в цикле «Караульные элегии» сюжетное действие как таковое вообще минимально: вялотекущий ужин в солдатской столовой («Тайная вечеря»), учения («Понарошку»), просто лицезрение неба («Между небом и землей»), сидение в медчасти («Живой») и другие подобные бытовые события определяют бытие-не-бытие героев.

И все-таки: рассказы ли составляют «повествование в рассказах» Павлова (как ни парадоксально звучит этот вопрос)? Так, Е. Ознобкина утверждает, что рассказы анализируемой книги видятся ей «эскизами, где сюжет статичен, “бездвижен”». Она именует их «психологическими этюдами», основанными на «сюжетах-метафорах», в которых властвует единая «атмосфера» [5].

Действительно, с одной стороны, различия в сюжетно-композиционной структуре, субъектной организации и других характеристиках текстов выявляют в одном случае – лирико-философскую миниатюру наподобие растянутых «стихотворений в прозе» или солженицынских «крохоток», в другом – очерк, в третьем – новеллу и т.д. Но, с другой стороны, еще в прозе рубежа XIX–XX веков жанровые каноны рассказа были расшатаны. А.П. Чудаков не случайно писал о «новом синкретическом жанре» – феномене «ароморфного рассказа», в котором «размыты старые границы, сняты все прежние ограничения» и влияние которого «ощущается в литературе до сих пор» [11, с. 391–392].

Даже безотносительно ко времени, в русской литературной традиции устоялось непреложное убеждение: русская стихия жизни не может отразиться в ограненном алмазе формы. Н.А. Бердяев заметит, что «гений формы – не русский гений, он с трудом совмещается с властью пространств над душой» [2, с. 326]. Кроме того, естественно, современный рассказ, пройдя сквозь эксперименты XX века, вплоть до постмодернистских экзерсисов, вычеркнувших жанровый канон как чуждый культурный код, не мог быть прежним.

В то же время не только чеховская или шмелевская штудии «ароморфного рассказа» заявляют о себе как в современной прозе в целом, так и, в частности, в анализируемом произведении Павлова. На наш взгляд, А.П. Чудаков не ошибался, утверждая, что «символистский рассказ (новелла) не дал сколько-нибудь заметных художественных результатов» [11, с. 391]. Но это не значит, что символистская традиция нисколько не проступает в современных прозаических миниатюрах, например, комплексом ритмико-мелодических структур (проза Б. Евсеева) или необычной гармонической мотивной структурой (рассказы и повести Д. Бакина). А.П. Чудаков все же не совсем прав и указывая на тупиковость новеллистической традиции Е. Замятина, А. Ремизова, Б. Пильняка, которые,

по словам исследователя, «взрывали рассказ» «через язык, искусственный “андреебеловский” синтаксис» [11, с.391]. И названные нами Б. Евсеев и Д. Бакин порою именно через лексико-семантические средства, естественно еще более «демократизировавшиеся», создают свои неомодернистские по своей сути прозаические картины. При всей «традиционности» уже первая книга Павлова показывает значимость и для него подобных традиций (безусловно, далеко не в равной степени).

Итак, вместе с подзаголовком («повествование в рассказах») автор настраивает читателя «Степной книги» на восприятие того мира, который явлен, например, в начале известного стихотворного послания И. Бродского, где условны и пространство – «ниоткуда с любовью», и время – «надцатого мартобря».

Примечания

[1] О значимости хронотопа в трилогии О. Павлова «Казенная сказка», «Дело Матюшина», «Карагандинские девятины, или Повесть последних дней» см., например: *Крылова С.* Архетип героя в повести Олега Павлова «Казенная сказка» // Studia Rossica Posnaniensia. – 2011. – Vol. XXXVI. – Pp. 161–171.

[2] Наиболее полно анализ «Степной книги» представлен в следующей диссертации: *Орехова Е.Е.* Художественный мир «Степной книги» О. Павлова (Герой. Среда. Поэтика): Автореф. дис. … канд. филол. наук. – Воронеж, 2003; некоторые особенности нарративной организации данного произведения рассмотрены в статье Т.В. Романовой. См.: *Романова Т.В.* «Степная книга» О. Павлова: специфика повествовательной формы // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. – №4 (2). – С. 690–693.

Библиографический список

1. *Басинский П.* Переулок – не тупик (Олег Павлов. В безбожных переулках. – Октябрь, 2001, №1) // Новый мир. – 2001. – №8. (Журнальные публикации цитируются по электронным версиям с сайта: http://www.magazines.russ.ru.)

2. *Бердяев Н.* Судьба России: Сочинения. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс; Харьков: Изд-во Фолио, 2001. – 736 с. (Серия «Антология мысли»).

3. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 3: П. – М.: Рус. яз., 1990. – 555 с.

4. *Курбатов В.* Дорога в объезд: Связка рецензий // Дружба народов. – 1999. – №9.

5. *Ознобкина Е.* Сны о себе // Новый мир. – 2000. – №3.

6. *Павлов О.* Гефсиманское время // Октябрь. – 2008. – № 1.

7. *Павлов О.* Степная книга: Повествование в рассказах. – СПб.: Лимбус Пресс, 1998. (В тексте статьи текст произведения цитируется по данному изданию.)

8. *Павлов О.* Остановленное время // Континент. – 2002. – №113.

9. *Федякин С.* Быть самим собой (Олег Павлов. Степная книга. Повествование в рассказах) // Октябрь. – 1999. –№3.

10. *Чехов А.П.* Степь. История одной поездки // Чехов А.П. Собр. соч.: в 12 т. Т. 6. – М.: Правда, 1985. – С. 314–405.

11. *Чудаков А.П.* Ароморфоз русского рассказа (к проблеме малых жанров) // Поэтика русской литературы конца XIX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 365–396.

12. *Щербинина Ю.* Сквозное сердце: Очерк творчества Олега Павлова // Знамя. – 2012. – № 3.

13. *Shneidman N.N.* Russian Literature, 1995–2002: on the threshold of the new millennium. – Toronto [etc.]: Univ. of Toronto press, 2004.

УДК 821.161.1:801.6

Маслова Анна Геннадьевна
Вятский государственный гуманитарный университет (г. Киров)
ag.maslova@mail.ru

МИФОПОЭТИКА СУТОЧНОГО ВРЕМЕНИ В РУССКОЙ МАСОНСКОЙ ПОЭЗИИ XVIII ВЕКА

В исследовании проводится анализ художественного функционирования мифологем суточного времени в поэзии, опубликованной в масонских журналах XVIII века. Выявляется художественный потенциал поэтических образов суточного времени для выражения масонского мироощущения, определяется место масонской мифопоэтики в мифологической и поэтической художественной традиции.

Ключевые слова: *русская поэзия XVIII века, мифопоэтика, масонская поэзия, философская лирика*

Масонская философия, ориентированная на развитие внутренних рациональных и духовных сил каждого человека, с ее таинственными и полными символического смысла обрядами, была, как отмечает В.И. Сахаров, «богатым и оригинальным источником образов и тем для поэм, од и малых поэтических жанров» [7, с. 66]. Художественные тексты масонов, как тексты представителей любого эзотерического течения, имели двойное содержание: один смысл раскрывался обычным читателям, иной, более глубинный, – был рассчитан на «посвященных». Окружающий мир воспринимался масонами как тайнопись, которую необходимо расшифровать с помощью языка символов и аллегорий, и в этом смысле поэтический язык, как язык, способный создавать иконический образ, вполне соответствовал поставленной задаче. Поэзия становилась средством передачи тайного знания, а также средством воспитания разума и души «вольного каменщика».

Обращение к масонской поэзии XVIII века позволяет изучить важнейший пласт литературы, влиявшей на сознание передовой общественности второй половины столетия, способствовавшей формированию особого поэтического стиля и остававшейся долгое время вне поля исследовательского зрения литературоведов.

В представленном исследовании проводится анализ художественного функционирования мифологем суточного времени в поэзии, опубликованной в масонских журналах «Утренний свет» (1777–1780), «Московское ежемесячное издание» (1781), «Вечерняя заря» (1782), «Покоящийся трудолюбец» (1784–1785) и «Магазин свободнокаменщический» (1784). Обращение к данной проблеме позволяет проанализировать особенности мифопоэтической трактовки солярно-суточного цикла в поэзии «вольных каменщиков», выявить художественный потенциал поэтических образов суточного времени для выражения масонского мироощущения и определить место масонской мифопоэтической составляющей в мифологической и поэтической художественной традиции.

Символика суточного времени занимает в масонской системе немаловажное место и связана не только с календарной мифологией времен года, но и с космологическими, эсхатологическими и солярными мифами. Все названные мифы актуальны для масонского сознания, ведущего свою генеалогию от древнейших времен существования человечества.

Наиболее ярко в масонском ритуале выражена связь с солярной мифологией. Путь человеческой души к истине символически отождествлялся с путешествием солнца вокруг вращающейся земли. Поиск человеком истины в мистерии земного дня описывается как путешествие с запада на восток в поисках света (или от вечерних сумерек к утреннему восходу солнца). Восток, утро – символ просветления, возрождения, символ начала движения к полдневному солнцу, то есть к Богу. Этот путь совершается уже в обратном направлении, с востока на запад, и олицетворяет нисхождение к скрытым сокровенным знаниям.

Стоит обратить внимание на то, как отражается эта ритуальная символика в литературном творчестве русских масонов. Значимость солярно-суточной мифологии подчеркивается выбором названий ведущих журналов, издававшихся в типографии Н.И. Новикова в конце 1770 – начале 1780-х годов: «Утренний свет» и «Вечерняя заря».

Символический смысл названия журнала «Утренний свет» частично открывается читателю в Предуведомлении, где выражается надежда на то, что читатели «Утреннего света» почувствуют ложность блеска сочинений разных иностранных авторов, когда увидят восхождение Солнца правды. Следуя принципу – быть полезными для благоразумных, – авторы и издатели журнала готовы спокойно «сносить и слушать все посмеяния и ругательства, касающиеся до нашего *Утренняго Света*, доколе наконец *великое солнце* все просвещающего *Духа* посреди нашея тверди явится, и тогда мы с радостью в лучах его света исчезнем» [8, ч. I, с. XIV]. Таким образом, *утренний свет* – это предвосхищение восхождения Солнца правды, вера в торжество просвещающего Духа, достигающего своего зенита в полдень и закономерно сменяющего утренние сумерки. Возможно, выбирая заглавие для своего журнала, Н.И. Новиков ориентировался на почитаемого в масонской среде средневекового философа-мистика Якоба Бёме и его книгу «Аврора, или Утренняя заря в восхождении», где утрен-

© Маслова А.Г., 2013

няя заря понимается как начало Дня Божьего, или конца света, обещающего всем праведникам небесную благодать. В масонском *Утреннем свете*, в трактовке, открываемой читателям в Предуведомлении, мы видим то же ожидание *великого солнца Духа*, то есть Божественного явления в мир, к которому необходимо готовиться, просвещая свой разум и очищая душу.

Смысл названия «Вечерней зари» обозначен издателями в Предуведомлении к журналу, где подчеркивается, что разум человека XVIII столетия настолько удалился от того света, который сиял над первым Адамом, что едва может быть уподоблен вечернему свету. Человеческий разум помутился в результате грехопадения Адама, но может быть приведен в прежнее состояние, так как «свет Зари – есть в нас». Таким образом, «вечерний свет», «вечерняя заря» – это та искра мудрости, которая сохранилась в человеческой душе, несмотря на всю окружившую ее тьму. Мудрость для масонов – это не просто способность рационального познания мироздания, это способность к «высшему» знанию. При современном поврежденном состоянии человеческого сознания «высшее знание» в земном существовании невозможно, но необходимо готовить себя к «вмещению» такого света мудрости в ином мире, в Царстве Божьем. Как пишет К.А. Назаретская, участники «Вечерней зари» «видели задачу литературы в просветлении души «Лучезарным сиянием полдневного света» и приуготовлении к некоему таинственному откровению и, в конечном счете, приобщению к Богу» [5, с. 91]. В русле концепции масонского духовного движения, идущего с запада на восток в поисках истинного знания, или утренней зари, предвещающей грядущую победу дневного света (Высшей Мудрости), вечерняя заря – это символ начала пути. Вечерний свет открывает стремящимся к правде путь к свету полдневному (истинному).

Различные смыслы мифологии времени суток раскрываются в поэтических текстах, создававшихся поэтами – «вольными каменщиками» и печатавшихся в масонских периодических изданиях.

Непосредственно с символической семантикой заглавия журнала «Утренний свет» связаны поэтические строки стихотворения В.И. Майкова «Ода ищущим мудрости». Открывается произведение обращением к братьям по ордену, которых автор называет «чадами утреннего света», презирающими «грозу невежества мрачных туч». Персонифицированная героиня стихотворения – Премудрость – произносит речь в адрес посвященных, в которой широко используется традиционная мифопоэтическая символика соотнесения светлого и темного времени суток с борьбой светлых и темных сил. Премудрость в оде В.И. Майкова призывает не страшиться злобы, простирающей свой яд на просветленных братьев, ведь злоба – «отрасль адской ночи», а родитель избравших путь просвещения – «днйвный свет», который, несмотря на часто скрывающую его мглу, все-таки «туманы разрывает, пуская в мир свои огни». Дневной солнечный свет дает надежду на возможность победы над злом, на обращение всех желающих на путь истины. В финале стихотворения одический автор, ободренный речью Премудрости, обращается к братьям, дерзнувшим идти по пути просвещения: «Грядите, путь свой окончайте / И мне пролейте света луч! / Меня не ночь страшит глубока: / Я стану ждати от Востока / Конца мой взор мрачивших туч» [8, ч. II, с. 186].

В соответствии с концепцией восприятия масонскими авторами утра как предвестника Солнца правды, или Судного дня, В.И. Майков в «Оде ищущим мудрости» выражает веру в то, что злые силы отступят: мрак непросвещенности, тьма заблуждений и пороков рассеются с первыми солнечными лучами, идущими с Востока и озаряющими братьев, стремящихся к духовной близости с Богом.

Картины торжествующей и ликующей в солнечное утро природы рисует М.Н. Муравьев в стихотворении «Утренние размышления». Автор прославляет величие Творца, являющего себя в чудесной природе: «О Творче! Что ни зрю, Твоей то дело силы, / Душа природы всей, дыханье уст Твоих!» [8, ч. IV, с. 379]. Познание Творца в Его творении, природе – один из фундаментальных принципов масонской философии, поэтому в масонской поэзии бесконечно разнообразная природа и различные природные явления символизируют могущество и любовь Творца. Стихотворение перенасыщено архаической лексикой, что придает тексту величественное звучание, благодаря которому утренний свет воспринимается не просто как предвестие нового дня жизни, а как знак полной победы Истины, Премудрости и наступления Золотого века. Стихотворение звучит как гимн возрожденному миру, освободившемуся от греховных уз, наложенных на человечество Адамом, и обретшему долгожданную гармонию.

В «Нравоучительных стихах», помещенных в сентябрьской книжке журнала за 1777 год, восход солнца возвещает о времени утренней молитвы: «Как солнце в высоту с величеством восходит, / Премудрость Божию душевно восхвали: / Во удивленье нас и день и ночь приводит; / Молитвы восылай ты к Богу от земли [8, ч. I, с. 53]. Величественный восход солнца – Божественное чудо, являющееся в мир и убеждающее верующего в великой Божьей любви: Бог дает свет и тепло всем тварям на земле, и это – повод обратиться к Всевышнему с благодарственной молитвой.

В другом стихотворении, названном в соответствии с жанром «Стансы», солнечный восход становится поводом для осмысления далеко не безоблачного земного существования человека. Вся зем-

ля с радостью встречает восходящее солнце, в котором «небесный зрится царь», и только человек «смущенный вид являет: / С началом дня его начнутся суеты. / Страдаешь, человек, в природе только ты» [8, ч. VII, с. 77]. К таким же невеселым думам о несчастной доле человека приводят наблюдения за радующейся природой в течение всего дня и вечера, а ночью, когда вокруг наступает спокойствие и тишина, человек погружается в сон, несущий тревогу, являющий «ужасные мечты». Суточное время здесь становится символом неостановимого движения времени, несущего человеку тревоги, суетность и страдания.

Каждое утро – начало новых страданий, об этом упоминается и в «Надгробной песне Перуанцев»: «Ты пробуждаешься, с зарею сна лишась, / И нужды познавать, трудиться, работаешь, / Обременен тоской, рыдая и крушась, / В нощи ты тщетного спокойства ожидаешь» [8, ч. V, с. 189]. Но в целом идея этой песни иная, чем предыдущих «Стансов». Ночь в «Надгробной песне Перуанцев» символизирует всю земную жизнь человека. Утро на земле не может рассеять всеобщий мрак телесного существования, поэтому в соответствии с одним из главных масонских правил – воспитывать в себе «любовь к смерти» – автор песни призывает братьев жить *здесь* в ожидании лучшей жизни *Там*, за порогом смерти, где не будет *ночи*, а будет только чудесный Божественный свет.

В журнале «Московское ежемесячное издание» стихотворных публикаций немного, но среди них встречаются «Утренняя песнь» и «Вечерняя песнь», ода «Ночь», стихотворение «Покаяние христианки при восходе солнца». Как видно из названий, авторы поэтических произведений этого журнала активно используют образы, связанные с символикой и мифологической семантикой суточного времени.

«Утренняя песнь», как и «Нравоучительные стихи» из предыдущего журнала, связана с ежедневным утренним обращением к Богу с молитвой, в которой верующий благодарит Создателя за его любовь к миру и просит благословения на дневные труды. «Вечерняя песнь» имеет связь с «Утренней песнью». Это ежевечернее обращение к Богу с благодарностью за прожитый день и просьбой ниспослать спокойный сон. В то же время вечер – повод для размышлений над скоротечностью человеческой жизни: «Уже и сей сокрылся день, / Взяв моего с собой часть века! / О Боже! Он исчез, как тень, / Ему и вечность недалека» [4, ч. III, с. 196]. Однако если для обычного человека быстротечность времени, как правило, связана с ужасом перед предстоящей смертью (можно вспомнить многочисленные барочные вирши с неумолимым напоминанием о смерти и грозящих адских муках), то масон, возлюбивший смерть, думает о лучшем мире, его ожидающем: «Превратность мне сия немолчно то твердит, / Что лучшее там дух отечество узрит» [4, ч. III, с. 196].

Солнечный свет, изливающий Божественное сияние в земной мир, – повод для размышлений как над величием Бога и красотой окружающего мира, так и над собственным ничтожеством. Такова идея «Покаяния христианки при солнечном восходе». Мифологема утреннего света раскрывается здесь в символическом плане: утро – время пробуждения от сна невежества, время прозрения и воскресения для новой жизни:

Се завеса с очес моих теперь ниспала,
Не тьмой окружена, я новым светом стала,
У края пропасти стоящу зрю себя;
О, Творче! Познаю, прогневала Тебя
[4, ч. III, с. 107].

Сигнальное в масонской обрядности упоминание о падении «завесы с очей» связано с ритуалом посвящения в ученическую масонскую степень, где после длительных испытаний с завязанными глазами новопринимаемому наконец снимали повязку с глаз, что символизировало обретение света после пребывания во тьме и начало новой жизни в новом качестве.

В русле мифопоэтической традиции профанная жизнь человека воспринимается масонскими авторами как пребывание во тьме грехов, заблуждений и плотских страстей, поэтому закономерно использование для изображения земной человеческой жизни символического образа ночи. Автор стихотворения «Ночь» призывает читателя увидеть окружающую его тьму и возвыситься над ней: «В темноте глубокой ночи / Воспряни, священный дух! / И возвед болящи очи, / Приклони прельщенный слух! / Виждь, внимай и ужасайся, / Где ты, что ты, рассмотри; / Из темницы возвышайся / И крыле свои простри» [4, ч. III, с. 285]. Такое восприятие вписывается в мифологическую традицию отождествления ночного времени суток с мглой и злыми силами.

Авторы поэтических произведений журнала «Вечерняя заря», издававшегося в течение 1782 года, и следующего за ним «Покоящегося трудолюбца» (1784–1785) продолжают развивать идеи «Утреннего света» и «Московского ежемесячного издания».

Излюбленным жанром масонской поэзии остаются молитвы, переложения псалмов и духовные песни. В этих жанрах поэты ориентируются на традиции христианских текстов, что неудивительно, так как заповеди масонского братства не противоречат ортодоксальной религии, а сам Н.И. Новиков считал, что истинное масонство состоит «в том просвещении, к которому можно прийти, идя по стезям христианского нравоучения» [1, с. 240].

Так же, как в предыдущих журналах, продолжают публиковаться тексты молитв: «Молитва утренняя» и «Вечерняя песнь» [6, ч. II, с. 58–59],

«Утренняя песнь» [6, ч. III, с. 97–98], в которых молящийся прославляет Творца, просит Его благословения и благодарит за ниспосланные милости. В традициях псалмопевческой и молитвенной поэзии используется в этих жанрах символика борьбы темных дьявольских и светлых ангельских сил, злой порочной тьмы и добродетельного света. Божественный свет неугасим и вечен, что отличает его от света земного, ежевечерне сменяющегося ночной мглой: «В незаходимом Ты сияньи обитаешь, / Никоей мрачности к себе не допускаешь» [2, ч. III, с. 78]. Бог – «светлость вечная и непрестанный свет» [2, ч. II, с. 264], он освещает собой все, что живет на земле, и просвещает человека, во тьме пребывающего.

Человек, в результате грехопадения Адама лишившийся этого вечного света, обретает надежду на возвращение в лоно Божье с приходом в мир Спасителя: «Чтоб тьму невежества и скверных дел пресечь, / Бог свет Евангельский благоволил возжечь» [2, ч. I, с. 199]. Однако человек несовершенен и продолжает пребывать в «тьме невежества» («Но наши слабые привыкши к мраку очи, / Страшась лучей, хотят всегда быть в прежней ночи [2, ч. I, с. 199]). Лишь малая часть людей стремится преодолеть в себе первородный грех праотца, и к этой малой группе «избранных» приобщается тот, кто вступает в масонскую ложу. Многочисленные масонские песни, многие из которых опубликованы в журнале «Магазин свободнокаменщической» (1784), непосредственно связаны с идеей противопоставления ночи, мрака, в котором пребывают смертные, не сознающие истины, масонскому Храму Премудрости, где тьма упраздняется светом правды («Бежит от нас порок бесчестной, / Подобно как от солнца мрак» [3, ч. I, с. 140]; «Из мрака мы себя изводми / Рассудком, волей и умом…» [3, ч. II, с. 124]; «Смертный, мраком ослепленный, / Тьмой невежества покрыт, / Предрассудками затменный, / Света горняго не зрит» [3, ч. II, с. 128]; «Почто ж дивимся мы, / Что в мраке мрак лишь зрится? – / Возобновим умы, / Тьма светом упразднится» [3, ч. II, с. 136]). Сам ритуал посвящения в масоны, как уже отмечалось выше, тесно переплетается с семантикой выхода из пространства тьмы (ночи) и обретения света.

Таким образом, символика суточного времени широко используется в масонской поэзии, отражая важнейшие грани масонского миропонимания: Божественное происхождение света и тьмы, потеря первым человеком полдневного света и ожидание его грядущего возвращения в индивидуальном бытии души добродетельного каменщика после смерти, в жизни человечества в целом – в Великий День Господень. Вечер – символ отхода от сияния Полуденного света, погружения в бездну страстей, в то же время вечерний свет – это символ начала пути исканий истины, которая открывается только в процессе преодоления тьмы заблуждений, в борьбе с собственными пороками. Утро является символом вступления в ряды вольных каменщиков, прозрения после длительного пребывания во сне и тьме невежества, открытия пути к Полуденному свету Правды. Поэты вольнокаменщического братства ориентируются как на древнейшую мифологическую традицию, так и на ветхозаветную и христианскую образность. Смена дня и ночи символизирует в мифопоэтической традиции борьбу злого и доброго начал, противостояние Божественного небесного райского сияния и греховной тьмы, влекущей в бездну ада. Масоны используют эту символику в своей поэзии. Такой подход к поэтической образности позволяет масонским авторам раскрывать новые возможности поэтического слова, что закладывает основы для дальнейшего развития русской поэзии.

Библиографический список

1. Большая энциклопедия. Масоны. – М.: GELEOS Publishing House; Кэпитал Трейд Компании, 2010. – 672 с.

2. Вечерняя заря. Ежемесячное издание. Ч. I–III. – М.: Унив. тип. у Н. Новикова, 1782.

3. Магазин свободнокаменщической. Т. I. Ч. I–II. – М.: В типографии И. Лопухина, 1784.

4. Московское ежемесячное издание. Ч. I–III. – М.: Университетская типография у Н. Новикова, 1781.

5. *Назаретская К.А.* Литературно-художественные взгляды и творчество масонов в их значении для формирования сентиментализма и предромантизма (По материалам масонских журналов конца 70-х – первой половины 80-х гг. XVIII в.) // Уч. зап. Казанского гос. унив-та. Т. 128, кн. 4. Вопросы романтизма. Вып V. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1969. – С. 79–95.

6. Покоящийся трудолюбец. Ч. I–IV. – М.: В Университетской типографии у Н. Новикова, 1784–1785.

7. *Сахаров В.И.* Русская масонская поэзия (к постановке проблемы) // Масонство и русская литература XVIII – начала XIX вв. / под ред. д-ра филол. наук В.И. Сахарова. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – С. 66–118.

8. Утренний свет. Ч. I–V. – СПб., 1777–1779; Ч. VI–IX. – М.: При Университетской типографии, 1779–1780.

УДК 83

Матросова Елена Сергеевна
Ивановский государственный университет
matrosova_elena@bk.ru

К ВОПРОСУ О СПОСОБАХ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА В ТВОРЧЕСКОМ ПОВЕДЕНИИ В. МАЯКОВСКОГО

В статье рассматривается творческое поведение поэта Владимира Маяковского сквозь призму современных понятий имиджмейкинга, тактик самопродвижения и паблисити.

Ключевые слова: *имидж, самопродвижение, творческое поведение, В. Маяковский, футуризм.*

«Русский поэт – это, конечно, не только строчки, но и “другие долгие дела”, и прежде всего личность, образ, миф» [2, с. 456], – заметил однажды Василий Аксенов, и процитировал при этом как раз Маяковского, на практике утверждавшего теорию жизнестроения. Проективная деятельность в искусстве, направленная на завоевание популярности и влияния, начала осуществляться задолго до появления имиджелогии и других разделов Public Relations – как минимум с романтиков. Модернисты рубежа XIX–XX веков – их прямые и весьма креативные последователи, а Маяковский еще и один из самых настойчивых, самых ярких.

Уже в творчестве он выдвигает на передний план собственное «я». Так, автобиография открывается заявлением: «Я – поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу» [11, с. 9]. А вот как виделось это со стороны: «Трагедия называлась “Владимир Маяковский”. Заглавье скрывало гениально простое открытье, что поэт не автор, но предмет лирики, от первого лица обращающейся к миру. Заглавье было не именем сочинителя, а фамилией содержанья» [13, т. IV, с. 219]. В том, что его личность не утратит своей актуальности даже в самом далеком будущем, поэт был абсолютно уверен, поэтому позволял себе весьма дерзкие утверждения: «Я / обсмеянный у сегодняшнего племени, / как длинный / скабрезный анекдот, / вижу идущего через горы времени, / которого не видит никто» [11, т. I, с. 185].

Прежде всего, разумеется, имелась в виду личность, явленная в творениях, но и не только – и точно так же постоянные футуристические апелляции к грядущему, вплоть до последней поэмы «Во весь голос», всегда одновременно обращены и к современникам. Будущее вырастало из настоящего, стихи подкреплялись поступками.

Рассматривая жизнетворчество В. Маяковского, необходимо учитывать и интуитивные проявления «я», и тактические действия по автопрезентации (а возможно, стратегию самопродвижения), и стихийно, но и целенаправленно складывающийся образ лирического героя, и сознательно создаваемый имидж (подробней о соотношении понятий «образ» и «имидж» – см.: [5, с. 103; 6, с. 8]. Именно последний и будет по преимуществу раскрыт в данной статье.

Если образ автора воплощается в текстах, то имидж формируется творческим поведением художника. И это не только манера одеваться или общаться с конкретной аудиторией, но также и манифесты, в которых так любили самоутверждаться футуристы, а затем «лефовцы», или, например, выставки, каковой фактически и завершил Маяковский свои публичные выступления. Поэта отличало желание и умение управлять художественным и – шире – общественным процессом, он стремился стать литературным вождем и даже «народоводителем». Всё это в целом и выстраивало его имидж, однако в целом тема требует обширного исследования, поэтому в рамках данной работы мы ограничимся лишь отдельными наблюдениями.

Первое появление Маяковского в медиапространстве состоялось не в сольном проекте, а в составе группы футуристов, под предводительством Давида Бурлюка, которого, выражаясь по-современному, можно было бы назвать продюсером своего художественного течения. Там и тогда на поверхности был эпатаж, но постепенно во взаимодействии творчества и жизни возникала репутация «поэта-бунтаря», а потом и «поэта-трибуна».

В декабре 1913 года в театре «Луна-парк» была представлена трагедия «Владимир Маяковский». Автор был постановщиком пьесы и выступал в главной роли. Выходило так, что он и играл, и режиссировал себя, а это выглядело как прямой вызов и по-особому подогревало публику. «Театр был полон: в ложах, в проходах, за кулисами набилось множество народа. Литераторы, художники, актеры, журналисты, адвокаты, члены Государственной думы – все постарались попасть на премьеру. <…> Ждали скандала, пытались даже искусственно вызвать его», – вспоминает Б. Лившиц [9, с. 143]. Знакомство со спектаклем прошло бурно: недоумение зрителей, оскорбительные выкрики из зала – основная масса не приняла «монодраму». Неприязненно настроенной оказалась и бо́льшая часть рецензентов. Однако подобная реакция лишь спровоцировала Маяковского на повышение активности, форсирование своей индивидуальности, на реализацию личностного потенциала, который поэт, разумеется, уже тогда в себе ощущал.

Последовали многочисленные выступления футуристов в самых разных городах страны. «И вот они ездят по России: Маяковский, Каменский, Бурлюк – Владим Владимыч, Василь Васильич, Давид Давидыч… даже это невинное и совершенно

© Матросова Е.С., 2013

случайное совпадение – “звуковые повторы” в именах и отчествах поэтов – кажется скандальным, нарочитым, заставляет настораживаться губернаторов и полицейских приставов» [7, с. 51]. В собственном восприятии поэта картина выглядела так: «Это взвело на Голгофы аудиторий / Петрограда, Москвы, Одессы, Киева, / и не было ни одного, / который / не кричал бы: / “Распни,/распни его!” / Но мне – / Люди, / и те, что обидели – / вы мне всего дороже и ближе» [11, т. I, с. 184].

Надо отметить, что в выступлениях Маяковского всегда присутствовала установка на конкретную, целевую аудиторию. И первой социальной группой, на которой оттачивались интонации, а также манера поведения, стало студенчество. «Ночь», «Уличное», «Вывескам», «А вы могли бы?» читались в московском училище живописи, ваяния и зодчества, на улицах и бульварах. Затем круги охвата расширялись: стартовой площадкой для завоевания собственного эстетического «электората» оказались сокурсники, далее – организуется масштабный гастрольный тур по стране, и, как итог, Маяковский формулирует концепцию поэта масс. В своих произведениях поэт использовал «язык улицы», «корявый говор миллионов», заслышав который аудитория признавала и автора. Переходя от «я» к «мы», Маяковский разрешал, по словам О. Мандельштама, элементарную и великую проблему «поэзии для всех, а не для избранных» [10, т. II, с. 276]. «При этом, овладевая самыми, казалось бы, неподдающимися эстетизации языковыми “отбросами”, Маяковский поднимал их до уровня одического стиля. Тем самым он как бы стилистически отнимал расстояние между жизнью и поэзией» (14, 177). Ввиду того, что печатать новаторскую «заумь» издательства отказывались, основная масса произведений, созданных футуристами, и в том числе «трагедия» В. Маяковского, была выпущена на средства Д. Бурлюка. «Тиражи футуристических сборников не превышали тысячи экземпляров, издававшихся самими поэтами. Поэтому знакомство провинциальных читателей с кубофутуризмом было основано исключительно на информации желтой прессы» [18, т. II, с. 6]. Требовались новые формы активного продвижения, и они были придуманы. Внимание к себе футуристы привлекали устными выступлениями, которые анонсировались вызывающими афишами: «Первая олимпиада российского футуризма», «Тезисы о “механическом потомстве”», «Первый вечер речетворцев» и т.п. Такой подход к формированию «спроса» напоминает современные пиар-технологии, направленные на подогревание интереса, внедрение проекта. В частности, кажется, что некоторые из перечисляемых в сегодняшних практикумах приемов (принципиальная ориентация на потребности самого зрителя; стертость лишней информации; яркость вводимой информации; использование нетрадиционной коммуникации типа слухов, скандалов; усиленное внимание к внешности и внешней стороне события – см.: [15, с. 104–113]) успешно апробированы еще В. Маяковским и его соратниками.

Очевидно, что использование нетрадиционных коммуникаций было для футуристов едва ли не единственной возможностью собрать толпу слушателей. Местные газеты обычно предостерегали читателей «не ловиться на удочку этих шарлатанов», в учебных заведениях проводились профилактические беседы, читались (в качестве «противофутуристических прививок») соответствующие доклады. Но, узнавая об этом, Маяковский чаще всего, по воспоминаниям современников, говорил: «Чем хуже, тем лучше» [4, с. 122]. Очевидно, что меры противодействия лишь провоцировали обывательское любопытство к гастролерам, их выступлений ждали, на них рвались, предвкушая «нечто, ранее невиданное и неслыханное». Подтверждение этого можно было найти в одной из тогдашних газет: «Сегодня в зале “общественной библиотеки” первое выступление знаменитых главарей футуризма. Билетов, говорят, уже нет, что и требовалось доказать. Харьковцы ждут очередного “скандала”» (цит. по: [12, с. 121]). В такой обстановке В. Маяковский получал возможность для самовыражения, для моделирования в сознании широкой публики своего реноме.

В рекламной практике весьма популярен «метод якоря» – один из способов нейролингвистического программирования. По мнению Г. Алдера, «метод якоря» обладает колоссальным потенциальным влиянием на человеческое поведение, способен спровоцировать поток ассоциаций (см.: [1, с. 184–190]). К примеру, звук колокола может вызывать настроения, ассоциирующиеся с окончанием уроков в школе, пожаром или церковной службой. Именно в период футуристических гастролей Маяковский изобретает первые «якоря», упоминание о которых будет незамедлительно вызывать в памяти его образ. Таковы – «желтая, такого теплого цвета кофта <…> Блестящие сзади брюки, с бахромой. Цилиндр. Руки в карманах» [17, с. 21].

Подобно тому, как слоган «I am loving it», сопровождаемый определенным аудиальным фоном, вызывает ассоциации с фаст-фудом из Макдональдса, желтая кофта или стихотворение в форме лесенки заставляет нас вспомнить В. Маяковского. Вот отрывок из отчета о выступлении поэтов-футуристов в Харькове, появившийся в газете «Утро»: «В половине девятого появились на эстраде лектора и еще некто четвертый, не упомянутый на афише, и как потом оказалось, взятый для декламирования их стихов. Трое из них – Д. Бурлюк, Каменский и неизвестный – с разрисованными лицами <…> У каждого в петлице странные длинные цветы. Привлекла внимание публики и знаменитая “желтая кофта” Маяковского» (цит. по: [18, т. II,

с. 7]). Помимо этого, его можно было увидеть на эстраде и в красном смокинге, и в пиджаке апельсинового цвета, и в пестрой кофте «турецкого рисунка»: «Я сошью себе черные штаны / из бархата голоса моего. / Желтую кофту из трех аршин заката. / По Невскому мира, по лощеным полосам его, / профланирую шагом Дон-Жуана и фата» [11, т. I, с. 59].

А. Алехин считает, что весь XX век прошел под знаком эксплуатации приема «сверхгениальности»: «Выйдя на сцену, с какой-то новой стилистикой, языком, было важно тут же объявить, что мы "сверх", мы гении» [3, с. 85], – и совершенно справедливо именует подобного рода презентации рекламным ходом для продвижения художественных проектов. Именно так поступали футуристы, называя свой манифест «Пощечина общественному вкусу», агитируя в кафе и на площадях. В рамках концепции «сверхгениальности» утверждал себя и Маяковский. Опираясь на создаваемый в стихах образ-фундамент горлана и бунтаря, он выстраивал имидж гениального поэта, эпатажного футуриста, полемиста.

«Самые футуристично настроенные ниспровергатели и ломатели выходят из глухомани – равно как диктаторы и военачальники. Природа ограниченности мира, в котором родился Маяковский, заставила его фантазировать и раздвигать границы мира МЫСЛЕННО, напрягая мозг и воображение. Воображаемые преграды рушились и падали к его ногам. Покорив собственное внутреннее пространство, провинциал с воображением жаждал перейти грань между воображаемым и реальностью – путем ГРОМОГЛАСНОГО ОБЪЯВЛЕНИЯ ВОЙНЫ всему человечеству» [16, с. 50], – пишет Н. Романов в статье «Маяковский как футуристический объект». Возможно, в своих суждениях этот автор излишне резок, но он и справедлив: оказавшись в столицах, поэт нашел громадное поле для жизнестроения. «В одно из октябрьских утр <…> на пороге показался приехавший прямо с вокзала Маяковский. Я не сразу узнал его. Слишком уж был он непохож на прежнего, на всегдашнего Володю Маяковского. Гороховое в искру пальто, очевидно купленное лишь накануне, и сверкающий цилиндр резко изменили его привычный облик. <…> Маяковский был детски горд переменой в своей внешности, но явно еще не освоился ни с новыми вещами, ни с новой ролью, к которой обязывали его эти вещи», – вспоминает Б. Лившиц [9, с. 122–123].

Принадлежность поэта к группе «будетлян» взращивала в нем принятие идеи «сверхчеловека», человека из грядущего: «Славьте меня! / Я великим не чета. / Я над всем, что сделано, / ставлю "nihil"» [11, т. I, с. 181]. Маяковский изначально ощущал себя не просто причастным некой силе обновления, но едва ли не главным ее воплощением: «Эй, вы! / Небо! / Снимите шляпу! / Я иду!» [11, т. I, с. 196]. Свое противостояние старому миропорядку он ощущал отчетливо и находил самые сильные средства для вызова буржуазному окружению, провоцируя тем самым конфликты и скандалы. Эпатажные «Нате!», «Вам!» автор стремился декламировать «бархатом голоса» не единомышленникам, а именно традиционалистски мыслящей публике: «Постепенно шум смолк, и головы повернулись к стене, и тогда поэт гаркнул вовсю мощь своего могучего голоса "Нате!". Это было загадочно. Все замерли. "Через час отсюда в чистый переулок / вытечет по человеку ваш обрюзгший жир..." – негромко и презрительно начал Маяковский. Господа за столиками оцепенели. Они привыкли к тому, чтобы за деньги, которые тратят в увеселительных местах, им, "избранной публике" с "тонким" вкусом, льстили, перед ними расшаркивались и унижались, и вдруг им говорят со сцены: "...Все вы на бабочку поэтиного сердца / взгромоздитесь, грязные, в калошах и без калош". Трудно описать скандал, который разразился в "Розовом фонаре". Обиженная публика ринулась к дверям, кстати говоря, в гневе позабыв уплатить по счетам за выпитое и съеденное», – вспоминал Л. Никулин (цит. по: [8, с. 72]). Именно так начиналась шумная известность поэта.

Воспоминания современников и некоторые другие документы являются весомым материалом для нашего исследования о конструировании имиджа Маяковского. «Его легкое пальто и круглая шляпа с опущенными полями, а также длинный шарф, живописно окутавший всю нижнюю часть лица до самого носа, вместе были похожи на красиво очерченный футляр, который не хотелось ломать. Но... Маяковский по предложению хозяев быстро распахнул всю свою коричневую "оправу", и перед нами предстала худая с крутыми плечами фигура, которая была одета в бедную, тоненькую синюю блузу с черным самовязом и черные брюки <…> С виду это был совершенно развившийся мужчина лет двадцати пяти, хотя на самом деле ему было всего только двадцать <…> весь он был чрезвычайно колоритен и самоцветен» [4, с. 120], – замечал В. Баян.

В. Маяковскому удалось создать внешний образ, который вводил в заблуждение многих, даже близких ему людей. Если мы обратимся к описанию примет поэта, произведенному московским охранным отделением, то убедимся в некой бутафории. На самом деле было так: «телосложение – среднее; плечи – узкие, прямые; походка – ровная, большой шаг, рост одетого Маяковского, в шапке – 1 м 85 см» [17, с. 16], – и, тем не менее, со стороны узкие от природы плечи современникам казались широкими («в плечах косая сажень»), рост в их восприятии явно увеличивается («несет широкие плечи над головами прохожих», «Маяковский не шел, а маячил. Его можно было узнать за версту не

только благодаря его росту, но, главным образом, по размашистости его движений» [17, с. 19–20]. И зримая легенда постоянно стимулировалась стихами: «Как же / себя мне не петь, / Если весь я – / сплошная невидаль, / если каждое движение мое – / огромное» [11, т. I, с. 247], – имидж поддерживался образом.

Не только сымитированное внешнее величие и специально выработанный трибунный голос, но и вся манера поведения Маяковского на публике давали множество информационных поводов для репортажей в прессе и для слухов, распространявшихся в литературных кругах. Быстро став публичной «медийной» фигурой, поэт почти неизменно вел себя нарочито, самоуверенно и весьма вызывающе. Принято считать, что это состояние было вызвано желанием «поколебать мещанское благополучие», «нарушить внешнюю благопристойность общества» [12, с. 110], в котором Маяковский поначалу оказался. Отчасти это так, но многократно подчеркивалось самыми близкими людьми и совершенно другое: что, несмотря на резкость суждений, иногда грубый тон в полемике с оппонентами, Маяковский был внутренне очень деликатным, застенчивым и замкнутым человеком. Вадим Шершеневич, к примеру, отмечал: «С первых дней своей поэтической деятельности он усвоил себе тон бретерства и напускного грубого нахальства. И, сделав этот тон своей маской, он сумел прожить так, что только хорошо знавшие его видели под этой маской неутомимого труженика с очень смущавшейся душой. Маяковский блестяще использовал свои внешние данные: басовый тембр голоса, крупный рост, широкие плечи, чтоб создать легенду о сильном, волевом человеке. Он сам нарисовал себе портрет, каким он, Маяковский, должен казаться миру. И эта поза заменила ему скоро брошенную желтую кофту» [19, с. 507]. Однако подобные психологические хитросплетения отнюдь не противоречат нашим общим выводам об имидже поэта, напротив, с новой стороны они подтверждают, что собственное «паблисити» В. Маяковский выстраивал осознанно и неслучайно.

Библиографический список

1. *Алдер Г.* НЛП: искусство получать то, что хочешь. – СПб.: Питер, 2009. – 224 с.

2. *Аксенов В.* Грани. – 1984. – № 133. – С. 165–189.

3. *Алехин А.* Поэзия – это любовь в широком смысле слова // Вопросы литературы. – 2012. – №1. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://magazines.russ.ru/voplit/2012/1/a5-pr.html.

4. *Баян В.* Маяковский в первой олимпиаде футуристов // Обвалы сердца. Авангард в Крыму / сост., предисл. и коммент. С. Шаргородского. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2011. – 187 с., илл. – PDF. – (Библиотека авангарда: Вып. IV). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://imwerden.de/pdf/obvaly_serdtsa_avangard_v_krymu_2011.pdf.

5. *Вылегжанин Д.А.* Теория и практика паблик рилейшнз. – Иваново: ГФУП «Иваново», 2003. – 202 с.

6. *Горчаков В.Г.* Прикладная имиджелогия. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2010. – 478 с.

7. *Кассиль Л.А.* Маяковский – сам. Очерк жизни и работы поэта. – М.: Детгиз, 1963. – 224 с.

8. *Катанян В.А.* Маяковский: Хроника жизни и деятельности. – М.: Совет. писатель, 1985. – 647 с.

9. *Лившиц Б.* Полутораглазый стрелец: Воспоминания. – М.: Худож. лит., 1991. – 350 с.

10. *Мандельштам О.Э.* Сочинения: в 2 т. – М.: Худож. лит., 1990. – 464 с.

11. *Маяковский В.* Полн. собр. соч.: в 13 т. – М., 1955 – 1961. – М., ГИХЛ, 1955.

12. *Михайлов А.А.* Жизнь Маяковского. «Я свое земное не дожил...» – М.: Центрполиграф, 2001. – 554 с.

13. *Пастернак Б.* Собр. соч.: в 5 т. – М.: Худож. лит., 1989–1992. – 909 с.

14. *Подгаецкая И.Ю.* Стилевые формы общения с массовой аудиторией. (Маяковский и «поэзия на случай») // Теория литературных стилей. Многообразие стилей советской литературы. Вопросы типологии. – М.: Наука, 1978 – 512 с.

15. *Почепцов Г.Г.* Профессия: имиджмейкер. 2-е изд., испр. и доп. – СПб.: Алетейя, 2001. – 256 с.

16. *Романов Н.* Маяковский как футуристический объект // Цитата. – 2007. – №5–6. – С. 49–58.

17. *Фокин П., Тимофеев Д.* Маяковский без глянца. – СПб.: Амфора. ТИД Амфора, 2008 – 512 с.

18. *Харджиев Н.И.* Статьи об авангарде: в 2 т. – М.: RA, 1997. – 314 с.

19. *Шершеневич В.* Великолепный очевидец // Мой век, мои друзья и подруги: Воспоминания Мариенгофа, Шершеневича, Грузинова. – М.: Московский рабочий, 1990. – 735 с.

УДК 821.161.1.09

Морозов Николай Георгиевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ОБРАЗ ПАСТЫРЯ-ПОДВИЖНИКА В РАССКАЗЕ Б.К. ЗАЙЦЕВА «СВЯЩЕННИК КРОНИД»

В статье определяются мотивы русской классической литературы XIX века и древнерусской агиографии в одном из ранних рассказов Б.К. Зайцева «Священник Кронид».

Ключевые слова: *мотив, Н.А. Некрасов, И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, Сергий Радонежский, «Повесть о Петре и Февронии».*

Рассказ Б.К. Зайцева «Священник Кронид» впервые был опубликован в восьмом номере журнала «Новый путь» за 1905 год. Позднее этот рассказ автор включил в первый сборник своих прозаических опытов, а уже в 1907 году З.Н. Гиппиус, К.И. Чуковский живо откликнулись на рассказы молодого талантливого писателя [2, с. 13]. Во всех литературно-критических оценках раннего творчества Б.К. Зайцева, вплоть до энциклопедически обстоятельной статьи Е. А. Колтоновской, опубликованной в основательном и достаточно глубоком по тем временам сборнике научных трудов «Русская литература XX века», вышедшем в свет под редакцией С.А. Венгерова в 1916 году. Все разборы ранних рассказов Зайцева, осуществленные В. Брюсовым, З. Гиппиус, К. Чуковским, Е. Колтоновской, при всём различии этих критиков, имеют одну общую примету: они сделаны людьми эпохи глубочайшего религиозного кризиса, потрясшего Россию в начале XX столетия. Православно-христианская мысль Зайцева ими не улавливается, складывается иногда впечатление, что эта мысль просто игнорируется, как нечто второстепенное, недостойное внимания серьезного рецензента. Если же православная сущность какого-либо рассказа явлена так сильно, что обойти её молчанием невозможно, то в этом случае употребляется туманный, с оттенком неодобрительности термин «мистика». До воинствующего безбожия, репрессий духовенства и повсеместного уничтожения храмов после прихода к власти В.И. Ленина и его единомышленников ещё год-два, но тенденция – налицо. В результате библейские, евангельские реминисценции не отмечаются вовсе либо трактуются как слияние человека с космосом, о чем пишет З. Гиппиус в статье «Тварное» [2, с. 13]. Е.А. Колтоновская, правда, обратила внимание на рассказ «Священник Кронид», похвально оценив умение молодого писателя схватывать художественным изображением деревенский быт, пропитанный «запахами земли». Народнические симпатии Е.А. Колтоновской к 1916 году не могут не вызвать чувство уважения. Е. Колтоновская сумела чутко уловить изысканную красоту стиля Зайцева в этом рассказе, поняла духовно-христианские истоки её, высоко оценила «всемужицкий» масштаб духовного исполина Кронида. И потому справедливо смогла оценить место и значение рассказа в дооктябрьском творчестве писателя: «…Но лучше всего сам силач Крон, часть этой деревенской стихии, соль земли, вместе мужик и помещик, научившийся “служить быстро и просто”, по-деревенски. “Священник Кронид” – один из лучших рассказов Зайцева, характерный для раннего периода его творчества. В нём удивительная полнота жизни и цельность художественного настроения: нет голых слов, нет прозы, есть только образы, тончайшие, одухотворённые, за которыми чувствуется глубокое впечатление…» [3, с. 212].

Иными словами, Е.А. Колтановская признаёт за автором рассказа «Священник Кронид» правду искренности художника, столкнувшегося с живой религиозной деревней среднерусской полосы. А там – чувства тонкие и глубокие, там – силы души великие, как у некрасовского Власа. Не эту ли, свойственную некрасовским Проклам и Савелиям, красивую силу духовного богатырства верно подметила в силаче Кроне, сельском священнике Е.А. Колтановская? К сожалению, её статья носила обзорный характер и дальнейшего развития её ценные наблюдения не получили. Однако современным исследователям раннего творчества Б.К. Зайцева эти наблюдения окажутся весьма полезными для уяснения самого процесса становления оригинального художественного метода Б.К. Зайцева. Сам писатель признавался в глубоком почитании наследия русской классической литературы XIX века, сокровищам которой стремился он придать некие формы современного искусства [2, с. 23]. Следовательно, в рассказе «Священник Кронид» могут быть явления литературной формы, касающейся вершинных творений русской классической литературы XIX века, объединенных темой судьбы крестьянской России. В этом случае следует искать аллюзии и реминисценции из «Записок охотника» И.С. Тургенева и крестьянских поэм Н.А. Некрасова.

По мере развития повествования о деревенском священнике Крониде всё более явно начинают определяться сюжетные фрагменты, в которых проступает агиографический подтекст. Б.К. Зайцев погружает своего героя в стихию среднерусской природы, органической частью которой является и русское крестьянство. И если земледелец русский возделывает неподатливую почву русского Севера,

© Морозов Н.Г., 2013

побеждая морозы, жару, дожди, грязь бездорожья, разливы рек, то на долю священника Кронида выпадает ещё более трудная и ответственная миссия: возделывать почву духовную крестьянской и поместной России. В самом начале рассказа повествователь даёт понять читателям, что эта невидимая почва обладает всеми свойствами земной тверди, на которой живут мужики, бабы, господа и сам отец Кронид со своим семейством. Десятилетиями упорного пастырского труда отец Кронид, достигший шестидесятилетнего возраста, обречен, казалось бы, иметь свидетельства духовной неподвижности и неподатливости к истинно христианской жизни вверенной ему паствы. Даже в дни Великого поста, когда мирянину представлена возможность отмыть душу бессмертную от скопившихся наростов грехов, крестьяне и крестьянки с унылой какой-то повторяемостью продолжают пить водку, сквернословить и пребывать в духовной спячке: «…Великий пост – время трудное, в церкви Бог знает сколько народу; много разного мужичья, худых баб, исповедей; часто отрыгивают редькой и постным маслом, – а потом идут все грехи. Какие у них грехи? Всё одно и то же бабье мямленье, поклоны, а мужики все ругались в году, пили водку» [1, с. 68].

От этого эпизода сразу же веет знакомой атмосферой, беспросветной убогостью жизни крестьян и крестьянок деревни Жуковки из повести А.П. Чехова «Мужики». Но рассказ Зайцева написан нравственно-психологической энергией сопротивления косной, неподатливой духовной почве «мужичья». Отец Кронид с дьячками и «стариками» [1, с. 68], старейшинами патриархальной деревни, твёрдо и последовательно ведёт за собой трудную паству к свету, добру, чистой и безгреховной жизни «миром». Воздаянием за священнический подвиг отца Кронида оказывается центральный и торжественно-красочный фрагмент рассказа с описанием пасхальной службы. Примечательно и другое: накануне Пасхи, Светлого Христова Воскресения, повествователь приводит значащую картину всекрестьянского омовения, когда крестьяне отскребают с грешных телес многодневную грязь. Эта сцена обретает символическое значение в рассказе Зайцева «Священник Кронид»: «…Топят бани, где поглуше, моются прямо в печках, залезая в узкое жерло, как черви; с мужицких тел, жестких, в едком соку, смывают многомесячную грязь; вытаскивают чистые рубахи <…> Громаднейшее всемужицкое тело копошится по стране, тащит пасхи в церковь, ждет яркого и особенного дня» [1, с. 70]. Эти строки дышат той крестьянской Русью, которую некогда воспел Н.А. Некрасов в эпопее «Кому на Руси жить хорошо». Пестрое, многоликое, но единое в предпраздничном порыве телесного, а затем и духовного очищения мужицкое царство показано Зайцевым с эпическим размахом и величием. С грандиозным масштабом «всемужицкого» прихода соизмерим и столь же гигантский образ всекрестьянского батюшки с могучим и выразительным народным прозвищем – Крон. Такому пастырю крестьянский и всей остальной Руси Творец даёт власть над грозными стихиями – природными и человеческими. Белая молния, посланная с небес, попалила траву у ног Кронида, вознесшего молитву Творцу, осенившего себя крестным знамением, в восхищении перед силой Творца. А затем отцу Крону и пастве вновь открылась голубизна небесной тверди, ласковая, веселая, безмятежная… [1]. Эта нестрашная, благодатная гроза напоминает читателям о столь же благодатных грозах Обломовки из романа И.А. Гончарова «Обломов». Такого рода аллюзия лишь способствует укреплению и продлению заданного перед этим эпического плана всего повествования.

Летняя гроза, изображённая Зайцевым под явным впечатлением «Весенней грозы» Ф.И. Тютчева, не только приносит в мир деревни энергию жизни, обновления, божественной красоты. Она способствует выявлению глубинной сущности старого сельского пастыря, неуловимо напоминающего исконного древнерусского святого. Здесь каждая деталь природного пейзажа становится особого рода знаком-атрибутом в портретной характеристике героя, напоминая читателю об особом языке искусства иконописи: «…Алмазные капли прорезывают сверху вниз воздух, и божественная радуга висит на небе. Крон в солнечных лучах идет домой и подбирает рясу. Дома, у забора, жемчужно-белый жасмин цветет растрепанными шапками, и к отцу Крониду плывет душный запах. Вечер блистает» [1, с. 75]. В этой тихой, прозрачной красоте пейзажа есть все приметы иконописного мастерства Дионисия: небесная палитра цветов, белоснежный тон для риз, драгоценные камни в окладе блистающие.

По мере развития повествования в сюжете рассказа начинают определяться мотивы древнерусской агиографии. Они возникают сначала как едва уловимые ухом волны новой мелодии на фоне торжественно звучащего праздничного хорала. Праздничный летний день склоняется, в этой картине сельского вечернего пейзажа всё дышит любовью и сердечной теплотой, средоточием этой душевной благодати выступает священник Кронид. Всё, что есть живого в этом мире дольнем, тянется к нему: «Из-под кухни выскочил галопом кофейный пес Каштан. Он бежит увальнем, тело его огромно и мягко; он тепел в движениях, голова его медвежья, с кругленькими желтыми глазами; весь он как добрый резвящийся черт. Крон гладит его по голове и проходит в дом» [1, с. 75]. На фоне предыдущей пейзажной и портретной символики, связанной с агиографическими мотивами рассказа, вряд ли случайными подробностями следует признать усиление сходства домашнего пса Каштана с не-

ким подобием прирученного медведя. В «Житии преподобного Сергия Радонежского» есть известный эпизод иноческого подвига Сергия, когда дикие медведи были послушны великой силе любви, исходившей от святого. Избыточно большие размеры Каштана, его «медвежья голова» с медвежьими маленькими, «круглыми глазками» обретают особый смысл в сочетании с не вполне правильным, но верным с точки зрения житийного повествования оборотом: «он тепел в движениях». Этот «огромный и мягкий», похожий на большую игрушку зверь с медвежьей головой наполнен теплом приязни к священнику Крону, любви к нему. Он взыскует ласки человека в рясе, наполнившего его существо любовью. Так в агиографическом контексте рассказа «Священник Кронид» проступает достаточно разборчиво параллель с известным фрагментом «Жития преподобного Сергия Радонежского». В результате образ главного героя, сельского пастыря, обретает дополнительное сходство с подвижником, творящим чудеса, скрытые флёром повседневности, неспешных будней.

Агиографические мотивы нарастают по принципу градации, гиперболизируя образ отца Кронида. Пейзажные эпизоды в таком контексте обретают симфоническое звучание: удар молнии, раскаты грома и радуга оказываются знаками Творца, свидетельствующими о гармоническом порядке в небесных и земных сферах мироздания, о их творческом созвучии и согласии. Проводником этих созидательных энергий любви и гармонии выступает в рассказе Зайцева пастырь-праведник отец Кронид. Поэтому развитие событий в мире природы имеет некий библейский отзвук: радуга над деревенским миром и отцом Кронидом напоминает о той легендарной ветхозаветной радуге, которой Творец украсил небо после всемирного потопа, в знак окончания скорбей и наступления времён благодати и новой жизни, очищенной от груза прошлых грехов старого человечества. Этой древней, восходящей к библейским временам благодатью овеяны заключительные фрагменты рассказа Зайцева. В облике отдыхающего седовласого пастыря Кронида есть нечто близкое библейскому пророку Аврааму, идиллически погрузившемуся в благочестивые раздумья, отдыхающего от праведных трудов. Но Зайцев, подобно Ф.И. Тютчеву в позднем периоде своего творчества, открывает для читателей духовный космос в формах оригинальной, русской культуры. Его сельский пастырь окружён явлениями природы, символическое значение которых вызывает в памяти читателей ассоциации с известными житийными произведениями, например с «Повестью о Петре и Февронии». Во второй части «Повести», как известно, княжеский гонец, разыскивающий в деревне Ласково чудесного лекаря для змееборца князя Петра, встречает необыкновенной красоты деву Февронию, у ног которой прыгает ручной заяц. Деталь многозначная – приручить пугливого зайчика способна героиня, наделенная сердечной любовью ко всему сущему, обладающая прозорливой мудростью и светлой душой. Ни в каком другом памятнике древнерусской агиографии нет подобного сюжета. Потому-то столь важно заметить повторение этой приметы в финале рассказа Б. Зайцева «Священник Кронид»: «Крон медленно поднимается на гору за рекой и бредёт тропинкою среди молодых ржей <…> довольно жарко еще идти, он хочет отдохнуть. Снимает шляпу; полуседые волосы свешиваются вниз. Как старый пастырь, он глядит вниз на село и думает о чем-то. Вдруг слышит сзади слабый шорох. На краю зеленейшего клевера стоит зайчик; он выбежал веселым галопцем на теплую зарю и, увидев Крона, замер. Вот он поднялся на задние лапки, двигает ушами, и усы его беспокойно ходят. Все серое слабенькое тельце подрагивает и полно святого любопытства. Крон молчит и улыбается. Зайчик прыгает и медленными скачками, не боясь, пробегает в десяти шагах <…>

Батюшка все улыбается и встает. Он медленно идет по тропинке паром и овсами далее и через несколько минут снова оборачивается назад. Но зайчишки уже нет, и только село в низине дымится и лежит в вечернем свете.

На заре, возвращаясь домой, отец Кронид слышит первого перепела. Он мягко трещит и предвещает знойный июнь и ночи сухороса» [1, с. 75–76].

Как видим, Б. Зайцев, сохраняя верность основным приметам жанра и стиля древнерусских житийных произведений, по-своему их трансформирует. Зайчик в финале его рассказа словно тянется к доброму старику в рясе, а перепелка вторит этому доверительному порыву. В результате образ отца Кронида вырастает до размеров святого подвижника, наделённого даром невербального, духовного, общения с природой. Кронид понимает единый язык, данный Богом людям и тварям земным, – язык любви, мира и благодати.

Сделанные наблюдения дают основание для следующих выводов, касающихся специфики жанра, стиля, композиции и образов рассказа «Священник Кронид»:

– Жанрово-стилистическое своеобразие данного художественного произведения можно определить как мозаичного характера смешение фрагментов семейно-бытового очерка из жизни сельского духовенства и крестьянства с фрагментами, содержащими аллюзии древнерусских житийных памятников.

– В итоге образ главного героя, сельского пастыря Кронида, обретает черты древнерусского праведника, наделённого даром святого.

– Композиция рассказа, особенно во второй части его, более напоминает клейма древнерусской иконы, посвященной древнерусскому святому (Сергию Радонежскому, например).

– Рассказ «Священник Кронид» представляется возможным определить как первый опыт Б.К. Зайцева в создании литературного жития.

Библиографический список

1. *Зайцев Б.К.* Сочинения: в 3 т. Т. 1. – М.: Худож. лит.; ТЕРРА, 1993. –571 с.

2. *Воропаева Е.* Жизнь и творчества Бориса Зайцева // Зайцев Б.К. Сочинения: в 3 т. Т. 1. – М.: Худож. лит.; ТЕРРА, 1993. – С. 5–47.

3. *Колтоновская Е.А.* Борис Зайцев // Русская литература XX века (1890–1910): в 2 кн. Кн. 2. – М.: Издательский дом «XXI век – Согласие», 2000.

УДК 888.09

Павлов Александр Вячеславович

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

МОТИВЫ ПОВЕДЕНИЯ ГЕРОЯ (по комедии А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся»)

В пьесах А.Н. Островского имя героя не исчерпывает образ, а лишь задает настроение. Герой может быть понятен в движении глубоких пластов своего характера в народнопоэтическом и религиозно-культурном контексте.

Ключевые слова: *традиция, патриархальное сознание, народнопоэтический и религиозно-культурный контекст.*

Герой комедии А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся» Самсон Силыч Большов появляется на сцене не сразу. Сначала драматург знакомит зрителей с другими персонажами. После Большова в действие вступают только его приказчик Подхалюзин и мальчик Тишка. В этом есть особая логика, поскольку экспозиция героя в пьесе выполняет важную композиционную функцию [6, с. 112].

Первоначально Островский хотел, видимо, выделить образ Большова и с помощью названия, опубликовав 9 января 1847 года в «Московском городском листке» отрывок как сцену из комедии «Несостоятельный должник». После существенных доработок и переработок автор остановился на названии «Банкрот», которое снова фокусировало внимание на одном герое. В определенной мере это выдает характер замысла, несмотря на то что в окончательном варианте и такое заглавие пришлось изменить.

При жизни Островского и комедия «Свои люди – сочтемся», и образ Большова не получили должной оценки. Н.А. Добролюбов в статье «Тёмное царство» сожалел: «Пьеса Островского не только не была играна на театре, но даже не могла встретить подробной и серьезной оценки ни в одном журнале… Литературная критика и не замкнулась на них. Так эта комедия и пропала – как будто в воду канула на некоторое время» [3, с. 7–8]. Тем не менее сам критик рассматривал комедию в основном в рамках общих закономерностей драматургии Островского. В комментариях к последнему полному собранию сочинений драматурга отмечено, что «отзывы о ней после 1861 года связывались главным образом с оценкой сценического воплощения пьесы и игры актеров» [5, с. 513]. И до наших дней наблюдается такая тенденция: исследователи как бы «проходят» мимо первой комедии Островского, изучая сначала более поздние пьесы, а потом сквозь призму этих пьес смотрят на «Свои люди – сочтемся».

Устойчивая формула типа купца-самодура переносится и на Большова, хотя по поводу неоднозначности этой фигуры исследователи оговаривались не раз.

В.Я. Лакшин считал этого героя трагикомичным, с иронией называл его «замоскворецким Лиром», полагал, что «смелые переходы из комедийного тона в драматический» «сильно могут действовать на душу публики». И это, по его мнению, понял Островский, наблюдая за игрой М.С. Щепкина в роли городничего в гоголевском «Ревизоре». Поэтому будто бы мы видим в Большове «жизненную глубь человека в разных обстоятельствах, поворачивающегося по-разному: то – притеснителя, то – угнетенного, то – палача, то – жертвы…». В.Я. Лакшин считает искренним негодование героя по поводу чужих банкротств и задается вопросом: «Откуда же у Большова такая искренность тона, такая убежденность в своем праве проделывать то, за что он бранит других». И отвечает: «Разгадка – в привычной психологии самодурства» [5, с. 469–470]. В этом выводе мы снова обнаруживаем устоявшуюся оценку. А между тем уже в ранних пьесах Островского купцы разные. Автор явно делит их на «торговых» и «фабричных». К первым, например, относятся Пузатов («Семейная картина»), Большов («Свои люди – сочтемся»). Ко вторым – Ширялов («Семейная картина»), Коршунов («Бедность не порок»).

Причем оценочные характеристики не в пользу «фабрикантов». И то, что торговый купец, «русак», крепче держится за традиции предков, не всегда плохо и не является указанием на славянофильство Островского.

Традиция многое определяет в образе Большова, объясняет поведение. Автор наделяет его «говорящей» фамилией, которая содержит определен-

© Павлов А.В., 2013

ную заданность образа, узнаваемость еще до момента действия. Традиция узнаваемости героя сложилась еще в фольклоре. Позднее похожий прием использовала литература классицизма, но с иными, более узкими задачами. Фольклорная заданность образа, заключенная в его имени, не ограничивала функцию героя. Сравнивая Мольера и Шекспира, А.С. Пушкин писал: «У Мольера скупой скуп – и только; у Шекспира Шайлок скуп, сметлив, мстителен, чадолюбив, остроумен. <…> Анжело лицемер… А какая глубина в этом характере!» [8, с. 339–340].

У Островского, как и у Шекспира, имя героя не исчерпывает образ, не ставит его в смысловые границы, а лишь задает направление, по которому выстраивается читательское и зрительское восприятие. Поэтому неоправданно надевать без разбора маску самодура и на этом ограничиваться в оценках.

Герой Островского может быть понятен в движении глубоких пластов свого характера, не совсем ясных ему самому и, может быть, неожиданных для него самого. В одной из работ, посвященных типологии образа и типологическим моделям в романе, Л.Я. Гинзбург писала: «В психологическом романе XIX века непредвидимость поведения, тем самым несовпадение между ролью и функцией, становится структурно значимым. <…> Реализм XIX века искал новую типологию в текучести, в изменчивости самого жизненного процесса» [1, с. 382].

Драматургия Островского – не изолированное явление в литературе XIX века, она соизмерима с романом в передаче «изменчивости жизненных процессов», и метаморфозы, которые происходят с купцом Большовым, пример тому.

Первые реплики Большова в комедии знаменательны. Он появляется на сцене, когда Рисположенский рассказывает Аграфене Кондратьевне притчу о «маститом» старце, который жил по-божески в честной бедности, растил двенадцать дочерей, но от бедности «возроптал». Большов насмешливо и бесцеремонно прерывает рассказ: «А! И ты, барин, здесь! Что ты тут проповедуешь? …Что это ты, али за святость взялся? Ха, ха, ха! Пора очувствоваться». На что Аграфена Кондратьевна отвечает: «Ну, уж ты начнешь. Не дашь по душе потолковать» [5, с. 97–98].

Духовное пока чуждо герою. Но, с другой стороны, он как бы дает понять, что из уст Рисположенского рассказ о духовном звучит кощунственно. И предлагает лучше поведать, как тот украл дело из суда.

Казалось бы, Большов весь погружен в бытовые проблемы, кипит желанием еще больше разбогатеть. Но Подхалюзин, озадаченный намерениями хозяина, рассуждает сам с собой: «Самсон Силыч – купец богатейший, и теперича все это дело, можно сказать, так для препровождения времени затеял» [5, с. 109]. Значит, в основе ложного банкротства лежат не чисто корыстные намерения, а некая игра, сходная, например, с карточным надувательством, кураж в духе тех отношений, которые издавна ведутся между купцами. Это обман богатого богатым, развлечение: сегодня – ты меня, а завтра – я тебя, сочтемся. Согласно купеческой морали, в этой игре нет нарушения христианского закона. Так было всегда, это стало традицией деловых контактов, в которых нет места духовному содержанию. Чем глубже вживается человек в эту традицию, тем большее потрясение может ожидать его. Интересно, что с приближением финансового краха в диалогах героев чаще звучат слова «чувствовать», «душа», «совесть», словно автор готовит к истинному пониманию их.

Финансовый крах ведет к прозрению героя, очищению души, приходит новое миропонимание. Кажется, что Большов меняется неоправданно быстро, но в этом выражена особенность сословного сознания. Позднее Г. Успенский напишет о таком типе купца: «…В глубине души он чувствовал, что дело его “не чисто”, что каждую минуту его могут уличить и поступить на законном основании, да и на том свете, пожалуй, будет не очень хорошо. Вот почему старомодный купец считал своею глубокою обязанностью радеть ко храму Божию, заглушать голос совести стопудовым колоколом или пудовою свечкой местному образу» [11, с. 10–11].

Успенский не допускает, что раскаяние купца как любого другого человека может быть искренним, но он точно называет три духовных ориентира, которые играли важную роль в жизни купечества и которые проясняют образ и поведение Большова в комедии «Свои люди – сочтемся». Это храм Божий, колокола, икона.

Исследователи не раз обращали внимание на неожиданные финалы в пьесах Островского, неожиданные прозрения героев. Для этих неожиданных поворотов не находилось объяснения в тексте пьесы. Но общекультурный контекст помогает многое расставить по своим местам.

В 1855 году была опубликована драма Островского «Не так живи, как хочется». В финальной сцене герой, задумавший убийство жены, вдруг прозревает, услышав удар колокола, и кается перед людьми в своем грехе. Кажется, что такой финал слабо подготовлен. Но для православного человека колокол был важным атрибутом религиозного обряда и особенным для купца. Фраза «стоять под колоколами» имела переносный смысл и означала «слышать правду». В Москве существовал обычай устраивать для провинившегося купца «очистительную присягу». Он должен был пройти мимо храма под звон колоколов под взглядами толпы и покаяться. С.В. Максимов вспоминал, что присяга эта не была уничтожена и в 60-е годы XIX века. Вот что он писал: «Шел он туда посреди живой стены народа с непокрытой головой, но шел (как и всегда

во всех таких случаях) не оправленным: люди таким крайним и редким случаям опасаются верить. Они внутренне убеждены, что Бог очистительной присяги не принимает. Она остается лишь в виде добровольной сделки ответчика со своей совестью, да приканчивает дело с наследниками или вообще обвинителями, не добившимися удовлетворения иными способами.

Московский купец, среди белого дня, на виду всей Ножовой линии Гостиного двора, наполненной праздными зубоскалами и несомненными остряками, – купец, прогулявшийся по Красной площади под колоколами Василия Блаженного и Казанской, считался человеком отпетым: на него указывали пальцами. Жил он точно на том свете, всеми покинутый и презираемый» [4].

Понятно, почему от звука колокола прозревает Петр в драме «Не так живи, как хочется» и что ожидает Большова. Но это только часть возможных объяснений.

Самсон Силыч происходит из «низов». «…Добрые люди Самсошкою звали, подзатыльниками кормили», – говорит сваха Устинья Наумовна. Это интеллигент будет прозревать долго и мучительно, а для народа Бог – последняя надежда и защита. Можно поверить в искренность слов Большова: «…Знаешь, Лазарь, Иуда ведь он тоже Христа за деньги продал, как мы совесть за деньги продаем» [5, с. 147]. Он говорит «мы», сознавая, что сказанное относится и к нему самому. И это не игра, тем более что Аграфена Кондратьевна обещает дочери проклятье за отношение к отцу: «Да я прокляну тебя на всех соборах! …Умрешь, не сгниешь» [5, с. 148].

В кульминационной сцене возникает тема иконы. Сначала она звучит в монологе Большова, затем его жены. Прощаясь, Самсон Силыч произносит слова, которые обращены не только к тем, кто на сцене, но как бы ко всем, кто слышит: «А вы подумайте, каково мне теперь в яму-то идти. Что же мне, зажмуриться, что ли? Мне Ильинка-то теперь за сто вест покажется. Вы подумайте только, каково по Ильинке идти. Это все равно, что грешную душу дьяволы, прости Господи, по мытарствам тащат». В этих словах нарисован сюжет, который встречается и в иконах, и в лубочных картинках. И далее: «А там мимо Иверской, как мне взглянуть-то на нее, на матушку?..» [5, с. 147].

Аграфена Кондратьевна, обещая, что проклянет дочь «на всех соборах», возможно тоже имеет в виду иконы, которые в простонародье назывались сокращенно «Соборы»: «Собор Пресвятой Богородицы», «Собор Михаила Архангела» и др.

Чудотворная икона Иверской Божьей Матери была особенно почитаема в Москве. Вот что писал о ней М.И. Пыляев: «Недалеко от Лобного места существует еще другое место, мимо которого не проходит москвич, не снявши шапки. Это – Иверская часовня. Икона Богоматери, находящаяся в часовне, в таком почтении, что нет в целом году дня, в который бы он с утра до вечера не переходила из дома в дом» [9]. Рассказ примечательный для характеристики народной веры. Большов называет Иверскую Божью Мать по-простонародному, по-домашнему – «Матушка». Он боится осуждения «Матушки».

Существует целый ряд сказаний об Иверской иконе. Среди славянских сказаний наиболее известное – «О Святогорском монастыре, зовомом Иверский…». В нем рассказывается, что икона принадлежала богатому купцу, который еще назван «человеком от великих вельмож». Он жил с единственным сыном в Трапезунде, умер, а имущество расхитили приказчики. Малолетний сын сумел сохранить только семейную икону [7, с. 11].

Сказания об Иверской иконе были хорошо известны среди ее почитателей. Московским купцам наверняка импонировало то, что первым ее хранителем тоже был купец. И это рождало особые чувства к иконе. Для комедии Островского все это может рассматриваться как «закадровое» содержание.

Островский не упоминает о часовне, где хранилась икона. Но это значимое умолчание. Икона и храм неразделимы. По этому поводу русский религиозный философ Е. Трубецкой писал: «Икона в ее идее составляет неразрывное целое с храмом, а потому подчинена его *архитектурному замыслу*… Единство всей этой храмовой архитектуре дается новым жизненным центром, вокруг которого собирается вся тварь» [10, с. 353]. Ношение Иверской иконы по домам – это тоже выстраивание храма. Для комедии Островского это важный религиозно-культурный контекст. Благодаря ему действие комедии ложится на реальный жизненный материал.

Конечно, Островский не показывает такого чудесного влияния иконы на героя, какое мы видим в повести Н.С. Лескова «Запечатленный ангел». Здесь решается другая художественная задача. Автору важно показать, как в современном купце сохранились архаические формы сознания и на каком культурном «настое» замешаны его житейские представления.

Патриархальное сознание героя комедии в определенной мере выстроено с ориентацией на народный лубок, поскольку герой обнаруживает крайние формы этических и эстетических представлений, проявляющихся вкупе. Лубочные картинки и книги тоже имели самое неожиданное содержание. В них было все: высокое и низкое, святое и вульгарное, доброе и злое, серьезное и смешное, авантюрное, пародийное и т.д. И все это есть в характере Большова.

В лубочных изданиях в народном понимании использовались и перерабатывались сюжеты самых разных фольклорных, литературных, церковных

жанров. Купец был одним из героев лубочных книг, а лубочная картинка часто была близка иконе. Л. Гроссман в монографии о Н.С. Лескове писал: «Лубочные картинки благочестивого содержания в сущности продолжали традиции иконописи и нередко напоминали иллюстрации духовных книг» [2, с. 222]. Как правило, художники и граверы – создатели лубков – в большинстве своем были из купечества или из среды священнослужителей.

Большов показан Островским как тип «живой старины» в современном мире. Его тип нельзя понять вне народнопоэтического и религиозно-культурного контекста. Архаику жизни Островский выводит на театральные подмостки, делает сценически актуальной, потому что на самом деле она не сошла с жизненной сцены, а была где-то рядом, например, за Москвой-рекой.

Библиографический список

1. *Гинзбург Л.Я.* О структуре литературного персонажа // Искусство слова. – М., 1973.

2. *Гроссман Л.Н.* С. Лесков. Жизнь – творчество – поэтика. – М., 1945.

3. *Добролюбов Н.А.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 5. – М., 1962.

4. *Максимов С.В.* Избранное / подг. текста, сост., примеч. С.И. Плеханова.– М.: Сов. Россия, 1981. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/m/maksimow_s_w/text_0100.shtml (дата обращения: 11.02.2013 г.).

5. *Островский А.Н.* Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 1. – М., 1973.

6. *Павлов А.В.* Экспозиция героя в структуре образа и сюжета (по комедии А.Н. Островского «Свои люди – сочтемся») // Духовно-нравственные основы русской литературы. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2009.

7. Православная энциклопедия. Т. XXI. – М., 2009.

8. *Пушкин А.С.* Мысли о литературе. – М., 1988.

9. *Пыляев М.И.* Старая Москва. История былой жизни первопрестольной столицы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://statehistory.ru/books/Mikhail-Pylyaev_Staraya-Moskva--Istoriya-byloy-zhizni-pervoprestolnoy-stolitsy/

10. *Трубецкой Е.Н.* Этюды по русской иконописи // Избранные произведения. – Ростов-на-Дону, 1998.

11. *Успенский Г.И.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 3. – М., 1956.

УДК 882. 09

Тихомиров Владимир Васильевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
vtihom@mail.ru

«МОСКОВСКИЕ ЛИТЕРАТУРНЫЕ И УЧЁНЫЕ СБОРНИКИ» (1846 И 1847 ГОДОВ) В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКИ И ЖУРНАЛИСТИКИ 1840-Х ГОДОВ

Статья первая

Автор статьи анализирует специфику эстетической и литературной позиции двух выпусков «Московского литературного и учёного сборника», изданных славянофилами в 1846 и 1847 годах и ещё недостаточно изученных в отечественном литературоведении.

Ключевые слова: *эстетика и литературная критика славянофилов, конфронтация художественных систем.*

Появление двух выпусков «Московского литературного и учёного сборника», изданных В.А. Пановым в 1846 и 1847 годах, современники справедливо восприняли как полемический ответ на «Петербургский сборник» Н.А. Некрасова (1846 г.), в котором утверждалась программа натуральной школы, возглавляемой В.Г. Белинским. В московских сборниках опубликованы художественные произведения (поэзия и проза), публицистические, исторические, искусствоведческие, литературно-критические статьи, переводы, преимущественно со славянских языков. Почти все публикации имели славянофильскую и панславистскую направленность.

Структура этих сборников существенно отличалась от «Петербургского сборника»: в них больше публицистики, научных (исторических и этнографических) статей, писем. Среди художественных текстов преобладала поэзия (В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, Н.М. Языков, К.К. Павлова, К. и И. Аксаковы, Ю.В. Жадовская и др.). Не забыта была и литературная критика, и именно на её основе, а также по статьям теоретического и искусствоведческого характера можно судить об эстетической и литературной позиции сборников, представляющих собой в этом отношении единое целое.

Представление создателей московских сборников о природе художественного творчества заявлено уже в статье первого сборника «О современном направлении искусств пластических», автором которой был историк-архивист А.Н. Попов. Автор статьи порицает современное европейское изобразительное искусство за академизм и формализм, приведшие к бездуховности – как следствие утраты религиозной идеи: «Искусство, лишённое жи-

© Тихомиров В.В., 2013

вого начала, не отражало и не выражало более тайного смысла самой жизни, его формы создались по началам внешним, его достоинство измерялось достоинствами техники … оно превратилось в одну из прекрасных её случайностей, в роскошь» [5, с. 43]. Фактически Попов высказывается против чистого, независимого искусства: «Искусство, отрешённое от жизни и не удовлетворявшее её художественным потребностям, некогда радовалось своей независимости и думало в самом себе найти достаточно силы поддержать своё существование; но теперь вновь стремится к соединению с другими началами внутренней жизни человечества… Вне религии, не находя художественного средоточия, оно распадается на бесчисленные, мелкие направления, которые не в силах ни поддержать величия искусства, ни выразить его заветной мысли. Религиозное направление представляется существенным выражением …исторического, но сильнее, художественнее почувствованного, глубже, не отвлечённо, но действительно понятого. Основная мысль современного художества заключается в стремлении слиться вновь с жизнию, с которой так давно оно было разлучено, сделаться вновь выражением её одушевляющей мысли» [5, с. 43].

Современное искусство вновь ищет утраченную в ренессансную эпоху художественность в религии, утверждает автор статьи. Только в этом случае возможно «народное направление» в живописи, противостоящее академизму. Однако ни «католический пиетизм», ни «протестантский рационализм» «не удовлетворяют требованиям современного искусства». В этом суждении проявляется славянофильское негативное отношение к западным формам христианства. О православии, противостоящем католицизму и протестантизму, Попов не упоминает, очевидно, потому, что речь у него идёт об искусстве европейском, однако утверждает, что «новое искусство возникнет только тогда, когда в самую жизнь взойдёт новое животворное начало, не существующее в ней или до сих пор не вызванное к жизни и не сознанное, но сильно предчувствуемое» [5, с. 45–46]. Пока что в Европе «нет …места полному художественному творчеству» [5, с. 46], – делает вывод автор статьи.

Антизападная тенденция в статье А.Н. Попова чётко прослеживается, так же, как и важная для славянофилов мысль о теснейшей связи искусства (в том числе и литературы) с религией. Некоторое время спустя, в 1848 г., эту мысль в более откровенной форме высказал К.С. Аксаков в письме своей знакомой С.М. Великопольской: «…Искусство в настоящем смысле слова есть язычество и несовместимо с жизнью христианскою. В католицизме оно могло существовать, ибо католицизм есть (по крайней мере во многом) христианское язычество; в нашей русской жизни, верою православною основанной, оно быть, как искусство, самостоятельно не может: оно может принять лишь служебный характер, как принимает оно в иконописи» [1, с. 451].

Категорические суждения о европейском искусстве, проявившиеся в статье А.Н. Попова, вызвали убедительные возражения противников славянофильства. Анонимный рецензент первого выпуска «Московского литературного и учёного сборника» за 1846 г. в «Отечественных записках» (видимо, им был А.Д. Галахов, ставший на некоторое время в журнале после разрыва Белинского с Краевским ведущим литературным обозревателем) высказал своё мнение о развитии европейского искусства. Он согласен с тем, что искусство связано с религией, но при этом отмечает, что в Европе «типы христианские от древнейших своих очертаний, безыскусственных и лишённых жизни, сначала перешли к мечтательным, но неестественным изображениям …Мазаччо, или к идеальным, но однообразным фигурам Перуджино, и потом уже, сошедшись с действительностью, совершенно изменились, и только своею силою возвели природу до выражения христианских идеалов. У Рафаэля или Леонардо Винчи не ищите византийских типов – зато найдёте высокое просветление природы христианским вдохновением» [2, с. 15].

Итак, по мнению рецензента, в западноевропейском искусстве, в основе своей христианском, имеет место динамика, соответствующая процессу сближения духовных и жизненных, бытовых начал («просветление природы»), в византийской же, православной традиции преобладает ортодоксальное начало, по существу, застой.

Не согласен рецензент «Отечественных записок» и с мнением А.Н. Попова о том, что «в современной живописи нет художественного начала». Он ссылается на богатую традицию европейского портретного искусства: «Только христианство дало возможность человеку заглянуть в глубину его души и познать его личность» [2, с. 16]. Что касается изобразительного искусства в России, то рецензент утверждает: «Русская живопись не составляет особой самостоятельной школы, несмотря на прекрасные свои произведения: она есть дополнение к современной живописи европейской» [2, с. 16].

Это последнее замечание является комментарием к следующей статье московского сборника, которая называется «Письмо о работах русских художников в Риме». Автором её был Ф.В. Чижов, в будущем известный предприниматель, разделявший многие славянофильские идеи. Статья Чижова была своего рода продолжением предыдущей, в ней тоже утверждалась идея близости искусства и религии, но преимущественно по отношению к современной русской живописи.

Автор «Письма» рассуждает главным образом о знаменитой картине А.А. Иванова, тогда ещё не законченной и не имевшей названия. Чижов был в дружеских отношениях с художником и некото-

рое время жил с ним (и с Н.В. Гоголем) в Риме в одном доме и тесно общался. Картина А. Иванова для автора статьи – факт жизни исторической и одновременно религиозной, в ней соединены «в истории молитва и в молитве история». Евангельский сюжет – часть духовной истории, и не случайно «самоё произведение вводит нас в высшую область и собственною высотою возносит наши понятия и наши требования» [8, с. 60]. Чижов высказывает глубокие суждения о специфике творчества: в подлинно художественном произведении нужна «истина рассказа», а не «истина природы», художественная истина не равна житейской правде. «Кроме истины и единства рассказа, – утверждает Чижов, – историческая картина требует одушевлённого, вдохновенного повествования случившегося; это высшая степень её совершенства» [8, с. 60, 61–62]. В то же время подлинному «искусству незнакомы крики общества, оно не знает времени, не берёт в расчёт усилий, даже не спрашивает о действительных средствах» [8, с. 70] и отличается «глубоким вниканием в нравственную природу человеческую» [8, с. 62]. Это программа не отрешённого («чистого») искусства, а искусства, пронизанного нравственностью, истинно религиозного. Именно такого художника находит Чижов в А. Иванове.

Характеристика картины А. Иванова у Чижова – явное развитие славянофильской программы художественного творчества и противостояние современному европейскому искусству. Автор статьи уверен, что русский художник «способен убедить мир в том, что наша народность имеет собственное своё содержание, что подражание было только первым шагом её на пути к развитию» [8, с. 72]. Пример А. Иванова – «полная картина той борьбы искусства с жизнью, в которой истинный художник нашего времени должен приносить в жертву всю собственную свою личность» [8, с. 74]. Искусство должно опираться «или на чистоту религиозного искусства …или на чистоту и самоотвержение в высоком чувстве любви к своему отечеству» [8, с. 74].

Противоположными по отношению к картине А. Иванова представляются Чижову исторические и религиозные картины русских неправославных художников К. Брюллова и Ф. Бруни, у которых внешнее довлеет над внутренним, духовным. Неправославным трудно понять основы православной иконописи, в то время как А. Иванов своим творчеством доказывает их жизнеспособность. Глубокие наблюдения Ф.В. Чижова над живописью имеют отношение к пониманию природы художественного творчества в целом, в том числе и к литературе. Его суждения о том, что критерием художественности является «воспитание собственного художественного чувства до того, чтоб оно было в состоянии вознести природу до высоты искусства, у неё самой заимствуя средства для такого её возвышения» [8, с. 86], явно направлено против основанной на правде факта эстетики натуральной школы и соответствует славянофильскому, по сути романтическому и во многом справедливому, пониманию творчества Н.В. Гоголя.

Один из авторитетных идеологов русского славянофильства А.С. Хомяков опубликовал в сборнике 1846 г. статью «Мнения русских об иностранцах», которую читатели справедливо восприняли как продолжение его же статьи «Мнения иностранцев о России» («Москвитянин», 1845, № 4). Кстати, рецензент «Отечественных записок» объявил, что эта статья – «заблуждение, замечательное только по своей оригинальности», своего рода «литературное попурри», что у Хомякова преобладает «самонаслаждение спора» [2, с. 24, 25].

Действительно, для европейски образованного русского интеллигента (а именно таковыми были в основном сотрудники «Отечественных записок», да и читатели этого журнала) парадоксальные, часто категоричные суждения Хомякова, этого, по выражению А.И. Герцена, «бреттера диалектики», представлялись малоубедительными. Однако в оценках современного искусства у Хомякова (а он рассуждает об искусстве в целом, не исключая литературы), есть и интересные мысли.

Хомяков категоричен в негативной оценке просвещения, «которое приняли мы извне. Много подавлено под ним (разумеется, подавлено на время) семян истинного просвещения, добра и жизни» [7, с. 112]. Автор статьи не уточняет, какое «истинное просвещение», какие «задатки искусству» в русском народе он имеет в виду. Но он категорически не принимает формализованное искусство Европы, распространяющееся и в России, основанное на принципе свободы творчества и отказе от «внутреннего содержания». По его мнению, учение о «свободе искусства приносит довольно жалкие плоды. Рабство перед авторитетами и перед условными формами красоты заменилось другим рабством. Художник обратился в актёра художеств…, свобода есть качество чисто отрицательное, не дающее само по себе никакого содержания» [7, с. 113].

Залог возрождения русского национального искусства Хомяков находит в некоторых явлениях русской литературы, содержащих глубокое нравственное начало, например в «Борисе Годунове» Пушкина и, конечно, в творчестве Гоголя – «единственном высоком современном художественном явлении (в художестве слова)» [7, с. 113]. При этом автор статьи противопоставляет Гоголю его подражателей, явно имея в виду сторонников натуральной школы, подхвативших у Гоголя тему чиновника – «маленького человека»: «Гоголь – художник, созданный жизнью, имел право понять и воплотить мертвенность этого лица (чиновника. – *В.Т.)* в те неподражаемые образы…, которые в его повестях и комедиях являются с такою яркою печатью по-

этической истины. Но это право нисколько не принадлежало его подражателям – литераторам, созданным или воспитанным чужеземною образованностию» [7, с. 131]. Хомяков, по существу, утверждает некую монополию на истину, но в его рассуждениях проявляется проницательное понимание различий между персонажами Гоголя, созданными на основе «деятельности духовной и самобытности свободной мысли и тёплого чувства», и героями его подражателей, сочинёнными посредством формального анализа, что приводит к омертвению души и скептицизму по отношению к жизни [7, с. 131].

В статье Хомякова имеются прямые полемические выпады против Белинского и его сторонников. Например, он отмечает недооценку своими литературными противниками значения фольклора при анализе творчества Пушкина и Лермонтова. По его мнению, Белинский мог «не понять всего величия нашего песенного мира, в котором отражается и величие русского народа, и смиренное добродушие русского человека» [7, с. 126]. Здесь явно прослеживается славянофильская тенденция идеализации народных начал, прежде всего смирения, связанных, по мнению славянофилов, с православием. Хомяков подчёркивает, что «закон развития умственного» в России – «в вере народной, то есть в высшей норме его духовных понятий» [7, с. 134].

Принцип преодоления подражательных тенденций в русской литературе у Хомякова положен в основу сопоставления двух направлений в русской поэзии, начиная с XVIII века: автор статьи выделяет стремление к самобытности (от Ломоносова) и подражательность (от Тредиаковского). Это дало Белинскому повод позднее высказать своё мнение о разных тенденциях в развитии русской литературы: натуральной (от Кантемира) и риторической (от Ломоносова). Критерии сопоставления литературных направлений у обоих критиков совершенно различны и одинаково далеки от истины.

Непосредственному анализу литературных явлений в «Московском литературном и учёном сборнике» 1846 г. посвящена лишь статья М…З…К (Ю.Ф. Самарина) о повести В.А. Соллогуба «Тарантас». Она появилась после известной рецензии Белинского об этой повести, которую критик интерпретировал в антиславянофильском духе, и в принципе должна восприниматься как полемический ответ Белинскому. Не случайно Ю. Самарин подчёркивает, что в основном повесть «Тарантас» оценивали с точки зрения впечатления, которое она производит на публику, в то время как авторская мысль оставалась в стороне. Автор статьи утверждает, что изображаемые Соллогубом характеры романтика Ивана Васильевича и «земного» Василия Ивановича – «не выдумка остроумия, не искусственное сближение голых понятий и отвлечённых крайностей мышления, а живой, действительный факт, данный современным обществом». При этом «своеобразный и прямой» свет должен падать на обе стороны, «автор должен стать выше противоположности и борьбы», ему «должно быть доступно примирение в высшем единстве» [6, с. 548].

В отсутствии идеи примирения противоположных жизненных позиций Ю. Самарин видит главный недостаток повести, в которой два разных характера демонстрируют «разрыв жизни с сознанием»: «Сознание и жизнь в раздоре; но они должны примириться, узнать друг друга и слиться в единство …сознанием просветлённой жизни» [6, с. 562, 573]. Однако финальная сцена сна в повести, где изображена как будто обновлённая Россия («Русь обетованная») неубедительна и напоминает маскарад – «подделка под народность» [6, с. 577].

Вывод Ю. Самарина после характеристики «Тарантаса»: «Критика современных явлений общественных необходима и полезна, но она требует не одного только беспристрастия, но ещё определённого и неизменного мерила» – авторской мысли. «Она (мысль. – *В.Т.*) есть в произведениях Гоголя…, она не вредит художественности» [6, с. 578]. Она даёт произведению «общественное значение, к которому призвано современное искусство» [6, с. 579]. Суждение Ю. Самарина о повести Соллогуба явно объективнее, чем у Белинского, в статье которого заметны признаки критики «по поводу» (как позднее в критике Н.А. Добролюбова и Д.И. Писарева). В то же время литературно-критическая позиция Ю. Самарина оказывается более терпимой и менее категоричной, чем у других славянофилов (А.С. Хомякова или К.С. Аксакова).

«Московский литературный и учёный сборник» 1846 года получил разноречивую оценку не только в журнале «Отечественные записки». Более лояльным по отношению к славянофилам оказался «Современник», редактор которого П.А. Плетнёв приветствовал стремление издателей сборника «выяснить идею славянской самобытности, или хоть вызвать славянское племя к умственной деятельности независимо от… западной Европы» [4, с. 239]. По мнению Плетнёва, издание сборника привело к тому, что «в обществе нашем и в литературе чаще начали рассуждать об отечестве, языке его, истории… Собравши множество драгоценных памятников, в которых является самобытность ума и жизни славян вообще…, доказывающая, что безотчётное заимствование всего, возникающего в гражданственности западных европейцев, вредит успехам действительной образованности нашей… Издатели намекнули на мысль, что как бы хорошо было, если бы славяне и особенно …русские сделались внимательнее к поддержанию своей независимости от западных европейцев по части литературы, образа мыслей» [4, с. 326]. Таким образом, московские славянофилы получили поддержку в Петербурге в лице редактора-издателя журнала «Современник» профессора П.А. Плетнёва.

Более взвешенной была позиция автора рецензии на «Московский литературный и учёный сборник», опубликованной в журнале «Библиотека для чтения» (1846 г., т. 78). Им был коллега П.А. Плетнёва по Петербургскому университету профессор А.В. Никитенко, ставший с 1847 г. официальным редактором «Современника», в котором ведущая роль принадлежала Белинскому.

Никитенко в своей рецензии сосредоточился на полемике с А.С. Хомяковым, находя в его историко-культурной концепции «исключительность» и категоричность суждений и «односторонность» мнений», «потому что она не согласна ни с широтою русского ума, ни с величием истины». Позиция Хомякова – «прямое противоречие общественному смыслу и общественным понятиям» [3, с. 5]. По мнению Никитенко, «нам досталось в наследство от предков наших не много приобретённых умственных богатств – надобно самим большею частью начинать то, что другие только продолжают и довершают» [3, с. 7]. Ошибка славянофилов в том, что «они идею самостоятельности умственной смешивают с идеей исключительности, особности, разъединения со всеобщей образованностью человечества… Ложная идея исключительности не годится даже в смысле реакции против преступного неуважения своей народности уже потому, что она ложная… Из того, что мы русские, нимало не следует, чтобы нам не было прилично многое приличное другим образованным существам одного с нами роду и быть ни на кого не похожим не значит ещё быть лучше всех» [3, с. 8].

Никитенко – сторонник терпимого отношения к разным мнениям, в том числе и в литературе: «Пусть всякий стоит крепко за свой взгляд на вещи, за своё убеждение… Великое зло угрожало бы науке и литературе, если бы найден был способ подчинить одному направлению и одной форме все исследования, все творческие движения мысли…, пусть больше и больше является мнений различных. Но мы желали бы, и конечно всякий с нами пожелает, чтобы эти мнения были не чем иным, как логическими выводами мысли, правильно и стройно действующей» [3, с. 11]. Призыв рецензента к терпимости разных мнений содержит явный намёк и на позицию противников славянофильства, прежде всего Белинского.

Автор рецензии признаёт, что увлечения русских Европой, возможно, устремились «далее…, чем бы следовало», но это простительно для молодой нации. После реформ Петра I «начало будущего, начало образованности скоро сделалось поводом к другому противоречию с народным бытом, где право было уже на стороне прошедшего. В этом прошедшем заключаются не одни предрассудки и невежество, там почитают первоначальные святые стихии народности нашей – наша нравственная сила» [3, с. 15]. Русские виноваты в том, что слишком увлеклись новым и к старому «приносили не мысль примирения, а чувство враждебное, чувство раздора и разъединения» [3, с. 15]. Мнения, подобные высказанным А.В. Никитенко, нечасто звучали в литературных кругах того времени, когда преобладала конфронтация позиций, проявлялся «дух ожесточения и дикой неприязни» [3, с. 17] к оппонентам.

О терпимости и широте взглядов А.В. Никитенко свидетельствует и тот факт, что он положительно оценил опубликованные в сборнике статьи А.Н. Попова и Ф.В. Чижова об искусстве и рецензию Ю.Ф. Самарина на повесть В.А. Соллогуба «Тарантас».

(Продолжение следует)

Библиографический список

1. *Аксаков К.С.* Письмо С.М. Великопольской // Русский архив – 1904. – № 7.

2. *[Аноним.]* Критика // Отечественные записки – 1846. – № 7. – Отд. 5.

3. *Никитенко А.В.* Московский литературный и учёный сборник 1846 года // Библиотека для чтения. – М., 1846. – Т. 78. – Раздел 5. Критика.

4. *Плетнёв П.А.* Московский литературный и учёный сборник. – М., 1846 // Современник – М., 1846. – Т. 43. Новые сочинения.

5. *Попов А.Н.* О современном направлении искусств пластических // Московский литературный и учёный сборник. – М., 1846.

6. *М...З...К* [Самарин Ю.Ф.] Тарантас. Путевые впечатления. Соч. графа В.А. Соллогуба. – СПб., 1845 // Московский литературный и учёный сборник – М., 1846. Критика.

7. *Хомяков А.С.* Мнения русских об иностранцах // Хомяков А.С. О старом и новом. – М.: Современник, 1988.

8. *Чижов Ф.В.* Письмо о работах русских художников в Риме // Московский литературный и учёный сборник. – М., 1846.

УДК 882. 09

Устинов Алексей Валерьевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
1013801@mail.ru

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ И БЕЛЛЕТРИСТИЧЕСКОМ НАПРАВЛЕНИЯХ В РУССКОМ ИСТОРИЧЕСКОМ РОМАНЕ

Статья посвящена определению типологии в русском историческом романе на основании истории изучения жанра в русском литературоведении

Ключевые слова: *история русской литературы, история советской литературы, исторический роман, жанровое своеобразие исторической прозы, В.Г. Белинский, Ф.В. Булгарин, М.Н. Загоскин, С.М. Петров.*

Исторический роман в русской литературе (далее – ИР) – один из самых популярных жанров, востребованный многими поколениями читателей. Едва ли не все классики русской литературы XIX и XX веков – А.С. Пушкин, Л.Н. Толстой, Б.Л. Пастернак, А.И. Солженицын – в своем творчестве обращались к историческому направлению. Одновременно с этим существуют и целые пласты исторической литературы, традиционно считающейся «второсортной».

Вопрос определения художественности исторического направления в русской литературной критике поставлен с самого начала формирования жанра в первой трети XIX века. Различные аспекты этой проблематики поднимались в статьях В.Г. Белинского, Н.Н. Страхова, Н.А. Добролюбова, А.М. Скабичевского, трудах литературоведов советского периода Б.Г. Реизова, С.М. Петрова, В.Д. Оскоцкого, в работах современных исследователей А.Ю. Сорочана, Е.Д. Гординой, Е.Н. Пенской и др.

На становление русского ИР 30-х гг. XIX в оказали влияние три основных фактора: популярность эстетики романтизма, пробуждение в русском обществе интереса к истории страны, повышение роли Российской империи на международной арене и одновременно с этим архаичность социальных отношений в сравнении с передовыми странами Европы [9, с. 20].

Интерес к истории в тот период являлся явлением общеевропейским. Романы Вальтера Скотта считались образцовыми, а исторический жанр представлялся единственно современным [10, с. 64]. Период реакции 1830-х годов, наступивший после восстания декабристов, породил два направления развития отечественной общественной мысли: свободолюбивое либерально-демократическое и консервативное охранительное, политическая доктрина которого выразилась в идеологии «официальной народности».

«Посреди всеобщего падения религиозных и гражданских учреждений в Европе, невзирая на повсеместное распространение разрушительных начал, Россия, к счастию, сохранила доселе теплую веру к некоторым религиозным, моральным и политическим понятиям, ей исключительно принадлежащим. В сих понятиях, в сих священных остатках ее народности, находится и весь залог будущего ее жребия», – говорилось в докладе С.С. Уварова императору Николаю I от 19 ноября 1833 г. [11, с. 70]. Самодержавие, пережившее социально-политический кризис 1825 года, пыталось найти основание для пошатнувшейся собственной легитимности. В подъеме же общественного интереса к истории проявилась необходимость разрешения серьезных политических противоречий, выявленных декабрьскими событиями 1825 г [9, с. 20]. Оформившийся таким образом конфликт между двумя идеологическими векторами – либерализмом и реакционным консерватизмом – во многом определил и становление ИР, по словам А.Ю. Сорочана, тем самым выражая «назревшую потребность в целостной художественной интерпретации исторического процесса» [13, с. 16].

«Век наш – по преимуществу исторический век. Историческое созерцание могущественно и неотразимо проникло собой все сферы современного сознания», – это утверждение Белинского точно иллюстрирует значимость интереса к истории в русском обществе первой половины XIX века [1, т. 3, с. 453]. Им же одним из первых был поставлен вопрос относительно проявления жанрового своеобразия ИР в синтезе литературы и истории. С точки зрения критика, писатель исторического направления обязан не только в совершенстве владеть искусством слова, но и безупречно знать историю. В статьях «Литературные мечтания» (1834), «О жизни и произведениях сэра Вальтера Скотта» (1835), «Разделение поэзии на роды и виды» (1841), в предисловии к изданию сочинений И.И. Лажечникова (1838) и др. Белинским был обозначен круг проблем ИР, характерных для того времени и являющихся ключевыми для дальнейшего развития жанра.

Эти проблемы можно сформулировать следующим образом: соотношение научного знания и художественного творчества; выражение исторической объективности в литературном произведении; специфика изображения исторического лица в качестве литературного персонажа, литературные типы и сюжетная роль подлинных и вымышленных лиц.

Впоследствии проблематика жанра ИР была достаточно подробно разработана в советском литературоведении. Опираясь на достижения крити-

 © Устинов А.В., 2013

ческой публицистики XIX века, классические вершины отечественной литературы и эстетику социалистического реализма, советские ученые осветили практически все аспекты поэтики ИР, что позволяет современному исследователю на новом уровне рассмотреть поэтику ИР, учитывая при этом выявленные объективные свойства жанра и игнорируя идеологические условности.

Художественное воплощение формулы «официальной народности» способствовало развитию отдельного направления русского ИР, которое можно назвать «исторической беллетристикой» или «авантюрно-историческим романом». В таких произведениях вопросы взаимоотношений общества и власти, личности и государства решаются в русле официальной идеологической доктрины. Одним из родоначальников этого направления можно считать писателя и журналиста Ф.В. Булгарина, чьи исторические произведения носили не только ярко выраженный авантюрный характер, но и отражали официальную характеристику тех или иных исторических событий и лиц. «Занимательность исторического труда зависит не от описываемых происшествий, но от искусства в их изображении», – прямо признавался беллетрист [5, с. 94]. При этом упрощенно-дидактическая поэтика произведений Булгарина, по словам Н.Л. Вершининой, представляет читателю риторически классифицированный диапазон различных жизненных проявлений [2, с. 119]. Дидактизм в произведениях М.Н. Загоскина отмечал литературовед С.М. Петров: «Загоскин не только не заботился о соблюдении принципа объективности в изображении исторического прошлого, но и прямо придавал своим романам дидактическое назначение» [9, с. 54–55].

Определяя отношение к принципам художественности ИР, отмеченным Белинским и развитым в работах С.М. Петрова, ключевыми из которых являются историческая подлинность изображаемых событий, наличие в произведении философской основы, объективность изложения и художественная уникальность, – можно сделать вывод о существовании двух типов ИР.

Первый тип, художественный, основан на исторической подлинности, обладает определенной философской актуальностью и художественной уникальностью. К этому типу можно отнести произведения А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (1936), Л.Н. Толстого «Война и мир» (1866), А.Н. Толстого «Петр Первый» (1945).

Второй тип, авантюрно-развлекательный, идеологически ангажирован и основан, как правило, на историческом вымысле. Отличительными чертами этого типа ИР являются развлекательность, акцент на любовной интриге, изображение истории в качестве «необычайных приключений идеальных героев и их возлюбленных» [9, с. 65]. Этим характеристикам вполне соответствуют такие произведения, как романы «Юрий Милославский, или Русские в 1612 году» (1829) М.Н. Загоскина, «Мазепа» (1843) Ф.В. Булгарина, «Касимовская невеста» (1903) Вс.С. Соловьева и др.

Автор художественного ИР, опираясь на определенную философскую систему, стремится выразить свое личное отношение к событиям дня сегодняшнего, подвергает историю художественному анализу, творчески осмысляет исторические феномены, пытаясь найти основы социальных и культурных процессов современного ему общества.

Автор же авантюрно-развлекательного ИР подменяет подлинность идеологической ангажированностью, интерпретирует современность не на объективной исторической основе, но в рамках истории мифологизированной. В таких произведениях исторические события превращаются в красочный фон, для которого важны привычность и простота восприятия. Содержание такого ИР представляет собой набор идейных клише, обеспечивающих «легкость создания и распространения исторических мифов» [13, с. 435]. Привлекательность для человека сегодняшнего дня создаваемых исторических персонажей заключается не в их подлинности, выраженной в историческом психологизме, но в близости социальных и этических реакций. Читатель не себя узнает в человеке прошлого, но человека прошлого узнает в себе. Таким образом, художественное правдоподобие вступает в конфликт с исторической подлинностью. Поэтому во все периоды развития ИР можно заметить голоса непонимания популярности того или иного произведения, созданного, на их взгляд, вне художественной уникальности. Тогда как своеобразие поэтики, опирающейся на политическую и социальную мифологию, требует отдельного изучения.

Вышеуказанные принципы, заложенные в романах Булгарина и Загоскина, получили дальнейшее развитие в многочисленных авантюрных ИР, таких как «Царь-колокол, или антихрист XVII века» Н.П. Машкина (1892), «Новгородская вольница» Н.Э. Гейнце (1895) и ряде других.

В советский период русской литературы ИР нашел свое выражение в создании многочисленных произведений на революционную тематику, замкнутой в канву ленинского определения трех этапов революционной борьбы. И если в период 1920-х – 30-х годов, в момент формирования советского исторического романа, революционно-исторические романы представляли художественную ценность, так как впервые в истории литературы обращались к интерпретации исторических явлений в контексте классовой борьбы (см. произведения Ю. Тынянова и О. Форш), то впоследствии советская историческая романистика превратилась в часть государственной идеологической машины [3, с. 48].

Таким образом, творческий импульс «родословной революции» регрессировал до массового про-

изводства второсортной литературы сомнительной исторической и эстетической ценности. Как «вымысел, заключенный в историческую канву», характеризует определенную часть советских ИР Е.Д. Гордина [3, с. 110]. Примерами такого вырождения могут служить многочисленные романы исторических циклов на темы, связанные с движением «декабристов», «ленинианой», «социалистическим строительством».

Исследователь Е. Добренко указывает на присутствие в советской литературе отличительных черт массовой культуры, подчеркивая, что одним из характерных ее признаков является то, что она «не требует от реципиента сотворчества, будучи основанной на чистом потреблении (такова, например, корчагинская мифология)» [4, с. 275]. То есть коммуникация «писатель-произведение-читатель» построена на тех же самых принципах, что и историко-авантюрный роман XIX века.

Белинский вполне справедливо ставил под сомнение художественную ценность произведений в духе Загоскина, одно из которых он назвал глубокомысленной «галиматьей», за которой «ровным счетом ничего нельзя понять» [1, т. 8, с. 27]. С такой же определенностью охарактеризовал эти произведения дореволюционный историк литературы А.М. Скабичевский как «мнимо-исторический роман приключений» в «мнимо-исторической оболочке» [12, т. 2, с 695]. Это некоторое пренебрежение со стороны авторитетов русской литературной критики передалось и советскому литературоведению. Тогда как всестороннее и беспристрастное изучение подобных романов помогло бы не только лучше понять процессы, проходящие в современной исторической литературе, но и внести свой вклад в изучение восприятия исторических феноменов в различные эпохи, рассмотреть отражение идеологических и морально-этических установок в художественных произведениях.

Художественное направление ИР развивается по иным принципам. Для этого типа характерно пристальное внимание автора к актуальным для современности историческим событиям. Примером такого поиска являются романы А.Н. Рыбакова «Дети Арбата» (1987), В.В. Личутина «Раскол» (1997), А.Н. Иванова «Золото бунта, или Вниз по реке теснин» (2005), ставшие заметными явлениями в отечественной культуре рубежа XX и XXI веков.

По нашему мнению, ключевым демаркационным элементом, позволяющим разделить художественное и авантюрное направления, является отражаемое в произведении отношение к принципу типизации. Для художественных ИР характерна типизация от частного к общему, от индивидуального к массовому, тогда как для авантюрного направления присуща типизация от общего к частному. В авантюрно-развлекательном романе представления о событиях художественному анализу не подвергаются, наоборот, они представлены как привычная читателю реальность. Автор такого произведения предлагает читателю коллизию, вобравшую в себя элементы детектива, плутовского романа и даже романа воспитания. Дискуссии с читателем такой ИР не только не предусматривает, но и всячески старается утвердить идеологически выдержанные взгляды на государственное устройство, взаимоотношения личности и общества, проблему исторического выбора и т.п.

Социальное своеобразие русского ИР XIX–XX вв. заключается в отражении полемики относительно исторических путей развития страны, в изображении взаимоотношений гражданского общества и власти, а художественный конфликт в ИР принимает форму метафоры, заключенной в историческую форму.

ИР с помощью художественных средств позволяет эмоционально приблизить к читателю исторический объект, исторические явления помогают читателю определить социальную и культурную идентичность, увидеть ее исторические основания и перспективы, оценить собственную индивидуальность в неразрывной связи с прошлым своего народа.

Во всех основных направлениях русской литературы XIX–XX вв – романтизме, реализме, модернизме и постмодернизме – можно заметить присутствие ИР, позволявших решить вопросы обновления творческого метода. Такие произведения, как «Капитанская дочка» А.С. Пушкина, «Война и мир» Л.Н. Толстого, «Тихий Дон» М.А. Шолохова, «Петр I» А.Н. Толстого, «Доктор Живаго» Б.Л. Пастернака, не только отражают определенный общественный запрос, но и признаны эталонными с художественной точки зрения.

Библиографический список

1. *Белинский В.Г.* Полн. собр. соч. Т. I–XIII. – М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.

2. *Вершинина Н.Л.* Пушкин и Булгарин: к проблеме исторического повествования // Болдинские чтения. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского университета, 1999. – С. 116–125.

3. *Гордина Е.Д.* История и идеология: пути развития советской исторической романистики и формирование классового сознания в 1930-40-х гг. – Нижний Новгород: ВГИПУ, 2009. – 172 с.

4. *Добренко Е.Ф.* Формовка советского читателя. Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. – СПб.: Академический проект, 1997. – 321 с.

5. *Кузовкина Т.* История на службе у Булгарина // Век нынешний и век минувший: культурная рефлексия прошедшей эпохи: сб. науч. труд. Ч 1. – Tartu: Ulikooli Kirjastus, 2006. – 250 с.

6. Литературная премия им. Л.Н. Толстого «Ясная поляна». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.yppremia.ru/laureaty/

7. *Оскоцкий В.Д.* Роман и история (Традиции и новаторство советского исторического романа). – М.: Худож. лит., 1980. – 384 с.

8. *Пенская Е.Н.* Русский исторический роман XIX века // Историческая культура императорской России: формирование представлений о прошлом: Коллект. моногр. в честь проф. И.М. Савельевой / отв. ред. А.Н. Дмитриев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 551 с.

9. *Петров С.М.* Русский исторический роман XIX века. – М.: Худож. лит., 1984. – 374 с.

10. *Реизов Б.Г.* Французский исторический роман в эпоху романтизма. – Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1958. – 568 с.

11. Река времен. Вып. 1. – М.: Эллис Лак; Река времен, 1995. – 288 с.

12. *Скабичевский А.М.* Наш исторический роман в его прошлом и настоящем // Сочинения: в 2 т. – СПб., 1890. – Т. 2. – С. 654–794.

13. *Сорочан А.Ю.* «Квазиисторический роман» в русской литературе XIX в. Д.Л. Мордовцев. – Тверь: Марина, 2007. – 224 с.

УДК 821.161.1

Чубукина Ольга Владимировна

Харьковский национальный педагогический университет им. Г.С. Сковороды (Украина)

chubukinaolga @mail.ru

СВОЕОБРАЗИЕ УТОПИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА В РУССКОМ РОМАНЕ XVIII ВЕКА

В статье обоснована точка зрения, согласно которой ряд отличительных особенностей русской литературной утопии XVIII века, в частности русского политического романа, следует рассматривать не в сопоставлении с предшествовавшими их появлению западноевропейскими произведениями, а как органичное проявление национальной ценностной этической парадигмы.

Ключевые слова: *утопия, роман, антиутопия, политический роман, XVIII век.*

Одним из важнейших социально-культурных проектов, сформировавшихся в европейском социально-культурном пространстве в эпоху Просвещения, стала утопия как многообразно культивируемый тип миросозерцания. Однако утопизм Западной Европы и России в эпоху Просвещения различаются друг от друга едва ли не радикально. Европейская утопическая перспектива формировалась под воздействием предчувствий грядущих социальных потрясений. В России эта перспектива была наполнена иным содержанием: это объясняется, прежде всего, философско-интеллектуальным напряжением между набирающими силу просветительскими идеями и жестокой практикой монархического деспотизма: «Распад единой картины мира, появление новой идеологии и новых культурных задач, западные влияния, вкус к художественной литературе, формирование интеллектуальной элиты, новые технические перспективы, политическая и историческая мысль – все это должно было создать новую и благоприятную почву для утопических построений. Тем более что под воздействием тех же факторов набрал силу и сам утопизм (прежде всего утопизм государственный)» [1, с. 89–90]. Правда, следует особо подчеркнуть нетипичность самой фигуры деспота: Екатерины II. Как известно, императрица проявляла живой интерес к, так сказать, нетрадиционным методам государственного строительства: «Она задалась целью изменить человека. Живо интересуясь психологией и педагогикой, Екатерина знает все теории от Коменского и Локка до Юма и Руссо, систематизирует свои взгляды в записке, адресованной наставнику своего внука Н. Салтыкову, пишет поучительные истории» [1, с. 93].

Нарождающаяся русская литература откликнулась на запросы времени с учетом социально-исторической конкретики. Хотя и в России появлялись собственно философско-социальные трактаты, содержавшие описание разнообразных проектов будущего устройства человеческого общежития, национальное своеобразие восприятия просветительских идей сказалось с большей отчетливостью в художественной литературе. Именно в это время, во второй половине XVIII века, появились первые образцы русского политического романа, авторы которых вдохновлялись, как принято полагать, «Приключениями Телемака» Фенелона. Роман представлял собой свободное переложение «Одиссеи» Гомера и содержал обширное повествование о приключениях Телемака в поисках его отца, Одиссея. Кроме прочих приключений, Телемак с Ментором встречаются в море с финикийцами, от которых узнают об удивительной стране Бетике, где во многом ещё царит Золотой век. Описание Бетики, между прочим, послужило основанием для охлаждения к Фенелону короля Франции.

Первым воспользовался этой сюжетной формулой Ф.А. Эмин, рассказывая о путешествии по Греции и Персии Фемистокла и его юного сына Неокла, преследуемых Афиной. Рассуждения о законности и справедливости, разбитые на диалоги и пересыпанные уроками военного искусства или этнографическими наблюдениями, составляют до-

© Чубукина О.В., 2013

вольно пестрое целое. Традиционный морализм соседствует с новыми идеями, социальный радикализм – с осмотрительностью «смиреннейшего и преданнейшего раба Ее Величества», как подписывает Эмин свое произведение. В этом сказывается одна из отличительных особенностей русской литературной утопии, видимо неизвестной западной литературе вообще. Дело в том, что одним из традиционных для русского романа утопических компонентов является так называемая эвтопия: «Примерами таких “панегирических утопий” или эвтопий могут служить прежде всего романы Ф.А. Эмина “Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда” (1763) и В.А. Левшина “Приключения Баламира” (1783)» [2, с. 239]. (К этому замечанию российского исследователя следует добавить, что эвтопия присутствует и еще в одном произведении В.А. Левшина: «Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве».)

Следующим по времени следует считать роман М. Хераскова «Нума, или Процветающий Рим». В этом произведении сказывается другая характерная особенность утопизма в русском социально-культурном контексте: тенденция к угадыванию и домысливанию признаков идеального общественного устройства в реальном историческом прошлом. При этом причины упадка авторы таких ретроспективных утопий видят, прежде всего, в самом человеческом материале, а не во внешних условиях. Особый интерес представляют элементы *антиутопизма*, несомненно присутствующие в других произведениях М. Хераскова. «Остров философов» в «Кадмосе», остров Терсита в «Полидоре» – две республики, организованные в соответствии с идеалами Просвещения. Там царит беспорядок, война всех против всех, нищета – естественное следствие демократического режима. В отличие от тиранов или развращенной знати, служителей зла, основатели этих республик преследовали добрые цели. Но динамика их утопии неподвластна им и все искажает.

В произведении М. Щербатова «Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина» создан образ страны Офирии. Особенность русского утопизма в романе-трактате М. Щербатова состоит в том, что для понимания замысла автора важно учитывать, что Офирия – это образ будущей России, а не абстрактного идеального государства. Иными словами, в данном случае мы имеем дело со своеобразным вариантом эвтопии, с одной поправкой: наследственная монархия устранила опасность деспотизма благодаря выборным государственным институтам, в которых представлены разные слои общества – не только аристократия и знать (истинные властители), не только купцы и ремесленники, но и «ученые люди»; деистская церковь, принявшая некоторые элементы масонского ритуала, ведет граждан не столько по пути духовности, сколько по пути добронравия и социального порядка. Священники – офирская полиция. Государство управляет экономикой, за свой счет кормит чиновников, организует военные поселения.

Пример конструкции другого рода – в «Новейшем путешествии» (1784) В. Лёвшина. Его рассказ раздвоен, землянин отправляется на Луну и обнаруживает там совершенное общество, в то время как житель Луны посещает Землю и возвращается напуганный земными обычаями, но воодушевленный ходом дел в екатерининской России. Лунное общество совмещает модель Бетики с сентименталистским идеалом. Оно напоминает Офирию Щербатова своим этическим утилитаризмом и аппаратом нравственного принуждения, усиленным административными мерами (самая суровая – изгнание).

В работе французских историков М. Геллера и М. Нике представлен взгляд на русскую утопию со стороны. Этот взгляд представляет для нас в данной статье особый интерес, поскольку фиксирует в негативном аспекте именно те черты русской литературной утопии, которые нам представляются не то, чтобы однозначно положительными, но, во всяком случае, закономерно отражающими специфику национального самосознания: «XVIII век в одно и то же время увлекает и разочаровывает историка утопии. Увлекает, потому что утопизмом отмечена вся русская культура этого времени. Разочаровывает, потому что, несмотря на вроде бы благоприятные условия, этот век не произвел на свет сочинений, которые можно было бы поставить рядом с великими западными утопиями. Кроме зависимости от государственного утопизма есть, на наш взгляд еще две важных причины, по которым утопия XVIII века в России не приобрела специфической формы и, следовательно, не смогла свободно развиться в рамках “утопизирующих” жанров» [1, с. 154].

Французские исследователи упрекают русских писателей в противоречивости и даже, порой, нелепости их воззрений. В рамках небольшой статьи мы можем ответить на это лишь в первом приближении. С нашей точки зрения, упреки западных историков обусловлены их подходом к оценке «качества» утопии, в основе которого – ориентация на «великие западные образцы». Иными словами, они не хотят видеть в русской картине мира периода органичного своеобразия и постольку любое отклонение от «западного образца» воспринимают как однозначный ущерб. Причины «несовершенства» русских утопий они видят, в частности, в «столкновении разных моделей, которые русские утописты пытаются ассимилировать. Эти модели мешают им создать свою самодостаточную картину будущего. Мы признали интеллектуальным опытом противоречия, обнаруженные у Лёвшина. Гораздо сложнее сделать это в отношении «Фемистокла», где Эмин превозносит науки, осуждает их пустоту

и вновь пускается в долгие рассуждения о геологии, физике, психологии» [1, с. 154].

Такому подходу противостоит более взвешенная оценка современного российского исследователя: «Традиционный для европейской литературы концепт критической утопии, исходящий из утверждения, что “совершенное место” – это “отсутствующее место, место, которого нет”, существенно трансформируется в рамках русской литературы XVIII века. Вневременной и утопический идеал специализируется в российской современности. И панегирическая литература, и утопия, и гуманитарные науки (прежде всего история и филология) в равной степени обслуживают единый государственный имперский миф, создавая общий риторико-идеологический контекст. Этот миф, совмещающий золотой век и “век Петра – Екатерины”, накладывает отпечаток на специфику русской литературной утопии как XVIII, так и последующих веков» [2, с. 38].

В самом общем виде своеобразие русского утопического сознания, как можно заключить на основе предпринятого обзора, определяется следующими чертами. В России, в отличие от Западной Европы, литературно-художественные изображения различных утопий в широком смысле слова значительно преобладали над публицистически-трактатными текстами. Это в полной мере относится и к так называемым политическим романам XVIII века. Такое преобладание иногда объясняется условиями деспотизма, в которых творили первые русские писатели, необходимостью вуалировать свои действительные убеждения под различными аллегориями. С нашей точки зрения, это несколько поверхностно: обнаруживается слабость, если принять во внимание такую глубоко укорененную тенденцию утопической русской литературы, как *исторический утопизм*: склонность видеть исток современного русским писателям XVIII века падения нравов в отходе от традиций благословенной старины. Важно отметить зарождение жанра антиэгалитарной антиутопии в творчестве М. Хераскова. В отличие от географического утопизма западной литературы русские писатели устремлялись в воображении не в фантастическое будущее и не в географические «неместа», а в прошлое России – иногда совсем недалекое.

Емко описал эти характеристики русской литературной утопии И.А. Калинин: «За описанием альтернативного существующему и претендующего на универсальность общественного устройства стоит идеальная модель отечественной истории, синтезирующая реальные события прошлого и настоящего Российской империи (точнее, их мифологизированный суррогат) и их проекцию в совершенное будущее» [2, с. 38–39].

Третьей отличительной чертой можно считать сосредоточенность русских авторов на внутреннем нравственном потенциале человека, на приоритете этого потенциала по отношению к изменениям законодательных установлений: «Истинное блаженство человеческого рода от благоразумных законов проистекает. Но законы суть одно начертание, на котором счастие и благополучие общества утверждается; они требуют исполнения, а исполнение зависит от людей просвещенных и добродетельных; ибо законы сами собою действовать не могут» [7, с. 93].

Наше предположение состоит в том, что между этими тремя специфическими чертами русского литературного утопизма XVIII века существует органичная связь. Она заключается в том, что этическая и эстетическая интуиция, под влиянием которой формировались историософские взгляды в России того времени, была сосредоточена на внутренних ресурсах самого человека. Отсюда и интерес к прошлому как утопическому свидетельству соответствия человека нравственным образцам. Отсюда преимущественный интерес к литературе как средству идеализации прошлого. Отсюда и тенденция к изображению реализованной утопии: обращенность критической мысли на самого человека как бы отсекала возможности критики и воображаемого улучшения внешних обстоятельств.

Таким образом, обилие эвтопических моментов в русском политическом романе объясняется, с нашей точки зрения, не сервилизмом писателей, а своеобразием ценностной перспективы, воплощавшейся в литературе.

Библиографический список

1. *Геллер М., Нике М.* Утопия в России. – СПб.: Гиперион, 2003. – 312 с.

2. *Калинин И.А.* Русская литературная утопия XVIII–XX веков: проблемы поэтики и философии жанра: Дис. … канд. филол. наук. – СПб., 2002. – 242 с.

3. *Лёвшин В.А.* Приключение Баламира // Русские сказки. – Т. 10. – М., 1783.

4. *Лёвшин В.А.* Новейшее путешествие, сочиненное в городе Белеве // Собеседник любителей российского слова. – Т. 13–16. – СПб., 1784.

5. *Херасков М.М.* Кадм и Гармония. – М., 1786.

6. *Херасков М.М.* Полидор, сын Кадма и Гармонии. – М., 1794.

7. *Херасков М.М.* Нума, или Процветающий Рим. – М., 1768.

8. *Щербатов М.М.* Путешествие в землю Офирскую г-на С... швецкаго дворянина // Взгляд сквозь столетия: (Русская фантастика XVIII и первой половины XIX в.). – М., 1977. – С. 22–68.

9. *Эмин Ф.А.* Приключения Фемистокла. – СПб., 1763.

10. *Эмин Ф.А.* Непостоянная фортуна, или Похождения Мирамонда. – СПб., 1763.

ИСТОРИЯ

УДК 63.3(0)62

Абрамидзе Теймураз Зурабович
РГПУ им. А.И. Герцена

ГЕОГРАФИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗЫСКАНИЯ ВАХУШТИ БАГРАТИОНИ (1696–1784 гг.) В КОНТЕКСТЕ ГРУЗИНСКОЙ ЭПОХИ XVIII ВЕКА

В статье повествуется о научной и исследовательской деятельности грузинского историка и географа Вахушти Багратиони, который с 1724 года жил в эмиграции в Москве в грузинской колонии, продолжая здесь свою научную деятельность.

Ключевые слова: *политика, геополитика, география, Грузия, картографирование Вахушти, общекавказская историко-культурная общность.*

Грузия – единственная христианская православная страна в Кавказском и Каспийском регионе. Начиная с XVI в. между Россией и Грузией складывались особые отношения, а в дальнейшем многие выходцы из Грузии внесли заметный вклад в историю и географию России. Среди них следует особо отметить представителей знаменитой древней грузинской фамилии – Багратиони, в частности, одного из основателей грузинской исторической географии и картографии Вахушти Багратиони.

Вахушти Багратиони родился в 1696 г. Внебрачный сын царя Картли Вахтанга VI, он воспитывался вместе с царевичем Бакаром, придворным священником Иесе Герсеванишвили, получил европейское образование у живших в Грузии католиков-миссионеров, изучил латынь.

В то время на территории Грузии существовали пять соперничавших государств (царства – Кахетия, Картли, Имерети, Абхазия, Мингрелия). В юности Вахушти Багратиони активно участвовал в государственной жизни Картлийского царства. В 1719 г. возглавил военный отряд, посланный в ущелье Лиахти против активного сторонника феодального сепаратизма Шанше Эристава. Этот опыт личной борьбы против сепаратизма стал определяющим для развития его политических и исторических взглядов, в которых идея государственного единства Грузии занимает центральное место.

В 1720 г. ему было поручено урегулировать ситуацию в Имеретии (Западная Грузия) и возвести на престол Александра Георгиевича. В 1720 г. один из активных деятелей грузинской колонии в Москве Г. Метревели сообщил царю Вахтангу о решении Петра I идти походом на Персию для утверждения на берегах Каспийского моря и его желании видеть Картли союзницей. Картлийский царский двор дал согласие и приступил к военно-политической подготовке этого похода, в которой активное участие принял Вахушти. По мнению М. Сихарулидзе, с этого времени Вахушти Багратиони играет особо важную роль в подготовке военно-политического союза Грузии с Россией [1, с. 56]. В июле-ноябре 1722 г. он управлял Картлийским царством, когда его отец и брат с объединенным грузино-армянским войском ожидали российского императора в Гандже (современный Азербайджан). В качестве наместника он принимал в Тбилиси прибывших из России послов И. Толстого и Б. Туркистанишвили, обсуждал с ними военно-стратегические вопросы предполагавшейся совместной компании России и Грузии против Персии. Большим ударом для него стало решение Петра I о перенесении похода на следующий год. Причиной была эпидемия, возникшая в русской армии, столкнувшейся с непривычными климатическими условиями в Прикаспии. Сложившейся ситуацией решил воспользоваться Кахетинский царь Константин, получивший от персидского шаха согласие на захват Картли.

В 1723 г. Вахушти Багратиони сражался против наемных войск Кахетинского царя Константина, стремившегося захватить Картли [5]. В 1724 г. он был назначен командующим войсками Нижней Картли. В этой должности ему была поручена перепись региона. Результатами «большой внутренней распри» сумела воспользоваться Османская Турция, которая утвердилась в Тбилиси. В связи с этим по приглашению Петра I царь Вахтанг VI со своим двором и семьей (царица Русудан, сыновья – Бакар, Вахушти, Георгий) переселился в Россию (Москву) вел переписку с чиновниками российских учреждений при продвижении двора Вахтанга VI по России. После отъезда Вахтанга VI Вахушти возглавил оставшуюся в Астрахани часть свиты, а в 1727 г. вместе с ней прибыл в Москву.

В 1729 г. в Москве на Пресне Вахушти построил дом, где жил со своей семьей и мог заниматься наукой. В 1730 г. в Иоаннов день в московском районе Измайлово Вахушти прекрасно организовал конные состязания с метанием копья с участием грузинских царских фамилий. На состязаниях присутствовали императорский двор, генералитет и иностранные дипломаты. Восхищенная мастерством всадников императрица Анна Иоанновна пригласила грузинских царевичей Бакара, Вахуш-

© Абрамидзе Т.З., 2013

ти, Георгия на аудиенцию и наградила их. В Москве Вахушти занимался культурно-просветительской и научной деятельностью. В этом он видел залог укрепления грузино-русских отношений, способ будущего освобождения и объединения Грузии. Для выполнения этой задачи он был хорошо подготовлен: прекрасно образован, получил богатый опыт государственной административной деятельности, имел связи с российской военно-политической и культурной элитой. Он уже был опытным государственным деятелем со сложившимися взглядами. Главными чертами этих взглядов была идея независимости и государственного единения Грузии, преодоление раздробленности страны и неприятие сепаратизма, вера в союз с Россией как лучший выход из угрозы порабощения Грузии Турцией или Персией, вера в силу науки и просвещения, необходимость и плодотворность национально-культурной работы. Свою роль он видел в том, чтобы с помощью переводов познакомить грузин с достижениями европейской и российской наук, а также познакомить россиян с географией и историей Грузии. Большое значение он придавал укреплению православной веры, как главного средства сохранения культуры и единства Грузии. С 1741 г. Вахушти вел большую и трудоемкую работу по сверке и установлению верного текста Библии из разных переводов на грузинский язык. В 1743 г. под его редакцией грузинская Библия выходит в свет в селе Всехсвятском под Москвой [2, с. 12]. В 1740 г. он перевел с русского на грузинский книгу Г. Стратемана «Феатрон, или Позор исторический». Эта книга содержала резкую полемику с католицизмом, что было важно для грузинского общества, где католические миссионеры приобретали все большее влияние, а некоторые высшие иерархи Грузинской православной церкви даже обвинялись в пособничестве католической пропаганде. В католичестве и возможной унии Вахушти видел угрозу для независимости Грузии, видел средство подчинения папскому престолу. В 1747 г. Вахушти перевел на грузинский язык важное сочинение митрополита Стефана Яворского «Камень веры», также содержащее резкую полемику с протестанизмом. В 1743–1745 гг. Вахушти работает над созданием «Описания царства Грузинского». Для этого он много занимается картографией. Опираясь на достижения европейской картографии, он обобщил достижения грузинской картографии – составленные царями Арчилом II и Вахтангом VI, Г. Гарсеванишвили карты отдельных местностей Грузии и составил Атлас Грузии, содержащий множество наглядных, географически достоверных сведений о Грузии. Своей картографической деятельностью Вахтуши расширил и углубил русско-грузинское научно-творческое сотрудничество. Его карты использовались Географическим департаментом Петербургской академии наук при подготовке Атласа Российской империи. По мнению Л.И. Маруашвили, в ходе этой работы он имел творческие контакты с директором этого Департамента, академиком И. Делилем, известным русским ученым В.Н. Татищевым, а также с работниками Главного штаба русской армии [6, с. 97].

В рамках данной статьи рассмотрим картографический труд Вахушти, который имеет огромное значение для истории грузинской и мировой географической мысли XVIII в. После приезда в Россию он занялся подготовкой карт Грузии, чтобы ознакомить русскую и мировую науку с территорией Грузии. Первые карты к «Атласу Грузии» были им составлены в 1735 г. На его монографию мы будем опираться в дальнейшем изложении. Первый атлас Вахушти имел 8 карт, но сохранилось только 4 карты. Уже само заглавие выражает картографическую концепцию Вахушти. На языке латинян имя собственное сего «табула» и карта или атлас, на грузинском же «рука». С древнейших времен страну эту по имени её племени называют Картлосиани, т. е. Сакартвело или еще иначе Иберия или Георгия.

Первая карта атласа изображает территорию всего Закавказья, включая территорию Северного Кавказа, а также части современных Турции и Ирана. Уже в самом заголовке её формулируется определенное геополитическое видение организации всей территории под гегемонией Грузии. Заголовок гласит: «Заново вычерченная карта Иберийского царства или всей Сакартвело; карта пространства между двумя морями – Понтом и Каспием; Картли, Самцхе или Месхия, Осетия Дзурдзукетия, Рани, Иеретия, Одиши или Мегрелия, Абхазия, Джикетия, Гурия, Сванетия, Армения, Кахетия, Ширван, Лекия или Дагестан, Кипчакия или Малая Кабарда». Вторая сохранившаяся карта атласа озаглавлена: «Карта части Картлийского или Георгиевского царства, называемой Самцхе-Саатабаго или Месхетия или Земо-Картли от Понтийского моря до Арзрума и Карса; вокруг него части Имерети, Гурии и Картли до Абоци или Кайгули». Третья – «Карта царства Картли со всеми его границами, с рекой Бердуджи и Абоци или Дебедой и Кайкули, с Двалетией, Тагаури, Куртали, Дзурдук-Глигви, вокруг Кахетия, Рани, Армения, Карс, Джавахетия, Имеретия». Четвертая – «Карта Кахетии, Кухетии, Геретии, Канчбечовани, Дидо, Тушетии, Пшавии и Хевсуретии, вокруг них части Карли, Рани, Мовакани или Ширвани, Дагестан с Кулмухом, Гулхадара, Авария, Чачани с Барагани» [6, с. 99].

Для линейного обозначения масштаба употребляется двойная шкала, основанная на грузинско-восточных (эджи или парсанги) и русских (версты) мер длины. Обзорная карта Закавказья этого атласа имеет истинный масштаб 14–15 км в 1 см, а масштабы остальных карт колеблются от 3 до 9 км в 1 см. Масштабы эти для XVIII в. довольно крупные, что объясняет популярность карт Вахушти у современников.

Содержание карт разнообразно: на них нанесены гидрографическая сеть, горный рельеф, населенные пункты, дороги, сооружения культового, оборонного и гражданского назначения (храмы, монастыри, крепости, дворцы). Специальными расцветками показаны политические и административные единицы царства, княжества, эриставства, спаспетства.

Картографическая основа первого атласа Вахушти недостаточно точна; картографическая сетка примитивна, не основывается на математически вычисленной проекции, а построена путем простого разделения пространства на прямоугольники. Конечно, этот способ картографирования местности соответствовал уровню развития техники того времени. Хотя определенные идеологические цели могли присутствовать и в картографическом изображении. Так, размеры Грузии сильно преувеличены, чтобы создать соответствующее представление о могуществе страны и её праве на Гегемонию на Кавказе. Наиболее совершенны изображения территории царств Картли, Кахети, Имерети. Местность там изображается с большой подробностью, вплоть до небольших селений [4, с. 22].

Второй атлас Вахушти состоит из 19 карт (Кавказского перешейка, Грузии, Картли, Осетии, Имеретии, Кахетии, Самцхе-Саатабого и др.). Математическая основа карт во втором атласе значительно точнее. Все карты имеют картографическую сетку, построены в конической проекции. Более того, определены географические координаты, положенные в основу второго атласа (опорные пункты). В результате этого карты второго атласа значительно правильнее передают площади и расстояния.

Карты второго атласа дают также историко-географическое изображение территорий Грузии. На них разными цветами отмечены единицы территориального деления Грузии в разные исторические эпохи – царства, княжества, владения. Интересно, что обзорная карта второго атласа охватывает более обширную территорию, чем первый атлас, и дает изображение всего Кавказского перешейка, включая восточную часть Азовского моря, дельту Волги, заливы Каспия, турецкое побережье Черного моря с городом Трапезунд.

Представление о манере картографирования Вахушти может дать опубликованная в книге Л.И. Маруашвили карта «Катли южнее Куры, Сомхития, Сабаратиано и их спаспетства с обозначением каждой долины. Составлено по новому градусу г-на Феле мною, царевичем Вахушти» [5, с. 91]. Тщательно вырисована гидрографическая система с полной номенклатурой названий. Особенно прорисован канал царя Вахтанга, символ природопреобразовательной деятельности царской власти.

Горный рельеф изображен способом «кротовин», в виде холмиков, изображенных в профиль и затушеванных с одной стороны. Даны названия всех горных массивов. Нанесены границы царства, «спаспетства», округов. Специальными знаками на карте выделяли следующие предметы изображения: царская резиденция, резиденция мтавара, резиденция азнаура, патриаршая церковь, епископская церковь, церковь, монастырь, малый монастырь, город, обведенный стеной, город, малый город, местечко значительное, местечко небольшое, поселок, татарское село, осетинское село, укрепленное место, крепость, родник, мост, лес. Обозначены регионы, Триалети, Хеви.

Важно, что Вахутши при работе над картами второго атласа использует «новый градус г-на Феле», систему французского геодезиста и астронома Луи Фелье (1660–1732 гг.), разработавшего более точные методы определения географического определения мест. Опять мы убеждаемся, что Вахушти работал, используя новейшие достижения европейской науки [3, с. 29].

Карта Вахушти вызывает большой интерес в России и Европе. Большое значение имеет установленный в 1737 г. контакт Вахушти с руководителем Географического департамента Петербургской академии наук Иосифом Делилем. Высоко оценив карты Вахушти, Делиль перевел их на русский и французский языки. Он использовал их при составлении Географического атласа Российской империи. Позднее, переселившись во Францию, он издал там целый ряд карт Грузии, основанных на картах Вахушти. В 1766 г. он издал в Париже «Генеральную карту Грузии и Армении, начерченную в Петербурге в 1738 г., по картам, чертежам, измерениям и заметкам местных жителей, переведенную с грузинского на французский язык секретарем грузинского царя». Тем самым он сделал труды грузинского ученого доступными для русских и европейских картографов, что способствовало более точному знакомству общественности в России и Европе с географией Грузии [5, с. 111].

На карты Вахушти опиралась, несомненно, карта XI «Атласа Российского», изображающая Южную Россию с частью Кавказа. Карта озаглавлена так: «Положение мест между Черным и Каспийским морями, представляющее Кубань, Грузинскую землю и дистальную часть Волги с ее устьем». В указателе Атласа упоминается, что карта основывается на «особливых известиях», находящихся в Географическом департаменте, куда Вахушти передал свои карты. На карте изображена только Западная Грузия без Гурии и части Имеретин. Сопоставление ее с первым атласом Вахушти показывает, что эта карта в изображении Грузии воспроизводит характерные черты топографического содержания и топонимики карт Вахушти, повторяет их при перечислении названий населенных пунктов и политико-административных единиц.

Второй атлас Вахушти 1742–1743 гг. был переведен в штабе русской армии при личном участии

самого автора. Он использовался при военном планировании русского Генерального штаба. На этот атлас опирались при составлении своих карт Грузии путешественник академик И. Гильденштедт, дипломат и чиновник полковник С. Бурнашев, генерал А.Н. Сухотин. Полковник С.Д. Бурнашев состоял уполномоченным русского правительства при царе Картли-Кахетии Ираклии II и царе Имеретии Соломоне I до 1787 г. Он написал несколько книг о Грузии, горцах Кавказа, а также составил карты Грузии, которые высоко ценились командованием русских войск на Кавказе. Среди этих карт обращает на себя внимание карта с названием: «Генеральная карта грузинских царств: Кахетии, Картли и Имеретинского царства с его княжествами – Гурией и Мингрелией, облегающими областями и народами, обитающими в Кавказских горах» (Тифлис, 1784 г.). Сопоставление этой карты с картой Вахушти позволяет выявить их тесную взаимосвязь. Видимо, С.Д. Бурнашев использовал перевод карт Вахушти, имевшийся с 1743 г. в русском Генеральном штабе. Топографическое содержание карты Бурнашева почти дословно повторяет данные Вахушти. Следы влияния карт Вахушти видны в карте Грузии, составленной в 1802 г. русскими военными топографами Розье и Дренякиным.

В течение целого столетия карты Вахушти сохраняли значение основного источника топографических материалов по Грузии, использовались при военном планировании русским Генеральным штабом.

Рассмотрим перспективные моменты изучения трудов Вахушти в контексте грузинской эпохи XVIII в. Географические и исторические труды царевича Вахушти выражают развитие науки и культуры Грузии XVIII в., а также отражают тенденции мировой науки его времени. Знакомство с достижениями науки той эпохи облегчалось для Вахушти свободным знанием многих восточных и европейских языков, его пребыванием с 1724 г. в России, где появились возможности для непосредственного знакомства с последними достижениями русской и европейской науки. Сравнительный анализ трудов Вахушти с творчеством выдающихся ученых той эпохи позволит поставить его труд в контекст развития интеллектуальной мысли той эпохи, выявить общее и особенное в грузинской, русской и мировой географической и исторической мысли, проследить влияния на Вахушти различных школ научной мысли. Свои первые представления о географии он получил в Грузии. Вахушти, несомненно, находился под влиянием географической мысли Востока, особенно школы топографического описания государств, как это воплотилось в творчестве видных турецких географов XVII в. Кятиба Челеби и Эвлия. Сравнение его географического описания Грузии с их творчеством позволило бы проследить развитие способов географического описания в русле восточной школы географической мысли [7, с. 31].

Решающее влияние на развитие географической и исторической мысли Вахушти оказало его вынужденное (по политическим мотивам) переселение в Россию в 1724 г., непосредственное знакомство с научной мыслью России. Взгляды Вахушти оказались, по-видимому, особенно близки взглядам выдающегося российского историка В.Н. Татищева (1686–1750 гг.). Подобно Вахушти, он почитается как отец русской историографии и как один из основоположников географической науки в России. Он осуществил первые в России масштабные историко-географические исследования, впервые теоретически сформулировал взаимосвязь географии и истории. С его точки зрения, «география историческая, или политическая, описует пределы и положения, имя, границы, народы, переселение, строения или селения, правление, силу, довольствие и недостатки, и оная разделяется на древнюю, среднюю и новую, или настоящую». Он выделяет границы естественные, административные, политические в качестве важного объекта историко-географического исследования. Сравнительный анализ «Географии Грузии» и «Истории царства Грузинского» Вахушти с «Историей Российской» В.Н. Татищева позволил бы выявить общие черты рационалистической, просветительской, географической и исторической мысли XVIII в. в изложении географии и истории Грузии и России. Очень интересно было бы проанализировать изложение «грузинской истории» Татищевым. Интересно также было бы сопоставить геополитические идеи Вахушти с одной стороны и В.Н. Татищева и М.В. Ломоносова с другой [6, с. 98].

Таким образом, главный труд Вахушти «Жизнь Грузии» посвящен географической характеристике Грузии, историческому процессу складывания территории Грузии, ее царств и княжеств. Как считает Ю.Н. Гладкий, складывание территории государства, описание его природных условий, экономики, механизмов управления страной и составляет предмет геополитической мысли [3, с. 21]. По полноте описания политического пространства Грузии, глубине мысли этот труд, несомненно, заложил основы грузинской геополитической школы. Таким образом, его можно считать основоположником грузинской геополитики.

Подробный анализ взглядов царевича Вахушти на историю и географию Грузии позволяет нам поставить вопрос о его значении для формирования грузинской геополитической мысли. Конечно, геополитическая мысль каждой страны проходит несколько этапов. Поэтому, возможно, полезно было бы выделить зачатки геополитической мысли Грузии эпохи феодализма. В соответствии с принципом историзма он должен рассматривать-

ся в контексте географической и политической мысли своей эпохи. Опираясь на типологию геополитической мысли Н.В. Каледина, взгляды Вахушти можно отнести к стадии государствоописания XVIII в. в развитии геополитической мысли [7, с. 109]. Центральные идеи его труда – необходимость государственного единства Грузии и борьба против феодального сепаратизма, непримиримая борьба против экспансии Турции и Персии во имя обеспечения национальной независимости, централизующая роль института самодержавной царской власти, объединяющая роль Православной церкви, ориентация на союз с Россией и его интеллектуальное обеспечение. Все эти идеи легли в основу «восточной» школы грузинской геополитики, которая обеспечила вхождение Грузии в состав Российской империи и видела геополитическое будущее грузинского народа в тесном военном и политическом союзе с Россией.

Таким образом, данные по географии и геополитике Грузии, собранные и обобщенные Вахушти, имеют большое значение для современного осмысления организации пространства Грузии и Кавказа. Интересны его взгляды на выделение природно-этнографических районов, где в географически едином регионе проживают совместно представители различных грузинских и северокавказских народностей. Это резонирует с современным «геокультультурным» подходом к районированию Грузии и Кавказа. В рамках этого подхода выделяются исторически унаследованные зоны пространства, заселенные людьми разных национальностей, часто находящиеся в различной административно-политической подчиненности. Объединяют такое пространство предметы или явления материальной и духовной культуры общие для всего их населения. Можно выделить устойчивые пространства культуры, основанные на ареалах распространения культурных явлений, орудий и специфических техник труда, религиозных верований, типов жилища и одежды. Для подобной работы труд Вахушти представляет массу конкретной и надежной исторической и географической информации. Народы Грузии и России жили в течение трех веков в едином политическом объединении – Российской Империи и потом СССР. Сложилась определенная общекавказская историко-культурная общность, «горская цивилизация». Православие, общая память о великой победе над фашизмом до сих пор объединяют народы Грузии и России, несмотря на все политические границы и конфликты. Одной из объединяющих фигур является и царевич Вахушти Багратиони. Его научный труд по истории и географии Грузии является выдающимся достижением грузинской научной мысли XVIII века, основополагающим документом грузинской геополитической мысли, ориентировавшейся на союз с Россией. Для сохранения союза с русскими Вахушти Багратиони вел переговоры с представителями России. Своей военно-политической деятельностью и своим научным творчеством Вахушти внес большой вклад в грузино-русское научное сотрудничество.

Библиографический список

1. *Вахушти Багратиони:* Биобиблиография / АН ГССР, Центр. науч. б-каю; сост. Пр.М. Сихарулидзе. – Тбилиси: Мецниереба, 1990. – 123 с.

2. *Вахушти Багратиони* (ок. 1696–1784) // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. В 16 кн. Кн. 12. – Тифлис, 1916. – 211 с.

3. *Гладкий Ю.Н.* Россия в лабиринтах географической судьбы. – СПб., 2006.

4. История царства Грузинского / Вахушти Багратиони; пер., снабдил предисл., словарями и указ. Н.Т. Накашидзе; [АН ГССР, Ин-т истории, археологии и этнографии им. И.А. Джавахишвили]. – Тбилиси: Мецниереба, 1976. – 339 с.

5. Источники и источниковедение - История Вахушти. – [Электронный ерсурс]. – Режим доступа: http://pusk.by/bse/158716/.

6. *Маруашвили Л.И.* Вахушти Багратиони, его предшественники и современники. Географические труды и путешествия. – М.: Госгеографиздат, 1956. – 136 с.

7. *Каледин Н.В.* Политическая география: истоки, проблемы, научные концепции. – СПб., 1996.

УДК 908/930.85+008 (571+73)

Базанков Алексей Михайлович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
bazankov-am@rambler.ru
Юинг Шерон Д.
переводчик, писатель (США)
sharondewing@verizon.net
Юинг Джон М.
историк, путешественник (США)
johnmewing@verizon.net

АМЕРИКАНСКАЯ «НАРОДНАЯ ДИПЛОМАТИЯ» В РОССИИ: ЛЕНИНГРАД 1938 ГОДА ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ

Статья посвящена исследованию опыта иностранцев, постигающих Советскую Россию в рамках международного турне по восьми европейским странам. Мнения путешествующих американцев дополняются актуальными сюжетами жизни Ленинграда 1938 г. по материалам местной периодической печати.

Ключевые слова: *Ленинград, Россия глазами иностранцев, народная дипломатия, русский семинар, Шервуд Эдди, парад физкультурников.*

История России XX века чрезвычайно насыщена событиями мирового масштаба: великие потрясения, трагедии, достижения и эксперименты формируют особый притягательный сюжет для пытливого ума и воображения. Непредсказуемость и внезапность всегда привлекала путешественников, дипломатов и шпионов.

Вспоминаются путешествия Сигизмунда Герберштейна, Дж. Флетчера, Амбарджо Кантарини в те времена, когда, по словам Карла Маркса, изумленная Европа, едва ли подозревавшая о существовании Московии, зажатой между Литвой и татарами, была ошеломлена внезапным появлением огромной империи на своих восточных окраинах. Строительство социализма, первые пятилетки, культурная революция волновали и тревожили жителей западного мира. Движение западного интереса к Советской России, начатое Джоном Ридом и Гербертом Уэлсом, продолжилось в личной истории родителей Джона Юинга, встреча с которым состоялась в Вашингтоне в период работы А.М. Базанкова над диссертацией по проблемам художественной интеллигенции.

Джозеф С. Юинг, написавший большую часть материалов о путешествии 1938 года, имел степени от Северо-Западного Университета в Эванстоне, Иллинойсе, Вирджинской духовной семинарии в Александрии, штат Вирджиния. В течение 20 лет он служил Епископальным священником в приходах университетских городов, работал с преподавателями, студентами и местным научным сообществом. «Пожизненный студент-историк», он опубликовал статьи о колониальной истории Вирджинии в журнале «История и Биография Вирджинии» в начале 1960-х годов. Его неопубликованные научные работы можно найти в библиотеке штата Вирджиния в Ричмонде. Маргарет Ели Юинг, второй автор путевых заметок и комментариев, бакалавр истории в колледже Рокфорд, Иллинойс, преподавала в старшей школе историю до замужества.

Нас интересует путешествие Джозефа и Маргарет в Россию. Впечатления 1938 года, страницы дневника, мемуары, фотографии, и даже цветной фильм являются уникальными, неизвестными российскому читателю документальными свидетельствами эпохи.

Первое приближение к истории большого путешествия через Москву, Киев, Лондон, Париж, Берлин, Варшаву, Вену, Женеву позволяет по периодическим изданиям сопоставить впечатления иностранцев от событий лета 1938 года в городе Ленинграде. Такой анализ выведет нас на более высокий уровень объективного восприятия триумфа и трагедии эпохи социально-политического эксперимента строительства социализма в «отдельно взятой стране» накануне мировой войны.

У любого путешествия есть инициатор и организатор. Как правило, «звали» в путешествие американцев авторитетные и талантливые люди, к примеру, Джером Дэвис, Джордж Крессей, Шервуд Эдди и др. Организатором путешествия Маргарет и Джозефа был доктор Шервуд Эдди. Он родился на Среднем Западе США. Свою тягу к путешествиям объяснял страстью к открытиям, стремлением к расширению кругозора, любопытством и внутренним беспокойством. Личное постижение мира доктор Эдди совмещал с широкой подвижнической и международной деятельностью по организации тематических семинаров о культуре и истории наиболее интересных для американцев стран.

Доктор Эдди тщательно готовил свои уникальные семинары и выступления. Уроженец Канзаса, он был образцовым пионером. На протяжении всей жизни ему был присущ американский дух. Студентом Йельского университета он специализировался в области машиностроения, однако, после окончания вуза в 1891 году, предпочел постигать людей, а не зарабатывать деньги.

Гуманизм и восприятие истории через судьбы простых людей, живущих в разных уголках мира, стали его первой заботой. После посещения семи-

© Базанков А.М., Юинг Шерон Д., Юинг Джон М., 2013

нара духовного союза и Принстонской духовной семинарии, он провел один год в качестве секретаря студенческого добровольного движения. Следующие 15 лет он жил в Индии, работая в YMCA (Юношеской христианской ассоциации). В 1910 году он стал студенческим секретарем этой организации в Азии [20, с. 22–23].

Впервые он посетил Россию в 1912 году. Семинар, начавшийся в 1921 году, представлял собой очень эффективный, интересный международный образовательный эксперимент. Доктора Эдди беспокоила сознательная изоляция в США, а также безразличие США к проблемам Европы, ярко проявившееся вскоре после Первой мировой войны. Очередной визит в Россию группы избранных, в которую вошли педагоги, министры, сенаторы, редакторы и социальные работники, состоялся в 1938 году. Они путешествовали, чтобы лично встретиться с Европейскими лидерами, услышать мнения простых людей. Квалификация участников семинара и широкий спектр их возможностей требовали гарантировано высокого уровня презентаций и достойной организации путешествия.

Путешествию по России посвящена VI глава путевых заметок, проанализированных и литературно обработанных Джоном и Шерон на английском языке. После короткой вводной лекции, прочитанной доктором Эдди еще на территории Финляндии, железнодорожный состав пересек границу и сделал остановку в Выборге. Экскурсантов встретила Ксения Попова – «превосходный гид».

«Проехали длинные заборы из колючей проволоки и барьеров. Гиды взяли наши паспорта, и мы потянулись к станции, где подверглись полнейшему досмотру: мы дали письменное подтверждение о наличии денег и ювелирных изделий. Таможенники изъяли английские и французские журналы, а у Джона всю субботнюю почту и парижские иллюстрации. Только упорство позволило их вернуть», – пишет Маргарет [21, с. 295].

Первые впечатления о России примечательны: «Это печально – унылая страна со скудной почвой. Мы прибыли в наихудшую часть города (Ленинграда – *А.Б.*). Город, построенный для великолепия по воле обстоятельств, которые более не востребованы жизнью – это его разрушает. Плохой климат, множество каналов, старых мест, бараков и парков. Это искусственный город, потерявший движущую силу, ужасно нуждающийся в ремонте и великое дело просто начать его делать. Его нужно умыть» [21, с. 296].

Финляндский вокзал встретил группу «ужасной разрухой и беспорядочно стоявшими автобусами». Американцев разместили в отеле «Астория», по словам Маргарет, в светлой, с удобной двуспальной кроватью комнате, из окна которой открывался вид на Исаакиевский собор [21, с 295]. В первые часы пребывания иностранцев впечатлил масштаб подготовки к физкультурному празднику: «Мы видели танцующих и поющих маршевые песни мальчиков и девочек на Исаакиевской площади. Это город марширующей молодежи и массового цвета» [21, с. 297].

Спусковым механизмом спортивных шествий, прокатившихся по всей Советской России, стал Парад 35 тысяч физкультурников 24 июля 1938 года на Красной площади, который лично принимали К.Е. Ворошилов, В.К. Коккинаки, И.В. Сталин, А.А. Андреев, А.И. Микоян, В.М. Молотов, М.И. Калинин, Л.М. Каганович, Н.И. Ежов (список руководителей приведен в опубликованной последовательности – *А.Б.*). И в Ленинграде развернулась активная подготовка к мероприятию. Запланировано было участие такого же количества спортсменов (35 тысяч человек), что и в Москве.

Другой формой проявления активности общественности были народные гуляния в парках. Именно эту форму общественной солидарности пытаются внедрить в жизнь современные «несогласные». Однако в 1938 году народные гуляния в Пскове, Старой Руссе и Красногвардейске были направлены в поддержку существующей власти [19, с. 4].

На следующий день, 29 июля, началась активная экскурсионная программа: хлопковая, вискозная фабрики, Зимний дворец и Эрмитаж; Петропавловская крепость; Дворец юных пионеров. После ужина визитерам в отеле «Европа» показали «великолепное выступление русских артистов – скрипка, пение, танцы, марионетки и народные песни». По возвращении в «Асторию» путешественники встретили группу туристов с роскошной «Франконии». «Ленинградская правда» за 29 июля 1938 года заметила в три строки: «Океанский английский пассажирский пароход “Франкония” вчера пришел в Ленинградский торговый порт. На борту парохода свыше 350 американских туристов» [3, с. 4]. (К слову, наши путешественники пересекли океан на известнейшем лайнере «Куин Мэри» – *А.Б.*).

Газета «Советская Балтика» информирует ленинградцев о заходе в порт иностранных судов: 26 июля в торговый порт прибыл немецкий пароход «Рейнладс», который доставил свыше 200 иностранных туристов. «В августе придут еще 3 иностранных пассажирских корабля» [16, с. 4]: 8 августа – шведский «Гринсхольм», 15 августа – французский «Коломби», 30 августа – норвежский «Стелла Полярис». По материалам газеты, до конца навигации ожидаются американские товарно-пассажирские пароходы «Сканпен», «Сканиорк», «Сканмейль», «Скантейт». Корабли Балтийского пароходства также отправлялись за океан. 31 июля из Ленинградского порта выходит в Америку «Николай Ежов», из Новороссийска – «Старый Большевик» [16, с. 4].

За короткий отрезок времени Ленинград посетило множество иностранцев. Приезжала группа

профессоров и педагогов американских университетов, участников так называемого «русского семинара» – это была шестая экскурсия в СССР. Делегацию возглавлял Джером Дэвис, президент американской федерации педагогов. «Ученые ознакомятся с Ленинградом, Москвой и совершат поездку по СССР» [17, с. 4].

«Наша федерация объединяет 30 тысяч преподавателей США. В экскурсиях, получивших название “русских семинаров”, обычно принимают участие не только профессора и педагоги, но и студенты американских университетов. Такие экскурсии проводятся уже седьмой год подряд. Их задача – ознакомление с крупнейшими достижениями СССР в области культуры, экономики, промышленности и сельского хозяйства. Нас интересует также государственное устройство Советского Союза», – рассказывает руководитель экскурсии Джером Дэвис в беседе с корреспондентом «Ленинградской правды».

После двухдневного пребывания в Ленинграде профессора сформировали свое отношение к России. «Мы восхищены постановкой высшего образования в вашей стране. В СССР это дело находится на недосягаемой высоте. Система стипендий для советского студенчества – лучшая в мире. Она делает университеты и институты доступными для широчайших народных масс, для рабочих, крестьян.

Противоположную картину можно наблюдать у нас в Соединенных Штатах. Так, например, в Йельском университете, из которого я вынужден был уйти после опубликования моей книги “Капитализм и его культура”, студенты должны платить за право обучения 450 долларов в год, не считая средств, необходимых на питание, одежду, книги» [6, с. 4]. В августе приехала еще одна группа из 15 человек, под руководством профессора Брюнера из Колумбийского университета в Нью-Йорке [18, с. 4]. Сверху за нашей страной наблюдали другие американцы.

«12 июля Москва гостеприимно встречала известного американского летчика Говарда Юза и его спутников, совершающих скоростной кругосветный перелет на двухмоторном самолете "Локхид 14" по маршруту Нью-Йорк – Париж – Омск – Якутск – Фербенск – Нью-Йорк. Перелет через Германию был разрешен на высоте не ниже 3000 метров. 12 июля опустился на московском аэровокзале. Развил скорость свыше 300 км. в час» [11, с. 4]. Активность путешествий по Советской России диктуется не только праздным любопытством и погоней за рекордами. Идет всесторонний активный сбор информации всеми доступными методами.

Нью-Йорк, 13 июля (ТАСС). В июльском номере американского журнала «Харперс» опубликована статья о Советском Союзе американца Джорджа Крессей, который во время своего прошлогоднего посещения СССР в течение более 3-х месяцев подробно знакомился с ходом социалистического строительства в Сибири и Арктике.

«Советский Союз, – пишет Крессей, – представляет собой страну с исключительно быстрыми темпами развития народного хозяйства, страну, которая в высшей степени привлекательна в экономическом и политическом отношении, является самой интересной страной на земном шаре» [1, с. 4]. Крессей за все время своего пребывания в СССР, объездил Сибирь «вдоль и поперек», повсюду видел проявления творческой созидательной жизни, как в хозяйственной области, так и в культурной деятельности. Нигде в мире, по его же словам, человек так широко не прокладывает новые борозды, как в Сибири. История расширения сельского хозяйства, строительство новой индустрии и городов в Сибири не имеет ничего равного в прошлом.

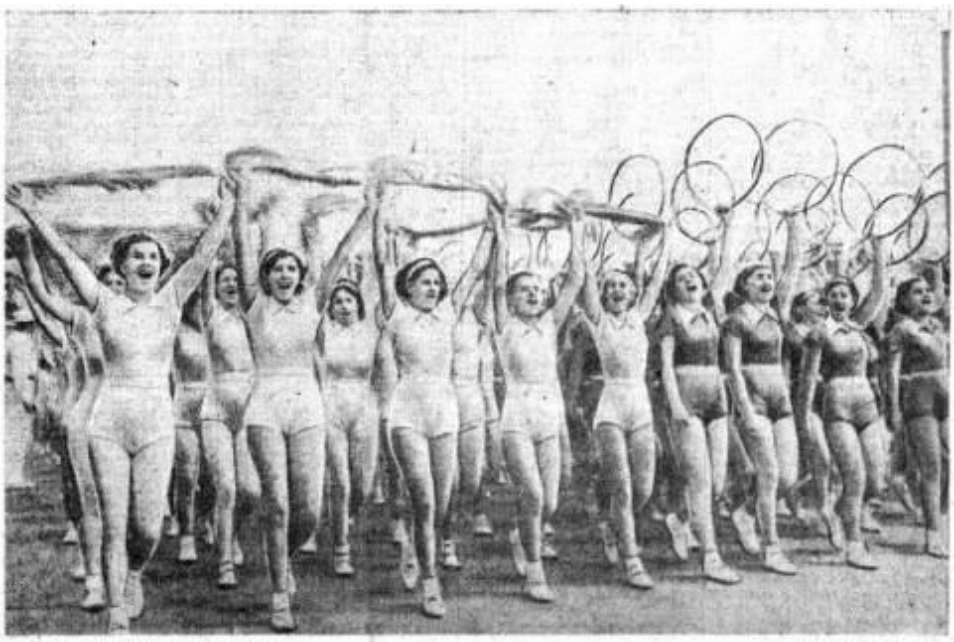
По словам американца, во время русско-японской войны 1904–1905 гг. Россия должна была доставлять продовольствие и военное снаряжение на восточный фронт из весьма отдаленных центров, расположенных на западе. «Теперь же, в случае возникновения войны, Сибирь в состоянии будет обеспечить нужды военного времени как западного фронта, так и восточного» [1, с. 4].

Приезд в Ленинград детей из воюющей Испании был пробуждающим свидетельством надвигающейся мировой катастрофы. «На пути в Ленинград находится теплоход “Мария Ульянова”. На борту судна – дети героического народа республиканской Испании. 74 ребенка: 20 –до 5 лет, 20 – до 10 лет, 34 – до 14. Много детей летчиков» [8, с. 4]. За этой короткой информационной сводкой скрываются трагедийные судьбы первых борцов с фашизмом.

Берлин, 8 июля (ТАСС). В конце июля из Германии выезжает «научная экспедиция» в финляндскую Лапландию с целью «исследования горных районов Саариселке», расположенных в непосредственной близости от советско-финляндской границы. «Экспедиция» пробудет на севере Финляндии более двух месяцев [4, с. 4].

Лондон (ТАСС). Журнал «Ньюс Ревью»: «Германская шпионская организация, – добавляет журнал, – как в США, так в Англии и во Франции представляла собой хорошо законспирированные тайные общества, которые находились под непосредственным руководством Берлина. В своей работе они использовали красивых женщин, чрез посредство которых они с большим успехом расставляли своих агентов в армии, в военно-морском флоте, а также на авиационных заводах и других военных предприятиях.

Агент английского разведывательного бюро, полковник Хинчлей Кук напал на след германской шпионской организации в США, наткнувшись случайно на существование неофициальной «расчетной конторы» в парикмахерской шотландского города Данди, принадлежащей некоей Джесси Джордан» [9, с. 1], а 19 июля 1938 года (ТАСС) финляндское гидрографическое судно «Аириcто» и погра-



Стахановцы, налетевшие сокольскую школу. Фото Д. Бернштейна.

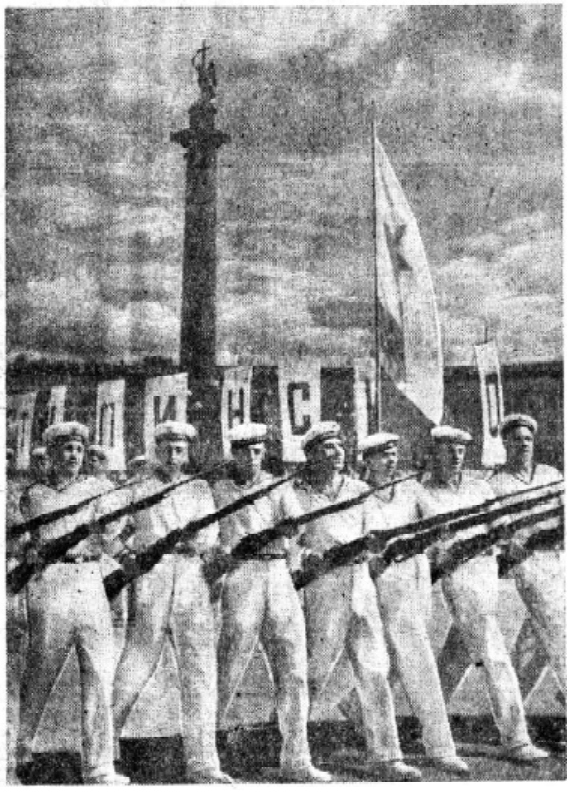
ничный катер «АВ-55» нарушали советскую морскую границу в Финском заливе, углубившись на полторы мили по советским территориальным водам. «Оба судна задержаны советской пограничной охраной. Ведется следствие» [13, с. 4].

Газета сообщает о массовых полетах германских самолетов к границам Чехословакии [12, с. 4]. Нью-Йорк, 2 августа (ТАСС). В связи с 75-летием рождения известного американского автомобильного магната Форда, германское правительство наградило его орденом Большого орла. Кроме того, Форд получил поздравление от Гитлера.

По официальной версии Форд награжден за заслуги, оказанные им Германии по производству автомобилей. Однако газета «Дейли Уоркер» отмечает, что Форд оказывает поддержку германским фашистам в США, а также ведет в США антипрофсоюзную и антисемитскую деятельность [5, с. 4]. Как утверждает полковник Кондашов, «идея заменить на войне человека машиной потерпела крах. Капиталистические хищники открыто встали на путь строительства многочисленных армий. С замыслами нападения врасплох на намеченную жертву особенно носится фашистский главарь “Третьей империи” Гитлер» [10, с. 3].

Теперь как пророчество звучат слова И. Сталина, обращенные к народу накануне международного антивоенного дня и опубликованные в газете «За оборону», органе Ленинградского областного и городского совета ОСОАВИАХИМА: «Война может вспыхнуть неожиданно. Ныне войны не объявляются. Они просто начинаются…» [2, с. 1]. После этой цитаты уже не хочется говорить о теории «внезапности» фашистского нападения на СССР.

Не удивительно, что в первую очередь иностранцам стремились показать силу и здоровье советского народа. Масштаб праздника спорта, здоровья и силы в Ленинграде завораживал и манил наших путешественников. Маргарет пишет, что 30 июля они наблюдали за демонстрантами, девочками и мальчиками, за сбором войск. Все готовились к празднованию большого дня спорта. Их марши были грандиозны, полны ритма и жизни. К сожалению, нашей группе не были зарезервирова-



16 лет назад Ленинский комсомол взял шефство над военным флотом. Спартаковцы, посвятив свой марш 20-летию комсомола, прошли на параде краснофлотской колонной. Фото Д. Бернштейна.

Красочно было шествие школьников-физкультурников. Они мечтают стать парашютистами. Они будут ими! Фото Л. Бернштейна.

ны места. По словам Джозефа, они предприняли попытку пойти на площадь и посмотреть на парад, но были остановлены охранниками за три квартала от площади. Пришлось довольствоваться беседой с русскими студентами и слушать советские марши и интернационал в исполнении французских студентов-коммунистов.

Действительно, пропускной режим во время праздника спорта был жестким. Утром 29-го июля 1938 г. газета «Смена» оповестила читателей о времени и правилах посещения спортивного мероприятия, начало которого состоялось в 12 часов на площади Урицкого (Дворцовая площадь).

Пропуск лиц по специальным билетам со стороны Главного Адмиралтейства и улицы Халтурина происходил до 11 часов 45 минут, причем граждане должны были иметь при себе паспорт или документы, удостоверяющие личность. Дети до 12 лет, при сопровождении родителей или родственников, проходили без пропусков. Интересно, что все ленинградцы знали ответственного за обеспечение порядка. Эти обязанности были возложены на начальника Управления РК Милиции города Ленинграда старшего майора Милиции – тов. Киракозова [14, с. 1].

Парад проходил четко по программе праздника «силы молодости, советского патриотизма, безраздельной преданности делу партии Ленина-Сталина» [7, с. 4].

В параде принимали участие 35 тысяч человек: члены добровольных спортивных обществ и профсоюзов, физкультурники Красной Армии и Военно-Морского флота, школьники, колонны орденоносных спортивных обществ «Динамо» и «Спартак», осоавиахимовцы, сводные отряды спортсменов, студенты института и техникума физкультуры, велосипедисты и мотоциклисты.

Парад открывала головная колонна, оформленная на тему «Сталинская Конституция и братство народов». Отряд из 3500 человек прошел по площади с песней о Сталине. Далее следовала разнообразная праздничная программа: схватки боксеров, баскетбольные матчи, теннисная игра… [15, с. 1–2].

Насыщенная событиями история нескольких дней лета 1938 года сформировала первое впечатление наблюдателей-иностранцев о противоречивом предвоенном времени. Энтузиазм, сила и активность соседствовали с нищетой, увяданием и разрухой. Средства массовой информации тревожили и волновали людей сводками о международных конфликтах и шпионских скандалах – фашизм приближался к границам Советской России.

Библиографический список

1. Американская печать об успехах Советского Союза // Ленинградская правда. – 1938. – 14 июля.

2. В преддверии новой мировой войны // За оборону. – 1938. – 1 авг.

3. В три строки // Ленинградская правда. – 1938. – 29 июля.

4. Германская «Научная экспедиция» на север Финляндии // Ленинградская правда. – 1938. – 11 июля.

5. Гитлер отмечает «заслуги» Форда // Ленинградская правда. – 1938. – 3 авг.

6. Джэром Дэвис – о высшем образовании в СССР // Ленинградская правда. – 1938. – 14 июля.

7. Завтра – парад ленинградских физкультурников // Ленинградская правда. – 1938. – 29 июля.

8. Испанские дети на пути в Ленинград // Ленинградская правда. – 1938. – 11 июля.

9. Как был раскрыт германский шпионский центр в США // Ленинградская правда. – 1938. – 24 июля.

10. *Кондашов В*. Проблемы будущей войны // Ленинградская правда. – 1938. – 1 авг.

11. Кругосветный перелет Говарда Юза // Ленинградская правда. – 1938. – 14 июля.

12. Массовые полеты германских самолетов к границам Чехословакии // Ленинградская правда. – 1938. – 29 июля.

13. Нарушение Советской границы двумя Финляндскими судами // Ленинградская правда. – 1938. – 26 июля.

14. Парад физкультурников // Смена. – 1938. – 29 июля.

15. Праздник солнечной юности // Ленинградская правда. – 1938. – 1 авг.

16. Прибытие иностранных судов // Советская Балтика. – 1938. – 28 июля.

17. Приезд американских профессоров // Ленинградская правда. – 1938. – 11 июля.

18. Приезд американских педагогов // Ленинградская правда . – 1938. – 3 авг.

19. Физкультурные парады в области // Ленинградская правда. – 1938. – 26 июля.

20. *Louise Gates Eddy*. Gentle on My Mind. – Astoria, Illinois: Printed by Stevens Publishing Company, 1975.

21. *Ewing John, Ewing Sharon.* In Their Own Words: Europe 1938: unpublished book. – 2012.

22. *Ewing Joseph S.* Journal and Lecture Notes: unpublished journal and notes. – 1938.

23. 1938 American Seminar: 2 volumes of notes: unpublished notes. – 1938.

24. *Ewing Margaret E.* Journal and Lecture Notes: unpublished journal and notes. – 1938.

УДК 94

Горяев Мерген Саналович
кандидат исторических наук
mergengoryaev@mail.ru
Команджаев Александр Нармаевич
доктор исторических наук
Калмыцкий государственный университет

СУДОПРОИЗВОДСТВО И ПРАВО КАЛМЫКОВ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВВ.

В статье рассматривается судебная система и право калмыков после откочевки большей части народа в 1771 году в Джунгарию.

Ключевые слова: *«Их цааз» («Великое уложение»), суд Зарго, наместник калмыцкого народа, «Правила для управления калмыцкого народа».*

Письменные источники периода ойратской истории представляют собой уникальное явление. Среди этих памятников особое место принадлежит юридическим документам. «Их цааз» («Великое уложение») – монголо-ойратское уложение 1640 г. – является выдающимся памятником монгольского феодального права и ценным источником по истории Халхи (Северной Монголии) и Джунгарии (Западной Монголии). Почти 200 лет большая часть монголо-ойратского устава 1640 года являлась действующим правом среди калмыков, содержащим большое количество обычно-правовых норм (родовой быт и взаимные отношения, некоторые карательные и процессуальные нормы).

К моменту включения Калмыкии в правовую систему Российской империи в сфере урегулирования общественных отношений действовали традиционные нормы права. Это лишний раз свидетельствует о том, что политика российской власти на начальном этапе заключалась в невмешательстве во внутренние дела калмыков. Такое положение продолжало существовать практически до середины XIX века.

Важнейшим документом, регламентировавшим юридические права и обязанности калмыков второй половины XVIII века, являлся свод законов, известных как Токтолы (постановления, законы) Дондук-Даши. В новых законах, принятых в 1750–1758 гг. и дополнявших «Их цааз», были введены телесное наказание и денежный штраф, исчислявшийся в русской системе счета. Этих взысканий не было в «Великом уложении» 1640 г. Введение телесных наказаний и денежных платежей свидетельствует не только о влиянии российского права, но и о тех внутренних изменениях, которые претерпело калмыцкое общество, находясь в составе Российского государства.

В рассматриваемый период было упразднено калмыцкое ханство. Помимо решения проблем внутреннего устройства и назначения наместника подверглись преобразованиям и исполнительные органы управления калмыцким народом. Так, согласно указу от 26 января 1771 г. «Калмыцкие дела» были переведены в Астрахань и переименованы в «Экспедицию калмыцких дел» («Калмыцкую экспедицию») при астраханской губернской канцелярии [4, л. 13 об.; 12, с. 221]. В улусы же были направлены приставы – «ученики» и «переводчики» калмыцкого языка. Был восстановлен суд Зарго, который во времена Калмыцкого ханства осуществлял судебный надзор в степи и состоял из восьми членов – зайсангов. Однако новый суд представлял видимость прежнего «калмыцкого правительства» и состоял из трех зайсангов – представителей от дербетов, торгутов, хошутов [11, л. 172; 3, лл. 43–46], и обязывался каждое дело, которое «до губернатора доходить будет», предварительно рассматривать и выносить по каждому из них свое заключение. Стремясь избавить суд от «пристрастных» решений, нойонам запрещалось штрафовать и чинить другие притеснения членам Зарго и их

 © Горяев М.С., Команджаев А.Н., 2013

родственникам «до первого колена». Как это было при ханах и наместниках, они должны были получать казенное жалование [3, лл. 43–46]. Были сделаны попытки ввести элементы принципа независимости судей – им устанавливалось жалование в 100 рублей в год, судьи и члены их семей освобождались от штрафов.

19 октября 1771 года Екатерина II подписала указ по поводу дальнейшего положения калмыцкого народа: звание ханов и наместников упразднялось, как и само ханство с его относительной автономией. Отныне все владельцы должны были управлять своими улусами самостоятельно, независимо друг от друга, и все вместе подчиняться астраханскому губернатору. Для разбора и исполнения судебных дел в Астрахани создавалось «общенародное калмыцкое правление», под которым подразумевалось Зарго. Он должен был состоять из трех судей, выбираемых из зайсангов ведущих субэтносов калмыцкого народа – торгутов, дербетов, хошутов на постоянной основе. Однако их решения по рассматриваемым делам были консультативными, совещательными [5, с. 368].

В связи с новыми правилами о Зарго в указе была намечена программа не только норм судопроизводства, но и дальнейшая правительственная политика в отношении калмыцкого населения. В ответ на предложение астраханского губернатора опираться в судебной практике с калмыками на законы 1640 года, было сказано, что применение этого старого собрания законов не будет соответствовать современному состоянию калмыцкого общества. К тому же, серьезные уголовные дела возникают в основном не между собственно калмыками, а между ними и соседним населением, поэтому подобные дела должны решаться на основании общероссийских законов [5, с. 366].

Во второй половине 70-х годов в политико-административном управлении Астраханской губернией происходят масштабные и не всегда оправданные реформы: образование в мае 1785 г. Кавказского наместничества, куда вошла и Астраханская губерния [1, л. 7 об.; 2, лл. 2,5–6 и об; 16, №№ 16193, 16194], ликвидация суда Зарго, передача функций «Калмыцкой экспедиции» «Войсковой канцелярии» [10, лл. 2, 5–6 и об.].

В начале XIX века судебная система калмыцкого народа переживает новый виток развития. 27 сентября 1800 года Павел I подтвердил права и обычаи калмыцкого народа. Грамотою «О восстановлении на прежнем основании совета, именуемого Зарго, для судебного разбирательства калмыков» от 14 октября 1800 г. на имя владельца Малодербетовского улуса Чучея Тудутова калмыцкому народу жаловались «во владение его все те земли от Царицына по рекам: Волге, Сарпе, Салу, Манычу, Куме и взморью простирающиеся и другие места, по коим предки их кочевья имели (то есть до 1771 г. – *М.Г.*) опричь тех, кои именными указами уже пожалованы» [4, лл. 14; 17, № 19575; 8, лл. 21–24].

Наместником назначался Тундутов, при этом ему были пожалованы знамя, сабля, панцирь, собольи шуба и шапка. Лама Сойбинг утверждался главным ламой и получил шубу и посох. Сам Чучей считал себя наместником не калмыцкого народа, а Калмыцкого ханства, поскольку этой же грамотой при наместнике восстанавливался калмыцкий суд Зарго из восьми народных представителей – зайсангов [17, № 19599], а калмыцкому духовенству особым указом предоставлялась свобода в отправлении религиозных обрядов [4, лл. 20-21; 17, № 19599. № 19600].

Император Александр I подтвердил права и преимущества, дарованные Чучею Тундутову и калмыцкому народу. Торжественное объявление грамоты состоялось 13 июля 1802 г. на речке Зельме [14, с. 120]. Там же Н.И. Страхов обратился к наместнику, владельцам, зайсангам, ламам, духовенству и народу с речью, в которой пояснил права наместника и обязанности его подвластных, а также круг деятельности суда Зарго и роль Главного пристава калмыцкого народа как посредника между калмыцким народом и русским правительством [14, с. 120].

После смерти в мае 1803 г. Чучея Тундутова и ликвидации наместничества Зарго был сохранен, правда, с лишением административных функций. Он был полностью превращен в судебный орган с ограниченными полномочиями по гражданским делам с иском от 5 до 25 руб. Более крупные гражданские дела и все уголовные рассматривались в верховных земских судах, в астраханских судебных палатах в соответствии с российским законодательством. Астраханский губернатор Н.И. Страхов предлагал пересмотреть калмыцкое право с учетом произошедших изменений в жизни и быту калмыцкого народа или создать абсолютно новый сборник законодательных актов, в котором бы сохранились главнейшие черты калмыцкого права в сочетании с российскими законами. Однако это предложение было проигнорировано.

С 1816 года суд Зарго был подчинен астраханскому гражданскому губернатору, а с 1825 года на него возлагались функции окружного органа управления. Это было связано с тем, что процесс интеграции Калмыкии подошел к завершающей стадии – 10 марта 1825 года были приняты «Правила для управления калмыцкого народа». По ним управление калмыками окончательно было передано из Министерства иностранных дел в ведомство Министерства внутренних дел. Калмыцкая степь наделялась статусом субъекта России, становилась одной из внутренних областей империи в составе Астраханской губернии.

В этот период действия института приставства в Калмыцкой степи правительство только на пер-

вый взгляд продолжало придерживаться прежней позиции наблюдателя. Оно, «надзирая вообще за благосостоянием калмыцкого народа, охраняя права его и пользы», препоручало нойонам и правителям улусов «наблюдать за порядком в их ведомстве, прекращать между подвластными и подчиненными им все вражды, несогласия и несправедливые притязания... между простолюдинами» [14, с. 120]. Местному астраханскому губернатору предоставлялось право по мере необходимости командировать в степь свое доверенное лицо на предмет выяснения, не происходят ли там какие-либо беспорядки, не притесняется ли народ со стороны владельцев и чиновников. А на Главного пристава и возглавляемую им Комиссию калмыцких дел возлагался надзор за собиравшейся податью с простолюдинов в пользу нойонов и зайсангов, за исполнением ими мирских повинностей и наряда на кордонную службу, межевые и прочие работы. Кроме того, упомянутой комиссии, как исполнительно-распорядительному органу местного управления, вменялись следующие обязанности: 1) иметь сведения о количестве кибиток простолюдинов в каждом улусе и в управлении каждого зайсанга, не проводя ревизии населения по форме, как это осуществлялось в собственно русских губерниях; 2) собирать сведения о степени зависимости подвластных и повинностях, исполнявшихся ими в пользу нойонов, зайсангов и духовенства. Однако относительно совершаемых правонарушений правительственная компетенция вышла далеко за рамки контроля и наблюдения. К компетенции главного Зарго, то есть местного суда, было отнесено только рассмотрение дел по вопросам угона скота, присвоения чужого имущества, самовольного ухода от владельца и перехода к другому владельцу без согласия первого, воровства на сумму не свыше 400 руб. и совершенного не более 3-х раз. За более тяжкие уголовные преступления (государственная измена, неповиновение властям, побег за границу, убийство, грабеж, насилие, воровство, совершенное более 3-х раз) все калмыки судились на основании общероссийского законодательства [6, с. 15].

Высочайшим указом Александра I от 9 марта 1825 г. Комиссии калмыцких дел предписывалось проанализировать имеющееся калмыцкое законодательство и совместно с владельцами улусов, представителями духовенства выработать новые законоположения, которые соответствовали бы реальному положению Калмыкии. Основная цель этого указа состояла, по-видимому, в том, чтобы местное (национальное) законодательство ввести в единое законодательное пространство страны. Предлагалось составить родословные книги нойонов, владельцев, зайсангов, духовенства, провести предварительную перепись кибиток по улусам. Эти данные необходимы были для подготовки к введению калмыцкого населения в общие российские сословия. Комиссии ставилась очень важная социально и политически значимая проблема – изучить вопросы взаимоотношений владельцев, зайсангов, простолюдинов с духовенством и влияние последнего на них, а также степень зависимости простолюдинов от своих владельцев и их взаимоотношения. Эти данные позволили бы властям изучить социальный уровень развития калмыцкого общества, проанализировать общественно-политическую обстановку в нем.

Правилами 1825 г. функции окружного органа управления были возложены на суд Зарго – общесословный судебный орган (но по составу сословный) в составе восьми членов (два от духовенства – гелюнги, шесть от владельцев и зайсангов – по числу улусов), которые избирались в улусах сроком на три года и утверждались в должности члена суда Комиссией калмыцких дел [18, № 30290]. Судопроизводство должно было осуществляться в соответствии с калмыцкими законами и нормами обычного права. Зарго выступал по отношению к нижестоящим судам (улусным) высшей апелляционной инстанцией. Но фактически суд Зарго работал под контролем исполнительного органа, поскольку содействие работе Зарго должен был оказывать один из специально прикрепленных помощников Главного пристава, а документирование вести один из его переводчиков.

Суд Зарго рассматривал гражданские дела трех категорий: сословные (феодалов) – споры, тяжбы владельцев улусов, по вопросам имений, зайсангов по управлению аймаками (на сумму иска свыше 200 руб.); всесословные – гражданские дела на сумму иска не менее 200 и не свыше 400 руб. (решения по данным делам могли быть обжалованы в течение года в Комиссии калмыцких дел); имущественные преступления – кража скота, иного имущества, воровство, мошенничество на сумму не свыше 400 руб., но не более трех раз, уход, побег, самовольный переход калмыков от одного владельца к другому. Уголовные дела подлежали рассмотрению в соответствующих судах на основе российских законов.

Впервые в этом нормативном правовом документе определились виды уголовного преступления в Калмыкии: измена (только не совсем ясно – кому, какая измена и т.д.); неповиновение властям; возмущение (имелся в виду бунт); побег за границу со злым намерением, вместе со злодеями; убийство; грабеж, насилие, преднамеренное провоцирование других (злодеев) на эти действия; изготовление фальшивых денег; воровство свыше трех раз. Кроме того, в Правилах суды были впервые разделены на гражданский и духовный. К последнему были отнесены дела, касающиеся религии, религиозных преступлений, духовных лиц, семейные.

Улусные управления, возглавляемые во владельческих улусах владельцами, а в казенных – пра-

вителями, составили низшее звено в системе управления Калмыкии. В полномочия улусных управлений входили внутренние дела в основном бытового характера – регулирование взаимоотношений между подчиненными и подвластными, а также мелкие преступления, не входящие в перечень уголовных.

Правила 1825 г. наряду с обычно действовавшим законодательством заложили основы новой правовой системы Калмыкии – административное право, гражданское право, уголовное право, процессуальное право, а также установили систему судебных органов, которые, обладая некоторыми национальными элементами, вписывались в российское единое законодательное, судебное пространство.

Таким образом, калмыцкое право в XVIII–XIX вв. претерпело определенную трансформацию под влиянием российского законодательства. Часто дела рассматривались по нормам русского права, но с учетом традиционного права калмыков. Зарго как высшая судебная инстанция калмыков имела и другую функцию – совет при калмыцком хане. Это было зафиксировано законами калмыцкого правителя XVIII века Дондук-Даши. В 1762 году вступило в действие Положение о Зарго, разработанное русскими властями, в соответствии с которым функции и компетенция суда Зарго были несколько изменены. С 1825 года на суд Зарго возложили функции окружного органа управления, кроме этого он продолжал рассматривать гражданские дела на сумму не свыше 400 рублей. С этого времени Зарго стал низовой ступенью суда и расправы. С 1847 года новое Положение об управлении калмыцким народом более подробно стало регламентировать процесс судопроизводства улусного Зарго, впервые введя такие понятия, как отдача на поруки, принесение сторонами присяги, обязательное присутствие свидетелей. Однако имущественные споры, сумма которых превышала 30 рублей, а также уголовные дела, выходящие за пределы полномочий Зарго, передавались в вышестоящий судебный орган.

После проведения в России судебной реформы 1864 г. полномочия Зарго были ограничены. Некогда значительный орган не только судебной, но и административной власти у калмыков превратился в одну из низших ступеней российской судебной системы. Изменения социально-экономического и правового положения повлекли некоторые реформы в функционировании традиционных судебных учреждений калмыков, заключавшиеся в том, что разбор дел, касавшихся угона скота, осуществляли только российские судебные органы.

Изъятие из ведения инородческих судов всех категорий уголовных дел и части гражданских, рассматриваемых в общих судебных учреждениях; статус инородческих судов как судов первой инстанции соответствовало политике российских властей – постепенному приобщению кочевников к общероссийскому законодательству и праву.

Наказание в течение исследуемого периода также претерпело определенную эволюцию. С середины XVII века – это были, в основном, имущественные платежи, четко установленные для каждой категории дел. С середины XVIII века активно внедряются телесные наказания. Со второй половины XIX века, после окончательно внедрения в правовую систему калмыков норм российского законодательства, стали применяться наказания, характерные для русского права, в том числе тюремное заключение. Однако они не нашли широкого применения в среде народа, продолжавшего в своей повседневной жизни руководствоваться традиционными нормами и установками, зафиксированными в древних калмыцких правовых кодексах «Их цааз» и Токтолах. Таким образом, эволюция правовой культуры калмыков проявилась как в изменении видов наказания, так и в некотором приобщении к нормам российского законодательства

Наиболее ярко изменения правовых установлений калмыков прослеживаются в становлении земельных правоотношений. Как известно, калмыки издавна были кочевниками, хотя вопрос об оседлом поселении калмыков постоянно ставился русским правительством. Именно поэтому нормы «Великого уложения» не содержали никаких сведений о правовом регулировании земельных правоотношений. Однако под влиянием российского законодательства, политики приобщения калмыков к оседлости изменились их правовые нормы в урегулировании земельных правоотношений (вопросы перераспределения общинных земельных участков, правового регулирования арендной платы на землю). После окончательного отвода калмыцких земель (1827 г.) калмыки получили определенные земельные участки в постоянное пользование, а также право сдавать родовую землю в аренду, что было урегулировано нормами российского законодательства.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 34. Оп. 1. Д. 207.

2. АВПРИ. Ф. 34. Оп. 1. Д. 243.

3. АВПРИ. Ф. 119. 1771–1772. Оп. 2.

4. АВПРИ. Ф. 119. 1800. Оп. 3. Д. 1.

5. *Батмаев М.М.* Калмыки в XVII–XVIII вв.: события, люди, быт. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. – 382 с.

6. *Бурчинова Л.С.* Определение правового статуса калмыцкого крестьянства в системе российской государственности // Общественный строй и социально-политическое развитие дореволюционной Калмыкии. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. – С. 3–22.

7. *Команджаев Е.А.* Государственные учреждения и законодательство Калмыкии XVIII–XIX вв.:

Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Ставрополь, 2000. – 20 с.

8. Научный архив КИГИ РАН. Ф. 4. Оп. 2. Д. 51.

9. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НА РК). Ф. 7. Оп. 4. Д. 127.

10. НА РК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 243.

11. НАРК. Ф. 33. Оп. 1. Д. 369.

12. Очерки истории Калмыцкой АССР: дооктябрьский период. – М.: Наука, 1967. – 479 с.

13. *Очир-Гаряева И.К.* Введение Калмыкии в систему государственного управления России: историко-правовые аспекты (70-е гг. XVIII в. – первая половина XIX в.): Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 21 с.

14. *Пальмов Н.Н.* Очерк истории калмыцкого народа за время его пребывания в пределах России. – Элиста: Калм. кн. изд-во, 1992. – 137 с.

15. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗ РИ). Собр. 1-е (1649–1825). В 45 тт. Т. XV. (1758–28 июня 1762). – СПб.: Типография II Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 933 с.

16. ПСЗ РИ. Собр. 1-е (1649–1825). В 45 тт. Т. XXII. 1784–1788. – СПб., 1830. – 1168 с.

17. ПСЗ РИ. Собр. 1-е (1649–1825). В 45 тт. Т. XXVI. 1800 – 1801. – Спб., 1830. – 875 с.

18. ПСЗ РИ. Собр. 1-е (1649–1825). В 45 тт. Т. XL. 1825. – СПб., 1830. – 651 с.

19. *Цюрюмов А.В.* Калмыцкое ханство в составе России: проблемы политических взаимоотношений: Автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Волгоград, 2007.

УДК 930.2

Кежутин Андрей Николаевич
Нижегородская государственная медицинская академия
kezhutin@rambler.ru

МЕДИЦИНСКИЕ РАБОТНИКИ РОССИИ В БОРЬБЕ С СИФИЛИСОМ (на материалах общероссийской медицинской периодики 1894–1914 гг.)

В статье проводится анализ медицинских журналов 1894–1914 гг., демонстрируется квантификационная методика исторической науки по обработке материалов медицинской периодики и извлечению из нее латентной информации, не встречающейся в других исторических источниках.

Ключевые слова: *медицинская периодика, квантификационные методы исследования, латентная информация, сифилис.*

Общероссийская дореволюционная медицинская периодическая печать является важным историческим источником по изучению социальной проблематики. Главная особенность медицинской печати заключается в ее направленности на социальные аспекты. Медицинская периодика объективна, полна и репрезентативна, поскольку оперирует большим объемом специальной научной и статистической информации, отражающейся и в социальной проблематике. Для комплексного анализа публикаций, посвященных социальным явлениям российского общества, эффективен квантификационный метод контент-анализа. Избранная проблематика прослеживается в общероссийских ежемесячных медицинских изданиях «Журнал общества русских врачей в память Н.И. Пирогова», «Журнал русского общества охранения народного здравия», «Военно-медицинский журнал», «Вестник общественной гигиены и судебной медицины» (1894–1914 гг.). Контент-анализ тематики публикаций, посвященных социальным проблемам, подвел к выводу об относительно широком наборе тем, значимых для исторической науки: венерические заболевания, проституция, алкоголизм, туберкулез, эпидемии, табакокурение, самоубийства и другие вопросы.

В России на рубеже XIX–XX вв. венерические заболевания являлись одной из важнейших социальных проблем общества. Статистика позволяет отметить неуклонный рост числа больных сифилисом, самого опасного на тот момент венерического заболевания, считавшегося неизлечимым полностью и наносившего огромный урон народосбережению. В течение шести лет (1896–1901 гг.) в империи было зарегистрировано 5489448 случаев заболевания сифилисом или по 914908 заболевших в год, что составляло в среднем по 6,9 заболевших в год на 1000 жителей [14].

Необходимость решительных мер в борьбе с сифилисом и, особенно, его важнейшей причиной – проституцией – пропагандировали представители самых различных слоев общества: учителя, инженеры, священнослужители, чиновники, правоведы [16]. Для представителей медицинской общественности вопрос был тем более актуален, ведь они рассматривали борьбу с венерическими заболеваниями с медицинской и социальной точки зрения. Преобладание в числе авторов публикаций, посвященных борьбе с венерическими заболеваниями, практикующих врачей объясняется их профессиональной компетентностью, а также, отчасти, субъективным восприятием необходимости освещения данных проблем как общественного долга.

Представители медицинской общественности: И. Ильинский [8], Г.М. Назаров [11], А.И. Федоров [22], Н. Скаткин [17] и др. обратили внимание

 © Кежутин А.Н., 2013

на масштабы заболеваемости сифилисом, ставшим бытовой болезнью, поражавшей все возрастные группы населения, от грудных детей до стариков. Причем люди заражались от больных членов семьи, соседей путем «самых невинных житейских сношений», сифилис широко охватывал заводских и фабричных рабочих, армию и флот.

По мнению медиков, важнейшими социально-экономическими причинами сильного распространения сифилиса в России были увеличение подвижности населения, развитие фабрично-заводской промышленности, рост городов, содействовавший внесемейным половым сношениям. Так, доктор медицины И.Е. Обозненко отмечал более высокий процент больных сифилисом и другими венерическими болезнями среди холостых и женатых, но не живущих с женами мужчин в Санкт-Петербурге по сравнению с женатыми и живущими с женами. Первые в три раза чаще болели сифилисом и в шесть раз чаще – венерическими болезнями, чем живущие с женами. При этом среди заболевших сифилисом женатых было 11,5%, венерическими заболеваниями – 4–9%, соответственно холостых – 61% и 66% [12, с. 366].

Причины широкого распространения венерических заболеваний неполовым путем представители медицинской общественности Ю.М. Протопопов [15], Г.М. Герценштейн [4] и др. видели в следующем: сифилис передавался не только половым путем, но и бытовым: через всевозможные выделения, особенно полости рта, и это сильно облегчало его распространение. Частыми были случаи, когда крестьяне, приходившие в города на заработки, заражались сифилисом, а возвратившись в родную деревню, заражали сначала свои семьи, а потом односельчан. В связи с этим М.С. Уваров отметил: «...Отхожие промыслы играют важную роль не только в распределении зачатий, но ими обуславливаются и все санитарное положение местности» [21, с. 141].

Врачами В.В. Тихомировым [19], С.И. Топаловым [20], М.И. Мурзиным [10] и др. отмечалось широкое распространение венерических заболеваний в армии и флоте, так, сифилис наиболее распространен был в Варшавском и Санкт-Петербургском военных округах, но даже отдаленный Туркестанский округ демонстрировал все возрастающий с годами процент сифилитиков. Дежурный врач для командировок при Туркестанском Окружном военно-медицинском управлении Н.Ф. Войцеховский, проанализировавший статистику распространения венерических болезней в войсках Туркестанского военного округа, отмечал, что в 1898 г. в округе начитывалось 36% сифилитиков из всех больных венерическими заболеваниями, в 1899 г. – 37%, в 1900 г.– 42%, в 1901 г. – 44%, к 1904 г. отмечалось некоторое снижение заболеваемости до 41%, причем среди офицеров и нестроевых нижних чинов сифилитиков было столько же, что и в строевом составе [3, с. 105].

Проблему проституции медики А.А. Введенский [2], В.Д. Маркузон [9] и др. неразрывно связывали с борьбой с половыми болезнями. Врачи отмечали важную роль проституции в заболеваемости населения венерическими болезнями и подчеркивали опасность домов терпимости в санитарном отношении, поскольку в публичных домах имелся большой процент женщин с наиболее заразительным свежим сифилисом, с первичными и вторичными признаками. Такое представление вытекало из общей доли больных проституток, как одиночек, так и обитательниц домов терпимости, в среднем составлявшей около 50%. По данным врача А.М. Васильева, в г. Либава сифилисом были больны 31,5% одиночек, перелоем – 17,4%, а всего – 48,9%, в тоже время в публичных домах г. Либавы общая доля больных проституток составляла 59,7% [1, с. 1418]. В центральной России показатели были схожими, 39% проституток на Нижегородской ярмарке было заражено сифилисом и другими венерическими заболеваниями [23, с. 170].

Определенную роль играло общественное мнение. По словам сифилидолога И.Е. Обозненко, еще в конце XIX в. преобладало безразличие к самой постановке вопроса о запрете или регламентации проституции: «...Полное равнодушие <…> общества к судьбе и значению проституции, <…> игнорировалась зараза нравственная и физическая, проникающая в массу населения...». Но уже в 1905 г. медик отмечал всплеск общественного внимания к проблеме падших женщин, который связывал с устоявшимся в обществе к тому времени отношением к проституткам как к жертвам, попадавшим в публичные дома «путем обмана и насилия» [13, с. 1671].

Санитарный врач П.А. Грацианов отметил существенные недостатки санитарного надзора за проституцией в России: непродуманность и неточность регламентации, недостаточно строгое наблюдение за домами терпимости, чрезмерное количество тайных притонов, легкость, с которой и тайные и зарегистрированные проститутки уклоняются от осмотра, недостаток кроватей для больных проституток. В результате цели надзора оказывались недостижимыми, а венерические заболевания получали широкое распространение. Врач доказывал, что надзор за проституцией существует в большинстве городов России лишь на бумаге, причину медик видел в отсутствии денежных средств, необходимых для «прочной организации» отдельных учреждений, специально создававшихся для надзора за проституцией: «Только с участием общественного управления положение может улучшиться» [5, с. 169].

Представители медицинской общественности М.А. Чистяков [24], И.Ф. Зеленов [7], В.К. Дидрихсон [6] и др. предлагали определенный спектр

мероприятий в борьбе с массовым распространением сифилиса, включавший в себя меры по оздоровлению населения в процессе лечения сифилитиков, изоляции больных и предупреждения заболеваний. Для осуществления последних предлагалось создать сеть специальных больничных учреждений. Врачи отмечали необходимость массовой профилактики, предохраняющей от заражения, для чего предлагали проводить широкие мероприятия по распространению знаний среди простого населения посредством школы, администрации учреждений, местного самоуправления. Регламентацию проституции, главный источник половых болезней, врачи предлагали реорганизовать, превратить в действующий инструмент предохранения от распространения венерических болезней. Медики придавали специфическому лечению большое значение в деле оздоровления, поскольку первичные и вторичные явления, т. е. наиболее заразные, обычно быстро исчезали под влиянием соответствующего лечения, и больной становился значительно менее опасным для окружающих. Кроме того, специфическое лечение способствовало благополучному исходу беременности и уменьшало шансы передачи сифилиса потомству. Доктор медицины А.В. Соболевский считал сифилис вполне излечимым, но при соответствующем лечении. Соглашаясь с известным сифилидологом профессором В.М. Тарновским, он настаивал: «Излечите всех больных, и ни почвенные, ни климатические, ни социальные, ни санитарные, ни какие-либо другие условия не дадут болезни возродиться вновь» [18, с. 4506].

Таким образом, на рубеже XIX–XX вв. в России медики вели на страницах общероссийской медицинской периодики борьбу с распространением венерических заболеваний путем раскрытия перед читателями объективной картины их распространения, вскрытия причин массовой заболеваемости населения, с опорой на социально-экономические показатели. Массовый характер болезней побудил представителей медицинской общественности на страницах печати выступить с серией публикаций для привлечения внимания общественности и власти к социальной проблеме. Медики стремились побудить общественность и власть к поиску эффективных мер по борьбе с распространением половых болезней и важнейшей их причиной – проституцией.

Библиографический список

1. *Васильев А.М.* О проституции в Либаве // Вестник общественной гигиены и судебной медицины. – 1911. – №10. – С. 1401–1430.

2. *Введенский А.А.* О заболеваемости проституток на Нижегородской ярмарке по данным ярмарочной женкой больницы // Вестник общественной гигиены и судебной медицины. – 1895. – Т. XXVI. – Кн. 2. – С. 170–191.

3. *Войцеховский Н.Ф.* Венерические болезни в войсках Туркестанского военного округа // Военно-медицинский журнал. – 1905. – №5. – С. 104–114.

4. *Герценштейн Г.М.* Сифилис в Новгородской губернии и вопросы борьбы с ним на VII и IX съездах земских врачей в 1888 и 1895 гг. // Вестник общественной гигиены и судебной медицины. – 1896. – Т. XXX. – Кн. 1. – С 28–61.

5. *Грацианов Л.А.* К вопросу о реорганизации надзора за проституцией в России // Вестник общественной гигиены и судебной медицины. – 1895. – Т. XVIII. – Кн. 2. – С. 139–169.

6. *Дидрихсон В.К.* О злокачественном сифилисе с новейшей точки зрения // Военно-медицинский журнал. – 1906. – №2. – С. 336–342.

7. *Зеленов И.Ф.* Как долго продолжается кондиломатозный период сифилиса и его заразительность // Военно-медицинский журнал. – 1895. – №4. – Ч. CLXXXIV. – С. 89–104.

8. *Ильинский И.* К статистике сифилиса в Костромской губернии // Вестник общественной гигиены и судебной медицины. – 1896. – Т. XXXI. – Кн. 3. – С. 203–241.

9. *Маркузон В.Д.* Популярные знания по вопросам половой гигиены // Журнал общества русских врачей в память Н.И. Пирогова. – 1911. – №1. – С. 101–111.

10. *Мурзин М.И.* Внеполовое заражение сифилисом 11-ти нижних чинов передачей заразы друг другу // Военно-медицинский журнал. – 1904. – №5. – С. 166–174.

11. *Назаров Г.М.* Больные 2-го венерического отделения Одесской больницы // Журнал русского общества охранения народного здравия. – 1901. – №7–8. – С. 450–466.

12. *Обозненко И.Е.* Материалы для рассуждений о распространении сифилиса и венерических болезней среди недостойного населения Санкт-Петербурга // Вестник общественной гигиены и судебной медицины. – 1898. – №5.

13. *Обозненко И.Е.* Общественные инициативы Санкт-Петербурга в борьбе с проституцией // Вестник общественной гигиены и судебной медицины. – 1905. – №11. – С. 1671–1689.

14. Отчеты о состоянии народного здравия и организации врачебной помощи в России за 1896–1914. – СПб.: Тип. МВД, 1905–1916.

15. *Протопопов Ю.М.* Два случая неполового заражения сифилисом // Военно-медицинский журнал. – 1904. – №12. – С. 739–741.

16. *Рубиновский А.Л.* Как следует бороться с распространением сифилиса // Журнал русского общества охранения народного здравия. – 1897. – №4. – С. 467–472.

17. *Скаткин Н.* Распространение сифилиса и его амбулаторное лечение в Московском уезде // Вестник общественной гигиены и судебной медицины. – 1896. – Т. XXX. – Кн. 2. – №5. – С. 91–113.

18. *Соболевский А.В.* О лечении сифилиса в войсках // Военно-медицинский журнал. – 1902. – № 12. – С. 4506–4607.

19. *Тихомиров В.В.* Два случая внеполового шанкра и несколько слов о мерах против распространения венерических болезней в войсках // Военно-медицинский журнал. – 1900. – №12. – С. 3497–3503.

20. *Топалов С.И.* К казуистике злокачественного сифилиса // Военно-медицинский журнал. – 1904. – №7. – С. 608–612.

21. *Уваров М.С.* О санитарном значении отхожих промыслов в отношении Тверской губ. // Журнал русского общества охранения народного здравия. – 1895. – №2. – С. 140–142.

22. *Федоров А.И.* Деятельность Санкт-Петербургского врачебно-полицейского комитета за период 1888–95 гг. // Вестник общественной гигиены и судебной медицины. – 1896. – №11. – С. 178–194.

23. *Чалин А.А.* Отчет по Нижегородской ярмарке женской больницы за 1900 г. // Вестник общественной гигиены и судебной медицины. – 1901. – №2. – С. 166–173.

24. *Чистяков М.А.* Значение старорусских минеральных вод в лечении сифилитиков // Вестник общественной гигиены и судебной медицины. – 1895. – Т. XXVI. – Кн. 1. – С. 1–11.

УДК 930

Комиссаров Павел Андреевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pavel88-11@mail.ru

КАНЦЕЛЯРСКОЕ ДЕЛОПРОИЗВОДСТВО КОСТРОМСКОЙ ДУХОВНОЙ КОНСИСТОРИИ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКОВ

На основе изучения комплекса архивных источников автор попытался проанализировать объём и характер делопроизводства Костромской духовной консистории, а также выявить факторы, влияющие на деятельность консистории в целом.

Ключевые слова: *консистория, делопроизводство, стол, бумаги, документы, секретарь.*

«Церковная жизнь развивается в епархиях, – писал в начале 1880-х годов публицист Н.В. Елагин, – а главной двигательной силой в епархии служит консистория, поэтому всё и дурное и хорошее по русскому церковному управлению должно обнаруживаться с особенной ясностью в делопроизводстве духовных консисторий» [9, с. 44].

Духовная консистория являлась присутственным местом, через которое под непосредственным начальством епархиального архиерея осуществлялось управление и духовный суд в епархии. Консистория состояла из присутствия и канцелярии. Задачей первого являлось слушание дел и вынесение «мнений» на суд архиерея, собственных указов, постановлений, распоряжений; функциями же второй было осуществление делопроизводства, обработка входящих и подготовка для отправки различным лицам, местам и ведомствам исходящих бумаг.

Члены Консистории собирались ежедневно с понедельника по пятницу, а при необходимости и в субботу. Присутствие начиналось в 9–10 часов утра и продолжалось, смотря по количеству, объёму и сложности дел. Время работы канцелярии регламентировалось только «общими узаконениями и требованиями самих дел» [11, с. 255]. В канцелярии консистории дела распределялись, согласно их характеру, по столам. Каждым столом заведовал один из служителей канцелярии – столоначальник, при этом за делопроизводством каждого стола наблюдал ещё и член присутствия консистории, кроме ректора семинарии. Общий надзор за канцелярией и правильностью делопроизводства возлагался на секретаря.

В конце XIX – начале XX века штат канцелярии Костромской духовной консистории состоял из секретаря, секретаря при епископе, столоначальников, регистратора, казначея, архивариуса и низших канцелярских чиновников, занимающихся письмоводством. Так в 1893г. последних насчитывалось 8 человек, в то время как всего в штате канцелярии числилось 17 служащих [4, л. 10–12]. Канцелярским чиновникам довольно часто было не под силу справиться с валом консисторских бумаг. «Здесь в собственном смысле бумажное царство – свидетельствовал современник. Бумаги лежат на столах, на стульях, на полу, на шкапах, за шкапами, на окнах, во всяком углу и на всяком свободном месте. Живые люди здесь движутся только около бумаг и за бумагами» [13, с. 41]. Были случаи, когда из-за недостатка канцелярских служащих к ведению консисторского письмоводства привлекались диаконы и причетники г. Костромы, как было в 1861г. [15, л. 1 об.] В конце XIX – начале XX века для этих целей использовались вольнонаёмные писцы. Так в 1901г. их насчитывалось 11 человек [4, л. 14].

До конца 1870-х годов в канцелярии Костромской духовной консистории было 5 столов, несмотря на то, что по штатам 1869г. было положено содержать только 4 [12, с. 134–135]. Сверхштатный

© Комиссаров П.А., 2013

пятый стол был оставлен преимущественно для производства дел, относящихся к расколу [16, л. 2]. Однако к 1876 году он был упразднён, а всё делопроизводство передано в компетенцию первого стола.

Современные исследователи рассматривают духовные консистории как органы епархиального управления, осуществляющие административные и судебные функции. При этом выделяют следующий административный круг дел: назначение на церковные должности; отчёты и характеристики кандидатов на должности; пострижения в монастырях епархии; управление имуществом архиерейского дома; управление монастырями и храмами [20, с. 20; 19, т. 7, с. 255]. Рассмотрим подробнее обязанности консистории.

Согласно отчёту о ревизии Костромской духовной консистории, в 1903 году производство дел распределялось следующим образом. В компетенцию первого (административного) стола входили вопросы, касающиеся распространения и охраны православной веры; наблюдения за богослужениями; раскола; определения духовников; приёма и рассмотрения духовных росписей; выдачи метрических свидетельств и выписок; определения в духовное звание и монашество; награждения лиц духовного звания; назначения пенсий и казённого содержания духовенства; хранения клировых ведомостей; рассмотрения актов свидетельствования благочинными церквей и ведомостей и поведения священно- и церковнослужителей; исключения из послужных списков подсудностей; составления срочных ведомостей; открытия приходских попечительств, попечительских советов, братств, сверхштатных священно- и церковнослужительских мест; разрешения спорных вопросов землепользования лиц духовного звания. Стол находился под руководством коллежского асессора Василия Ивановича Михайловского, под наблюдением протоиерея Костромского Богоявленского женского монастыря Александра Иоанновича Красовского [17, л. 15 – 15об.].

Второй (хозяйственный) стол рассматривал вопросы постройки, устройства и упразднения монастырей, соборов, церквей, кладбищ; хозяйства Архиерейского дома; проверки экономических книг; духовных завещаний; неправильного распоряжения церковными и оборочными статьями; исковые дела по нарушению контрактов духовными и светскими лицами по церковным постройкам; обмена билетов кредитных учреждений; доставления сведений земским управам и статкомитету; разбирательства споров по церковной земле; отпуска леса на постройку церквей и домов для причта; о самовольных постройках светских и духовных лиц на церковной земле; межевания церковных земель; продажи недвижимых имуществ; пожаров в церквах; выдачи сборных книг; бракоразводные дела; приём и рассмотрение духовных росписей и срочных ведомостей по Буйскому, Нерехтскому и Чухломскому уездов; определения и увольнения церковных старост. Столом руководил коллежский асессор Александр Арсеньевич Страхов, а наблюдателем был протоиерей Костромской Богородицкой церкви Александр Николаевич Троицкий [17, л. 16 об. – 18].

Третий (следственный) стол занимался делами, касающимися проступков и преступлений духовных лиц против должности (если поступали доносы и жалобы), а также против благочиния и благоповедения. Делопроизводством стола руководил коллежский асессор Александр Васильевич Соловьёв, контроль деятельности осуществлялся в лице кафедрального протоиерея Иоанна Яковлевича Сырцова [17, л. 19].

Четвёртый (денежный) стол курировал вопросы, связанные с определением, увольнением и награждением лиц, служащих в консистории; ведением формулярных списков членов консистории; распоряжением и отчётностью по суммам епархиального управления; сбором сведений о состоянии епархии для отчёта Святейшему Синоду; снабжением церквей метрическими книгами, исповедными росписями, приходорасходными и обыскными книгами, всеми необходимыми бланками; выпиской книг и журналов для духовенства; составлением ведомостей о пожертвованиях в пользу причтов по третям года; распоряжениями по устройству домов для семинарии и училищ; составлением ведомостей от имени секретаря для предоставления епископу и обер-прокурору; назначением светским лицам церковной епитимии; ежегодном назначении ревизионного комитета для проверки отчётов духовного ведомства. Надворный советник Алексей Иванович Реченский являлся столоначальником, работу стола контролировал протоиерей Костромской Богородицкой церкви Александр Николаевич Троицкий [17, л. 19 об. – 21].

Следует отметить, что такой порядок рассмотрения дел утвердился только с 1876 года. До этого времени первый стол рассматривал кроме административных ещё и бракоразводные дела, а 4-й стол именовался следственным [5, л. 1 – 49 об.].

Таким образом, консисторией рассматривались вопросы самого разного характера: административные, хозяйственные, следственные. Причём дела каждого из этих типов находились во всех столах, что наглядно отражено в таблице (см. таблица 1). И это не могло не привести к путанице в делопроизводстве. Были не редки случаи, когда дело передавалось в тот или иной стол не по назначению. Кроме того, административными, хозяйственными и судебными полномочиями была наделена не только консистория, но ещё и благочинные, и епархиальный архиерей. Не было такой инстанции, в ведении которой находился строго определённый круг дел. Например, если возникал вопрос административного характера, то проситель сначала обра-

Таблица 1

Распределение дел по столам в Костромской духовной консистории в конце XIX в.

Год	Стол	Характер поступивших в консисторию дел			Всего дел по каждому столу	Источник
		Административных	Хозяйственных	Следственных		
1885	1	1090	200	15	1305	ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 118, за 1885 г. Т. 3. Л. 122 об. – 130
	2	91	214	40	345	
	3	39	-	113	152	
	4	20	67	26	113	
1887	1	970	15	4	989	ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 120, за 1887 г. Т. 3. Л. 197 – 203
	2	99	163	32	294	
	3	14	-	165	179	
	4	22	89	32	143	
1891	1	923	46	37	1006	ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 124, за 1891 г. Т. 3. Л. 61 – 66
	2	132	134	40	306	
	3	104	-	67	171	
	4	26	79	39	144	
1893	1	915	123	41	1079	ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 126, за 1893 г. Т. 6. Л. 76 об. – 84
	2	190	126	32	348	
	3	47	-	86	133	
	4	120	35	37	192	

щался к благочинному, тот докладывал в консисторию, а окончательное решение принимал епископ. И на каждом уровне дело могло быть решено поразному.

Все эти недостатки, безусловно, негативно влияли на епархиальное управление, а консисторское делопроизводство подвергалось жесткой критике современников. Протоиерей А.М. Иванцов-Платонов сетовал на непомерное развитие бюрократизма, изведение огромного количества бумаги, педантичную точность относительно подготовки бумаг, их запутанность и многословность. «В какой-нибудь консисторской бумаге, испещрённой всякого рода условными канцелярскими формулами, между двумя главными терминами: «слушали» и «приказали», с большим трудом приходится иногда добраться до живого человеческого смысла» [10, с. 26]. Случалось так, что прошения, присылаемые в Костромскую консисторию, оставались без последствий лишь из-за того, что «не удовлетворяли элементарным требованиям грамматического смысла» [6, л. 219]. Если при личном объяснении дело могло бы решиться в нескольких словах, то в консистории возникало целое канцелярское дело – со множеством докладов, справок, резолюций, мнений, и решений.

Общий порядок консисторского делопроизводства регламентировался уставом духовных консисторий, однако это нисколько не облегчало его сложность. Секретарём назначались дежурные из канцелярских чиновников и служащих, которые принимали с почты пакеты с документами и денежными суммами, присылаемыми на имя консистории. После записи в книгу дежурства, они передавались секретарю для распечатки. Указы и повеления Святейшего Синода вносились в особый реестр, хранящийся в присутственной камере, прочие документы вносились в общий входящий реестр. Регистратор пронумеровывал бумаги и передавал их в столы под роспись столоначальников, которые готовили дела для доклада присутствию. Документы доставлялись в присутствие в настольных докладных реестрах секретарём или под его руководством, столоначальником. Исключение составляли повеления и указы Святейшего Синода, объявлявшиеся немедленно, а также пакеты с секретными сведениями и денежными суммами, вносившиеся в присутствие лицами, через которых они были приняты с почты. В докладе дел соблюдалась очередь, за исключением некоторых вопросов, таких как 1) содержание арестантов; 2) запрещение в служении лиц духовного звания; 3) назначение на священно- и церковнослужительские места; 4) выдача Св. антимнисов; 5) освящение храмов; 6) происшествия в церквах [11, с. 256–257].

По окончании слушания каждого дела, члены консистории, каждый из которых имел право равного голоса, кратко записывали резолюцию и подписывали необходимые бумаги, причём количество подписей должно было быть не менее трёх. Регистраторам записывались в журнал заседания статьи, а столоначальниками составлялись протоколы, если того требовал характер конкретного вопроса. Данные процедуры были обязательны только для некоторых типов дел, регламентированных уставом духовных консисторий [11, с. 257–258]. Подписанные журналы и протоколы предоставлялись преосвященному для окончательного решения. Приготовленные бумаги просматривались секретарем, после чего сдавались столоначальникам под расписку регистратора для отправления.

Итак, подготовка дел и бумаг сосредотачивалась в канцелярии, а члены присутствия консистории только записывали резолюцию. Кроме того, без

секретаря не обходилось ни одно заседание, что, безусловно, делало его ключевой фигурой не только в консисторском делопроизводстве, но и в епархиальной жизни вообще. Секретарь консистории приобрёл такое значение, что его расположения искали многие из тех, кто состоял на службе по духовному ведомству, в том числе благочинные, сдававшие в консисторию отчёты; священники, занятые делопроизводством в приходах; вообще все, принадлежавшие к духовному сословию и вынужденные по тому или иному поводу обращаться к епархиальному начальству [14, с. 80].

Наибольшее количество дел в Костромской консистории рассматривалось в первом (административном) столе. Решаемые вопросы имели, как правило, просительный характер, когда благочинный, священник либо другое лицо или ведомство обращались к консистории для решения конкретного вопроса. Тяжелее всего приходилось канцелярским чиновникам и служащим третьего стола, так как там рассматривались следственные дела, отличавшиеся сложностью и запутанностью делопроизводства. Нелегко приходилось и члену консистории, который осуществлял контроль над третьим канцелярским столом. Согласно отчёту преосвященного, в 1910 году член следственного стола протоиерей А. Горицкий «слёг в постель из-за напряжённой работы», и вынужден был оставить службу в консистории. У его преемника, священника В. Ильинского, человека от природы не богатого здоровьем, только на 3 месяца хватило для службы в консистории. Заместивший его 50-летний священник И. Соколов, «не в меру ретиво принявшийся за дело», тоже почувствовал себя плохо в виду припадка, явившегося последствием переутомления [7, л. 8.]. Такая частая смена членов консистории отрицательно сказывалась на её работе.

Нельзя однозначно сказать, насколько успешно Костромская духовная консистория справлялась с большими объёмами делопроизводства. С одной стороны, можно отметить некоторые успехи в её деятельности. Например, обер-прокурор Святейшего Синода А.П. Ахматов признал Костромскую консисторию «по деятельности и исправности третьей или четвёртой из всех консисторий» [2, с. 2]. А в 1895г., согласно всеподданнейшему отчёту обер-прокурора Святейшего Синода, в Костромской духовной консистории насчитывалось только одно нерешённое дело, что позволило ей оказаться по данному показателю лидером, среди всех консисторий империи [3, с. 71]. Для сравнения, в Киевской духовной консистории в 1895 г. насчитывалось 550 неоконченных дел, в Омской – 447, Орловской – 481, Смоленской – 12, Олонецкой – 3, Саратовской – 6, Нижегородской – 13 [3, с. 70 – 71].

С другой стороны, следует иметь в виду, что обозначенные выше данные предоставлялись самими духовными консисториями и «на бумаге». Они могли указать всё не так, как было на самом деле, особенно принимая во внимание множество бумаг, подсчитать которые было чрезвычайно сложно. По мнению публициста XIX в. Н.В. Елагина, порядок в консисторских документах можно было поддерживать лишь незаконными или полу законными средствами [13, с. 36]. Учитывая, что основную массу нерешённых дел составляли следственные, то можно предположить, что канцелярия стремилась их как можно скорее затянуть, «закрыть», независимо от обстоятельств дела, чтобы сбросить с себя лишнее бремя; либо принять решение в пользу того лица, которое даст взятку. Взяточничество со стороны служащих консисторий приобретало систематический характер. «Член консистории доступен для полтинника, для целкового, для бутылки рому, для фунта чаю, и недоступен для лучшего иерея в епархии…, как ведутся дела там, где у всех – от членов до последнего сторожа – цель одна – обирать и грабить, понять легко», – писал сельский приходской священник Тверской губернии И.С. Беллюстин [1, с. 144]. В канцелярию Синода и обер-прокурора Синода ежегодно доходили просьбы о пересмотре того или иного дела, некоторые из которых содержали и претензии к деятельности консистории. Например, в 1887г. крестьяне с. Горцева Нерехтского уезда подали жалобу в форме докладной записки, в которой обвиняли священника Алексея Ушакова в вымогании платы за исполнение треб. Также они указали, что духовная консистория затягивает это дело, и требовали удалить священника из их прихода. В итоге дело было закрыто, а Ушаков отделался лишь выговором без внесения в послужной список [18, л. 1 – 15].

Объективную картину консисторского делопроизводства могли дать ревизии, проводившиеся синодальными чиновниками в епархиях. В 1881–1894 гг. прошло 32 ревизии, причём 16 консисторий было обревизовано дважды [13, с. 43]. В 1881г. ревизия Воронежской консистории обнаружила 2529 нерешённых дел, которые накапливались с 1865 г. [13, с. 41]. Ревизия Костромской духовной консистории была проведена только в 1903 г., причём акцент делался на проверку консисторских сумм. О каких-либо нарушениях в делопроизводстве или количестве нерешённых дел документ не содержит информации [17, л. 1–21].

Понять, как складывалась картина делопроизводства Костромской духовной консистории, мы можем, обратившись к отчётам епископа и консисторского секретаря, которые содержатся в фондах РГИА и ГАКО. Полученные данные приведены в таблицах 2 и 3. Проанализировав информацию, можно прийти к выводу, что с начала 1860-х и до начала 1880-х годов объём входящих и исходящих консисторских бумаг постоянно уменьшался. Это было связано в первую очередь с государственной политикой в отношении приходов, число которых

Таблица 2

Объём делопроизводства Костромской духовной консистории в конце XIX – начале XX века

Год	Число входящих бумаг	Число исходящих бумаг	Журнальных статей	Протоколов	Источник
1861	14583	22189	4292	538	РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 56. Л. 1
1868	12 263	13 373	5 231	514	РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 275. Л. 2 об.
1873	9640	10 849	4924	388	РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 529. Л. 2 об. – 3
1883	8152	8326	1364	184	РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1008. Л. 3.
1891	10929	13220	1725	253	ГАКО. Ф. 130. Оп.7. Д. 124, за 1891 г. Т.3. Л. 1 об.
1900	13 627	15 868	2615	231	РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1842. Л. 2 об.
1910	20223	20 600	2791	357	ГАКО. Ф. 130. Оп.7. Д. 135, за 1910 г. Л. 8 об.
1914	22270	23025	1643	362	РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2645. Л. 3.

Таблица 3

Количество нерешённых дел Костромской духовной консисторией во второй половине XIX – начале XX века

Год	Общее число поступивших дел за год	Нерешённых дел (с учётом всех лет)	Нерешённых дел за ведомствами и лицами	Нерешённых дел за канцелярией	Нерешённых дел за присутствием консистории	Источник
1861	1939	235	Нет данных	Нет данных	Нет данных	РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 56. Л. 1
1868	1687	190	Нет данных	Нет данных	Нет данных	РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 275. Л. 2 об.
1873	1973	106	98	8	-	РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 529. Л. 2 об. – 3
1883	1616	90	75	15	-	РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1008. Л. 3.
1891	1627	84	66	18	-	ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 124, за 1891 г. Т.3. Л. 1 об.
1900	1381	196	173	23		РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 1842. Л. 2 об.
1904	909	244	203	31	10	ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 135, за 1904 г. Т.2. Л. 1
1906	1561	279	234	45		РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 2152. Л. 2 – 2 об.
1908	1819	405	360	23	22	ГАКО. Ф. 130. Оп.7. Д. 135, за 1908 г. Т.2. Л. 2

уменьшалось в данный период, и как следствие было меньше и делопроизводства епархиального управления. Скорее всего, именно это и явилось причиной закрытия 5 сверхштатного стола в этот период. Однако с середины 1880-х и до конца первого десятилетия XX века объём делопроизводства неуклонно увеличивался, а к 1908 году стал просто критическим, что привело к необходимости вновь открыть пятый сверхштатный стол, круг рассматриваемых дел которого определялся епархиальным начальством [7, л. 4об.]. Кроме того, объём входящих и исходящих бумаг был прямо пропорционален количеству нерешённых дел. Чем больше было разного рода корреспонденции, тем менее эффективно работала консистория. С начала XX века в Костромской духовной консистории нерешённые вопросы, оставшиеся за присутствием консистории, стали обыденным явлением, которого ранее практически не наблюдалось.

В результате Костромская духовная консистория к концу первого десятилетия XX века плохо справлялась со своими прямыми обязанностями. Этому способствовали как объективные, так и субъективные факторы. Первые заключались в том, что делопроизводство духовного ведомства практически не изменилось, начиная с 1841 года. Необходимость реформ в управлении духовным ведомством была продиктована течением времени, трансформацией общественно-политических институтов, ходом исторического процесса вообще. Со стороны государства не последовало серьёзных преобразований консисторского делопроизводства, за исключением устава духовных консисторий 1883 года, который немногим отличался от предыдущего аналогичного документа. Рост православного населения, количества храмов, числа священно- и церковнослужителей, благочиннических округов, открытие братств и благотворительных обществ, развитие миссионерской деятельности в епархии увеличивали количество бумаг, следовавших в консисторию, нагружая её большей работой, с которой эффективно могли справиться только квалифицированные кадры. Завал нерешённых дел также был связан и с болезненным состоянием секретаря Костромской консистории Владимира Александровского, который не мог полноценно исполнять свои обязанности из-за душевного расстройства [8, л. 1–23]. В любом случае, влияние канцелярских чиновников и секретаря на деятельность консистории является отдельным вопросом для исследования.

Библиографический список

1. *Беллюстин И.С.* Описание сельского духовенства. – Лейпциг, 1858.

2. 25 марта 1867 в Костроме. Краткие сведения по управлению его преосвященством, преосвященным Платоном КЕ в течение 10 лет, с конца марта 1857 г. Кострома, 1867.

3. Всеподданнейший отчёт обер-прокурора Святейшего Синода по ведомству Православного вероисповедания за 1894–1895 годы. – СПб., 1895.

4. Государственный архив Костромской области (далее – ГАКО). Ф. 130. Оп. 7. Д. 116.

5. ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 323.

6. ГАКО. Ф. 130. Оп. 2. Д. 512.

7. ГАКО. Ф. 130. Оп. 7. Д. 135, за 1910 г.

8. ГАКО. Ф. 130. Оп. 14. Д. 380.

9. *Елагин Н.В.* Белое духовенство и его «интересы». – СПб., 1881.

10. *Иванцов-Платонов А.М.* О русском церковном управлении. – М., 1898.

11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 16, отд. 1. – СПб., 1842.

12. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 44, отд. 1. – СПб., 1873.

13. *Полунов А.Ю.* Под властью обер-прокурора. Государство и церковь в эпоху Александра III. – М., 1996.

14. *Римский С.В.* Российская Церковь в эпоху великих реформ. – М., 1999.

15. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 796. Оп. 442. Д. 56.

16. РГИА. Ф. 796. Оп. 442. Д. 375.

17. РГИА. Ф. 796. Оп. 445. Д. 191.

18. РГИА. Ф. 797. Оп. 57. 3 отд. 5 стол. Д. 14.

19. *Смолич И.К.* История русской церкви. 1700–1917 гг. – М., 1996.

20. *Федоров В.А.* Русская Православная Церковь и государство. Синодальный период. 1700–1917. – М., 2003.

УДК 94(470)"1919-1920"

Лобанов Владимир Борисович
кандидат исторических наук
Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет им. С.М. Кирова
lobanov19772009@yandex.ru

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА НА ЮГЕ РОССИИ: ВОЕНАЧАЛЬНИКИ КАВКАЗСКОЙ АРМИИ ВСЮР

В статье рассматривается командный состав одной из белогвардейских армий юга России – Кавказской в 1919–1920 гг. Дается анализ офицерского состава армии. Кратко характеризуется деятельность двух командующих (П.Н. Врангель, С.Л. Покровский) и трех начальников штаба (Я.Д. Юзефович, П.Н. Шатилов, Д.М. Зигель) армии.

Ключевые слова: *Гражданская война, Кавказская армия, Белое движение, Врангель, Покровский, Шатилов.*

За свою краткую историю (май 1919 – февраль 1920 гг.) Кавказская армия в составе вооруженных сил Юга России неоднократно меняла свой командный состав. Несмотря на свою, казалось бы, второстепенную роль в структуре белогвардейских армий, на ее участке происходили ожесточенные сражения, что естественно отражалось на ее командной структуре. Офицерство здесь четко делилось на несколько групп: кубанские казачьи офицеры, самая многочисленная по составу, т.к. армия в большинстве своем состояла из кубанских казаков [1, с. 244], офицеры бывшего Кавказского фронта 1-й Мировой войны, и офицеры, на протяжении всей Гражданской войны прибывавшие на территорию, занятую белой армией и воевавшие, по тем или иным причинам, именно в Кавказской армии. Одной из вышеуказанных причин было возрождение старых полков русской армии, куда целенаправленно направлялись офицеры. Первая и вторая группы часто пересекались, т.к. на Кавказском фронте Великой войны воевало большое количество кубанских казачьих частей [2, с. 331].

Прежде всего, обратим внимание на командование Кавказской армии. Всего за время ее существования у нее было 2 командующих: генералы П.Н. Врангель (с мая по ноябрь 1919 г.) [3, с. 183] и В.Л. Покровский (с ноября 1919 по февраль 1920 гг.) [4, с. 243]. Первый был типичным представителем 3 группы. Он прибыл на территорию, занятую Добровольческой армией, в августе 1918 г., сразу получил ряд командных должностей, на рубеже 1918–1919 гг. стал во главе Кавказской Добровольческой армии, из состава которой в мае 1919 г. была выделена в том числе и Кавказская армия. По-видимому, главной причиной этих назначений следует упомянуть желание генерала А.И. Деникина использовать П.Н. Врангеля как талантливого кавалерийского военачальника: роль кавалерии в той войне трудно было переоценить. Не все были довольны такими назначениями, особенно в среде «первопоходников», многие считали П.Н. Врангеля выскочкой, уклонявшимся до удобного момента от участия в вооруженном противостоянии с красными. Однако П.Н.Врангель во многом оправдал возложенные на него надежды, ведь именно руководимая им Кавармия добилась наибольших успехов во второй половине 1919 г., заняв Царицын [5], продвинулась на север, следуя «Московской директиве» А.И. Деникина [6, с. 55–56], вышла на соединение с частями Уральской армии генерала Толстова в июле 1919 г. Уход П.Н. Врангеля с этого поста был обусловлен именно тем, что А.И. Деникин в критический момент конца 1919 г., когда белый фронт рушился на всех направлениях, хотел использовать его как талантливого кавалерийского военачальника, который смог бы переломить ход войны на посту командующего Добрармией. Но этого не произошло.

Назначение же генерала В.Л. Покровского на освободившийся пост командарма, по-видимому, было связано с нехваткой комсостава в конце 1919 г., возможно, сыграло свою роль то, что он был участником Ледяного похода, что очень ценилось в белой армии. Генерал фактически не входил ни в одну из перечисленных группировок. Он появился в Добрармии в конце 1917 г. в чине капитана, на заре ее существования, отличился в первых боях с большевиками на Кубани, за что Кубанской Радой сначала был произведен в полковники, а незадолго до соединения Кубанского правительственного отряда с Добрармией стал генералом. Свою роль в столь высоком назначении сыграло талантливое командование 1-м Кубанским корпусом в ходе успешного весенне-летнего наступления Кавармии в 1919 г., он считался героем взятия Царицына и Камышина [7]. К несчастью для него, именно с его именем было связано падение Царицына 2 января 1920 г. То, что он в феврале 1920 г. перестал командовать армией, было связано с тем, что она фактически перестала существовать, остатки ее были преобразованы в Кубанскую армию и получили в командование своего природного кубанца генерала А.Г. Шкуро [8, с. 592].

Вкратце рассмотрим теперь начальников штаба армии и их деятельность на этом посту. За все время существования у Кавармии их было всего 3 человека: генералы Я.Д. Юзефович (с мая по июль 1919 г.), П.Н.Шатилов (с июля по ноябрь 1919 г.) и Д.М. Зигель (с ноября 1919 по февраль 1920 гг.). Первый прибыл в расположение белогвардейцев в 1918 г., начальником штаба стал по рекомендации П.Н. Врангеля как талантливый кавале-

© Лобанов В.Б., 2013

рийский военачальник, позже он стал комкором, а его место на посту начштаба занял П.Н. Шатилов. Он был из числа офицеров бывшего Кавказского фронта, где дослужился до генерал-квартирмейстера штаба фронта, прибыл в Добрармию в конце 1918 г. [9, с. 573]. Сначала П.Н. Шатилов отличился как талантливый кавалерийский комдив, а затем комкор, победитель красной 10-й армии под Великокняжеской в мае 1919 г. Поэтому кажется естественным его назначение начштаба у П.Н. Врангеля. С именами этих двух белых военачальников связаны самые громкие победы Кавармии на протяжении всего времени ее существования. Уход П.Н. Шатилова с этого поста связан с тем, что он в конце 1919 г. ушел из Кавармии вместе с Врангелем. Что касается Д.М. Зигеля, то он закончил Великую войну на посту комдива, затем какое-то время служил в гетманской армии, а в конце 1918 г. появился на территории, контролируемой Добрармией. Со временем он становится генерал-квартирмейстером Кавармии, а с назначением В.Л. Покровского командармом становится начальником штаба [8, с. 609] до момента ее роспуска.

Что касается командного состава армии, здесь следует упомянуть еще ряд известных имен, сыгравших значительную роль в истории Белого движения. Прежде всего, это генерал А.А. Лампе, бывший некоторое время генерал-квартирмейстером армии, генерал П.А. Кусонский, занимавший этот пост после Д.М. Зигеля, позже бывший одно время помощником начштаба Главкома ВСЮР П.Н. Врангеля. Еще одной заметной фигурой в комсоставе Кавармии несколько месяцев 1919 г. был генерал П.С. Махров, занимавший пост начальника военных сообщений армии [10, с. 63]. Именно благодаря его стараниям армия, неоднократно бывшая на грани поражения, с честью выходила из сложившихся ситуаций. Позже генерал был некоторое время начштаба у Главкома ВСЮР А.И. Деникина.

Среди комкоров, комдивов и комполка, отличившихся в рядах Кавармии, было большое количество кубанских казаков по происхождению, т.к. армия имела ценность как кавалерийский кулак, но встречались и некубанцы. Следует отметить таких генералов, как комдив, а затем комкор С.Г. Улагай; комдив Н.Г. Бабиев, черкес по происхождению, которого считали еще одним героем взятия Царицына и который погиб во время наступления Русской армии генерала П.Н. Врангеля летом 1920 г. в Северной Таврии; начальник тыла армии А.В. Фок; Н.М. Успенский, бывший одно время комкором армии, а затем на некоторое время ставший Кубанским атаманом; В.Г. Науменко, также бывший военачальником Кавармии, а затем долгое время Кубанским атаманом уже в эмиграции; командир Кабардинской дивизии Н.В. Шинкаренко, оставивший интереснейшие воспоминания о Гражданской войне на юге России; комполк и комдив Кавармии М.А. Фостиков, возглавивший в 1920 г. на Кубани «Армию возрождения России» [11, с. 89], боровшуюся с большевиками.

В заключение стоит отметить, что комсостав армии довольно часто менялся, текучесть кадров была значительной. Только в ходе июньских боев 1919 г. за овладение Царицыным комсостав армии поменялся и количественно, и качественно. По этому поводу писал в своих «Записках» сам П.Н. Врангель, констатируя, что было убито или ранено 5 комдивов, 3 комбрига, 11 комполка [3, с. 197]. Постоянные сражения, нехватка подкреплений и боеприпасов, подавляющее преимущество противника в численности и вооружении отрицательно сказывались на моральном духе командования Кавармии, о чем постоянно информировалось командование ВСЮР [12]. Несмотря на это, именно благодаря своему комсоставу Кавармия добилась во второй половине 1919 г. наивысшего успеха в борьбе с Красной армией на Нижней Волге, прикрывая правый фланг вооруженных сил юга России.

Библиографический список

1. Гражданская война и интервенция в СССР: Энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 704 с.

2. *Елисеев Ф.И.* Наказной атаман Кубанского Казачьего Войска генерал Бабыч // Джигитовка казаков по Белу Свету. – М.: Центрполиграф, 2006. – С. 311–338.

3. *Врангель П.Н.* Записки. Часть первая // Белое дело: Избранные произведения в 16 кн. Кавказская армия. – М.: Голос, 1995. – 432 с.

4. *Рутыч Н.Н.* Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных Сил Юга России: Материалы к истории Белого движения. – М.: Астрель; АСТ; Российский архив, 2002. – 384 с.

5. Донские ведомости (Новочеркасск). – 1919 г. – 19 июня. – № 140.

6. *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Вооруженные силы юга России. Заключительный период борьбы. Январь 1919 – март 1920. –Минск: Харвест, 2002. – 464 с.

7. Российский Государственный Военный Архив (РГВА). Ф. 39540. Оп. 1. Д. 10. Л. 37 об.

8. *Клавинг В.* Гражданская война в России: Белые армии. – М.: АСТ; СПБ.: Terra Fantastica, 2003. – 640 с.

9. *Шатилов П.Н.* В Добровольческой армии // Вооруженные силы на Юге России. – М.: Центрполиграф, 2003. – С. 573–588.

10. *Махров П.С.* В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба Главнокомандующего Вооруженными Силами Юга России. – СПб.: Logos, 1994. – 304 с.

11. *Фостиков М.А.* Дневник // Дневники казачьих офицеров. – М.: Центрполиграф, 2004. – С. 113–178.

12. РГВА. Ф. 39540. Оп. 1. Д. 11 Лл. 11-17 об.

УДК 338.45:664

Мухачев Николай Владимирович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
kpc@kmtn.ru

ОТКУПА И АКЦИЗЫ ПРИ ПОСТАВКАХ КРЕПКИХ НАПИТКОВ В ВЕРХНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В XVIII – XIX ВВ.

В настоящей статье сделана попытка показать в общей форме финансовую политику Российского государства и бюджетные доходы от питейного дела в производстве, поставке и торговле крепких спиртных напитков в Верхнем Поволжье при откупной и акцизных системах первой половины XVIII–XIX вв.

Ключевые слова: *откупная система, акцизная система, питейное дело, заподряд, винокуренные заводы, поставка крепких напитков.*

Государственные финансы в России и питейное дело, как организация виноторговли и бюджетные доходы от нее, всегда были взаимосвязаны. В XVIII–XIX вв. алкогольная политика была важнейшим звеном внутренней политики Российской империи. Питейное дело – дореволюционный термин. Им обозначалась, как питейная торговля, так и доходы государственного бюджета от патентов с виноторговли.

Питейный налог на протяжении российской истории XVIII–XIX столетий составлял основную статью доходов государственного бюджета. Именно этим объясняется тот факт, что вопрос о налогах с продажи спиртного на протяжении не только этого периода, но и практически всей истории России пользовался со стороны правительства исключительным вниманием, актуален он и сегодня. Косвенное обложение, основу которого составлял питейный сбор, всегда закладывало фундамент финансового, а, следовательно, и общегосударственного благополучия.

Винные откупа – специфическая, характерная для дореформенных экономических отношений в России форма налогообложения в «питейной» торговле, практиковавшаяся в России до введения акцизного налога. Значение винного откупа для государственных финансов России в этот период было очень велико. И это обстоятельство в решающей степени влияло на то, что откуп просуществовал длительное время, хотя царская власть неоднократно пыталась его отменить. Доход государства с винной торговли в последние годы существования откупной системы, ликвидированной в 1863 г., составлял до 46% всех поступлений в государственную казну, опережая с 1840-х гг. поступления от прямых налогов – подушной подати и оброка с государственных крестьян вместе взятых [12, т. 1, с. 626]. За 140 лет существования винного откупа в России «питейный» доход казны увеличился, по некоторым оценкам, в 335 раз [7, с. 3].

В первой половине XVIII в. второй большой группой доходов в бюджете Российской империи составляли косвенные сборы – доходы от казенной торговли вином и солью, от сбора таможенных пошлин и другие. По окладной табели 1724 г. сборы государства по этим статьям составили 2790740 руб. или 32,1% всех доходов бюджета, причем доходы от казенной торговли равнялись 1631 тыс. руб. или 18,6% (от продажи вина – 969 тыс. руб. (11,4%); от торговли солью – 662 тыс. руб. (7,2%); сборы с торговли – 1159 тыс. руб. (13,5%) [11, с. 651–652, 658–660].

Из числа косвенных налогов одним из наиболее крупных источников доходов в бюджете России являлся сбор с продажи вина, торговля которым, как и ранее, была казенной монополией. Попытки Правительства увеличить доходы от торговли вином шли по двум направлениям: 1) сосредоточения в казне производства и поставки вина и 2) повышения продажных цен на вино.

Разрешение дворянам в 1761 г. курить вино «про свой домовый обиход» привело к широкому распространению незаконного винокурения дворянами и продажи ими вина в обход казенных кабаков.

Не меньше страдала казна от увеличения контрабандной торговли вином купцами, бравшими казенные подряды на строительство винокуренных заводов и поставку вина казенным кабакам.

Развитие дворянского и особенно купеческого винокурения, уменьшавшего доходы казны, привело к тому, что некоторые представители правительственных кругов предлагали запретить купеческое винокурение (проекты А.И. Остермана, (1741 г.) [16, Гос. арх., XIX р., д. 215, лл. 1–23, 37], вице-президента Камер – коллегии Г. Кисловского (1741 г.) [16, Гос. арх., XIX р., д. 215, лл. 25–29] и другие).

Закрытие купеческих винокуренных заводов означало расширение привилегий дворянства, увеличивало его долю в прибыли от винокурения. Но осуществление этого мероприятия не повысило доходов казны от винной торговли, напротив, оно ухудшило снабжение казенных кабаков вином, так как дворяне нередко нарушали условия контрактов о поставке вина. Поэтому в середине 60-х гг. XVIII в. правительство снова делает попытку завести казенные винокуренные заводы, чтобы уменьшить зависимость от откупщиков и увеличить поступления в казну. Было решено построить казенные заводы, которые смогли бы выкуривать в год 400 тыс. ведер вина [16, Гос. арх., XIX р., д. 7, ч. V, лл. 1–3, 46–55; 17, с. 179–180]. Если принять во

© Мухачев Н.В., 2013

внимание, что ежегодно казна продавала около 2,3 млн. ведер вина [16, Гос. арх., XIX р., д. 7, ч. V, л. 34], то производство 400 тыс. ведер на казенных заводах мало меняло положение.

Рост доходов государства от продажи вина был показателем не роста производительных сил и народного благосостояния, а разорения народа [8, с. 168].

Важно рассмотреть роль Правительства в системе поставок крепких спиртных напитков при откупной и акцизной системах империи. Поставки крепких напитков в XVIII в. в Великороссийских губерниях осуществлялось через откупщиков. Правительством на соответствующий год для губерний назначался заподряд, т.е. подряд или поставка на определённое количество полугарного вина [2, с. 27; 10, с. 19]. При существовавшей государственной монополии на продажу вина казна в первую очередь контролировала размеры его производства. Конечно, легче всего это было сделать, обеспечивая выкурку необходимого количества на казенных заводах. Еще в 1766 г. президент камер-коллегии А.П. Мельгунов (ставший впоследствии первым ярославским генерал-губернатором) разработал «Проект заведения казенных винокуренных заводов». По этому проекту предполагалась модернизация водочных производств и увеличение выпуска водки до 200 тыс. ведер в год с продолжением наращивания мощностей [14, с. 148]. Проект внедрения не получил. Еще 7 ноября 1773 г. был обнародован указ императрицы Екатерины II – «Учреждения для управления губерний Всероссийской империи», имевший основополагающее значение для создания системы управления в наместничествах. В соответствии с этим указом для сбора казенных доходов на местах учреждалась Казенная палата в губернии и вводилась должность уездного казначея в каждом уезде. Казенной палате поручались «в смотрение домостроительные и казенные дела губернии, как то: ведомости о числе народа, ревизионные сказки, сведения о приходе и расходе, ревизия счетов, соляные дела, винный откуп и подряд». В Ярославле Казенная палата была создана 21 декабря 1772 г. [6, ф. 2, оп. 2, д. 15, л. 28]. Председателем Казенной палаты по утвержденному штату всегда являлся вице-губернатор, и её членами – директор экономии, советник, два асессора и губернский казначей. С 1795 г. помещик для собственных нужд мог выкуривать 90 ведер вина в год. Служители казенной палаты обязаны были следить за сроками винокурения, чтобы предотвратить превышение выкурки. Произведенное сверх указанных 90 ведер вино почиталось корчемным. Еще более контроль усиливался, если владелец винокуренного завода заключал контракт на поставку.

При заключении контракта владелец винокуренного завода лишался права выкурки 90 ведер для собственных нужд.

Контракт заключался в результате торгов, проводимых казной один раз в четыре года (к началу XIX в.). Затем контракты стали заключаться сроком за два года до начала поставок. Накануне торгов министром финансов в секретном предписании председателям казенных палат губерний определялись крайние цены на вино (то есть минимум и максимум того, что могла заплатить казна). Претенденты не позднее, чем за 3 дня до начала торгов должны были прислать заявки с указанием требуемых цен. Заводчик в своих расчетах ориентировался на существующие цены на хлеб, затраты на производство и доставку. Выигрывал на торгах тот, кто предлагал поставку вина за цену наиболее близкую к назначенной министром финансов [17, с. 35].

Меньшую цену запрашивали производители из хлебородных губерний, которые имели возможность использовать собственное сырье и более дешевый транспорт. Но казна заботилась о развитии местного винокурения как одной из отраслей помещичьего предпринимательства, к тому же стимулировавшей развитие сельского хозяйства на территории губернии. Поэтому законодательство гарантировало льготы в получении поставок для местных заводов [6, ф. 100, оп. 1, д. 95, л. 10]. Однако не всегда цена местных заводчиков удовлетворяла Правительство. При слишком большом расхождении между предложенной и предполагаемой ценой право поставки передавалось иногородним заводчикам.

После проведения торгов с победителями заключались контракты на поставку. В них определялись цена, количество ведер, транспорт (сухопутно или водой) и сроки поставки вина в казенные магазины. Помещик, произведя вино, должен был передавать его посреднику, казне, не имея права продавать его самостоятельно.

Расчет с поставщиками производился в три приема: $^1/_3$ причитающейся суммы выдавалась сразу по заключении контракта; $^1/_3$ – при доставке на пристань, последняя треть – при предъявлении свидетельства о поставке вина в казенные магазины. С заводчика при заключении контракта требовался залог, обеспечивающий выполнение обязательств перед казной. Чаще всего это были деревни, принадлежащие хозяину винокурни. Но могло быть использовано в качестве залога и другое имущество [15].

2 апреля 1817 г. были опубликованы манифест и устав о питейном сборе. В манифесте объявлялось о вводе казенной продажи питей с 1 января 1819 г. Они вводились в двадцати девяти Великороссийских губерниях, в том числе Костромской, Владимирской, Вологодской, Тверской и Ярославской.

В соответствии с уставом управление питейного сбора в губернии сосредотачивалось в казенной палате. Здесь регламентировались надзор за винокурением и хранением вина, заведование магази-

нами и наблюдения за питейной продажей [13, т. 34, № 26764].

Представляет определенный интерес анализ поставок вина казенными и частными винокуренными заводами в Вологодскую губернию и губернии Верхнего Поволжья: Владимирскую, Костромскую, Тверскую и Ярославскую в период второй половины XVIII–XIX вв.

В 1776–1780 гг. самая высокая поставка вина (в ведрах) производилась в Вологодскую – 56914, Тверскую в 1776 г. – 141854 [5, ф. 72, оп. 3, д. 107, л. 1–11; д. 147, л. 3, 35], Владимирскую в 1815 г. – 178178 [4, ф. 133, оп. 1, д. 5363, л. 6], Ярославскую в 1849 г. – 550000 [6, ф. 73, оп. 1, д. 3930, л. 6], Костромскую в 1853 г. – 500000 [4, ф. 133, оп. 12, д. 314, л. 4].

Важную роль в поставках винокуренной продукции имели сроки подрядов, прописанные в губернских ведомостях. Например, сроки подрядов на поставку вина в губернии Владимирскую, Костромскую, Тверскую и Ярославскую на 1843 г. назначены министром финансов 14 августа 1842 г. [9, с. 180], на 1844 г. сроки подрядов на два периода: зимний и летний, и тому подобное, вплоть до 1862 г. [18, с. 22–24; 9, с. 341–342].

Производительность винокуренных заводов Вологодской, Владимирской и Ярославской губерний, начиная с 1862 по 1901 гг. в градусах безводного спирта неуклонно росла. Например, самым производительным годом для Ярославской губернии являлся 1864 г. – 53050669,13^0 [6, ф. 140, оп. 1, д. 3, л. 1–5], Вологодской 1877–1878 гг. – 16411263,12^0 и Владимирской 1884 г. – 77906471^0 [3, ф. 351, оп. 1, д. 61, л. 14–17; д. 24, л. 3].

Немаловажное значение в питейных доходах империи играла продажа питей в губерниях Верхнего Поволжья. Например, доходы в Вологодской губернии в 1783 г. от проданного вина составляли 493516 руб. серебром, однако в 1874 г. только 92077 руб. 40 коп. серебром [6, ф. 72, оп. 1, д. 1689, л. 3; д. 298, л. 16]. В Ярославской губернии, наоборот, доходы от продажи вина ежегодно росли, самая высокая продажа вина была в 1876 г. на сумму 3514773 руб. 14 коп. серебром [6, ф. 642, оп. 1, д. 22844, л. 1–4], самая низкая в 1784 г. – 129054 руб. серебром [6, ф. 72, оп. 1, д. 294, л. 3].

В течение второй четверти XIX в. доходная часть бюджета Ярославской губернии складывалась, главным образом, за счёт поступлений от винных откупов. Так, в 1859 г. доход по винной части выглядел следующим образом: откупных акцизных – 1346500 руб., за казенное вино – 1476497 руб. 52 коп., акциз с трактиров в уездах – 250 руб., за вино, предполагаемое к отпуску для освещения спиртом улиц – 3310 руб., итого: 2828757 руб. 52 коп. Таким образом, питейный доход составлял 69% всей доходной части бюджета губернии. Общий же доход по Ярославской губернии за 1859 г. составлял 4114980 руб. 88 коп. [6, ф. 73, оп. 1, д. 5021, л. 71–72].

В пореформенные годы положение казенной палаты изменилось с введением акцизной системы. 4 июля 1861 г. были упразднены питейные отделения казенных палат. Самое существенное преобразование действовавшей системы налогов выразилось в замене винных откупов акцизом на вино. Основные положения акцизной системы питейного сбора были утверждены 4 июля 1861 г. [13, 2-е изд., т. 36, №37197].

«Питейный доход» в России состоял из акцизных сборов от винокуренных производств (основание – нормы выхода вина из определенного количества припасов и их соответствие емкости квасильного пространства), акциза с меда и пива, бандерольного сбора с водочных изделий (в данном случае бандероль – это посуда под водку), патентного сбора с винокуренных заводов (основание – наименьшая совокупная емкость квасильных чанов) и с питейных заведений, патентного сбора со спичечных фабрик, из разного рода взысканий и бандерольного сбора [5, ф. 819, оп. 1, ед. хр. 6521, л. 1об.–2].

Введение акцизной системы увеличило доходность государственного бюджета от налогов с питейного дела. С 1861 по 1894 гг. питейный доход увеличился с 126288000 руб. до 297386000 руб. Общие поступления бюджета за это же время составили соответственно 417424000 и 1232715000 руб. [12, ч. 1, с. 632–639; ч. 2, с. 640–650].

В заключение можно назвать следующие источники увеличения питейного дохода: повышение акцизной пошлины и патентов; ограничение размеров отчисления безакцизного перекура и повышение норм выхода спирта из винокуренных припасов; увеличение производительности винокуренных заводов.

Значение акцизной системы состояло в получении государством значительных доходов от производства спирта и вина, недостаток необходимых финансовых ресурсов приводил к интенсивному поиску источников пополнения бюджета, к жесткой государственной регламентации выгодных в финансовом отношении экономических сфер, к приоритету государства в экономической и общественной жизни страны. В связи с этим можно говорить о том, что акцизная система регламентировала винокуренное производство, подчиняло его развитие финансовым интересам государства [1].

Акцизная система стала толчком к развитию предпринимательского мастерства в винокуренной отрасли. Государственная политика привела к индустриализации водочного производства, которое за время акцизов из кустарного промысла превратилось в важную хозяйственную отрасль, ведущую выпуск высокосортной продукции. Государственная забота о качестве алкогольной продукции обеспе-

чила высокие темпы развития ректификационного дела в губерниях.

Упадок переживало дворянское винокурение. Очередной подъем отрасли последовал в результате широкомасштабных стимулирующих мероприятий 1880–1890-х гг. Акцизы открыли дорогу государственной винной монополии.

Библиографический список

1. *Богданов С.В.* Винокуренное производство в Тверской губернии во второй половине XIX в.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Тверь, 2000. – 24 с.

2. *Горюшкина Н.Е.* История государственного регулирования свободного оборота алкоголя в пореформенной России (по материалам Курской губернии). – Курск: Курск. гос. техн. ун-т., 2009. – 260 с.

3. Государственный архив Вологодской области (ГАВО).

4. Государственный архив Костромской области (ГАКО).

5. Государственный архив Тверской области (ГАТО).

6. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО)

7. *Киттары М.Я.* Публичный курс винокурения. – СПб., 1862. – Вып. 1. Лекция 1.

8. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. V. – М., 1937.

9. Костромские губернские ведомости ((КГВ). – 1842. – 13 июня –№23.; 1861. – 10 июня. – № 23.

10. *Краснов И.А.* Кому на Руси пить хорошо? Очерки по истории алкогольного вопроса в дореволюционной России. – СПб.: Специальная литература, 2004. – 239 с.

11. *Милюков П.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. – СПб., 1892.

12. Министерство финансов. 1802–1902. – СПб., 1902.

13. Полное собрание законов Российской империи. – 2-е изд. (ПСЗ–II); 3-е изд. (ПСЗ–III).

14. *Романов С.* История русской водки. – М.: Вече, 1998. – 448 с.

15. *Саблина А.А.* Виноторговля в Ярославской губернии в конце XVIII – первой половине XIX вв.: Автореф. дис. … канд. ист. наук. – Ярославль, 2000. – 24 с.

16. Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА).

17. *Юрчук К.И.* Помещичье винокурение в Ярославской губернии в XIX в. Учебное пособие. Ярославль. – 1997. – 51 с.

18. Ярославские губернские ведомости. – 1842. – 8 января. – № 2.

УДК 940

Мязин Николай Александрович
Калужский государственный университет
sweatrod@mail.ru

МЕЖЭТНИЧЕСКИЕ КОНФЛИКТЫ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ В КОНЦЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКОВ

В статье описывается появление и развитие межэтнических конфликтов в современной Великобритании. По мнению автора, азиатское сообщество вызывает недовольство среди белой и черной молодежи нежеланием интегрироваться.

Ключевые слова: *Великобритания, межэтнические конфликты, азиатское сообщество, черное сообщество.*

В 2011 г., по данным влиятельного журнала Intellegent Life, Лондон был признан «Столицей мира» [21]. В этом же году в Лондоне и ряде других английских городов вспыхнули беспорядки, продолжавшиеся несколько дней, в которых участвовали тысячи человек.

Попробуем разобраться, какую роль в беспорядках в Англии играл этнический фактор, в каких случаях совместное проживание представителей разных рас, религий и культур заканчивается серьезными конфликтами. Для этого рассмотрим все этнические столкновения в Англии со времен окончания II Мировой войны.

Все этнические столкновения можно условно разделить на две группы:

– этнические конфликты, направленные против полиции;

– межэтнические: столкновения представителей этнических меньшинств между собой или столкновения этнических меньшинств с коренным населением.

Этнические конфликты возникали из-за стремления молодежи из этнических меньшинств отстоять (а возможно и выработать) коллективную идентичность и равные права. Этнические конфликты возникали, когда вырастало второе поколение потомков иммигрантов: черных и азиатов. К «азиатам» по британской классификации относят выходцев из Пакистана, Бангладеша, Индии и их потомков [18].

«Черные» бунты пришлись на 1975–1985 гг., наибольшую известность получила «Кровавая суббота» – беспорядки, вспыхнувшие в Брикстоне в 1981 г. [3] и беспорядки в 1985 г. в Лондоне и Бирмингеме [9].

© Мязин Н.А., 2013

«Азиатские» бунты также пришлись на те годы (1992–2001), когда выросло второе поколение британских азиатов. Наиболее массовый характер приняли беспорядки 1995 г. в Брэдфорде [2, с. 1].

Можно сделать вывод, что «азиатские» бунты имели тот же характер, что и «черные» бунты: в обоих случаях в основе конфликта лежала проблема адаптации второго поколения потомков иммигрантов, которая усугублялась из-за противостояния этнических преступных группировок и полиции, беспорядки происходили по ночам, бунтовщики так же устраивали баррикады из горящих машин, и грабили магазины [19]. После взросления второго поколения «этнические» конфликты прекратились, так как и черные, и азиаты нашли свое место в обществе, а полиция прилагала все усилия, чтобы не спровоцировать новые этнические волнения.

Межэтнические конфликты представляют собой столкновения представителей этнических меньшинств между собой или столкновения этнических меньшинств с коренным населением

Можно выделить три группы межэтнических конфликтов:

1. Между белыми и черными: 1958 г. (Лондон).

2. Между азиатами и белыми: 1981 г. (Лондон), 1989 г. (Дьюсбери), 2001 г. (Олдхэм, Бернли, Брэдфорд).

3. Между черными и азиатами: 2005 г. (Бирмингем), 2011 г. (Бирмингем).

1. Единственным серьезным столкновением между белыми и черными были погромы черных кварталов белой молодежью в 1958 г. Выходцы из Британской Вест-Индии селились в рабочих кварталах, так как там дешевле жилье, и занимали рабочие места. Возрастающая конкуренция на рынке труда и рост этнической преступности в районах проживания черных вызывали недовольство белой рабочей молодежи «Тедди бойс» (Teddy Boys). Ситуацию подогревали фашистские группы, такие как «Союз за Британскую свободу» (Union for British Freedom), которые призывали сохранить Британию белой.

В августе произошли первые столкновения, а в ночь на 30 августа в районе Notting Hill начались погромы. На улицах действовало несколько мощных «мобов» белых, вооруженных ножами, арматурой и «Коктейлями Молотова». Черные в свою очередь объединились, вооружились и стали давать отпор. Беспорядки распространились на другие районы Лондона с черным населением, они продолжались несколько ночей, и были подавлены только к 5 сентября. Всего в беспорядках приняли участие четыре тысячи человек [16].

Чтобы наладить межэтнические отношения, со следующего года в наиболее проблемном районе Лондона, Notting Hall, стал проводиться Карибский карнавал [22].

2. Первые столкновения между белыми и азиатами начались еще в восьмидесятые: в 1981 г. в Бирмингеме азиаты сожгли паб, к котором собирались неофашисты [8]. В том же году азиаты разогнали концерт скинхедов, который проходил в здании в «азиатском» районе: «коктейлями Молотова» было сожжено здание клуба, в драке участвовали 400 азиатов, против 200 скинхедов, беспорядки продолжались пять часов, здание клуба сгорело, 120 человек были ранены, половина из них – сотрудники полиции.

В 1989 г. демонстрация «Британской национальной партии» в Дьюсбери, к которой присоединились многие горожане (всего около 600 человек), закончилась массовыми беспорядками, азиаты сожгли паб и подожгли здание Общественной палаты. В Дьюсбери причиной недовольства белого населения стал не рост преступности в этнических районах, а образование азиатских гетто [14] (на настоящий момент более 30% жителей Дьюсбери – азиаты, есть чисто мусульманские районы).

Наиболее серьезные межэтнические столкновения между белыми и азиатами произошли в 2001 г. в Олдхэме (26–27 мая), Бернли (23–25 июня) и Брэдфорде (8–9 июля).

В Олдхэме к 2001 г. доля азиатов достигала 11,9% [1], все начальные и многие средние школы были моноэтничными: в них обучалось или 99% белых или 99% азиатов, доля смешанных браков составляла менее 1%, многие пакистанские районы не контролировались полицией, то есть фактически было создано гетто: город был абсолютно четко разделен на «белые» и «азиатские» районы [7].

В такой обстановке обострились межэтнические отношения, в 2000 г. в Олдхэме было зафиксировано 572 расовых преступления, в 62% случаев жертвами становились белые. За месяц до начала беспорядков, в апреле, тремя азиатскими подростками был жестоко избит и ограблен 76-летний ветеран войны. Это преступление получило широкое освещение в прессе. Произошли столкновения 50 активистов «Национального фронта», приехавших из Лондона и Бирмингема с «Антинацистской лигой» и группами азиатов.

Беспорядки начались с драки между тремя белыми парнями и тремя азиатами. В этой драке победу одержали азиаты. К белым на помощь прибыло десять человек, которые закидали кирпичами ближайший азиатский магазин, разбили окно в азиатском доме. Вскоре собралось до 500 молодых азиатов. Они стали жечь автомобили, закидали камнями и подожгли паб Live and Let Live. Также эти молодые люди пытались машинами заблокировать запасной выход, чтобы не дать возможности посетителям покинуть горящий паб. В прибывших на место полицейских азиаты кидали камни. Ночью развернулись массовые драки между азиатами и белыми, для подавления беспорядков

в город прибыли спецподразделения полиции [17, с. 2–5]. Более двадцати человек, в том числе 15 полицейских, получили ранения, 37 человек были арестованы [10]. За участие в беспорядках десять человек были посажены в тюрьму на 9 месяцев.

В Бернли доля азиатского населения была значительно меньше: 6,6%, но обстановка была напряженной из-за событий в Олдхэме. По данным полиции, там также соперничали между собой белые и азиатские наркоторговцы [23]. Поздно ночью азиат ранил ножом белого парня возле паба. Из паба вышла толпа из пятидесяти белых, они били машины, окна, избили таксиста-азиата. Новости об этом распространились по городу. Вечером следующего дня группы белых стали громить азиатские магазины, азиатская молодежь поджигала машины и сожгла паб. Столкновения происходили также между азиатской молодежью (200–300 человек) и полицией [4]. Беспорядки продолжались три дня, ущерб составил миллион фунтов [20].

В Брэдфорде, где доля пакистанского населения достигает 14,5% [24], из-за событий в Олдхэме и Бернли обстановка также была напряженной. «Антинацистская лига» провела демонстрацию против расизма, в которой участвовало около 500 человек, в основном азиатов. Во время демонстрации распространились слухи, что активисты «Национального фронта» собрались неподалеку в пабе, демонстранты побежали бить нацистов, и во время драки белый мужчина получил ножевое ранение [11]. После этого начались жестокие столкновения между ультраправыми с одной стороны и азиатской молодежью (и не только молодежью) с другой. Беспорядки приняли беспрецедентно (до 2011 г.) масштабный характер: помимо массовых драк азиаты грабили магазины, жгли машины, был подожжен Маннингемский клуб Лейбористской партии (его поджег 48-летний Мухаммед Ильяс, отец шестерых детей, владелец автомойки) [5]. Беспорядки подавляли более тысячи полицейских, из них триста получили ранения, общий ущерб составил более 27 миллионов фунтов стерлингов. За участия в беспорядках было осуждено 200 человек (общий срок заключения составил 604 года) [12].

Во всех случаях столкновения между белыми и азиатами переходили в столкновения азиатов с полицией.

3. Столкновения между черными и азиатами начались совсем недавно, в 2000-е гг. В Бирмингеме столкновения между черными и азиатами происходили дважды: в 2005 и 2011 гг.

Бирмингем считается центром пакистанской общины Англии (пакистанская диаспора насчитывает более 144 тыс.) [25]. В городе между общинами черных (карибцев) и азиатов были напряженные отношения: черным не нравилось, что азиаты переделывают кварталы под себя, создают гетто, где устанавливают нормы шариата. Масло в огонь подливало противостояние этнических преступных группировок.

В 2005 г. поводом для начала конфликта послужило групповое изнасилование 14-летней черной девушки группой азиатов, о котором сообщили по пиратской радиостанции. Вскоре начались столкновения: черные громили магазины, принадлежащие азиатам, азиаты нападали на черных, двое черных были убиты: одного зарезали (IT-аналитика, который шел домой из кино), [6] другого случайно застрелил из пистолета собственный друг [13].

Во время августовских беспорядков 2011 г. черные громили магазины, принадлежащие азиатам, трое азиатов, которые пытались защитить свои магазины от погромщиков, были насмерть сбиты машиной, за рулем которой сидел черный [15].

Существует принципиальная разница между черной и азиатской общинами. Черные (особенно карибцы) довольно успешно интегрировались в британское общество, многие нашли нормальную работу. Даже те, кто ушли в криминальный мир, не противопоставляют себя остальному обществу.

Азиаты (пакистанцы и бангладешцы) стремятся жить изолированно, вместе с соплеменниками, своей жизнью, по своим обычаям, быстро образуют азиатские гетто и требуют переустройства общества по своим законам. Это вызывает неприятие у представителей других этнических групп: как белых, так и черных. Межэтнические конфликты с участием азиатов вызваны возникновением азиатских гетто. Полиция предпочитает не вмешиваться в жизнь гетто, это уменьшает напряженность, но, в дальнейшей перспективе, приводит к возникновению параллельных структур и фактически выводит гетто из-под власти английских законов.

Довольно ограниченное участие белых в межэтнических конфликтах мы можем объяснить уменьшением численности белых рабочих, той силы, которая являла собой наиболее активных участников уличных столкновений.

Библиографический список

1. About Oldham // Greater Manchester Fire and Rescue Servise. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.manchesterfire.gov.uk/my_area/oldham/about_oldham.aspx

2. *Bagguley Paul.* The Bradford 'riot' of 2001: a preliminary analysis. – University of Leeds, 2003.

3. Brixton Riots, 1981 // Metropolitan Police Service. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.met.police.uk/history/brixton_riots.htm

4. *Bunyan Nigel.* Police out in force to counter Burnley race riots // The Telegraph. – 26.6.2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/1310348/Police-out-in-force-to-counter-Burnley-race-riots.html

5. Businessman jailed over Bradford riots // BBC News. – 03.07.2003. – [Электронный ресурс]. – Ре-

жим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/england/west_yorkshire/3042440.stm

6. *Casciani Dominic*. Fear and rumours grip Birmingham // BBC News. – 25.10.2005. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/4373040.stm

7. *Chrisafis Angelique.* Mean streets in a divided town // The Guardian. – 12.12.2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.guardian.co.uk/uk/2001/dec/12/race.politics

8. Criminal Attempts Act 1981 // legislation.gov.uk. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.legislation.gov.uk/ukpga/1981/47/section/8

9. *Hawkes Steve.* My mum got caught in the crossfire' // BBC News. – 12.05.2004. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/politics/3706789.stm

10. *Kassaimah Shaher.* Reasons behind the ethnic riots in Oldham // OnIslam.net. – 13.06.2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.onislam.net/english/politics/europe/436274

11. *Kundnani Arun*. Sentences reduced for Bradford rioters // Redhotcurry.com. – 01.02.2003 . – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.redhotcurry.com/archive/news/2003/bradford_rioters.htm

12. Last Bradford rioter is sentenced // BBC News. – 21.12.2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/england/west_yorkshire/7156619.stm

13. Man jailed for killing his friend // BBC News. – 21.04.2006. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/england/west_midlands/4932116.stm

14. *Morrison Eddy.* Memories of a street soldier. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.aryanunity.com/memoirs14.html

15. *Orr James.* Birmingham riots: three men killed 'protecting homes' // The Telegraph. – 10.08.2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.telegraph.co.uk/news/uknews/crime/8693095/Birmingham-riots-three-men-killed-protecting-homes.html

16. *Pressly Linda.* The 'forgotten' race riot // BBC News. – 21.05.2007. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/6675793.stm

17. *Ritchie David.* Oldham independent review. – 11.12.2001. – p. 2–5

18. The Classification of Ethnic Groups // National Statistics. – 16.02.2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://web.archive.org/web/20070406195623/http://www.statistics.gov.uk/about/Classifications/ns_ethnic_classification.asp

19. *Victor Peter.* Asian youths in battles with police; Petrol bombs and burning barricades during second night of riots in Bradford // The Independent. – 11.06.1995. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.independent.co.uk/news/asian-youths-in-battles-with-police-petrol-bombs-and-burning-barricades-during-second-night-of-riots-in-bradford-1585838.html

20. *Weaver Matt*. Riots 'product of racist propaganda' // The Guardian. – 31.06.2006. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.guardian.co.uk/uk/2006/may/31/politics.communities

21. What`s the capital of the world? // Intelligent Life. – 09. 10. 2011. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://moreintelligentlife.com/content/ideas/john-parker/what-capital-world?page=full

22. *Younge Gary.* The politics of partying // The Guardian. – 17.08.2002. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.guardian.co.uk/culture/2002/aug/17/nottinghillcarnival2002.nottinghillcarnival

23. 2001: Race violence erupts in Burnley // BBC on this day. – 25.06.2001. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.bbc.co.uk/onthisday/hi/dates/stories/june/25/newsid_2519000/2519285.stm

24. 2011 Census results // Bradford Metropolitan District Council . – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bradford.gov.uk/bmdc/government_politics_and_public_administration/2011_census

25. 2011 Census: KS201EW Ethnic group, local authorities in England and Wales // Office for National Statistics. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.ons.gov.uk/ons/rel/census/2011-census/key-statistics-for-local-authorities-in-england-and-wales/rft-table-ks201ew.xls

УДК 94(47).082; 94 (47). 083

Наградов Илья Сергеевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
Nastavnik_Kim@rambler.ru

КОСТРОМСКАЯ КОМИССИЯ ПО РАССЛЕДОВАНИЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТАРООБРЯДЦЕВ-СТРАННИКОВ (1850–1851 ГГ.)

В статье рассмотрена история создания и деятельность Костромской следственной комиссии о старообрядцах-странниках. Работа комиссии была одним из эпизодов усиленной борьбы российского правительства со старообрядцами в конце 1840 – середине 1850-х гг.

Ключевые слова: *правительственная комиссия, старообрядчество, странники.*

Странническое согласие зародилось в 1760-е гг. как ответ низших, декласcированных слоёв населения на усиление феодально-крепостнических отношений и непоследовательность умеренных старообрядческих толков в их отношениях с «миром антихриста». Идеологическая основа учения странников была разработана в среде радикально настроенных членов филипповского согласия. Дальнейшую разработку и оформление учения произвёл беглый солдат Евфимий, ранее также входивший в московскую общину филипповцев. Его сочинения содержат мысль о невозможности людей, живущих в миру, быть истинными христианами. По мнению Евфимия, антихрист воплотился в императоре Петре I и его преемниках. Он создал социальное неравенство через неравномерное распределение земель и имущества; потребовал уплаты налогов и податей, чем породил насилие и вражду между людьми. Единственный путь спасения по Евфимию – это бегство от несправедливого и нехристианского мира, окончание которого будет ознаменовано вторым пришествием Христа и его победой над антихристом [1]. Однако в результате столкновения с жизненными реалиями произошли изменения в повседневной практике. В согласии сформировались две группы: непосредственно странствующие, принявшие крещение члены согласия, и постоянно проживающие в миру, ещё не крещёные странноприимцы (жиловые, пристанодержатели). Последние из них вели обычное хозяйство и предоставляли странникам укрытие.

О существовании столь радикального течения в старообрядчестве правительству долгое время не было известно. Странников неоднократно задерживали, но определить в них представителей особого старообрядческого согласия не могли. Причиной этого являлись заявления бегунов в том, что они истинные христиане, чиновники же в подробности вероучения не вникали, поэтому судили их только за гражданские преступления [2].

История открытия согласия подробно описана в работе И.К. Пятницкого [3]. Автор показал, что основное следствие было проведено в Ярославской губернии комиссией министерства внутренних дел под председательством графа Юлия Ивановича Стенбока. Нами рассмотрен вопрос о методах работы указанной комиссии [4].

Из писем к родным одного из членов ярославской комиссии И.С. Аксакова мы узнаем, что в конце сентября 1850-го года он совершал поездку в Костромскую губернию. Вот как сам Иван Сергеевич описывал эту командировку: «Поводом к поездке моей были разные полученные сведения об укрывательстве в Кинешемском уезде двух необходимых для нас раскольников. Они – наставники и учители <...>. Необходимо было также иметь личные объяснения с костромским военным губернатором и дать ему полное понятие о предмете наших исследований. Все это сделалось так внезапно, что я за два часа до отъезда вовсе и не предполагал этого. Стенбок и прочие члены оставались в с[еле] Сопелках, а я отправился в Кострому, где пробыл сутки, остановившись у Унковского. Взяв от губернатора 8 человек жандармов и чиновника, в ту же ночь уехал я в Кинешму, верстах в 85 от Костромы, а оттуда отправился по дороге в Шую, где, в верстах в 35 от Кинешмы, произвел ночные обыски в двух деревнях, никого и ничего не нашел, кроме одной женщины, члена-корреспондента раскольничьего общества, которую и арестовал; утром отправился обратно в Кострому, куда и приехал к вечеру, а на другой день, т.е. 25-го, после свидания с губернатором, поскакал назад в Ярославль и вечером уже присоединился к комиссии. О Костроме и о Костромской губернии я не могу дать вам определительного понятия. Скажу только, что быт и самый народ там гораздо чернее или “серее’ ярославского. После Ярославской губернии вы невольно поражаетесь грубостью и невежеством, грязным бытом костромичей. Это, впрочем, вовсе не доказывает, чтобы нравственность там была лучше. Напротив, раскол в соединении с цивилизацией и произвел в Ярославской губернии такую скверную секту как сопелковская…» [5].

Поездка И.С. Аксакова имела определенные последствия. На основании обращения ярославской следственной комиссии, учрежденной по делам о пойманных в Ярославском уезде беглых, бродягах и пристанодержателях, состоявшегося 27 сентября 1850 г., костромской губернатор отправил в Костромской, Нерехтский и Кинешемский уезды

© Наградов И.С., 2013

следователей, в том числе чиновника особых поручений Дмитриева и асессора костромского губернского правления А.Ф. Писемского. Целью командировки было разыскание бегунских наставников Федора Иванова, Ивана Иванова Жаровского, Василия Якимова и Никиты Михайлова, а также выявление мест проживания странноприимцев, особенно в г. Плесе [6].

Дмитриев, имея информацию, что странники, известные чиновникам так же как последователи «ляминой веры», собираются по большим праздникам в г. Плесе, поспешил туда. Но несмотря на все усилия, поиски бегунов оказались безрезультатными.

Асессор костромского губернского правления, в будущем известный писатель А.Ф. Писемский, совместно с земским исправником обследовал с. Красное. В доме крестьянина Михаила Егорова он обнаружил двух девок из соседней деревни, которые нанялись в работницы. В красносельском бору у д. Ломки были найдены разрушенные кельи. Был произведен обыск у одного из жителей с. Ивановское, где отыскано несколько книг и рукописных тетрадей. Затем А.Ф. Писемским были пойманы Иван Федоров и Ксения Федорова с утварью, взятой из разрушенных келий-избушек. Но те сказали, что нашли вещи случайно и связь со странниками всячески отрицали. На наличие странников указывали и другие факты, однако самих странников не было.

Дознание по Кинешемскому уезду в октябре 1850-го производил младший чиновник особых поручений, чья фамилия в силу плохого состояния документов остается нам неизвестной. Прибыв в Кинешму, он пригласил местного исправника Звягина отправиться инкогнито в с. Вичугу. Однако и этим чиновникам узнать хоть что-нибудь о действиях загадочной секты не удалось. Не помогли и «крайне внезапные» обыски в домах подозрительных крестьян Ераста Федорова и Авдотьи Ивановой из д. Боровитиха.

Вероятно, неуловимость странников заставила МВД обратить на Костромскую губернию более пристальное внимание. Так 18 декабря 1850 г. И.С. Аксаков писал: «Бумаг в получении из П[етер]бурга нет никаких, но Каменский, костромской губернатор, проезжая через Ярославль, сказывал одному из наших знакомых, что в Костроме по поводу указанного нами раскола будет учреждена целая комиссия. Только неизвестно: по окончании ли нашей комиссии здесь или еще во время ее существования. Меня пугает мысль, что эта комиссия будет просто наша комиссия, переведенная в Костромскую губернию по окончании своих занятий здесь, или, если и учредят особую комиссию, так меня назначат в нее членом, чего мне страшно не хочется!» [7].

Однако опасения Ивана Сергеевича оказались напрасными. Уже через неделю ситуация с костромской комиссией прояснилась: «По крайней мере, теперь я обрадован другою новостью: я избавился от поездки в Кострому. Мы получили от м[инист]ра бумагу, что в Костромскую губернию назначается особая комиссия из чиновников нашего м[инистерст]ва, одного жандарма и местного чиновника. Лица эти все поименованы в бумаге м[инист]ра. Слава Богу! Одно только смущает меня: сказано, что эта комиссия должна действовать в связи с нашею и состоять с ней в постоянных сношениях. Это как будто обязывает и нашу комиссию продолжаться до окончания занятий костромской; может быть, делопроизводство костромской комиссии приобщится к нашему, и отчет должен быть общий... Все это меня пугает, и я с нетерпением жду приезда этих чиновников, чтоб узнать их инструкции» [8].

Таким образом, в Костромской губернии по распоряжению министра внутренних дел была учреждена комиссия, аналогичная по своим задачам ярославской. Точной даты создания комиссии мы не знаем, поскольку из полутора десятков дел, заведенным комиссией, сохранилось лишь семь, но и эти дела оказались сильно повреждены. Комиссия получила следующее название: «Костромская следственная комиссия, учрежденная по распоряжению г[осподина] министра внутренних дел».

В начале января 1851 г. петербургские чиновники прибыли в Костромскую губернию, предварительно посетив Ярославль. И.С. Аксаков писал: «Приехали, наконец, чиновники, назначенные для костромской комиссии. Слава Богу, что я не с ними: что за народ! Слава Богу и в том, что они не свяжут, кажется, действий нашей комиссии, которую мы намереваемся скоро закрыть» [9].

Иван Сергеевич, томившийся в Ярославле, излишне торопил события. Ярославской комиссии было суждено проработать еще целый год. Однако сам он, после стычки с министром внутренних дел Л.А. Перовским подал в отставку задолго до окончания её работы.

В состав же костромской комиссии вошли надворный советник, чиновник МВД Барабин, майор корпуса жандармов Шевелев, чиновник особых поручений при Костромском губернаторе Дмитриев [10]. Сообщение И.С. Аксакова о приезде нескольких чиновников из министерства обязывает нас продолжить поиск их фамилий в других источниках.

Для помощи комиссии по распоряжению губернатора было направлено четыре жандарма и 100 рублей серебром на прогоны и порционы, причем в июне выдача была произведена повторно. Комиссии также были выданы тетрадь для ведения записей или протоколов и допросные бланки.

Комиссией, которой было передано дело о кельях близ д. Ломки, были проведены дополнительные опросы жителей. Это дало некоторые резуль-

таты. Так, отставной рядовой Андрей Васильев из д. Ломки Кинешемского уезда, будучи православным, сообщил на допросе, что его жена Марья 35 лет, некоторое время назад, взяв из дома льна, 2 четверика семени, четверть ржи, новый полушубок, две кадки, из которых одна с брусникой, а другая с грибами, сбежала. Прошлой же зимой он видел прялку, кадки и другие вещи, увезенные его женой у крестьянина Федора Федорова и его жены Аксиньи Васильевой. В доме же деревенского старосты незадолго до масленицы собирались какие-то мужики. Все это говорит о том, что супруга ушла с бегунами. Однако другие жители указывали на то, что В. Васильев сам укрывает странников. Ф. Федоров, на которого указывал А. Васильев, и который приходился ему шурином, сообщил, что супруги «жили между собой сварливо» и это может быть причиной бегства, а вещи им куплены у жены-беглянки совершенно законно.

Еще одно дело, расследуемое членами комиссии, началось зимой 1851 г. и касалось поимки в д. Внуковке Нерехтского уезда семьи странников: Осипа (в странничестве – Иосифа) Семенова, Феклы (Феврусы) Кузьминой и их десятилетнего сына Ефима (Изосима). Они происходили родом из помещичьих крестьян графа Шереметьева д. Мещерино Коломенского уезда. Осип Семенов был резчиком «форм для фабрик», т.е. вероятно досок для набивания узора на ткани. Он был грамотен, умел читать и писать, неплохо разбирался в учении странников, и, по собственному признанию, «поучал других». Супруга его – уроженка д. Мещерино – происходила из семьи Ермаковых. По данным следователей к 1851 г. глава семьи записался в московское купечество по 1-й гильдии. Февруса не выказала глубокого знания страннического вероучения, но заявила следователям, что власти не признает, а вот если бы ей дали волю жить по заповедям Господа и Святых отцов, то признала бы.

По рассказам самого Иосифа, он перешел в странничество за 3,5 года до ареста. Комиссия указывала на то, что он скитается уже 7–8 лет. Первоначально Иосиф ушел в Пошехонские леса в Ярославской губернии. До или после этого они с женой были крещены или в с. Сопелки Иваном Яковлевым [Крайневым] или в с. Сеславино, где проживали в доме крестьянина Ивана Яковлева Крайнева. По сообщению свидетелей, проживая в Сеславино, Иосиф публично читал поучения и проповеди. Долгое время семья скиталась по Нерехтскому уезду, проживая то у одних, то у других странноприимцев, пока не была поймана сотским. Через посредство губернатора делом занялась костромская комиссия.

Как правило, странники отказывались раскрывать имена и место жительство странноприимцев. Для получения информации следователям приходилось использовать всевозможные приемы. Например, часто сведения получали от изгоев страннического общества или детей. Так и в этом случае, «приласкав предварительно сего мальчика», следователи узнали от Изосима места остановок семьи во время странствия, а также о том, что отец крестил по дороге двух человек. Иосиф же скрывал имена последователей «с необычайным упорством», а в спорах доходил до исступления. В конце концов, он дал некоторые показания, потребовав, что бы все было записано дословно, и ему дали возможность подписать показания полууставным письмом.

В середине марта Костромская комиссия в полном составе прибыла для совещания с коллегами в Ярославль. С ними был мальчик Изосим, для проведения очных ставок с И.Я. Крайневым и его семьей, которых он сразу же опознал [11].

В феврале 1851 г. в д. Охлебники Кинешемского уезда были пойманы в доме крестьянина Николая странники Иван Александров, Матрена Захарова, Авдотья Маркелова, Марья Алексеева. При них оказались книги и рукописи [12]. Нерехтский и кинешемский тюремные замки стали наполняться арестантами. Однако таких ошеломляющих результатов, какие были получены в результате деятельности комиссии в Ярославской губернии, костромским чиновникам достичь не удалось. Во-первых, распространение странников в Костромской губернии не имело столь больших масштабов как в Ярославском крае. Во-вторых, состав комиссии был гораздо меньшим, чем в Ярославле. В конечном счете, министр внутренних дел распорядился деятельность комиссии прекратить с формулировкой: «по неимению … новых материалов по означенному предмету». Члену комиссии Барабину было приказано вернуться в главное управление МВД в Петербург, а имеющиеся дела сдать в департамент общих дел министерства внутренних дел [13]. Точную дату прекращения деятельности комиссии выяснить не удалось по причине плохой сохранности дел. Вероятно, это произошло в середине 1851 г., поскольку последние из имеющихся документов датируются июнем этого года.

Библиографический список

1. *Мальцев А.И.* Социально-политические взгляды Евфимия по его сочинениям и позднейшим старообрядческим источникам // Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма / под. ред. Н.Н. Покровского. – М., 1988. – С. 104–115.

2. Секта странников или бегунов в Ярославской губернии и открытие этой секты в 1850 году. – Ярославль, 1887. – С. 2.

3. *Пятницкий И.К.* Секта странников и её значение в расколе // Богословский вестник. – 1906. – Т. 1. – № 3. – С. 431–468 (2-я пагинация).

4. *Наградов И.С.* Следственная комиссия по расследованию деятельности страннического согла-

сия в Ярославской губернии в 1850–1852 гг.: к вопросу о правительственных методах борьбы с «расколом» // Клио. – 2011. – Ноябрь. – С. 90–91.

5. 28 сентября 1850 г<ода>. Четв<ерг>. С<е-ло> Сопелки // И.С. Аксаков. Письма к родным (1849–1856). – М.: Наука, 1994.

6. Государственный архив Костромской области. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 15. Л. 3–55. (Далее – ГАКО).

7. 18-го декабря 1850-го г<ода>. Понедельник // И.С. Аксаков. Указ. соч.

8. 25 декабря 1850 г<ода>. Понед<ельник> // И.С. Аксаков. Указ. соч.

9. 1851 года генваря 7-го. Воскресенье. Ярославль // И.С. Аксаков. Указ. соч.

10. ГАКО. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 15. Л. 3.

11. ГАКО. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 5. Л. 2 – 55 а.

12. ГАКО. Ф. 1028. Оп.1. Д. 7. Л. 2 – 25.

13. ГАКО. Ф. 1028. Оп. 1. Д. 15. Л. 3 – 53.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 069:06

Батулина Ольга Сергеевна
Шуйский филиал Ивановского государственного университета
magnitizma@mail.ru

ВНЕДРЕНИЕ В РАБОТУ ИВАНОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЪЕДИНЕННОГО ИСТОРИКО-РЕВОЛЮЦИОННОГО МУЗЕЯ ЭЛЕМЕНТОВ МУЗЕЙНОЙ ПЕДАГОГИКИ ПРИ РАБОТЕ С ДЕТСКОЙ АУДИТОРИЕЙ В 1980-Х ГОДАХ*

В статье рассматривается процесс внедрения элементов музейной педагогики в первые годы существования Ивановского государственного историко-революционного музея, создание системы работы музея с детской аудиторией посетителей.

Ключевые слова: *музей, музейная педагогика, детская аудитория, музей и дети, образовательно-воспитательное воздействие музея.*

В 1980-е годы в нашей стране ряд музеев от проведения отдельных традиционных мероприятий (сложившихся в процессе контактирования музея и образовательного учреждения) для подрастающего поколения перешёл к созданию целостной системы работы со всеми возрастными группами – детьми, подростками, юношеством. Впервые в довольно широких масштабах был поставлен вопрос о целенаправленной работе с одной и той же аудиторией, о необходимости включения музея в единую систему непрерывного образования, под которым понимался «процесс развития личности в ходе ее обучения и воспитания» [6]. Такой подход должен был способствовать гуманитаризации учебного процесса, всей жизни общества, что требовало обращения к мировой культуре, к истории, к духовным ценностям, а, следовательно, и к музею как специфическому институту социальной памяти.

В конечном итоге при создании системы ставилась цель развития личности, у которой было бы сформировано ценностно-эмоциональное отношение к историко-культурному наследию [2, л. 3]. Поставленной цели служили задачи формирования исторического сознания личности, под которым понималось осознание человеком своего положения в социальном времени и в социальном пространстве, своей связи с прошлым, настоящим и будущим. И, конечно, предпосылкой и условием достижения намеченной цели служила деятельность по воспитанию музейной культуры у юного посетителя, т.е. обучение языку музея, умению воспринимать музейные предметы и шире – предметный мир культуры в многообразных связях.

В 1987 году на базе Ивановского государственного объединенного историко-революционного музея (далее по тексту – ИГОИРМ) был создан Всероссийский научно-методический центр по работе с подрастающим поколением, который стал центром для всех музеев РСФСР и сотрудничал с сектором музейной педагогики Научно-исследовательского института культуры Министерства культуры РСФСР и Академии наук СССР. Данный центр был создан в целях повышения роли музеев в воспитании детей и подростков. Сотрудники центра разрабатывали и проводили занятия для детей в музее, конференции для воспитателей и учителей города Иваново, осуществляли исследования по эффективности музейного всеобуча, а также организовывали всесоюзную стажировку для сотрудников музеев один раз в год [3, л. 3].

Главными задачами научно-методического центра являлись [3, л. 8]:

– Систематическое изучение и анализ традиционных и перспективных форм работы государственных и общественных музеев РСФСР с детьми и подростками.

– Обобщение и широкая пропаганда передового опыта лучших музеев РСФСР в деле воспитания подрастающего поколения.

– Активное внедрение в практику своей деятельности новых эффективных форм работы советских и зарубежных музеев с детьми.

– Оказание действенной методической, практической и консультационной помощи музеям всех профилей и типов, кроме художественных, в деле совершенствования форм и углубления содержания идейно-политического, трудового и нравственного воспитания детей и подростков музейными средствами.

– Проведение итоговых конференций по основным проблемам работы музеев с детьми и подростками.

– Разработка и выпуск информационно-справочных и методических материалов в целях популяризации работы музеев с детьми и подростками.

– Углубление и расширение контактов с органами народного образования, пионерскими орга-

* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках соглашения № 14.B37.21.0030.

© Батулина О.С., 2013

низациями, научными обществами и другими организациями, занимающимися проблемами работы с подрастающим поколением, с последующим оформлением итогов совместной деятельности в виде конференций, статей, методических материалов, информационных бюллетеней.

– Разработка и представление на рассмотрение Министерства культуры РСФСР годовых и перспективных планов по подготовке музейных работников, повышению квалификации сотрудников музеев республики, активно занимающихся работой с детьми и подростками.

Начиная работу с детской аудиторией в системе, ИГОИРМ преследовал цель не только приобщения детей к музею как особой ценности, но и способствование раскрытия творческого потенциала ребенка посредством его общения с музейным пространством и музейными предметами. Дети в музее рассовали, сочиняли стихи – индивидуально и коллективно; лепили, участвовали в театральных представлениях, где им давались роли. И, буквально с первых же занятий, каждый ребенок получал такие «роли» даже в ходе традиционной экскурсии, представляя себя кем-то из животного мира, или в роли древнего человека эпохи неолита, который делал топор, потом в роли средневекового купца или монаха, потом в роли крепостного крестьянина и феодала, в роли рабочего и фабриканта и т.д. И во всех этих ролях было музейное окружение [1, л. 12].

Итогом внедрения в практику ИГОИРМ элементов музейной педагогики стала разработанная в 1988 году научная система «Музей и дети», элементы которой начинали складываться в ходе практической работы музеев страны. ИГОИРМ стал своеобразной экспериментальной площадкой для разработки и апробирования элементов и механизмов действия системы.

Работа в системе закономерно начиналась с организации музейного всеобуча детей – дошкольников и младших школьников, причем из года в год работа должна была вестись с одной и той же аудиторией. Целенаправленная работа с детскими садами, начальной школой, семьей – наиболее актуальное для того времени направление в образовательно-воспитательной деятельности музеев, возможно, более важное, чем традиционные контакты музея и школы. ИГОИРМ уделял этому аспекту особое внимание [2, л. 4]. Причем музейная форма «объединение» способствовала развитию новых идей в ускоренном темпе, поскольку музеи объединения располагались в разных городах Ивановской области, но имели одну четкую программу для всех музеев. «В ИГОИРМ музейный всеобуч стал частью широкомасштабной программы эстетического воспитания, разработанной под руководством местных партийных и советских органов с привлечением научных сил Москвы» [7, с. 4].

Созданная система работы с одной и той же аудиторией удовлетворяла следующим принципам [4, л. 9]: комплексности; непрерывности, последовательности, преемственности; многообразия и вариативности; действенности.

Принцип комплексности предполагал использование самых разнообразных, в том числе нетрадиционных, средств воздействия, в частности, включение в занятия с детьми и подростками: элементов творческой деятельности: лепка, моделирование, танец, пение, совместная игра. Принцип непрерывности означал постепенное, из года в год, и все более углубленное знакомство с музейной информацией. В музее должна была быть создана такая система, при которой каждая из программ, рассчитанная на разные возрастные группы, опиралась бы на ранее полученные знания и навыки и одновременно подготавливала бы новую ступень освоения историко-культурного наследия. Принцип многообразия и вариативности означал, что в каждом регионе система музейной работы должна быть разнообразной, с учетом его специфики и возможностей. И, наконец, принцип действенности предполагал особое внимание к вопросам эффективности системы. Для этого практиковались исследования и опросы, разрабатывалась система работы с педагогами, воспитателями детских садов и родителями, осуществлялся анализ проводимой работы [5, с. 11].

В сферу образовательно-воспитательного воздействия музея были вовлечены практически все дети г. Иваново в возрасте 4-10 лет. Для них в музее была разработана серия специальных экскурсий и игровых занятий. При этом администрация музея руководствовалась следующими принципами [2, л. 10]:

– «начинать работу с детей 4–6 лет, ежегодно подключая следующую возрастную группу;

– работать не с отдельными школа или классами, а со всеми детьми города;

– не нарушать действующие в детских садах и школах программы, а усилить их имеющимися в распоряжении музея возможностями;

– каждому занятию в рамках программы придать максимум целесообразности, вносить новые формы в действующий механизм».

Как уже было сказано, система «Музей и дети» проводила работу с одной и той же детской аудиторией в течение ряда лет, по определенной программе, с соблюдением принципа постепенности, последовательного усложнения требований, дифференцированного подхода к психологическим особенностям, знаниям и умениям детей различных возрастов [3, л. 3].

Целью системы «Музей и дети», помимо комплексного воспитания, являлось формирование исторического сознания – составной части мировоззрения [3, л. 3]. Вместе с этим решалась задача

воспитания музейной культуры – бережного отношения к предметам музейного значения не только в стенах музея, но и за его пределами, умения разбираться в предметном мире и вычленять из него исторически ценное, понимание путей, с помощью которых обычный предмет может стать предметом музейного значения.

Эти задачи решались путем воздействия на эмоциональную сферу детей, вовлечения их в трудовую деятельность и творчество как в процессе экскурсии, так и после нее, а также обратной связи «дети – музей» и постоянной целенаправленной работы с родителями и детьми, начатой в музее и продолжающейся за его стенами.

Внедренная система «Музей и дети» в рамках ИГОИРМ позволила музею и музейным сотрудникам «отойти» от традиционных базовых форм культурно-образовательной деятельности, сменив привычную экскурсию на театрализованную экскурсию, объединив по тематике несколько форм, например, лекцию и концерт, экскурсию и литературный вечер и т.д.

Таким образом, с середины 1980-х годов ИГОИРМ разрабатывает и проводит серьезную культурно-образовательную работу с детской аудиторией. Традиционные формы работы с населением смешиваются или дополняются новыми моментами, тем самым создавая условия для самореализации личности с учетом специфики музея, психологических, возрастных особенностей детской аудитории музейных посетителей; изменяя восприятие ребенка – посетителя музея (дошкольника, школьника, подростка) уже не как объекта воспитательного воздействия, а как равноправного собеседника; обращаясь к его внутреннему миру и воздействуя на его чувственно-эмоциональную сферу, что в итоге формировало у детей определенную систему ценностей, музейную культуру, пробуждало интерес как к культуре родного края, родной страны, так и к мировой культуре в целом.

Библиографический список

1. Научный архив областного государственного учреждения «Ивановский государственный историко-краеведческий музей им. Д.Г. Бурылина». Д. № 2876. (далее по тексту – Н/а ОГУ «ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина»)

2. Н/а ОГУ «ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина». Д. № 4030.

3. Н/а ОГУ «ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина». Д. № 4062а.

4. Н/а ОГУ «ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина». Д. № 4137.

5. *Ванслова Е.Г.* Роль музея в формировании исторического сознания у школьника. – М., 1990.

6. Концепция общего среднего образования: проект // Учительская газета. – 1988. – 23 августа.

7. Методические рекомендации. Создание системы работы с подрастающим поколением музейными средствами. – М., 1989.

УДК 378.02

Богун Виталий Викторович
кандидат педагогических наук
Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского
vvvital@mail.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАКТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ ВУЗОВ ПРИ ИССЛЕДОВАНИИ СВОЙСТВ РАВНОБЕДРЕННЫХ ТРЕУГОЛЬНИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ РАЗЛИЧНЫХ СРЕДСТВ ИНФОРМАТИЗАЦИИ

В предлагаемой статье рассматриваются вопросы формирования практического мышления студентов вузов при использовании современных информационных технологий (графического калькулятора и персонального компьютера) в процессе изучения геометрических свойств равнобедренных треугольников через призму интеграции тригонометрии и элементарной геометрии на плоскости. Представлены разработанные автором необходимые математические выкладки и программы на графическом калькуляторе и персональном компьютере, а также методика проведения соответствующих факультативных занятий.

Ключевые слова: *практическое мышление, информационно-коммуникационные технологии, малые средства информатизации, графический калькулятор, динамические интернет-страницы, геометрические свойства равнобедренных треугольников, интеграция тригонометрии и элементарной геометрии.*

В современной науке присутствует существенный недостаток проведенных научных исследований, посвященных развитию практического мышления студентов вузов при изучении ими различных дисциплин естественно-научного цикла. Для формирования определенных компетенций студентов в ракурсе получаемого высшего образования является необходимым наличие у них навыков решения профессионально-ориентированных задач, которые в совокупности формируют определенный уровень практического мышления.

Согласно Б.М. Теплову [1] практическое мышление ориентировано на решение конкретных практических задач. Практическое мышление строится на основе суждений и умозаключений, используемых при решении практических задач, что определяет основную цель мышления, которая заключа-

 © Богун В.В., 2013

ется в разработке средств практического преобразования действительности (постановка цели, создание плана, проекта, схемы).

Практическое мышление направлено на решение специфических практических проблем и задач, которые могут возникать в специальных видах профессиональной деятельности или в повседневной жизни. Особенность практических задач состоит в их частном характере и ограниченности требованиями конкретной ситуации. Практические задачи необходимо решать в обозримом отрезке времени – пока существуют условия и обстоятельства, вызвавшие эти задачи. Практическое мышление подразумевает пошаговое решение соответствующих задач с применением наглядных моделей и алгоритмов. Очевидно, что решение практических задач естественнонаучного цикла связано с реализацией вычислительных операций и их наглядного представления, то есть при использовании комбинированных знаний из алгебры, геометрии и тригонометрии.

В настоящее время применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) при изучении дисциплин естественно-научного цикла в учебных заведениях различного уровня является актуальной и перспективной задачей. В рамках реализации данной задачи необходима разработка концепции и входящих в ее состав различных методик применения ИКТ в процессе обучения. Очевидно, что идеальным учебным предметом с точки зрения применения ИКТ является математика в силу большого количества вычислительных операций и необходимости наглядной визуализации получаемых результатов.

При использовании ИКТ в обучении математике должны быть реализованы следующие образовательные задачи:

– развитие алгоритмического и творческого мышления учащихся при решении математических задач;

– формирование понятия о математическом моделировании, рассмотрение его роли в природе и науке;

– формирование навыков самостоятельной деятельности, интереса к научно-исследовательской работе;

– формирование практического мышления учащихся в силу использования алгоритмических и программных структур при решении задач.

В рамках школьного курса элементарной геометрии математические свойства равнобедренных треугольников на плоскости [2–6] рассматриваются только с точки зрения сформулированных нескольких определений, свойств и ряда доказываемых теорем. Однако в курсе элементарной геометрии не освещаются вопросы широкого исследования указанных фигур в ракурсе соотношений между линейными и угловыми элементами, входящих в состав данных геометрических фигур, что отрицательно сказывается на мотивации к изучению данной тематики, полностью блокирует интерес к научно-исследовательской работе в процессе обучения и препятствует формированию у учащихся необходимого уровня практического мышления при изучении данного раздела геометрии, поскольку не показывается применение геометрических свойств равнобедренных треугольников в различных прикладных аспектах, например, в строительстве и архитектуре.

Проведение соответствующих факультативных занятий, направленных на исследование свойств равнобедренных треугольников с точки зрения нахождения новых пропорций между его линейными элементами, а также получения значений и визуализации результативных параметров с использованием соответствующих программ на графическом калькуляторе и персональном компьютере необходимо осуществлять в рамках малых групп учащихся по 3–4 человека, получаемых в результате разделения исходной группы. Необходимость работы учащихся в малых группах обусловлена развитием навыков организации коллективной деятельности с учетом различных личностных психологических особенностей студентов, большей вариативностью значений исходных данных и, как следствие, повышением самостоятельной творческой деятельности учащихся в результате обработки значений исходных данных и получаемых результатов в рамках выдвигаемой гипотезы.

Необходимо отметить, что в процессе решения задач, возникающих при исследовании геометрических свойств равнобедренных треугольников с точки зрения реализации отношений между их угловыми и линейными характеристиками, используются в совокупности знания из двух разделов математики – элементарной геометрии и тригонометрии.

Рассмотрим отношения между линейными и угловыми элементами равнобедренных треугольников. Необходимо отметить, что в качестве линейных элементов равнобедренных треугольников (рис. 1) выступают следующее его компоненты:

1. h – основная высота треугольника, опущенная из вершины треугольника, расположенной на пересечении его боковых сторон, на основание треугольника.

2. 2a (a) – основание (половина основания) треугольника.

3. b – боковая сторона треугольника.

4. r (d) – радиус (диаметр) вписанной в треугольник окружности.

5. h–r (h–d) – разность между основной высотой и радиусом (диаметром) вписанной в треугольник окружности.

6. R (D) – радиус (диаметр) описанной вокруг треугольника окружности.

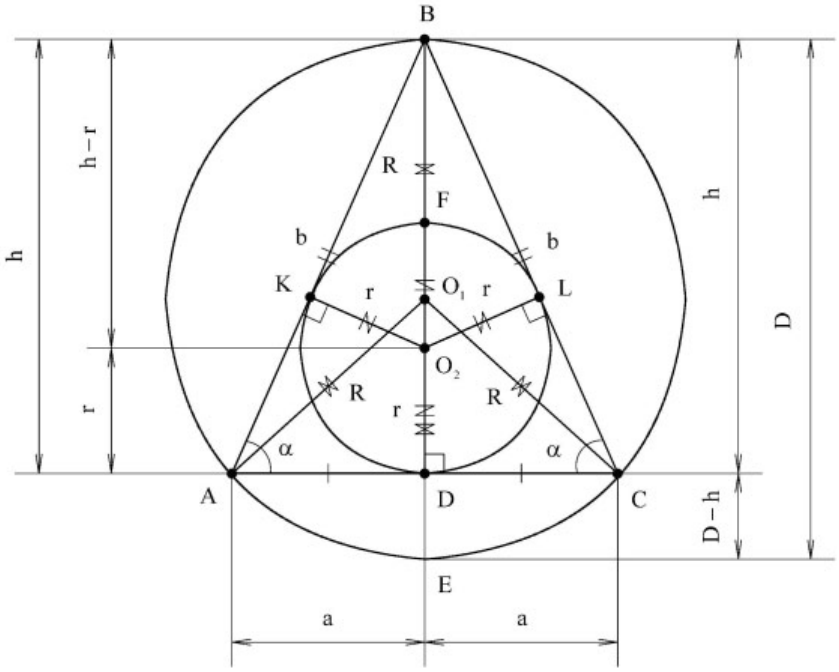


Рис. 1. Равнобедренный треугольник на плоскости с обозначениями линейных элементов

7. h–R – разность между основной высотой и радиусом описанной вокруг треугольника окружности.

8. D–h – разность между диаметром описанной вокруг треугольника окружности и основной высотой треугольника.

Для любого равнобедренного треугольника между его основными линейными элементами существуют следующие пропорциональные зависимости, полученные в качестве результатов обработки представленной в графическом калькуляторе CASIO ALGEBRA FX 2.0 PLUS [2; 3; 6] программе и в рамках разработанной динамической интернет-страницы:

1. Отношение основной высоты к половине основания равно отношению половины основания к разности между диаметром описанной окружности и основной высоты: $\frac{h}{a}=\frac{a}{D-h}$.

2. Отношение основной высоты к боковой стороне равно отношению боковой стороны к диаметру описанной окружности: $\frac{h}{b}=\frac{b}{D}$.

3. Отношение половины основания к боковой стороне равно отношению радиуса вписанной окружности к разности между основной высотой и радиусом вписанной окружности: $\frac{a}{b}=\frac{r}{h-r}$.

4. Отношение радиуса вписанной окружности к разности между основной высотой и диаметром вписанной окружности равно отношению разности между диаметром описанной окружности и основной высотой к радиусу вписанной окружности: $\frac{r}{h-d}=\frac{D-h}{r}$.

5. Отношение разности между основной высотой и радиусом вписанной окружности к разности между основной высотой и диаметром вписанной окружности равно отношению диаметра описанной окружности к разности между основной высотой и радиусом вписанной окружности: $\frac{h-r}{h-d}=\frac{D}{h-r}$.

Исследование геометрических свойств равнобедренных треугольников на плоскости с точки зрения применения малых средств информатизации осуществляется в разработанной автором статьи программном обеспечении на графическом калькуляторе CASIO ALGEBRA FX 2.0 PLUS программе «TRIAN 1». В программе осуществляется вывод окна приветствия программы (рис. 2A), выбор угловой системы мер (градусы, радианы) (рис. 2B), способа указания значения угла (непосредственный ввод значения угла, через решение вводимого уравнения) (рис. 2C), выбор вводимого наименования угла (угол при основании треугольника или между его боковыми сторонами) (рис. 2D), последующий ввод значения выбранного угла для равнобедренного треугольника (рис. 2E), вывод значений угла (в градусах и радианах) и основных тригонометрических функций (синуса, косинуса, тангенса и котангенса) для углов при основании треугольника и между его боковыми сторонами (рис. 2F), выбор вычислительных операций (рис. 2G), в том числе возможности расчета и вывода отношений между линейными элементами треугольника (рис. 2H), целочисленных отношений между данными компонентами (рис. 2I), а также пропорциональных зависимостей между линейными элементами треугольника (рис. 2J). Для формирования изображе-

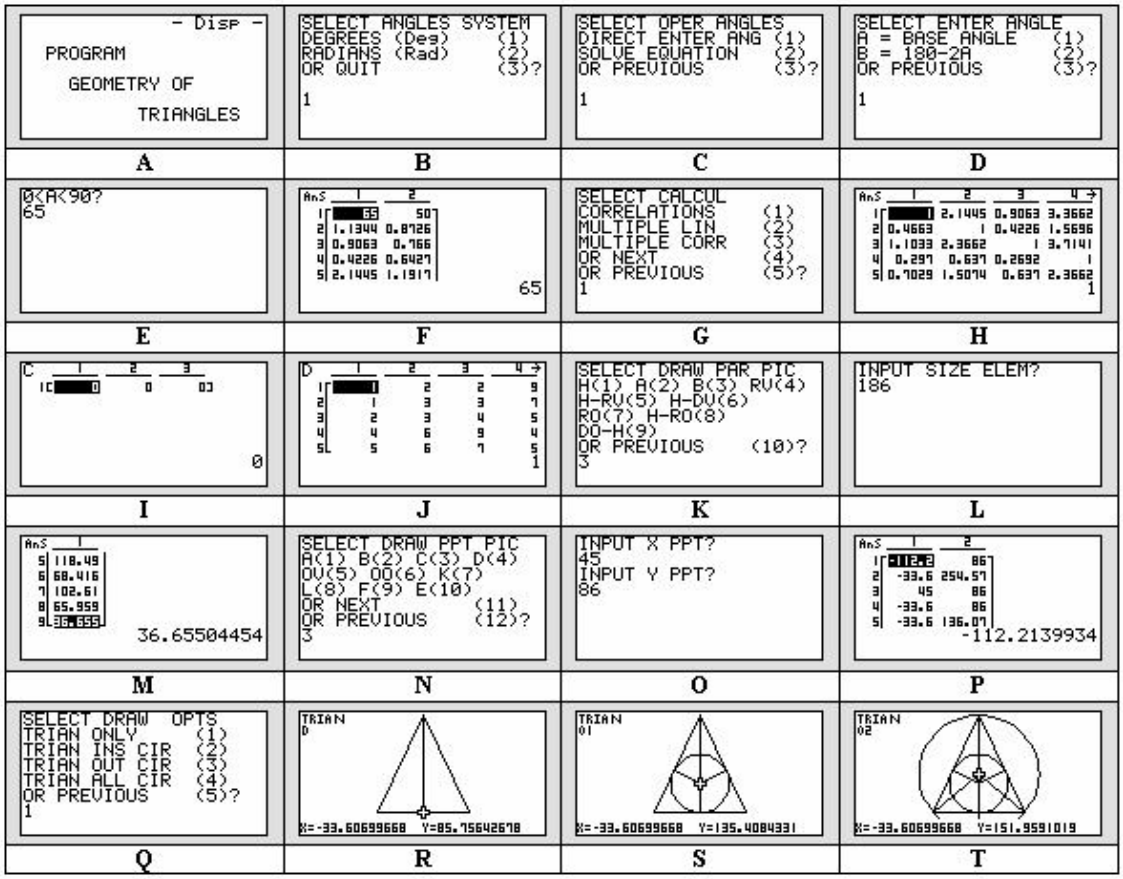


Рис. 2. Скриншоты из программы «TRIAN 1»

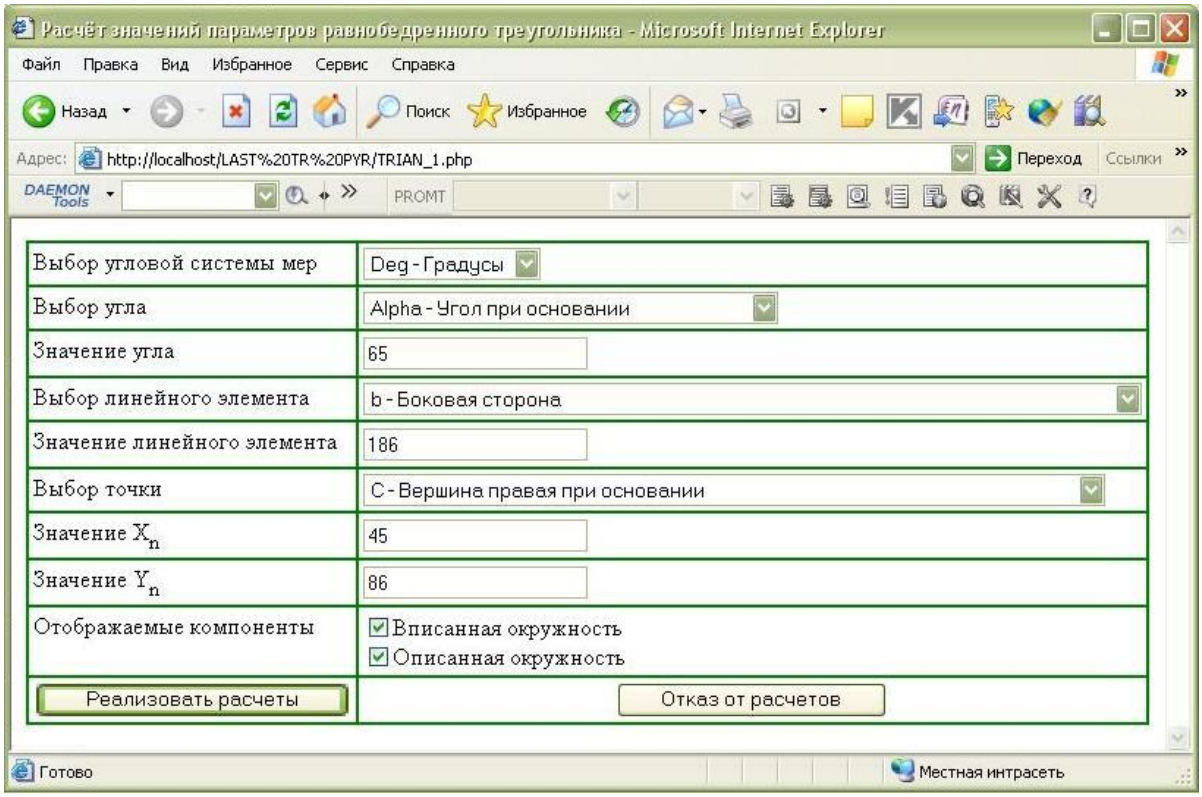


Рис. 3. Скриншот диалогового окна указания значений параметров исходных данных для программы «TRIAN 1»

Целочисленные отношения между линейными элементами равнобедренного треугольника с углом при основании Alpha = 65° ОТСУТСТВУЮТ!

Пропорциональные зависимости между линейными элементами равнобедренного треугольника с углом при основании Alpha = 65°

№	Выражение	Числовые эквиваленты
1	h/a = a/(D-h)	2.1445 = 2.1445
2	h/b = b/D	0.9063 = 0.9063
3	a/b = r/(h-r)	0.4226 = 0.4226
4	r/(h-d) = (D-h)/r	0.7320 = 0.7320
5	(h-r)/(h-d) = D/(h-r)	1.7320 = 1.7320

Визуальный вывод равнобедренного треугольника с углом при основании Alpha = 65°

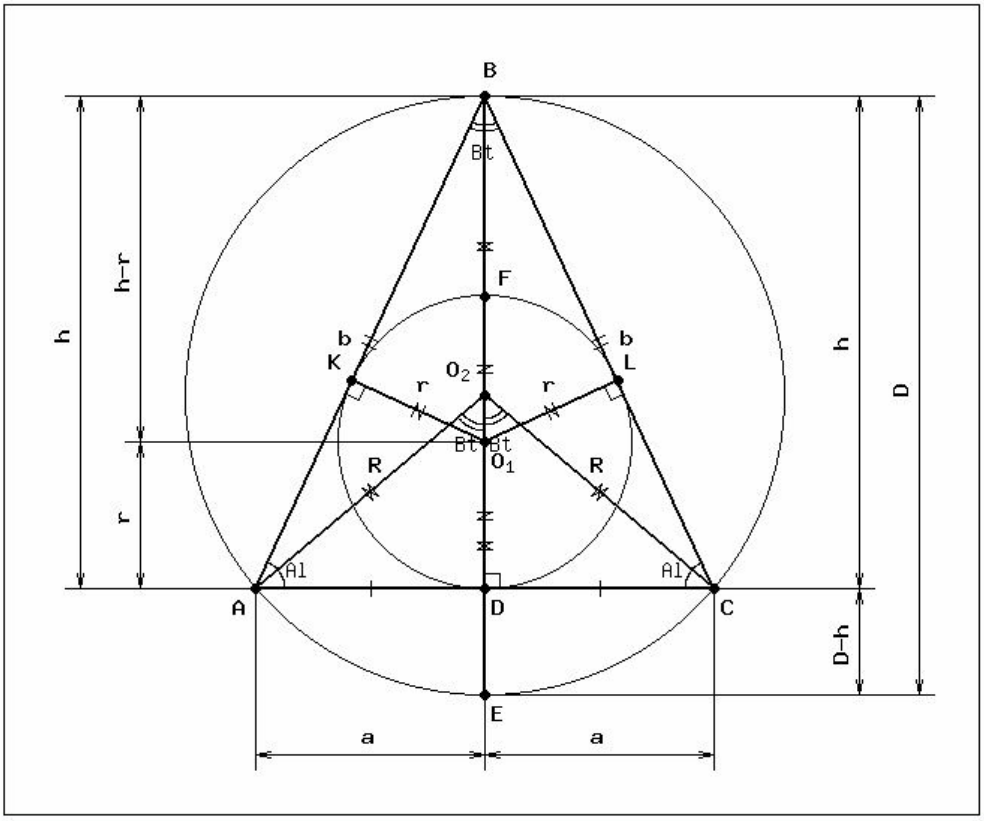


Рис. 4. Скриншот информационного окна вывода результатов расчетов для программы «TRIAN 1»

ния исследуемого равнобедренного треугольника в рамках программы необходимо осуществить выбор обозначения линейного элемента треугольника (рис. 2K) с последующим вводом соответствующего значения (рис. 2L) и выводом значений характерных линейных элементов (рис. 2M), выбор наименования точки треугольника (рис. 2N) с последующим вводом значений координат данной точки на плоскости (рис. 2O). После вывода значений координат характерных точек треугольника (рис. 2P) осуществляется выбор параметров формирования изображения (с наличием или отсутствием элементов вписанной и описанной окружности) (рис. 2Q) и при выборе наличия всех отображаемых компонентов последующее построение равнобедренного треугольника (рис. 2R), добавление компонентов для вписанной (рис. 2S) и описанной окружностей (рис. 2T).

Исследование геометрических свойств равнобедренных треугольников на плоскости с точки зрения применения персонального компьютера осуществляется в разработанной автором статьи программе «TRIAN 1» с использованием технологии создания динамических интернет-страниц PHP. Программа состоит из двух компонентов динамической интернет-страницы: форма для указания параметров значений исходных данных и интернет-страница для вывода результатов вычислений. В ка-

честве исходных данных выступают составляющие (рис. 3): выбор угловой системы мер, выбор вводимого наименования угла (угол при основании треугольника или между его боковыми сторонами), ввод значения выбранного угла, выбор обозначения и наименования линейного элемента треугольника, ввод значения выбранного линейного элемента, выбор наименования точки треугольника, ввод значений координат данной точки на плоскости, выбор параметров формирования изображения (с наличием или отсутствием элементов вписанной и описанной окружности).

В качестве компонентов итоговых результатов расчета параметров равнобедренного треугольника выступают: вывод значений угла (в градусах и радианах) и основных тригонометрических функций (синуса, косинуса, тангенса и котангенса) для углов при основании треугольника и между его боковыми сторонами, вывод отношений между линейными элементами треугольника, целочисленных отношений и пропорциональных зависимостей между линейными элементами треугольника, вывод значений линейных элементов (рис. 4), вывод значений координат характерных точек треугольника, а также отображаемых дополнительных компонентов и визуальный вывод исследуемого равнобедренного треугольника с учетом всех указанных дополнительных компонентов (рис. 4).

Выводы

В настоящее время вопросы о формировании практического мышления студентов вузов с использованием современных информационных средств в обучении весьма актуальными. Рассматриваемый пример изучения геометрических свойств равнобедренного треугольника с применением графического калькулятора и персонального компьютера в рамках факультативных занятий позволяет учащимся, во-первых, формировать необходимый уровень практического мышления, во-вторых, повышать свой уровень информационной культуры, а, в-третьих, повышать свой уровень математической культуры в силу расширенного изучения элементарной геометрии средствами тригонометрии, при этом используя ИКТ для реализации рутинных вычислений и анализа соотношений.

Библиографический список

1. *Теплов Б.М.* Ум полководца. – М.: Педагогика, 1990. – 208 с.

2. *Богун В.В.* Организация учебного процесса по математике с применением графического калькулятора. – LAP LAMBERT Academic Publishing GmbH & Co. KG, Germany, 2012. – 380 с.

3. *Богун В.В., Смирнов Е.И.* Лабораторный практикум по математике с графическим калькулятором: учеб. пособие. – Ярославль, 2011. – 270 с.

4. *Богун В.В.* Геометрия Древнего Египта. – М.: Компания Спутник+, 2003. – 203 с.

5. *Богун В.В.* Геометрические свойства равнобедренных треугольников // Ярославский педагогический вестник. – 2002. – № 2 – С. 119–124.

6. *Богун В.В.* Методика использования графического калькулятора в обучении математике студентов педагогических вузов: Дис. … канд. пед. наук. – Ярославль, 2006. – 245 с.

УДК 372.851

Горшков Алексей Александрович
Вологодский государственный педагогический университет
alexgorshkov@inbox.ru

ИЗУЧЕНИЕ ЭЛЕМЕНТОВ ФРАКТАЛЬНОЙ ГЕОМЕТРИИ В ШКОЛЕ КАК СРЕДСТВО ЭСТЕТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ УЧАЩИХСЯ

В статье рассматриваются возможности фрактальной геометрии как средства эстетического воспитания учащихся, повышения интереса к изучению математики и информатики.

Ключевые слова: *фрактальная геометрия, эстетическое воспитание, информационные технологии, программа Adobe Flash.*

Эстетическое воспитание занимает все более значительное место в процессе формирования личности учащегося. Под эстетическим воспитанием понимают целенаправленный процесс формирования у учащегося эстетического отношения к действительности. На этой основе формируется не только эстетико-ценностная ориентация личности, но и развивается способность к творчеству, к созданию эстетических ценностей в сфере учебной деятельности, в быту, в поступках и поведении, формируется эстетический вкус и представление об окружающем мире. Изучая математику, мы открываем всё новые и новые слагаемые красоты, приближаясь к пониманию, а затем и к созданию красоты и гармонии. Важную роль в эстетическом развитии учащихся играет знакомство школьников с молодым быстроразвивающимся математическим направлением – фрактальной геометрией.

В последние годы в связи с бурным развитием и распространением компьютерной техники и информационных технологий появилось большое ко-

© Горшков А.А., 2013

личество исследований и методических разработок, посвященных изучению фракталов и фрактальной геометрии в учебном процессе школы и вуза. На необходимость знакомства в курсе математики (информатики) учащихся школ и студентов вузов с элементами фрактальной геометрии указывает ряд авторов исследований по теории и методике обучения математике в школе и вузе (Н.Х. Розов, В.С. Секованов, В.А. Тестов и др.).

Эстетическая природная привлекательность фракталов открылась совсем недавно. Основоположник фрактальной геометрии Б. Мандельброт так писал о природе и фракталах: «Природа демонстрирует нам не просто более высокий, а совершенно иной уровень сложности. Число различных масштабов длины бесконечно, какую бы цель мы ни преследовали при их описании. Существование таких структур бросает нам вызов, ставя перед необходимостью заняться изучением тех форм, которые Евклид оставил в стороне как лишенные какой бы то ни было правильности, – исследованием морфологии аморфного. Математики уклонились от этого вызова и все более уходили от природы, измышляя теории, не имеющие ни малейшего отношения к тому, что доступно нашему созерцанию и нашим ощущениям» [2, с. 3]. Только сейчас благодаря фракталам и фрактальной геометрии люди научились замечать и ценить красоту природы.

Н.Х. Розов отмечает: «В методической литературе много любят писать об эстетическом воздействии математики на школьников, о ее значении для воспитания у них понятия прекрасного. Обычно говорят о стройности доказательства теоремы, об изящности решения задачи, о красоте неожиданного дополнительного построения. Но все это доступно и понятно, скорее, ученику, действительно увлеченному математикой. А какое эстетическое удовольствие может получать от решения квадратных уравнений тот, кто к ней «глух»? Фракталы же порождают действительно красочные, оригинальные полотна, не уступающие произведениям абстрактной живописи» [3, с. 7].

В.С. Секованов считает, что знакомство студентов с элементами фрактальной геометрии способствует развитию как словесно-логического типа мышления (при программировании и построении фрактальных множеств), так и формированию и развитию творческих способностей человека, так называемой художественной, эстетической составляющей его личности (при создании композиций из фрактальных множеств) [4].

А. Бабкин, рассуждая о красоте фракталов, пишет: «Красота фракталов может открыться совсем неожиданно. Чтобы научиться понимать и ценить красоту геометрии Евклида, необходимы тренировки и обладание порой особым, математическим складом ума. Чтобы научиться решать задачи, их надо решать. Чтобы увидеть красоту в чертеже или в решении задачи, их надо построить или решить. По-другому обстоит дело с фракталами и фрактальной геометрией. Здесь практически не требуется дополнительных знаний и умений, чтобы ощутить природную эстетическую красоту фракталов, получить от этой красоты эстетическое удовольствие» [1, с. 44]. Он приходит к выводу, что фрактальная геометрия обладает большим эстетическим потенциалом и играет значительную роль в формировании естественнонаучной картины мира учащихся.

По мнению В.А. Тестова, познакомить учащихся с фракталами стоит еще и для того, чтобы помочь проникнуть в новый нелинейный мир, постичь красоту хаоса. А понимание процесса научного познания мира – одна из важнейших характеристик образованного и культурного человека [6, с. 7].

Таким образом, фрактальная геометрия обладает большим эстетическим потенциалом, который следует использовать для эстетического развития учащихся.

Нами был разработан элективный курс «Математика и гармония мира», который способен оказать положительное воздействие на формирование эстетических качеств учащихся, повышение интереса к изучению предметов математики и информатики, а также на повышение уровня математических знаний и уровня развития мыслительной деятельности учащихся. В содержательной части курса уделяется внимание таким эстетически привлекательным разделам математики, как симметрия, пропорция, золотое сечение, правильные многоугольники и многогранники. Одной из составных частей данного курса является раздел, посвященный изучению элементов фрактальной геометрии. В конце изучения основных разделов элективного курса предполагается выполнение группового творческого проекта «Математика и гармония мира». На рисунке 1 представлена модель данного курса.

Цели и задачи курса:

1) эстетическое развитие учащихся;

2) развитие логического и образного типов мышлений у учащихся;

3) формирование общей, математической и информационной культуры учащихся;

4) выявление взаимосвязи математики с различными областями человеческой деятельности и явлениями, происходящими в природе;

5) расширение кругозора учащихся в области применения математики;

6) развитие навыков работы с современными компьютерными программами.

По нашему мнению, наиболее целесообразно в процессе изучения данного курса использовать интеграцию знаний по математике и информатике. В современной педагогической науке интеграция является одним из приоритетных направлений. По мнению Е.И. Смирнова, «математический ап-

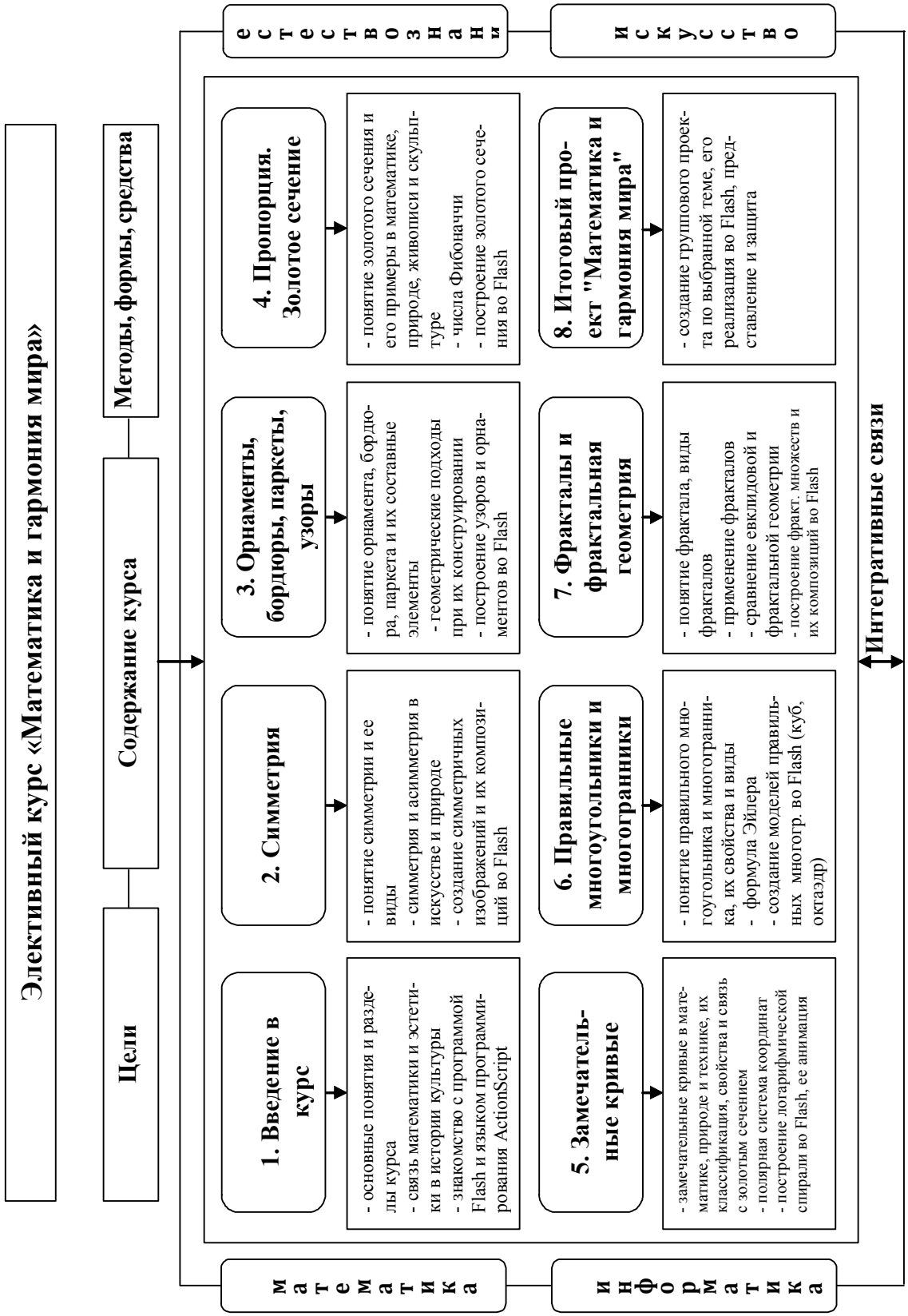


Рис. 1. Модель процесса эстетического воспитания учащихся при обучении математике средствами информационных технологий

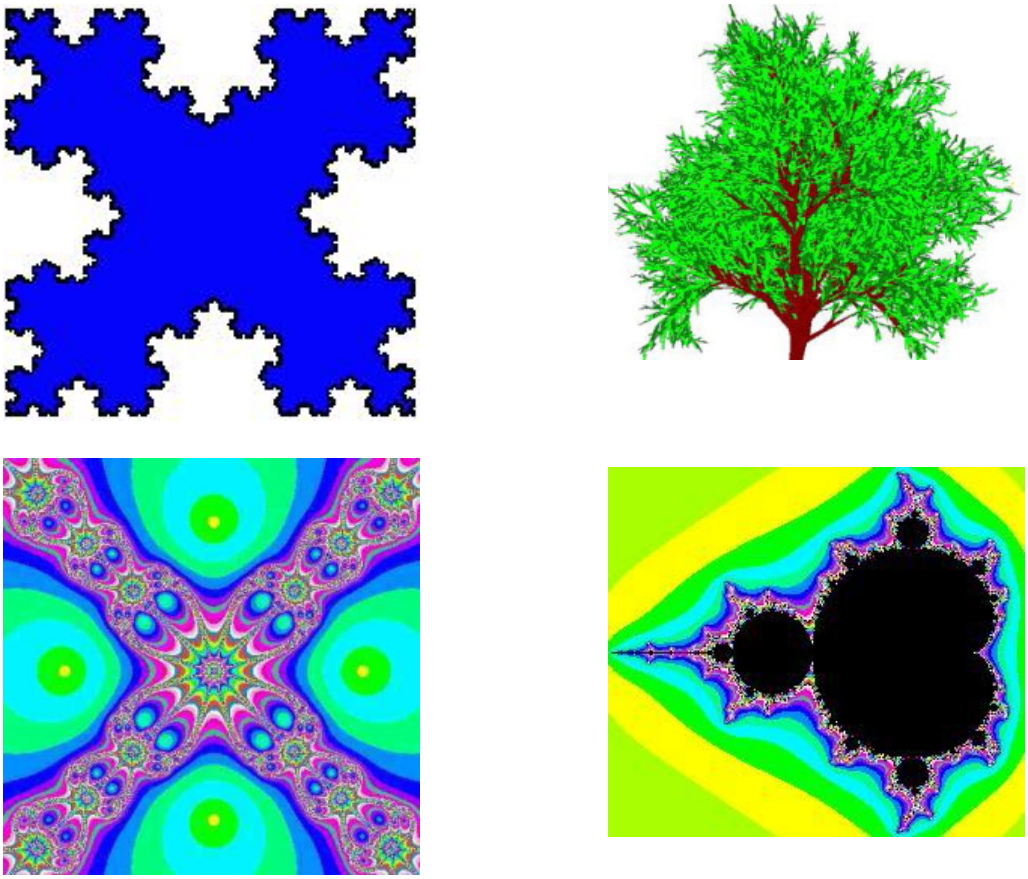


Рис. 2. Примеры фракталов, созданные во Flash

парат и математические методы могут быть использованы при изучении качественно различных фрагментов действительности... широкое, в принципе неограниченное применение математики свидетельствует об общности соответствующих областей природы, способствует раскрытию их единства и тем самым указывает новые пути интеграции знания» [5, с. 71]. Интеграция школьных предметов между собой, интеграция их с искусством дает возможность гармонично развиваться ученику, дает ему целостное представление об окружающем мире. Подобное изучение позволит учащимся наиболее полно осознать межпредметную связь математики и информатики, научиться применять новые возможности компьютерной техники, ощутить эстетическую привлекательность объектов математики.

Данный элективный курс рассчитан на 32–34 часа, предназначен для учащихся 9–11 классов и проводится с использованием современных информационных технологий. Практическая часть курса строится в ходе выполнения практических работ в программе Adobe Flash, и основывается на параллельном изучении основ композиционного построения изображений, теории цвета, цветовой гармонии и инструментальных средств программы. Данная программа объединяет в себе сразу все современные медиатехнологии (графика, звук, текст, видео). С помощью данной среды можно рисовать и анимировать различные математические объекты (фракталы), создавать их композиции. Она предоставляет ученикам возможность экспериментировать с различными вариантами изображений, синтезировать разнообразные виды визуальной информации.

Благодаря встроенному в программу языку программирования ActionScript можно интерактивно управлять созданными объектами, изменяя любые их параметры. Целая подборка специальных функций служит для математических вычислений, необходимость в которых нередко возникает при работе с графикой. Встроенный контроль синтаксиса и удобные средства отладки помогут найти ошибки в сценарии.

Таким образом, программа Adobe Flash позволяет раскрыть в полной мере все интеллектуальные и творческие возможности учащихся, развивает их воображение, а также расширяет их кругозор в области компьютерных технологий.

Каждое практическое задание курса предваряется лекцией (с использованием презентации) по теме занятия. Например, при изучении темы «Фракталы и фрактальная геометрия» перед выполнением практических заданий учащимся предлагается познакомиться с понятием «фрактал», «фрактальная геометрия», «фрактальная графика», историей возникновения и создания фракталов, различными видами фракталов, применением фракталов в различных областях науки, провести сравнени-

ем эвклидовой и фрактальной геометрии, выявить их красоту в природе и жизни. На занятиях по программированию и построению алгебраических фракталов привлекаются начальные сведения о комплексной плоскости и комплексных числах.

Затем учащимся предлагается выполнить несколько практических упражнений по теме в программе Adobe Flash: построить различные фрактальные изображения и их композиции, сделать построение фрактала анимированным (рис. 2). При выполнении данных заданий учащиеся могут использовать любые возможности программы (графические, анимационные, использование ActionScript).

Получив фрактальное изображение, можно подчеркнуть его красоту различными спецэффектами, предоставляемыми возможностями программы, преобразовать его в еще более интересную форму.

Таким образом, можно сделать вывод, что эстетическое воспитание занимает важное место в процессе формирования личности учащегося. Фрактальная геометрия обладает большим эстетическим потенциалом, способствует повышению интереса к изучению математики и информатике, а также повышению уровня математических знаний учащихся.

Библиографический список

1. *Бабкин А.А.* Изучение элементов фрактальной геометрии как средство интеграции знаний по математике и информатике в учебном процессе педколледжа: Дис. ... канд. пед. наук. – Вологда, 2007. – 202 с.

2. *Мандельброт Б.* Фрактальная геометрия природы. – М.: Институт компьютерных исследований, 2002. – 656 с.

3. *Розов Н.Х.* Курс математики общеобразовательной школы: сегодня и послезавтра // Задачи в обучении математике: теория, опыт, инновации: Материалы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 115-летию чл.-кор. АПН СССР П.А. Ларичева. – Вологда: Русь, 2007. – С. 6–12.

4. *Секованов В.С.* Методическая система формирования креативности студента университета в процессе обучения фрактальной геометрии. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2005. – 279 с.

5. *Смирнов Е.И.* Единая математика в задачах как элемент интеграции математических знаний // Задачи в обучении математике: теория, опыт, инновации. М-лы Всерос. науч.-практ. конф., посв. 115-летию чл.-кор. АПН СССР П.А. Ларичева. – Вологда: Русь, 2007. – С. 68–77.

6. *Тестов В.А.* О проблемах содержания современного математического образования // Современная математика и математическое образование в вузах и школах России: опыт, тенденции, проблемы. Межвуз. сб. науч.-метод. работ. – Вологда: Русь, 2006. – С. 5–8.

УДК 378

Мельникова Валентина Николаевна
Московский педагогический государственный университет
kupri@rambler.ru

РАЗВИТИЕ ВОЛОНТЕРСТВА КАК ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ В XX ВЕКЕ

В статье представлен социально-исторический аспект становления благотворительности, обозначены социальные и культурно-исторические факторы развития волонтерства в XX веке.

Ключевые слова: *благотворительность, общественно-педагогическое движение, благотворительные фонды.*

Переломным моментом в развитии системы призрения и благотворительности в России стала Октябрьская революция 1917 года. Для новой власти благотворительность была «буржуазным пережитком», а поэтому формы благотворительности, сложившиеся до 1917 года были ликвидированы. Ликвидация частной собственности закрыла возможные источники частной благотворительности. Отделение церкви от государства и фактически ее репрессирование закрыло путь церковной благотворительности. Поэтому ключевую роль в становление системы помощи несовершеннолетним в этот период осуществляемся в рамках государственных форм социальной поддержки и попечения.

Свернув традиционную благотворительность, которая являлась реальной формой помощи нуждающимся детям, государство взяло на себя заботу о социально обездоленных, число которых в результате острейших социальных катаклизмов (первой мировой войны, нескольких революций, гражданской войны) резко возросло. Сиротство, беспризорность, правонарушения среди подростков, проституция несовершеннолетних – острейшие социальные проблемы того времени, которые требовали своего решения. В первые годы советской власти эти задачи возлагались на Совет защиты детей, а чуть позже – на Комиссию по улучшению жизни детей при ВЦИКе, созданную декретом ВЦИК от 10 февраля 1921 года. Одной из основных задач этой комиссии была борьба с беспризорностью. Например, по данным Комиссии по улучшению жизни детей, в Москве и Московской губернии зарегистрировано такое в 1924–1925 гг. в области было зарегистрировано 6790 беспризорных детей. Тысячам этих беспризорников дали «путевку

© Мельникова В.Н., 2013

в жизнь» организовывающиеся трудовые коммуны [4].

Большое значение для развития работы по спасению детей и повышению ее эффективности имело создание детской социальной инспекции при отделе правовой защиты детей Наркомпроса. Комиссия проводила работу по борьбе с нищенством, детской беспризорностью, проституцией, спекуляцией, правонарушениями, эксплуатацией детей, жестоким обращением в семье.

Представляет интерес опыт работы самих инспекторов – братьев и сестер социальной помощи. Это были люди не моложе 21 года, они посещали мастерские, семьи, учреждения, задерживали малолетних правонарушителей и направляли их в детские приемники – распределители, принимали меры по устройству беспризорных, сирот и находящихся в детских учреждениях детей в другие семьи.

6 февраля 1928 года ВЦИК и СНК приняли постановление «О передаче воспитанников детских домов и других несовершеннолетних сирот трудящимся в городах и рабочих поселках». Передача детей осуществлялась на основе письменного обращения того лица, которое намеревалось принять несовершеннолетнего в свою семью для дальнейшего воспитания.

За первые годы советской власти было издано больше различных инструкций, постановлений, программ обучения и воспитания детей, чем за предшествующих сто лет. Очень многие из них остались практически неосуществленными, поскольку у государства не оказалось необходимых средств для их выполнения.

В этот период активно начинает развиваться педология, которая ставила перед собой задачу на основе синтезированных знаний о ребенке и среде обеспечить наиболее успешное воспитание: помочь детям учиться, предохраняя детскую психику от перегрузок, безболезненно овладевать социальными и профессиональными ролями и т.д.

На 20-е годы пришлось появление целой плеяды талантливых педагогов и психологов, в числе которых А.С. Макаренко, П.П. Блонский, С.Т. Шацкий, Л.С. Выготский и многие другие. Их научные труды, впечатляющие достижения в практической работе по социальной реабилитации «трудных» детей и подростков (Первая опытная станция Наркомпроса, трудовая колония имени Горького и другие) получили заслуженное международное признание.

Однако система социального воспитания и педология развивались недолго, фактически они прекратили свое существование после печально известного постановления 1936 года «О педологических извращениях в системе Наркомпроса». Педологии была инкриминирована роль «антиленинской теории отмирания школы», будто бы растворяющей последнюю в среде. Многие представители этой теории были репрессированы, а социальное призрение, воспитание и понятие среды дискредитированы и изъяты из профессионального сознания педагогов на долгие годы.

Не смог быть полностью реализован из-за отсутствия средств и утвержденный 20 июня 1927 года ВЦИК и СНК трехлетний план по борьбе с беспризорностью, подготовленный наркоматом просвещения. Данный план предполагал выполнение трех основных задач: полную ликвидацию уличной беспризорности путем развертывания новой сети детских учреждений; ускорение выпуска детей из существующих детских домов при осуществлении их серьезной профессиональной подготовки, дающей возможность начать самостоятельную жизнь и развертывание мероприятий, предупреждающих беспризорность.

На третьем Всероссийском съезде в мае 1930 года было принято решение о закреплении всех детских домов за заводами, предприятиями, колхозами, что укрепляло материальную базу детских домов и решало проблему трудоустройства воспитанников и обеспечения их жильем [1].

К середине 30-х годов с окончательным утверждением в стране тоталитарного режима все разнообразие различных видов детских учреждений практически исчезло и было заменено унифицированной системой детских домов – интернатов, которая просуществовала до 90-х годов.

В сложившемся тоталитарном государстве произошла подмена общечеловеческих ценностей на классовые. Провозглашение утопической цели построения самого совершенного и справедливого общества, ликвидации всех пережитков прошлого, в том числе и социальных бед, сделало закрытой тему социальных проблем и систему социальной помощи нуждающимся детям.

Новые социальные потрясения, связанные с Великой Отечественной войной (1941–1945 гг.), вновь обострили положение детей. В первые годы войны сотни детских домов перебрасывались из прифронтовых районов в тыл. Для эвакуированных детей создавались новые детские дома. Для сирот, детей фронтовиков, партизан открывались «специальные» детские дома.

Огромную роль в судьбе детей сыграли общественные организации: профсоюзные, комсомольские, органы внутренних дел, система трудовых резервов. Общественники снимали детей с поездов и через приемники – распределители устраивали их в детские дома. Подростки определялись на работу. Велась активная работа по выявлению беспризорных детей и определению их в детские дома.

В сентябре 1942 года принято постановление СНК СССР «Об устройстве детей, оставшихся без родителей», где государственным ведомствам,

партийным, профсоюзным и комсомольским организациям вменялось проявление заботы о детях.

«Комсомольская правда» опубликовала счет специального денежного фонда, куда поступали средства на содержание детских домов, здравниц, детских садов в освобожденных от немцев районах; на стипендии студентам, не имеющим родителей [3].

К концу 1945 года для детей сирот уже было создано 458 суворовских училищ по 500 человек каждое, 23 ремесленных училища по 400 мест, 120 детских домов для детей погибших фронтовиков (в них воспитывалось 17 тысяч детей), 29 детских приемников распределителей. Всего в 1943 году в детских домах находилось 308 тысяч детей; в 1944 г. – 534 тысячи. Дети наравне со взрослыми перенесли все тяготы войны. Взрослые пытались облегчить судьбу детей как могли [2].

В первые послевоенные годы в стране даже открылось несколько детских домов для одаренных детей-сирот, которые поступали в музыкальные, художественные училища и балетные школы.

Общее число детских домов в послевоенное десятилетие постепенно сокращалось. В середине 60-х правительство приняло решение преобразовать большую часть детских домов в школы-интернаты (детские дома – 100–150 детей, школы-интернаты – 350–500 мест). Детские дома потеряли свою первоначальную неповторимость, которую пронесли через года.

В 1960–1970 гг. в психологической и педагогической науке и практики постепенно появляются теоретические исследования, связанные с разработкой системного подхода к социализации, воспитанию и обучению детей, лишенных родительского попечения, а также детей из неблагополучных семей, с девиантными формами поведения и т.д.

С началом перестройки в 1985 году начинают постепенно возрождаться благотворительные формы поддержки программ помощи несовершеннолетним. В 1987 году учрежден Детский фонд. В 1988 г. принято постановление «О создании детских домов семейного типа». В 1990 г. в 347 созданных детских домах семейного типа находятся 3,5 тысячи детей. Эти дома финансируются из госбюджета, с учетом зарплаты родителям-воспитателям, оплаты их отпусков [2].

В начале 90-х гг. были приняты и начали реализовываться три большие социальные программы: «Социально-психологическая поддержка, обучение и воспитание детей с аномалиями развития», «Творческое развитие личности» и «Социальные службы помощи детям и молодежи». Тогда же были разработаны такие государственные социальные программы, как «Дети России», «Дети Чернобыля».

Как мы уже упоминали выше развитие попечения и социально-педагогических форм помощи несовершеннолетних в Советском Союзе осуществлялось исключительно в рамках государственных институтов и организаций. Тем не менее, проявления общественной инициативы имело существенное значение для продолжения культурных традиций помощи детям и подросткам, укоренившихся в русской культуре в XVIII–XX вв.

Библиографический список

1. *Кононова Т.Б.* Очерки истории благотворительности: Учебное пособие: для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки и специальности «Социальная работа». – М.: Дашков и К, 2005. – 337 с.

2. *Мельников В.П., Холостова Е.И.* История социальной работы в России. – М.: Издательский дом Дашков и К, 2004. – 343 с.

3. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР (1941–1961). – М., 1998. – С. 371.

4. *Фомин Э.А., Чикадзе Е.З.* Благотворительность как социокультурный феномен в России. – СПб.: Изд-во Чернышева, 1999.

УДК 378

Пушкарева Татьяна Владимировна
доктор педагогических наук
Московский педагогический государственный университет
Мельникова Валентина Николаевна
Московский педагогический государственный университет
kupri@rambler.ru

ВОЛОНТЕРСТВО КАК ДОБРОВОЛЬНАЯ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

В статье представлены основные принципы добровольчества, обозначен исторический аспект становления волонтерства, описаны мотивы осуществления добровольной деятельности, даны методические рекомендации по ее осуществлению.

Ключевые слова: *волонтерство, добровольчество, волонтерская деятельность.*

Сегодня добровольчество – это сравнительно новая идея. Основополагающим принципом добровольчества является добровольный выбор, отражение личной позиции. Человек максимально реализует себя в каком-либо виде деятельности, если работает без принуждения, добровольно. Это позволяет рассматривать добровольчество (волонтерство) как один из важнейших элементов социально ориентированного общества.

Добровольческим организациям свойственны следующие черты: они организованы для защиты общих интересов своих членов; членство является добровольным, поэтому лидеры оказывают сравнительно небольшое влияние на членов ассоциации; всегда существует возможность выйти из организации, если не устраивает деятельность ее лидеров, ассоциации не связаны с местными государственными или правительственными органами; члены добровольческой организации работают бесплатно.

На каждом историческом этапе трансформировалась роль волонтерских движений, их влияние на зарождение профессиональной социальной работы (в современном ее понимании).

До 1917 года история благотворительной добровольческой помощи развивалась параллельно в России и на Западе. Перерыв на 70 лет в этой сфере внес существенные сложности в развитие идеи волонтерского движения в современной России. И если идеи христианской благотворительности уже получают свое воплощение на российской почве, то идеи светской добровольной благотворительной деятельности в российском обществе прокладывают себе дорогу с большим трудом и, чаще всего, при содействии западных коллег через посредство всевозможных международных программ и грантов. Предоставляя финансирование, западные коллеги предлагают также и обучающие программы для лидеров движений и организаций, в которых транслируется их представление о том, какой должна быть общественная организация. Между тем, волонтерство как социальное явление на Западе и в России имеет сегодня значительные различия, которые выражаются в количественной вовлеченности населения в волонтерскую деятельность, в широте охвата различных сфер жизни сообщества, и. главное, в отношении к проблеме на законодательном уровне и государственной поддержке волонтерского движения.

В 90-х годах во всем мире происходит всплеск добровольческой деятельности. Наиболее благополучные с социальной точки зрения страны, такие как США, Великобритания, Япония, Австралия задают тон добровольчеству, ежегодно увеличивая численность участников и их активность. В Японии свыше 3000 добровольческих центров. В Великобритании около 800 благотворительных организаций и агентств. В 1998 году 48,8% взрослого населения США посвящали безвозмездному труду в среднем 4,2 часа в неделю (помимо основной работы). С учетом подростков старше 14 лет в добровольном труде участвует 79% граждан. Важно отметить, что в США и многих европейских странах работа в качестве волонтера засчитывается при определении трудового стажа. Во многих случаях волонтерская деятельность частично оплачивается, поэтому вполне естественно, что, несмотря на добровольность, волонтерство и в США, и в Европе не исключает ответственности за выполнение норм и требований, сохранность материальных ценностей, репутацию организации. То есть там волонтерство является особой системой трудовых отношений, которая, как и любая другая, строится на определенных механизмах материального и нематериального стимулирования. В США существует три вида нематериального стимулирования волонтеров: практическое – приобретение дополнительных навыков, знаний, опыта работы; информационное – свободный доступ к информационным источникам и материалам; привилегированное – предоставление права бесплатного пользования услугами некоммерческих организаций, поддержка со стороны государственных органов власти [2].

В России, в отличие от США и стран Западной Европы, уровень развития волонтерской деятельности остается крайне низким.

По данным исследований, проведенных при поддержке института «Открытое общество», более

© Пушкарева Т.В., Мельникова В.Н., 2013

20% населения крупных городов России относятся к идее добровольного труда отрицательно, а 15% никогда ничего о добровольцах не слышали. И лишь 10% отметили, что польза добровольного труда – в привлечении интеллектуального потенциала добровольцев к решению тех или иных проблем. Однако, несмотря на столь разные точки зрения на волонтерский труд, более 60% опрошенных согласны потратить какую-то часть своего времени (в основном – 1–4 часа в неделю) на неоплачиваемый труд.

Среди добровольцев были выделены следующие мотивы, побуждающие людей заниматься благотворительной деятельностью в качестве волонтеров: быть социально полезным; способствовать изменениям в обществе; самореализация; поиск единомышленников; из чувства долга за помощь в прошлом; интересно провести досуг; решить собственные проблемы. Реализация мотива сопричастности, поиска идентичности (для одиноких людей); прагматические мотивы: перспективы и карьерного роста, связанные с возможностью обучения и получения профессионального опыта; мотивы материального характера; возможность разнообразить свой досуг (характерны для молодежи); религиозные (этически или идеологически обоснованные) мотивы; наличие большого количества свободного времени (характерно для «молодых» пенсионеров) [1; 4].

Для большинства волонтеров речь идет как об удовлетворении личной, индивидуальной потребности человека быть полезным другому человеку, так и со стремлением решить свои собственные проблемы как материального, так и психологического характера. То есть это потребность человека преодолеть социальную исключенность, стать кому-то нужным, полезным, найти какую-то опору для себя и избавиться от ощущения одиночества и неполноценности жизни.

Специфика всех организаций, возникающих в рамках социальных движений в том, что они создаются самими гражданами, существуют автономно от государства, свою деятельность осуществляют в рамках действующих законов. Объединения граждан возникают спонтанно, в связи с возникновением какой-либо проблемной ситуации. Часть объединений со временем, может прекратить деятельность, часть организаций становится постоянно действующими, авторитетными и эффективными защитниками интересов граждан.

Все общественные объединения условно можно разделить на организации само- или взаимопомощи и организации, оказывающие помощь населению. Организации в процессе своего развития на разных этапах проходят все этапы роста: создания команды, роста компетентности, стадии «зрелости». Некоммерческие организации могут зависеть от финансовой помощи других или нейтральные.

Успешность деятельности волонтерской организации в своей основе зависит от команды волонтеров, которые в ней работают и их мотивации. Мотивация волонтера как субъекта общественно полезной деятельности имеет широкий диапазон: от религиозных мотивов до корыстных. В целом же можно говорить об осознанном желании улучшения жизни, социальной зрелости и ответственности, духовных потребностях, поиска гармонии в сопряжении личных и общественных интересов.

Волонтером быть престижно во всем мире, это социально одобряемая деятельность. Постепенно это начинают признавать и в России. С общественными деятелями начинают считаться, их перестают воспринимать как людей со странностями или подозревать в корысти.

Хорошими социальными волонтерами могут стать люди с разными интересами и достоинствами, характером и возможностями, однако существует несколько основных качеств, без которых нельзя обойтись. Такими наиболее важными качествами волонтера являются свойства личности, которые позволяют с наибольшим эффектом и результативностью решать основные задачи социально-педагогического характера. Среди них наиболее значимыми являются следующие: психолого-педагогическая компетентность, определяемая как сумма знаний, необходимых для оказания помощи и поддержки отдельным лицам, личностных свойств и психологических характеристик, накладывающих индивидуальный неповторимый отпечаток на волонтерскую деятельность: эмпатийность; настойчивость; целеустремленность; самодисциплина; ответственность; смелость; самоконтроль; оптимизм; великодушие; одаренность; толерантность; интеллектуальность; аккуратность; участливость; независимость; рациональность; вежливость; инициативность; исполнительность; прочность усвоения таких ценностей, как гуманность, справедливость, самоопределение, конфиденциальность, антидискриминация, бескорыстие и честность, милосердие; сознательное и разумное использование собственных личностных качеств и дифференцированное применение навыков общения; ответственность и самодисциплина; глубокая и искренняя заинтересованность в решении проблем подопечных и положительных результатах работы; наличие качеств личности, позволяющих располагать к себе разных людей, вызывать доверие, желание сотрудничать, помогать, и в то же время не позволяющих собой манипулировать, подавлять себя как личность [3].

Следует отметить, что волонтер может терять интерес и силы для добровольной работы, если: атмосфера кажется напряженной или пугающей; сам не может участвовать в каких-то мероприятиях или влиять на свою работу из-за недостатка информации; работа непонятна для него, нет поддер-

жки, на встречах не обсуждаются волнующие его проблемы.

Причем доброволец охотно будет работать, если: вместе с ним создаются представления о целях его работы и заданиях; доброволец принимает участие в планировании, на его идеи обращают внимание; разделяется ответственность между добровольцами и сотрудниками; группы добровольцев способны самостоятельно разделять работу и развивать свою деятельность; группы и люди в группах хорошо работают вместе; поддерживается общение добровольцев, обсуждение общих дел и влияние на них.

Главным фактором для добровольцев становится способность общаться с людьми: слушать и быть услышанными, быть понятыми и понимать других.

Противопоказанием для волонтерской социальной работы может быть отсутствие или невыраженность таких качеств, любовь и доверие к людям, доброта, коммуникативность, эмоциональная стабильность; стиль взаимодействия, исключающий агрессивность и доминантность, и некоторые другие.

Волонтерская деятельность способствует развитию активной социальной позиции личности. Стимулирование волонтерской активности выступает одним из важных условий формирования системы ценностей, образующих аксиологическое ядро социально-педагогической деятельности.

Библиографический список

1. Волонтер и общество. Волонтер и власть: Научно-практический сборник / сост. С.В. Тетерский. – М.: ACADEMIA, 2000. – С. 56–57.

2. *Кононова Т.Б.* Очерки истории благотворительности: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению подготовки и специальности «Социальная работа». – М.: Дашков и К, 2005. – 337 с.

3. Методические материалы к тренингу «Работа с волонтерами: методы и технологии», Центр АННА (Москва), КАРИТАС (Австрия), при финансовой поддержке программы ТАСИС. – М., 2002.

4. *Федорова Н.М.* Мотивация участия петербуржцев в волонтерской деятельности // Волонтер и общество. Волонтер и власть: Научно-практический сборник / сост. С.В. Тетерский. – М.: ACADEMIA, 2000. – С. 56–57.

УДК 378

Секованов Валерий Сергеевич
доктор педагогических наук, профессор
Миронкин Дмитрий Петрович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

ИЗУЧЕНИЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ПЕКАРЯ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КРЕАТИВНОСТИ СТУДЕНТОВ И ШКОЛЬНИКОВ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ

В статье исследуются модификации преобразования пекаря, приведены алгоритмы построения аттрактора данного преобразования, указаны методические приемы изучения преобразования пекаря.

Ключевые слова: *нелинейность, множество Жюлиа, неподвижные и периодические точки.*

В самом общем смысле мы понимаем креативность как способность к творчеству и считаем важнейшими креативными качествами гибкость мышления, интуицию, способность преодолевать стереотипы, толерантность к новизне, установление неожиданных связей между объектами и явлениями.

В современном преподавании в вузе и школе формированию креативности уделяется мало внимания.

Однако интерес к нелинейной динамике в рамках вузовских программ только начинает проявляться. Единственную возможность знакомства студентов с преобразованием пекаря предоставляют дисциплины по выбору. Однако нужна преемственность в обучении, о преобразовании пекаря следует хотя бы в описательном плане рассказывать и в школе в рамках элективных курсов.

Преобразование пекаря является одним из простейших нелинейных отображений и имеет достаточно большие приложения (например, используется при исследовании сыпучести материалов, криптографии и др.) Достаточно сказать, что еще основоположник теории информации Клод Шеннон упоминал об использовании преобразовании пекаря в криптографии.

Однако в вузовских программах изучение преобразования пекаря не предполагается. Правда, в стандартах магистерских программ математических специальностей в рамках дисциплин «Динамические системы» стало возможным знакомство магистров с этим отображением. Однако методические приемы изучения преобразования пекаря авторам неизвестны. В данной статье мы предлагаем методику исследования преобразования пекаря с использованием дистанционного обучения.

«Под дистанционными образовательными технологиями понимаются образовательные технологии, реализуемые в основном с применением информационных и телекоммуникационных техноло-

© Секованов В.С., Миронкин Д.П., 2013

гий при опосредованном (на расстоянии) или не полностью опосредованном взаимодействии обучающегося и педагогического работника» [3].

Согласно [6] основными дистанционными образовательными технологиями являются: комплексные кейс-технологии; телекоммуникационные технологии; интернет-технологии; технологии, основанные на использовании интегрированной образовательной среды. Основные виды дистанционных технологий могут сочетаться между собой. Самыми распространенными являются интернет-технологии, которые характеризуются широким использованием компьютерных обучающих программ и электронных учебников, доступных обучаемым с помощью глобальной и локальных компьютерных сетей.

Дистанционные образовательные технологии из общего многообразия остальных технологий выделяются следующими характеристиками:

1) разделение процессов преподавания и обучения во времени и пространстве;

2) освоение обучаемым образовательных программ по месту жительства при доминанте самостоятельной работы, с периодическими встречами группы обучающихся;

3) широкое использование обзорного обучения, реализуемого посредством обзорных лекций, помогающих обучающемуся создать целостную картину изучаемой области знаний и деятельности;

4) использование модульного принципа, предполагающего разделение учебного предмета на логически замкнутые блоки, называемые модулями, в рамках которых проходит как изучение нового материала, так и контрольные мероприятия по проверке его усвоения;

5) управление самостоятельной работой обучаемого средствами образовательного учреждения, ведущего дистанционное обучение посредством учебных планов, специальным образом подготовленных учебно-методических и учебных материалов и особых процедур контроля;

6) обязательное применение коммуникационных технологий для передачи знаний, опосредованного, диалогового и интерактивного взаимодействия субъектов обучения и решения административных задач;

7) создание особой информационно-образовательной среды, включающей различные учебные продукты – от рабочего учебника до компьютерных обучающих программ, слайд-лекций и аудиокурсов, работа с которыми может быть легко организована и в домашних условиях.

Приведем методику исследования преобразования пекаря в рамках дистанционного курса.

В системе дистанционного обучения Moodle (система дистанционного обучения) преподаватель выкладывает лекцию-разработку, посвященную преобразованию пекаря. На изучение лекции слушателям курса выделяется одна неделя.

На второй неделе преподаватель организует с использованием возможностей системы Moodle on-line обсуждение лекции и решение задач.

Краткое содержание лекции.

Классическое определение преобразования пекаря, определенное на квадрате, стороны которого направлены по осям OX и OY, а центр расположен в точке $\left(\frac{1}{2},\frac{1}{2}\right)$, имеет вид:

$$T\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 2x \bmod 1 \\ \begin{cases} \frac{y}{2}, 0 \le x < \frac{1}{2} \\ \frac{1}{2}+\frac{y}{2}, \frac{1}{2} \le x \le 1 \end{cases} \end{pmatrix} \qquad (1)$$

Заметим, что при $x = 1, 0 \le y \le 1$ $T\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0 \\ \frac{1}{2}+\frac{y}{2} \end{pmatrix}$.

То есть образом правой стороны квадрата, концы которой имеют координаты (1,0) и (1,1), является верхняя часть левой сторона квадрата, концы которой имеют координаты $\left(1,\frac{1}{2}\right)$ и (0,1) и в дальнейшем будем считать, что $x \in [0,1[$, рассматривая при необходимости случай x=1 отдельно.

Используя электронную переписку, со слушателями проводится индивидуальная работа. Ее цель: мотивировать обучаемых на изучение нового материала.

Для развития гибкости мышления обучаемым полезно предложить первую задачу: покажите, что, если $x \in [0,1[$, то $T_1\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} \{2x\} \\ \frac{[2x]+y}{2} \end{pmatrix}$, совпадает с $T\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}$ и пришлите решение на проверку преподавателю по электронной почте.

Приведем набросок доказательства.

Пусть $0 \le x < \frac{1}{2}$. Тогда $2x \bmod 1 = 2x$, $[2x] = 0, \{2x\} = 2x - [2x] = 2x$. В данном случае мы получим $2x \bmod 1 = \{2x\}$, $\frac{y}{2} = \frac{[2x]+y}{2}$. Т.о., $T\left(\frac{x}{y}\right) = T_1\left(\frac{x}{y}\right)$. Пусть теперь $\frac{1}{2} \le x < 1$. Тогда $2x \bmod 1 = 2x - 1, [2x] = 1, \{2x\} = 2x - [2x] = 2x - 1$ и $\frac{[2x]+y}{2} = \frac{1+y}{2} = \frac{1}{2}+\frac{y}{2}$. И в этом случае мы получаем, что $T\left(\frac{x}{y}\right) = T_1\left(\frac{x}{y}\right)$.

Преобразование пекаря для обучаемых необычно, и одной из важных задач преподавателя (учителя) является зарождение интереса к свойствам, присущим преобразованию пекаря. Для того что-

бы понять механизм преобразования пекаря, нужно научиться искать прообраз точки $\begin{pmatrix}\bar{x}\\ \bar{y}\end{pmatrix}$.

В системе дистанционного обучения преподаватель выкладывает решение следующего примера. Пусть $\bar{x}=\frac{2}{3}$, $\bar{y}=\frac{9}{10}$. Тогда $T\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}\bar{x}\\ \bar{y}\end{pmatrix}$ и мы будем иметь: $2x\bmod 1=\frac{2}{3}$, $\frac{1}{2}+\frac{y_1}{2}=\frac{9}{10}$, $\frac{y_2}{2}=\frac{9}{10}$. Решая два последних уравнения, находим, что $y_1=\frac{4}{5}$, $y_2=\frac{18}{10}$. Поскольку $0\le y<1$, то значение $y_2=\frac{18}{10}$ не подходит. Остается $y_1=\frac{4}{5}$. При решении уравнения $2x\bmod 1=\frac{2}{3}$ замечаем, что $2x=\frac{2}{3}+k$, где k – целое число. Откуда находим, что $x=\frac{1}{3}+\frac{k}{2}$. Поскольку $0\le x<1$, заключаем, что $x_1=\frac{1}{3}$, $x_2=\frac{5}{6}$. Простая проверка показывает, что $2x_1\bmod 1=\frac{2}{3}$ и $2x_2\bmod 1=\frac{2}{3}$. Таким образом, $T\begin{pmatrix}\frac{5}{6}\\ \frac{4}{5}\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}\frac{2}{3}\\ \frac{9}{10}\end{pmatrix}$. Однако $T\begin{pmatrix}\frac{1}{3}\\ y\end{pmatrix}\ne\begin{pmatrix}\frac{2}{3}\\ \frac{9}{10}\end{pmatrix}$ для каждого $0\le y\le 1$.

Следовательно, прообразом точки $\begin{pmatrix}\frac{2}{3}\\ \frac{9}{10}\end{pmatrix}$ будет лишь одна точка $\begin{pmatrix}\frac{5}{6}\\ \frac{4}{5}\end{pmatrix}$.

Через два дня проводится on-line обсуждение данного решения, после которого предлагается слушателям в качестве закрепления третье задание: рассмотреть случай, когда $\bar{x}=\frac{1}{3}$, $\bar{y}=\frac{1}{10}$. Обучаемые, используя систему дистанционного обучения, должны прислать следующее решение. Рассмотрим $\bar{x}=\frac{1}{3}$, $\bar{y}=\frac{1}{10}$. Тогда: $2x\bmod 1=\frac{1}{3}$, $\frac{1}{2}+\frac{y_1}{2}=\frac{1}{10}$, $\frac{y_2}{2}=\frac{1}{10}$. Решая последние два уравнения, находим, что $y_1=-\frac{2}{5}$, $y_2=\frac{1}{5}$. Поскольку $0\le y<1$, то $y_1=-\frac{2}{5}$ не удовлетворяет нашему требованию. При решении уравнения $2x\bmod 1=\frac{1}{3}$ замечаем, что $2x=\frac{1}{3}+k$, где k – целое число. Откуда находим, что $x=\frac{1}{6}+\frac{k}{2}$. Так как $0\le x<1$, то получаем, что $x_1=\frac{1}{6}$, $x_2=\frac{2}{3}$. Далее находим $T\begin{pmatrix}\frac{1}{6}\\ \frac{1}{5}\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}\frac{1}{3}\\ \frac{1}{10}\end{pmatrix}$, $T\begin{pmatrix}\frac{2}{3}\\ \frac{1}{5}\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}\frac{1}{3}\\ \frac{3}{5}\end{pmatrix}$.

Таким образом, прообразом точки $\begin{pmatrix}\frac{1}{3}\\ \frac{1}{10}\end{pmatrix}$ будет лишь одна точка $\begin{pmatrix}\frac{1}{6}\\ \frac{1}{5}\end{pmatrix}$.

Разобрав два примера, предлагаем обучаемым придумать два собственных примера, решить их, а результаты своей работы переслать преподавателю по электронной почте.

Далее предлагаем следующие задания:

1) построив на листочке чертеж, выяснить, куда отобразятся левая полоска квадрата $0\le x<\frac{1}{2}$ и правая полоска квадрата $\frac{1}{2}\le x\le 1$ при $T\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}2x\bmod 1\\ \begin{cases}\frac{y}{2}, 0\le x<\frac{1}{2}\\ \frac{1}{2}+\frac{y}{2}, \frac{1}{2}\le x\le 1\end{cases}\end{pmatrix}$ отображении (рис. 1);

2) разработать компьютерный алгоритм построения нескольких итераций преобразования пекаря;

3) сравнить результаты, полученные в 1) и 2).

Данное отображение преобразует вертикальные полоски шириной 0,5 единичного квадрата в горизонтальные полоски единичного квадрата также шириной 0,5. Обучаемые должны прислать ответы преподавателю для проверки в системе дистанционного обучения.

На рис. 1 приведены 3 итерации преобразования пекаря.

Найдем неподвижные точки данного отображения из соотношения $T\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}$. Пусть сначала $0\le x<\frac{1}{2}$. Тогда имеем $2x\bmod 1=2x$. Следователь-

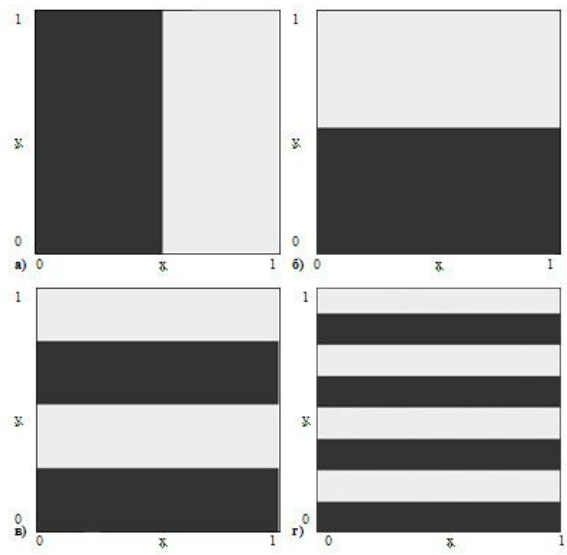


Рис. 1.

но, $2x = x, \frac{y}{2} = y$. Откуда находим, что $x = 0, y = 0$.

Пусть теперь $\frac{1}{2} \le x < 1$. $2x \bmod 1 = 2x - 1, \frac{1}{2} + \frac{y}{2} = y$.

Следовательно, $2x - 1 = x, \frac{1}{2} + \frac{y}{2} = y$. В данном случае $x = 1, y = 1$, а точка $\begin{pmatrix} 1 \\ 1 \end{pmatrix}$ не является неподвижной $T\begin{pmatrix} 1 \\ 1 \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0 \\ 1 \end{pmatrix}$. Если $x = 1, 0 \le y < 1$, то $T\begin{pmatrix} 1 \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0 \\ \frac{1}{2} + \frac{y}{2} \end{pmatrix} \ne \begin{pmatrix} 1 \\ y \end{pmatrix}$.

Таким образом, единственной неподвижной точкой преобразования пекаря является начало координат.

Здесь обучаемым полезно предложить задачу – найти такие точки $\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}$, что: а) $T^{(2)}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}$; б) $T^{(3)}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}$; в) $T^{(4)}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}$.

Если данные задачи окажутся нерешенными, то обучаемым следует предложить использовать двоичную систему счисления при решении данной задачи. Если и в данном случае задачи а) – в) не будут решены, то преподаватель в системе дистанционного обучения Moodle размещает доказательство в общем случае, а затем через неделю проводит online обсуждение.

Для удобства исследования преобразования пекаря используем двоичную систему счисления. Пусть $x = 0, \alpha_1\alpha_2 \ldots \alpha_n \ldots_{(2)}$, $y = 0, \beta_1\beta_2 \ldots \beta_n \ldots_{(2)}$. Найдем $T\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}$.

Пусть вновь сначала $0 \le x < \frac{1}{2}$. Тогда $\alpha_1 = 0$ и $2x \bmod 1 = 0, \alpha_2\alpha_3 \ldots$, $\frac{y}{2} = 0,0\beta_1\beta_2 \ldots$, $T\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0, \alpha_2\alpha_3\alpha_4 \ldots \\ 0, \alpha_1\beta_1\beta_2 \ldots \end{pmatrix}$.

Положим теперь $\frac{1}{2} \le x < 1$. Тогда $\alpha_1 = 1$ и $2x \bmod 1 = 0, \alpha_2\alpha_3 \ldots$, $\frac{1}{2} + \frac{y}{2} = 0, \alpha_1\beta_1\beta_2 \ldots$ И в этом случае имеем: $T\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0, \alpha_2\alpha_3\alpha_4 \ldots \\ 0, \alpha_1\beta_1\beta_2 \ldots \end{pmatrix}$.

Если же $x = 1$, то $T\begin{pmatrix} 1 \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0 \\ \frac{1}{2} + \frac{y}{2} \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0 \\ 0,1\beta_1\beta_2 \ldots \end{pmatrix}$.

Таким образом, если положить, что $\begin{pmatrix} x_1 \\ y_1 \end{pmatrix} = T\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}$, то $x_1 = 0, \alpha_2\alpha_3\alpha_4 \ldots$, $y_1 = 0, \alpha_1\beta_1\beta_2 \ldots$ при $x \in [0, 1[$. Если же x=1, то $x_1 = 0$, $y_1 = 0,1\beta_1\beta_2 \ldots$ Итак, для $x \in [0, 1[$ справедливо следующее правило: чтобы получить итерацию x нужно отбросить первый двоичный знак числа x после запятой. Для получения итерации y нужно справа от нуля написать двоичное число α_1. Правее числа α_1 нужно, не нарушая порядка, записать двоичные числа $\beta_1, \beta_2, \ldots$.

Если же $x = 1$, $0 \le y \le 1$, то чтобы получить итерацию x нужно положить x=0. Для получения итерации y нужно справа от нуля написать двоичное число 1. Правее числа 1 нужно, не нарушая порядка, записать двоичные числа $\beta_1, \beta_2, \ldots$.

После использования двоичной системы счисления при преобразовании пекаря обучаемым полезно вернуться к задачам а) – в) и решить их. Решение пересылаются преподавателю, используя возможности дистанционной системы. Организуется индивидуальная работа с каждым слушателем с помощью электронной почты.

Например, решение задачи а) можно записать в виде: $x = 0,(10)_{(2)}, y = 0,(01)_{(2)}$. На самом деле

$$T^{(1)}\begin{pmatrix} 0,(10)_{(2)} \\ 0,(01)_{(2)} \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0,0(10)_{(2)} \\ 0,1(01)_{(2)} \end{pmatrix},$$

$$T^{(2)}\begin{pmatrix} 0,(10)_{(2)} \\ 0,(01)_{(2)} \end{pmatrix} = T\begin{pmatrix} 0,0(10)_{(2)} \\ 0,1(01)_{(2)} \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} 0,(10)_{(2)} \\ 0,(01)_{(2)} \end{pmatrix}.$$

Здесь полезно дать обучаемым задание перевести числа $x = 0,(10)_{(2)}, y = 0,(01)_{(2)}$ в десятичную систему счисления и проверить равенство $T^{(2)}\begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix} = \begin{pmatrix} x \\ y \end{pmatrix}$. Нетрудно видеть, что

$$x=\frac{1}{2}+\frac{1}{8}+....=\frac{\frac{1}{2}}{1-\frac{1}{4}}=\frac{2}{3},\quad y=\frac{1}{4}+\frac{1}{16}+...=\frac{\frac{1}{4}}{1-\frac{1}{4}}=\frac{1}{3}.$$

$$T^{(1)}\begin{pmatrix}\frac{2}{3}\\ \frac{1}{3}\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}\frac{1}{3}\\ \frac{2}{3}\end{pmatrix},\quad T^{(2)}\begin{pmatrix}\frac{2}{3}\\ \frac{1}{3}\end{pmatrix}=T\begin{pmatrix}\frac{1}{3}\\ \frac{2}{3}\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}\frac{2}{3}\\ \frac{1}{3}\end{pmatrix}.$$

После решения приведенных выше задач учителю следует предложить обучаемым попробовать найти закономерность, связывающую исходные точки, x, y, удовлетворяющие уравнениям: $T^{(3)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}$ и $T^{(4)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}$.

После рассмотрения решения приведенных выше примеров для развития гибкости мышления и интуиции обучаемым предлагаем следующую задачу – найти такую точку $\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}$, которая удовлетворяет одновременно двум равенствам: $T^{(2)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}$ и $T^{(3)}\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}$.

Решение задачи можно записать в виде: $x=0,(00)_{(2)}$, $y=0,(00)_{(2)}$. На самом деле

$$T^{(1)}\begin{pmatrix}0,(00)_{(2)}\\ 0,(00)_{(2)}\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}0,0(00)_{(2)}\\ 0,0(00)_{(2)}\end{pmatrix},$$

$$T^{(2)}\begin{pmatrix}0,(00)_{(2)}\\ 0,(00)_{(2)}\end{pmatrix}=T\begin{pmatrix}0,0(00)_{(2)}\\ 0,0(00)_{(2)}\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}0,(00)_{(2)}\\ 0,(00)_{(2)}\end{pmatrix},$$

$$T^{(3)}\begin{pmatrix}0,(00)_{(2)}\\ 0,(00)_{(2)}\end{pmatrix}=T\begin{pmatrix}0,0(00)_{(2)}\\ 0,0(00)_{(2)}\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}0,(00)_{(2)}\\ 0,(00)_{(2)}\end{pmatrix}.$$

Далее в системе дистанционного обучения Moodle (система дистанционного обучения) преподаватель выкладывает лекцию-разработку, посвященную размерностям: топологической, самоподобия и Минковского. Через одну неделю в оболочке Moodle размещается решение следующей задачи: найдите размерность Минковского аттрактора преобразования пекаря. Проводится on-line обсуждение лекции и решение задачи.

Приведем решение задачи.

В упрощенном варианте под аттрактором в дискретной динамической системе мы будем понимать такое компактное множество фазового пространства, что все траектории точек, взятых из некоторой окрестности этого пространства, стремятся к компактному множеству при $n\to\infty$, где n – число итераций отображения f, определяющего данную дискретную динамическую систему.

Напомним, что $d_M(A)=\underset{\varepsilon\to 0}{Li}\frac{\ln(N(\varepsilon))}{\ln(\varepsilon)}$, где $N(\varepsilon)$ – минимальное число шаров радиуса ε (или квадратных клеток со стороной ε) покрывающих множество A.

Образ n-й итерации состоит из 2^n горизонтальных полосок единичного квадрата, каждая из которых имеет высоту, равную $\frac{1}{2^n}$ (см. рис. 1) Пусть теперь $\varepsilon=\frac{1}{2^n}$. Тогда для покрытия одной полоски нужно минимальное число 2^n клеток. А поскольку таких полосок будет равно 2^n, то $N(\varepsilon)=2^n\cdot 2^n=4^n$.

Тогда $d_M(A)=\underset{n\to\infty}{Li}\frac{\ln(N(\varepsilon))}{\ln(\varepsilon)}=-\underset{n\to\infty}{Lim}\frac{\ln(4^n)}{\ln\left(\frac{1}{2^n}\right)}=2$.

Решение следующей задачи нацелено на преодоление стереотипов мышления обучаемых, заключающегося в том, что размерность множества всегда является числом целым, и установление неожиданных связей между математическими объектами. Оказывается, что размерность Минковского множества может оказаться и числом дробным. Видоизменим определение преобразования пекаря.

Положим: $P\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}2x\bmod 1\\ \begin{cases}\frac{y}{3},0\le x<\frac{1}{2}\\ \frac{1}{2}+\frac{1}{3}y,\frac{1}{2}\le x\le 1\end{cases}\end{pmatrix}$.

Пусть B – аттрактор видоизмененного преобразования пекаря. Тогда $P\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}$ будет отображать квадрат на его часть. Поставим задачу найти размерность Минковского множества B. Согласно определению размерности будем иметь:

$$d_M(B)=\underset{n\to\infty}{Li}\frac{\ln(N(\varepsilon))}{\ln(\varepsilon)}=-\underset{n\to\infty}{Lim}\frac{\ln(6)^n}{\ln\left(\frac{1}{3^n}\right)}=$$

$$=\underset{n\to\infty}{Lim}\frac{n\ln 2+n\ln 3}{n\ln 3}=1+\log_3 2.$$

То есть размерность Минковского оказалась дробной, а множество B – фракталом. В процессе решения задачи оказалась выявленной связь между модифицированным преобразованием пекаря и фракталом, являющимся его аттрактором.

В общем случае для числа $\alpha\in(0,1)$ преобразование пекаря определяется формулой:

$$T\begin{pmatrix}x\\ y\end{pmatrix}=\begin{pmatrix}2x\bmod 1\\ \begin{cases}\alpha y,0\le x<\frac{1}{2}\\ \frac{1}{2}+\alpha y,\frac{1}{2}\le x\le 1\end{cases}\end{pmatrix}.$$

При изучении преобразования пекаря с помощью дистанционного обучения у обучаемых формируется толерантность к новизне, развивается

интуиция, гибкость мышления и способность преодолевать стереотипы мышления.

Библиографический список

1. *Божокин С.В., Паршин Д.А.* Фракталы и мультифракталы. – М.; Ижевск, 2001.

2. *Гринченко В.Т., Мацыпура В.Т., Снарский А.А.* Введение в нелинейную динамику: Хаос и фракталы. Издание 2-е. – М.: ЛКИ, 2007.

3. Закон РФ «Об образовании» от 31.12.2012.

4. *Кроновер Ричард М.* Фракталы и хаос в динамических системах / пер. с англ. под ред. Т.Э. Крэнкеля. – М.: Постмаркет, 2000.

5. *Морозов А.Д.* Введение в теорию фракталов. – М.; Ижевск, 2002.

6. Педагогам о дистанционном обучении / под общей ред. Т.В. Лазыкиной; авт.: И.П. Давыдова, М.Б. Лебедева, И.Б. Мылова и др. – СПб.: РЦОКОиИТ, 2009. – 98 с.

7. *Секованов В.С.* Элементы теории фрактальных множеств: учебное пособие. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2012.

8. *Шредер М.* Фракталы, хаос, степенные законы: (миниатюры из бесконечного рая). – Научно-издательский центр «Регулярная и хаотичная динамика», 2001.

УДК 378

Спасенников Валерий Валентинович
доктор психологических наук, профессор
Якименко Дмитрий Валерьевич
Брянский государственный технический университет
mnto@bryansk.ru

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ СВЯЗИ ИНЖЕНЕРНОЙ ПЕДАГОГИКИ И ИННОВАЦИОННОГО МЕНЕДЖМЕНТА В РАЗВИТИИ ТЕХНИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ

Рассмотрен процесс профессиональной подготовки менеджеров организации на основе освоения методов инженерного творчества в курсе инновационного менеджмента с учетом междисциплинарных связей. Приведены экспериментальные результаты динамики развития технического мышления с учетом интегративных связей и отношений лингвистических, математических и технических способностей.

Ключевые слова: *структура способностей, морфологический анализ, планирование эксперимента, результаты тестирования, контрольная и экспериментальная группы.*

Педагогика высшей школы позволяет научно обосновать требования к образовательному процессу, оптимизировать способы представления учебного материала, рационализировать использование средств и технологий обучения. Педагогика высшей технической школы, (инженерная педагогика) как раздел педагогики высшей школы начала формироваться с созданием первых центров инженерной педагогики, когда еще не были сформулированы требования к программам педагогической подготовки преподавателей высшей школы. Каждый вуз самостоятельно определял структуру и содержание такой подготовки, основываясь на своих традициях, кадровых возможностях, положениях классической педагогики, ориентированной не на высшую, а на общеобразовательную школу, отсюда подготовка и компетенции преподавателей высшей технической школы не имеющих инженерного образования (в частности на кафедрах инженерной педагогики и психологии технических вузов) не всегда соответствующих требованиям Международного общества по инженерной педагогике, — Internationale Gesellschaft fuer Ingenieurpaedagogik (IGIP).

Анализ работ отечественных ученых (В.П. Аверченков, О.А. Горленко, Б.А. Душков, Б.А. Смирнов, В.А. Терехов и др.) дает основание полагать, что любому преподавателю технического вуза не только специальных инженерных, но и гуманитарных, естественнонаучных, физико-математических кафедр целесообразно иметь хотя бы начальную инженерную подготовку и обладать техническим мышлением.

В целом ряде отечественных и зарубежных исследований по психологии, педагогике, частным методикам преподавания технических дисциплин (Г.С. Альтшуллер, А.В. Антонов, Г.Ф. Голубева, В.П. Зинченко, В.В. Мирошников, П.С. Самородский, В.В. Спасенников и др.) показано, что формирование и развитие технического мышления будущих специалистов в значительной степени детерминируется учетом предметной специфики и междисциплинарных связей осваиваемых учебных дисциплин.

В нашем исследовании задача формирования и развития творческого технического мышления у будущих специалистов проводилась на базе кафедры экономики и менеджмента Брянского государственного технического университета в течение четырех лет (2008–2011 гг.). В эксперименте приняло участие 108 студентов дневного отделения, обучающихся по специальности «Менеджмент организации» и 10 специально отобранных экспертов по техническому творчеству (2 группы по 5 человек).

© Спасенников В.В., Якименко Д.В., 2013

Экспериментальное исследование было направлено на верификацию гипотезы о том, что развитие творческого технического мышления будущих менеджеров организации будет успешным при выполнении следующих условий:

– преподавание курса инновационный менеджмент ориентированно на формирование интегративной структуры технического мышления;

– изучены инженерно-психологические основы репродуктивного и продуктивного компонентов мышления, которые лежат в основе отличия проектной и изобретательской деятельности;

– выявлены инженерно-педагогические условия организации обучения инновационному менеджменту в соответствии с выбранной стратегией развития творческого технического мышления;

– главным инженерно-педагогическим средством для развития творческого технического мышления является проблемное обучение на основе межпредметной интеграции.

На основании данных, полученных в результате наблюдения за ходом освоения методов технического творчества в курсе инновационного менеджмента и изучения наиболее типичных ошибок, которые допускают студенты при выполнении промежуточных тестовых контрольных заданий были выявлены следующие причины низкого уровня развития технического мышления:

– студенты факультета экономики и менеджмента не сталкивались с сугубо техническими дисциплинами, поэтому их знания в области технического творчества носят несистемный характер, что затрудняет их применение в учебном процессе вуза;

– недостаточное выделение технических знаний и интеллектуальных умений в курсе инновационный менеджмент, хотя именно знания по проектно-конструкторской и изобретательской деятельности лежат в основе современной техники;

– умение решать преимущественно чисто экономические задачи, которые предлагаются по рассмотренному преподавателем образцу, шаблону, что препятствует выполнению творческих заданий, в которых нет эталонных ответов.

Нами разработана методика меж предметного обучения инновационному менеджменту, направленная на развитие творческого технического мышления будущих менеджеров организации, определены закономерности, принципы и инженерно-педагогические условия ее реализации [9].

В стандартной методике репертуарного теста личностных конструктов элементы задаются экспериментатором, а конструкты выявляются самим испытуемым и реже – экспериментатором. В нашем исследовании конструкты предлагались экспериментатором, а в качестве элементов использовались признаки заданного им понятия. тот факт, что процесс конструирования зависит от выбранных элементов, хорошо известен в инженерной психологии, поэтому если между схемами и категориями имеются какие-либо различия, то они должны проявляться в структуре репертуарных решеток [3; 8; 9].

Исходными элементами в репертуарных решетках являются: репертуар объектов оценивания и совокупность (или схема) конструктов (заданных или выявленных).

Конструкт – это «личностное изобретение», истолкованное, которое накладывается на реальности (Дж. Келли). В функционировании конструкта обобщение и различение имеют место одновременно. Кратко, конструкт – это элементарная единица нашего восприятия, мышления, отношения и т.п., в которой соединены объективные сведения и их субъективная интерпретация (В.В. Спасенников) [7].

В качестве конструктов были использованы элементы обучающих технологий: одни, направлены на освоение категориальных знаний (лингвистические способности), другие, связанные с развитием схематических (технических) способностей базируются на межпредметной интеграции знаний. В качестве элементов этих решеток выступали признаки в структуре усвоения знаний, связанные с получением знаний и обработкой, освоением знаний в действиях.

Признаки, выделенные на основе морфологического анализа планирования эксперимента, были расклассифицированы по 11 группам. Названия групп признаков и их распределение по этим группам представлены в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что существенными для формирования технических способностей в разных обучающих технологиях являются следующие признаки (макрокомпоненты обучения):

– понимание и заучивание (гуманитарные способности) (М.К. Акимова, В.П. Беспалько, Г.Ф. Голубева и Е.В. Кряжеваи др.);

– получение и закрепление (математические способности) (В.Н. Дружинин, А.В. Никитин, В.В. Спасенников, Н.Ф. Талызина и др.);

– переработка и применение (естественнонаучные способности) (В.И. Загвязинский, В.П. Зинченко, К.К. Платонов, В.И. Слободчиков и др.);

– ассоциативные связи (лингвистические способности) (М.К. Акимова, И.А. Зимняя, П.И. Пидкасистый, В.А. Сластенин, И.С. Якиманская и др.);

– внимание и память (конструкторско-технологические способности (Л.В. Занков, К.К. Платонов, В.И. Слободчиков, В.Д. Шадриков и др.);

– понимание и выполнение (естественнонаучные и технические способности) (А.В. Антонов, Б.Ф. Ломов, П.С. Самородский и др.);

– поиск и заучивание (гуманитарные и лингвистические способности) (П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина, Т.В. Корнилова, П.И. Пидкасистый и др.);

– ориентировка и отработка (математические и технологические способности) (А. Анастази,

Таблица 1

Морфологическая матрица планирования и организации эксперимента

Макрокомпоненты обучения (группа признаков)		1. Понимание и заучивание	2. Получение и закрепление	3. Переработка и применение	4. Ассоциативные связи	5. Внимание и память	6. Понимание и выполнение	7. Поиск и заучивание	8. Ориентировка и отработка	9. Углубленный метод	10. Проверка в деятельности	11. Обобщение и креативность
естественнонаучные (математические) способности	3 (AN) аналогии			●				□			●	
	5 (AR) арифм. задачи						●		●			
	6 (NU) числ. ряды			□	●			□				
гуманитарные (лингвистические) способности	1 (LS) доп. пред.		●						□	●		□
	2 (GE) искл. слов.	□				□			□			
	9 (ME) запом. сл.	□		□		□		●				□
технические (конструкторско-технологические) способности	4 (KL) обобщен.	●					□			□		●
	7 (PL) плоскость		□		□		□				□	
	8 (SP) объем		□		□	●				□	□	
Беспалько А.П. Понимание и заучивание		□					●					
Платонов К.К. Получение и закрепление				□							●	
Загвязинский В.И. Переработка и применение				□						●		
Зимняя И.А. Ассоциативные связи			●					□				□

Окончание таблицы 1

Занков Л.В. Внимание и память					□	□					
Сластенин В.А. Понимание и выполнение	□			•							□
Пидкасистый П.И. Поиск и заучивание		□			□	□	•				
Гальперин П.Я. Ориентировка и отработка		□	•					□			
Талызина А.Ф. Углубление и метод					•		□	□	□		
Шадриков В.Д. Проверка в деятельности	•			□					□	□	
Давыдов В.В. Обобщение и креативность				□				•		□	•
(+) Полюс сходства	+	-	+	-	+	+	-	+	+	+	-
(-) Контраст	-	+	-	+	-	-	+	-	-	-	+

Рис. 1. Взаимосвязь различных видов способностей

П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина, И.С. Якиманская и др.);

– углубление и метод (естественнонаучные и технические способности) (П.Я. Гальперин, Н.Ф. Талызина, Б.А. Душков, Б.А. Смирнов, В.А. Терехов, В.В. Спасенников и др.);

– проверка в деятельности (лингвистические, математические и технические способности) (А.В. Антонов, В.П. Беспалько, В.Н. Дружинин, Б.Ф. Ломов, А.Д. Шадриков и др.);

– обобщение и креативность (естественнонаучные, гуманитарные, конструкторско-технологические и технические способности) (Г.С. Альтшуллер, В.В. Давыдов, Б.А. Душков, Б.А. Смирнов, В.А. Терехов, П.С. Самородский, В.В. Спасенников и др.).

Взаимосвязь различных видов способностей представлена схематично на рисунке 1.

На формирующем заключительном этапе изучались изменения в уровне развития интеллекта у студентов контрольной и экспериментальной групп по методике Р. Амтхауэра. Данная методика, как показано В.А. Бодровым, Г.В. Ложкиным и В.В. Спасенниковым позволяет оценить уровень развития отдельных умственных способностей (в дальнейшем мы будем называть их интеллектуальными умениями), которыё являются структурными компонентами технического мышления [5].

Методика Р. Амтхауэра состоит из 9 субтестов, выполнение каждого из субтестов свидетельствует об определенных способностях к какому-то виду деятельности (сформированности интеллектуальных умений к определенному виду деятельности), что позволяет исследователям объединить субтесты в следующие группы (см. табл. 2).

Анализ количественных изменений параметров интеллектуальных умений в структуре математических, лингвистических и технических способностей проводился в соответствии с критериальными нормами (М.К. Акимова, К.М. Гуревич, В.Т. Козлова) [1]. Низкий уровень конкретного интеллектуального умения оценивался в 1 балл, средний уровень – 2 балла, высокий уровень – 3 балла, сверхинтеллектуальный уровень – 4 балла.

Измерение уровня развития интеллектуальных умений строилось по плану типа «до и после» освоения методов инженерного творчества. В данном случае предполагаемые причины и следствия оцениваются до и после эксперимента и делается это как в экспериментальной, так и в контрольной группах. Тем самым заранее отбрасывается альтернативная гипотеза о том, что обнаруженные по окончании эксперимента различия между контрольной и экспериментальной группами были вызваны различиями в них, которые имелись еще до проведения эксперимента [6].

Измерение параметров развития технических, математических и лингвистических способностей в контрольной и экспериментальной группах проводилось в течение трех лет. Результаты этих измерений представлены в таблице 3.

Полученные данные свидетельствуют о том, что различия в закономерностях обработки информации по тестовым заданиям R. Amthauer у студентов, имеющих различный уровень математических, лингвистических и технических способностей, заключаются в уровне сформированности различных интеллектуальных умений. Это обуславливается параметрами операционально-логических компонентов мышления, связанных с умениями быстро классифицировать и обобщать информацию (индуктивное мышление), что обусловлено большим удельным весом операций обобщения и абстраги-

Таблица 2

Методика Р. Амтхауэра

Вид способностей	Название и № субтеста
естественнонаучные (математические) способности	№3 (аналогии), №5 (арифметические задачи), №6 (числовые ряды)
гуманитарные (лингвистические) способности	№ 1 (дополнение предложений), №2 (исключение слов), №9 (запоминание слов)
технические (конструктивно-технические) способности	№4 (обобщение), №7 (плоскость), №8 (объем)

Таблица 3

Количественные изменения параметров интеллектуальных умений в структуре математических, лингвистических и технических способностей

Вид способностей	2009-2010 уч. год			
	контр. гр.: N=27	экспер. гр.: N=29	контр. гр.: N=27	экспер. гр.: N=25
	на входе		на выходе	
математические способности	3.00 ± 0.22 t = 2.69 p < 0.05	2.34 ± 0.07 t = 3.47 p < 0.01	2.79 ± 0.11 t = 4.19 p < 0.001	2.70 ± 0.36 t = 0.75 p > 0.1
			t_{12}=0.92; p_{12}=0.1	
лингвистические способности	2.40 ± 0.24 t = 2.31 p < 0.05	2.24 ± 0.10 t = 0.65 p > 0.1	2.04 ± 0.12 t = 4.55 p > 0.001	2.80 ± 0.22 t = 1.21 p > 0.1
			t_{12}=1.45; p_{12}=0.1	
технические способности	2.80 ± 0.34 t = 1.26 p > 0.1	3.10 ± 0.18 t = 0.67 p < 0.1	2.60 ± 0.13 t = 5.58 p < 0.001	3.20 ± 0.07 t = 1.85 p < 0.05
			t_{12}=0.69; p_{12}=0.1	
Вид способностей	2010-2011 уч. год			
	контр. гр.: N=30	экспер. гр.: N=30	контр. гр.: N=30	экспер. гр.: N=28
	на входе		на выходе	
математические способности	2.80 ± 0.22 t = 1.71 p > 0.05	3.18 ± 0.07 t = 4.72 p < 0.001	2.33 ± 0.19 t = 0.44 p < 0.1	2.48 ± 0.15 t = 2.61 p < 0.1
			t_{12}=1.21; p_{12}=0.1	
лингвистические способности	1.60 ± 0.20 t = 0.5 p > 0.1	2.34± 0.08 t = 5.33 p < 0.1	2.67 ± 0.14 t = 6.34 p < 0.001	2.08 ± 0.08 t = 1.02 p < 0.1
			t_{12}=4.60; p_{12}=0.001	
технические способности	2.45 ± 0.17 t = 2.16 p < 0.05	2.58 ± 0.19 t = 3.32 p < 0.1	2.67 ± 0.14 t = 6.34 p < 0.001	3.17 ± 0.17 t = 0.54 p < 0.001
			t_{12}=4.60; p_{12}=0.01	

Примечание: t_{12}, p_{12} – различия между контрольной и экспериментальной группой; p – различия между средне- и высокоинтеллектуальными студентами по тесту R. Amthauer.

рования у студентов с развитыми техническими способностями.

У среднеинтеллектуальных студентов процессы технического мышления базируются на манипуляциях с конкретными образцами предметов в силу ограниченности способности к абстрагированию, обусловленной недостаточным вниманием преподавателей к учету междисциплинарных интегративных связей между инновационным менеджментом и инженерно-техническими дисциплинами.

Переход к качественно новому стилю умственной деятельности, как видно из результатов решения тестовых заданий по R. Amthauer, требуют определенного развития технических способностей, связанных, прежде всего, с обобщением и креативностью, проверкой в деятельности, углублением и методом, получением и закреплением, ориентировкой и отработкой излагаемого материала.

Основная тенденция, отражающая совершенствование интеллектуальных умений коррелирует с развитием способностей к построению умозаключений, связанных с абстрагированием, классификацией и обобщением. Причем, экспериментальное исследование показало, что обобщение (из интеллектуальных умений, относящихся к техническим способностям) обладает самыми выраженными корреляционными связями с интеллектуальными умениями, входящими в состав математических способностей по R. Amthauer («аналогии» – r_S = 0,73, $p \leq 0.01$; «арифметические задачи» – r_S = 0,64, $0,05 \leq p \leq 0.05$; «числовые ряды» – r_S =0,71, $p \leq 0.01$).

Экспериментальные исследования также показали, что как у студентов-юношей, так и студентов-девушек со среднеинтеллектуальным уровнем происходит выполнение заданий, связанных с техническими способностями при некотором снижении лингвистических способностей.

В ходе эксперимента было также обнаружено, что студенты-юноши характеризуются не только более высокими значениями выраженности различных интеллектуальных умений, но и более тесной (по сравнению со студентами-девушками) корреляционной связью между показателями, интеллектуальных умений, что с точки зрения гендерных различий является темой отдельного исследования.

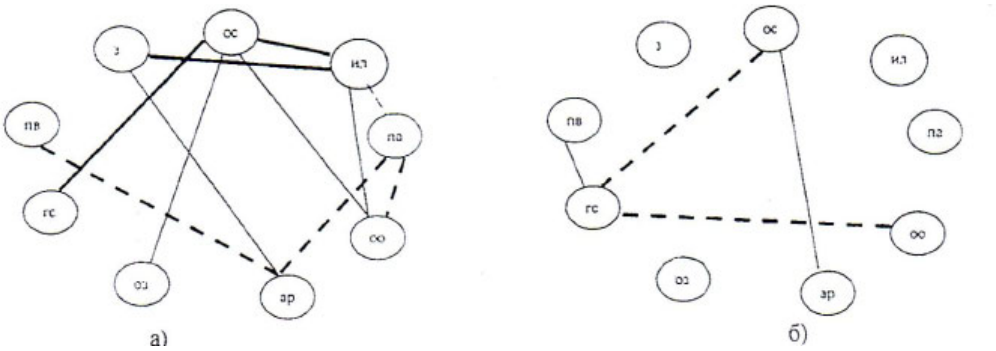


Рис. 2. Структура интеллекта у студентов экспериментальной группы:
а) до эксперимента, б) после эксперимента

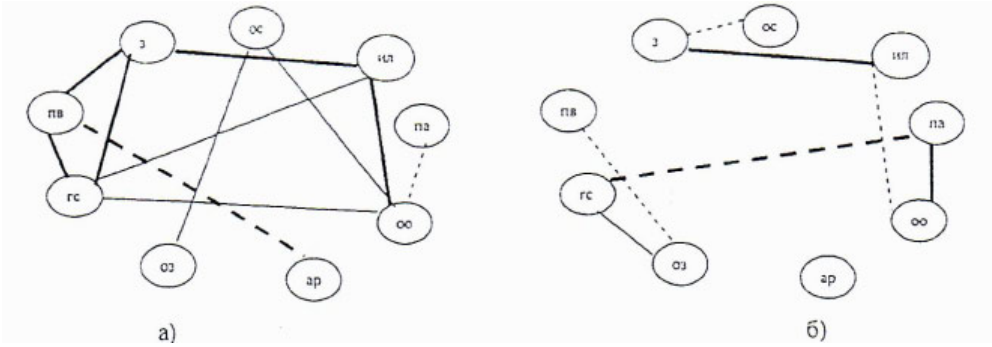


Рис. 3. Структура интеллекта у студентов контрольной группы:
а) до эксперимента, б) после эксперимента.
ОС – осведомленность, ИЛ – исключение лишнего, ПА – поиск аналогий, ОО – определение общего,
З – запоминание, АР – арифметический, ОЗ – определение закономерностей,
ГС – геометрическое сложение, ПВ – пространственное воображение.

В процессе исследования была поставлена и решена задача, связанная с оценкой изменений, происходящих в структуре интеллекта у студентов контрольной и экспериментальной групп, поскольку техническое мышление развивается не изолированно от других субструктур интеллекта.

Качественные и количественные изменения в структуре интеллекта представлены на рисунках 2 и 3.

Количественный анализ показателей интегрированности и дифференцированности интеллекта студентов экспериментальной группы показывает, что после эксперимента интегративность интеллекта значительно снижается, при этом увеличивается его дифференцированность, это указывает на то, что происходит сворачивание структуры интеллекта и нахождение оптимального способа ее функционирования применительно к ведущему типу деятельности, в нашем исследовании технической. Сворачивание структуры интеллекта означает переход на иной уровень ее регулирования, который наиболее приемлем для решения данной группы учебно-профессиональных задач; такая структура обеспечивает наиболее эффективное управление деятельностью.

В контрольной группе интегративность интеллекта снижается, а дифференцированность остается на том же уровне, что свидетельствует о функционировании системы в развернутом виде. Это означает, что идет поиск наиболее приемлемых способов решения учебно-профессиональных задач, причем, чем сложнее задачи, стоящие перед студентом, тем шире и глубже идет развертывание структуры, большее количество компонентов и связей вовлекается в данный процесс.

Качественный анализ структуры интеллекта показывает, что в экспериментальной группе между компонентами технического мышления устанавливается положительная взаимосвязь (субтесты «Геометрическое сложение», «Пространственно воображение»); в контрольной группе подобная взаимосвязь отсутствует.

Проведенное исследование подтвердило правомерность выдвинутой гипотезы и позволило сформулировать следующие выводы:

1. Формирование технического мышления будущего менеджера организации является необходимым условием его профессиональной подготовки, что обосновано с позиции анализа требований «Государственного образовательного стандарта». Данный вид мышления позволяет будущему специалисту более продуктивно решать профессиональные задачи, связанные с организацией твор-

ческой проектно-конструкторской и изобретательской деятельности.

2. Развитие технического мышления студентов происходит при специальной организации предметного обучения инновационному менеджменту, в котором учитывается специфика профессиональной деятельности специалистов за счет освоения в учебном процессе методов инженерного творчества. Методы направлены на формирование теории решения изобретательских задач морфологического анализа, функционально-стоимостного анализа операциональных компонентов технического мышления.

3. В теоретическом плане представляется целесообразным более глубокое исследование взаимосвязи развития технического мышления в динамике формирования его отдельных компонентов. Предполагается расширить эмпирическую базу исследования для определения направлений развития необходимых компетенций будущих специалистов по новому поколению образовательных стандартов.

Библиографический список

1. *Акимова М.К., Гуревич К.М., Козлова В.Т.* Методы изучения умственного развития школьников и студентов с использованием критериально-ориентированных нормативов // Теоретические и прикладные вопросы экспериментально-психологических исследований / отв. ред. В.Н. Дружинин, В.В. Спасенников. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 1996. – С. 3-20.

2. *Гальперин П.Я., Талызина Н.Ф.* Современное состояние теории планомерного формирования умственных действий // Вестник МГУ. Серия 14: Психология. – 1979. – № 4. – С. 54–63.

3. *Голубева Г.Ф., Кряжева Е.В.* Использование техники репертуарных решеток в анализе лингвистических и технических способностей // Экономическая психология как теоретико-методологическая основа созидательной деятельности, маркетинговых исследований, рекламы и связей с общественностью: Труды междунар. науч.-практ. конф. (20-21.12.2007) / под ред. Г.В. Лошкина, В.В. Спасенникова. – Брянск: Изд-во «Ладомир», 2007. – С. 48–58.

4. *Давыдов А.А.* Состояние и проблемы исследования учебной деятельности // Деятельностный подход в психологии: проблемы и перспективы / под ред. Д.А. Леонтьева – М.: Изд-во Академии пед. наук СССР, 1990. – С. 35–46.

5. Методика МИОМ – 80. Модифицированный вариант теста Р. Амтхауэра (R. Amthauer AIST – 70) / под ред. В.А. Бодрова, Г.В. Ложкина, В.В. Спасенникова. – Киев: КВИТРУ, 1981. – 88 с.

6. *Спасенников, В.В.* Методы технического творчества в изобретательской деятельности. – Калуга: Изд-во КГПУ им. К.Э. Циолковского, 1992. – 144 с.

7. *Спасенников В.В.* Критерии охраны авторских прав создателей психодиагностических тестовых методик // Психологический журнал. – 1994. – № 1. – С. 123–127.

8. *Eysenck H.* Dimensions of personality: 16,5 or- 3, Criteria for a taxonomic paradigm // Personality and Individual Differences. – 1991. – V. 12. – P. 773–790.

9. *Ke11y G.A.* The Psychology of Personal Constructs. – New York: Wi1ey, 1955. – 282 p.

ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 316.4

Зайцев Александр Владимирович
кандидат философских наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
aleksandr-kostroma@mail.ru

ПУБЛИЧНАЯ СФЕРА КАК ПОЛЕ ДИАЛОГА ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье идет речь о публичной сфере, где осуществляется коммуникация и диалог государства и гражданского общества. Данная точка зрения подтверждается ссылками на таких западноевропейских мыслителей, как К. Шмидт, Х. Арендт, Ю. Хабермас, а также современных российских политологов и социологов. Посредством такого дискурса с гражданским обществом государственная власть увеличивает свою собственную легитимность и легитимность политических решений.

Ключевые слова: *государство, гражданское общество, публичная сфера, диалог, дискурс, коммуникация*

За последние 15–20 лет лексикон российской политической науки обогатился новыми терминами, часть из которых была позаимствована из зарубежной политической науки. Среди них наиболее важное место принадлежит словосочетаниям «публичная политика» (public Policy), «публичное пространство» (public space) и «публичная сфера» (public Sphere), которые в современной России стали, можно сказать без преувеличения, чуть ли не самыми востребованными и популярными из новых политологических терминов и концептов.

О публичной сфере писали К. Шмидт (парламентская публичная сфера), Х. Арендт (античная публичная сфера), Ю. Хабермас (буржуазное публичное пространство) и др. При этом и К. Шмидт, и Х. Арендт, и Ю. Хабемас констатируют упадок публичной сферы и исчезновение публики как активных граждан, стремящихся в ходе публичного диалога обсудить какие-либо актуальные политические проблемы. Однако появление интернета породило надежды, что «благодаря технологическому прорыву публичная сфера, постепенно вытесняемая из социальной реальности, будет восстановлена в реальности» в виде «свободной от внешнего контроля дискуссии и обмена информацией» в блогосфере и социальных сетях, где теперь уже на дискурсивной основе формируется и вырабатывается общественное мнение [8, с. 225].

С точки зрения К. Шмидта, воплощением идей политического либерализма является парламентаризм и органически присущая для него дискуссия с последовательным рассмотрением всех точек зрения и аргументов, как «за», так и «против». По мнению К. Шмидта, «непременными предпосылками дискуссии являются общие убеждения, готовность дать себя убедить, независимость от партийных обязательств, свобода от эгоистических интересов» [12, с. 8]. Единая политическая воля рождается в процессе открытой конфронтации различных мнений. В этом – публичном обдумывании аргументов и контраргументов, в публичных дебатах и публичных дискуссиях – состоит сущность истинного парламентаризма.

«Дискуссия означает обмен мнениями, – утверждает К. Шмидт, – главная цель которого состоит в том, чтобы рациональными аргументами убедить противника в некоторой истине и правильности, либо же дать убедить в истине и правильности себя самого» [12, с. 8]. И этот процесс должен быть максимально публичным. Во-первых, потому, что парламент как публичный орган, автономен, то есть свободен от внешнего давления. И, во-вторых, потому что он прозрачен и открыт для внешнего мира.

Однако К. Шмидт констатирует упадок современной ему парламентской публичной сферы. Почему? «Положение парламентаризма в наши дни столь критично, потому что развитие современной массовой демократии сделало публичную дискуссию с использованием аргументов пустой формальностью. – Такой ответ на поставленный нами вопрос дает К. Шмидт. – Поэтому многие нормы современного парламентского права, прежде всего, предписания относительно независимости депутатов и публичности заседаний выглядят как избыточные декорации, ненужные и даже сомнительные... Партии… в наши дни больше не противостоят друг другу как мнения в дискуссии, они выступают как социальные или хозяйственные силовые группы (Machtgruppen), калькулируют взаимные интересы и силовые возможности (Machtmöglichkeiten) обеих сторон и на этой фактической основе заключают компромиссы и коалиции. Массы завоевываются аппаратом пропаганды, наиболее эффективным при апелляции к самым насущным интересам и страстям. Исчезает аргумент в прямом смысле слова, характерный для подлинной дискуссии. Место его в переговорах партий занимает целенаправленная калькуляция интересов и силовых шансов (Machtchancen), а в обращении с массами – действенное внушение или символ…» [12, с. 9].

© Зайцев А.В., 2013

Настоящая политическая деятельность происходит не на публичных пленарных дискуссиях, но в комитетах, комиссиях, кабинетах. Тем самым снимается и отменяется всякая ответственность и вся парламентская система представляет собою всего лишь фасад, за которым кроется господство партий и экономических интересов. Парламент, как публичный институт, с точки зрения К. Шмидта, лишился своей почвы и функционирует лишь как пустой аппарат, силой инерции. В итоге, парламентская публичность и присущий ему дух дискуссионности, превратились в пустую формальность.

Основу теории публичной сферы Х. Арендт составляет ее интерпретация модели античных республик. В ее понимании, полис представляет собой «организацию людей, возникающую из их совместного говорения и совместного действия. Публику Х. Арендт понимает как группу людей, видящих друг друга, как, к примеру, на древнегреческой агоре, и существующей в пределах геометрии античного полиса» [9].

Для Х. Арендт публичное пространство – это арена действий людей, совершаемых ими перед лицом друг друга. Тем самым публичность для нее связана с прямым взаимодействием индивидов, разделяющих ту или иную систему ценностей, что составляет залог того, что они правильно интерпретируют действия друг друга. Но коммуникация и диалог понимается Х. Арендт не только как речевое взаимодействие или как способность убеждения посредством речи, символов и знаков, но еще и как возможность осуществления самой власти.

Моделируя публичную сферу, Ю. Хабермас исходил из неомарксистской интерпретации социальной философии Г.В.Ф. Гегеля. Если для Г.В.Ф. Гегеля исходным пунктом при анализе общества было государство, а для К. Маркса – рыночная экономика (которую ранний К. Маркс отождествлял с гражданским обществом), то Ю. Хабермас искал область, автономную и от государства, и от рынка. Этой областью для него и явилась публичная сфера, само существование которой стало прямым следствием конституирования государства и институционализации рыночной экономики. Возникновение публичной сферы Ю. Хабермас относит к эпохе Просвещения, делая акцент не столько на видимости представителями публики друг друга (Х. Арендт), сколько на их слышимости друг друга, ставшей возможной благодаря росту книгопечатания и складыванию массовой коммуникации. Классическая модель публичной сферы Ю. Хабермаса предполагает, что формируется целый комплекс публичных площадок.

Ими могут быть, к примеру, кофейни и литературные салоны XVIII века. Эти заведения Ю. Хабермас называет наиболее ярким примером того, как должна строиться публичная сфера. В них воспроизводится идеальная модель общественного мнения, когда газеты и журналы читаются и обсуждаются в группах лицом к лицу. Для него публика – это некая виртуальная общность, которая складывается с ростом количества печатных изданий, среди тех, кто читает, пишет и интерпретирует, обсуждает, собираясь вместе в публичных (общественных) местах. Если Х. Арендт констатирует упадок публичной сферы в условиях модерности, то Ю. Хабермас отмечает возникновение в эпоху Просвещения новой формы публичности – публики как частных индивидов, вместе обсуждающих общественные проблемы, опираясь на текст публично высказавшего свое мнение автора, какого-либо печатного источника.

В трактовке Ю. Хабермасом публичной сферы и публичной политики выделяется их «узкая» и «широкая» трактовка. В «узком» понимании публичная сфера – это та «область социальной жизни, в которой формируется общественное мнение» [13, p. 231]. То есть в центр внимания Ю. Хабермас помещает способность людей формировать политическое сообщество или политическую публику, принимающую участие в обсуждении значимых для общества проблем.

Публичная сфера понимается Ю. Хабермасом как особая коммуникативная среда, где рождается и циркулирует общественное мнение, которое выполняет функцию критики и контроля по отношению к государству. В широком смысле публичное в противовес частному выступает как сфера реализации присущих любому обществу публичных (общественных) интересов. Публичная сфера не ограничивается коммуникациями граждан и общественной рефлексией, она выходит на уровень диалога с государством, трансформируясь в практические действия во имя общего блага.

Общественное мнение в модели Ю. Хабермаса является не средним арифметическим от мнений всех участников, но результатом дискуссии, которая избавляет его от искажений, вносимых частными интересами и статусом участников. Формирование такого общественного мнения предполагает наличие нескольких обязательных условий:

1. Универсальный доступ – любой может иметь доступ к месту обсуждения;

2. Рациональные дебаты, т.е. любая тема поднимается любым участником и обсуждается рационально, пока согласие не будет достигнуто;

3. Игнорирование статуса участников дискуссии.

Таким образом, модель публичной сферы Ю. Хабермаса напрямую связана с появлением «просвещенной публики», для доступа в которую требовались некоторые ресурсы, в числе которых можно назвать определенный уровень образования и достатка [3, с. 41].

Для Ю. Хабермаса понятие публичной сферы стало одним из ключевых при анализе проблем и перспектив формирования гражданского обще-

ства. Согласно его теории, гражданское общество включает в себя постоянно возникающие ассоциации, организации и движения, которые резонируют с тем, что происходит в сфере частной жизни, усиливая и посылая все это в публичную сферу [7]. Тем самым, что особенно актуально с точки нашего исследования, «гражданское общество напрямую связывается с публичной сферой; как отмечает сам Ю. Хабермас, коммуникативная структура публичной сферы сохраняется лишь благодаря энергичному гражданскому обществу» [7]. Политическую культуру граждан, таким образом, можно отождествить с их активным участием в функционировании публичной сферы.

Феномен коммуникативного действия Ю. Хабермасом связывается с понятием публичности. Граждане вовлекаются в процесс принятия политических решений посредством вынесения проблемы на всеобщее обсуждение. В результате обсуждения формируется некоторый общественный консенсус по проблеме. Следует отметить, что субъектами обсуждения выступают автономные объединения общественности. Автономными Ю. Хабермас называет лишь те объединения общественности, которые не производятся политической системой в целях легитимации, и не являются частями этой системы. Эти объединения должны возникать спонтанно из повседневных практик и иметь проницаемые границы [11, с. 108]. Таким образом, делиберативный политический процесс – это процесс публичных консультаций по общественно значимым проблемам с привлечением к разработке публичной политики как можно большего количества граждан.

Публичная сфера и публичная политика представляют собой диалог государства и гражданского общества. Так, М. Риттер пишет, что «под публичной политикой следует понимать опосредующий уровень между государственной властью и частными интересами, который функционирует в двух направлениях: с одной стороны, субъекты дискутируют о государственных о государственных решениях и планах… С другой стороны, гражданки и граждане таким образом формулируют свои потребности и предложения их решения и адресуют их как требования в отношении государства» [6, с. 13].

На диалоговом характере публичной сферы и публичной политики акцентируют внимание не только зарубежные, но и многие отечественные авторы. Так, Л.И. Никовская и В.Н. Якимец пишут, что полноценное представительство социально-политических интересов общества «может осуществляться только в публичной сфере – сфере диалога, общения, договора с государством по общезначимым вопросам» [5, с. 84]. Диалогична не только публичная сфера, но и публичная политика. Вот что по этому поводу замечают два вышеназванных автора: «Публичная политика – система работающих механизмов диалога государства и общества при принятии значимых решений» [4, с. 42].

С этой точки зрения, солидарны и другие исследователи публичной сферы и публичной политики. «Публичная политика – это дискурсивная коммуникация, в основе которой находится многоуровневый диалог, где выделяются все существенные для его участников предметы и явления, а также преобладает субъект-субъектное взаимодействие. – Пишет С.А. Гадышев. – Это определение позволяет выделить еще один подход в понимании публичной политики – коммуникативный, который предполагает существование обратной связи, а не однонаправленной» [1, с. 134].

А вот точка зрения А.Д. Трахтенберг: «…Публичная сфера “sphere” представляет собой пространство рациональной дискуссии, основанной на принципах открытости и равенства сторон и на совместно разработанных и общепринятых критериях и стандартах. Именно в публичной сфере в процессе свободной от внешнего контроля дискуссии и обмена информацией вырабатывается то, что можно назвать общественным мнением» [7, с. 225]. На диалогике публичной сферы как области диалога государства и гражданского общества заостряет внимание Г.В. Синекопова: «Идеальный характер публичной сферы заключается в его принципиальной диалогичности, т.е. готовности и стремлении всех его участников совместно строить и реконструировать аргументированный дискурс…» [7].

Публичная сфера неразрывно связана с гражданским обществом и с имманентно присущим ей гражданским диалогом, диалогом государства и гражданского общества, с институционализацией в ней этой двухсторонней коммуникативной интеракции. Публичная сфера – это особая область социальной жизни, где возникает возможность достижения гражданского согласия. Но эта возможность обретает статус действительности только в условиях осуществления диалога, компромисса и толерантности.

Публичный характер политики предполагает, что политические решения и программы не только осуществляются в интересах общества и направлены на удовлетворение его наиболее важных потребностей, но и подлежат общественному контролю на каждом из этапов их реализации. В этом заключается не только легитимация принимаемых решений, но и легитимность самой власти.

Политическое участие граждан, в отличие от либеральной и республиканской традиций, по мнению Ю. Хабермаса, заключается в дискурсивно-коммуникативном публичном употреблении (использовании) разума. «И тогда демократическая процедура будет черпать легитимирующую силу уже не только – и даже не столько – из участия и волеизъявления, но из общедоступности консульта-

тивного процесса, чьими свойствами обосновывается ожидание рационально приемлемых результатов. – Пишет Ю. Хабермас. – Такое понимание демократии в духе теории дискурса изменяет теоретические требования к условиям легитимности демократической политики» [10, с. 338].

Таким образом, с точки зрения теории диалогики гражданского общества публичная сфера представляет собой сферу диалога между обществом и государством [2, с. 141–145]. Посредством диалогического дискурса общество и отдельные граждане включаются в дискурсивный процесс выработки и принятия решений. А государственная власть на основе такого институционализированного дискурса увеличивает свою легитимность и легитимность принятых в процессе публичного делиберативного процесса политических решений.

Библиографический список

1. *Гадышев С.А.* Современные подходы к определению публичной политики // Гуманитарный вектор. – 2010. – №3 (27).

2. *Зайцев А.В.* Диалогика гражданского общества: истоки, понятие, смысл // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – №3.

3. *Кондрашина М.И.* Российские СМИ в условиях диверсификации публичной сферы // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2010. – №3.

4. *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // Полития. – 2007. – №1.

5. *Никовская Л.И., Якимец В.Н.* Публичная политика в регионах России: типы, субъекты, институты и современные вызовы // Полис: Политические исследования. – 2011. – №1.

6. *Риттер М.* Публичная сфера как идеал политической культуры // Граждане и власть: новые подходы. – М., 1998.

7. *Синекопова Г.В.* Нормативные основания публичной сферы и их критический анализ // Теория языка и межкультурная коммуникация, 2007. – № 2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/002-12.pdf.

8. *Трахтенберг А.Д.* Рунет как публичная сфера: хабермасовский идеал и реальность // ПОЛИТЭКС. – 2006. – №2. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// politex.info/ content/ view/ 158/40/.

9. *Трубина Е.Г.* Публика // Новейший философский словарь. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/fil_dict/645.php.

10. *Хабермас Ю.* Политические работы / сост. А.В. Денежкина; пер. с нем. В.М. Скуратова. – М.: Праксис, 2005.

11. *Шматко Н.А.* Феномен публичной политики // Социологические исследования. – 2001. – №7.

12. *Шмитт К.* Духовно-историческое состояние современного парламентаризма. Предварительные замечания (О противоположности парламентаризма и демократии) // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8. – № 2.

13. *Habermas J.* «The Public Sphere» in Seidman, S(ed.). Jurgen Habermas on Society and Politics. – Boston, 1973.

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316

Попова Ирина Викторовна
доктор социологических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pivik@list.ru
Касаткин Александр Александрович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
kastikalex@yandex.ru

ГРАЖДАНСКИЙ БРАК КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА

В последние годы произошел резкий рост положительного отношения к гражданскому браку в сознании студенческой молодежи. В статье представлены результаты исследования представлений студенческой молодежи о семейно-брачных отношениях. Показаны последствия для общества такой формы организации добрачных отношений как гражданский брак.

Ключевые слова: *семейно-брачные отношения, гражданский брак, сожительство, семейная политика.*

Изменения в экономических отношениях, произошедшие за последние годы, повлекли за собой существенные деформации в семейно-брачных отношениях. Это объективно отражается на состоянии такого социального института, как семья. В молодежной среде произошел резкий рост положительного отношения к добрачным связям. В российском обществе с подачи журналистов появился термин «гражданский брак», который, по сути, заменил собой термин «сожительство». Но оттого, что неблаговидное название поменяли на более благозвучное, суть происходящих процессов и их последствий для общества не изменились. А процессы эти связаны с опасной для любого общества тенденцией – разрушением семьи как социального института. По данным микропереписи 1994 года, доля сожительств составляла 7% от общего числа супружеских союзов, 2002 года – 10%, 2010 – 13% [7]. Данные социологических исследований показывают еще большее распространение данной тенденции до 15%. Сожительство становиться альтернативой зарегистрированной семье.

Проблема гражданских браков по-разному оценивается самой молодежью и обществом. В сознании значительной части молодежи сформировалось представление, что прежде чем создать семью и узаконить отношения, необходимо пожить в гражданском браке и проверить отношения на крепость, попробовать совместный быт, хозяйство, а также быть уверенным в недопущении ошибки в выборе партнера. К сожалению, нет статистики, которая показывала бы, какое количество браков распадается среди тех людей, которые до этого жили в гражданском браке. Но в общественном мнении бытует представление, что разводятся больше те, кто жил в гражданском браке.

Также многие молодые люди не хотят расставаться со свободой в поступках, действиях; им удобнее существовать в гражданском браке, сохраняя возможность отступить в любой момент и остаться никому не должным. Поэтому молодые люди не воспринимают свой союз как серьезные и постоянные отношения.

В исследовании представлений студенческой молодежи о семейно-брачных отношениях, объектом которого были студенты Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова, ставилась задача выявить отношение молодежи к гражданскому браку. Для этого задавался вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что прежде чем создавать семью, нужно пожить в гражданском браке?», полученный результат показал (рис. 1):

Да, полностью согласны, и так Вы и поступите – 51,5%.

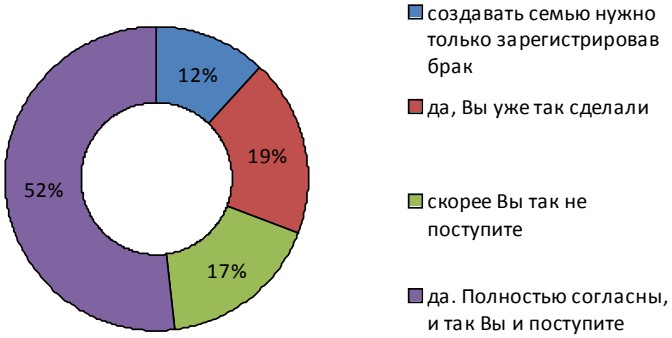


Рис. 1. Отношение респондентов к гражданскому браку

© Попова И.В., Касаткин А.А., 2013

Да, Вы уже так сделали – 19,0%.

Скорее Вы так не поступите – 17,3%.

Создавать семью нужно только зарегистрировав брак – 12,2%.

По полученному результату можно сказать, что в сознании молодежи параллельно с традиционной моделью семейно-брачных отношений функционирует и является востребованной либеральная модель. Данное явление можно считать деструктивным по отношению к социальному институту семьи и к общественной системе в целом. Одним из этапов жизненного цикла молодой семьи стал «добрачный союз», который предшествует юридически оформленному союзу. Объясняется это тем, что уже несколько десятилетий наблюдается раннее психофизиологическое развитие молодежи; нет особых ограничений в трансляции соответствующих ориентаций в средствах массовой информации; в большинстве семей наблюдаются ослабление сексуального контроля и семейного воспитания и обучения подростков [6, с. 25]. В отличие от мнения большинства представителей молодежи, состоящих в браке, считающих, что добрачное сожительство является лучшей формой узнавания человека в быту, научно доказано, что добрачный опыт может затруднить переход от концентрации на своих делах к учету потребностей и желаний других членов семьи, прежде всего детей. Сожительство не является той системой, которая успешно готовит будущих супругов к браку, так как отсутствие обязательств в несемейном домохозяйстве может привести к их отсутствию в браке. В то же время И.С. Кон, наряду с отрицательными сторонами фактического брака, отмечает и его положительные моменты: данные отношения, в какой-то мере, позволяют приобрести начальный опыт совместной жизни, также подобные отношения выгоднее ранних браков, которые в основной массе своей через 5–7 лет распадаются [4, с. 57].

С точки зрения теории институциализации, сожительство воспринимается как моральная испорченность и полное невежество, являющееся социальной маргинальностью и следствием крушения институциональных порядков, ведущим к деинституционализации семьи. [1, с. 49]. Согласно положениям данной теории, сожительство – это в определенной мере следствие неуспешной социализации молодого поколения и неудачной передачи им социального опыта. В условиях дезинтеграции социальных институтов молодежь стремится освободиться от социального контроля и построить новую неформальную семью. Увеличение числа таких семей имеет причинно-следственную зависимость, как от экономических факторов, так и от ценностных ориентаций субъектов. К экономическим факторам относится, прежде всего, наличие собственности у вступающих в отношения молодых людей. Брачный договор, принятый во всех обществах, живущих в рыночных отношениях, не приживается в российском обществе в силу ценностных представлений. По заключению Л. Левиной и А. Левина [5, с. 53], сексуальная революция привела к эротизации брака, но одновременно и обесценила его. Половые контакты превратились в своего рода спорт, лишённый личностной вовлечённости. Снятие запретов, культ секса, по мнению учёных, влекут за собой утрату остроты переживания. То, что общедоступно, не может стать предметом страсти; наблюдается обесценивание близости, в неформальных браках супругов связывают только взаимные чувства и устный договор. Б. Кваша, В. Спицнадель считают, что добрачные связи – это «скорее бесконтрольность чувств, нравственная нечистоплотность, моральная беспринципность» [3, с. 42]. С другой стороны, сожительство воспринимается отрицательно теми людьми, которые хотят стабильности и уверенности в отношениях. По статистике гражданский (фактический) брак – весьма недолговечная форма отношений, большинство таких союзов распадаются в течение 3–5 лет [2].

Многие пары, строя свои отношения на такой свободе, разрушают моральные устои и облик семьи, развивая безответственность, непорядочность, многоженство и т.д. Также для пар, живущих в гражданском браке, характерны низкий уровень благополучия (нет общего бюджета, скрывается доход), сексуальной верности, сексуального удовлетворения, а также практически отсутствуют взаимоотношения с родственниками. К тому же женщины, живущие в гражданском браке, чаще подвергаются физическому и сексуальному насилию, т.к. мужья в большей степени чувствуют свою безнаказанность.

Отношения, не имеющие под собой законной подоплёки, приводят к рискам, связанным с рождением детей. К примеру, гражданскому мужу придется усыновлять своего собственного ребенка (а зачастую такие отцы просто не признают детей), гражданская жена при расставании не имеет права на алименты без процедуры ДНК, с расставанием или смертью одного из супругов (оставшейся супруг не имеет права на нажитое имущество, жилье, общий бизнес) и т.д.

Таким образом, вступая в гражданский брак, многие уверены, что этот брак подобен пробе: если не получится, каждый начнет все сначала, но уже с другим партнером. Но этот процесс может быть бесконечен.

В соответствии с одной из важных гипотез исследования о том, что брак как способ организации семьи не устарел, опрошенным был задан вопрос: «Согласны ли Вы с утверждением “Брак как способ организации семьи устарел?”» Были получены результаты (рис. 2):

Полностью согласен – 8,7%.

Скорее согласен – 15,2%.

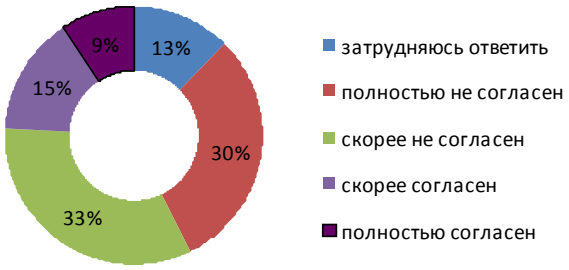


Рис. 2. Мнение респондентов о браке как способе организации семьи, который устарел

Скорее не согласен – 33,3%.

Полностью не согласен – 30,3%.

Затруднились – 12,5%.

Если суммировать близкие по смыслу ответы, то получается, что 60% молодых людей не считают заключение брака устаревшим способом оформления отношений, но, как показал предыдущий результат, через гражданский брак. Это означает, что в сознании молодых людей не сформировалось представление о последствиях гражданского брака, которые выявлены с помощью исследований. Эту опасную для общества тенденцию следует учитывать всем, кто занимается формированием семейной политики. Это также означает, что родители недостаточно обращают внимания на то, как их дети строят свою личную жизнь. По результатам нашего исследования каждый третий сказал, что ему необходимо будет согласие родителей на брак. Это говорит о том, что родители имеют влияние на решение детей о создании семьи. Результаты исследования подтвердили гипотезу о том, что молодежи не хватает информации по вопросам создания семьи и семейных отношений. Об этом сообщает результат, полученный на основе данных ответов на вопрос: «Как Вы считаете, сейчас много людей, которые нуждаются в советах по вопросам семейной жизни?»:

Думаю, таких большинство – 30,3%

Думаю, таких много – 59,3%

Думаю, таких мало – 8,2%

Думаю, таких меньшинство – 2,2%

Полученный результат однозначно позволяет нам сделать вывод о том, что молодые люди испытывают нехватку знаний, информации по вопросам семейной жизни.

Таким образом, можно сказать, что такая форма устройства семейных отношений как гражданский брак является социальной проблемой, последствия которой разрушительным образом действуют на социальный институт семьи, на демографическую ситуацию, на разрушение морально-нравственных устоев в отношениях между мужчиной и женщиной. Российскому обществу нужна внятная, научно обоснованная семейная политика.

Библиографический список

1. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. – М.: Медиум. – 1995. – 323 с.

2. *Вовк Е.* Смыслы и значения незарегистрированных отношений: разновидности брака или альтернатива ему? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.bd.fom.ru (дата обращения 24.02.2013).

3. *Кваша Б.Ф., Спицнадель В.Б., Минко Н.И.* Ценностные основы семьи. – СПб.: Изд-во СПб. юридич. института МВД России, 1997. – 168 с.

4. *Левин А.И., Левина Л.В.* Современная семья и ее эволюция в условиях перехода к постиндустриальному обществу. – Курск: Изд-во Курского института социального образования, 2001. – 187 с.

5. *Левин А.И., Левина Л.В.* Современная семья и её эволюция в условиях перехода к постиндустриальному обществу. – Курск.: Кур. ин-тут соц. образования, 2001. – 187 с.

6. *Полутин С.В.* Молодежь в системе социального производства: социологический анализ. – Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2000. – 125 с.

7. Федеральная служба государственной статистики. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http:// www. gks.ru (дата обращения 10.03.2013).

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

УДК 347.97

Бухарев Антон Викторович
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
bukharev89@mail.ru

МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ В СВЕТЕ НОВОЙ КОНЦЕПЦИИ РАЗВИТИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ

В статье проанализирована Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» на предмет противодействия коррупции, сформулированы организационно-правовые предложения по повышению эффективности предупреждения коррупции в судебной системе.

Ключевые слова: *концепция, противодействие коррупции, суд, сведения о доходах.*

Распоряжением Правительства Российской Федерации от 20.09.2012 № 1735-р утверждена Концепция федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» (далее – Концепция). Эффективность развития судебной системы с использованием программно-целевого метода подтверждается положительным опытом реализации федеральных целевых программ «Развитие судебной системы России на 2002–2006 годы» и «Развитие судебной системы России на 2007–2012 годы». В частности, в рамках данных программ была существенно увеличена численность судейского корпуса, административного и вспомогательного персонала судов, значительно повышена оплата труда судей, частично решена проблема обеспечения судей служебными помещениями, улучшено материально-техническое обеспечение судов, значительно повышен уровень их информатизации. Таким образом, можно с уверенностью констатировать, что был сделан существенный шаг в сторону модернизации судебно-правовой системы. В то же время многие проблемы, связанные с деятельностью судебной системы, разрешить не удалось. Среди последних особо следует выделить проблему коррупции.

Тем не менее, Концепция в определяемых ею целях, задачах и комплексе основных мероприятий по различным направлениям развития судебной системы не предусматривает мер по противодействию коррупции в данной сфере. Несмотря на то, что в обоснование соответствия решаемой проблемы и целей прямо указано, что Концепция разработана на основе положений, содержащихся в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р, которая для повышения эффективности политико-правовых институтов и обеспечения исполнения законодательства Российской Федерации вместе с проведением судебной реформы, обеспечивающей действенность и справедливость принимаемых судом решений предусматривает борьбу с коррупцией [1].

Эффективное противодействие коррупции является залогом четкой и профессиональной работы судебной системы, неизбежно обеспечивает рост уровня доверия к суду и власти в целом. Таким образом, несмотря на отсутствие в Концепции положений, направленных на предупреждение коррупции, такие положения необходимо включить в федеральную целевую программу «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы».

Концепция, проводя предварительный анализ итогов реализации предыдущей целевой программы в данной сфере, указывает, что были внесены изменения в Закон Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации», направленные на предотвращение коррупции в органах судебной власти и устанавливающие обязанность кандидата на должность судьи и судей представлять сведения об имуществе, принадлежащем им на праве собственности, и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах супруга (супруги) и несовершеннолетних детей. Тем не менее, данную меру нельзя считать реализованной, поскольку в существующей редакции она мало способна выполнять задачи, на решение которых она направлена, так как в большинстве случаев имущество можно передать совершеннолетним детям, братьям, сестрам, родителям и так далее. Исходя из мирового опыта, декларирование доходов членов семьи лиц, замещающих государственные должности, является распространенной превентивной антикоррупционной мерой, причем часто речь идет именно о членах семьи, то есть всех близких родственниках. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 20.05.1993 № 4994-1 «О некоторых вопросах, связанных с применением Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» разъясняет, что к членам семьи судьи относятся супруг(-а), родители и дети, проживающие с ним и ведущие общее хозяйство [2]. Таким образом, возраст детей не имеет значения, к членам семьи относятся и совершеннолетние дети, и родители, в отношение которых также необходимо установить декларирование доходов. Аналогичную обязанность следует закрепить

© Бухарев А.В., 2013

и за работниками аппаратов судов, которые в соответствии с законодательством Российской Федерации также обязаны предоставлять подобные сведения. Существующая же промежуточная позиция Закона не позволяет эффективно противодействовать коррупции путем реализации данной меры.

Также особое внимание следует обратить на механизм проверки указанных сведений и ответственность судей за их непредставление. Приказом Верховного Суда Российской Федерации от 15.03.2010 № 146/кд утверждено Положение о порядке проверки достоверности и полноты сведений о доходах судей, их супруги(-а) и несовершеннолетних детей, которое предусматривает, что в судах общей юрисдикции могут быть созданы комиссии по проверке полноты и достоверности представляемых судьями сведений, осуществляющие своевременное изучение и проверку указанных сведений, а в судах, где комиссии не образованы, их функции возложены на председателей соответствующих судов. Проверка проводится на основании письменного решения председателя комиссии или суда при наличии сомнений в достоверности и полноте сведений, представленных судьей, либо в получении письменной информации от органов судейского сообщества или общероссийских средств массовой информации о предоставлении судьей недостоверных или неполных сведений [3]. Формулировка «при наличии сомнений» имеет объективную неопределенность, не позволяет отчетливо определить перечень оснований проведения проверки, что в значительной мере снижает степень контроля за полнотой и достоверностью представляемых сведений, придавая данным нормам декларативный характер.

Кроме того, настоящим Положением устанавливается, что в случае непредставления сведений о доходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера в установленные сроки, либо представления судьей заведомо недостоверных сведений, председатель соответствующего суда вправе обратиться в соответствующий совет судей с предложением о проведении проверки при наличии оснований для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности. Таким образом, Положение закрепляет необоснованно широкий круг усмотрения председателя, устанавливая не обязанность, а лишь возможность внесения им соответствующего предложения.

Закон «О статусе судей в Российской Федерации» в п. 5 ст. 8.1 предусматривает, что за непредставление сведений, а также представление заведомо недостоверных сведений судья может быть привлечен к дисциплинарной ответственности [4]. В то время как в ст. 13.1 Федерального закона «О противодействии коррупции» закреплено положение, согласно которому лицо, замещающее государственную должность Российской Федерации, подлежит увольнению (освобождению от должности) в связи с утратой доверия в случае непредставления сведений о своих доходах, а также о доходах своих супруги (супруга) и несовершеннолетних детей либо представления заведомо недостоверных или неполных сведений [5]. Таким образом, следует внести изменения в вышеуказанную норму Закона «О статусе судей в Российской Федерации», определив, что судья подлежит привлечению к дисциплинарной ответственности в случае непредставления, а также представления заведомо недостоверных или неполных сведений о доходах. Установление конкретных мер ответственности обеспечит единообразие практики применения законодательства по данному вопросу, будет способствовать повышению значимости и эффективности реализации данной антикоррупционной меры.

Также остается лишь частично реализованной мера, имеющая важную антикоррупционную составляющую в организации работы суда, в частности, регистрация содержания всех неформальных обращений, поступивших к судье до рассмотрения дела, в журнале непроцессуальных обращений. Существующая практика звонков и писем высокопоставленных должностных лиц в целях оказания скрытого давления на судью является нарушением не только этических, но и конституционных норм, а также прямым нарушением независимости суда и судей. Как показал опыт арбитражных судов, после введения гласности количество подобных обращений резко сокращается. Таким образом, необходимо в каждом суде общей юрисдикции завести журнал непроцессуальных обращений и осуществлять публикацию поступающих обращений на официальных сайтах соответствующих судов.

С учетом изложенного, а также с целью обеспечения преемственности между федеральными целевыми программами, реализованными в предшествующие периоды, и программой «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» в последнюю необходимо включить следующие положения, направленные на противодействие коррупции в судебной системе:

1. Обязать судей и кандидатов на должность судьи представлять сведения о своих доходах, об имуществе, принадлежащем им на праве собственности, и обязательствах имущественного характера, а также сведения о доходах супруга (супруги), родителей и детей, об имуществе, принадлежащем им на праве собственности, и обязательствах имущественного характера путем внесения изменений в подп. 8 п. 6 ст. 5, п. 1 ст. 8.1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации»;

2. Определить четкий перечень оснований проведения проверки представляемых сведений, установив его в Приказе Верховного Суда Российской Федерации от 15.03.2010 № 146/кд;

3. Обязать председателя суда в случае непредставления сведений о доходах, об имуществе и обя-

зательствах имущественного характера в установленные сроки, либо представления судьей заведомо недостоверных сведений, вносить предложение о проведении проверки в соответствующий совет судей при наличии оснований для привлечения судьи к дисциплинарной ответственности;

4. Внести изменения в п. 5 ст. 8.1 Закона «О статусе судей в Российской Федерации», определив, что судья подлежит привлечению к дисциплинарной ответственности в случае непредставления, а также представления заведомо недостоверных или неполных сведений о доходах;

5. Предусмотреть введение в каждом суде общей юрисдикции журнала непроцессуальных обращений с осуществлением публикаций поступающих обращений на официальные сайты соответствующих судов.

Библиографический список

1. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20.09.2012 № 1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» // СПС «КонсультантПлюс», раздел «Законодательство».

2. Постановление Верховного Совета Российской Федерации от 20.05.1993 № 4994-1 «О некоторых вопросах, связанных с применением Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс», раздел «Законодательство».

3. Приказ Верховного Суда Российской Федерации от 15.03.2010 № 146/кд «О порядке проверки достоверности и полноты сведений о доходах судьи верховного суда республики, краевого, областного суда, суда города федерального значения, суда автономной области и автономного округа, окружного (флотского) военного суда, районного суда и гарнизонного военного суда, а также мирового судьи, об имуществе, принадлежащем судье на праве собственности и обязательствах имущественного характера, а также о доходах супруга (супруги) и несовершеннолетних детей судьи, об имуществе, принадлежащем им на праве собственности и обязательствах имущественного характера супруга (супруги) и несовершеннолетних детей судьи» // http://usd.kst.sudrf.ru/modules.php?name=norm_akt&id=37.

4. Закон Российской Федерации от 26.06.1992 № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс», раздел «Законодательство».

5. Федеральный закон от 25.12.2008 года № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СПС «КонсультантПлюс», раздел «Законодательство».

УДК 340

Рощин Борис Евгеньевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
pravoborise@mail.ru

КОДИФИКАЦИЯ РОССИЙСКОГО ТРУДОВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ПЕРИОД ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Предлагаемая работа посвящена вопросам кодификации отечественного трудового законодательства при переходе советского государства к новой экономической политике. Особое внимание автор статьи уделяет анализу основных положений второго в российской истории Кодекса законов о труде, нацеленного на практическую реализацию качественно новых направлений в сфере труда.

Ключевые слова: *новая экономическая политика, кодификация законодательства, трудовое законодательство, Кодекс законов о труде 1922 года, трудовой договор, коллективный договор, трудовые споры, профсоюзы в организациях.*

Весь гвоздь в том, чтобы авангард не побоялся поработать над самим собой, переделать самого себя, признать открыто свою недостаточную подготовленность, недостаточное уменье.

В.И. Ленин

Известно, что переход к новой экономической политике был провозглашён В.И. Лениным на X съезде РКП(б), состоявшемся в марте 1921 года. Характерные черты НЭПа состояли в следующем: замена продразвёрстки натуральным налогом; сочетание рыночных отношений с государственным планированием; выборочная денационализация мелких и средних предприятий; частная собственность на основные средства производства; возможность для практического осуществления предпринимательства; сдача в аренду частным лицам ряда крупных промышленных предприятий; развитие товарно-денежных отношений; введение принципов хозрасчёта на предприятиях; возможность создания совместных предприятий, смешанных акционерных обществ, концессий с привлечением иностранного капитала; заинтересованность работника в результатах своего труда; отказ от уравнительности в оплате труда и др.

© Рощин Б.Е., 2013

Разумеется, что несмотря на легализацию ряда основных капиталистических атрибутов, «львиная» часть отечественной промышленности (и вся внешняя торговля) оставалась под жёстким контролем государства. Тем самым большевики контролировали и сохраняли за собой «командные высоты в экономике». «Пролетарское государство, не изменяя своей сущности, может допускать свободу торговли и развитие капитализма лишь до известной меры и только при условии государственного регулирования (надзора, контроля, определения форм, порядка и т.д.) частной торговли и частнохозяйственного капитализма», – провозглашалось в постановлении ЦК РКП (б) «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» (от 12.01.1922г.) [3, с. 438]. Более того, В.И. Ленин в записке наркому юстиции Д.И. Курскому (от 20.02.1922г.), указывал: «Мы ничего “частного” не признаём, для нас всё в области хозяйства есть публично-правовое, а не частное. Мы допускаем капитализм только государства… Отсюда расширить применение государственного вмешательства в «частноправовые отношения, расширить право государства отменять “частные” договоры…» [3, с. 447]. Разумеется, подобные указания касались правовой регламентации всех сфер российского общества.

Провозглашение новой экономической политики и её практическая реализация требовали неизбежного коренного реформирования всей системы трудового законодательства, сложившейся на первоначальном этапе социалистической организации труда. Характерной особенностью формирования и развития системы нового (советского) права стала его систематизация, проводимая по пути кодификаций. Так, первая кодификация советского трудового законодательства состоялась спустя год после прихода к власти большевиков. Значение кодификации трудно переоценить. «Кодификация направлена на то, чтобы критически переосмыслить действующие нормы, устранить противоречия и несогласованности между ними… Кодификация способствует усилению стабильности законодательства, созданию чёткой, базирующейся на научном фундаменте системы нормативных актов, обеспечивает оптимальную скоординированность между действующими нормами… Она позволяет решить две взаимосвязанные задачи – совершенствовать и содержание, и форму законодательства» [5, с. 363].

Как известно, первый отечественный КЗоТ РСФСР 1918 года стал типичным и наглядным продуктом эпохи «военного коммунизма» и был нацелен на практическую реализацию таких, зачастую, революционно-романтических идей, как: «красногвардейская атака на капитал», незамедлительное искоренение частной собственности, существенное ограничение товарно-денежного оборота, внедрение натурального товарообмена, ограничение роли денежных знаков, огосударствление основных средств производства, трудовое принуждение, «революционное творчество масс» (в частности, широкое внедрение на производствах самоуправления, «на котором одном может быть основано плодотворное воспитание трудящихся масс в духе социалистического и коммунистического строя») [6, ст. 905].

Второй в российской истории КЗоТ был принят четвёртой сессией Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета IX созыва 30 октября 1922 года и был нацелен на практическое обеспечение соответствующих направлений новой экономической политики, в сфере правовой регламентации социально-трудовых отношений. «Возврат при НЭПе к свободному рынку означал также возврат к свободному трудовому рынку…» [1, с. 647]. Иными словами, КЗоТ РСФСР 1922 года отличался от предыдущего качественно новой концепцией и был приспособлен для работы в новых условиях.

По своей внутренней структуре Кодекс состоял их 17 глав: I – Общая часть; II – О порядке найма и предоставления рабочей силы; III – О порядке привлечения к трудовой повинности граждан РСФСР; IV – О коллективных договорах; V – О трудовом договоре; VI – О правилах внутреннего распорядка; VII – О нормах выработки; VIII – Вознаграждение за труд; IX – Гарантии и компенсации; X – Рабочее время; XI – Время отдыха; XII – Об ученичестве; XIII – Труд женщин и несовершеннолетних; XIV – Охрана труда; XV – О профессиональных (производственных) союзах рабочих и служащих и их органах в предприятиях, учреждениях и хозяйствах; XVI – Об органах по разрешению конфликтов и рассмотрению дел по нарушению законов о труде; XVII – О социальном страховании.

В Общей части Кодекса определялась сфера его практического применения. Он распространялся «на всех лиц, работающих по найму, в том числе и на дому (квартирников)» и его нормы были обязательны «для всех предприятий, учреждений и хозяйств (государственных, не исключая и военных, общественных…), а также для всех лиц, применяющих чужой наёмный труд за вознаграждение» [7, ст. 903].

Процедура трудового найма регламентировалось частью второй Кодекса. Так, согласно ст. 5, предоставление российским гражданам любой работы на условиях добровольного личного найма могло осуществляться, как правило, только через органы Народного комиссариата труда (далее НКТ), путём регистрации безработных в соответствующих местных органах данного комиссариата. Исключением являлись два случая, когда приём на работу мог осуществляться помимо органов НКТ: а) если предполагаемая трудовая функция была непосредственно связана с конкретной личностью, либо требовала специальных знаний или политического доверия; б) если рабочая сила не могла быть

предоставлена органами НКТ в трёхдневный срок, со дня поступления соответствующих требований от работодателя. Любопытно отметить тот факт, что в рассматриваемый период продолжали легально существовать советские биржи труда (учреждённые в первый год становления пролетарской диктатуры) и всякое трудоустройство, как правило, должно было осуществляться только через эти органы. Однако органы НКТ на практике фактически взяли на себя функции бирж труда.

Существенным отличием «нэповского» КЗоТа от предыдущего стала отмена всеобщей трудовой повинности и установление правовых гарантий на трудоустройство в порядке добровольного трудового найма. Однако, отказавшись без уважительных причин от предлагавшейся со стороны биржи труда работы, безработный (в первый раз) лишался пособия по безработице на один месяц; отказавшись от работы повторно, он окончательно лишался права на данное пособие и снимался с очереди на вакантное рабочее место.

Что касалось реального привлечения к трудовой повинности, то данная процедура могла иметь место только в исключительных случаях: а) при форс мажорных обстоятельствах (например, необходимости борьбы со стихийными бедствиями); б) при недостатке рабочей силы для выполнения важнейших государственных заданий. В данных случаях привлечение к трудовой повинности на практике не только имело места, но и было обеспечено соответствующими (в том числе и уголовно-правовыми) нормами воздействия. Так, ст. 79 УК РСФСР 1922 года предусматривала уголовную ответственность лица за отказ от производства работ, имевших общегосударственное значение. Наказание предусматривало определённые санкции: а) в виде административного взыскания, если работник отказывался в первый раз; б) в виде лишения свободы, принудительных работ, конфискации имущества, если работник отказывался от работы повторно.

Вместе с тем, нельзя не заметить, что согласно ст.13 КЗоТа РСФСР 1922 г., освобождению от привлечения к трудовой повинности подлежал более широкий круг лиц, чем предусматривал КЗоТ РСФСР 1918 года. От данной повинности, в частности, освобождались временно нетрудоспособные; беременные и кормящие женщины; женщины, имевшие детей до 8-летнего возраста; инвалиды войны и труда.

Наибольший интерес и практическое значение представляет 5 часть Кодекса, где достаточно подробно регламентируется базовый (исходный) институт трудового права – индивидуально-трудовой договор. Легальная дефиниция данной сделки формулировалась как «соглашение двух или более лиц, по которому одна сторона (нанимающийся) предоставляет свою рабочую силу другой стороне (нанимателю) за вознаграждение». Согласно ст. 28 Кодекса, условия данного договора устанавливались соглашением сторон – нанимателя и нанимающегося. При этом условия трудового договора, ухудшавшие положение работника по сравнению с «условиями, установленными законами о труде, условиями коллективного договора и правилами внутреннего распорядка…, а также условия, клонящиеся к ограничению политических и общегражданских прав трудящегося», считались недействительными в момент заключения договора. КЗоТ 1922 г. предусматривал три вида трудовых договоров: а) бессрочный (заключаемый на неопределённый срок); б) срочный (на срок не свыше одного года); в) временный (на время выполнения определённой работы). Кроме того, Кодекс не оставил без внимания такие условия трудового договора, как испытательный срок, перевод работника на другую работу, обязательность выдачи расчётной книжки всем работникам.

Расторжение трудового договора могло последовать в результате ряда причин: а) по соглашению сторон; б) по истечении срока договора; в) по окончании определённых работ; г) по заявлению одной из сторон (т.е. как по инициативе работника, так и работодателя); д) в случае полной или частичной ликвидации организаций, «а равно в случае сокращения работ в них»; е) в случае приостановки работ на срок более одного месяца по причине производственного характера; ж) в случае профнепригодности работника; з) в случае систематического неисполнения работником трудовых обязанностей; и) в случае совершения работником преступления, «непосредственно связанного с его работой и установленного вступившим в силу приговором суда, а также в случае пребывания нанявшегося под стражей более двух месяцев»; к) в случае неявки на работу без уважительных причин «более трёх дней сряду» или «в общей сложности более шести дней в месяц» [7, ст. 903].

Следует заметить, что в КЗоТе РСФСР 1918 года понятие «трудовой договор» полностью отсутствовало. Более того, согласно принятой за основу идеологии, подобная сделка считалась буржуазным пережитком. Очевидно, подобные «контрасты» были вызваны объективной реальной действительностью, велением времени.

Важным нововведением стало признание и практическое применение коллективно-договорного регулирования социально-трудовых отношений. КЗоТ 1922 г. по существу восстановил традиционное понятие коллективного договора как двустороннего соглашения, заключаемого профсоюзом, «как представителем рабочих и служащих, с одной стороны, и нанимателем с другой, которое устанавливает условия труда и найма для отдельных предприятий, учреждений и хозяйств… и определяет содержание будущих личных (трудовых)

договоров найма». Данные договоры предписывалось заключать в письменной форме и регистрировать в органе НКТ, который, в свою очередь, имел право самостоятельно отменить договор в части, ухудшающей положение работников по сравнению с действовавшим трудовым законодательством. Незарегистрированный колдоговор не имел законной силы, а зарегистрированный вступал в силу со дня его подписания сторонами либо в сроки, указанные в договоре. Колдоговор имел юридическую силу в течение всего срока действия, в том числе в случаях реорганизации предприятий и перехода их к новому владельцу [7, ст. 903].

Следует отметить, что в КЗоТе РСФСР 1918 года понятие «коллективный договор» (широко применяемое до Октябрьской революции 1917 г.) не упоминалось. Однако для локальной регламентации условий труда предусматривались так называемые «тарифные положения», которые разрабатывались профсоюзами по соглашению с работодателями и утверждались НКТ.

Отдельно следует упомянуть профсоюзы. Известно, что одним из основных направлений политики «военного коммунизма» стало «огосударствление» российских профсоюзов, наделение их рядом государственно-властных полномочий, определение их места в системе государственного управления (планировалось сделать профсоюзы неким промежуточным звеном в виде «приводного ремня» между государственным аппаратом и пролетариатом).

При переходе к НЭПу условия работы профсоюзов неизбежно претерпели изменения. «На статусе профсоюзов, – писал известный английский историк Э. Карр, – вполне закономерно сказался отказ от военного коммунизма и трудовой повинности… В условиях патентованных частных предприятий и хозрасчёта на государственных предприятиях вполне естественной казалась обязанность профсоюзов охранять интересы рабочего против нанимателя, и сторонники движения за слияние профсоюзов с государством потеряли свой самый убедительный аргумент… логическим следствием НЭПа была независимость профсоюзов от государства» [1, с. 652]. В официальном постановлении ЦК РКП (б) «О роли и задачах профсоюзов в условиях новой экономической политики» (от 12.01.1922 г.) предписывалось, что «…аппарат профсоюзов должен быть соответственно перестроен, видоизменён или дополнен (должны быть образованы конфликтные комиссии, стачечные фонды, фонды взаимопомощи и т.д.)… На профсоюзы, безусловно, ложиться обязанность защищать интересы трудящихся, способствовать, по мере возможности, повышению материального их быта…» [3, с. 438].

КЗоТ РСФСР 1922 года посвятил профсоюзам самостоятельную главу. Согласно ст. 151 Кодекса, сущность данных организаций заключалась, главным образом, в представительстве интересов трудящихся перед различными органами. Для обретения соответствующего правового статуса профсоюзы подлежали регистрации в объединениях межсоюзных организаций профсоюзов в порядке, устанавливаемом всероссийскими съездами профсоюзов. Созданные таким образом профсоюзы имели право приобретать соответствующее имущество и фактически владеть им, а также совершать от своего имени различные сделки, согласно действовавшему законодательству. Первичным профсоюзным органом являлся выборный комитет рабочих (служащих) соответствующей организации (предприятия, учреждения, хозяйства). Предметом деятельности данного комитета, в частности, являлось: а) представительство и защита интересов работников перед администрацией организации, а также перед иными организациями (правительственными, общественными); б) профсоюзный контроль за точным исполнением администрацией организации трудовых норм (по охране труда, социальному страхованию, выплате заработной платы и т.п.); в) содействие нормальной работе производства в государственных предприятиях; г) мероприятия по улучшению материального и культурного быта работников.

Кроме того, согласно идеологическим предписаниям, профсоюзам в новых условиях надлежало проявлять активность в профилактике, предупреждении и улаживании трудовых конфликтов, «с максимальными выгодами для представляемых ими рабочих групп, поскольку эти выгоды могут быть осуществлены не в ущерб другим группам и без вреда для развития рабочего государства и его хозяйства в целом…» [3, с. 439].

Следует также отметить, что, согласно ст. 49 КЗоТа РСФСР 1922 г., по инициативе профсоюза мог быть прекращён любой трудовой договор. Д. Семёнова в своей работе «Очерки трудового права» (1925 г.) интерпретировала данную норму как предоставленную профсоюзам возможность «принимать меры к очищению предприятий от явно преступного и недостойного элемента» [2, с. 44].

Новая экономическая политика потребовала существенного изменения подходов к системе оплаты труда. «Применение хозрасчёта требовало возврата к денежной экономике, и было несовместимо с любой концепцией оплаты труда как системы бесплатных пайков и социальных услуг… Трудовая философия военного коммунизма себя изжила» [1, с. 649].

Размер вознаграждения наёмного работника определялся коллективным и индивидуально трудовым договорами и не мог быть ниже обязательного минимума оплаты труда, определяемого «государственными органами для соответствующих категорий труда». Кодекс предусматривал две системы оплаты труда – сдельную и повременную.

Выдачу заработной платы для работ постоянного характера, согласно ст. 65, следовало осуществлять «не реже, чем каждые две недели». Во главу угла была поставлена денежная форма вознаграждения за труд. Однако согласно ст. 66 Кодекса, натуральная форма оплаты (предоставление жилого помещения, продовольствия, предметов первой необходимости и т.п.) могла осуществляться только при наличии в договоре (коллективном или индивидуально-трудовом) соответствующего условия. Важная норма касалась оплаты труда подростков. Так, при сокращённой продолжительности рабочего времени труд подростка следовало оплачивать из расчёта полного рабочего дня.

На практике переход от различных форм натурального обеспечения трудящихся к денежной системе отплаты труда был достаточно болезненным. В условиях инфляции российский трудящийся «ясно понимал последствия получения вместо гарантированного пайка заработной платы деньгами, имеющими неопределённую и постоянно падающую покупательную способность» [1, с. 650].

Очевидно, всплеск массовой безработицы, колоссальное социальное расслоение, денежная инфляция и другие социальные явления реальной действительности не могли не вызвать массовых протестов со стороны трудящихся. КЗоТ РСФСР 1918 г. вовсе не упоминал о трудовых конфликтах, а соответствующие негативные проявления пролетарского активизма на практике расценивались как контрреволюционные выступления и жестоко подавлялись. Напротив, КЗоТ РСФСР 1922 г. признал наличие данных социальных процессов и посвятил вопросам разрешения трудовых конфликтов отдельную главу. Более того, законодатель устанавливал возможность юридического разрешения как индивидуальных, так и коллективных (групповых) споров в сфере труда. Вместе с тем, в вышеупомянутом постановлении ЦК РКП (б) говорилось: «…Применение стачечной борьбы в государстве с пролетарской госвластью может быть объяснено и оправдано исключительно бюрократическими извращениями пролетарского государства и всяческими остатками капиталистической старины в его учреждениях, с одной стороны, и политической незрелостью и культурной отсталостью масс, с другой» [3, с. 438].

Субъектами, уполномоченными на рассмотрение и разрешение трудовых конфликтов, могли быть: народные суды, расценочно-конфликтные комиссии, примирительные камеры, третейские суды. Данные учреждения действовали на основании соответствующего правового акта, «особого о каждом из них». К подведомственности примирительных камер и третейских судов относились: а) все споры по заключению, выполнению, толкованию, изменению коллективных договоров и тарифных соглашений; б) все споры, возникавшие между сторонами трудового договора, в случае согласия на то сторон. Исключением являлись случаи нарушения трудовых норм, в результате преступного деяния (подобные дела подлежали рассмотрению в «особых сессиях народных судов»); в) в расценочно-конфликтных комиссиях рассматривались только споры, возникавшие по поводу применения коллективных (за исключением требований отмены отдельных его частей, внесения новых или дополнительных условий) и трудовых договоров.

Несмотря на отсутствие уголовной ответственности за проведение забастовок, статья 79 УК РСФСР могла применяться для реального «усмирения» забастовок на соответствующих предприятиях, выполнявших работы государственного значения. Превентивная функция по предотвращению подобных конфликтов, как было отмечено выше, возлагалась, в значительной степени, на отечественные профсоюзы. Показателем эффективности работы местного профкома стал «учёт того, в какой мере он успешно предупреждает массовые конфликты на государственных предприятиях путём предусмотрительной политики, направленной к действительному и всестороннему ограждению интересов рабочей массы и своевременному устранению поводов к конфликтам» [3, с. 440].

Следует особенно подчеркнуть, что В.И. Ленин (как главный инициатор НЭПа) до конца жизни оставался абсолютным и непревзойдённым реалистом-прагматиком. Он не разделял революционно-романтических взглядов своих многочисленных соратников. В заключительном выступлении на IV сессии ВЦИК IX созыва 31 октября 1922 года (на которой был принят новый кодекс) он достаточно объективно и нелицеприятно оценил реальное положение дел в социально-трудовой сфере. «Надо считаться с тем, что в сравнении со всеми государствами, в которых теперь идёт бешеная капиталистическая конкуренция, в которых – миллионы и десятки миллионов безработных, в которых капиталисты организуют… поход на рабочий класс, – в сравнении с ними мы наименее культурны, производительные силы у нас развиты менее всех, работать мы умеем хуже всех. Это очень неприятно, может быть, что нам приходится в этом сознаться» [3, с. 450]. Кроме того, В.И. Ленин (как главный большевистский идеолог) показал себя также в качестве незаурядного и последовательного тактика. Так, в своём, по-видимому, последнем выступлении на пленуме московского совета 20 ноября 1922 г., он, в частности, сказал: «Новая экономическая политика! Странное название. Эта политика названа новой экономической политикой потому, что она поворачивает назад. Мы сейчас отступаем, как бы отступаем назад, но мы это делаем, чтобы сначала отступить, а потом разбежаться и сильнее прыгнуть вперёд» [4, с. 434].

Примечательно, что некоторые нормы КЗоТа РСФСР 1922 года пережили десятилетия, продемонстрировали свою социальную ценность, и с успехом «перекочевали» в современное трудовое право РФ. Так, например, ст. 35 КЗоТа 1922 г. категорически запрещала работнику (нанявшемуся лицу) поручать без согласия работодателя (нанимателя) выполнение своей работы другому работнику. В свою очередь, согласно ст. 36, наниматель не мог потребовать от работника выполнения работы, не обусловленной трудовым договором, «а также работы, сопряжённой с явной опасностью для жизни или не соответствующей законам о труде».

Согласно ст. 45, если по истечении срока трудового договора трудовые отношения фактически продолжались, и ни одна из сторон требовала их прекращения, то трудовой договор переходил в разряд бессрочных.

Согласно п. 4 Общей части Кодекса, «все договоры и соглашения о труде, ухудшающие условия труда сравнительно с постановлениями настоящего Кодекса, недействительны». Согласно ст. 60, размер вознаграждения за работу в сверхурочное время не мог быть ниже «полуторного размера нормального вознаграждения за первые два часа и двойного за последующие часы…». Согласно ст. 165, администрация предприятий (хозяйств, учреждений) обязывалась предоставлять профсоюзному комитету «бесплатно необходимое помещение со всем оборудованием, отопление и освещением для занятий как самого комитета, так и общих и делегатских собраний…» [7, ст. 903].

Таким образом, нельзя не заметить, что кодификация российского трудового законодательства, предпринятая в период НЭПа, способствовала дальнейшему развитию отраслевой системы отечественного трудового права, успешному совершенствованию его основных институтов.

Библиографический список

1. *Карр Э.* История Советской России. Большевистская революция. 1917–1923. – London, 1952.

2. *Киселёв И.Я.* Трудовое право России и зарубежных стран. Международные нормы труда. – М.: Эксмо, 2005. – 608 с.

3. *Ленин В.И.* О трудовом законодательстве. – М.: Госполитиздат, 1959. – 519 с.

4. *Ленин В.И.* Избранные произведения в четырёх томах. – М.: Госполитиздат, 1988. – Т. 4. – 586 с.

5. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / под общ. ред. В.С. Нерсесянца. – М.: Норма, 2006. – 832 с.

6. Собрание Узаконений РСФСР. – 1918. – № 87–88.

7. Собрание Узаконений РСФСР. – 1922. – № 70.

УДК 347.97/99

Саакян Давид Оганесович

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

saakjandav89@mail.ru

О ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Статья посвящена вопросам определения содержания правоохранительной деятельности и субъектам, которые можно отнести к правоохранительным органам.

Ключевые слова: *правоохранительная деятельность, правозащитная деятельность, правоохранительный орган.*

До настоящего времени по вопросу о содержании, как правоохранительной функции, так и правоохранительной деятельности, органов их осуществляющих, ни в юридической литературе, ни в законодательстве определенности не имеется.

Например, относительно правоохранительной деятельности любопытное объяснение (пояснение) дает проф. К.Ф. Гуценко. «Данное понятие является сравнительно молодым. Оно введено в юридический обиход всего лишь в конце 50-х – начале 60-х гг. По сравнению с возрастом других терминов и понятий, которыми пользуются юристы, это «младенческий» возраст. Отчасти этим можно было бы объяснить тот факт, что понятие «правоохранительная деятельность» еще не устоялось» [10, с. 4].

Так, для одних специалистов-практиков данная деятельность – это то, что делается компетентными государственными органами в сфере борьбы с преступлениями и иными правонарушениями (ставится знак равенства между понятием правоохранительной деятельности и понятием борьбы с преступностью, правонарушениями). Для других – это обеспечение общественного порядка в общественных местах, на улицах, контроль над правильным проведением массовых мероприятий.

Представляется, что указанные подходы можно признать допустимыми, однако они (каждый в отдельности) существенно сужают суть самой правоохранительной деятельности. Сфера охраны права значительно шире, чем сфера борьбы с преступностью или нарушениями общественного порядка.

В то же время, ряд авторов при обозначении правоохранительной деятельности используют термин «правозащитная деятельность», соотнося их как синонимичные и тождественные понятия.

© Саакян Д.О., 2013

Другие ученые, составляющие большинство, указывают позицию, согласно которой понятия «охрана права» и «защита права» являются близкими, но не тождественными. В этой связи некоторые авторы, например, В.Н. Бутылин [5, с. 83], Л.Д. Воеводин [6, с. 111], Б.Ю. Тихонова [11, с. 15] выстраивают достаточно убедительную систему доказательств того, что содержание приведенных понятий не совпадает, обобщенно обозначая при этом правоохранительную деятельность как работу органов публичной власти по профилактике и пресечению правонарушений, а правозащитную – как деятельность, связанную с восстановлением нарушенных прав и свобод человека и гражданина.

П.В. Анисимов полагает, что под правозащитной деятельностью следует понимать деятельность, осуществляемую компетентными, правомочными субъектами, которые в рамках правозащитного производства, посредством применения организационно-правозащитных и иных регулятивно-правозащитных средств, оказывают юридически результативное воздействие на общественные отношения, возникающие из факта реализации права человека на защиту [2, с. 33]. Подобной точки зрения придерживается и Д.И. Авдеев, который полагает, что правозащитную деятельность невозможно представить без восстановления нарушенных прав.

В таком же ключе, вполне справедливо отмечает Н.И. Матузов: «Охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса – не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются. Защита есть момент охраны, одна из ее форм».

А.С. Автономов полагает, что правозащитная деятельность направлена на то, чтобы воспрепятствовать нарушению субъективного права и (или) восстановить нарушенное право [1, с. 21].

И.В. Голованов для уточнения понятия правозащитной деятельности предлагает выделить ее признаки, к которым относит следующее: во-первых, эта деятельность должна быть направлена на восстановление нарушенных прав и свобод граждан; во-вторых, в ней должны использоваться только правовые средства и способы защиты прав и интересов граждан.

Другой автор, М.Ю. Калнина, характеризует правозащитную деятельность как систематическую работу различных субъектов правозащитной структуры России (публичных государственных и муниципальных органов и непубличных институтов гражданского обществ), направленную на восстановление нарушенных прав и свобод человека и гражданина [8, с. 47].

Особо отметим изменения номенклатуры научных специальностей, среди которых специальность 12.00.11 – Судебная власть; прокурорский надзор; организация правоохранительной деятельности, переименована в «Судебную деятельность, прокурорскую деятельность, правозащитную и правоохранительную деятельность». Не вникая в полемику с учеными относительно правильности изменения специальности, заметим, что уже само отделение правоохранительной и правозащитной деятельности друг от друга еще раз подтверждает их обособленность.

А.В. Ендольцева справедливо указывает, что правозащитная деятельность пока не имеет законодательного и устоявшегося научного определения, что делает невозможным четкое формулирование как объекта исследования в рамках данной специальности, так и перечня субъектов указанной деятельности. С чем действительно стоит согласиться – четкости и определенности относительно правозащитной деятельности и в законодательстве, и в научной литературе не наблюдается.

Таким образом, на основании вышеприведенных позиций авторов можно говорить о том, что правоохранительная и правозащитная деятельность представляют собой две разных по сути категории, отличность друг от друга которых очевидна, и главным образом это выражается во времени возникновения соответствующих правоотношений – правозащитные отношения возникают только лишь после того, как право уже нарушено, и соответственно направлены на ее восстановление. Кроме того, добавим, что правоохранительная и правозащитная деятельность отличаются своим субъективным составом. Если к правоохранительным органам можно отнести довольно узкий круг субъектов, то к правозащитным – более широкий, в том числе различного рода негосударственных организаций, институтов гражданского общества.

Возвращаясь непосредственно к правоохранительной деятельности, ряд других ученых обозначают ее, как «*деятельность специально уполномоченных органов*», отмечая тем самым, что правоохранительную деятельность осуществляют не все государственные органы.

На наш взгляд, нельзя категорично говорить о том, что ее осуществляют исключительно *специально созданные органы,* поскольку правоохранительную деятельность в широком смысле выполняют практически все государственные органы, для которых она является отнюдь не первостепенной. В подтверждение сказанному приведем ряд примеров, характеризующих правоохранительную деятельность в широком смысле.

Как отмечает М.В. Комаров, правоохранительная деятельность – это деятельность всех государственных органов, обеспечивающих соблюдение прав и свобод граждан, их реализацию, законность и правопорядок. Обеспечивая режим законности, реализацию своих прав гражданами, отстаивая законные государственные интересы, они тем самым косвенно участвуют в правоохранительной деятельности, т.е. способствуют охране права от наруше-

ний. Хотя это важная, но далеко *не единственная сторона деятельности* большинства государственных органов. У них на первом плане другие задачи – хозяйственные, культурные, социальные, для решения которых они и создаются. Некоторые правоохранительные функции они выполняют наряду с осуществлением своих основных задач [9, с. 19].

Так, для капитана корабля, находящегося в плавании, функция дознания является далеко не основной, хотя по закону в случае совершения преступления пассажиром или кем-либо из членов команды он обязан возбудить уголовное дело и выполнить неотложные следственные действия по выявлению и фиксации доказательств. Данную функцию нельзя назвать основной и для воинских начальников, для работников противопожарной службы. В этом нетрудно убедиться при ознакомлении с положениями или иными правовыми актами, регулирующими статус и полномочия такого рода органов и должностных лиц.

По этому поводу вполне обоснованно следующее высказывание: «Разве в государственном аппарате есть хоть один государственный орган, который в той или иной мере не нацелен на работу по тому или иному направлению правоохранительной деятельности. Нет, таких органов не существует. Например, Министерство финансов Российской Федерации разрабатывает и проводит финансовую политику государства, посредством которой должно обеспечиваться нормальное функционирование всех его структур. При недоработках в этом важнейшем государственном деле или сбоях в финансировании регионов и отраслей промышленности, последствия бывают катастрофическими и от этого страдают, прежде всего, люди, нарушаются их права и охраняемые законом интересы» [9, с. 21].

Однако это не говорит о том, что для выполнения правоохранительной деятельности государством не создаются специальные, профессиональные органы, для которых правоохранительная функция является основной целью деятельности, наоборот, наряду с правоохранительными органами осуществляют правоохранительную деятельность и иные разнообразные государственные органы.

Не однозначен в этом вопросе и подход законодателя. Например, в статье 8 Закона «О прокуратуре Российской Федерации» определена следующая система правоохранительных органов: органы внутренних дел, органы ФСБ, органы наркоконтроля, органы таможенной службы и др.

Федеральным законом от 20 апреля 1995 года «О государственной защите судей, должностных лиц правоохранительных и контролирующих органов» указывается следующий перечень органов, которые законодатель относит к правоохранительным: прокуратура, органы внутренних дел, органы ФСБ Российской Федерации, Федеральная служба судебных приставов, Федеральная служба охраны Российской Федерации, таможенные органы, налоговая служба, органы оперативно-розыскной деятельности.

В статье 317 Уголовного кодекса Российской Федерации предусмотрена уголовная ответственность за посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа без указания на соответствующую систему.

В части 3 статьи 80 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации указывается: «…В отдельных исправительных учреждениях содержатся осужденные – бывшие работники судов и правоохранительных органов»; перечень правоохранительных органов при этом не приводится.

В этой связи некоторые авторы предлагают использование критерия при отнесении органа к правоохранительному, который бы учитывал удельный вес деятельности собственно правоохранительной направленности в общей массе полномочий конкретного органа, чтобы правоохранительная деятельность занимала значительное место в объеме его работы, не была побочной, эпизодической [7, с. 32].

С таким предложением следует согласиться, поскольку было бы разумным иметь в арсенале подобный инструмент, но в тоже время не раскрывается, что включать в этот критерий.

Нам, в свою очередь, представляется, что использовать в качестве критерия для отнесения органа к правоохранительному можно осуществление им правоохранительной деятельности как основной своей функции.

Вместе с тем, следует согласиться с мнениями авторов, которые указывают, что правоохранительный орган обязательно должен иметь возможность применения «принудительных полномочий». Исключительный характер государственного принуждения в правоохранительной деятельности проявляется в правоприменении, направленном на обеспечение реализации правовых норм и выступающим одновременно формой этой реализации. Только правоохранительные органы имеют право применять к нарушителям норм права меры юридического воздействия или санкции, т.е. принуждать правонарушителя исполнять предусмотренную в соответствующей норме права обязанность и заставлять его претерпеть неблагоприятные последствия правонарушения.

В этом же аспекте, А.Г. Братко отмечает, что критериями отнесения какого-либо органа государства к правоохранительному выступают осуществление правоохранительной деятельности и возможность применения государственного принуждения [4, с. 8].

Ю.П. Соловей именно с возможностью принуждения связывает понятие правоохранительных органов, поскольку «…своим объединением под таким наименованием они обязаны имеющейся у них возможности действовать методом принуждения» [3, с. 231].

По мнению О.И. Бекетова и В. Н. Опарина, критерием отнесения тех или иных государственных органов к числу правоохранительных является принуждение «Деятельность правоохранительных органов, очевидно, немыслима без принуждения либо реальной возможности такого принуждении для достижения определенных целей».

Итак, именно наличие подобных свойств, а именно основной для органа правоохранительной функции, а также возможность принуждения являются главными условиями при отнесении того или иного субъекта к правоохранительному.

Подобная характеристика правоохранительных органов (в узком смысле) исключает возможность отнесения к их числу нотариата и адвокатуры. Иногда к правоохранительным органам относят частные и детективные агентства. Однако если исходить из правового положения указанных субъектов, можно определить, что они относятся к коммерческим субъектам, первичной целью которых является извлечение прибыли, а не сама правоохранительная деятельность. Кроме того, в статье 1 Закона РФ «О частной детективной и охранной деятельности в РФ» установлено, что на граждан, осуществляющих частную детективную и охранную деятельность, действия законов, закрепляющих правовой статус работников правоохранительных органов, не распространяется; а в статье 3 сформулировано: «предприятиям, осуществляющим частную детективную и охранную деятельность, предоставляется право содействовать правоохранительным органам в обеспечении правопорядка, в том числе, на договорной основе»; в статье 7 этого Закона отмечаются ограничения, касающиеся сферы деятельности частного детектива. Частным детективам запрещается, например, скрывать от правоохранительных органов ставшие им известными факты готовящихся или совершенных преступлений и выдавать себя за сотрудников правоохранительных органов.

Таким образом, однозначного определения понятий «правоохранительная деятельность», «правоохранительный орган», как в законодательстве, так и в научной среде не наблюдается.

Представляется, что следует исходить из понимания правоохранительной деятельности как государственной деятельности, направленной на охрану права от каких-либо посягательств, которая может осуществляться как косвенно всеми государственными органами, так и специально созданными правоохранительными органами государства. Касаясь последних необходимо, на наш взгляд, относить к таковым лишь те государственные органы, для которых правоохранительная деятельность является основной функцией, и которые непосредственно обладают правом применения государственного принуждения. И поэтому к числу правоохранительных органов с этих позиций относятся органы прокуратуры, органы внутренних дел, органы Следственного комитета Российской Федерации, органы Федеральной службы безопасности, таможенные органы, органы ФСКН, органы ФССП, органы ФСИН.

Библиографический список

1. *Автономов А.С.* Права человека, правозащитная и правоохранительная деятельность. – М.: Фонд «Либеральная миссия», 2001. – 448 с.

2. *Анисимов П.В., Медведицкова Л.В.* Теоретико-правовые и организационные основы правозащитной системы в Российской Федерации. – Волгоград, 2006. – С. 32–33.

3. *Аврутин Ю.Е.* Государство и право. Теория и практика: учебное пособие. – М., 2007. – 441 с.

4. *Братко А.Г.* Правоохранительная система: понятие и основные элементы содержания // Проблемы развития правоохранительных органов. –М., 1994. – С. 8–11.

5. *Бутылин В.Н.* Государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан. – М., 2001. – С. 101–123.

6. *Воеводин Л.Д.* Конституционны права и обязанности советских граждан.– М., 1972. – 300 с.

7. *Городецкий П.Г.* Проблемы деятельности федеральной системы правоохранительных органов Российской Федерации: Дис. … д-ра юрид. наук. – Рязань, 2002. – С. 32–43.

8. *Калнина М.Ю.* Правозащитная деятельность государственных органов субъектов Российской Федерации: конституционно-правовое исследование: Дис. … канд. юрид. наук – М., 2009. – С. 40–49.

9. *Комаров М.В.* Правоохранительная деятельность в Вооруженных силах Российской Федерации: конституционно-правовое регулирование: Дис. канд. … юрид. наук. – М., 2002. – С. 19–27.

10. Правоохранительные органы: Учебник для вузов / под ред. проф. К.Ф. Гуценко. – М., 1995. – С. 2–4.

11. *Тихонова Б.Ю.* Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1972. – С. 10–15.

УДК 343.13

Сиверская Людмила Анатольевна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
LSiverskaya @mail.ru

ВЕДОМСТВЕННЫЙ ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ ЗА РАССМОТРЕНИЕМ СООБЩЕНИЯ О ПРЕСТУПЛЕНИИ

Статья посвящена отдельным проблемам нормативно-правового регулирования ведомственного контроля на стадии возбуждения уголовного дела.

Ключевые слова: *стадия возбуждения уголовного дела, ведомственный процессуальный контроль за рассмотрением, сообщение о преступлении.*

Законность как общеправовой идеал, положенный в основу правоохранительной деятельности любого цивилизованного общества, выступает в качестве надежной гарантии обеспечения порядка и защиты прав и интересов личности и государства. В сфере уголовного судопроизводства он облечен в форму основополагающего принципа, выработанного теорией и практикой и имеющего нормативное закрепление. Важным процессуальным средством его обеспечения на этапе досудебного судопроизводства и приоритетным направлением деятельности правоохранительных органов является ведомственный контроль.

Изучение научного аспекта позволило определить, что терминологическое понятие «ведомственный контроль» не является проблемным в теории уголовного процесса. В юридической литературе имеются различные его версии. О.А. Малышева определяет его как «контроль за своевременностью деятельности по поступившему сообщению о преступлении, состоянием регистрационно-учетной дисциплины, законностью проведения проверочных действий и обоснованностью принятия решения по первичным материалам» [13]. По мнению С.А. Табакова, «в содержание контроля входят проверка законности и обоснованности процессуальных решений, принимаемых в ходе досудебного производства» [22, с. 57]. Несмотря на то, что научные дефиниции несколько отличаются по интерпретации, они идентичны по смысловому содержанию. На первоначальной стадии уголовного судопроизводства ведомственный контроль, по мнению Ю.Н. Белозерова, осуществляется в двух формах: процессуальной и организационной [3, с. 39]. С ним солидарен С.А. Табаков [22, с. 57]. Аналогичной позиции придерживаются Г.П. Химичева [23, с. 115], В.М. Горлов [7], О.А. Малышева [13] и иные авторы.

Правовая основа ведомственного контроля представлена значительным по количеству и различными по юридической силе нормативными документами. Базовыми правоположениями являются нормы УПК РФ, регламентирующие процессуальную форму контроля. Анализ их нормативных новелл позволил определить круг должностных лиц, наделенных полномочиями по осуществлению ведомственного контроля за рассмотрением сообщения о преступлении. К числу таковых относятся: руководитель следственного органа (ст. 39 УПК РФ), начальник подразделения дознания (ст. 40.1 УПК РФ) и начальник органа дознания (ч. 2 ст. 40, ч. 4 ст. 41, ч. 1 ст. 144 УПК РФ). Свое дальнейшее развитие и детализацию нормы УПК РФ и федерального законодательства нашли в межведомственных и ведомственных нормативных актах. Мониторинг их правоположений свидетельствует о том, что предметом нормативного регулирования в большей степени является организационно-управленческая деятельность.

Проведенное исследование показало, что институт «ведомственного контроля за рассмотрением сообщения о преступлении» имеет пробелы законодательного регулирования, которые негативно влияют на практику применения. Они были допущены законодателем при внесении дополнений и изменений ФЗ РФ от 5 июня 2007 г. № 87-ФЗ и от 3 декабря 2007 г. № 323-ФЗ, расширивших объем процессуальных полномочий руководителя следственного органа по осуществлению ведомственного контроля. Существенные изменения и дополнения были внесены ФЗ РФ от 02.12.2008 г. № 226-ФЗ и от 28.12.2010 г. № 404-ФЗ. До настоящего времени эти законодательные новации являются предметом острых дискуссий в научных кругах и среди правоприменителей. Оценка их учеными-процессуалистами неоднозначна и имеет в большей степени критический оттенок, нежели безоговорочное одобрение.

Так, С.А. Табаков полагает, что «они носят негативный характер, т.к. позволяют манипулировать процессуальным статусом руководителя следственного органа» [22, с. 196]. «Ошибочным решением» считает «подмену полномочий прокурора ведомственным контролем со стороны руководителя следственного органа» Ю.С. Поспелова [16, с. 4]. По мнению Ю.П. Синельщикова, «руководители органов могут скрывать и инициировать нарушения в целях улучшения раскрываемости» [19, с. 9]. А. Лысаков предлагает «выровнять перекос между прокурорами и руководителями следственных органов, считая, что монополия в такой чувствительной сфере как возбуждение уголовного дела наносит вред» [12, с. 8].

Практические работники органов предварительного следствия и дознания, отделов и управлений

© Сиверская Л.А., 2013

УМВД РФ по Костромской области противоречивы в своих высказываниях. Результаты их опроса показали отсутствие единства мнений. Так, около 30% следователей и дознавателей считают данный шаг законодателя оправданным. Мнения руководителей органов следствия и начальников подразделения дознания отличает стереотипный подход к оценке ситуации, активная позиция защитника «корпоративных интересов». Большинство же опрошенных занимают отрицательную позицию, высказывая осторожность в суждениях. Свою точку зрения они оправдывают наличием негативных факторов, которые всегда сопровождают внедрение новаций. Так, по их мнению, руководители не были готовы к расширению «профессионального суверенитета», что на первоначальном этапе породило некую растерянность. Кроме того, они полагают, что на ослабление позиций ведомственного контроля за деятельностью на стадии возбуждения уголовного дела повлияли отсутствие практики работы в новых условиях, недостаточное организационное, методическое и профессионально-кадровое обеспечение. Влиянием административного прессинга и использованием внутренних административных рычагов объяснили это 32% следователей, 29% дознавателей и 46% руководителей. Кроме того, они считают, что отрицательную роль сыграли неспособность мобильно перестроится к работе в новых условиях и «кризис» реорганизации органов внутренних дел.

Современное состояние проблемы кроме нестабильности законодательной регламентации процессуального статуса субъектов ведомственного контроля и негативной оценки представителями научного потенциала характеризуется тем, что вопросы контроля за рассмотрением сообщения о преступлении по-прежнему объективно актуальны и носят многоаспектный характер. Бесспорно, в качестве приоритета выступает максимальное обеспечение прав и законных интересов лиц, обратившихся с сообщениями о преступлениях. Однако в правоприменительной сфере при реализация нормативных предписаний имеются неразрешенные проблемы, которые препятствуют обеспечению их действенной защиты. О слабости позиций ведомственного контроля свидетельствуют статистические данные о преступлениях и правонарушениях, совершенных должностными лицами при рассмотрении сообщения. По мнению представителей научного потенциала, «уровень нарушений законности на стадии возбуждения уголовного дела на протяжении последних лет остается стабильно высоким, имеющим тенденцию к увеличению» [1, с. 5].

Необходимость модернизации нормативных установок, регламентирующих осуществление ведомственного контроля, обусловлена кардинальным реформированием системы СК РФ, МВД РФ, их структурных подразделений, оптимизацией организационно-функционального и штатного построения, проведением полномасштабной комплексной переаттестации всего личного состава.

Исследование современного состояния ведомственного контроля объективно вызвано его непосредственным влиянием на формирование уголовно-правовой статистики, «недостоверность которой очевидна для всех и требует реформирования» [5]. Официально зарегистрированные преступления и их раскрываемость являются основными критериями системы оценочно-рейтинговых показателей результатов деятельности каждого ведомства. По мнению Б.Я. Гаврилова, достижение высоких положительных показателей стало «вопросом профессионального выживания и “обогатило” практику работы органов внутренних дел значительным опытом по укрытию преступлений от учета» [5]. Стремление правоприменителя выполнить «социальный заказ» породило явление, которому ученые-процессуалисты дали различные определения: «статистическая манипуляция» [11, с. 107] показателями преступности с целью выстраивания «красивой» статистики [10, с. 8], калибровка сообщений на этапе их приема, синдром «контролируемой регистрации преступлений» [14, с. 39], «эффект фильтра» [2, с. 46].

Среди проблем, выявленных в процессе исследования, находятся и *противоречия законодательного регулирования* процессуального статуса руководителя следственного органа, которые, по мнению ученых, «не способствуют формированию стабильной безошибочной практики» [1, с. 5]. Так, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, руководитель следственного органа уполномочен «проверять материалы проверки сообщения о преступлении или материалы уголовного дела, отменять незаконные или необоснованные постановления следователя». Недостаток данной нормы видится в том, что законодатель необоснованно сузил контролируемое пространство до «материалов проверки». Это подтверждается и мнением практических работников. Подавляющее большинство считает, что имеющиеся недостатки правовой регламентации усложняют понимание требований закона и создают трудности реализации уголовного судопроизводства. По их мнению, в нормативной новелле не нашли законодательного воплощения вопросы осуществления контроля за приемом, регистрацией и проведением проверки, при этом последние являются криминологическими детерминантами, обуславливающими существующие нарушения закона и многообразие их форм, способов и видов. Следователи и дознаватели отмечают использование законодателем в диспозиции нормативно неопределенного словосочетания «проверка материалов проверки».

Кроме того, большинство опрошенных полагают, что при формулировании диспозиции п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ законодатель допустил лексичес-

кую ошибку, использовав между словосочетаниями «материалы проверки» – «материалы уголовного дела» союз «или». Его наличие в контексте нормы автоматически меняет ее смысловое значение. Руководителю, фактически, предлагается сделать выбор из двух альтернативных вариантов проверки: или материалы уголовного дела или материалы проверки. Кроме того, правоприменители считают, что в словосочетании «проверка материалов проверки» налицо явная тавтология, которая делает норму лексически ошибочной и нормативно уязвимой.

Для устранения процессуальных пробелов и ошибок правоприменители предлагают заменить в п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ словосочетание «материалы проверки» на словосочетание «материалы рассмотрения сообщения о преступлении» и союз «или» на союз «и». Это позволит расширить правовое регулирование процессуальных контрольно-охранительных отношений на этапе рассмотрения сообщения о преступлении, устранить нормативные пробелы, вследствие чего конструкция статьи в целом станет более удачной, изложение нормативных правил последовательным.

Еще одним проблемным вопросом института ведомственного контроля за рассмотрением сообщения о преступлении являются нормативные правила, изложенные в п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ. Полагаем, что полномочия руководителя следственного органа «лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении», не бесспорны. Во-первых, данная норма изначально относилась в целом к стадии предварительного следствия и к принятию в его процессе основополагающих рубежных решений о «привлечении лица в качестве обвиняемого, об избрании в отношении подозреваемого, обвиняемого меры пресечения, о квалификации преступления и об объеме обвинения». Внесение дополнения не изменило ее суть и предназначение, т.к. акцентуация в диспозиции по-прежнему осталась на стадии предварительного следствия. Словосочетания, дополняющие норму, структурно находятся в конце нормативного правила, логически не связаны с большей частью изложенной диспозиции, что затрудняет их восприятие и понимание. Во-вторых, в соответствии с ч. 1 ст. 144 УПК РФ у руководителя следственного органа существует нормативная обязанность принять, проверить сообщение о преступлении и обозначить по нему решение, т.е. «де-юре» и «де-факто» рассмотреть сообщение. Норма, закрепленная в п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ также уполномочивает руководителя лично рассматривать сообщения о преступлении. Анализ эмпирического материала показал, что данная норма на практике не востребована, никакой инновационной идеи не несет, существенный правовой потенциал не содержит. По мнению опрошенных, в дублировании одного и того же вида деятельности при отсутствии принципиальной разницы между ними нет законодательной необходимости. Предложение об исключении анализируемого нормативного правила из диспозиции нормы высказали 78% респондентов. По мнению практиков, таковое не имеет ни нормативного, ни методического, ни практического значения и является нормативно излишним.

Аналогичная ситуация, по мнению практических работников, складывается и с таким полномочием, как «участие руководителя следственного органа в проверке сообщения о преступлении» (п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ). Столь не конкретизированное определение не вносит в нормативное правило терминологической ясности. Кроме того, ведомственные нормативные акты [17] подробно и конкретно регламентируют подобную деятельность. Каждый второй респондент считает, что полномочие, изложенное в данной норме по смыслу и содержанию аналогично п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ, т.к. «проверка материалов проверки».

Окончательное разрешение этих вопросов и устранение процессуальных пробелов и ошибок представляется: *в замене* в диспозиции п. 2 ч. 1 ст. 39 УПК РФ словосочетания «проверять материалы проверки сообщения о преступлении» на словосочетание «*проверять материалы рассмотрения сообщения* о преступлении», и союза «или» на союз «*и*»; в исключении из п. 3 ч. 1 ст. 39 УПК РФ слов «лично рассматривать сообщения о преступлении, участвовать в проверке сообщения о преступлении», сохранив в целом диспозицию действующей нормы.

Процессуальный контроль входит в сферу деятельности начальника подразделения дознания (ст. 40.1 УПК РФ) и начальника органа дознания (ст. 40 и ч. 4 ст. 41, ч. 1 ст. 144 УПК РФ). При изучении нормативных положений возникает вопрос: почему законодатель, наделяя их в полном объеме полномочиями по процессуальному контролю при проведении дознания по уголовному делу, так существенно минимизировал статус при рассмотрении сообщения о преступлении. По мнению ученых-процессуалистов, «законодательный секвестр» полномочий вышеозначенных субъектов является существенной нормативной проблемой. С.А. Табаков считает, что комплекс полномочий руководителей органа и подразделения дознания «не вполне адаптирован к специфике дознания» [22, с. 9]. Е.М. Головащук видит необходимость в «регламентации полномочий начальников органа дознания по осуществлению ими процессуального руководства по приему, регистрации и разрешению сообщения о преступлении» [6, с. 128]. По мнению С.В. Супруна, «совершенствование ведомственного контроля за производством дознания может проходить в передаче начальнику органа дознания либо начальнику подразделения дознания контрольного

права отмены незаконных решений дознавателя» [21, с. 47].

Надлежащая организация процессуального контроля напрямую зависит от полноты и конкретизации нормативного регулирования. Его пробелы детерминируют многообразие и многочисленность нарушений закона, которые совершаются должностными лицами на этапе рассмотрения сообщения о преступлении. Современное состояние проблемы характеризуется ростом фактов нарушений учетно-регистрационной дисциплины, связанных с несоблюдением сроков рассмотрения сообщения, качеством проведенной доследственной проверки, вынесением незаконных и необоснованных решений об отказе в возбуждении уголовного дела. Так, по данным ГИАЦ МВД РФ в 2010 году в системе органов внутренних дел отменено 151881 постановление об отказе в возбуждении уголовного дела с последующим их возбуждением [15].

Позиция практических работников по изучаемой проблеме нашла отражение в результатах эмпирического исследования. Мониторинг их мнений показал, что большинство сотрудников правоохранительных органов считают действующие нормы несовершенными, что негативно влияет на правоприменение.

Решение выявленной проблемы представляется в расширении полномочий руководителя органа и подразделения дознания по осуществлению процессуального контроля за рассмотрением сообщения о преступлении. В части законодательного урегулирования заслуживает поддержки предложение Ю.С. Поспеловой, которая «в основе полномочий начальников органа и подразделения дознания видит модель правового статуса руководителя следственного органа» [16, с. 11].

В части нормативной регламентации контрольных полномочий начальника органа дознания представляется правильным суждение С.А. Табакова о «закреплении процессуального статуса начальника органа дознания в отдельной норме УПК РФ и предоставлении необходимого объема процессуальных полномочий по осуществлению ведомственного процессуального контроля за деятельностью дознавателя» [22, с. 9].

Проблемным вопросом, возникающим в практике применения ведомственного контроля, является соблюдение сроков рассмотрения сообщения о преступлении. О снижении его эффективности, ослаблении позиций и формальном подходе к решению проблемы свидетельствует статистика данного вида нарушений. По данным ГИАЦ МВД РФ «в УВД по Томской области в ходе выборочной проверки выявлено более 50 материалов, рассмотренных в срок свыше 30 суток, а по 8 из них срок рассмотрения составил около 130 суток. Все выявленные материалы не нашли своего отражения в статистических формах отчетности, как рассмотренные с нарушением установленных сроков, а к виновным меры дисциплинарного воздействия не приняты» [15]. Одной из причин сложившейся ситуация является нормативный пробел, допущенный законодателем в ч. 3 ст. 144 УПК РФ, исключающий начальника органа дознания из процесса продления срока рассмотрения сообщения о преступлении до 30 суток. Нам представляется это несколько парадоксальным и нелогичным. У практических работников такая позиция законодателя вызывает непонимание и не находит логического объяснения. Большинство опрошенных считают, что начальник органа дознания должен быть наделен полномочиями по продлению срока проверки до 30 суток. Он является должностным лицом, осуществляющим непосредственное руководство деятельностью дознавателей и обладающим определенным «профессиональным и процессуальным рангом», комплексом прав, обязанностей и ответственности. К числу негативных последствий существующего нормативного пробела респонденты относят деформацию межведомственных субординационных (прокурор – дознаватель) и внутриведомственных (начальник органа дознания – дознаватель) отношений. Кроме того, практики полагают, что исключение этой процессуальной фигуры из процесса продления одновременно лишает его полноты осуществления процессуального контроля, возможности знать о принятом дознавателем решении и его основаниях, владеть информацией о складывающейся в процессе проверке ситуации. К числу негативных обстоятельств относят отсутствие возможности оперативно реагировать на нее, выявлять допущенные нарушения и принимать меры к их устранению, оказывать адресную методическую помощь и спрогнозировать перспективу проверки.

Полагаем, что мнения практических работников следует учесть, и поддержать предложение о включении начальника органа дознания в процедуру продления срока рассмотрения сообщения о преступлении до 30 суток. В связи с вышеизложенным предлагаем внести дополнения в редакцию ч. 3 ст. 144 УПК РФ следующего содержания: «При необходимости производства документальных проверок, ревизий, исследований документов, предметов, трупов руководитель следственного органа по ходатайству следователя, а прокурор по ходатайству дознавателя, ***согласованному с начальником органа дознания,*** вправе продлить этот срок до 30 суток с обязательным указанием на конкретные, фактические обстоятельства, послужившие основанием для такого продления».

Библиографический список

1. *Акперов Р.С.* Возбуждение уголовного дела в уголовно-процессуальном праве Российской Федерации: Автореф. дис. … канд. юрид наук. – Самара, 2010. – 25 с.

2. *Акутаев Р.М.* Некоторые аспекты борьбы с искусственно-латентной преступностью // Государство и право. – 1999. – №3. – С. 46–49.

3. *Белозеров Ю.Н., Марфицин П.Г.* Обеспечение прав и законных интересов личности в стадии возбуждения уголовного дела: Учебное пособие. – М.: УМЦ при ГУК МВД РФ, 1994. – 181 с.

4. *Валов С.В.* Управление органами предварительного следствия в России (теоретические и организационные основы): Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – М., 2007. – С. 15–16.

5. *Гаврилов Б.Я.* Современная уголовная политика России: цифры и факты. – М.: ТК Велби: Проспект, 2008. – [Электронный ресурс]. – Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

6. *Головащук Е.М.* Процессуальное противодействие укрытию преступлений органами внутренних дел: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Красноярск, 2003. – 21 с.

7. *Горлов В.М.* К вопросу о системе обеспечения законности при возбуждении уголовного дела // Право и жизнь. – 2006. – № 103 (13). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.law-n-life.ru/arch/n103./ (дата обращения 17.05.11).

8. *Калинин В.Н.* Кто руководит предварительным следствием? // Следователь. – 2004. – №9. – С. 48–49.

9. *Кулагин Н.И., Лемента Л.В., Карлеба В.А., Кравченко В.Г.* Ведомственный процессуальный контроль в системе предварительного следствия ОВД. – Краснодар, 2001. – 142 с.

10. *Лапин А.А.* Формирование органами внутренних дел общественного мнения о состоянии криминологической безопасности // История государства и права. – 2010. – №14. – С. 8–12.

11. *Лунев В.В.* Юридическая статистика. – М.: Юристъ, 1999. – 400 с.

12. *Лысаков А.* Затерянные в процессе // Российская газета. – 2011. – 3 ноября. – № 248 (5623). – С. 8.

13. *Малышева О.А.* Возбуждение уголовного дела: теория и практика. – [Электронный ресурс]. – доступ из СПС «КонсультантПлюс».

14. *Никитин А.М.* О некоторых концептуальных аспектах развития милиции в третьем тысячелетии // Закон и право. – 2001. – № 7. – С. 39–42.

15. Обзор ГИАЦ МВД РФ от 24.03.2010 г. № 34/2-136 ДСП «О состоянии учетно-регистрационной дисциплины и статистической работы в ОВД».

16. *Поспелова Ю.С.* Обеспечение законности уголовно-процессуальными средствами при раскрытии и расследовании преступлений: Автореф. дис. … канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2011. – 34 с.

17. Приказ СК РФ от 15 Января 2011 г. N 5 «Об установлении объема и пределов процессуальных полномочий руководителей следственных органов (следственных подразделений) системы СК РФ»; Приказ МВД РФ от 08.11.2011. №58 «О процессуальных полномочиях руководителей следственных органов»; Приказ ФСКН РФ от 11 декабря 2008 года № 34 «Об установлении объема процессуальных полномочий руководителей следственных органов ФСКН РФ); Приказ Начальника СУ ФСБ РФ от 17 января 2008 года № 7 «Об объеме процессуальных полномочий»

18. Сведения о результатах разрешения заявлений, сообщений и иной информации о происшествиях в органах внутренних дел за 2010 год ГИАЦ МВД России. – [Электронный ресурс]. – URL:.http://www.mvd.ru/userfiles/iyul_2011.pdf (дата обращения 21.03.11).

19. *Синельщиков Ю.П.* О функциях прокурора на досудебных стадиях уголовного процесса // Российский следователь. – 2008. – № 17. – С. 9–14.

20. Советский уголовный процесс / под ред. Б.А. Викторова. – М., 1975. – 416 с.

21. *Супрун С.В.* Прокурорский надзор и ведомственный контроль: соотношение и перспективы развития» // Российская юстиция. – 2011. – № 1. – С. 46–48.

22. *Табаков С.А.* Ведомственный процессуальный контроль за деятельностью следователей и дознавателей органов внутренних дел: Дис. … канд. юрид. наук. – Омск, 2009. – 225 с.

23. *Химичева Г.П.* Рассмотрение милицией заявлений и сообщений о преступлении. – М., 1997. – С. 116–122.

ЭКОНОМИКА

УДК 338.43

Губин Владимир Анатольевич
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
vldmrgbn@rambler.ru

ФЕРМЕРСКИЕ ХОЗЯЙСТВА И КРЕДИТНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье рассматриваются экономические отношения фермерских хозяйств с банковским сектором в национальном хозяйстве, отражены проблемы, препятствующие развитию как крестьянских (фермерских) хозяйств, так и сельского хозяйства в целом.

Ключевые слова: *агропромышленный комплекс; приоритетный национальный проект; кредитные отношения; крестьянское (фермерское) хозяйство.*

Возможность крестьянских (фермерских) хозяйств участвовать в процессе кредитования является важным условием их эффективной деятельности. В 2008 г. фермеры произвели 21,3% зерна от общего его сбора, 9,8% сахарной свеклы, 28,9% подсолнечника, 4,2% молока и 2,9% мяса КРС. Это свидетельствует о специализации крестьянских (фермерских) хозяйств на производстве продукции растениеводства, что характеризуется высокой степенью сезонности и еще более обостряет необходимость использования заемных средств в финансировании их деятельности. Однако с начала аграрных реформ стало понятно, что адекватная сельскохозяйственному производству кредитная система в стране отсутствует, и фермеры не имеют возможности пользоваться услугами коммерческих банков. Именно поэтому уже тогда началось накопление опыта участия государства в кредитовании крестьянских (фермерских) хозяйств. Во-первых, в 1991 г. федеральным бюджетом предусматривалось выделение средств на долгосрочное кредитование крестьянских (фермерских) хозяйств через депонирование гарантийных обязательств. Данные ресурсы предоставлялись фермерам под 11% годовых на срок до 5 лет. Вторым направлением кредитования крестьянских хозяйств стало прямое выделение бюджетных кредитных ресурсов, размер которых в 1992 г. составил 30,3 млрд. руб. Недостаток этого способа заключался в отсутствии мультипликативного эффекта. К 1992 г. относится также начало централизованного кредитования сельского хозяйства за счет прибыли Центрального Банка РФ. Кредитование производилось под полную учетную ставку ЦБ, при этом 40% кредитных ресурсов выдавались на срок до 5 лет. В фермерский сектор на эти цели было направлено 49,16 млрд. руб. Но с 1995 г. такое кредитование было прекращено из-за низкого возврата выдаваемых средств. В качестве альтернативы было начато товарное кредитование фермеров. Однако, как показала практика, применение такой схемы позволило только исключить нецелевое использование средств (да и то лишь отчасти). А высокая процентная ставка, отсутствие механизма взыскания долга и др. оставались по-прежнему не учтенными. Более того, товары, предоставляемые в кредит, как правило, оценивались выше, чем аналогичные товары на свободном рынке. Поэтому в дальнейшем было принято решение перехода к кредитованию под льготную процентную ставку [5, с. 253–257].

Тем не менее, несмотря на постепенное развитие фермерства, в отрасли достаточно много проблем, основные из которых мы рассмотрим подробнее. Одна из основных проблем является общей как для фермерства, так и для сельского хозяйства в целом. Заключается она в высоких ценах на горючее, которые делают невозможным высокорентабельное производство сельскохозяйственной продукции [1, с. 44–49]. Было предложение перевести тракторы и комбайны на газ, что по расчетам специалистов позволяет снизить затраты на горючее втрое. Однако сам парк сельскохозяйственных машин в большинстве своем выработал весь свой ресурс. Переоборудование самоходной техники на газ также требует затрат. Пути решения этой проблемы в общих чертах намечены. Правительство признает, что необходима дальнейшая поддержка технологической модернизации сельского хозяйства. Она включает приобретение новой техники, освоение комплексных, а также ресурсосберегающих агротехнологий. В российских условиях они сразу в 3–4 раза снижают себестоимость продукции. Конечно, следует не только субсидировать процентные ставки по банковским кредитам, но и компенсировать часть затрат на приобретение техники и технологий по перечню, который должен быть формализован.

Проблема притока капитала в отрасли стоит также остро, как и десять лет назад. Несмотря на то, что с введением в действие национального проекта резко расширилось льготное кредитование фермерских хозяйств, этого пока явно не достаточно. Частные банки предлагают для фермеров высокие кредитные ставки (15–16%, а в ряде случаев и до 20% годовых), и объем кредитования в годы

© Губин В.А., 2013

кризиса резко снизился. Банки не могут снизить процентные ставки, так как они не уверены в возврате кредитов, поскольку в сельском хозяйстве, где также господствуют частники, еще продолжается передел собственности, идет очередная волна сгона крестьян с земли, прямых захватов, поглощений и умышленных банкротств предприятий. Уровень притока инвестиционных ресурсов в сельскохозяйственное производство остается низким. В 2008 году объем инвестиций в основной капитал отрасли составил около 4 процентов их объема в экономике страны [2, с. 289]. В основном это связано с тем, что сельское хозяйство – отрасль экономики, подверженная большему количеству рисков, чем промышленность или сфера услуг, что сказывается на уровне инвестиционной привлекательности. В настоящее время проводится ряд мероприятий по финансовому оздоровлению сельскохозяйственных организаций, улучшению состояния почв, а также повышению их плодородия.

Проблемой являются также высокие таможенные пошлины на сельскохозяйственную технику и незащищенный внутренний рынок от демпинговых поставок продуктов питания из-за границы [7, с. 12]. Даже северные страны Западной Европы отличаются от России гораздо более благоприятными природно-климатическими условиями. Там дольше период произрастания растений, намного менее суровая зима и пр. У нас строения должны быть более капитальными, расходы на обогрев помещений много выше. Поэтому состязаться с западными производителями по эффективности сельскохозяйственного производства при прочих равных условиях российским фермерам невозможно.

Еще одна серьезная проблема, стоящая как перед фермерством в частности, так и перед сельским хозяйством в целом – взаимоотношения с торговлей. Крупные торговые сети расширяют экспансию в регионы. После их укоренения местные жители в полной мере почувствуют власть таких монополистов. Это уже не посредники, не объекты инфраструктуры, которая доводит товар до потребителя. Они могут пытаться влиять на соотношение и размещение производительных сил в регионе. Рычаг у любого монополиста в торговле продовольствием идеальный, он срабатывает в течение одного – двух дней. Прекратили поставку товаров – и местные жители оказываются почти в безвыходном положении. Такие монополии исключительно опасны для мелкого и среднего фермерства.

Нельзя не учитывать и социально-экономические проблемы сельских жителей [6, с. 39]. Необходимо строительство жилья на селе, улучшение социальных условий для крестьян. Хозяевами на селе стали крупные корпорации, не заинтересованные в процветании села. Сегодня в селе царит одна корпорация, завтра она, учитывая изменение конъюнктуры рынка, продаст свои акции. Отвлекать на жилищное строительство средства, которые можно эффективнее вложить в производство, экономически нецелесообразно; В этом плане, конечно, необходимо отметить ряд подвижек, которые наметились в связи с принятием федерального закона «Обеспечение доступным жильем молодых специалистов (или их семей) на селе». За 2007–2008 годы более 32000 молодых специалистов получили жилье, однако этих объемов в масштабах страны пока недостаточно.

Еще одна проблема, значительно затрудняющая развитие российского фермерства – это несовершенство земельной политики. 92% земель сельскохозяйственного назначения в России находятся в частном владении, но из них только 30% оформлены юридически должным образом [4, с. 14]. Проблема земельных долей, особенно в Центральной России, стоит очень остро. Появился новый вид рейдерства: приезжает группа лиц с юристами, собирает дольщиков и едет с ними регистрировать их земельную собственность, оформляют внесение долей в уставный капитал некого акционерного общества и тут же эти акции выкупают. Новые «владельцы» сообщают директору хозяйства, что земля уже не его, и на ней намечено осуществить другие планы. В этой связи необходимо законодательно ужесточить процедуру перевода земель сельхозназначения в иные категории, чтобы если не прекратить, то ограничить покупку земель с целью последующей продажи под дачи, гостиницы или зоны отдыха. Кроме того, законодательства важно совершенствовать таким образом, чтобы тот, кто работает на земле, имел преимущество. Таковы основные проблемы, которые стоят перед российским фермерством. Как мы видим, даже довольно краткое их перечисление представляет собой довольно внушительный список, в отличие от проблем фермерства развитых зарубежных стран Европы и Северной Америки. Как уже было отмечено, законы о земле и крестьянском (фермерском) хозяйстве нацеливались на перераспределение земли ради создания условий для равноправного развития различных форм хозяйствования на земле, на создание благоприятных условий для становления качественно новой формы хозяйственной деятельности – крестьянского (фермерского) хозяйства.

На основании Постановления Правительства РФ № 224 от 26 февраля 1997 г. «Об экономических условиях функционирования агропромышленного комплекса Российской Федерации в 1997 году» был образован «Специальный фонд для кредитования организаций АПК на льготных условиях». Однако порядок работы самого фонда с крестьянскими (фермерскими) хозяйствами ограничивал их доступ к его кредитным ресурсам. Сумма фактически полученных кредитов не превышала 30% от величины фермерской квоты. К 2000 г. изменяется конъюнктура рынка заемных средств, поэтому

и концепция льготного кредитования сельскохозяйственных производителей была пересмотрена. Бюджетные средства стали использовать на субсидирование процентной ставки по банковским кредитам. С 2006 г. эта практика распространяется и на малые формы хозяйствования с учетом их специфики, а также на малые предпринимательские структуры, занимающиеся несельскохозяйственными видами деятельности на селе. Но этот процесс сопряжен с определенными трудностями, одной из которых является использование механизма субсидирования, отличного от предыдущего: в 2000–2003 гг. фермеры не выплачивали подлежащие субсидированию средства, а государство перечисляло их в банк на основе трехстороннего соглашения. Сегодня же владельцы крестьянских (фермерских) хозяйств вынуждены самостоятельно оплачивать проценты, и лишь в течение трех месяцев государством осуществляется их возмещение. Другой проблемой является низкий уровень доступности кредитных ресурсов из-за отсутствия, особенно у мелких хозяйств, залогового обеспечения. Для ее решения на базе региональных и муниципальных структур создаются гарантийные фонды по линии Министерства экономического развития и торговли Российской Федерации. Но и здесь у крестьянских хозяйств возникают трудности. Процедура сложна, а условия мало выполнимы. К настоящему времени в 53 субъектах Российской Федерации созданы региональные и муниципальные гарантийные фонды. Однако они практически не применяются для обеспечения кредитов, привлеченных малыми формами хозяйствования в АПК, в связи с тем, что правила по использованию средств фондов не учитывают особенности этих хозяйств. К началу 2009 г. реально предоставлены средства для малых форм хозяйствования только в 16 субъектах Российской Федерации на сумму 12 млрд. руб., а израсходовано лишь 1,7 млрд. руб. В связи с этим целесообразно создавать гарантийные фонды, специализированные на обслуживании малых предпринимательских структур в сельском хозяйстве или определить для них льготный упрощенный порядок доступа. В настоящее время актуально звучит вопрос о расширении перечня целевых субсидируемых кредитов. Например, долгосрочными (до 25 лет) кредитами на приобретение в собственность земельных участков, находящихся в пожизненно наследуемом владении, в размере 95% средней банковской ставки. В 2006 г. в пользовании фермеров находилось 1329 тыс. га земель в пожизненно наследуемом владении. Согласно законодательным нормам, они выкупают их по цене, равной 20% кадастровой стоимости, средневзвешенное значение которой, по данным Федерального агентства кадастра объектов недвижимости Российской Федерации, по России составляло в 2006 г. 11040 руб/га. Конкуренцию коммерческим кредитным организациям на рынке заемных средств для крестьянских (фермерских) хозяйств призваны составить сельскохозяйственные потребительские кредитные кооперативы, инициаторами создания которых являются часто сами фермеры. Преимущества такой формы очевидны: значительно облегчается доступ крестьянским (фермерским) хозяйствам к кредитам, уменьшается степень невозврата кредитных средств. Поддержка этого процесса уже осуществлялась в рамках Федеральной целевой программы развития крестьянских (фермерских) хозяйств и кооперативов на 1996–2000 гг. и планировалась в федеральном бюджете на 1994–1999 гг. Но в проекте федерального бюджета на 2000 г. данные расходы не были предусмотрены из-за отсутствия нормативной базы. По той же причине практически не направлялись бюджетные ассигнования на данные цели в период реализации указанной программы, и в другие государственные программы фермерские кредитные кооперативы не включались. Новым этапом в господдержке сельскохозяйственных потребительских кооперативов фермеров можно назвать период с 2006 г., когда начал реализовываться приоритетный национальный проект «Развитие АПК», и по настоящее время. Но, как показала практика, осуществляемых мероприятий не достаточно – в сложившихся экономических условиях реально функционируют лишь 66,4% зарегистрированных кооперативов [3]. Поэтому необходимо и далее совершенствовать систему господдержки «СПоКов», особенно в период современного финансового кризиса. Кредиты, будь они краткосрочные или долгосрочные, безусловно, являются необходимым источником финансирования производственной деятельности крестьянских (фермерских) хозяйств.

Таким образом, состояние факторов, формирующих макроэкономические условия, оказывает на эффективность крестьянских (фермерских) хозяйств большое влияние и во многом определяет их специализацию, внедрение в хозяйственную деятельность инновационных технологий, состав и структуру производственных ресурсов, и, наконец, уровень дохода фермеров, членов их семей и привлекаемых наемных работников. Поэтому улучшение рыночной конъюнктуры, повышение доступности заемных и привлеченных средств в объеме, необходимом для развития производства, имеет важное значение в экономике фермерского сектора.

Библиографический список

1. *Боробов В.Г.* Рынок технологий в АПК // Экономист. – 2003. – № 12. – 82 с.

2. *Валова Д.В.* Экономика абсурдов и парадоксов: Очерки –размышления. – М.: Политиздат, 2005. – 431 с.

3. *Козлов М.П., Останкович Г.В., Манелля А.И.* О развитии малого предпринимательства в сельс-

ком хозяйстве (2005–2008 годы). – М.: ФГУ «Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации», 2009. – 115 с.

4. *Руцкой А., Радугин Н.* Продовольственная безопасность: зарубежный опыт // АПК: экономика управления. – 2008. – №2. – 87 с.

5. *Сушенцова С.С.* Экономические условия кредитования крестьянских (фермерских) хозяйств // Вестник Российского государственного аграрного заочного университета. – 2010. – №9 (14). – 298 с.

6. *Чирков Е.* Государственная поддержка и регулирование агропромышленного производства // АПК: экономика управления. – 2008. – №7. – 93 с.

7. Экономика мира. Основные направления сельского хозяйства и промышленности мировой экономики. Глобальные проблемы человечества. – М.: АСТ, 2006. – 380 С.

УДК 330

Ратькова Александра Борисовна
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
ratkova.a@yandex.ru

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ КАК ПРЕДПОСЫЛКА УСПЕШНОГО СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается проблема стратегического планирования как предпосылки успешной трансформации российской социально-экономической системы в новое состояние, отвечающее вызовам XXI века. Аргументируется точка зрения, согласно которой новый этап экономического развития требует, учитывая опыт зарубежных стран, качественного обновления стратегического планирования, его взаимосвязи с текущим планированием, как на федеральном, так и на уровне локальных экономических систем.

Ключевые слова: *государство, рынок, стратегическое планирование, текущее планирование, стратегические цели, тактические цели.*

Успешная трансформация российской социально-экономической системы в новое состояние, отвечающее вызовам XXI века, предполагает формирование и реализацию стратегического планирования на всех уровнях управления экономики. Еще в 1994 году, на опубликованную Г. Минцбергом статью о закате стратегического планирования [8, с. 12–21], И. Ансофф ответил: «Yes Henri, the original version of strategic planning is no longer with us» [1, с. 31–32]. Безусловно, первоначальная концепция стратегического планирования за время полувекового существования претерпела коренные изменения. Пожалуй, ни одна из форм реализации функций государства не подвергалась такой суровой критике и не была предметом такого пристального внимания как стратегическое планирование. Вектор движения стран с рыночной экономикой, как отмечает А. Яковлев, направлен к планированию экономических процессов на всех уровнях общественной структуры, поскольку рынок на определенной стадии своего развития порождает объективную необходимость стратегического планирования и прогнозирования в силу неопределенности рыночной среды [10, с. 12]. Очевидно, что рыночные механизмы имеют дело с множеством неизвестных, которые делают ожидания будущего очень неопределенным. Маркс называл эту неопределенность рынка «товарным фетишизмом». Кейнс в своей работе «Трактат о вероятности» исходил из несовершенства человеческих знаний о рынке и развивал теорию вероятностных суждений, с помощью которой лишь очень приблизительно можно предсказать ход событий [4]. Теория рациональных ожиданий также пытается с помощью различных способов обработки информации составить представление о перспективах на будущее [7, с. 81–659; 9, с. 83–169]. Исходя из данного контекста, отметим, что при всех концепциях рыночной экономики мы имеем дело с таким высоким уровнем неопределенности, которая делает традиционное понятие равновесной экономики весьма условным. Ситуация, когда неопределенность снижается, возникает в условиях формирования и реализации стратегического планирования, как на федеральном, так и на межрегиональном, региональном и местном уровнях. Становится возможной сознательная постановка целей социально-экономического развития и координирующее воздействие государства на реализацию целевых функций. Разделяя точку зрения А. Яковлева, В. Кушлин подчеркивает: «Нет ни одной развитой страны в мире, где бы государственное планирование и управление экономикой не было бы поставлено на деловой основе» [6, с. 69]. Есть сведения, что в США имеются стратегические разработки с горизонтом прогнозирования в 100 лет. Они охватывают весь спектр мировой динамики, но имеют очевидную привязку к интересам прогнозирующей страны. Ученые Принстонского университета США считают необходимым сохранение перспективного планирования по наиболее важным направлениям (макропропорции, бюджетно-финансовая, инвестиционная, социальная политика) [5, с. 5]. Одной из предпосылок успешного развития экономики, отмечает С. Дзарасов, является создание системы стратегического планирования, приспособленного к условиям цивилизованного рынка [3, с. 213]. Практикуемая

© Ратькова А.Б., 2013

Японией, Южной Кореей, Китаем, Вьетнамом, Индией, Бразилией и другими странами модель планирования во многом позаимствована из советской практики планирования (его положительные стороны), но не прямо, а в соответствии со специфическими условиями своей жизни. В этой связи она отличается от планирования в «командно-административной» системе. В этих странах фирмы и другие первичные звенья экономики сами разрабатывают свои текущие и перспективные планы-прогнозы, а местные и центральные органы их обобщают. В таком случае государство получает возможность видеть, что следует ожидать, и может предпринимать меры воздействия для достижения заданных целей. Главный источник роста, например, японской экономики состоял в том, что государство эффективно ею дирижировало. Для цели национального планирования (программирования) был создан специальный институт – Плановое экономическое агентство. С одной стороны, это не был советский Госплан, разрабатывающий единые на отраслевом и территориальном уровнях директивные плановые задания. С другой стороны, ничего похожего на laissez faire или невидимую руку рынка здесь тоже не было. Особенность этого института – мягкое планирование в условиях большей свободы рыночных отношений при полной прозрачности не только того, что есть, но и того, что будет через 5 или 10 лет. Японское плановое агентство прямых директив не издавало, но косвенно, с помощью цен, налогов, льгот, процентных ставок или прямого финансирования умело подстраивало экономическое развитие и рост под заранее разработанные плановые проектировки. В России, как отмечает А. Брыкин, нет действенной системы прогнозирования, планирования и оценки эффективности предпринимаемых государственным аппаратом мер, адаптированной к существующим реалиям. Свидетельство тому – прогнозы Минэкономразвития России в канун кризиса: они значительно разошлись с фактическими реалиями [2, с. 91]. Согласно теории управления, наличие стратегий и программ развития объектов всех уровней управления должно стимулировать их социально-экономическое развитие. Однако, как показала практика, наличие стратегий (различного уровня качества) еще не гарантирует достижения намеченных стратегических целей. Дело в том, что на новом этапе экономического развития приходится одновременно решать стратегические и тактические проблемы. Чтобы решить некоторую проблему, надо, по меньшей мере, знать, в чем она состоит, обнаружить само ее существование. Для этого надо определить цель развития и поставить задачу при помощи сформулированной цели. Любой экономический объект выполняет только те задачи, которые входят в систему его целей. Если мы сталкиваемся с тем, что некоторый объект не выполняет какую-либо задачу или выполняет ее недостаточно эффективно то, прежде всего, необходимо установить входит ли ее осуществление в систему его целей и как соотносится эта цель с другими целями объекта, не противоречит ли она реализации более важных с точки зрения интересов данного объекта целей. Между тем, в условиях рыночной экономики, текущие задачи слабо работают, а порой даже противоречат долговременным стратегическим замыслам. Мероприятия, заложенные в стратегических программах, все больше расходятся с текущими планами, преимущества стратегического развития нивелируются. В данном контексте следует отметить необходимость строгой взаимосвязи стратегического и текущего (оперативного) планирования. Процесс стратегического планирования может быть результативным только тогда, когда все текущие программы в основе имеют программу стратегическую. Выполнение текущей программы должно оцениваться с позиции стратегических целей и задач. Кроме того, процесс текущего планирования должен быть ориентирован не только на стратегические цели, но и на факторы, их обусловившие. Текущее планирование должно носить стратегический характер, то есть иметь в основе те же самые предпосылки, ту же самую логику, что и стратегическое планирование.

Слабая взаимосвязь между стратегическим и текущим планированием, а порой и отсутствие ее, характерны не только для экономических систем локального, но и федерального уровня, когда стратегии и программы начинают жить своей, обособленной от текущего экономического развития, жизнью. Для изменения такого положения необходимо:

1) изменить само отношение к документам стратегического характера, которые реально должны стать руководством к текущим программам;

2) повысить уровень научной проработанности стратегий и программ;

3) конкретизировать каждую программу по срокам, исполнителям и объемам финансирования;

4) выработать стратегическую логику, то есть совокупность принципов, которые предопределяют процесс разработки, содержание, понимание и формы реализации стратегии развития;

4) обеспечить контроль выполнения мероприятий.

Несмотря на имеющиеся резервы в развитии научных и методологических основ стратегического планирования, в его законодательном и организационном сопровождении реальная российская практика стратегирования пока далека от совершенства. Новый этап экономического развития требует, учитывая опыт зарубежных стран, качественного обновления стратегического планирования, как на федеральном, так и на уровне локальных экономических систем. Оно должно быть гарантированно результативным в достижении поставленных целей

реализации функций государства в динамично развивающейся экономике.

Библиографический список

1. *Ansoff H.* Comment on Henry Mintzberg's Rethinking Strategic Planning // Long Range Planing. – 1994. – Vol. 27. – № 3. – P. 31–32.

2. *Брыкин А.* Важность обратных связей государственного управления // Экономист. – 2010. – № 11. – С. 91–93.

3. *Дзарасов С.С.* Куда Кейнс зовет Россию? – М.: Алгоритм, 2012. – 304 с.

4. *Keynes J.M.* A Treatise on Probability. – London: Macmillan, 1973. – 225 c.

5. *Кушлин В.* Диапазон стратегических решений // Экономист. – 2004. – № 10. – С. 3–11.

6. *Кушлин В.* Институциональная среда инновационной модернизации // Экономист. – 2011. – № 11. – С. 65–73.

7. *Lucas R.E. and Prescot E.C.* Investment under uncertainty // Econometrica. – 1971. – № 39 (5) – P. 8–659.

8. *Mintzberg H.* Rethinking Strategic Planning. Part 1: Pitfalls and Fallacies // Long Range Planing. – 1994. – Vol. 27. – №3. – P. 12–21.

9. *Sargent T. J. and Wallace N.* Rational Expectations and the theory of economic policy. Journal of Monetary Economics 2(2). – 1976. – P. 83–169.

10. *Яковлев А.* Об использовании в России опыта новых стран в формировании «институтов развития» и стимулировании инновационного экономического роста // Вопросы экономики. – 2004. – №10. – С. 32–54.

SUMMARY

NATURAL SCIENCE

Əflatun Polad oğlu Əzizov
Institute of Zoology of National Science Academy of Azerbaijan, City of Baku
aflatunazizov@gmail.com
Süleyman Şakir oğlu Süleymanov
Institute of Zoology of National Science Academy of Azerbaijan, City of Baku
suleyman.s@mail.ru
Qaçay Kochari oğlu İsmayılov
Institute of Zoology of National Science Academy of Azerbaijan, City of Baku
qachayismayilov@box.az

Species composition and nutrition of dominant fish species of South Absheron Gulf of Caspian Sea

Ichthyofauna list of South Absheron Gulf of Caspian Sea including 33 fish species belonging to 9 families (19 marine fish species, 14 migratory and semi-migratory ones) is presented for the first time. Brief data on distribution and quantity characteristics of single species for each family are put forward. Marine fish species (Gasan-Kuli shad Alosa braschnikowi kisselewitschi Bulgakov, Sari shad Caspialosa brashnikovi sarensis Mikhailovsky, big-eyed shad Alosa braschnikowi autumnalis Berg, Enzeli shad Alosa caspia knipowitschi Iljin) tend to expand distribution northwards.

Keywords: South Absheron Gulf, ichthyofauna, biodiversity, distribution, quantity, dominant species, nutrition.

Natal'ya V. Ivanova
The Institute of Mathematical Problems of Biology of Russian Academy of Sciences, town of Pushchino, Moscow Region
natalya.dryomys@gmail.com
Maksim P. Shashkov
The Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science of Russian Academy of Sciences, town of Pushchino, Moscow Region
max.carabus@gmail.com
Irina S. Grozovskaya
The Institute of Physicochemical and Biological Problems of Soil Science of Russian Academy of Sciences, town of Pushchino, Moscow Region
irinagrozovskaya@gmail.com
Sergey A. Grozovskiy
Nekrasov Kostroma State University
sergeygrozovskiy@rambler.ru

Findings of rare herbaceous plant species on the territory of Rodino site forest district (the Mezha district, Kostroma Region)

Habitats characteristics for rare herbaceous plant species found in the basins of minor rivers Michug and Chyornaya (Rodino site forest district, the Mezha district of Kostroma Region) are put forward in the article.

Keywords: species enlisted in Red Books, habitats, south taiga, minor rivers.

Konstantin S. Sitnikov
Nekrasov Kostroma State University
snipe301@rambler.ru

The influence of environmental factors on the features of formation of biomorphs of gray alder

The article highlights the issue of influence of abiotic, biotic and anthropogenic factors on the morphogenesis of gray alder (Alnus incana L.). It describes the development features of individuals in the typical habitat, and processes of formation of xylorhizomes of gray alder.

Keywords: gray alder, polymorphism, morphogenesis, growth conditions, sucker-forming species.

Aleksandr B. Belikhov
Nekrasov Kostroma State University
abb@ksu.edu.ru
Denis L. Legotin
Nekrasov Kostroma State University
dll@ksu.edu.ru
Andrey K. Suhkov
Nekrasov Kostroma State University
suhov_andrei@mail.ru

Atmospheric pollutants distribution current computer models

The paper presents the main approaches to the construction of computer models of atmospheric phenomena. The current models of distribution in the atmosphere of pollutants, dust and pollen filter are reviewed. The advantage of the model SILAM of the Finnish Meteorological Institute is shown.

Keywords: parallel calculation, atmospheric phenomena modeling, computer modeling.

Yevgeniy Yu. Golubinskiy
The Academy of Federal Security Guard Service of the Russian Federation, City of Oryol, Russia
darzhek@yandex.ru

Methods of analytical monitoring of information-analytical material quality: main phases, structure of monitoring information

The articles deals with the methods of analytical monitoring of information-analytical material which is intended to be used in the process of the management of information production quality. The author also describes an approach for systematization and storage of the information used for analysis of information-analytical material, and the results of this analysis.

Keywords: information-analytical material, analytical monitoring of quality, information service, database, monitoring information.

Viktor V. Dolgov
Samoylov science-research institute for fertilizers and insectofungicides, Moscow, Russia
Oleg P. Akayev
Nekrasov Kostroma State University, Russia
Taisiya I. Ozerova
Nekrasov Kostroma State University, Russia
Zbigniew Wzorek
Kraków Polytechnic Institute, Republic of Poland

Study of the conversion of calcium carbonate with the help of carbon dioxide under pressure

This work is an investigation of the process of obtaining carbonate sludge concentrate rare earth elements and finely dispersed powder of calcium carbonate by the conversion of carbon dioxide under pressure. Carbonate precipitate containing calcium carbonate, and same rare earth elements is obtained as a waste product of phosphoric acid obtaining from natural phosphate rock after stage of ammonium carbonation of phosphogypsum slurry. Conversion of carbonate sludge was studied at temperature 20°C and pressure of carbon dioxide 60 to 160 atmospheres.

Keywords: phosphorites, supercritical carbon dioxide, finely dispersed calcium carbonate, rare earth elements concentrate.

Yuriy P. Kirin
Berezniki branch of Perm Russian National Research Polytechnic University, City of Berezniki, Perm Land
klu2010@mail.ru
Sergey L. Krayev
Berezniki branch of Perm Russian National Research Polytechnic University, City of Berezniki, Perm Land
ksl63@mail.ru

Support of decision making in the management of the condenser of unit of vacuum separation of titanium sponge

Known ways of management of cooling of the condenser of the device of vacuum separation of the spongy titan are analyzed. Features of the automated control of stages of process of separation are considered. The algorithm of support of decision-making in management of the condenser cooling, considering change of thermal loading of the condenser at different stages of process of separation is offered.

Keywords: spongy titan, condenser, condensate of magnesium and magnesium chloride, stage of process of separation, water and air cooling.

PHYLOSOPHY

Sergey K. Buldakov
Nekrasov Kostroma State University
kaf_filosof@ksu.edu.ru

The models of development of the European science: from the Antiquity till the New Time

The article deals with historical ways of development of the European science from the Antiquity till the New Time.

Keywords: science, philosophy, ideation, Antiquity, Middle Ages, method, knowledge, logics, education.

Zhanna S. Kalust'yants
North Caucasian Institute of Mining and Metallurgy, City of Vladikavkaz, North Ossetia – Alania, Russia
linda543@mail.ru

Effects of modernity and their implications for the society life

The article is devoted to the modern society, which has created unprecedented opportunities of realization of individual life projects. The author also reveals the inevitability of individualization, which was the cause of group values weakening, which, in turn, provoked a historically unusual confrontation between an individual and a society.

Keywords: individualization, individual and society, social group, integratedness, institutional transformations, sociocultural dynamics.

Maksim S. Kozyrev
Russian State Social University, City of Moscow
max-han@yandex.ru

Ideology in modern governmental regulating of social processes in Russia

The modern ideology used in state regulation of social processes is analyzed in the article. The Constitution of the Russian Federation, the Message of the President of the Russian Federation to Federal Assembly of the Russian Federation and other state acts act as the subject of the analysis.

Keywords: ideology, state regulation, Constitution of Russian Federation, Message of President of Russian Federation to Federal Assembly of Russian Federation.

Saniya S. Nartdinova
Akmullah Bashkir State Pedagogic University, City of Ufa, Bashkortostan
snartdinova@mail.ru

Religious tolerance as ontological essence of being

The question of problems of the current state of spiritual and moral potential of mankind, especially youth, of dependence of being in the world upon numerous factors, which are variable, is in the article. The author comes to the conclusion that religious tolerance is an topical problem of formation of humanity and tolerance around the world and for modern Russia owing to its multinational structure and multi-confessionality.

Keywords: religious tolerance, intolerance, ontology, terrorism, extremism.

SCIENCE OF CULTURE

Valeriy V. Dzyuban
Bryansk State Technical University
bryanskstudzuban@mail.ru

The Cossacks as subculture in the modern Russian society (on the problem-setting on the example of Bryansk Region)

Changes in the social environment influences the genesis of the subculture of Cossacks. The topic is

relevant for the part of Russian society which suffered state breakdown and spiritual crisis. In some regions, including Bryansk, there is the revival of the Cossack community organizations, customs and traditions.

Keywords: Cossacks, Cossack subculture, social environment, Starodub Cossack regiment.

Nikita A. Lebedev
Nekrasov Kostroma State University
ferretn@gmail.com

Logos typification in logotype

The article deals with the culturological aspects of the term «logotype». The logotype is viewed as a binary linguistic fusion of «logos» and «type». The evolution of both terms is analyzed. The semantic dominance of the typical in Logos is paid special attention to.

Keywords: logos, type, logosphere, ligature, logotype, typographics.

Anton P. Semenyuk
Tomsk Russian National Research Polytechnic University
marcelp@yandex.ru

V.V. Rozanov's doctrine about potentiality

The author of the article offers a new key to interpretation of Rozanov's philosophy. Such a fundamental binding basis of Rozanov's outlook as the potentsialistical metaphysics appears in this article. The author traces existence of these installations at different stages of Rozanov's philosophical development.

Keywords: potentiality, Russian religious philosophy, understanding.

LINGUISTICS

Nataliya P. Galkina
Nekrasov Kostroma State University
gnpav@mail.ru

Typology of construction means of conditional complex sentences in natural science texts

The article is focused on peculiarities of the Russian conjunction если ('if') in conditional complex sentences in natural science texts. The author analyses its functioning configurations contributing to specification of the meaning.

Keywords: condition, result, conjunction, meaning, hypotheticity, scientific style, subordinate clause, main clause.

Nina S. Gantsovskaya
Nekrasov Kostroma State University
gantsovsky_n@kosnet.ru

On the problem of compilation of dictionaries of patois of the Regions of Russia (following correspondence between G.G. Mel'nichenko and A.V. Gromov)

According to correspondence of the two famous dialectologists, the article concerns problems of accumulation, preliminary arranging and further lexicographical semantization of dialects in the process of formation of articles in regional dictionaries of different types.

Keywords: dialect lexis, regional dictionary, lexicography, G.G. Mel'nichenko, A.V. Gromov.

Tat'yana B. Zagrayevskaya
Pyatigorsk State Linguistic University,
City of Pyatigorsk, Stavropol Land, Russia
zagraevskaya@yandex.ru

Sociolexicographic parameterization of the English-speaking Afroetnosublanguage in the concept of E. Partridge

The article presents the results of the analysis of E. Partridge`s lexicographic concept as it is found in his «A dictionary of slang and unconventional English». A system of macro- and microstructural ethnosociolexicographic instruments to describe the genesis and usage of English Afroethnosublanguage is suggested. Also degrees of parametric activity and rank of each of the ethnosociolexicographic question are established.

Keywords: of English language, afroethnosublanguage, tools, lexicography, marker, slang, dictionary, sociolexicographical, substandard, ethnosociolexicographical.

Umuzhat A. Magomedova
Dagestani State Pedagogic University, City of Makhachkala
logika55@mail.ru

On the question of modellability of phraseological units

The article analyses different points of view on possible ways of patterning the idioms. Various vision and explanation of the term "model" in the article is revealed by the fact that its meaning differs in different fields of linguistics.

Keywords: modeling of idioms, plan of description, plan of genesis, morphologic-syntactical structure of idioms, comparative phraseology.

Lyubov' P. Mikhaylova
Karelian State Pedagogic Academy
posnm87@bk.ru

A Turkic trace in the lexicon of the North Russian dialects (чежóвина)

An attempt to define the etymology of the word чежувина, having a narrow range is made in the article. By applying a comprehensive approach to resolving questions about the origin of the word, the author draws close in semantics and phonetical form words: тежóвина and кежóвина, denoting the fabric of home production in the North-Russian dialects. The historical and ethno-linguistic facts of the involving of the Turkic word kedžm means 'blanket' into the dialects, its phonetic and semantic transformations when entering into the Russian lexical system are established.

Keywords: etymology, language contacts, dialectal vocabulary, areal phenomena.

Svetlana V. Moshcheva
Ivanovo State University of Chemistry and Technology
moshevasv@mail.ru

Paronymic attraction as means of the graphic expression (based on mass media texts)

The article is devoted to the phenomenon of paronymic attraction playing an important part in organization of mass media texts. The expressive means involved is used to reflect peculiarities of pronunciation or emotional state of the speaker and to attract attention of the reader. The author examines paronymic attraction as a type of wordplay, as well as studies the techniques of paronymic word formation.

Keywords: paronymic attraction, expressive means, word formation, mass media texts.

Oleg R. Rostov
Ivanovo State University of Civil Engineering and Architecture
olegrost@gmail.com

Lexical genre markers of V.I. Dahl's collections of Russian folk compilations "Soldiers' Leisure Activities", "Seamen's Leisure Activities", "Two Forties of Unfantastic Short Stories"

The paper presents a number of key lexical items, which played an important role in developing V.I. Dahl's idea of creating collections of folk tales and conditioned their genre, structure and axiology. In this respect, the close connection (not only formal but also semantic) between the books written for common people and oral folk literature, including such genres as a talk and a conversation, is pointed out.

Keywords: public books, clubbing together, talk, conversation, to expound.

Ol'ga N. Rumyantseva
Nekrasov Kostroma State University
olgaolga1005@mail.ru

Lexis and phraseology representing personality of monarchs of other Great Powers in the Russian song-epic poesies

The author explores language tools representing personality of other Great Powers' monarchs in the Russian song-epic poesies in the article.

Keywords: direct and indirect nominations, synonymic language tools, stable comparisons, phraseo-combinations.

Irina B. Kliyenkova, El'vira L. Shubina
MGIMO-University
elvira.shubina@mail.ru

On the issues of the substantivized expressions study (on the material of Swiss German language)

The article deals with the grammatical features of eine Art (a kind/ sort of, something like) + AdjN – tipe expressions, with the main source of material being the German language press in Switzerland. Many articles were analyzed, and as a result some differences in the structure of such expressions in the German and Swiss press have been discovered.

Keywords: substantive word combinations, types of subordination, genitive government, prepositional government, coordination, juxtapposition.

SCIENCE OF LITERATURE

Valeriya G. Andreyeva
Nekrasov Kostroma State University
lanfra87@mail.ru

Artistic world of book of feature articles by Alexander Ertel «The Steppe-Dweller's Annals»

The author of the article examines the book of feature stories by Alexander Ertel «The Steppe-Dweller's Annals» as an artistic whole analyzes the methods by which the writer manages to create a full, realistic picture of the life of the Russian people after Emancipation Reform.

Keywords: feature articles book, storyteller-narrator, antitheses system, period of Russian history after Emancipation Reform, steppe, scenery.

Yelena A. Balashova
Tsiolkovsky Kaluga State University
e-balashova@rambler.ru

Idyll genre functioning in lyrics of the 20th–21st centuries

The productivity of idyll genre in all literary movements is obvious. The idyll structure is rigidly canonical.

Keywords: modern poetry, poetic idyll, genre-making features.

Svetlana V. Golenchukova
Nekrasov Kostroma State University
s-svetlana-wg@yandex.ru

Moral and philosophical sources of intentions of the novel «Smoke» in the letters by I.S. Turgenev of 1853–1867

The article deals with the moral and philosophical origins of the crisis of perception era of stagnation, reflected in the novel by I.S. Turgenev «Smoke».

Keywords: I.S. Turgenev, epistolary heritage of 1853–1867, Yelizaveta Lambert, Pauline Viardot, Vasiliy Botkin, belief, life purpose.

Ol'ga V. Golotvina
Lipetsk Pedagogic University
golotwin@mail.ru

On the problem of folk character in the creative work of Mikhail Sholokhov and Fyodor Abramov

The author makes the analysis of key national traits, which are common for heroes of the epic novel by M.A. Sholokhov "Quietly Flows the Don" and tetralogy by Fyodor Abramov "Brothers and sisters" in the article. They are: attachment of the Russian person to the earth, responsibility for it, the management of conscience as the informal law. Female images in these works don't drop out of the general concept of the Russian national character, embody idea about moral beauty of the person.

Keywords: literary tradition, popular character, earth, conscience, diligence.

Tat'yana A. Yolshina
Kostroma State Technological University
cultural@kstu.edu.ru

Images of the Cathedral and Tower as archetypical keys to mysteries of acmeism

The images of the Tower and the Cathedral as the binary antinomical bases structuring the art world of acmeism are investigated in the article; the analysis of how Nikolay Gumilev and the acmeism school searched and found archetypical precedents to the present through intellectual analogies of the past is given.

Keywords: binary oppositions, acmeism school, Tower mythologeme, Cathedral archetype, acts against religion, conciliarism.

Alexander K. Kotlov

The genre peculiarities of "The Steppe Book" by O. Pavlov

The article examines the significance of the author's definitions of the notions "a book" and "a tale narrative" in revealing the genre and composition peculiarities of "The Steppe Book" (1998) by O. Pavlov, as well as in determining their role in the artistic and metaphysical space of the literary production.

Keywords: O. Pavlov, "The Steppe Book", "tail narrative", genre, composition, chronotop, the metaphysics of art.

Anna G. Maslova
Vyatka State University of Humanities, City of Kirov, Russia
ag.maslova@mail.ru

Mythopoetics of nychthemeron time in Russian Masonic poetry of the 18th century

The study analyzes the artistic functioning of nychthemeron time in poetry, published in the Masonic journals of the 18th century. It exposes the artistic potential of poetic images of nychthemeron time for the expression of the Masonic worldview and defines the place of Masonic mythopoetics in mythological and poetic art tradition.

Keywords: Russian poetry of the 18th century, mythopoetics, Masonic poetry, philosophic lyrics.

Yelena S. Matrosova
Ivanovo State University
matrosova_elena@bk.ru

On methods of forming image in the creative behavior of V. Mayakovsky

The article discusses the creative behavior of the poet Vladimir Mayakovsky through the prism of the modern concepts of image, tactics of self-promotion and publicity.

Keywords: image, self-promotion, creative behavior, futurism.

Nikolay G. Morozov
Nekrasov Kostroma State University

The image of the ascetic pastor in the short story of B.K. Zaytsev «Priest Kronides»

The paper determines the motifs of Russian classical literature and ancient 19th century hagiography in one of the early short stories B.K. Zaytsev «Priest Kronides».

Keywords: motif, N.A. Nekrasov, I.S. Turgenev, I.A. Goncharov, Sergius of Radonezh, «Tale of Peter and Fevronia».

Aleksandr V. Pavlov
Nekrasov Kostroma State University

Motives of behavior of character (on the base of Alexander Ostrovsky's comedy "It's a Family Affair – We'll Settle It Ourselves")

The character's name is not exhaustive, but merely sets the mood in the plays by Alexander Ostrovsky. A character can be understood in the motion of deep layers of his character in the People's poetic, religious and cultural context.

Keywords: tradition, patriarchal consciousness, folk poetry, religious and cultural context.

Vladimir V. Tikhomirov
Nekrasov Kostroma State University
vtihom@mail.ru

"Moscow literary and scientific compilations" (1846 and 1847) in the context of Russian literary criticism and journalism of 1840s

The author analyses the specific features of aesthetic and literary position in two issues of "Moscow literary and scientific compilation", published by Slavophiles in 1846 and 1847 and not yet sufficiently investigated in Russian literary critical studies.

Keywords: aesthetics and literary criticism of Slavophiles, art systems confrontation.

Aleksey V. Ustinov
Nekrasov Kostroma State University
1013801@mail.ru

The fictional and artistic directions of the Russian historical novels

This article is devoted to finding the types in the Russian historical novel based on the history of the study of the genre in Russian literary.

Keywords: Russian literature history, Soviet literature history, historical novel, historical prose genre identity, Vissarion Belinsky, Faddey Bulgarin, Mikhail Zagoskin, Sergey Petrov.

O.V. Chubukina

The originality of the Utopian component in Russian novel of the 18th century

The point of view in the article is validated, according to which a number of distinctive features of the Russian literary utopia in XVIII century, in

particular, of the Russian political novel, should not be seen in comparison with the previous works of Western European utopian tradition, but as an organic expression of the national ethical paradigm.

Keywords: utopia, antiutopia, novel, political novel, eighteenth century.

HISTORY

Teymuraz Z. Abramidze
Herzen Russian State Pedagogic University, City of Saint-Petersburg

Geographic and historic researches of Vakhushti Bagrationi (1696–1784) in the context of Georgian epoch of the 18th century

It is narrated in the article about scientific and research activity of the Georgian historian and geographer Vakhushti Bagrationi Batonishvili who lived in emigration in Moscow in the Georgian colony, continuing here the scientific activity, since 1724.

Keywords: politics, geopolitics, geography, Georgia, Vakhushti's mapping, common Caucasian historical cultural community.

Alexey M. Bazankov
Nekrasov Kostroma State University
bazankov-am@rambler.ru
Sharon Dobbs Ewing
Translator, writer from the USA
sharondewing@verizon.net
John M. Ewing
Historian, traveler from the USA
johnmewing@verizon.net

American "people's democracy" in Russia: Leningrad of year 1938 by the glance of foreigners

The article investigates the experiences of foreigners comprehending Soviet Russia in the international tour of eight European countries. Opinions of American travelers are supplemented by relevant stories of life in Leningrad in 1938 based on local periodicals.

Keywords: Leningrad, Russia by foreigners' glance, people's democracy, Russian seminar, Sherwood Eddy, athletes parade.

Mergen S. Goryayev,
Aleksandr N. Komandzhayev
Kalmyk State University
mergengoryaev@mail.ru

Legal proceedings and the right of the Kalmyks in the last third of 18th – the first quarter of 19th centuries

The article deals with the judicial system and the right of the Kalmyks after moving of the most people in 1771 to Dzungaria.

Keywords: «Их цааз» («Great Code»), Zargo Court, Viceroy of Kalmyk people, «Rules for control of Kalmyk people».

Andrey N. Kezhutin
Nizhny Novgorod State Medical Academy
fois@gma.nnov.ru, kezhutin@rambler.ru

Russian physicians against syphilis (in Russian medical periodical press in 1894–1914)

The analysis of medical journals published in 1894–1914 is conducted basing on the category of «syphilis». The methods of quantification in history allow to apply a different approach to the study of a non-standard, but a profound historic source such as latent information about syphilis.

Keywords: medical periodical press, quantification in history, latent information, syphilis.

Pavel A. Komissarov
Nekrasov Kostroma State University
pavel88-11@mail.ru

Stationery paperwork of Kostroma Spiritual Consistory in the late 19th –early 20th century

Based on the study of the complex archival sources, the author attempts to analyze the scope and nature of proceedings of Kostroma Spiritual Consistory, and to identify factors that influence the consistory in general.

Keywords: consistory, paperwork, desk, papers, documents, secretary.

Vladimir B. Lobanov
Kirov Saint-Petersburg State Forestry Technical University
lobanov19772009@yandex.ru

The civil war in the south of Russia: military leaders of the Caucasian Army of the Armed Forces of South Russia

This article discusses one of the commanders of the White Guard armies of south Russia – of the Caucasian Army in 1919–1920. The analysis of the officers of the army, which is clearly divided into three groups: the Kuban Cossack officers, officers of the Caucasian Front of the First World War, and the officers who found themselves on the territory occupied by white troops, and for whatever reason were precisely in the Caucasian Army. We summarize the activities of the two commanders (Pyotr Wrangel, Viktor Pokrovsky) and the three Chiefs of Staff (Jakow Jyzefowicz , Pavel Shatilov, Dmitriy Zigel') of the army.

Keywords: Russian Civil War, Caucasian Army, White movement, Wrangel, Pokrovsky, Shatilov.

Nikolay V. Mukhachyov
Nekrasov Kostroma State University
kpc@kmtn.ru

Licensing and Excise duties at delivering of spirits in the Upper Volga region in the 18th–19th centuries

The article is an attempt to analyze the financial strategy of Russia and its budget profits from producing, delivering and selling of spirits in the Upper Volga region at the systems of licensing and excise duty during the early 18th–19th centuries.

Keywords: licensing system, excise duty system, alcohol drinking rules, sub-contract, distilleries, spirits delivery.

Nikolay A. Myazin
Kaluga State University
sweatrod@mail.ru

The inter-ethnic conflicts in Britain in the late 20th – early 21st centuries

This article describes the emergence and development of inter-ethnic conflict in modern Britain. According to the author, Asian community causes resentment among white and black youth unwillingness to integrate.

Keywords: Britain, inter-ethnic conflict, Asians community, Black community.

Il'ya S. Nagradov
Nekrasov Kostroma State University
Nastavnik_Kim@rambler.ru

Kostroma Commission for the Investigation of Old Believers Wanderers (1850–1851)

The article discusses the history and activity of the Commission of Inquiry on the Kostroma Old Believers-wanderers. The commission's work was one of the episodes of enhanced control of the Russian government with the Old Believers in the late 1840s–mid-1850s. The Commission has worked with relatively similar commission in Yaroslavl province for long – from December 1850 until the summer of 1851 is explained by the lower prevalence of consent in the province, fewer members and, consequently, more modest results of the commission.

Keywords: government commission, Old Believers, wanderers.

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

Ol'ga S. Batulina
Shuya branch of Ivanovo State University, town of Shuya, Ivanovo Region, Russia
magnitizma@mail.ru

An introduction of the elements of museum pedagogy in the work of Ivanovo state united October Revolution history museum at the work with children in the 1980s

The process of an introduction of the elements of museum pedagogic in the period of beginning of existence of Ivanovo state united October Revolution history museum, the creation of the system for the work with children are considered in the article.

Keywords: museum, museum pedagogy, children audience, museum and children, museum educational-upbringing influence.

Vitaliy V. Bogun
Ushinsky Yaroslavl State Pedagogic University
vvvital@mail.ru

Formation of practical thinking of students of higher education institutions at research of properties of isosceles triangles with use of various means of informatization

Questions of formation of practical thinking of students of higher education institutions are considered in the offered article when using modern information technologies (the graphic calculator and the personal computer) in the course of studying of geometrical properties of isosceles triangles through a prism of integration of trigonometry and elementary geometry on the plane. The necessary mathematical calculations are developed by the author and programs on the graphic calculator and the personal computer, and also a technique of carrying out the corresponding facultative occupations are submitted.

Keywords: practical thinking, information and communication technologies, small means of informatization, graphic calculator, dynamic Internet pages, geometrical properties of isosceles triangles, integration of trigonometry and elementary geometry.

Aleksey A. Gorshkov
Vologda State Pedagogic University
alexgorshkov@inbox.ru

The study of the elements of fractal geometry at school as means of aesthetic education of students

The possibilities of fractal geometry as means of aesthetic education of students, increasing interest in the study of mathematics and computer science are considered in the article.

Keywords: fractal geometry, aesthetic education, information technology, program Adobe Flash.

Valentina N. Mel'nikova
Moscow Pedagogical State University

Volunteering development as public and pedagogical movement in the XX century

The sociohistorical aspect of formation of charity is presented in article, social and cultural and historical factors of development of volunteering in the XX century are designated.

Keywords: charity, public and pedagogical movement, charity foundations.

Tatyana V. Pushkaryova
Moscow Pedagogical State University
Valentina N. Mel'nikova
Moscow Pedagogical State University

Volunteering as voluntary charity

The basic principles of volunteering are presented in article, the historical aspect of formation of volunteering is designated, motives of implementation of voluntary activity are described, methodical recommendations about its implementation are made.

Keywords: volunteering, volunteering, volunteer activity.

Valeriy S. Sekovanov, Dmitriy P. Mironkin
Nekrasov Kostroma State University

Study of baker's map as means of creativity formation in students and pupils with distance learning using

This paper investigates the modifications of baker's map, the algorithms of attractors formation in this transformation are proposed, instructional techniques of baker's map are discovered.

Keywords: non-linearity, Julia set, fixed and periodic points.

Valeriy V. Spasennikov, Dmitriy V. Yakimenko
Bryansk State Technical University
mnto@bryansk.ru

Interdisciplinary communication of engineering pedagogy and innovation management in the development of technical thinking of students

The process of training the organization's managers on the basis of development of methods of engineering creativity in the course of innovation management with the interdisciplinary connections is considered. The experimental results of the dynamics of development of technical thinking with the integrative connections and relations of linguistic, mathematical and technical skills are given.

Keywords: structure of abilities, morphological analysis, design of experiments, test resultscontrol group, experimental group.

POLITICAL SCIENCE

Aleksandr V. Zaytsev
Nekrasov Kostroma State University
aleksandr-kostroma@mail.ru

The public sphere as a field of dialogue between the state and civil society

This article deals with the public sphere, where the communication and dialogue between the state and civil society. This view is supported by references to such Western thinkers as K.Schmidt, H.Arendt, J.Habermas, as well as the current Russian political scientists and sociologists. Through such a discourse with civil society the state power, increases its own legitimacy and the legitimacy of political decisions.

Keywords: government, civil society, the public sphere, dialogue, discourse, communication.

SOCIOLOGY

Irina V. Popova
Nekrasov Kostroma State University
pivik@list.ru
Aleksandr A. Kasatkin
Nekrasov Kostroma State University
kastikalex@yandex.ru

Informal marriage as social phenomenon

In recent years, there was sharp growth of the positive relation to informal marriage in consciousness of studying youth. Results of research of representations of studying youth about the family and marriage relations are presented in the article. Consequences for society of such form of theorganization of the premarital relations as informal marriage are shown.

Keywords: family and marriage relations, informal marriage, cohabitation, family policy.

JURISPRUDENCE

Anton V. Bukharev
Nekrasov Kostroma State University
bukharev89@mail.ru

Anti-corruption measures in the new concept of the judicial system development

The article presents the analysis of anti-corruption measures in the concept of the federal target program «Development of the Russian judicial system in 2013–2020», offers legal and organizational solutions to improve the prevention of corruption in the judiciary.

Keywords: concept, anti-corruption, court, income data.

Boris Ye. Roshchin
Nekrasov Kostroma State University
pravoborise@mail.ru

Codification of the Russian labour legislation in implementation of new economic policy

Offered work is devoted to questions of codification of the domestic legislation upon transition of the Soviet State to new economic policy. The author of article gives special attention to the analysis of basic provisions of the Code of law second in the Russian history about the work, aimed at practical realization of the new directions in the work sphere.

Keywords: new economic policy, legislation codification, labour legislation, Code of laws on work of 1922, labour agreement, labour disputes, trade unions in organization.

David O. Saakyan
Nekrasov Kostroma State University, Russia
saakjandav89@mail.ru

On law-enforcement activity and law enforcement organs in Russian Federation

The article is devoted to the questions of determination the content of the law-enforcement activity and the subject, which can be referred to the law enforcement organs, that up to the present time has no certainty in legal science.

Keywords: law-enforcement, human rights work, law enforcement body.

Lyudmila A. Siverskaya
Nekrasov Kostroma State University
LSiverskaya@mail.ru

Departmental procedure control of consideration of the message on a crime

The article deals with certain issues of legal regulation of institutional control at the stage of a criminal investigation.

Keywords: stage of criminal proceedings, departmental procedure control of consideration of message on crime.

ECONOMY

Vladimir A. Gubin
Nekrasov Kostroma State University
vldmrgbn@rambler.ru

Farmers and credit institutions in the system of economic relations

The article considers the economic relations of farms with the banking sector in national economy. The problems of preventing the development ofpeasant (farmer) households and agriculture in general are reflected. However, despite difficult economic conditions, institution of farms develops, and the output of farmer agricultural production continues growing slowly. Therefore for legislative and agrarian policy of the region and the federal authorities, it is necessary to focus considerably on increase of availability of the loan and raised funds in the volume necessary for development of production that is important in economy of farmer sector. Scope: carrying out agrarian policy in regions, the production organization in farms.

Keywords: agriculture, Russia's priority national project, credit relations, peasant (farmer) household.

Aleksandra B. Rat'kova
Nekrasov Kostroma State University
ratkova.a@yandex.ru

Strategic planning as a prerequisite for success in social and economic development

The problem of strategic planning as a prerequisite for successful transformation of the Russian socio-economic system into the new state meets the challenges of the 21st century. The point of view according to which the new phase of economic development requires, having analyzed the experience of foreign countries, qualitative renewal of strategic planning and its relationship with current planning, both at the federal and at the level of local economic systems, is argued.

Keywords: state, market, strategic planning, operational planning, strategic goals, tactical goals.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. Статьи направляются в редакцию в электронном и бумажном виде в 1 экземпляре. Электронный вариант статьи может быть представлен на диске (CD-R) или вложением в электронное письмо.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением doc. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующие требования: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Построение статьи**:

4.1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

4.2. Отрасль науки и шифр научной специальности, по которым написана статья.

4.3. Сведения об авторе:

– фамилия, имя, отчество (полностью) ***(на русском и английском языке)***;

– полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора ***(на русском и английском языке)***;

– адрес электронной почты для каждого автора;

– почтовый адрес с индексом и контактный телефон (можно один для всех соавторов);

4.4. Название статьи (сокращения в названии недопустимы) ***(на русском и английском языке)***.

4.5. Аннотация, объясняющая цель работы, актуальность проблемы (не более 6 строк) ***(на русском и английском языке)***.

4.6. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку) ***(на-русском и английском языке)***.

4.5. Текст статьи.

4.6. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется вручную).

5. **Оформление библиографического списка**:

* *Статья в журнале*: Фамилия и инициалы авторов, соавторов (до 3). Название статьи // Название журнала. – Год. – №. – С. от–до.

* *Статья в сборнике трудов*: Фамилия и инициалы авторов. Название статьи // Назв. сб. трудов. – Место издания: Издательство, год. – С. От–до (Тр. / Назв. учеб. заведения или науч. учреждения. – № вып.).

* *Монография или книга*: Фамилия и инициалы авторов. Название. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до; или Название / Под ред. Инициалы и фамилия. – Место издания: Издательство, год. – С. от–до (или число страниц в книге __с.).

* *Авторские свидетельства и патенты*: А. с. номер. Название.

* *Автореферат*: Фамилия и инициалы. Название: Автореф. дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – __с.

* *Диссертация*: Фамилия и инициалы. Название: Дис. ... канд. ... наук / Назв. учеб. заведения. – Город, год. – с.

* *Интернет источники*: Фамилия и инициалы. Название [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://... (дата обращения …).

6. **Библиографические ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например [2, т. 5, с. 25–26].

7. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – 17 тыс. знаков, включая пробелы, но не более 10 страниц машинописного текста.

8. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

9. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах tif, tiff (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

10. **Таблицы**. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и располагаются в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается.

11. **Математические и физические формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

Материалы опубликованы в авторской редакции

Компьютерная верстка А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
в Центральном территориальном управлении
Министерства Российской Федерации
по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций (г. Тверь)

Свидетельство о регистрации ПИ № 5-0022 от 26 апреля 2000 г.

Подписано в печать 25.02.2013
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 31,5 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 64.

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

Адрес редакции: **156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.**
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 39-16-04,**
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**
Отпечатано: **КГУ им. Н.А. Некрасова**

Цена свободная